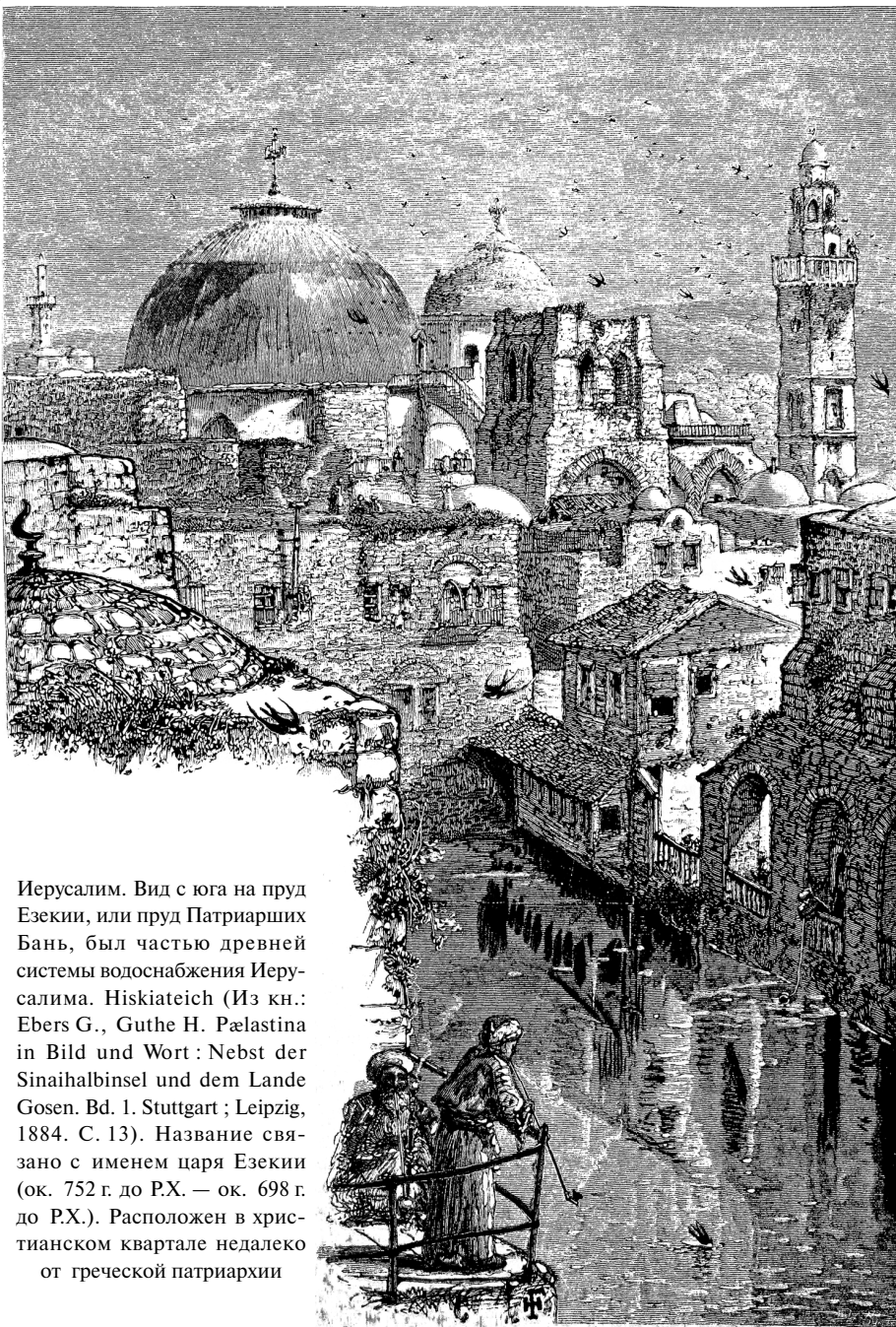

RARA ORIENTALIA

Посвящается
135-летию основания
Императорского Православного Палестинского общества

Иерусалим. Вид с юга на пруд Езекии, или пруд Патриарших Бань, был частью древней системы водоснабжения Иерусалима. Hiskiatischeich (Из кн.: Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort : Nebst der Sinaihalbinsel und dem Lande Gosen. Bd. 1. Stuttgart ; Leipzig, 1884. С. 13). Название связано с именем царя Езекии (ок. 752 г. до Р.Х. — ок. 698 г. до Р.Х.). Расположен в христианском квартале недалеко от греческой патриархии

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Россия и Палестина: научные и культурные связи

(по материалам архивных, рукописных,
книжных и музейных фондов)

Санкт-Петербург
2018

УДК 94(470+571) (082) 94(569.4) (082)
ББК ТЗ(532)0-643(2)я43+ ТТЗ(2)0-643(532)я43
Р74

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.Н. Дьяков*,
доктор исторических наук *Н.Н. Лисовой*

Р74 **Россия и Палестина:** научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов) / Библиотека РАН ; отв. ред. Н.В. Колпакова ; отв. сост. Г.З. Пумпян. — СПб. : БАН, 2018. — 412 с. : ил. — (Rara Orientalia).

Сборник «Россия и Палестина : научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов)» посвящен изучению в России Библейского региона и сопредельных стран, а также особенностям их контактов и взаимовлияний с Россией. Он включает шесть крупных разделов: I. Из истории ближневосточной ветви петербургского востоковедения (фонды, учреждения, персоналии); II. Русские путешествия в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток в целом; III. Русское и инославное присутствие в Святой Земле. Палестиноведение и церковные связи; IV. Арабские путешествия и арабские источники о России; V. Исследования Восточного Средиземноморья и сопредельных стран (средние века, современность); VI. Восток, Россия, Запад: взаимовлияния и контакты в гуманитарных областях (литературные связи, художники, музеи и коллекции). Публикации базируются на изучении материалов книжных фондов научных библиотек, прежде всего Библиотеки РАН и ее филиалов, РНБ, семи архивов и четырех рукописных фондов в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве. Также представлены материалы, основанные на изучении коллекций Музея истории религии и Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Сборник рассчитан как на специалистов-востоковедов и россиеведов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей научных и культурных связей России и Палестины, а также сопредельных стран.

Russia and Palestine : academic and cultural relations (on materials of archival, manuscript, book and museum collections) / Russian Academy of Sciences Library ; responsible editor N.V. Kolpakova ; compiler G.Z. Poupjian. — SPb. : BAN, 2018. — 412 p. : il. — (Rara Orientalia).

Reviewers: doctor in history, prof. N.N. Dyakov, doctor in history and candidate in philosophy, prof. N.N. Lisovoy.

The collection of articles is devoted to the study in Russia of Biblical region and neighboring countries, as well as the characteristics of their relations and mutual influences with Russia. It includes six major sections: I. History of the Middle East branch of St. Petersburg Oriental studies (funds, institutions, personalities); II. Russian travels to the Eastern Mediterranean, and the Middle East in general; III. Russian and non-Orthodox presence in the Holy Land. Palestinian studies and Church relations; IV. Arab travels and Arab sources about Russia; V. East, Russia, West: mutual influences and contacts in the humanitarian fields (literary connections, artists, museums and collections); VI. Studies of the Eastern Mediterranean and neighboring countries (from the Middle Ages to the Present). Publications are based on the study of book collections in academic libraries, especially Russian Academy of Sciences Library and its subsidiaries, National Russian Library, seven archives and four manuscript holdings in Moscow, St. Petersburg and Kiev. The materials based on the study of collections of two museums (Museum of history of religion and the State Museum of history of St. Petersburg) are also included. The book is intended both for specialists in Oriental and Russian studies as well as wide circle of readers interested in the history of scientific and cultural relations between Russia and Palestine and the neighboring countries.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен изучению связей России и Палестины и сопредельных стран (1) и продолжает традицию изданий Отдела литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА) БАН по раскрытию историко-культурных книжных, рукописных, архивных и музейных фондов, отражающих связи России с разными странами Востока. Наряду с Сирией, Ливаном и Иорданией историческая Палестина относится к так называемому Сиро-Палестинскому региону, который в научной литературе называют также Библейским регионом. Нередко к нему относят также Верхнюю Месопотамию и Синайский полуостров. Этот регион Восточного Средиземноморья является хранителем чрезвычайно богатого и многообразного культурно-исторического наследия. Это земля библейской традиции, родина иудаизма, христианства, третий по значимости (после Мекки и Медины) центр ислама.

Сборник включает шесть крупных разделов, характеризующих историю изучения в России стран Ближнего Востока, прежде всего Восточного Средиземноморья и сопредельных стран, а также особенности их контактов и взаимовлияний с Россией, роль в этом деле научных библиотек, ВУЗов, архивов и музеев: I. Из истории ближневосточной ветви петербургского востоковедения (фонды, учреждения, персоналии). II. Русские путешествия в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток в целом. III. Русское и инославное присутствие в Святой Земле. Палестиноведение и церковные связи. IV. Арабские путешествия и арабские источники о России. V. Исследования Восточного Средиземноморья и сопредельных стран (средние века, современность) VI. Восток, Россия, Запад: взаимовлияния и контакты в гуманитарных областях (литературные связи, художники, музеи и коллекции).

Публикации базируются на изучении и раскрытии книжных фондов научных библиотек, прежде всего Библиотеки РАН и ее филиалов, Российской национальной библиотеки, а также материалов 7 архивов в Москве и Санкт-Петербурге и 4 рукописных фондов в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве (2). В сборнике также представлены материалы, основанные на изучении лекций Музея истории религии и Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Изучение Палестины и сопредельных областей, накопление материалов о них затрагивает разные области знания и привлекает специалистов многих направлений, прежде всего востоковедов разных специализаций — арабистов, гебраистов и арамеистов, сирологов, ассириологов, а также славистов, русистов, церковных ученых, археологов, библиотекарей и библиографов. Важное место в изучении Библейского региона принадлежит библеистике и библейской археологии. Во второй половине XIX в. стала формироваться особая дисциплина — палестиноведение, занимавшееся комплексным изучением Палестины и сопредельных стран. В России первые сведения о них

появляются уже в XI в. и связаны они были с записками посещавших Святую Землю паломников и торговых людей. С 1882 г. в Сиро-Палестинском регионе начала осуществляться активная научная, благотворительная и просветительская деятельность Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), которое в советский период действовало в рамках Академии наук СССР под названием Российское палестинское общество (РПО). В последние годы в России активно изучается деятельность ИППО в Средиземноморском регионе на основе архивов.

Раздел о ближневосточном направлении петербургского востоковедения открывает подборка материалов, посвященных памяти выдающегося востоковеда-арабиста Виктора Ивановича Беляева (1902–1976), заведующего кафедрой арабской филологии Восточного факультета ЛГУ в 1951–1974 гг. (3). Любимый ученик Игнатия Юлиановича Крачковского, тонкий и чрезвычайно образованный филолог В.И. Беляев был, по общему мнению, лучшим знатоком ближневосточных рукописей в Советском Союзе, внимательным и требовательным научным руководителем. Под его руководством защитили диссертации почти все крупные представители ленинградской арабистики второй половины XX века, впоследствии сотрудники учреждений АН и университетских кафедр, арабисты из других стран. В статье А.А. Долининой (12.03.1923–16.04.2017) и В.М. Дзевановского, основанной во многом на архивных материалах Архива востоковедов ИВР РАН и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, впервые дан исчерпывающий очерк жизни и творчества В.И. Беляева и показана его огромная роль в развитии арабистики второй половины XX века (4). Этот очерк дополнен воспоминаниями М.А. Некрасовой, близко знавшей семью Беляевых. Завершают эту подборку воспоминания, объединенные общим названием «Штрихи к портрету». Это заметки учеников В.И. Беляева разных поколений, работающих или работавших ранее на ниве арабистики и семитологии в Ленинграде — Петербурге, Москве, Киеве, Хайфе, Ашхабаде.

В этот же раздел вошли также другие публикации по истории востоковедения в Ленинградском—Петербургском университете. Статья А.Н. Тагирджановой о первом декане факультета восточных языков (ФВЯ), выдающемся ученом, организаторе науки и очень яркой личности Александре Касимовиче (Мирзе Александре) Казем-Беке и преподавателе факультета Хусаине Фаизханове, об их взаимоотношениях написана с привлечением новых архивных материалов из Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и отражает также жизнь мусульманской общины Петербурга.

В статье Н.М. Баженовой, основанной на архивных документах СПб филиала Архива РАН, рассказывается об академических учреждениях Ленинграда в период блокады с осени 1941 по апрель 1942 г. и о выдающейся роли акад. И.Ю. Крачковского в этот период на посту председателя Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР. Статья Н.М. Баженовой подготовлена в рамках Архивного проекта БАН «Материалы Комиссии по делам ленинградских учреждений». Это один из научных проектов Библиотеки РАН по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне.

Несколько статей посвящены истории востоковедных библиотек и раскрытию ближневосточных фондов. Статья Г.З. Пумпян включает сведения об истории формирования книжных фондов БАН по Ближнему Востоку, начиная с редких изданий первопечатной книги на арабском языке и сочинений об арабских странах, поступивших в БАН в XVIII в. (5), о комплекто-

вании арабского фонда в Отделе литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА) со второй половины XX в. и ряде интересных изданий на арабском языке и по арабистике, а также о научной и библиографической работе в ОЛСАА БАН, международных связях. Статья Э.С. Русиновой также посвящена раннему этапу книжного знакомства в России с арабским миром в XVIII в. Речь в ней идет о редком издании в библиотеке Азиатского музея (ИВР РАН) — «Кратком повествовании об аравах» (1787 г.), одном из первых переводных сочинений в России об арабах и Аравии в русле усиливающегося интереса к Востоку в эту эпоху. В статье Г.П. Боголюбовой анализируется содержание литературно-общественного журнала арабов-эмигрантов в Северной Америке «ас-Са'их» («Путник»), хранящегося в Мемориальной библиотеке академика И.Ю. Крачковского в РНБ. Характеристика издания дана в контексте истории становления новой арабской литературы, подчеркивается роль в этом арабов-христиан, составлявших ядро эмиграции в Северную Америку.

В статье Т.А. Стецкевич изложена история формирования коллекции по исламу в Музее истории религии и дается ее подробное и систематизированное описание. Коллекция включает несколько основных комплексов (коллекция Коранов; предметы, связанные с культом ислама; предметы культуры и быта народов, исповедующих ислам; произведения живописи и графики, посвященные исламу и образу жизни мусульманских народов; предметы, связанные с домусульманскими культурами и верованиями).

В настоящем сборнике получило освещение также такое важное востоковедное направление на Восточном факультете СПбГУ, как семитология. В Петербургском университете библеистика и изучение древнееврейского, арамейского и сирийского языков начались со времени основания факультета восточных языков в 1855 г. и учреждения там особого разряда еврейско-сирийско-халдейского (арамейского) языков, который возглавил Д.А. Хвольсон (1819–1911) и который действовал наряду с арабско-персидско-турецко-татарским разрядом. Традиция изучения древнееврейского, арамейского и сирийского языков в ЛГУ/СПбГУ была почти непрерывной (6) за исключением периода 1949–1954 гг. и в течение более полувека (с 1955 по 2011 г.) продолжалась на отделении семитологии кафедры арабской филологии (7). В 2011 г. на Восточном факультете СПбГУ на базе этого отделения была выделена самостоятельная кафедра семитологии и гебраистики (в настоящее время в СПбГУ также имеются кафедра библеистики на филологическом факультете и кафедра еврейской культуры, которая является наследницей и правопреемницей Центра библеистики и иудаики при Институте философии). Развитию одного из важных семитологических направлений — арамеистики — в Ленинградском–Петербургском университете за период второй половины XX — начала XXI в. посвящена статья Ю.П. Вартанова и Г.З. Пумпян.

Описания путешествий на Восток составляют одно из важнейших направлений изучения Святой Земли и сопредельных стран и насчитывают большое количество трудов, составленных в разные эпохи путешественниками разных социальных слоев и профессий. Этот раздел открывает статья Л.А. Герд о поездке в 1857 г. по Палестине и Египту известного деятеля Русской Палестины архимандрита Антонина (А.И. Капустина, 1817–1894), главы Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1865–1894 и выдающегося ученого-археолога, написанная на основе его дневников (8). В 2017 году исполнилось 200 лет со дня рождения архимандрита Антонина.

Три статьи в этом же русле относятся к области военного востоковедения и посвящены поездкам на Ближний Восток офицеров Генштаба (статьи М.К. Басханова и Б.В. Норика), а также документам военных моряков (статья М.Е. Малевинской). В 1834–1835 гг. в Азиатскую Турцию и Сирию совершали поездки офицеры М.П. Вронченко, П.П. Львов и И.Ф. Дайнези, причем о двух последних до сих пор известно очень мало. В статье М.К. Басханова на основе архивных документов рассказывается о первой русской рекогносцировке в Азиатской Турции, Сирии и Палестине Генерального штаба подполковником П.П. Львовым. Начиная с середины XIX в. стали частыми дальние плавания русских военных кораблей, главным образом в Средиземном море и в Тихом океане. В статье М.Е. Малевинской анализируются такие документы, как рапорты, официальная переписка и личные дневники моряков рубежа XIX–XX вв., представляющие немалый интерес для исследования военно-политической ситуации, этнографических особенностей Средиземноморья. Герой статьи Б.В. Норика полковник (позже генерал) В.А. Косаговский был одним из наиболее видных командиров довольно уникального военного образования в Персии — Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады, действовавшей в Иране в 1879–1921 гг. и организованной по просьбе Насер ад-Дин-шаха русскими военными (9). Деятельность русских офицеров на Востоке показана в контексте важных политических событий того времени. Приводятся многочисленные данные об организационной стороне изучения Ближнего Востока российскими военными в XIX — начале XX в. и решаемых ими задачах (прежде всего накопление сведений для составления наиболее точной военно-топографической карты и военно-статистического описания территории).

Еще один раздел посвящен вопросам палестиноведения и истории русского и инославного присутствия в Святой Земле. На рубеже XIX–XX вв. в Палестине действовали многочисленные церковные и церковно-просветительские и благотворительные организации разных конфессий — миссии, общества, имевшие свои образовательные и медицинские учреждения, церкви, монастыри. Статья А.Г. Грушевого вводит в научный обиход три письма из Отдела рукописей РНБ секретаря Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) А.А. Дмитриевского вице-президенту общества А.А. Ширинскому-Шихматову, в которых излагаются впечатления А.А. Дмитриевского от его инспекционной поездки на Восток с целью улучшения жизни паломников. В письмах описаны подворье Синайского монастыря и ужасающие условия проживания там русских паломников. Статья И.Ю. Смирновой посвящена истории американского религиозного присутствия на Христианском Востоке, впервые публикуются документы из Российского государственного исторического архива по этим вопросам. Показано, что прозелитическая активность западных держав подтолкнула МИД России к учреждению Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Задача изучения арабоязычных источников по истории России традиционно рассматривается как одна из ведущих в нашем востоковедении. Еще в программном докладе патриарха отечественной арабистики акад. И.Ю. Крачковского на I Сессии арабистов в 1935 г. она закономерно была названа среди основных задач отечественной арабистики и неизменно остается одним из приоритетных направлений и в настоящее время. В 1931 г. И.Ю. Крачковский стал председателем Комиссии АН СССР по составлению свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. В состав сборника вошли три статьи в русле этого актуального направления. Две из них посвя-

щены исследованию памятника христианско-арабской литературы XVII в. «Путешествие патриарха Макария Антиохийского», написанного его сыном Павлом Алеппским, и одна статья — о сочинении шейха ат-Тантави о России, созданном в середине XIX в. Рукопись Павла Алеппского — одно из наиболее любопытных сочинений христианско-арабской литературы и по особому языку, носящему многие диалектные черты, и как источник о России, Украине, Молдавии и Валахии. Известны разные списки рукописи этого памятника, из которых наиболее полными принято считать Лондонский, Парижский и Петербургский. В научный обиход введена также и Киевская рукопись, которая в настоящее время хранится в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА), в особом архиве проф. О. Прицака.

Изучение христианско-арабской литературы было одним из заметных направлений Петербургской арабистики, которое, несмотря на идеологические преграды, не прерывалось совсем и в советский период (преимущественно после 50-х гг.) и в сферу интересов которой входило и сочинение о путешествии Макария Антиохийского в Московскую Русь в середине XVII в. (10). В настоящем сборнике в статье Г.З. Пумпян памятник рассматривается как источник по истории, исторической географии и этнографии Московской Руси с использованием Петербургской рукописи ИВР РАН 1700 г. Путешественники были свидетелями важных событий этой эпохи. Памятник насыщен материалами, связанными с церковной тематикой и описанием церквей и богослужений. В то же время он содержит большое количество живых деталей о повседневной жизни и укладе Московской Руси, ее главных политических и церковных деятелях, вопросах внешней политики и контактах с зарубежными странами и конфессиями, отношении к иностранцам, об общественном и частном быте России, ее народах, о постройках, природе, торговле, войсках. (Приведены фрагменты арабского текста рукописи). Среди известных списков рукописи путешествия Макария в литературе упоминался и Киевский список, привезенный А.Е. Крымским из Ливана, о котором он писал еще в 1912 г. Однако этот список надолго выпал из научного обихода. В статье сотрудницы Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины Ю.В. Петровой излагается история бытования и изучения Киевского списка рукописи, проделан его подробный анализ, включая структурные особенности, названы перспективы исследования. Делается сопоставление его содержания с содержанием рукописи Архива МИД по переводу Г.А. Муркоса, при этом приводятся большие фрагменты оригинального текста из Киевского списка. Еще один памятник о России, рассматриваемый в настоящем сборнике, — сочинение профессора Санкт-Петербургского университета в 1840–1861 гг. египетского шейха ат-Тантави (1810–1861) «Tuḥfat al-azkiyā' bi aḥbār bilād rūsiyā», то есть «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» («Описание России»; 1850 г. Рукопись РНБ). До недавнего времени памятник изучался скорее с филологической точки зрения. В статье М.В. Ереминой впервые обращено внимание именно на историко-содержательную сторону этого сочинения. Показано восприятие ученым египтянином из мусульманской среды таких сторон русской жизни, как положение женщины, брак, праздники, еда, образование и пр. (11).

В разделе об исследованиях Восточного Средиземноморья и сопредельных стран помещены две статьи литературоведческого плана (в соответствии с хронологией описываемых явлений литературы) и статья по педагогике. Статья

Л.А. Петровой посвящена особенностям испано-арабской строфической поэзии и затрагивает также вопросы взаимосвязей культур Востока и Запада, а именно влияние испано-арабской поэзии на провансальскую поэзию трубадуров. В центре исследования — заджалъ поэта XII в. Ибн Кузмана (12). Эта тема вызывает большой интерес в арабистической среде, особенно в Испании. В СССР и позже в России также были и другие публикации по этой тематике, в частности, можно отметить статьи Б.А. Куделина (13). Статья Максима Йосефи базируется на современном материале и рассматривает особенности современной бедуинской поэзии обитателей пустыни Неgev в Израиле в условиях перехода от традиционного кочевого общества к современным условиям жизни в городской среде («Сохранение поэтических форм в отрыве от традиционной культуры — опыт бедуинов Негева»). Автор еще одной статьи этого раздела Джамиль Абу Аджадж является профессиональным педагогом: он отвечает за подготовку учителей для работы с детьми со специальными потребностями в педагогическом колледже «Кей» (Беэр-Шева) (14). Его статья посвящена развитию образования для девочек в бедуинском обществе Негева в процессе перехода от традиционного общества к модернизации. Особое внимание обращается на организацию образования для девочек со специальными потребностями.

Весьма обширен раздел, посвященный взаимовлияниям и контактам Арабского мира с Россией и странами Запада в разных гуманитарных областях. В статье А.Н. Хохлова (1926–2015), старейшего специалиста по изучению архивных источников по Востоку, приведены материалы о впечатлениях русских художников В.В. Верещагина и И.Е. Репина от их поездок в Палестину, извлеченные из архивов внешней политики Российской империи, Академии художеств в Петербурге, Отдела рукописей Государственной Третьяковской галереи, а также из российской дореволюционной периодики. В этом разделе также имеются публикации о музейных коллекциях по Христианскому Востоку и исламу, а также работы библиографического плана в соответствии с одним из приоритетных направлений работы Библиотеки РАН. В публикации О.Н. Егоровой впервые охарактеризованы изобразительные материалы по Библейскому региону, хранящиеся в фонде живописи и графики городов мира (ФГГМ) Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Это собрание было сформировано на основе поступлений из разных частных коллекций и почти не известно исследователям. Приведен краткий очерк истории создания музея и формирования коллекций, дается аннотированный перечень художественных иллюстрированных изданий из ФГГМ, включающих виды мест и памятников, упомянутых в Ветхом и Новом заветах Священного писания (15). Публикация Т.Н. Лебединской посвящена материалам популярного иллюстрированного журнала второй половины XIX в. «Всемирная иллюстрация». Библиографирование журнала осуществлялось ею в рамках плановой работы ОЛСАА БАН по выявлению материалов по Востоку в русских периодических изданиях. Для публикации в настоящем сборнике отобран библиографический список гравюр и текстов в этом издании, посвященных Восточному Средиземноморью и Святым Местам (всего 53 библиографических описания, около 70 иллюстраций). Предваряет эту публикацию введение, в котором даны основные сведения о журнале и констатируется его роль в популяризации знаний о Востоке. В этом же разделе представлены переводы арабской поэзии на русский язык и русской классики на арабский, при этом приводятся параллельно тексты

на русском и арабском языках. Это перевод патриарха современной арабистики А.А. Долининой одного из заджалей Ибн Кузмана, крупного представителя испано-арабской поэзии XI–XII вв., переводы известного современного сирийского поэта Низара Каббани, выполненные Л.А. Петровой, и переводы на арабский язык Назима М. Хамуда произведений М.Ю. Лермонтова, имеющих отношение к христианской тематике — «Ветка Палестины», отрывок из поэмы «Демон». (Приведены также соображения переводчика об особенностях перевода на арабский язык некоторых христианских терминов, встречающихся в поэтических текстах М.Ю. Лермонтова).

Завершает сборник раздел «Pro temoга», посвященный памяти арабистов и семитологов Восточного факультета и сотрудников ОЛСАА, специалистов по Ближнему Востоку.

В конце сборника имеются пронумерованные иллюстрации с краткими подрисовочными надписями и отдельно список иллюстраций с более полным комментарием к ним, в том числе и из личных архивов и фондов разных учреждений, часть из них публикуется впервые (принята сквозная нумерация). За предоставленные фотографии хотелось бы выразить благодарность сотрудникам и руководству Института восточных рукописей РАН, Государственного музея истории религии, Отделу Востока Государственного Эрмитажа, а также М.А. Некрасовой, В.М. Дзевановскому, Н.Н. Дьякову, Назиму М. Хамуду, Р.Ш. Шарафутдиновой, М. Йосефи, А.В. Савельевой.

В подготовке сборника «Россия и Палестина» большую помощь оказали Редакционно-издательский отдел БАН под руководством О.В. Холмогоровой, ответственный редактор Наталия Владимировна Колпакова и редактор сборника Ольга Георгиевна Юдахина, за что им особая благодарность.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность рецензентам сборника — зав. кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ профессору Николаю Николаевичу Дьякову и главному научному сотруднику Института истории РАН, зам. председателя ИППО Николаю Николаевичу Лисовому, высказавшим полезные и ценные замечания по работе над сборником. Также хотелось бы выразить благодарность коллегам из БАН и специалистам, содействовавшим работе.

Трагические события в Сирии последнего времени вызывают особенно пристальный интерес к Сиро-Палестинскому региону, хранителю богатого культурного наследия. Надеемся, что выход в свет сборника статей «Россия и Палестина» окажется своевременным и он будет востребован как специалистами-востоковедами и россиеведами, так и широким кругом читателей, интересующихся историей научных и культурных связей России и ареала Восточного Средиземноморья.

Г.З. Пумпян

(1). Палестина — историческая область в Передней (Западной) Азии, на восточном побережье Средиземного моря. Пл. Палестины ок. 26 тыс. км². В настоящее время территория исторической Палестины охватывает государство Израиль (с Палестинской автономией, официальное название по-арабски: ас-султа ал-ватанийя ал-фаластинийя (Палестинская национальная администрация, или ПНА). В Палестинскую автономию входят области Западного берега реки Иордан (значительная часть которого находится под контролем Израиля), а также сектор Газа (на побережье Средиземного моря) и северо-запад Хашимитского Королевства Иордания (восточнее р. Иордан).

(2). В том числе: Центральный государственный исторический архив, Российский государственный военно-исторический архив, Архив внешней политики Российской империи в Москве, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, Российский государственный военно-морской архив и Архив Академии художеств в Санкт-Петербурге (современное название: Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств), Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН и Отдел рукописей РНБ в Петербурге, Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (Москва) и особый архив проф. О. Прицака в Национальном университете «Киево-Могилянской академии» в Киеве (особовий архів проф. О. Прицака в Національному університеті «Кієво-Могилянській академії» (НаУКМА).

(3). Фактически В.И. Беляев стал руководить кафедрой в 1951 г. после смерти акад. И.Ю. Крачковского, но официальное утверждение в должности состоялось в 1953 г.

(4). Для А.А. Долининой подготовка и публикация материалов памяти ее учителя В.И. Беляева была важным делом последних лет ее жизни. С такой же готовностью ею были написаны для сборника краткие очерки о недавно ушедших преподавателях Восточного факультета — К.О. Юнусове, Г.М. Глускиной, О.Б. Фроловой. К сожалению, Анна Аркадьевна не дождалась выхода сборника в свет. На Пасху 16 апреля 2017 г. Анны Аркадьевны Долининой не стало.

(5). В частности, раскрыты некоторые малоизвестные названия изданий в одном из первых библиографических трудов БАН — книге «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...» унтер-библиотекаря И. Бакмейстера.

(6). После расформирования в 1919 г. факультета восточных языков семитологи продолжали работать на отдельных кафедрах сменяемых друг друга в плане реорганизации факультетов, а в 1933 г. была организована кафедра семито-хамитских языков (позже ассириологии и гебраистики) в ЛИФЛИ в составе ЛГУ, которая затем вошла в состав Восточного факультета. Кафедрой заведовали в 1933—1945 гг. А.П. Рифтин (1900—1945) и позже в 1945—1949 гг. — И.Н. Винников (1897—1973).

(7). В Советском Союзе семитологическое направление было также на кафедре семитологии Тбилисского государственного университета.

(8). Издание полного текста дневника за 1850 г. осуществлено в 2013 г.: *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1850 / изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2013. (См.: ст. Л.А. Герд, наст. сб.). Ранее был издан его же дневник за 1881 г.: *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1881 / изд. подгот. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова / под ред. Н.Я. Шапова. М., 2011.

(9). Официальное название его должности — заведующий обучением персидской кавалерии.

(10). В предвоенный период с 20-х гг. изучение христианско-арабских материалов было закрыто, но уже после войны наблюдается некоторое оживление в этой области. Так, уже во второй половине XX в. были опубликованы (в 50-е гг.) основополагающие статьи И.Ю. Крачковского о «Путешествии Макария Антиохийского» (см.: Избр. соч. в 6 т. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 269—272 и Избр. соч. в 6 т. Т. 4. М.; Л., 1957. С. 687—705.). Речь об этом сочинении идет также и в статье В.И. Беляева «Арабская историческая диалектология и арабские рукописи в Ленинграде» (см.: *Вопр. филологии стран Азии и Африки*. Л., 1973. Вып. 2. С. 3—9.). Позже на Восточном факультете ЛГУ была защищена кандидатская диссертация Г.З. Пумпяна «Диалектизмы в “Путешествии патриарха Макария Антиохийского”» (1982), посвященная лингвистическому анализу этого памятника. В русле изучения арабов-христиан были написаны и защищены диссертация М.А. Родионова «Марониты Ливана» (1975) и диссертация В.В. Салтановой «Арабская версия “Евангелия от Варнавы” в истории исламо-христианского диалога». (2000). Сиролог А.В. Пайкова выступила с докладом об основных сочинениях христианско-арабской литературы на юбилейной конференции памяти И.Ю. Крачковского в 1983 г. (См. Прил. в изд.: Игнатий Юлианович Крачковский (1883—1951): биобиблиогр. указ. СПб., 2007. С. 197—200). В 1999 г. была опубликована статья А.А. Долининой о формировании коллекции христианско-арабских рукописей ИВАН и в 2007 г. — ее же статья о материалах по христианско-арабской литературе в архиве И.Ю. Крачковского. (См. : *Россия и араб. мир : сб. статей*. Вып. 5. СПб., 1999. С. 63—68 и *Россия и араб. мир : сб. статей*. Вып. 10. СПб., 2007. С. 72—78). Наконец, в 2015 г. был издан том И.Ю. Крачковского, включающий его труды первой половины XX в. по Христианскому Востоку, не вошедшие в собрание избранных сочинений (*Крачковский И.Ю.* Труды по истории и филологии христианского Востока / сост. тома А.А. Долинина; сост. разд. П.С.А. Французов; при участии в подготовке тома

Вал.В. Полосина, Л.И. Николаевой, А.Х. Юлгушевой. М. : Наука, Вост. лит., 2015. 901 с. (Классики отечественного востоковедения.)

(11). Автором статьи была защищена диссертация о сочинении ат-Тантави как источнике сведений о России «Египетский шейх ат-Тантави и Россия николаевской эпохи (1840–1850)» (2014).

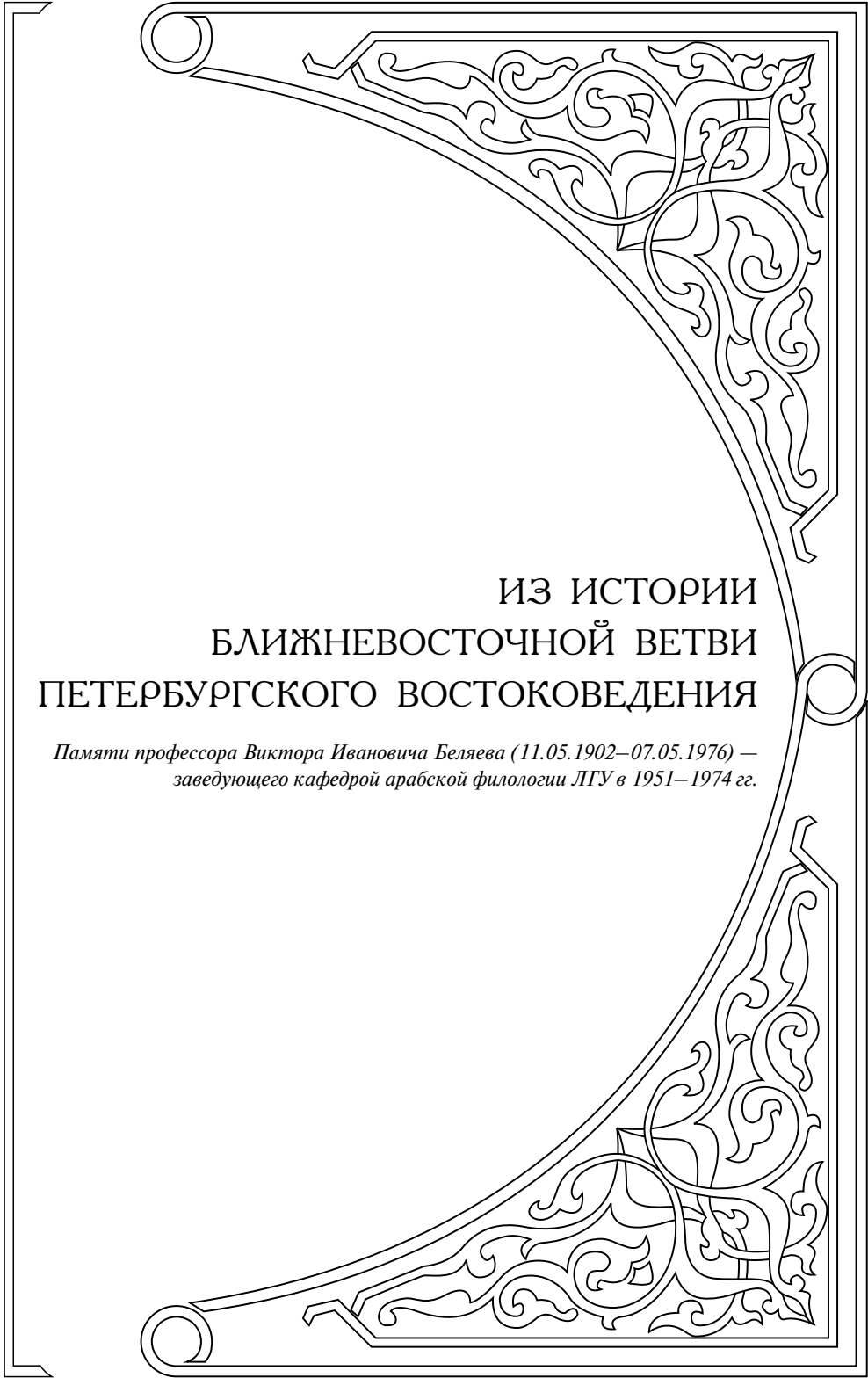
(12). Автор статьи Л.А. Петрова в 1974 г. защитила диссертацию по теме «Испано-арабская строфическая поэзия. Заджал Ибн Кузмана (XII в.)».

(13). *Куделин Б.А.* Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система» (гипотеза Риберы в свете последних открытий // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. С. 379–414; *Куделин Б.А.* Андалузская поэзия и взаимосвязи арабо-мусульманской и европейской культур в Средние века // Вестн. истории литературы / гл. ред. Г.М. Бонгард-Леви; ред. Е.Ю. Жолудь, В.П. Пыльковская. Т. 3. М., 2006. С. 230–240.

(14). Джамиль Абу Аджадж после окончания аспирантуры Восточного факультета СПбГУ защитил диссертацию по теме «Развитие системы образования у арабов-бедуинов Израиля» (2012).

(15). В первую очередь речь идет о территории Святой земли (Израиль, южный Ливан, западная Иордания, часть Сирии, Иудея, западный берег реки Иордан, Сектор Газа), городов и отдельных мест Египта, Ливана, Турции, Ирака и Палестинской автономной области.

ИЗ ИСТОРИИ
БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ
ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*Памяти профессора Виктора Ивановича Беляева (11.05.1902–07.05.1976) –
заведующего кафедрой арабской филологии ЛГУ в 1951–1974 гг.*

УДК 94(70) : 008(-11) : 92 : 378.4
ББК 80.61.3г(2)6

А.А. Долинина, В.М. Дзевановский

ВИКТОР ИВАНОВИЧ БЕЛЯЕВ (1902–1976). ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

(по фондам Архива востоковедов ИВР РАН)

АННОТАЦИЯ

В статье, основанной на архивных материалах, представлены жизненный путь и вклад в науку проф. В.И. Беляева, крупного арабиста, заведующего кафедрой арабской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета в 1951–1976 гг., лучшего знатока рукописей Ближнего Востока на территории СССР.

Ключевые слова: В.И. Беляев, арабистика, кафедра арабской филологии, Институт востоковедения, арабские рукописи, арабская поэзия, арабская диалектология, Коран, историография и источниковедение.

Те четверть века (1951–1976), что Виктор Иванович руководил Кафедрой арабской филологии Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, можно считать счастливой эпохой в ее истории: эти годы несли на себе отпечаток его личности, создававшей неповторимую трудовую атмосферу, которой чуждо было модное по тем временам стремление к громким рапортам о своих действительных и мнимых достижениях. Все это время одна из пишущих эти строки работала на Кафедре бок о бок с Виктором Ивановичем, и теперь мы с моим младшим коллегой попытаемся рассказать о жизни нашего учителя, не только опираясь на воспоминания одного из авторов, но используя также печатные и архивные материалы, проливающие свет на малоизвестные факты его биографии.

В.И. Беляев родился 15 (28) апреля 1902 г. в Ташкенте. Как записано в Сергиевской метрической книге Ташкентской духовной консистории, отец его, надворный советник Иоанн Васильевич Беляев, был членом Ташкентского окружного суда [1, оп. 2, ед. хр. 106, л. 1] и держал собственную нотариальную контору. Мать, Антонина Афанасьевна Беляева, чье имя также упомянуто в приведенной метрической записи, нигде не служила, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. В семье было три сына Борис, Константин, Виктор и дочь Зоя. Семья жила в аристократическом районе Ташкента, именовавшемся Белым городом.

Виктор Иванович учился в Ташкентской казенной мужской гимназии. До революции он успел окончить шесть классов, а потом гимназия была слита с другими учебными заведениями и реформирована в Советскую трудовую школу, которую Виктор Иванович окончил в 1919 г.

По окончании школы В.И. Беляев два года работал в переплетной мастерской при Ташкентской государственной библиотеке [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 2], очевидно, ему, потомственному интеллигенту, необходимо было иметь обя-

зательный по тем временам трудовой стаж, чтобы получить право поступить в высшее учебное заведение.

В 1921 г. В.И. Беляев поступил в только что созданный Туркестанский восточный институт, вскоре влившийся в Историко-филологический факультет Туркестанского университета (впоследствии САГУ). Здесь он начал учиться у А.Э. Шмидта, известного арабиста и исламоведа петербургской школы, ученика В.Р. Розена. А.Э. Шмидт приехал в 1920 г. из Петербурга для организации востоковедного образования в Ташкенте. Стоит вспомнить, что именно А.Э. Шмидт был первым учителем арабского языка у будущего акад. И.Ю. Крачковского, впоследствии сыгравшего такую большую роль в судьбе В. И. Беляева.

Старший брат Виктора Ивановича, Борис Иванович Беляев, пошел по отцовским стопам: он еще до революции успел получить юридическое образование и работал адвокатом [1, оп. 2, ед. хр. 126, л. 2]. Отец после революции сохранил юридическую профессию: он служил в Комиссариате юстиции [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 3]. В ноябре 1926 г., как явствует из его переписки с сыном, он устроился юрисконсультом в Ташкентский областной отдел земледелия, но уже в июне 1927 г. был уволен: кто-то донес руководству о его религиозных убеждениях. С марта 1928 г. он стал получать пенсию в 75 руб.; в 1933 г. И.В. Беляев умер в возрасте 73 лет, на 9 лет пережив свою жену, скончавшуюся в 1924 г. от болезни сердца.

В.И. Беляев имел явно «книжные» склонности, и это понимали в семье. Так, в 1925 г. отец напишет Виктору Ивановичу, уехавшему в Ленинград: «В тебе нет практической жилки, тебе не по душе стремление к достижению практических задач, ты одарен в значительной степени любознательностью, единственная атмосфера, в которой ты чувствуешь себя в своей тарелке — это книги, удовлетворение ты чувствуешь только в применении научного анализа и синтеза» [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 51 об. Письмо от 18.03.1925], то есть филологическая специализация Виктору Ивановичу, очевидно, была предрешена. Выбор именно восточной филологии возник, как мы полагаем, под влиянием атмосферы города, в котором он вырос. Конечно, жил он в русском районе Ташкента, и, как пишет журналистка Е.М. Дорошинская (вероятно, с его слов), друзей среди местных детей — узбеков, таджиков и татар, у него как будто бы не было [1, оп. 2, ед. хр. 126, л. 2], но сам Ташкент, сохранивший колорит средневекового мусульманского города, воспринимаемый им, быть может, даже бессознательно, должен был повлиять на формирование его интересов. Об этом один из авторов может судить по собственному опыту: даже в 1943 г., когда А.А. Долинина впервые попала в Ташкент, город еще сохранял многое из этой атмосферы, а уж за 25–30 лет до того она, несомненно ощущалась куда сильнее. Надо полагать, в сторону именно арабского языка, «латыни мусульманского Востока», Виктор Иванович обратился под влиянием А.Э. Шмидта. Вероятно, именно Александр Эдуардович, видя успехи Беляева, его серьезное увлечение арабистикой и умение работать, вынесенное им из гимназии хорошее знание европейских языков, посоветовал ему перейти в Петроградский университет.

Полагаем, что, приехав налаживать востоковедное образование в Туркестане, А.Э. Шмидт оказался в трудном положении. Если в столице на I курс поступало сразу много народу и потом все как-то рассасывалось, ненужные отсеивались, то здесь, в Ташкенте, местная интеллигенция, вероятно, побаивалась посылать детей на такое «неперспективное» занятие (о чем мы вспомним

еще, читая переписку В.И. Беляева с отцом); представители же узбекского и татарского мусульманского населения, получившие кое-какую начальную подготовку в медресе, вряд ли могли применить свои знания, используя совершенно иную, европейскую, методику. Не стоит даже говорить о том, кто начинал, как говорится, с «чистого листа». Словом А.Э. Шмидт был не в восторге от своих туркестанских учеников, и даже к В.И. Беляеву, на которого он впоследствии делал ставку, у него были свои претензии: «Беляев хочет поступить вновь на II курс, хотя, по-моему, ему не мешало бы начать сначала, ибо он, правда, по обстоятельствам, от него не зависящим, был не особенно блестящ. По арабскому языку он, как и все наши слушатели, очень отстал...» [42, оп. 3, ед. хр. 1018, л. 172]. «Никаких других кандидатов, кроме него, у меня нет на примете, и возможность оживить покоящиеся ряды исламоведов и арабской словесности для меня связаны с Беляевым» [42, ед. хр. 1019, л. 58 об.].

Отец сомневался в правильности выбора, тем более, что не слишком был уверен в силах сына: «Почему ты остановился на арабском? Это, конечно, твое дело, но никогда не следует упускать практической стороны вопроса» [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 7. Письмо от 04.10.1923]. И дальше, продолжая размышлять о «практической стороне»: если нацеливаться на дипломатическую работу, то арабские страны — нечто далекое и нереальное без соответствующих знакомств. «Если же ты думаешь учительствовать, то арабский язык где же может пригодиться? А чтобы стать профессором — у тебя едва ли хватит терпения и выдержки» [1, л. 8].

Тем не менее раз выбор сделан, то, как считает Иван Васильевич, надо поддерживать сына: чуть ли не в каждом письме он беспокоится о его здоровье, занятиях (достаточно ли серьезно он готовится к экзаменам), выражает желание по мере сил оказывать сыну материальную помощь: «Если я буду зарабатывать, я по мере возможности буду помогать тебе» [1, л. 7]. Впрочем, М.А. Некрасова, племянница жены В.И. Беляева, пишет, что И.В. Беляев «сохранив свое состояние, полностью отказал в помощи детям» (Письмо М.А. Некрасовой В.М. Дзевановскому. Личный архив В.М. Дзевановского).

И.В. Беляев радуется блестящим отзывам И.Ю. Крачковского о сыне и надеется, что по окончании он вернется домой и будет ассистентом у А.Э. Шмидта [1, л. 119 об.—120, л. 172—172 об.]. Старший брат гордится успехами младшего; ему говорили, что тот «на блестящем счету у лучших профессоров»: «Я очень за тебя обрадовался», — писал он в письме от 15 апреля 1925 г. [1, оп. 3, ед. хр. 86, л. 1]. А гимназический товарищ иронизирует: «Насаждай арабизм и смени Бартольда» [1, л. 75].

Итак, осенью 1923 г. В.И. Беляев стал студентом этнолого-лингвистического отделения Ближневосточной секции ФОН Петроградского/Ленинградского университета. Здесь его учителями были акад. И.Ю. Крачковский (арабский язык и литература), акад. В.В. Бартольд (история Халифата, история Туркестана и др.), проф. А.А. Фрейман и А.А. Ромаскевич (персидский язык и литература).

Стипендию ему не назначили, и Виктор Иванович по вечерам работал грузчиком в морском порту, не слушая увещаний отца не заниматься физическим трудом. Тем не менее Беляев учился успешно несмотря на трудности, а может быть, благодаря им. В этом отношении характерна его дневниковая запись: «Постижение приходит только, когда дух свободен и утомлено тело, тогда наступает состояние восприимчивости и ощущение вливается в душу, претворяясь в знание и высшее чувство» [1, оп. 2, ед. хр. 111, л. 5].

Все, что В.И. Беляев получал от своих замечательных учителей, попадало на благоприятную почву. Очевидно, И.Ю. Крачковский отметил его непоказное трудолюбие, добросовестность, вкус к библиографии и к работе с рукописями. Он явно выделял его среди прочих студентов, о чем ярко свидетельствует один инцидент, произошедший летом 1924 г. В июне этого года И.Ю. Крачковский поехал с лекциями в Симферополь, а студент Беляев до его отъезда не успел сдать зачеты по арабскому языку и литературе (возможно, из-за разницы в Ташкентских и Ленинградских программах), за что его собирались отчислить. Быть может, зачеты были лишь предлогом, а главная причина заключалась в непролетарском происхождении студента Беляева, которого он, вероятно, не скрывал (1). Недаром отец предупреждал его: «В своем *curriculum vitae*, смотри, будь осторожен в выражениях» [1, л. 108].

И.Ю. Крачковский решительно выступил в защиту своего ученика. В своем обращении в Петропрофобр он дает высокую оценку В. И. Беляеву как студенту: «Он является одним из лучших моих учеников, и выход его из состава малочисленной группы будущих востоковедов <...> невольно ставит меня перед вопросом о целесообразности продолжения моей педагогической работы» [42, оп. 1, ед. хр. 336, л. 4]. Ученика удалось отстоять. Напомним читателю, что еще и года не прошло с момента перевода В.И. Беляева на ФОН ЛГУ.

Будучи студентом ЛГУ, Виктор Иванович посещал занятия и в ЛИЖВЯ, полностью пройдя его курс. Выданный ему там аттестат (2) свидетельствует, что, помимо обязательных политических дисциплин, он стремился усвоить те предметы, которые ставили бы его на уровень выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда прежнего ФВЯ.

В 1925 г. В.И. Беляев окончил ФОН и сразу же был призван в Красную Армию (КА). Политическое руководство части, в которой он служил, использовало образованного младшего командира для проведения с солдатами занятий по политической подготовке; в качестве добровольной общественной нагрузки он вел также кружок по советской литературе [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 2].

В конце 1921 г. при АН был учрежден институт практикантов (впоследствии аспирантура), и И.Ю. Крачковский сразу рекомендовал в практиканты В.И. Беляева, который на этот раз получил полное благословение отца: «материально это, конечно, слабовато, но морально и в смысле удовлетворения твоих стремлений — лучше не придумать!» [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 108].

С конца 1926 г. до конца 1929 г. В.И. Беляев состоял практикантом Азиатского Музея (АМ) под руководством И.Ю. Крачковского. Вот здесь началась настоящая научная подготовка: помимо положенных немногих специальных курсов и семинаров — работа над рукописями. И.Ю. Крачковский поручил своему ученику составление каталога арабской части т.н. Бухарской коллекции рукописей АМ (3), что составляло более 1100 единиц [9]. Это было началом огромной и кропотливой работы, которая с годами превратила его в лучшего знатока ближневосточных рукописных фондов СССР.

Летом 1927 г. над В.И. Беляевым нависла угроза новой мобилизации в КА неизвестно на какой срок. И.Ю. Крачковский снова вступает за него и составляет отношение от имени АМ, доказывал необходимость сохранить В.И. Беляева в качестве практиканта: зачисляя его на эту должность, Музей предполагал начать планомерную подготовку квалифицированных кадров для союзных и автономных республик на востоке и юге СССР с целью собирания, классификации и описания восточных рукописей. В.И. Беляев как уроженец

Ташкента должен будет осуществить эту деятельность в Узбекистане; уже теперь, в период учебы, он приносит пользу Музею в разборе не полностью описанных коллекций. «Для Музея крайне важно планомерное доведение до конца этого первого опыта, идущего навстречу жизненным потребностям союзных республик <...> Какие бы то ни было перерывы в этой важной работе отзовутся крайне вредно» [42, оп. 1., ед. хр. 336, л. 1–2]. Виктора Ивановича оставили в покое, и он продолжил разбор Бухарской коллекции.

Промежуточная характеристика практиканта В.И. Беляева, подтверждающая возможности его использования в дальнейшем для описания среднеазиатских рукописей, заключается следующими лестными для него словами: «Вся данная мной характеристика работ В.И. Беляева показывает, что в его лице мы имеем начинающего ученого, который находится на верном пути. Можно надеяться, что к концу его практикантской работы мы получим вполне подготовленного специалиста, а это при скудности научно-образованных арабистов в Союзе представит немалое приобретение» [42, оп. 1, ед. хр. 226, л. 10].

Каталогизация и описание рукописей Бухарской коллекции привели практиканта В.И. Беляева к первому открытию: в составе коллекции оказалась арабская рукопись XI в., содержащая неизвестное до сих пор анонимное историческое сочинение, которому в дальнейшем была посвящена его первая статья [3], а обзору всей арабской части Бухарской коллекции — вторая. [9]. Эти работы молодого еще неопытного ученого, благодаря тщательности, с которой они были выполнены, заняли достойное место в отечественной арабистике.

Большую роль в формировании В.И. Беляева как ученого в это время сыграло участие в организованном И.Ю. Крачковским Кружке ленинградских арабистов имени барона В.Р. Розена, просуществовавшем два года (1928–1930 гг.). Кружок возник в период «арабистического безвременья» [23], когда самостоятельное преподавание арабистических дисциплин в Университете вообще временно прекратилось: в связи с переходом языков советского Востока на латинскую графику возникло «несколько подозрительное отношение не только к арабскому письму, но и к арабской культуре и к арабскому языку вообще» [33, с. 206], а в составе ОГН АН СССР арабского кабинета не было. Крачковского беспокоило отсутствие научной атмосферы, необходимой для нормального развития и совершенствования любой отрасли науки, а поскольку его попытки создать арабистическую ячейку при Коллегии востоковедов потерпели неудачу, Крачковский предложил коллегам создать неформальное объединение в виде частного кружка для обмена мнениями по поводу текущей научной работы каждого и получаемой ими новой литературы.

Благодаря строгой дисциплинированности и требовательности председателя кружка — самого И.Ю. Крачковского, занятия проходили регулярно, раз в две недели, с перерывом только на летние каникулы. Заседания обычно начинались с «текущих дел» — различных мелких сообщений, в частности о письмах, полученных членами кружка от ученых, живших вне Ленинграда; вторым пунктом стоял научный доклад и обзор или краткие аннотации новых изданий по арабистике. Доклады оживленно обсуждались присутствующими. Стоит ли говорить о том, какой прекрасной школой было все это для молодых ученых!

В Кружке числилось восемнадцать человек, из них тринадцать (4) посещали заседания регулярно, остальные — от случая к случаю. В.И. Беляев был избран секретарем кружка. Все пятьдесят протоколов заседаний, которые хранятся

в архиве И.Ю. Крачковского, написаны его рукой острым четким почерком, без помарок.

Именно в заседании Кружка арабистов 27 мая 1929 г. В.И. Беляев прочел свой первый научный доклад, посвященный упомянутой уже анонимной исторической рукописи, который был впоследствии напечатан как статья в юбилейном сборнике в честь 25-летия научной деятельности И.Ю. Крачковского [4]. Для этого же сборника он составил тогда первый список работ И.Ю. Крачковского за 1904–1929 гг. [19].

Дела как будто идут успешно, но Виктор Иванович все время мучается неуверенностью в себе — это, по словам отца, «один из симптомов неврастении», которой Виктор Иванович «платит дань» [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 144. Письмо от 20.04.1928].

Очевидно, с этим связана и необходимость всех подбадривающих слов, которыми насыщены родительские письма. Сам Виктор Иванович в одном из вариантов своей автобиографии называл «сильную неврастению» в качестве единственного своего хронического заболевания [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 4]. Эта болезнь наложила свой отпечаток на все дальнейшие его трудности.

В 1928 г. в жизни Виктора Ивановича произошло еще одно важное событие: он женился на Люсии Никитичне Сааковой (1902–1985), которую знал еще по Ташкенту и которая с 1925 г. считалась его невестой. Судя по отцовским письмам, семья выбор Виктора Ивановича одобрила. Следует сказать несколько слов о Л.Н. Беляевой. Она родилась в Ашхабаде, в армянской семье, отец ее был счетным работником; у Люсии Никитичны были две младшие сестры и брат. В 1912 г. семья переехала в Ташкент, и Люсия Никитична в 1919 г. окончила ту же среднюю школу, что В.И. Беляев, и, как и он, два года работала в библиотеке. В 1921 г. она поступила на естественное отделение Физико-математического факультета Ташкентского университета, но через полтора года ушла по семейным обстоятельствам (необходимость вести хозяйство после смерти матери). В 1927 г. Люсия Никитична переехала в Ленинград, поступила в Музыкальный техникум (у нее был хороший голос), но оттуда в 1931 г. пришлось уйти по состоянию здоровья. В том же году она стала работать в Публичной библиотеке в должности библиотекаря и проработала там до ухода на пенсию.

Изменение семейного положения Виктора Ивановича должно было внести коррективы в его планы возвращения в Ташкент по окончании практикантского срока. Кстати, и И.Ю. Крачковский не торопился отпускать далеко от себя подающего надежды ученика. Отец пишет ему: «Я думаю, если тебе представится свободный выбор, то ты, несмотря на любовь к Ташкенту, останешься все же там, в Питере, по крайней мере на время, необходимое Люсе для окончания ее курса» [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 173. Письмо от 14.09.1929].

Итак, практикантские годы были для В.И. Беляева очень плодотворными. Он становится серьезным специалистом, особенно в области исследования рукописей. «В настоящее время он является одним из наиболее подготовленных арабистов молодого поколения во всех областях арабской филологии. В области же описания и исследования рукописей я не знаю никого, кто мог бы с ним сравниться, — так писал И.Ю. Крачковский в Секцию научных работников, рекомендуя Беляева для работы в АМ [42, оп. 1, ед. хр. 336, л. 19]. Но В.И. Беляева ни в Арабский кабинет, только что созданный при ИВАН, заменившем АМ, ни в Рукописный отдел не приняли, несмотря на его высокий профессиональный уровень: местком Института воспрепятствовал [40, оп. 3, ед. хр.

В. 509, л. 29. Письмо И.Ю. Крачковского к Н.Я. Марру]; опять же, очевидно, сыграло роль его происхождение.

Одновременно И.Ю. Крачковский рекомендовал его на работу в Публичной библиотеке: «Я могу смело сказать, что из моих учеников его поколения нет никого, кто бы в такой мере обладал библиографическими познаниями в избранной области и приобрел такой опыт в описании рукописей» [40, л. 21]. И снова никакого результата.

Таким образом уникальный молодой специалист В.И. Беляев оказался безработным. Он становится на учет на биржу труда [1, оп. 3, ед. хр. 87, л. 184] и через некоторое время получает место заведующего библиотекой Инженерно-строительного института, затем становится управляющим делопроизводством в Институте музыкальной промышленности [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 4].

Так проходит почти четыре года, и лишь в конце 1933 г., с образованием при АН Института книги, документа, письма (на основе коллекции акад. Н.П. Лихачева), Виктор Иванович был принят туда на работу в должности научного сотрудника I разряда.

Здесь он описывал и изучал нумизматические коллекции, памятники арабской палеографии и папирологии, что нашло отражение в его статьях 1934–1936 гг. и в докладе на II Сессии Ассоциации арабистов осенью 1937 г. (напечатан в 1941 г.) [12; 17].

После слияния ИКДП с Институтом истории АН В.И. Беляев попал на работу в ИВАН и стал научным сотрудником Арабского кабинета и Рукописного отдела, т.е. наконец утвердился на том месте работы, которое в действительности было предназначено ему.

Таким образом, Виктор Иванович и Люсия Никитична Беляевы окончательно стали ленинградцами. Постепенно налаживалась семейная жизнь Люсии Никитичны. У отца Люсии Никитичны Никиты Артемьевича Саакова была большая комната в коммунальной квартире на Невском, где сначала размещалась вся семья, включая Виктора Ивановича; только сын Никиты Артемьевича Александр жил в общежитии Политехнического института. Когда сестры Люсии Никитичны кончили учебу и вышли замуж, с Никитой Артемьевичем остались только Люсия Никитична и Виктор Иванович Беляевы.

Служебных обязанностей у Виктора Ивановича было много. По линии Арабского кабинета он принимал участие в коллективном труде «Материалы по истории туркмен и Туркмении», первый том которого вышел в 1939 г. В нем Виктору Ивановичу принадлежит большая глава «Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX–XIII вв.» в общем исследовании источников и перевод соответствующих разделов хроники ат-Табари [8].

Но основное направление его тогдашней работы в ИВАН — конечно, рукописи. В систематической обработке фонда ближневосточных рукописей он играл ведущую роль. Очевидно, его не смущало то, что эта работа на первый взгляд казалась невыигрышной, поскольку результаты ее не были сразу видны; человек, занимающийся ею, должен подавить свое тщеславие во имя общей пользы. Важность своего дела он сознавал. Он сам так пишет в одном из вариантов автобиографии, подводя итог своей работы над рукописями ИВАН: «В Рукописном отделе, благодаря в значительной степени моему организаторскому и повседневному участию в непосредственном описании рукописей, удалось возобновить научную обработку всего фонда мусульманских рукописей (арабской, персидской и турецкой части) и Архива ИВАН, поставив эту работу

на должную высоту» [1, оп. 2, ед. хр. 113, л. 7]. Говоря это, Виктор Иванович не преувеличивал своих заслуг, он органически не терпел хвастовства, наоборот, ему было свойственно постоянное сомнение в собственных возможностях, ему необходима была поддержка, которую он искал всегда у своего любимого учителя, И.Ю. Крачковского, и ему вечно казалось, что он недостоин этой поддержки: «Чувствую себя, как мальчишка, которому нечем расплатиться в трамвае, куда он влез, не думая о последствиях» [42, оп. 3, ед. хр. 116, л.]. Но тут Виктор Иванович оказался во главе дела, которое стало его подлинным призванием, и в этой области он мог оказаться не только исполнителем, но лидером (несмотря на свой нелидерский характер).

30 декабря 1937 г. В.И. Беляев получил заслуженный новогодний подарок: ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Степень без защиты обычно присуждалась «по совокупности трудов». У В.И. Беляева к этому времени печатных работ было немного, но каждая из них являлась результатом определенного этапа его служебной деятельности, свидетельствуя о ее научной ценности. Представление В.И. Беляева к присвоению ему ученой степени без защиты, написанное И.Ю. Крачковским, заканчивается таким выводом: «В его лице мы имеем самостоятельного оригинального ученого с большой инициативой и широким научным кругозором; печатные работы дают ему полное право на получение степени кандидата литературоведения без защиты диссертации» [42, оп. 1, ед. хр. 336, л. 28].

Старшим коллегам хорошо была известна деятельность В.И. Беляева в Кружке арабистов; показал он себя также, участвуя в организации Второй сессии арабистов. Составленные им проспекты подготовленных к сессии выставок свидетельствовали о научной зрелости автора, не говоря уж о постоянно свойственных ему добросовестности и тщательности. Несомненно, учитывалась и его плодотворная работа в Рукописном отделе ИВАН, к тому времени еще не нашедшая полного печатного отражения. Надо полагать, во внимание была принята и его педагогическая деятельность, начавшаяся за три года до того.

В 1933 г. в ЛИФЛИ, вышедшем из состава ФОН, была образована Кафедра семито-хамитских языков, среди которых арабский получил статус одного из основных, и остро встал вопрос о преподавателях, особенно после повторного ареста В.А. Эбермана (конец 1933 г.). В 1934 г. В.И. Беляева приглашают на должность доцента этой Кафедры (официальное звание доцента он получил 11.04.1938 г.), а когда в 1937 г. на базе ЛИФЛИ был создан Филологический факультет ЛГУ, он продолжает на нем свою педагогическую деятельность: преподает арабский язык и арабскую палеографию студентам и аспирантам.

И.Ю. Крачковский высоко ценил В.И. Беляева и за человеческие, и за профессиональные качества. Необходимо привести отрывок из его отзыва, датированного 21.06.1935 г.: статья В.И. Беляева о рукописях Бухарской коллекции «может явиться поучительным в методическом отношении примером того, как в рукописи, не сохранившей ни названия, ни имени автора, не имеющей ни начала, ни конца, ни даты, путем тщательного методического анализа может быть установлено время возникновения сочинения с точностью до полутора десятков лет с определением социальной среды, откуда вышел автор, с выяснением его идеологических установок и историко-литературных приемов» [42, оп. 1, ед. хр. 336, л. 24 об.]. Даже В.В. Бартольд, — размышляет далее автор, — ничего не мог добавить к его выводам.

Этот отзыв особенно важен тем, что в нем говорится не только о знаниях, добросовестности и тщательности Виктора Ивановича, столь необходимых для работы над рукописями, но и о его творческих возможностях. И в частных письмах Игнатий Юлианович называет его «очень даровитым» [42, оп. 3, ед. хр. 29, л. 10] и «едва ли не последним своим хорошим учеником» [42, оп. 3, ед. хр. 36, л. 10].

Несомненно, именно его в качестве основного исполнителя и, может быть, и организатора имел в виду Крачковский, говоря на I Сессии Ассоциации арабистов (июнь 1935 г.) о задачах истории арабской литературы в СССР: описание арабских рукописей из хранилищ Советского Союза, научные монографические исследования арабских источников для истории стран Восточной Европы, изучение арабской письменности народов СССР, особенно тех памятников, «которые интересны и как литература, и как документальный исторический источник» [32, с. 22], а также выявление специфических особенностей, вносимых каждым народом в общеарабскую культуру.

Но с начала Второй мировой войны (сентябрь 1939 г.) Виктор Иванович был призван в армию и в ноябре попал на финский фронт. Он служил в 59 Выборгском полку в звании мл. лейтенанта. В середине декабря 1939 г. получил сквозное огнестрельное ранение правой стопы с переломом 3-й и 4-й плюсневых костей и осколочное ранение левой лопатки. С 19 декабря 1939 г. по 13 февраля 1940 г. он лежал в госпитале, потом долечивался в Травматологическом институте в Ленинграде [1, оп. 2, ед. хр. 109, л. 17–18].

И, как часто бывает, когда человек оказывается на больничной койке, будучи в ясном сознании, но без дела, Виктор Иванович снова и снова пересматривал свою жизнь, свои достижения и ошибки (последние он замечал чаще, чем первые, благодаря неизменному самоедству), — и много раздумывал о человеке, который служил для него образцом и в научном, и моральном отношении и был ему надежной опорой: «Если я что-нибудь из себя сейчас представляю — этим я обязан целиком Вам и Вашей заботе <...> Вы были для меня высоким нравственным образцом, и мысль о Вас в тяжелые минуты часто помогала мне жить и заставляла воспрянуть в минуты духовного упадка» (5).

После выписки Виктор Иванович снова обратился к своим служебным обязанностям и возвращению на фронт не подлежал — он хромал и ходил с палочкой. Игнатий Юлианович, понимая, насколько его ученик нуждается в моральной поддержке и доверии к его возможностям, летом 1940 г. предлагает ему взять на себя с начала нового учебного года чтение курса истории арабской литературы. Естественно, Виктору Ивановичу кажется, что он не справится: конечно, Игнатия Юлиановича надо, по возможности, освободить, но он еще не готов к этому «хотя бы полгода еще» [42, оп. 3, ед. хр. 116, л. 22] (6). Тут же он получает предложение поступить в докторантуру при ИВАН. После некоторых колебаний и тема выбрана: Хроника истории аббасидов X в. ас-Сули (рукопись одной части этого сочинения хранится в РО, в настоящее время ОРД ИВР РАН).

Виктор Иванович сразу берется за дело, не оставляя своих обязательств ни по РО, ни по Арабскому кабинету, ни преподавания в ЛГУ. Сотрудники ИВАН в это время были включены в работу над коллективным трудом по истории литературы Средней Азии, и В.И. Беляеву была поручена глава, посвященная среднеазиатской литературе на арабском языке. Эта тема была частью программы, выдвинутой И.Ю. Крачковским на I Сессии Ассоциации арабистов,

поэтому Виктор Иванович не мог, да и не хотел от нее отказываться, но его смущали сроки, установленные руководством Института — 3 месяца. По его расчетам, на то, чтобы написать эту главу как следует, понадобится не менее года, а выполнить работу кое-как он просто органически не мог: «Меня лавры московского образца мало прельщают, т.к. ничего более путного получиться не может», — писал он по этому поводу И.Ю. Крачковскому летом 1940 г. [42, л. 22]. Его работа над упомянутыми темами нашла отражение в «Рабочей хронике ИВАН» [12, с. 35–36] и его выступлении с докладом «Основные линии развития арабской литературы в Средней Азии» [15, с. 19–23].

Когда началась Великая Отечественная война, дирекция ИВАН поручила В. И. Беляеву наблюдение за охраной и подготовкой к эвакуации Рукописного отдела и Архива востоковедов. Все рукописи и архивные дела были аккуратно упакованы в ящики, но, когда кольцо блокады замкнулось и эвакуация стала невозможной, все ящики были отнесены в подвал БАН (здесь следует напомнить, что Азиатский музей / ИВАН с 1930 по 1950 г. занимал 5-й этаж здания БАН). Все это отняло у сотрудников и в первую очередь у самого Виктора Ивановича много сил. 8 марта 1942 г. он писал И.Ю. Крачковскому из стационара, где в связи с дистрофией провел 15 дней, немного поправил здоровье и сразу стал задумываться о продолжении работы: «Стараюсь гнать от себя горькую мысль о том, как много времени потеряно совершенно зря и бесповоротно с началом войны в связи с работами по подготовке эвакуации [42, оп. 3, ед. хр. 116, л. 30]. Его стремление к работе в значительной степени — отражение рабочей энергии И.Ю. Крачковского, который в тяжелейшее блокадное время по-прежнему оставался для него образцом. Вот как Виктор Иванович пишет о нем 21 марта 1942 г. академику В.М. Алексееву, эвакуированному в Казахстан: «Радостно, что вопреки событиям, тягостям личным и грозному положению его воля тверда и голос его звучит так же спокойно и уверенно, как и в мирной обстановке. Он сейчас консолидирует оставшиеся здесь академические силы спокойно, терпеливо и настойчиво» [41, оп. 3, ед. хр. 157, л. 1 об.].

И.Ю. Крачковский не покинул Ленинграда осенью, когда самолетами были эвакуированы в тыл многие крупные востоковеды: он считал необходимым закончить начатый перед войной огромный труд «Арабская географическая литература» и ощущал свой долг перед остающимися в блокадном городе учениками и коллегами: «Если я уеду, какими глазами я на них впоследствии смотреть буду?» (Цит. по кн.: *Долинина А.А.* Невольник долга [24, с. 313].) А кроме того, ему не разрешено было тогда взять с собой родственников — старшую сестру с мужем, которых он не мог оставить. В течение блокадной зимы 1941/42 г. И.Ю. Крачковский систематически работал над «Географами» и занимал целый ряд академических должностей, в том числе председателя комиссии Президиума АН по делам ленинградских научных учреждений, директора ИВАН, председателя Объединенного ученого совета институтов отделения истории, языка и литературы.

Когда была открыта «Дорога жизни», началась более или менее планомерная эвакуация оставшихся в Ленинграде научных учреждений и высших учебных заведений. В середине марта уехала группа сотрудников ИВАН; В.И. Беляева среди них не было — из-за того ли, что И.Ю. Крачковский тоже оставался в Ленинграде, или ответственность за порученное дело не пускала. 16 марта 1942 г. на него были возложены обязанности ученого секретаря РО, а 24 мар-

та он был введен в состав упомянутого выше Объединенного ученого совета гуманитарных институтов АН, возглавляемого И.Ю. Крачковским.

Виктор Иванович был очень слаб от голода, холода и постоянных пеших переходов. Его спасло двухнедельное пребывание в стационаре (в марте 1942 г.), после которого он писал В.М. Алексееву: «Могу сейчас уже читать и понимать то, что читаю — оживают и свои мысли, — поэтому снова начал работать над диссертацией <...> Надоело растительное беспорядочное существование до последней степени <...> Хочется настоящей работы» [41, оп. 3, ед. хр. 157, л. 2 об.—3]. Но в июле они покинули Ленинград — и Крачковский, и Беляев — по требованию дирекции Института. 12 июля Виктор Иванович и Люсия Никитична Беляевы вместе с группой сотрудников АН выехали в Казань [1, оп. 2, ед. хр. 111, л. 11]. Большинство вагонов академического эшелона составляли теплушки, но Беляевы ехали в пассажирском вагоне.

Дорога заняла 11 дней. После недолгого отдыха в Казани они были направлены в Елабугу, а потом, по вызову директора ИВАН В.В. Струве, собиравшего в Ташкенте эвакуированных в разные города сотрудников Института, в ноябре 1942 г. Беляевы прибыли в Ташкент, где прожили до конца войны.

В бытовом отношении им было легче, чем остальным коллегам Виктора Ивановича по Институту, жившим в трудных условиях общежития, расположенного в помещении балетной школы им. Тамары Ханум, где огромные балетные классы были разгорожены занавесками на множество ячеек, в которых ютились семьи сотрудников ленинградских академических институтов. Беляевы же разместились в квартире старшего брата Виктора Ивановича, юриста Б.И. Беляева, в центральном районе Ташкента. Брат с женой занимали одну перегороденную комнату во втором этаже, в коммунальной квартире; В.И. и Л.Н. Беляевы жили в этой комнате за перегородкой, а весной и летом переселились на открытую террасу [41, оп. 3, ед. хр. 157, л. 6 об.].

Положение в Институте, по оценке В.И. Беляева, оставляло желать лучшего, и это не просто первое впечатление ученого, изголодавшегося по серьезной работе. Вот как он характеризует ИВАН в письме И.Ю. Крачковскому от 12.09.1942 г., т.е. после почти годичных наблюдений: «Тяжело смотреть на тот развал, который, незаметно усугубляясь, проник и разъел среду <...> Институт представляет зрелище неприглядное. Общей работы никакой нет, есть только отдельные лица, ведущие вынужденную обстоятельствами работу» [42, оп. 3, ед. хр. 116, л. 32 об.]. Все, что происходило вокруг, было противно его натуре, настроенной на деловой порядок, душой которого в Ленинграде был И.Ю. Крачковский, такой же целеустремленный и максималистски требовательный. Кроме того, в Ленинграде и Рукописный отдел, и кабинеты были в значительной степени автономны, меньше связаны с руководством Института. Здесь же все варились в общем котле, но при этом не ощущалось твердой линии руководства. В.В. Струве, директор, был слишком мягок и ненастойчив; Д.И. Тихонов, ученый секретарь и одновременно секретарь парторганизации, часто противился его распоряжениям. Цитируем дальше то же самое письмо В.И. Беляева: «Даже если допустить у Тихонова наличие доброй воли, желание что-то сделать из Института, приходится констатировать у него полное отсутствие горизонта: он смотрит на Институт, как на какое-то полусемейное, полутоварищеское предприятие, а товарищи все те же, выходцы из ЛВИ: они — опора и они ценнейшие научные сотрудники. Остальные считаются

чем-то вроде неизбежного зла или принудительного ассортимента» [40, оп. 3, ед. хр. 116, л. 32 об.].

В Ташкенте Виктор Иванович старался сосредоточиться на диссертационной работе. Дело шло медленно: его неуверенность в себе, критическое отношение к тому, что выходило из-под его пера, заставляли по несколько раз перепроверять и переделывать написанное. Добросовестность затягивала темпы работы.

Часть рабочего времени уходила на описание рукописей местной Публичной библиотеки, куда он вскоре после приезда был приглашен на должность старшего научного сотрудника специально для этой цели. В 1943 г. РО Публичной библиотеки, с открытием Уз. АН, был преобразован в Институт по изучению восточных рукописей АН Узбекской ССР, директором которого был назначен А.А. Семенов (7).

Институт занимал тогда две небольшие комнаты, рукописи были сложены прямо на полу. Работавший вместе с В.И. Беляевым старик-узбек Адилов занимался определением сочинений и расписывал заглавия на карточки. Это он делал, по оценке Виктора Ивановича, артистически, благодаря традиционным знаниям и каллиграфическому таланту [42, оп. 3, ед. хр. 116, л. 40]. Основное же описание осуществлял В.И. Беляев; всего им было описано 150 рукописей. Эти описания вошли в состав «Собраний восточных рукописей АН Узбекской ССР (ТТ. I–IV, 1952–1957). [42]. Пяти арабским рукописям из Йемена в собраниях Ташкента посвящена также большая специальная статья В.И. Беляева [10, с. 35–72]. По мнению автора, сочинения, содержащиеся в этих рукописях, поднимают «целый ряд вопросов, близких нам как в смысле культурных взаимоотношений мусульманских народов, так и со стороны идеологических явлений, общих некоторым народам нашей страны в прошлом с другими народами арабской культуры за рубежом» [10, с. 35].

Помимо работы в ИВАН и в Ташкентской Публичной библиотеке В.И. Беляев преподавал арабский язык аспирантам САГУ; одна из его учениц, Сабохат Азимджанова, возглавила впоследствии Институт востоковедения АН Уз. ССР.

10 мая 1945 г. Беляевы вернулись в Ленинград с Институтом востоковедения. 15 июня того же года В. И. Беляев был зачислен заведующим РО ИВАН и перед ним встала сложная задача: развернуть в короткие сроки работу отдела, законсервированного на время войны, и организовать в нем систематическую работу по описанию рукописей. Главная трудность была в недостатке квалифицированных кадров, надо было привлекать к работе еще неокрепшую молодежь и воспитывать ее своим примером.

В.И. Беляев составил детальную инструкцию для научного описания рукописей и генеральный план работы РО. Под его руководство попадали не только арабисты (которых в это время почти не было), но и те сотрудники, которые описывал персидские, таджикские, курдские, тюркские, армянские и грузинские рукописи. Все они опирались на предложенную Беляевым схему описания, которая использовалась также специалистами по дальневосточным рукописям и ксилографам; на составленную им тогда инструкцию ориентируются рукописники и по сей день. Если говорить об арабистах, то Виктор Иванович и Игнатий Юлианович старались прививать навыки рукописного дела тем, у кого замечали соответствующие склонности и данные еще на студенческой скамье — так, прекрасным рукописником вырос А.Б. Халидов, чей

первый опыт серьезной работы с рукописью — издание, перевод, комментариев и исследование (совместно с его однокурсником П.Г. Булгаковым) «Второй записки Абу Дулафа» (X в.), содержащей описание достопримечательностей Армении, Азербайджана и Ирана. Этот труд, выполненный как дипломная работа в 1951 г., вышел в свет в 1960 г. под редакцией и с предисловием В.И. Беляева. [21].

В 1944 г. в ЛГУ был открыт Восточный факультет на базе восточных кафедр филологического факультета. А.П. Рифтин, возглавлявший Кафедру семитохамитских языков, которому ректор А.А. Вознесенский поручил организацию нового факультета и составление учебных планов, много усилий приложил к тому, чтобы планы эти были составлены на научной основе, и постарался привлечь к преподаванию всех лучших востоковедов Ленинграда. Тогда была вновь образована кафедра арабской филологии, которую на первых порах представлял один И.Ю. Крачковский, а в 1945 г., по приезде из Ташкента, к нему присоединился В.И. Беляев и Л.З. Писаревский.

И.Ю. Крачковский в послевоенные годы много болел, терял силы, и очень хотел передать В.И. Беляеву бразды правления хотя бы на кафедре, но не получилось: «Мой доцент Беляев, — жаловался он одной из своих корреспонденток, — все не может защитить докторскую диссертацию и неправомочен» (письмо В.А. Сутугиной, [42, оп. 3, ед. хр. 27, л. 41 об.], он «кунктатор еще хуже, чем я» (письмо В.А. Филоненко, [42, оп. 3, ед. хр. 37, л. 237 об.]).

Несомненно, это сильно мучило Виктора Ивановича, который давно уже чувствовал себя по отношению к Игнатию Юлиановичу «неоплатным должником» [42, ед. хр. 116, л. 15 об. Письмо от 31. 12. 1939], при этом он сознавал, что Игнатию Юлиановичу не на кого опереться: Л.З. Писаревский не был достаточно авторитетен и надежен; освобожденный из заключения А.П. Ковалевский не имел площади в Ленинграде и был вынужден уехать домой, в Харьков; И.Н. Винников, взявший на себя административные дела по Арабскому кабинету ИВАН, в Университете заведовал Кафедрой ассириологии и гебраистики; А.П. Рифтин умер в 1945 г., Н.В. Юшманов — в 1946; Т.А. Шумовский, едва успев защитить кандидатскую диссертацию, в начале 1949 г. повторно был арестован. Да мало того, что работа Виктора Ивановича над докторской диссертацией шла медленно, урывками, — на рубеже 50-х гг., в один из самых мрачных для отечественной науки периодов, под вопрос была поставлена сама тема диссертации: историк ас-Сули стоял близко к придворным кругам Халифата, поэтому он не может, с партийной точки зрения, быть признан «прогрессивным», а поэтому о нем не рекомендовалось писать, не говоря уже об издании самого текста [42, оп. 2, ед. хр. 175, л. 141].

1948–1949 годы — начало кампании против так называемого «космополитизма, низкопоклонства перед буржуазной наукой» и «защиты национального достоинства народов Советского Союза», явившейся отголоском печально знаменитой Сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г., на которой была разгромлена генетика как «буржуазная лженаука». Сигналом к разгрому востоковедения явилась серия статей в «Литературной газете» московского исламоведа Л.И. Климовича, в которых он буквально поливал грязью известных советских востоковедов и в первую очередь И.Ю. Крачковского за то, что он включает все, что написано на арабском языке представителями народов Северного Кавказа и Средней Азии, в понятие арабская литература. В свое время, в докладе на I сессии Ассоциации арабистов, И.Ю. Крачковский выдвинул основное

положение, покоящееся на осмыслении историко-культурных процессов в этих регионах: «Несомненно, что на всем протяжении территории, подвергшейся влиянию ислама, общий тип нивелирующей культуры был одинаков, но также несомненно, что каждая страна вносила свои специфические особенности». Иными словами, он выдвинул положение, что средневековая арабо-мусульманская культура представляет собой единый комплекс, обогащаемый каждым народом, подвергшимся влиянию ислама. Изучение этих сложных процессов, по мнению докладчика, является особой задачей отечественной арабистики. Выдвинутое И.Ю. Крачковским положение лежало в основе всех ведущихся в Ленинграде разработок в области изучения арабских источников по истории народов СССР [32, с. 22]. Ожесточенная же критика в адрес «космополитов» и «панарабистов» свидетельствовала об отсутствии у обличителей диалектического подхода к вопросам культуры.

Здесь не место для подробного изложения хода полемики на эту тему; мы отсылаем читателя к книге А.А. Долининой «Невольник долга», где о ней сказано достаточно подробно [См. главу «О любителях чужого добра»: 24, с. 376–390]; остановимся только на позиции верного ученика И.Ю. Крачковского — В.И. Беляева, которого к тому же эти инсинуации касались непосредственно. И в докладе А.К. Боровкова на заседании ученого совета ИВАН (март 1949 г.), и в выступлениях Л.И. Климовича на том же заседании не раз звучала резкая, чуть ли не бранная критика в адрес В.И. Беляева, а А.К. Боровков позволил себе даже грубо прикрикнуть на него (8). Виктор Иванович не был оратором, он не имел навыков спора с заведомыми «мастерами шулерского жонглирования», как их называл И.Ю. Крачковский [31, с. 569], но он мужественно отстаивал свою точку зрения, общую с точной зрения И.Ю. Крачковского: арабскую литературу народов Средней Азии и Северного Кавказа следует рассматривать в двух аспектах: с одной стороны, эта литература «вошла как составная часть, как неотделимая часть в литературу арабскую, оказывала влияние на нее, и очень сильное, делалась неотъемлемым ее достоянием», в другом аспекте ее следует рассматривать как литературу местную, исследовать, что было в ней самостоятельного, «и эта вторая линия должна быть положена в основу изучения» [39, оп. 1а, ед. хр. 1009, л. 89–90]. Виктор Иванович даже решился пойти в наступление: «Л.И. Климович затрагивает очень серьезные вопросы, которые он решает поверхностно и невежественно, а они нуждаются совсем в другом освещении и решении» [42, оп. 2, ед. хр. 71, л. 15].

Как рассказано в «Невольнике долга», это заседание Ученого совета вообще прошло не по обычному сценарию: критикуемые не калялись, наоборот, обвиняли критиков в передержках, ошибках, ненаучности подхода к проблеме. Присутствующие кричали этим критикам: «Позор!» и топали ногами, а И.Ю. Крачковскому аплодировали. Надо полагать, немалую роль в таком повороте событий сыграла стойкость В.И. Беляева. Как ни странно, никаких санкций «сверху» не последовало.

В ночь на 24 января 1951 г. И.Ю. Крачковский скоропостижно скончался. Для В.И. Беляева эта смерть была большим личным горем: не стало опоры, советчика, да просто любимого человека, духовного отца. На похоронах, по воспоминаниям К.Б. Старковой, он произнес речь «необычно трогательную по глубочайшему чувству» (Цит. по кн.: Долинина А.А. Невольник долга) [24, с. 400; 5, оп. 2, ед. хр. 96, л. 13–17], а во время похорон шел всю дорогу до кладбища и стоял у могилы с непокрытой головой, несмотря на жестокий мороз.

Теперь на В.И. Беляева свалилась огромная ответственность, к чему он морально не был готов. Прежде всего — официальные должности: он был назначен заведующим Ленинградской группой арабистов ИВАН, затем — заведующим Арабским кабинетом ЛО ИВАН, ученым хранителем Ближневосточных рукописей ИВАН, а по Университету — заведующим Кафедрой арабской филологии. В какой-то степени он повторил судьбу своего учителя, которому в 1908 г., после кончины барона В.Р. Розена, тоже пришлось принять на себя бремя ответственности за всю петербургскую арабистику. Разница в том, что Крачковский был тогда моложе (всего 25 лет), но у него оставались еще в живых старшие товарищи — учителя: В.В. Бартольд, А.Э. Шмидт, Н.А. Медников, которые могли в трудную минуту оказать поддержку. Да и времена, в которые Виктору Ивановичу на долю выпало это испытание, были во много раз тяжелее. В дальнейшем, в последние дни своей жизни (апрель-май 1976 г.), он напишет: «Не забываю о том, что преемник — это не подведение итогов, а один из моментов сознания ответственности за дело. Сознание добросовестности. Находить лучшее — завет Игнатия Юлиановича, в людях и в делах, в их научных работах. Оценка себя, любовное отношение к критике. Сделано немного: главная заслуга — удержать на известном уровне свою науку <...> Снисходительного отношения не нужно, суд должен быть строгий. Остатки дней — делать оставшееся как можно лучше и закончить начатое» [1, оп. 2, ед. хр. 111, л. 4].

«Удержать на известном уровне свою науку» — это значило обеспечить продолжение всех ее отраслей, в которых работал и которыми руководил И.Ю. Крачковский и при этом сохранять свою руководящую роль в РО. Главной задачей было обеспечение всех этих отраслей кадрами.

В Университете В. И. Беляев читал все основные курсы: введение в арабскую филологию, историю арабской литературы, исламоведение, чтение Корана и классической арабской поэзии, классической арабской художественной прозы. Он ввел новый спецкурс со спецсеминаром «Описание арабских рукописей», роль которого, равно как и спецкурсов по историографии и источниковедению, для подготовки квалифицированных арабистов трудно переоценить.

На долю Л.З. Писаревского оставался начальный курс арабского языка, чтение средневековых исторических, географических и грамматических текстов; чтение современных текстов и начальный курс арабского языка для неарабистов теперь пришлось поручать аспирантам. Для занятий разговорным языком удалось использовать репатриантов из Сирии, в дальнейшем приглашали преподавателей из арабских стран.

В послесталинскую эпоху в составе кафедры было открыто отделение семитологии, которое заменило ликвидированную в 1949 г. кафедру ассириологии и гебраистики. Сейчас трудно сказать, чья это была инициатива, но если и не самого Виктора Ивановича, то он ее, несомненно, с радостью подхватил. Момент был выбран удачный: в 1955 г. деканом стал акад. И.А. Орбели, т.е. человек, понимающий задачи университетского и академического востоковедения. На кафедру были приглашены проф. И.Н. Винников, в свое время возглавлявший кафедру ассириологии и гебраистики, затем его ученица Г.М. Глускина; к преподаванию была привлечена гебраистка К.Б. Старкова, сотрудница ИВАН. В 1960 г. в аспирантуру приняли двух семитологов — Г.М. Демидову и Я.Б. Грунтфеста.

Пополнилась и арабистическая часть кафедры — в 1953 и 1954 гг. в штат вошли две окончившие аспирантуру ученицы Виктора Ивановича — А.А. Долинина, которой В.И. Беляев постепенно передавал чтение литературоведческих курсов, и О.Б. Фролова, занимавшаяся тогда историческими и географическими текстами.

Студентов-арабистов было много, но из двух старших курсов, кончивших еще при И.Ю. Крачковском, лишь единицы годились для научной работы. Аспирантка В.С. Фотиева, занимавшаяся классической арабской поэзией (еще из довоенных студентов), в 1951 г. покинула Кафедру по семейным обстоятельствам; «на подходе», правда, была одна сильная группа, несколько человек из которой И.Ю. Крачковский намечал для будущего обеспечения тех или иных отраслей, но их всех надо было еще учить и учить.

При этом В.И. Беляев отнюдь не чувствовал себя арабистом-универсалом, а если принять во внимание его постоянную неуверенность в себе, то задачу, стоящую перед ним, отягчала еще необходимость возглавить работу по изданию избранных трудов учителя.

Подготовка к этому изданию началась еще при жизни И.Ю. Крачковского, потом была приостановлена — очевидно, в связи с «антикосмополитической» кампанией. Теперь же, благодаря тому, что И.Ю. Крачковский посмертно стал лауреатом Сталинской премии (за книгу «Над арабскими рукописями»), В.А. Крачковской удалось добиться распоряжения об издании шести больших томов (по 40–50 авт. листов каждый) его избранных сочинений, и руководство этим изданием фактически опять же легло на В. И. Беляева как на самого квалифицированного и самого добросовестного из арабистов.

Издание было осуществлено в течение 1955–1960 гг. Официально В.И. Беляев числился редактором I, II и VI тт., но, по сути дела, возглавлял работу и над остальными томами, поскольку редакторы их — Х.И. Кильберг, Г.В. Церетели и Б.А. Заходер — жили не в Ленинграде, и все мелкие (а подчас и не очень мелкие) вопросы решались с его помощью. Работа по подготовке была сложная: в издание входили работы разных лет, из разных изданий; надо было унифицировать транслитерацию имен и терминов, систему ссылок, отредактировать и расширить примечания, привести в единую систему библиографию, сокращения, составить аннотированные указатели и т.д., а составители в большинстве своем были люди неопытные, руководство ими отнимало много времени и сил.

Едва была закончена работа над шеститомником, надо было браться за редактирование перевода Корана, выполненного И.Ю. Крачковским еще в 20-х гг., тогда без всякой надежды на публикацию, а потому недостаточно отделанного. Теперь В.А. Крачковская добилась издания этого текста, но его подготовка была сопряжена с огромными трудностями. К счастью, у Виктора Ивановича оказался хороший помощник — его молодой ученик П.А. Грязневич. Решено было издать перевод в том виде, в каком он сохранился в архиве И.Ю. Крачковского, без стилистической правки, как архивный материал. Да и мог ли Виктор Иванович позволить себе править перевод, сделанный его великим учителем! [29]. Эта публикация вызвала нарекания со стороны некоторых востоковедов и невостоковедов, на наш взгляд, — нареканий несправедливых, но здесь не место для обсуждения этой проблемы, можно отослать читателя к статье А.А. Долининой [27]. При этом В.И. Беляев продолжал руководить РО ИВАН с прежней энергией: эта отрасль арабистической деятельности по характеру своему была ему ближе прочих. Согласно разработанному им плану

предполагалось публиковать описания рукописей отдельными тематическими выпусками. Под его редакцией в 1960-х гг. вышло три таких выпуска, составленные его учениками: «Художественная проза» (А.Б. Халидов), «Географические сочинения» (А.И. Михайлова), «История» (А.И. Михайлова). [45 ; 36 ; 37]. Он также был редактором и двух выпусков описаний таджикских и персидских рукописей, составленных Н.Д. Миклухо-Маклаем. [34; 35].

В плане Арабского кабинета ИВАН за В.И. Беляевым, помимо докторской диссертации, числилась работа по переводу разделов хроники арабского историка IX–X вв. ат-Табари. Здесь он явно не укладывался в плановые сроки; к тому же — не надо забывать — на нем лежало в это время издание избранных сочинений И.Ю. Крачковского и обязанности по Кафедре. Из-за этого ему пришлось на два учебных года (1955/1956, 1956/57 гг.) взять в Университете творческий отпуск, возложив все дела на молодежь и Л.З. Писаревского. Он чувствовал, что и в дальнейшем разрываться между Арабским кабинетом и РО, с одной стороны, университетской кафедрой — с другой, ему не по силам: ведь для него не существовало номинального руководства, ко всем своим задачам он по-прежнему относился сверхдобросовестно, до болезненности. Надо было выбирать — и Виктор Иванович в конце концов выбрал Университет, оставив в кабинете несколько молодых учеников, которые могли уже работать самостоятельно — впрочем, они всегда могли с ним проконсультироваться, рассчитывать на его помощь и его редактуру их работ. На Факультете же как заведующий кафедрой он мог быть более полезным для подготовки будущих специалистов.

Если внимательно посмотреть список трудов В.И. Беляева за 50–70-е гг., в глаза бросится, что они, если исключить предисловия к трем томам Избранных сочинений И.Ю. Крачковского и их редактуру, преимущественно связаны с кафедральными задачами: это в первую очередь итоговые или программные статьи: «Арабистика в Ленинграде за сорок лет» (1960), «Арабистика и семитология на Восточном факультете» (1960), «Современные задачи арабского языкознания в Советском Союзе» (1965), «Изучение новоарабской литературы в Советском Союзе» (1967), «Изучение испано-арабской литературы в России — Советском Союзе» (1974) и др.; различные *Personalia*, пособия и т.п. [5; 6; 18; 14; 13].

Очевидно, нужды преподавания языка — а на Кафедре арабистов-лингвистов с теоретическим уклоном не было — заставили его обратиться к языковым проблемам, причем в этой области он следовал линии интересов своего учителя, который изучал язык памятников христианско-арабской литературы в аспекте исторической диалектологии. Виктор Иванович и диссертационные работы предлагал, связанные с исторической диалектологией: так, выпускница кафедры 1971 г. Г.З. Пумпян писала диссертацию о диалектизмах в одном из любимых сочинений И.Ю. Крачковского — Путешествии Макария Антиохийского. Ранее выпускница кафедры Ф.А. Исаева защитила в Москве диссертацию о диалектизмах в сказках «1001 ночи» (аспирантка Г.Ш. Шарбатова). Аспирант Я.П. Сикстулис начал работу по лексикологии по теме «Семантическое поле времени в арабском языке», позже занимался проблемами транскрипции под руководством О.Б. Фроловой. Углубляясь в темы своих аспирантов, Виктор Иванович подготовил доклад и несколько статей.

Все это, разумеется, отвлекало от работы над докторской диссертацией. За упомянутые два с половиной десятилетия имя ас-Сули встречается лишь в одном его сочинении — небольшом докладе о ленинградской рукописи истории Аббасидского халифата, представленном на XXIV Международном

конгрессе востоковедов в Мюнхене [46]. Да и другой «международный» доклад, с которым он выступил в 1960 г. в Москве на XXV Международном конгрессе («Основные черты арабской поэзии начала аббасидского периода»), тоже был связан с историей аббасидского халифата, хоть и с более ранним периодом, чем в хронике ас-Сули. Кажется, этим докладом Виктор Иванович особенно дорожил, ведь он не был связан ни с какими его кафедральными обязанностями и прагматическими задачами, это было как бы «искусство для искусства» [16].

Одной из главнейших своих научных обязанностей В. И. Беляев по-прежнему считал редактирование трудов молодых коллег и учеников — он чувствовал свою ответственность за то, что выходило из-под их пера, справедливо считая их научную продукцию лицом кафедры, которую он возглавлял. Среди редактируемых были и сотрудники Арабского кабинета ИВАН, окончившие в свое время Восточный факультет. Так, он редактировал книгу Х.А.Р. Гибба «Арабская литература» в переводе П.А. Грязневича и А.Б. Халидова (1960) [22], упомянутую выше «Вторую записку Абу Дулафа» (1960) [21], «Арабский аноним XI века» в «Памятниках литературы народов Востока» (1960) [3]. Именно эту тему его первого доклада и первой статьи В.И. Беляев подарил одному из наших, без сомнения, наиболее ярких и талантливых востоковедов — П.А. Грязневичу, которого с полным основанием можно также причислить к ученикам Виктора Ивановича (9). П. А. Грязневич дал издание текста, комментариев, перевод и исследование памятника и на этой основе в 1961 г. с успехом защитил кандидатскую диссертацию. Затем последовала редактура (совместно с Д.А. Ольдерогге) «Арабских источников VII–X вв. по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары», где текст подготовили и перевели Л.Е. Куббель и В.В. Матвеев, тоже его ученики [2], далее — ташкентского издания «Индии» ал-Бируни, где среди исполнителей был также его ученик — А.Б. Халидов [20]. Виктору Ивановичу приходилось редактировать и книги по современной арабской литературе (1968, 1973) — не его профиль, но автор — его ученица [А.А. Долинина — примеч. сост.] [25, 26] (1968, 1973).

Следует еще раз подчеркнуть, что для В.И. Беляева ответственная редактура не просто постанова его имени на титуле, это кропотливая придирчивая работа, отнимающая столько же времени, что и отделка собственных сочинений. Он владел и материалом, и хорошим русским литературным стилем; читая чужие работы, предъявлял их авторам многосторонние претензии. Одному из пишущих эти строки требовательность В.И. Беляева как редактора хорошо знакома, проверена на собственном опыте.

Таким же непримиримо требовательным был он и при обсуждении диссертаций на предзащите, и книг, предлагаемых к изданию, во имя сохранения уровня кафедры — халтуры и декларативных пассажей он не терпел. Увы, не все правильно понимали его строгую, но по сути доброжелательную критику.

Халтуры он не терпел и в организационных делах: каждая кафедральная бумажка, отчет ли, характеристика ли студента, докладная записка — все должно было быть написано продуманно и аккуратно. «Да что Вы, Виктор Иванович, — возражала ему легкомысленная преподавательница, исполнявшая обязанности секретаря Кафедры, — ну кто же там, наверху, преамбулу в отчетах читает? Чего тут особенно страшного? Времени на серьезные дела не хватит!». «Если будете небрежничать в мелких документах, рано или поздно начнете небрежничать и в серьезных», — был ответ. Поскольку в пятидесятые годы в квартире на Невском не было телефона и порой нельзя было сразу

посоветоваться с заведующим кафедрой по какому-нибудь неотложному вопросу, секретарь Кафедры в его отсутствие, бывало, подавала в деканат бумаги за своей подписью, без санкции заведующего — и ничего, все сходило с рук: она хорошо представляла себе, какое решение принял бы Виктор Иванович в данном случае (10).

В конце 50-х — начале 60-гг., в период расширения и укрепления внутри-союзных и международных научных связей, В.И. Беляев представлял Кафедру на многих научных конференциях и конгрессах.

В 1961 г., когда Академия арабского языка решила пополнить свой состав ученым из России и обратилась к тогдашнему заведующему Советским культурным центром в Каире П.Г. Булгакову за советом, то он без колебаний назвал имя своего учителя, который на тот момент был, безусловно, крупнейшим в России знатоком арабской классики и больше других сделал в области изучения арабского рукописного наследия, но, благодаря своей скромности и критическому отношению к собственным достижениям, не имел громкого мирового имени. Теперь же он был избран членом-корреспондентом Академии арабского языка в Каире, а в следующем году ему удалось посетить Арабский Восток (Египет и Ливан) в составе делегации Союза Обществ дружбы с арабскими странами; по тем временам попасть в такое путешествие удавалось нечасто.

В 1963 г. В.И. Беляеву, к тому времени уже 12 лет возглавлявшему Кафедру арабской филологии, было присвоено звание профессора. Итак, к нему пришло признание на отечественном и международном уровне. Теперь Факультету удалось добиться от городских властей, чтобы В. И. Беляеву предоставили, наконец, отдельную квартиру: нельзя же члену-корреспонденту иностранной академии, профессору, принимать зарубежных ученых в коммуналке, пусть даже на Невском проспекте!

Квартира находилась не в самом фешенебельном районе города — в застраиваемом тогда микрорайоне на Малой Охте, но это была отдельная трехкомнатная квартира с кладовкой, где можно было разместить часть книг, а главное — был телефон!

Обстановка в квартире была простая и удобная. Много книг, пианино, кое-какие восточные сувениры. В этой квартире были написаны упомянутые выше работы по арабскому языкознанию и диалектологии, отредактировано подготовленное арабским профессором А. Аввадом издание уникальной рукописи словаря Йусуфа ал-Магриби, две книжки очерков А.А. Долининой по истории арабской литературы нового времени и другие работы. Здесь он принимал аспирантов — Я.П. Сикстулиса, Г.З. Пумпяна и Л.А. Петрову, которая занималась литературой Арабской Испании и была последней аспиранткой В.И. Беляева, защитившей диссертацию при жизни своего учителя (1974). Сюда приходили его молодые коллеги, постоянно нуждающиеся в его советах и консультациях, и бессменный секретарь Кафедры, когда тот или иной организационный вопрос нельзя было разрешить по телефону.

В.И. Беляев никогда не отличался крепким здоровьем. Тонкая нервная организация, в сочетании с укоренившимся у него представлением о необходимости всегда держать себя в руках, усугубляли болезнь сердца, которой он издавна страдал. Ему приходилось подолгу лежать в больницах, но он работал и на больничной койке — читал и правил чужие работы. А.А. Долинина, в частности, помнит, что еще в 1952 г. Виктор Иванович читал ее кандидатскую диссертацию, лежа в больнице, и писал замечания на полях.

К 70 гг. необходимость провести несколько дней дома в покое или лечь в больницу, чтобы подлечить сердце, возникала все чаще и чаще, однако настоящего покоя не было, да и не могло быть; притом напряжение создавали не только и не столько ученики, сколько распоряжения сверху, далеко не всегда продуманные, а также идеологические рамки, за которые не рекомендовалось выходить, что Виктор Иванович, по абсолютной честности своей натуры, не всегда выдерживал. В записях, сделанных незадолго до смерти, есть такая фраза: «Трудности — смерть И.Ю., отсутствие старших товарищей-арабистов. Преодоление страшного трения; это и до сих пор: приходится доказывать аксиомы» [1, оп. 2, ед. хр. 111, л. 4].

Один за другим последовали два инфаркта. 7 мая 1976 г. Виктора Ивановича не стало. Ему только что исполнилось 74 года. По решению его вдовы — Л.Н. Беляевой — тело его было предано огню. Церемония состоялась 9 мая — в День Победы.

Не доведенные до конца работы по переводу ат-Табари закончили его ученики — А.Б. Халидов и О.Г. Большаков (1987, Ташкент) [28], а большую монографию, посвященную историку ас-Сули, которая мыслилась как докторская диссертация, завершил А.Б. Халидов (1998, СПб.). Получился огромный том (592 стр.), содержащий критический текст памятника, перевод, примечания и указатели. [44]. Заведование Кафедрой арабской филологии перешло к проф. О.Б. Фроловой; она же издала каталог арабских рукописей Восточного факультета.

Люсия Никитична пережила мужа на 9 лет. Когда вскоре после его смерти она переехала в Москву к родственникам, то взяла с собой урну с прахом Виктора Ивановича. Его прах помещен в колумбарии Ваганьковского кладбища.

Если, как в прежние времена, отмечая памятную дату ученого, брать не день рождения его, а день смерти, фиксирующий конечный результат его деятельности, то символична дата похорон — День Победы, торжества высокой морали, честного труда и самоотверженности.

(1). Один из авторов этой статьи, А.А. Долинина, видела более позднюю (1950-х гг.) анкету В.И. Беляева, где в графе «социальное происхождение» его рукой было написано «из дворян».

(2). В его аттестате, выданном ЛИЖВЯ, значатся следующие дисциплины: арабский, киргизский, английский языки, введение в тюркскую филологию, историко-географический образ Восточного Туркестана, введение в иранскую филологию, персидский, сартский (джагатайский), история мировоззрений, греческий язык, арабские исторические авторы, арабская поэзия, арабская грамматическая теория, Коран, политическая экономия, история социализма, история материализма, история Запада и России XIX–XX вв., история педагогического учения, введение в языкознание, введение в арабскую филологию, история арабского Халифата, история арабской литературы. [1, оп. 2, ед. хр. 110, л. 11–11 об.].

(3). Эти рукописи в 1915 г. были вывезены из Бухары иранистом В.А. Ивановым.

(4). В.И. Беляев, И.Н. Винников, И.И. Гинцбург, М.М. Гирс, В.А. и И.Ю. Крачковские, К.В. Оде-Васильева, М.А. Салье, Д.В. Семенов, Р.Р. Фасмер, Г.В. Церетели, В.А. Эберман, Н.В. Юшманов.

(5). Большой отрывок из этого письма [42, оп. 3, ед. хр. 116, л. 15], написанного под новый 1940 год, см.: [24, 292].

(6). Пока И.Ю. Крачковский был жив, В.И. Беляев этого курса не читал.

(7). Семенов Александр Александрович (1873–1958) — иранист, д.и.н., профессор, член-корр. АН Уз. ССР.

(8). <...> он [А.К. Боровков] так закричал на Виктора Ивановича, что тот минут на сорок голоса лишился <...> если бы я закричал, то получился бы балаган, а не дискуссия; я думаю, что крик, а тем более угрозы пальцем, не следует употреблять в такой серьезной дискуссии» (из речи И.Ю. Крачковского на заседании Ученого совета ИВАН 11.03.1949 [42, оп. 1, ед. хр. 198, л. 1–2]).

(9). По окончании отделения «История Ирана» на кафедре истории Ближнего Востока Восточного ЛГУ в 1953 г. А.А. Грязневич поступил на работу в ИВАН и стал заниматься арабским рукописным и культурным наследием под руководством В.И. Беляева.

(10). Речь идет об А.А. Долининой, выполнявшей обязанности секретаря кафедры арабской филологии. — Примеч. сост.

ИСТОЧНИКИ

1. АВ ИВР РАН. Ф. 141.
2. Арабские источники VII–X вв. по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары / подгот. текста и пер. Л.Е. Куббель, В.В. Матвеева; ред. В.И. Беляева Д.А. Ольдерогге. М., 1960. 400 с.
3. Арабский аноним XI / изд. текста, пер., введение в изучение текста памятника и коммент. П.А. Грязневича; ред. В.И. Беляев. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 221 + 138 с. (Памятники лит. народов Востока. Большая серия; VI).
4. *Беляев В.И.* Анонимная историческая рукопись из коллекции В.А. Иванова в Азиатском музее // Зап. Коллегии востоковедов. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 5. С. 15–37. — К 25-летию научной деятельности И.Ю. Крачковского.
5. *Беляев В.И.* Арабистика в Ленинграде за сорок лет // Учен. зап. Ин-та Востоковедения АН СССР. Т. 25. М., 1960. С. 218–253.
6. *Беляев В.И.* Арабистика и семитология на Восточном факультете / *В.И. Беляев, И.Н. Винников* // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 13. 1960. № 296. Востоковедение в Ленинградском университете. С. 98–110.
7. *Беляев В.И.* Арабская рукописная книга в собрании Института книги, документа, письма / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 43 с.
8. *Беляев В.И.* Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX–XIII вв. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. В 2 т. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / АН СССР, Ин-т Востоковедения; Ин-т при ЦИК Туркмен. ССР; под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1939. С. 12–40.
9. *Беляев В.И.* Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XVII, 52 с. (Тр. Ин-та востоковедения АН СССР).
10. *Беляев В.И.* Арабские рукописи из Йемена в собраниях Ташкента // Совет. востоковедение. Т. IV. М.; Л., 1947. С. 35–72.
11. *Беляев В.И.* Арабские папирусы // Вестн. АН СССР. 1934. Т. 4. С. 71–75.
12. *Беляев В.И.* Арабский историк Х в. ас-Сули // Рабочая хроника Ин-та востоковедения АН СССР за 1943 год / Ин-т востоковедения АН СССР. В 2 т. Т. 1. Ташкент, 1944. С. 35–36.
13. *Беляев В.И.* Изучение испано-арабской литературы в России — Советском Союзе // Первая Всесоюз. науч. конф. по испанской филологии 25–27 июня 1970 г.: тез. конф. Л., 1974. С. 13–15.
14. *Беляев В.И.* Изучение новоарабской литературы в Советском Союзе // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: тез. юбилейной науч. конф. Вост. фак., посвящ. 50-летию Великого Октября. Л., 1967. С. 6–7.
15. *Беляев В.И.* Основные линии развития арабской литературы в Средней Азии // Науч. сессия ЛГУ 1946 г.: тез. докл. по секции востоковедения. Л., 1946. С. 19–23.
16. *Беляев В.И.* Основные черты арабской поэзии начала аббасидского периода // Тр. 25-го Междунар. конгресса востоковедов 9–16 августа 1960 г. Т. 2. М., 1963. С. 113–118.
17. *Беляев В.И.* Собрание арабских папирусов в Москве и Ленинграде // Тр. Второй сессии Ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. Тр. Ин-та востоковедения АН СССР, XXXVI. М.; Л., 1941. 5. С. 71–80.
18. *Беляев В.И.* Современные задачи арабского языкознания в Советском Союзе // Семитские языки. Вып. 2: материалы Первой конференции по семитским языкам, 26–28 октября 1965 г. Ч. 1. М., 1965. С. 50–54.
19. *Беляев В.И.* Список научных работ Игнатия Юлиановича Крачковского, 1904–1929 // Зап. Коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. V. С. 807–836.
20. ал-Бируни *Абу Рейхан*. Индия / пер. Ю.Н. Завадовского и А.Б. Халидова; коммент. В.Г. Эрмана и А.Б. Халидова; ред. В.И. Беляев // Избр. произведения. Т. 2. Ташкент: Фан, 1963. 727 с.

21. Вторая записка Абу Дулафа / Ин-т народов Азии АН СССР; изд. текста, пер., введение и коммент. П.Г. Булгакова и А.Б. Халидова; отв. ред. В.И. Беляев. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 11 + 77 с. (Памятники литературы народов Востока: тексты. Малая серия; 5).
22. *Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период / [Арабская литература = Arabic literature. An introduction. Перевод с англ. А.Б. Халидова; Мусульманская историография = Ta'rikh. Перевод с англ. П.А. Грязневича]. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 188 с.
23. *Долинина А.А.* Кружок ленинградских арабистов в 1928–1930 г. // Учен. Зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 15. Востоковедение. 1989. Вып. 31, № 423. С. 170–177.
24. *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994. 460 с.
25. *Долинина А.А.* Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Просветительский роман 1870–1914 / ред. В.И. Беляев. М.: Наука 1973. 272 с.
26. *Долинина А.А.* Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика 1870–1914 / ред. В.И. Беляев. М.: Наука 1968. 144 с.
27. *Долинина А.А.* Русские переводы Корана, XX век // Четки: лит.-философ. журн. 2011. № 1–2. С. 163–173.
28. История ат-Табари. Избранные отрывки / пер. с араб. яз. В.И. Беляева; дополнения к пер. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987. 318 с.
29. Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского; под ред. В.И. Беляева; предисл. В.И. Беляева и П.А. Грязневича. М.: Наука, Гл. ред. вост. Лит., 1963. 714 с.
30. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. / редкол.: В.А. Гордлевский (пред.), В.И. Беляев, Б.Н. Заходер, Х.И. Кильберг, Г.В. Церетели. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955–1960. 6 т. — Ред. I, II и VI тт. В.И. Беляев.
31. *Крачковский И.Ю.* Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы / публ. и примеч. А.А. Долининой // Петерб. востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 564–596.
32. *Крачковский И.Ю.* История арабской литературы и ее задачи в СССР // Тр. первой сессии арабистов 14–17 июня 1935 г. М.; Л., 1937. С. 13–24. (Тр. Ин-та востоковедения АН СССР; т. 24).
33. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 299 с. (Итоги и проблемы современной науки).
34. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения. Вып. 1 / отв. ред. В.И. Беляев, Д.И. Тихонов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 104 с.
35. *Миклухо-Маклай Н.Д.* Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии. Вып. 2: биографические сочинения / отв. ред. И. А. Орбели, В.И. Беляев. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 168 с.
36. *Михайлова А.И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии и Африки Академии Наук СССР. Вып. 2: географические сочинения / отв. ред. В.И. Беляев. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 78 с.
37. *Михайлова А.И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История. М., 1965. 200 с.
38. Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР: в 4 т. / под ред. и при участии чл.-кор. АН Узбекской ССР, действ. чл. АН Таджикской ССР, д-ра ист. наук, проф. А.А. Семенова. Ташкент, 1952–1957. Т. 1. 440 с. Т. 2. 590 с. Т. 3. 555 с. Т. 4. 560 с.
39. СПФ АРАН. Ф. 152.
40. Там же. Ф. 800.
41. Там же. Ф. 820.
42. Там же. Ф. 1026.
43. *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом. Жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР / Центр «Петербург. иудаика»; под ред. В.Л. Вихновича. СПб.: Европ. дом, 2005 (2006). 356 с.
44. *Ас-Сули Мухаммад ибн Йахйя.* Китаб ал-аурак = Книга листов / критич. текст и пер. на рус. яз. В.И. Беляева и А.Б. Халидова. СПб., 1998. 592 с.
45. *Халидов А.Б.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии Наук СССР. Вып. 1. Художественная проза / отв. ред. В.И. Беляев. М.: ИВЛ, 1960. 136 с.
46. *Belayev V.I.* The Leningrad manuscript of the history of Abbaside Califate by al-Suli. Moscow, 1957. 5 p. (Paper for the XXIV International Congress of orientalis / Acad. of sciences, USSR; 13).

См.: рис. №№ 1–8, 12, 14, 15.

УДК 94(70) : 008(-11) : 92
ББК 80.61.3г(2)6

М.А. Некрасова

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНГРАДСКОМ ДОМЕ БЕЛЯЕВЫХ

АННОТАЦИЯ

Рассказывается о семье арабиста проф. В.И. Беляева, его работе, впечатлениях от пребывания его доме.

Ключевые слова: В.И. Беляев, Ташкент, Ленинградский университет, Институт Востоковедения, Александро-Невская Лавра, семья, коммунальная квартира, блокада Ленинграда, мемуары.

Расскажу лишь о том, что слышала, чувствовала и видела своими глазами.

Послереволюционные годы нашей страны были крайне тяжелыми: голод, разруха, вынужденное сокрытие своего происхождения и вероисповедания, распространяемое и на следующие поколения. Много пережив, в нашем доме старались не говорить о политике. Я жизнь воспринимала с чистого листа, по школьной программе, с парадами и послевоенным всенародным ликованием.

В нашей семье было принято независимо от возраста называть всех на «ты», с ласкательными именами, без тетя или дядя. Исключение составлял только мой дедушка — папа моей матери, Никита Артемьевич — для мужей своих дочерей и других.

Виктор Иванович Беляев (Торочка) и Люсия Никитична Саакова (Люсенька) познакомились в одной компании и вскоре полюбили друг друга. Семьи будущих молодоженов были очень похожи. Отцы дворянского звания, рано овдовевшие, остались каждый с четырьмя детьми в городе Ташкенте.

У Беляева Ивана Васильевича было трое сыновей Борис, Виктор, Константин и дочь Зоя.

У Саакова Никиты Артемьевича — три дочери Люсия, Эмма, Валентина (моя мама) и сын Александр.

Необходимость в продолжении образования для Торочки в Университете и для Люсеньки в Консерватории (после окончания гимназии и итальянской школы вокалистов с редким голосом меццо-сопрано) была очевидна. Образование требовалось и другим детям. Ради этого Никита Артемьевич переезжает в город Ленинград, где снимает по средствам одну комнату в коммунальной квартире дома 84 по Невскому проспекту. Сын Александр поступает в Химико-технологический институт, создает свою семью и проживает в общежитии.

Весело и дружно в одной комнате жили и учились:

Торочка — в Университете, подрабатывая грузчиком в порту, Эмма — в финансовом техникуме, Валентина в Инженерно-строительном институте.

Люсенька как старшая сестра уступила право на образование младшим, поступив на службу в Публичную Библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, чтобы материально поддерживать семью. Никита Артемьевич, еще в царское время блестяще окончивший торговую академию в Москве, прекрасно вел домашнее хозяйство, экономно совершая покупки продуктов, изумительно их готовя, поддерживая идеальный порядок и чистоту во всем.

В период, когда из-за своего происхождения Торочка вынужден был покинуть Университет и устроиться бухгалтером в балалаечную артель, Никита Артемьевич учил его считать на счетах, фактически заменив ему отца. Страшно подумать, как сложилась бы судьба Торочки, если бы он не был окружен заботой и любовью в семье. Иван Васильевич, сохранив свое состояние, полностью отказал в помощи детям. Так, исключительно трудная судьба выпала на долю его дочери Зои, которая поступила в московское Высшее техническое училище им. Баумана. Снимая угол в коммунальной квартире, не имея средств к существованию, устроившись прислугой, она вынуждена была оставить учебу и потеряла здоровье. Виктор Иванович материально помогал сестре, а мы всегда ее подкармливали, одевали. Мы очень любили ее — одинаковые с братом карие глаза с прищуром, грассирующий голос, порядочность и доброта, настоящая вера в Бога. Одаренность во всем: играла по нотам с листа на фортепиано, хорошо пела, сопровождая хоральные пения в церкви, писала картины. Была принята в Союз художников, к концу жизни получила свой угол — небольшую однокомнатную квартирку в 15 м² площади. Она пережила своего брата, но умерла при трагических обстоятельствах. Думаю, если бы их отец помог им встать на ноги, все у нее пошло бы по-другому.

У моего дедушки была поговорка: «Сколько было вложено, столько будет отдано». Дедушка не дожил трех месяцев до своего столетия, живя в любви и почитании в семье Беляевых. Все, что было им вложено, он получил сторицей от всех, включая и Торочку.

В 1936 г. в семье Беляевых произошла трагедия: от желудочной инфекции умерла их совсем еще маленькая дочь Ирина. Больше детей у них не было.

А я родилась в 1937-м году. Мои родители, однокурсники, после окончания Института поженились и переехали в съемную комнату в доме на Дворцовой набережной с окнами, выходящими на Петропавловскую крепость. Мое появление смягчило боль утраты: возвращаясь вечерами из Университета через Дворцовый мост, Торочка заходил к нам купать меня, маленькую. Когда мои родители выезжали по службе в другие города, я ждала, пока они наладят быт на новом месте, оставаясь в доме Беляевых. Они относились ко мне, как своей родной дочери.

Во время войны и блокады Институт востоковедения эвакуировали в Ташкент. Вернулись Беляевы в сохранившуюся комнату на Невском. Туда же переехал жить Никита Артемьевич, вернувшись из эвакуации (из Новосибирска). Две другие комнаты занимала семья заводского рабочего Ильина с женой и двумя детьми, приехавшими из деревни. Мои родители получили службу в Москве, Эмма со своей семьей уехала на родину мужа в Запорожье. Наивысшую оценку заслуживает то, как уживались в квартире две разные семьи: с единственной раковиной на кухне и для умывания, и для стирки, и для мойки посуды, с унитазом за занавеской в коридоре, без замков на дверях комнат.

В комнате Беляевых для Виктора Ивановича было выделено пространство с книжными шкафами, большим письменным столом (на моей памяти

в правом ящике стола всегда лежали плитки горького шоколада «Линкор»), с живыми цветами в вазе на столе. Хватало места для рояля, спальной зоны с кроватью, ширмы за платяным шкафом, дивана, обеденного стола, буфета с посудой и туалетного столика с зеркалом на другой части этой комнаты. На письменном столе в рамке всегда стоял портрет Крачковского. Сидя за этим столом в школьные каникулы, я внимала басням Крылова, поэзии и прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, которые читал мне Виктор Иванович. Часами бродили мы с ним по набережным, паркам, пригородам, катались на лодке, купались в заливе. Духовно он был мне ближе моего родного отца.

В театральной кассе в соседнем доме на Невском Виктору Ивановичу всегда оставляли лучшие билеты на концерты в Филармонию и театральные спектакли.

Ритуальными были еженедельные посещения Владимирских бань с личными эмалированными тазиками и стоянием в длинных очередях с первого на второй этаж мужского и женского отделения. Завершением было дружное чаепитие в комнате за круглым столом.

С трудом добившись улучшения проживания, Беляевы переехали в трехкомнатную квартиру в панельном пятиэтажном доме на улице Шаумяна. Люся оставила службу и ушла на пенсию, так как предстоял переезд. Многие вещи по размерам не входили в комнаты новой квартиры. Рояль пришлось заменить на пианино. Зато радость была в существовании отдельного санузла, в крошечных, зато отдельных комнатах для каждого: кабинета Виктора Ивановича, спальни дедушки и гостиной с Люсиным диваном. И всюду книги, книги, книги, подарки коллег и учеников и портреты любимых Рахманинова, Ахматовой... А еще в квартире можно было принимать гостей! Не могу не вспомнить подготовку к таким событиям, в которых я тоже участвовала. За два дня производилась чистка серебряных приборов зубным порошком, протирка посуды из серванта, проверка накрахмаленных скатертей. В санузле развешивали гостевые полотенца, а в мыльницу клали душистый кусок мыла. Каждому гостю полагалась свое отдельное место. Приборы лежали на специальных подставках, а салфетки укладывались в серебряные кольца. С продуктами было сложно, но сервировка и оформление стола компенсировали отсутствие деликатесов. И еще я никогда не видела, чтобы хозяева вышли к гостям в домашней одежде.

А какие это были гости! Заходил Иракий Андроников со своими рассказами, гимназическая подруга Люсии Никитичны Лидия Закамельская садилась за пианино и мы с удовольствием слушали Чайковского, Листа, Шопена. Состояние у всех было неземное! Несколько незабываемых летних сезонов мы вместе провели и на море в городе Паланга, где мы снимали квартиру в одном доме. Утренние часы Виктор Иванович проводил за работой в парковой беседке, среди корабельных сосен на горе Бируте, с видом на море. Ему было очень комфортно. Потом мы обедали в ресторане «Васара», отдыхали, а вечером дружно провожали пурпурные закаты на пирсе, завершая день чаепитием с медом и бубликами.

Незадолго до своей смерти Виктор Иванович сидел в хорошем настроении за столом с моим папой, который тогда находился в командировке в Ленинграде и был приглашен на обед к Беляевым. Потрясенный известием о смерти профессора Беляева, священник Александр-Невской Лавры, служивший

по нему панихиду, выразил соболезнование от лица Духовной Академии, в которой, оказалось, Виктор Иванович преподавал (а я и не знала!).

Какое-то время Люсия Никитична жила в Ленинграде вместе с сестрой Эммой, которая к тому времени также овдовела, а потом они приняли решение переехать ближе к родственникам в Москву. Потребовалось обращение ректора Ленинградского Университета в Моссовет с просьбой разрешить вдове профессора Беляева обмен ленинградской квартиры на московскую. В новой московской квартире по просьбе Люсии Никитичны был сохранен кабинет Виктора Ивановича. Я старалась организовать сестрам досуг, обеспечивая их путевками в санатории, отдыхом на теплоходе, посещением театров. Вместе гуляли по Тушинскому лесопарку, рядом с их новым домом. Неожиданно у Люси выявилась неоперабельная опухоль горла. Я выполнила последнюю ее просьбу о совместном захоронении с Виктором Ивановичем в колумбарии Ваганьковского кладбища. Через несколько лет ушли из жизни мои родители и Эмма. Ушло целое поколение красивых, мужественных, терпеливых и благородных людей.

Я счастливый человек, что прожила часть своей жизни рядом с такими светлыми людьми, во взаимной любви и понимании.

Царствие им небесное, они его наверняка заслужили!

См.: рис. №№ 1–8, 12, 14, 15.

УДК 94(70) : 008(-11) : 92 : 378.4
ББК 80.61.3г(2)6

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ: УЧЕНИКИ И КОЛЛЕГИ О ПОФЕССОРЕ ВИКТОРЕ ИВАНОВИЧЕ БЕЛЯЕВЕ

(выпускники кафедр арабской филологии, гебраистики,
истории стран Ближнего Востока ЛГУ, 1938–1972 гг.)

АННОТАЦИЯ

Подборка воспоминаний о проф. В.И. Беляеве востоковедов, его учеников разных поколений, сотрудников учебных и научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда), Киева, Ашхабада, Хайфы.

Ключевые слова: В.И. Беляев, Восточный факультет, арабистика, арабские рукописи, арабская диалектология, арабская поэзия, историография, источниковедение.

К.Б. Старкова (1915–2000), выпуск 1938 г.
(преп. ЛГУ, сотр. ЛО ИВАН в 1954–1979 гг.)

(Из кн.: *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. Гл. 28. Новый преподаватель арабского языка В.И. Беляев. Перепечатано с разрешения ред. книги В.Л. Вихновича — сост.) [10].

[На отделении гебраистики ЛГУ в 1934 г.] параллельно с изучением еврейского языка дважды в неделю по два часа мы занимались арабским языком. Он гебраисту считался совершенно необходимым, даже если он будет потом библеистом. Преподавал его Василий Александрович Эберман, ученик Игнатия Юлиановича Крачковского <...>. Тогда мы только начинали курс, и вся энергия уходила на освоение грамматики, умение ориентироваться в слове. Так мы занимались до рождественских, тогда уже новогодних, каникул, а затем Эберман и Соколов [преподаватель древнееврейского языка] не явились на занятия. На кафедре нам ничего определенного сказать не могли <....> (1). После каникул у нас появились новые преподаватели: учитель-арабист и учитель-гебраист, сменившие Михаила Николаевича Соколова и Василия Александровича Эбермана — Андрей Яковлевич Борисов и Виктор Иванович Беляев. Эбермана заменил Беляев, а Соколова — Борисов, который одновременно в других группах, где арабский язык был дополнительным, а не основным, читал и арабский язык. Оба были молодые, в расцвете сил. Виктор Иванович Беляев был 1902 года рождения, а Андрей Яковлевич Борисов родился в 1903 году, ему был 31 год. У обоих была очень выигрышная внешность. Виктор Иванович был просто красивый, восточного типа, стройный, очень сухошавый джентльмен, с прекрасными черными густыми волосами, смуглым цветом лица. Он производил впечатление выходца с Востока и выглядел безукоризненно.

Тогда, в тридцатые годы, еще сказывались как недостаток многих обиходных предметов, так и невозможность их купить благодаря долго державшейся без-

работице. К тому же, как и сейчас, на гуманитарных науках наше правительство сэкономило, прежде всего, на зарплатах ученых. Наши бедные учителя заинтересованы были в том, чтобы как можно больше иметь часов, потому что, чем больше часов у преподавателя, тем больше его ставка. У Андрея Яковлевича была семья — жена и маленькая дочь, а у Виктора Ивановича — только жена Люсия Никитична, удивительно красивая, благородная армянка.... Красота ее не покидала до самого конца жизни.

Виктору Ивановичу поступление в университет досталось с некоторым трудом. По документам его отец был дворянин и притом судья, что советская власть и особенно чиновники, работавшие с анкетами, не одобряли, имея, видимо, соответствующие инструкции. Между тем, отец Виктора Ивановича, Иван Беляев, происходил из простых людей, правда, не из крестьян, а, вероятно, из мещан или чиновников. Его дед был мелким чиновником, а отец Виктора Ивановича получил дворянское звание за выслугу лет незадолго перед революцией. По номенклатуре Петра Великого, когда служащий достигал 6-го или 7-го разряда, он получал дворянское достоинство, а с возведением в следующий чин его дворянство становилось наследственным. Виктор Иванович, скрупулезно честный, утаивать что-либо в свою пользу был не способен и, поступая в университет, написал, что он дворянский сын. Думаю, что за него хлопотали несколько выдающихся профессоров.

Учась в университете, он, как и некоторые очень крупные в дальнейшем востоковеды, ходил для заработка на разгрузку дров в торговый порт. Ходили туда работать по ночам, зарабатывать на жизнь, а утром являлись на занятия в университет. Не понимаю теперешних жалоб, тогда не было никакого нытья, призывов защищать студентов и хлопотать за них. В то время студенты спокойно воспринимали такое положение — слава тебе, Господи, что поступили в университет.

Виктор Иванович хорошо учился, хорошо закончил, его любил академик Крачковский, который, будучи бездетным, привязался к нему как к сыну. В свою очередь Виктор Иванович его очень любил и побаивался немножко. Можно сказать, относился к нему с оттенком почтительного страха. Это я знаю от многих, да и сама наблюдала. Характерным примером может служить случай на банкете в честь иностранных ученых. Там Виктор Иванович с радостью налег на очень хорошее вино, о котором Орбели позаботился, немножко опьянел, хотя и не был пьяным. Потом почувствовал, что на него с осуждением смотрит Игнатий Юлианович Крачковский. По его собственным словам: «Я сразу протрезвел. Все эти ощущения — головокружение, туман перед глазами — моментально исчезли, и при первой возможности я удалился с раскаянием». Потом я Виктора Ивановича хорошо узнала в эвакуации и ничего, кроме хорошего, никогда о нем не слышала.

Под руководством Виктора Ивановича я хорошо изучила арабский. Правда, у него как у преподавателя был один недостаток — ужасно скучно говорил. Он досконально знал то, о чем говорил, очень содержательно вел и лекции и семинарские занятия. Следуя методике Коковцова, он прекрасно знал все тонкости языка, никогда не ошибался, нельзя представить, чтобы Виктор Иванович забыл форму спряжения. Я говорила, он был учеником Крачковского, который считался главным арабистом страны и до революции и после нее. Однако после революции сам Игнатий Юлианович, подготовив Виктора Ивановича, уже не вел элементарный курс языка, который ему был абсолютно

не интересен, отнимал много времени и очень утомлял. Виктор Иванович его от этого избавил, взяв на себя этот курс.

У нас на первом курсе арабский язык был обязательным до конца года, и я занималась очень усердно, понимая, что гебраист обязан знать арабский язык, хотя бы его элементарные формы <...>. Я хорошо узнала арабский язык, уже находясь с Виктором Ивановичем в эвакуации в Ташкенте, где описывала арабские рукописи. Но я и до этого овладела им достаточно и аспиранткой могла читать философские тексты <...>.

С.Б. Левзнер (1924–2016), выпуск 1949 г.
(Москва, Институт востоковедения РАН в 1960–1988)

Появление Виктора Ивановича Беляева в качестве преподавателя на нашем курсе произвело на нас сильное впечатление. Поначалу, собственно, в течение даже двух лет он на нас действовал просто как удав Каа на бандерлогов. Но когда мы дошли до четвертого курса, видимо, произошел какой-то диалектический скачок. Вдруг оказалось, что вместо 2–3-х страниц мы совершенно спокойно готовили к занятию 6–7. Это все, правда, не касалось Аси Долининой, потому что, конечно, она была сильнее нас всех значительно.

Так вот, при этом оказалось, что вне занятий Виктор Иванович совершенно не такой, каким он нам казался все время. Это был человек чрезвычайно доступный и знающий самые невероятные вещи. Я не буду говорить о том, как происходили наши занятия дальше, просто потому, что это, наверное, уже описано, а расскажу только о моих с ним встречах вне факультета. По ходу моих занятий в Эрмитаже я пользовался данными одной из книг так называемых Хитат (арабские географические сочинения в жанре кварталов и округов, ед.ч. хитта — *сост.*) и в одном месте никак не мог понять какой-то разрыв в тексте, абсолютно бессмысленный и непонятный — сначала речь идет об одном человеке, а потом продолжается совсем о другом. Я прочитал все доступные мне словари: те, что было в Эрмитаже, те, что было у меня дома и те, что нашел в Ленинградском отделении Института востоковедения (далее — ЛО ИВАН). И там встречаю Виктора Ивановича, который в это время заведовал рукописным фондом Института. Говорю: «Виктор Иванович, что-то я ничего не понимаю». — «Сейчас, — говорит Виктор Иванович, — я подумаю, у меня даже записано». Ушел и вернулся: «Вот, — говорит. — Я в свое время напал на рецензию на это издание и там отмечено, что в одном месте пропущено было несколько строк, отрывок заканчивался именем одного человека и начинался именем другого. Это было обнаружено еще при печати и исправлено в большей части тиража». Лично ему это было совершенно не нужно, но он помнил, что он это читал и вспомнил, когда это понадобилось. Еще я обратил внимание на то, что один глагол в соответствии с правилами литературного арабского языка должен употребляться с конкретным предлогом, а в моем тексте предлог другой. Надо сказать, что у меня к тому времени была великолепная английская грамматика Райта, в которой приводился именно синтаксис предлогов с определенными глаголами, и такой вариант не был предусмотрен. В том же ЛО ИВАН примерно в те же годы после окончания университета я спросил Виктора Ивановича: «Наверняка Вы знаете, почему это так». — «Я боюсь Вам соврать, — ответил Виктор Иванович, — но у меня есть некоторые представления об этом. Дело в том, что это египетский текст. И помнится, я где-то читал, что в египетском диалекте возможно такое употребление. Но это надо искать».

Я решил сам проверить — я знал, что есть специальное описание египетского диалекта Р. Наллино, и там нашел, что имеется египетская особенность употребления этого предлога. Через какое-то время, придя в ЛО ИВАН, я увидел Виктора Ивановича. И он мне сказал, что он нашел в самом большом толковом словаре «Лисан аль-араб» (Язык арабов) упоминание о данном предлоге при этом глаголе.

После этого был еще случай, когда мне в тексте встретился непонятный для меня оборот в стихах, — про некоего человека было написано, что этот старик гнусного вида («гнусновидный старик»), у которого атрофированы крылья ангела: «Виктор Иванович, что это может значить?» А дело, оказывается, было в том, что имелись в виду другие парные части тела, без которых он не может существовать как мужчина.

Ведь, в общем-то, ничто практически нас не связывало непосредственно. Со временем я убедился, что Виктор Иванович совсем не такой сухарь, каким он нам казался во время занятий, — в частности, когда он читал нам курс исламоведения, чрезвычайно скучно читал. Когда мы закончили учебу и узнали свои дипломные отметки, мы это дело решили отпраздновать своей группой. И поехали к Шуре Михайловой, которая жила в деревянном доме в Лесном около Яшумова пруда (А.И. Михайлова, в 1950–1979 сотрудница ЛО ИВАН). Там были нас пятеро и Виктор Иванович. И Виктор Иванович в такой неофициальной обстановке развлекал нас всех, приводя разнообразные ляпы не только наши и других студентов, но и разных преподавателей. И так мы долго сидели и веселились. А потом посмотрели, что уже пора — нам надо было идти километра три до остановки трамвая, который ходил после двенадцати. Виктор Иванович во время финской войны потерял стопу одной ноги и заметно прихрамывал. И тут по пути через парк Лесотехнической академии он изображал своих коллег, то подражая сопению одного, то речи другого — великолепно, это был целый спектакль. Это, пожалуй, последнее впечатление, которым я хотел бы поделиться о Викторе Ивановиче-то, чего никто уже рассказать не может.

О.Б. Фролова (1926–2015), выпуск 1950 г.
(Санкт-Петербург, Восточный факультет СПбГУ)

Тридцать лет моей жизни и деятельности прошли под руководством Виктора Ивановича Беляева. 1945 год. Великая война только закончилась, и в первый мирный год — я в университете, и первый мой учитель арабского языка — Виктор Иванович. Тогда В.И. Беляев совмещал работу в Институте востоковедения Академии наук и в университете, а уже позже, с декабря 1959 г., сосредоточил свои усилия на подготовке молодых специалистов-арабистов. Работа в учебном заведении неизбежно требует известной широты научных интересов. Широтой и глубиной научных познаний отличались лекционные курсы, подготовленные В.И. Беляевым для студентов. Особо хочется остановиться на преподавании им учебного курса «Описание арабских рукописей», основной целью которого было ознакомление с задачами и приемами работы над рукописями для установления их научного значения и введения в научный обиход. Изучение и описание рукописей было одним из важнейших направлений научной и преподавательской деятельности Виктора Ивановича. Он по праву считался лучшим знатоком ближневосточных рукописных фондов России и восточных республик бывшего Советского Союза. Даже его труды, посвященные проблемам арабского языкознания, связаны с его глубокими

познаниями в области рукописного наследия, в частности основополагающая статья «Арабская историческая диалектология и арабские рукописи в Ленинграде (1973) или издание уникальной рукописи «Словаря египетского диалекта» Йусуфа ал-М агриби и исследование об этом словаре арабского ученого Абд ас-Салама Аввада [8], проделанное под его руководством. Виктор Иванович обращал внимание на проблемы, связанные с работой над рукописями, знакомил студентов даже с приемами первичной технической обработки рукописи, поступающей в хранилище. Далее детально излагались вопросы инвентаризации и шифровки, составления карточек для каталогов, написания дополнительных карточек: имен переписчиков, датированных списков, иллюстрированных и особо украшенных рукописей, коллекций. Студенты должны были научиться работе над справочными пособиями, библиографическими словарями, каталогами рукописей, инвентарными списками и пр. При изложении темы, связанной с монографическим описанием рукописи, Виктор Иванович указывал, что в нем должны быть сведения об авторе, характеристика сочинения, определение его научного значения и т.п. Помимо слушания лекций о монографическом описании, студентам рекомендовалось проделать самостоятельный анализ опубликованных трудов отечественных ученых, посвященных рукописным коллекциям научных учреждений, особенно библиотеки С.-Петербургского университета с целью извлечь из них материал и познакомиться с методикой работы над рукописями, необходимой в их будущей деятельности. В конце курса каждый студент должен был дать описание двух–трех рукописей. В обзорных лекциях курса Виктор Иванович раскрывал перед студентами значение рукописей как важного научного источника, дополнительно знакомил и с сутью таких наук, как эпиграфика, нумизматика, дипломатика, палеография. Можно сказать, что курс «Описание арабских рукописей» В.И. Беляева расширял кругозор студентов, давал специальные знания по истории арабской литературы и письменности, а также практическую подготовку для работы с книгой, рукописью, документом для работы в книгохранилищах и библиотеках.

В университете В.И. Беляев вел также разные курсы по арабскому языку. Его четкое математическое изложение грамматики арабского языка гармонировало с моим складом ума и несколько позднее определило мой интерес к математической лингвистике и увлечение работой над составлением компьютерных программ. Изучение арабской культуры у высокообразованного, в высшей степени интеллигентного человека уводило меня в область истории, религии, современного состояния арабских стран. В течение всех пяти лет в университете Виктор Иванович был моим руководителем, и только очень короткое время на 5-м курсе я работала с преподавателями истории, но уже в первый год аспирантуры я выбрала тему, подсказанную Виктором Ивановичем, — арабские источники по истории Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Юга России. Руководителем стал акад. И.Ю. Крачковский, так по своей скромности решил Виктор Иванович, но уже через четыре месяца после кончины Игнатия Юлиановича руководство вернулось к моему первому учителю. Судьба заставила меня изменить своим увлечениям историей и математической лингвистикой. В 1956–1957, 1959–1963 гг. я оказалась в Египте, где провела более четырех лет. Яркие впечатления, активная, даже бурная жизнь, общение с египтянами, их песни, повествования, легенды, фольклор Египта полностью овладели моими мыслями,

и по возвращении на родину я хотела заниматься только египетской арабской литературой, и снова на помощь пришел Виктор Иванович: рукописи университетской библиотеки подарили мне интереснейшие материалы по истории изучения арабского фольклора. В то время Виктор Иванович руководил написанием диссертации египетского преподавателя Абд ас-Салама Аввада. В 1961 г. Виктор Иванович был избран членом-корреспондентом Академии арабского языка в Каире, а чуть позже он совершил поездку на Арабский Восток (Египет и Ливан) в составе делегации Союза Обществ дружбы с арабскими странами, в Каире ему был вручен диплом почетного члена Арабской Академии наук. Как я уже упоминала, в это время я работала в Египте, преподавала русский язык в Школе языков — Мадрасат ал-алсун, позже она была названа Мадрасат ал-алсун ал-‘уля (Высшая школа языков), а впоследствии преобразована в факультет языков в университете ‘Айн Шамс (куллийат ал-алсун джами‘ат ‘айн шамс) (2). Виктор Иванович отыскал меня по телефону и посетил меня в моем доме в окраинном районе Каира, который называется Гелиополис (по-арабски ‘Айн Шемс). Мы ездили вместе по Каиру, общались с моим другом, египетским писателем Ридваном Ибрахимом, переводчиком русской литературы на арабский язык. Виктора Ивановича очень живо интересовали мои рассказы о преподавании русского языка арабским студентам. Надо сказать, что они учили русский язык с удовольствием и даже с восторгом, многим интересовались. Виктор Иванович побывал и в Институте иностранных языков, где произвел очень большое впечатление на студентов, его эта встреча порадовала. Не скрою, что я ощущала некоторую гордость от того, что принимаю своего учителя в Каире как хозяйка. В честь нового академика происходили торжественные официальные приемы. Позже в беседах с Виктором Ивановичем мы часто вспоминали его пребывание в Египте.

В 1975 г., когда я защитила докторскую диссертацию «Египетская поэзия на народно-разговорном языке (новые материалы и современные направления развития)», Виктор Иванович уже был серьезно болен и не работал, но его внимательность к коллегам и всегдашняя корректность проявились и в этом случае, и меня очень тронула его поздравительная телеграмма в связи с защитой: «Дорогая Ольга Борисовна поздравляю блестящей защитой диссертации внесшей новый вклад в родную арабистику присуждением высшей ученой степени заслуженное признание вашей неустанной работы в избранной любимой области желаю много сил и здоровья для долгих творческих трудов». Беляев).

Тяжелая болезнь Виктора Ивановича с 1974 г. и его кончина в мае 1976 г. полностью изменили мою жизнь. Волею судеб мне пришлось занять должность заведующего кафедрой арабской филологии. Только тогда я полностью поняла, какую тяжелую ношу ответственности за кафедру, за студентов, за развитие науки он нес на своих плечах.

Я.Б. Грунтфест, выпуск 1951 г.
(старший лектор (senior lector) Хайфского университета,
г. Хайфа, Израиль)

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

Для арабистов послевоенных наборов изучение арабского классического языка неразрывно связано с Виктором Ивановичем Беляевым, в начале доцентом, а с 1963 года профессором Кафедры арабской филологии. Несмотря

на бурные события в академической жизни 20–40-х годов, преподавание восточных языков в университете базировалось на дореволюционной традиции. Обучение арабскому классическому языку опиралось на чтение текстов из хрестоматий, составленных в конце XIX века, со всесторонним комментарием — грамматическим и реальным. Морфология, насчитывающая многие сотни форм, усваивалась сравнительно легко благодаря «алгебраичности» арабской грамматики. Несколько месяцев занятий оказалось достаточно, чтобы весь набор пород, времен и наклонений и т.п. уместился в нашем сознании. С синтаксисом дело обстояло сложнее. Его надлежало усвоить путем комментированного чтения текстов, подобранных весьма удачно, но не систематизированных с точки зрения грамматики. Далеко не все конструкции арабского языка находили себе прямые параллели в русском. В нашем распоряжении была вышедшая в 1928 году прекрасная грамматика Н.В. Юшманова. Но она была написана в характерном для автора «телеграфном» стиле и для начинающих была не вполне понятна. Таким образом, работая над текстом, студентам надо было сначала самостоятельно разобраться в морфологии, определить строение слов, распознать синтаксические конструкции и, конечно, разобраться в реалиях. Окончательно разъяснение текста

происходило уже на следующий день при его комментируемом чтении в аудитории под руководством В.И. Беляева. При этом на нас сыпались какие-то «винительный ограничения», каузатив, «родительный заменительный», лаконичное 'llâ wa-, которое точно и кратко переводилось: «кроме как при тех обстоятельствах, что...» и т.п. Для арабистов более ранних выпусков, прошедших школу латыни, греческого и церковно-славянского, все это не должно было представлять проблем. Но для выпускников послереволюционной школы с ее презрительным отношением к таким бесполезным вещам, как древние языки, работа с восточными текстами превращалась в разгадывание какого-то грамматического ребуса. И все же этот метод, при некоторых явных недостатках, оказался весьма удачным, в первую очередь, благодаря исключительным качествам Виктора Ивановича как преподавателя. При чтении текстов каждое предложение, каждый оборот, каждая конструкция разбирались до последней мелочи. При этом Виктор Иванович каким-то шестым чувством определял, кто из студентов окажется слабым в понимании той или иной конструкции.

Установка на самостоятельную работу над текстом оказала неоценимую помощь в дальнейшем, когда приходилось осваивать языки как восточные, так и западные без помощи преподавателя. Наконец, чтение текстов из превосходно составленных, хотя временами старомодных, хрестоматий создавало психологическую связь с предшествующим поколением востоковедов. Глядя на их портреты и перелистывая старые журналы, мы как будто говорили себе: «Да, tempora mutantur et nos mutantur in illis, но наш востоковедный путь мы начинали по тем же текстам, что и Вы, и первые слова, прочитанные нами и Вами на этих языках, были одинаковы».

Виктору Ивановичу, окончившему университет в 1925 году, посчастливилось быть учеником академика И.Ю. Крачковского. Игнатий Юлианович писал: «С удовлетворением и грустью я вспоминаю теперь арабистическую аудиторию 20-х годов, из четырех студентов которой вышло четыре ученых... Никогда не забыть мне, как в течение двух лет по окончании университета еженедельно по четвергам все четверо продолжали трудиться со мной по доброй воле над

арабскими текстами...». Одним из этих четверых был В.И. Беляев, специализировавшийся по средневековым арабским рукописям. Его коллегами были И.Г. Бендер, А.П. Рифтин, И.Н. Винников — специалисты в различных областях семиологии. Связь В.И. Беляева с академиком И.Ю. Крачковским поддерживалась и в дальнейшем, хотя бывали и трудные времена. В течение четырех лет Виктор Иванович был оторван от востоковедения и работал в библиотеке Инженерно-строительного института. В 1939—1940 годах он был мобилизован в действующую армию и участвовал в финской войне, получив тяжелое ранение.

Как ученый и как человек Виктор Иванович отличался сдержанностью, аккуратностью и исключительной добросовестностью. Эти черты проявлялись и в его внешнем облике: всегда подтянутый, тщательно выбритый, «как денди лондонский одет» (насколько это было возможно в 30—50-е годы), с неизменной тросточкой и тонкой улыбкой на устах.

Виктор Иванович, будучи признанным авторитетом в области арабских рукописей (в 1945—1950-х годах он заведовал Рукописным отделом ИВАН), был широко образованным человеком. Он был начитан в разных сферах и, насколько можно судить по отдельным замечаниям, он был также ценителем классической музыки.

В случае осложнения отношений между кафедрой и академическими властями В.И. Беляев всегда твердо отстаивал позиции кафедры. Кульминационным пунктом явились события 1948—1949 годов, связанные с борьбой с так называемыми космополитизмом, неактуальностью и прочими «ужастями». Прибывший из Москвы знаток данной проблемы Л.И. Климович обрушился на классическое востоковедение и ведущих ленинградских востоковедов, в частности И.Ю. Крачковского, с нелепыми и даже просто клеветническими нападениями. На три дня занятия на Востфаке были прерваны, шло общекультуретское собрание совместно с Ученым Советом ИВАН. Реакция кафедр и отдельных ученых была различной, от частичного принятия позиции Климовича до резкого ей отпора.

Особенно ярким и эмоциональным было выступление ираниста Александра Марковича Беленицкого, не оставившего от инсинуаций Климовича камня на камне.

И.Ю. Крачковскому пришлось отвечать как на сугубо научные вопросы, так и на личные нападки. Излишне говорить, что он это сделал превосходно, и его выступление не раз прерывалось аплодисментами. Виктор Иванович сосредоточился на чисто научной стороне дела. По существу он, не вступая ни в какую полемику, прочитал лекцию по истории арабской литературы в своей обычной сдержанной, систематичной манере, как бы говоря: «Вот как было дело и дискутировать здесь не о чем».

В конечном итоге все вроде бы осталось на своих местах. Оргвыводов не последовало, обвинения с Игнатия Юлиановича были сняты, занятия продолжались. Климович уехал восвояси и успешно продолжал свою научную (??) карьеру. Но все эти события дорого обошлись науке. Игнатий Юлианович тяжело заболел и через два года скончался. Руководство Кафедрой перешло в руки В.И. Беляева, последнего арабиста классической школы В.Р. Розена—И.Ю. Крачковского.

7 мая 1976 г. скончался и Виктор Иванович, последний из четырех энтузиастов-востоковедов, упомянутых И.Ю. Крачковским.

Наступали новые времена.

ВОСПОМИНАНИЯ О В.И. БЕЛЯЕВЕ

Для многих поколений послевоенных ленинградских арабистов, филологов, лингвистов, историков арабский язык неразрывно связан с личностью Виктора Ивановича Беляева. Каждый вспоминает по-своему, по-своему попытаюсь вспомнить и я.

Перед нами, будущими арабистами, поступившими на Восточный факультет в 1946 г., Виктор Иванович предстал как воплощение элегантности, непривычной в том первом послевоенном году, — высокий, стройный, в элегантном черном костюме, к которому шло загорелое лицо, казавшееся отголоском того арабского мира, который нам предстояло изучать. Все завершала солидная трость. Она была, конечно, не атрибутом франта, а необходимостью — из-за ноги, раненой в финскую войну, но узнали мы об этом не сразу. А вот то, что Виктор Иванович является воплощением требовательности, мы узнали очень скоро. К этой требовательности очень подходил сухой, довольно монотонный голос.

Не помню первого занятия. Вероятно, как и положено, он познакомил нас с тем, что арабский язык относится к группе семитских и с какими-то другими общими положениями, и показал нам арабский алфавит. А затем, из занятия в занятие, пошла арабская грамматика. Виктор Иванович быстро, уверенно, прекрасным почерком выписывал на доске грамматические формулы, и мы (может быть, я?) поняли, какую непростую дорогу выбрали.

Затем началось чтение хрестоматии. Занятия по фонетике не было, лишь краткие замечания по ходу чтения. О том, как произносить ха без точки я узнал из грамматики Юшманова, где говорилось, что этот звук похож на звук, когда дуют при чистке на ламповое стекло, произношению эмфатического кафа меня научил Амри Шихсаидов (3), который сказал: «у нас в лезгинском такой звук есть», — и щелкнул горлом.

Никаких пояснений к тексту Виктор Иванович не давал — только грамматика. Лишь много лет спустя, читая начальный раздел с кем-то из аспирантов, я понял, какой кладезь информации для понимания этики и психологии средневекового мусульманского общества содержится в этих афоризмах и словословиях. Но умение читать и понимать грамматику эти занятия давали.

На втором курсе некоторое время нам пришлось читать кусок из «Сирь» [7; 15] с другим преподавателем, который обычно занимался с иранистами и тюркологами, — и мы особенно почувствовали превосходство Виктора Ивановича. За этим исключением все тексты по программе (кроме поэзии и грамматических сочинений) мы читали с ним. Текстов он не комментировал, они были для него, филолога, материалом для прочтения, а не историческими источниками. Средневековые авторы не знали языковых табу и не всегда были скромными в деталях изложения. И когда такое откровенное место попадалось кому-то из нас и мы не сразу могли найти подходящие слова при девочках, Виктор Иванович тут же, не давая замолчать и задуматься, своим бесстрастным голосом давал пристойный перевод.

При нем было стыдно повести себя как-то не очень воспитанно: он мог напомнить, что это «храм науки». Помню, как-то мы обошлись в чем-то не очень вежливо с нашими сокурсницами: то ли ворвались в аудиторию, не пропустив

их вперед, то ли толкнули кого-то из них, не извинившись, и услышали от него: «Что же вы так неуважительно поступаете с вашими товарами». Сам он был джентльмен и, кажется, нравился женщинам, но я знаю это только с чужих слов и останавливаться на этом не стану.

Его сдержанность в речи могла иной раз привести к недоразумению. Помнится, на экзамене по истории халифата Виктор Иванович был членом комиссии. Отвечал Виктор Матвеев (4), человек старательный, ответил обстоятельно. А.Ю. Якубовский, который читал нам этот курс, обратился к Виктору Ивановичу: «Как мы оценим ответ?» Немного пожевав своими втянутыми губами, тот ответил: «Думаю, что мы отметим его хорошо. Да, да, хорошо, четыре». Это «хорошо» в его устах означало, что ответом он доволен, а А.Ю. понял его буквально. В тот же день я встретился с Александром Юрьевичем на набережной, и он сказал с огорчением: «Надо же, Матвеев так хорошо отвечал, а получил четверку». Я съехидничал: «Так вы же сами поставили ему четверку». Дело все было в том, что Виктор Иванович как знаток арабского был для него настолько авторитетен, что он не решился противопоставить его «хорошо» своему «отлично».

На четвертом курсе Виктор Иванович читал нам «Арабскую историографию». Курс был очень полезен, так как давал представление об обширном конкретном материале, но слушать его было тяжелым испытанием. Лекции пришлось на первые часы с утра. Темновато, все не очень выспавшиеся, а монотонный голос Виктора Ивановича непобедимо клонил ко сну: засыпаешь на несколько секунд, рука дергается, и от последней буквы вниз тянется черта. Записи эти, к сожалению, у меня пропали, а любопытно было бы заглянуть в них вновь, чтобы на моем нынешнем уровне знания оценить их.

Как-то Виктор Иванович решил активизировать наши знания языка и научить нас переводить с русского на арабский. Для этого он раздал четвертушки бумаги, на которых его рукой был написан русский текст и несколько арабских слов, которых мы могли не знать. Русские тексты были его же переводами из арабских средневековых авторов. Сдав такой обратный перевод, мы получали новое задание. Помню, один раз у меня был рассказ о том, как Мардавиджа застрелили в бане. Не знаю, был ли в этом смысл, ведь в любом случае обратный перевод неизбежно оказывается весьма далеким от оригинала.

Во всех этих учебных занятиях я сталкивался с Виктором Ивановичем как с экзаменатором и, признаюсь, не слишком блистал в чтении: путал окончания, неверно огласовывал слова. А персональный контакт с ним произошел на третьем курсе, когда получил от него тему курсовой работы — сопоставить текст главы «Хазарское море» в географии Ибн Хаукаля (5) в издании ВГА [13] и новом (тогда сравнительно новом — 1938 г.) издании Кремерса [14]

Я сделал все как полагается. Взял тетрадь в толстом переплете и переписал туда свой черновик: страничка введения, 25 страниц арабского текста: слева текст, справа перевод. Отметил разночтения, которых было немного, сделал примечания. Писалось тогда все от руки — обладателей пишущих машинок было тогда меньше, чем теперь обладателей автомобилей.

Виктор Иванович тетрадку взял (больше я ее не увидел), но через несколько дней подошел ко мне и сказал: «Ваша работа написана хорошим языком. Кто ваши родители?». Я ответил, что отец — военный, мать — учительница русского языка. «А!» — сказал он, и как-то вроде оттаял. Больше никогда не спрашивал меня, кто я и что я.

В 1949 г. на волне всеобъемлющего гонения на «преклонение перед Западом» грубым обвинениям подвергся со стороны Л. Климовича Игнатий Юлианович Крачковский (а заодно и Вера Александровна за то, что она пропагандирует германский империализм). В ответ в ИВ АН состоялось обсуждение статей Климовича в присутствии автора. Виктор Иванович выступил в опровержение нападок Климовича, — в те годы это было мужественным решением. Несмотря на накаленную обстановку, он говорил тем же сухим, бесстрастным языком, каким читал нам историографию. А нам так хотелось услышать громкий язвительный разнос клеветника (услышали мы это от А.М. Беленицкого).

В 1949 г. произошли большие перемещения на факультете — появились исторические кафедры, и половина арабистов, в том числе и я, перешли на кафедру истории Ближнего Востока и стали немного пасынками кафедры арабской филологии. Я же на последнем курсе совершенно погрузился в историю и археологию Средней Азии, и дипломная работа была чисто исторической, хотя и с использованием некоторых арабских источников, так что непосредственных контактов с арабской кафедрой, которую после смерти Игнатия Юлиановича возглавил Виктор Иванович, у меня не было.

И еще одно воспоминание. Предстояли госэкзамены, и нам по арабскому языку могли дать для чтения без словаря любой текст из 300—400 страниц, прочитанных за четыре года. Заново просматривать такой объем текста нам не улыбалось, и мы решили схитрить, предложив Виктору Ивановичу читать на экзамене нечитанный современный арабский текст, но со словарем. Он охотно согласился, только перед экзаменом сказал, что по правилам будем читать без словаря. Получилось, как в древней арабской поговорке, — «сама себя наказала Баракиш». Читать нам дали тексты из журнала «Ат-Тарик», журнала просоветского, но в библиотеке выдававшегося только по свидетельству, что чтение его входит в плановое задание и поэтому его до экзамена никто в глаза не видел. Но страхи оказались напрасными. Виктор Иванович как-то так сумел принять экзамен, что никаких затруднений мы не почувствовали, а он почему-то остался нами доволен и даже где-то похвастался, какие мы молодцы — сдали экзамены по нечитанному современному тексту. Вероятно, в то время гонений на арабский язык важно было подчеркнуть, какой текст мы читали.

Вскоре после этого, сдавая вступительный экзамен в аспирантуру Эрмитажа, мне еще раз пришлось встретиться с Виктором Ивановичем как с экзаменатором. Формальностей тогда было меньше, а учились честнее и серьезнее. Экзамен проходил по-семейному в столовой квартиры А.Ю. Якубовского, которому я отвечал по исторической части, а по-арабски читал «Ахбар ат-Тывал» ад-Динавари (6) и тоже без словаря [11—12, 16]. Виктор Иванович деликатно подсказывал мне, и я выглядел вполне прилично. Но я-то знал истинный уровень своей подготовленности и, став аспирантом, попросил своего руководителя, А.Ю. Якубовского, включить мне в план занятия арабским с Виктором Ивановичем. Он удивился: «Зачем это вам? Вы так хорошо читали с листа на экзамене». Я все-таки настоял на этом, и некоторое время вместе с О.Б. Фроловой читал у Виктора Ивановича на дому Касиду Имру-л-Кайса с арабским комментарием. Я почувствовал, что такая тематика мне бесполезна, и, не доведя занятия до конца, под каким-то приличным предлогом, отказался от этих занятий.

Когда в своей кандидатской диссертации (весьма далекой от арабистики — о поливной керамике Средней Азии) мне удалось прочитать несколько ранее непонятных арабских надписей на афрасиабской керамике (7), я пригласил на обсуждение доклада Виктора Ивановича. Его одобрение было для меня большой моральной поддержкой. К этому времени я уже понимал, что подчеркнутое бесстрашие и холодная отчужденность Виктора Ивановича — своеобразная броня, которой он отгораживался от возможного панибратства со стороны студентов, но в кругу равных по возрасту и даже со своими аспирантами он был иным человеком. И, может быть, он был прав, обособляя себя от студентов — для нас он был бесспорным авторитетом и недосягаемым образцом ученого. Это уважение сохранилось и много лет спустя. Есть ли у нынешних студентов такие образцы и авторитеты — не знаю. И жаль, если их нет.

Л.А. Петрова, выпуск 1966 г.

(Киев, кафедра языков и цивилизаций Ближнего и Среднего Востока
Киевского национального лингвистического университета)

О СОКРОВЕННОМ

Виктор Иванович... Я помню его шестидесятилетним. Высокий, статный, с правильными чертами одухотворенного лица, он отличался какой-то особой благородной красотой. Его безупречная манера держаться казалась нам несколько старомодной, хотя приятно поражала и даже умиляла. Когда мы здоровались с ним у входа в Университет, он обычно слегка приподнимал шляпу.

На занятиях Виктор Иванович был неизменно корректен. Невозможно было даже представить себе намек на фамильярность в его отношении к студентам. Лекции он читал ровным спокойным голосом, без каких-либо ухищрений, рассчитанных на внешний эффект. Когда мы занимались с ним переводом древней поэзии, он всегда внимательно выслушивал каждого из нас, не перебивая и не подавляя своим авторитетом. Виктор Иванович не позволял себе иронизировать по поводу вариантов нашего перевода, какими бы нелепыми или курьезными они ни были.

Все это мы воспринимали как должное, еще не умея тогда по достоинству оценить энциклопедических знаний своего преподавателя и его самозабвенной преданности науке.

Позднее Виктор Иванович стал моим научным руководителем. Сейчас, как я заметила, у аспиранта с руководителем совершенно иные взаимоотношения. Они почти не встречаются друг с другом, а лишь «перебрасываются» по интернету (если вообще можно перебрасываться мыслями, соображениями, советами и прочим).

Помню, как в те далекие времена я не реже двух раз в неделю встречалась с Виктором Ивановичем у него дома. В небольшом уютном кабинете за его старинным письменным столом с медной лампой под зеленым абажуром мы «корпели» над доработкой моих заджелей Ибн Кузмана. Я с усердием листала словарь Дози, а Виктор Иванович доставал для меня со стеллажа редкие книги. Какой незаменимой оказалась для меня работа Карабачека, когда я пыталась уточнить датировку уника — Дивана Ибн Кузмана!

Время летело стремительно. Часа через два, а иногда и через три в соседней комнате Люсия Никитична, красивая, обаятельная и добрейшая женщина,

уже «позвякивала» чашечками, накрывая на стол: «Виктор, — обращалась она к мужу, Лидочка уже совсем “посинела”! Пора бы вам и отдохнуть немножечко» (Она всегда называла меня по имени, а Виктор Иванович — только по имени и отчеству).

Мы подолгу засиживались за чаем, беседуя обо всем на свете: о Ташкенте, родном городе Виктора Ивановича (я начинала там свою учебу в Университете), о прочитанных книгах, об интересных спектаклях в БДТ, о музыке — мы все ее очень любили. Как много интересного узнала я от них об Ираклии Андроникове, которого хорошо знали супруги Беляевы. А еще — Виктор Иванович очень любил и хорошо знал звездное небо. Иногда он показывал мне из окна своего кабинета какие-либо редкие звезды, приобщая меня ко всей этой небесной красоте... Спohватившись, я наконец спешила домой, хотя так не хотелось прерывать этого удивительного общения!

Летом я обычно уезжала к родителям в Нижний Новгород (я и тогда не называла его «Горьким», так же как и Ленинград был для меня всегда Петербургом или просто «Санктом»). Мы с Виктором Ивановичем обменивались письмами, в которые я иногда вкладывала самоироничные стихи о своих андалусских «изысканиях». Виктор Иванович говорил мне потом, что с удовольствием перечитывал их и от души смеялся. Приведу по памяти одно из них.

Великих не судят — детали не в счет:
Открытие приняв на веру,
Никто в интуиции не упрекнет
Маэстро Дона Риберу!

Менендес Пидаль — гениальный старик,
Хоть вовсе не знал арабский —
Не хуже любого в гипотезу вник.
Меня же вгоняют в краску...

А Гарсиа Гомес, что служит послом?
Ему хорошо! Учтите:
Испанцем родиться ему повезло,
Испанец — его учитель.

Себя переводами не утруждал,
Роясь в премудрости книжной.
В каникулы в Кордову он уезжал!
А я вот — всего лишь... в Нижний.

А что до поэтов — их любят читать.
Но вспомним об Ибн Кузмани —
Да как он посмел не пронумеровать
Странички в своем Диване?!

Я — круглая бездарь! Увы, не дано...
Не тешу себя обманом.
Но снятся испанские сны все равно
И грезится Ибн Кузманом!

Когда я уезжала на работу в Киевский университет, Виктор Иванович пришел на вокзал проститься со мною. Как сейчас вижу из вагона его статную фигуру. Он улыбается мне своей доброй улыбкой. До отхода поезда считанные секунды. Виктор Иванович до боли знакомым жестом слегка приподнимает шляпу... И вдруг я разревелась, неожиданно остро ощутив, как переворачивается одна из сокровенных страниц моей жизни.

Впервые Виктора Ивановича Беляева я увидела в последних числах августа 1965 г., когда очередной набор арабистов и семитологов Восточного факультета ЛГУ был приглашен в аудиторию № 22 на кафедру арабской филологии (8). Присутствовали все преподаватели кафедры в полном составе с профессором В.И. Беляевым во главе. Первое впечатление — Виктор Иванович тогда был поразительно красив, да и казался гораздо моложе своих лет (ему было шестьдесят три), а уж общий облик, благородство, особая стать — все это просто идеально вписывалось в представление о том, как должен выглядеть профессор и заведующий университетской кафедрой. Затем, после месяца сельхозработ, как тогда было принято, начались наши учебные будни. Для первокурсников Виктор Иванович читал основополагающий цикл лекций «Введение в арабскую филологию», записи которого у меня сохранились и поныне (впрочем, как и почти все читанные нам лекции). В то время Виктор Иванович также вел занятия по Корану для 3-го или 4-го курсов и затем уже на 5-м курсе в нашей группе мы читали с ним Введение к трактату «Ожерелье голубки» испано-арабского поэта, ученого и философа XI в. Ибн Хазма. Как известно, Виктор Иванович славился своими громадными знаниями и тонким филологическим чутьем. Что касается наших занятий, то, к сожалению, поначалу это было, по русской поговорке, не совсем «в коня корм». У нас тогда просто не было ни ума, ни востоковедного кругозора, чтобы в полной и должной мере оценить его глубочайшие и обширные познания и уметь воспользоваться ими. Сказывалось и то, что Виктор Иванович читал лекции довольно тихим голосом и несколько монотонно, а на занятиях со студентами, особенно младших курсов, придерживался, быть может, в какой-то мере «старомодных» правил — очень сильно чувствовалась дистанция. Многие стали приоткрываться постепенно. Вот, мы с Виктором Ивановичем читаем Коран, комментируется лексика, в частности слово ‘амуд, мн.ч. а‘мидатун, первое и основное значение которого — *столб, колонна*, а еще одно — метафорическое значение — *столп* в смысле «влиятельный человек», и тут же Виктор Иванович проводит параллели с европейскими языками и цитирует нам Петрарку (в подлиннике и в переводе): «*Повержен Лавр зеленый. Столп мой стройный! Обрушился.*» («*Rotta u l'alta colonna è 'l verde lauro...*») (9) [9]. И разъяснение: *столп* — это иносказательное указание на покровителя Петрарки, влиятельного кардинала Джованни Колонна (Colonna), чья фамилия дословно означает «колонна, столб» и который умер 3 июля 1348 года, ну, а *лавр зеленый* — воспетая Петраркой его возлюбленная *Лаура*, то есть *Лавра*, которая ушла в мир иной 6 апреля того же 1348 года. Примеры и отступления такого рода сопровождали наши занятия и собственно во многом и формировали уровень и условия нашего востоковедного образования в то время. Удивляться знаниям Виктора Ивановича приходилось впредь неоднократно, причем не только нам, но и носителям арабской культуры. Уже в начале 70-х гг. на защите очень хорошей кандидатской диссертации аспиранта из Ливана Вахиба Таннуса «Лирическая тема Родины в арабской поэзии по материалам “Китаб ал-маназил ва-д-дийар” Усамы ибн Мункиза», современника крестовых походов и знаменитого Саладина (Саллах ад-Дина), мне запомнилось замечание Виктора Ивановича, который в целом высоко оценив представленную работу, все же отметил, что, будучи арабом-христианином, диссертант не учел (вернее, неправильно истолковал) одну терминологическую особенность, свойственную

именно арабо-мусульманской культуре. Ну, а первоначальный курс «Введения в арабскую филологию» и задание Виктора Ивановича для меня подготовить к экзамену устный реферат по истории русской арабистики по материалам книги И.Ю. Крачковского [6] позже во многом способствовали и некоторым моим занятиям из истории востоковедения. Как-то уже в конце 90-х гг. мы с моим в прошлом преподавателем Кемалем Османовичем Юнусовым шли по длинному университетскому двору Двенадцати коллегий после экзамена на Восточном факультете, на котором присутствовали, и Кемаль Османович вспоминал, как раньше всегда было интересно на экзаменах по языку у Виктора Ивановича (а он почти всегда принимал сам все экзамены по арабскому языку). И это действительно так. На экзаменах в аудитории одновременно собиралась вся группа, задавались нестандартные вопросы, зачастую с опережением на тот момент наших знаний, можно было услышать интересные комментарии. Довольно интересно бывало и на заседаниях кафедры, куда приглашались студенты, порой на наших глазах неожиданно (после какой-нибудь реплики) происходили любопытные дискуссии о разных явлениях в литературном языке и диалектах между двумя профессорами — Виктором Ивановичем Беляевым и Исааком Натановичем Винниковым. Вообще темпераментный и необычайно живой Исаак Натанович и сдержанный и корректный Виктор Иванович очень хорошо дополняли друг друга (10). В университете Виктор Иванович был руководителем моей дипломной работы по лексикографии и, видимо, мы с моим однокурсником Я.П. Сикстулисом были уже последними выпускниками кафедры, которым еще довелось начать аспирантскую подготовку у Виктора Ивановича Беляева. Тема моей диссертации относилась к области исторической диалектологии и была посвящена лингвистическому анализу и изучению диалектизмов в памятнике христианско-арабской литературы XVII в. «Путешествие патриарха Макария Антиохийского», открывающем также возможности и для многоплановой работы по истории и исторической географии России и сопредельных стран. Виктор Иванович дал прекрасный старт этой работе, широко обрисовав внушительный пласт важнейших трудов европейских и отечественных ученых в области арабской современной и исторической диалектологии, особенности работы с рукописями, перечень необходимых материалов для изучения. Конечно, путеводной нитью для моей работы были и публикации самого Виктора Ивановича в этой области, в частности об арабской исторической диалектологии и арабских рукописях в Ленинграде [2; 3]. Под его руководством я приступила к чтению текста памятника «Путешествие Макария Антиохийского», и Виктор Иванович всегда умел найти разъяснение, казалось бы, совсем неясных фрагментов текста (они, например, оставались без перевода в известных французских изданиях Базиля Раду). К сожалению, тогда он уже начал много болеть, и вскоре его не стало. А продолжить написание диссертации и завершить ее мне уже удалось под руководством профессора Ольги Борисовны Фроловой (1926–2015), непосредственной ученицы Виктора Ивановича и его преемницы на посту руководителя кафедры арабской филологии в 1974–1997 гг., знатока арабских диалектов и арабских источников по истории России, ученого с ясным, четким и рациональным умом, с основательной подготовкой ленинградской-петербургской школы и одновременно хорошо знающей современные лингвистические методики.

О требовательности и строгости Виктора Ивановича, его умении «вычитывать» текст, бескомпромиссности в вопросах науки, доходившей порой,

возможно, до крайностей, ходили легенды. При некоторой, казалось бы, внешней нерешительности он всегда был невероятно тверд и непоколебим в том, что касалось науки, арабского языка. К тому же хорошо известно, что в не меньшей степени, если не в большей, он был требователен к себе. Тот, кто действительно хотел чему-нибудь серьезно научиться, воспринимал даже очень резкие замечания и оценки Виктора Ивановича без обид и с благодарностью за урок (хотя, к сожалению, так бывало не всегда). Иногда некоторые внешние проявления создавали определенные стереотипы о нашем учителе, которые, как потом оказывалось, были несправедливы. Так, еще в годы учебы в университете до нас доходили какие-то отрывочные и смутные сведения о том, что отец В.И. Беляева до 1917 г. занимал, вроде бы, довольно высокое положение в административном управлении Туркестанского края Российской империи, да и поверить в дворянское происхождение Виктора Ивановича было нетрудно. И вот как-то уже перед очередной экзаменационной сессией нам предстоял зачет по Корану, а при подготовке к занятиям мы, естественно, весьма широко пользовались известным переводом Корана И.Ю. Крачковского. Перед зачетом Виктор Иванович произнес перед нами «напутственную речь», в которой, в частности, настоятельно рекомендовал не держать при себе никаких «шпаргалок» и переводов и резюмировал: «Одним словом, чтобы из-под ваших столов все было “исчерпано”, как говорил наш старшина, когда я служил в Красной армии». Вот эта деталь биографии Виктора Ивановича была для нас так неожиданна, что мы совершенно до неприличия просто округлили глаза от удивления, а Виктор Иванович, заметив это, не понял, чему мы, собственно, так поразились и несколько удивленно добавил: «Ну, раньше так называлась Советская армия — то есть раньше это была Красная армия». А уже позже я узнала, что Виктор Иванович в 1925–1926 гг. был красноармейцем, в 1939–1940 гг. участвовал в финской кампании, получил тяжелое ранение. Удивляться некоторым высказываниям Виктора Ивановича нам случалось и далее. Я в общем добросовестно готовилась ко всем занятиям, но как-то раз, не помню по какой причине, не успела подготовиться к занятиям по Корану. А Виктор Иванович как раз мне предложил прочитать заданный отрывок. Мямлить мне не хотелось, и я честно призналась, извинившись, что сегодня не готова. И в ответ услышала: «А это безнравственно!» И, заметив удивление на лицах группы, добавил: «“безнравственно” — это вовсе не только то, что вы привыкли так называть». Так что это был еще один урок неукоснительности выполнения долга, а заодно и словоупотребления в русском языке. У Виктора Ивановича иногда и в мелочах проявлялись некоторые традиционные особенности старого востоковедения. Так, на кафедре арабской филологии ЛГУ еще в 60-е гг. было принято говорить «на Ливане», а не «в Ливане» (правда, это относилось к поездкам туда наших ученых еще до Первой мировой войны). Некоторые реминисценции с прошлыми временами проявлялись и в ударе — так, Виктор Иванович произносил слово «принцип» с ударением на втором слоге (и, каюсь, мне это немного напоминало тургеневского Павла Петровича из «Отцов и детей» с его «принсипами»). В ходе занятий он также любил задавать нам вопросы из области русского языка (например, как образовывать множественное число от слова «бремя»). Я уже упоминала о некоторой сухости и, как нам казалось, отстраненности Виктора Ивановича на младших курсах. Но уже на 5-м курсе мы переходили в новое качество — «дипломников», и манера общения с нами менялась, хотя для меня, признаться, такой

переход был несколько неожиданным. (Так, встретившись на Университетской набережной уже с пятикурсницей, то есть почти «взрослой», Виктор Иванович неизменно слегка приподнимал шляпу). Вообще, обнаружилось, что вне занятий, в обычном общении он был совершенно прост, демократичен и приветлив, а если того требовали обстоятельства, по-настоящему участлив. Как собеседник он был и весьма остроумен. Иногда, в том числе и в библиотечной практике, случаются, к сожалению, досадные ситуации, когда вдруг приходится что-нибудь подолгу разыскивать, например, какую-нибудь книгу, — и так и слышишь голос Виктора Ивановича и его характерную успокаивающую фразу: «Постепенно найдется!».

Оглядываясь назад, я понимаю, что в лице Виктора Ивановича встретилась с глубокой и неординарной личностью, многое в нем тогда я еще не успела узнать и оценить, да и силы у него уже были не те. И все же, вспоминая Восточный факультет ЛГУ 60–70-х гг. и Виктора Ивановича Беляева как одного из его самых значительных представителей, хочется завершить свои краткие «заметки» о нашем учителе известными словами В.А. Жуковского: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностию: были!».

М.С. Ниязова (Энсары), выпуск ЛГУ 1972 г.

(Ашхабад—Старый Петергоф, сотрудница АН Туркменской ССР в 1972–1994 гг. и посольства Саудовской Аравии в Ашхабаде в 1998–2009 гг.)

В 1967–1972 гг. я училась в Ленинграде на кафедре арабской филологии Восточного факультета ЛГУ (теперь СПбГУ). Так получилось, что моя семья была довольно близко знакома с Крачковскими. Моя мама, Зулейха Бакиевна Мухаммедова (1922–1984), доктор филологических наук, член-корреспондент АН ТаджССР, в 1930-е годы училась в московской школе на Арбате (ее отец был постоянным представителем Туркменской ССР при Совете Народных Комиссаров (то есть Совете Министров) СССР в Москве). Она первоначально совершенно не знала русского языка, но очень быстро его блестяще освоила и была просто влюблена в русскую культуру, литературу, а русскую филологию первоначально избрала в качестве своей профессии. Ее просто коробило, когда она слышала малейшую ошибку в русском языке. С И.Ю. Крачковским она познакомилась в Москве в 1943 г., где он был в эвакуации, а она, будучи студенткой исторического факультета Московского государственного университета, эвакуированного в Ашхабад, приехала вновь в Москву с рекомендательным письмом от профессора А. Поцелуевского, благодаря чему она и познакомилась с Игнатием Юлиановичем. И.Ю. Крачковский посоветовал ей не получать второе высшее образование на историческом факультете МГУ (поскольку у нее уже было высшее образование филолога), а поступить в аспирантуру института языкознания, куда она и поступила в 1944 г. Именно по настоянию Игнатия Юлиановича она занялась востоковедением, стала тюркологом, под руководством члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева написала кандидатскую диссертацию по Астрабадской рукописи Махтумкули. Она упомянута в знаменитой книге И.Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» как «молодая туркменистка...». И сам Игнатий Юлианович, и его жена Вера Александровна с большой сердечностью и любовью отнеслись к ней, она была принята в их доме в Ленинграде как близкий человек. Переписку Зулейхи Бакиевны и Игнатия Юлиановича можно прочесть в Петербургском филиале Архива РАН на Васильевском Острове.

Поэтому, когда я приехала в Ленинград учиться, Вера Александровна Крачковская дала мне кров в своей квартире, в том самом знаменитом «доме академиков» с мемориальными досками на углу 7-й линии и набережной. Вера Александровна была неисчерпаемым кладом всевозможных точных сведений о прошлом. И, таким образом, я могла не только знать Виктора Ивановича как его студентка, но и видеть его в качестве гостя Веры Александровны, а порой слышать разные рассказы о нем Веры Александровны. Он несколько раз в год ее тогда посещал. Вера Александровна Крачковская очень высоко ценила Виктора Ивановича Беляева, относилась к нему с доверием, всегда говорила о нем самыми добрыми словами. По ее словам, Виктор Иванович был одним из самых любимых учеников Игнатия Юлиановича Крачковского, который всегда с участием к нему относился и близко к сердцу принял его личное горе. Виктор Иванович ночевал в квартире Крачковских в 30-е годы, когда на Васильевском острове в больнице лежала его маленькая дочь, которую, к сожалению, спасти не удалось. Вера Александровна вспоминала, что более красивого ребенка она никогда не видела.

С ее слов помню, что Виктора Ивановича мобилизовали в армию во время финской кампании, но он был серьезно ранен снайпером, а потому во время Великой Отечественной войны призыву не подлежал. Однако он старался все равно быть как-то полезным при обороне Ленинграда (в 1941 и до июля 1942 года он оставался в блокадном городе). Виктор Иванович пытался ездить на трамвае на окраину Ленинграда, чтобы участвовать в рытье траншей, но бдительные ленинградские женщины как-то приняли В.И. Беляева, еще нестарого мужчину, с отличной выправкой и всегда безукоризненно выглядящего, за шпиона и сдали его в милицию. Помню некоторые упоминания Веры Александровны об отце Виктора Ивановича. В бытность его в Туркестане (к сожалению, не знаю точно, какая у него там была должность) он старался что-то сделать для развития культуры местного населения. Так, его стараниями в местной газете стала регулярно появляться рубрика, в которой хотя бы несколько строк были напечатаны на национальном языке, что снискало ему уважение местного населения. Широко известно о необыкновенных знаниях Виктора Ивановича. Также со слов Веры Александровны помню, что на одной из крупных арабистических конференций в Москве он, сидя в Президиуме, по подлиннику и без предварительной подготовки сверял перевод одного из произведений классической арабской литературы, который зачитывал, если не ошибаюсь, И.М. Фильштинский. Виктор Иванович отличался необычайной принципиальностью, и в том, что касалось науки и арабского языка, никогда не шел ни на какие уступки. В моей памяти Виктор Иванович остался навсегда человеком кристальной честности, порядочности, принципиальности... Светлая ему память!

(1). В.А. Эберман и М.Н. Соколов в 1932 г. были арестованы по ложным обвинениям.

(2). Школа была основана еще в 1835 г. и первоначально возглавлялась выдающимся деятелем арабской культуры Рифа'а ат-Тахтави. Позже школа то закрывалась, то вновь открывалась и, наконец, возродилась в 1956 г. на базе вечерних курсов иностранных языков при Каирском университете, созданных после революции в 1952 г. для усовершенствования знаний иностранных языков лицами с высшим образованием. О дальнейших переименованиях и преобразованиях школы см. в тексте наст. ст.

(3). Шихсаидов Амри Рзаевич (р.1928) — востоковед, докт. ист. наук, гл. науч. сотр. Института истории археологии и этнографии Дагест. Науч. центра РАН; выпускник Восточного факультета

ЛГУ (арабистика); область науч. интересов — история и культура средневекового Дагестана, исламская культура, арабская рукописная книга и пр.

(4). Матвеев Виктор Владимирович (1928–1995) — востоковед, докт. ист. наук, сотр. и впоследствии зав. Сектором африканских исследований Института этнографии (теперь Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) РАН (Кунсткамера); выпускник Восточного факультета ЛГУ (арабистика); область науч. интересов — арабские источники по Африке, исследование проблем этнической истории Африки.

(5). Ибн Хаукал — Абу-л-Касим (Мухаммад) ибн Хаукал ан-Насиб ал-Хаукали, арабский географ и путешественник X в.

(6). Абу Ханифа ад-Динавери Ахмад ибн Дауд (ум. ок. 895) — араб. филолог и историк, занимался также математикой, астрономией, ботаникой и географией. «Книга длинных известий» («Китаб аль-ахбар ат-тиваль») — историческое сочинение, полностью дошедшее до нас, мусульманская «всеобщая история» от Александра Македонского до середины IX в., изд. В.Ф. Гиргасом в Лейдене в 1888, в 1912 к изданию Гиргаса было опубликовано предисловие И.Ю. Крачковского. См.: [1; 11; 12; 16].

(7). Афрасиаб — древнее арабское название Самарканда Афрасиабская керамика — поливная глиняная орнаментированная керамика (блюда, кувшины), выполненная в особой технике в эпоху Саманидов в Мавераннахре (IX–X вв.), занимает особое место в прикладном искусстве всего Переднего и Среднеазиатского Востока. Ее лучшие образцы, собранные главным образом на Афрасиабе, хранятся в Самаркандском музее, Государственном Эрмитаже.

(8). Кафедра арабской филологии в 60-х гг. XX в. находилась в аудитории № 22, теперь № 178, где сейчас размещается Корейский центр; позже кафедра была перемещена в помещение № 169 (по новой нумерации), где она и находится в настоящее время.

(9). Петрарка Ф. Сонет CCLXIX «*Rotta è l'alta colonna e 'l verde lauro...*», досл. с итал.: *Разбита высокая колонна и зеленый лавр!* (из кн.: Сонеты *Canzoniere* (1327–1368). Этот сонет переводили на русский язык многие поэты, в том числе: К.Н. Батюшков, 1810 («Колонна гордая! о лавр вечно зелёный!..»), И.И. Козлов, 1835 («Прекрасная колонна пала...»), В.И. Иванов, 1915 (Повержен Лавр зеленый. Столп мой стройный! Обрушился»). См. напр. издание: Петрарка Ф. Сонеты. — М.: ТОО Летопись, 1997.

(10). Об этом же вспоминает и Г.М. Демидова (Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета первых послевоенных лет. СПб., 2005. С. 53–54).

ИСТОЧНИКИ

1. Абу Ханифа ад-Динавери Ахмад ибн Дауд // БСЭ. Т. 1. С. 40. Стб. 96.
2. *Беляев В.И.* Арабская историческая диалектология и арабские рукописи в Ленинграде // Вопр. филологии стран Азии и Африки. Л., 1973. Вып. 2. С. 3–9.
3. *Беляев В.И.* Диалектизмы в «1001 ночи» // Вопр. филологии стран Азии и Африки. Л., 1971. Вып. 1. С. 19–27.
4. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописям: листки воспоминаний о книгах и людях. 4-е изд. М.; Наука, 1965. 232 с.
5. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 299 с. (Итоги и проблемы современной науки).
6. *Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль-Баккаи, со слов Ибн Исхака аль-Мутталиба (первая половина VIII века) / пер. с араб. Н.А. Гайнуллина. М.: Умма, 2007. 656 с. — См.: № 14.
7. *Ал-Магриби Йусуф ибн Закарийа.* Даф' ал 'иср 'ан калам ахл Миср = Удаление бремени с речи жителей Египта: факсимиле рукописи / предисл. и указатели А.С. Аввада. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1968. 26, 337 с. (Серия «Памятники письменности Востока»; XXIII).
8. *Петрарка Ф.* Сонеты / пер. с лат. и ит. М.: ТОО Летопись, 1997. 349, [1] с.
9. *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР / под ред. В.Л. Вихновича. СПб.: Европ. дом, 2005. С. 217–220. — Из гл. 28: Новый преподаватель арабского языка В.И. Беляев. (Перепечатка с разрешения ред. книги В.Л. Вихновича — сост.). В основу книги положены записи устных рассказов К.Б. Старковой на магнитофон.

11. *Abū Hanīfa ad-Dinaweri*. Kitāb al-Aḥbār at-tiwāl / Publié par V.I. Guirgass. Leide, 1888. P. 353.
 12. *Abu Hanifa ad-Dinavari*. Kitāb al-ahbar at-tiwal / Préface, variantes, et index par I. Kratchkovsky. Leiden: Brill, 1912. 174 p.
 13. Bibliotheca geographorum arabicorum / ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum (Lipsiae), 1870–1894. V. I–VIII. — В тексте: BGA.
 14. Bibliotheca geographorum arabicorum. 2-е изд. Вып. 1–2 / ed. J.H. Kramers. Lugduni Batavorum (Lipsiae), 1938–1939. — В тексте: BGA II.
 15. م. بيروت : الخير، 4 ابن. هشام. (أبو محمد عبد الملك بن هشام بن أيوب الحميري). السيرة النبوية. 1993
Ибн Хишам (Абу Мухаммад Абд аль-Малик ибн Хишам аль-Химьяри). ас-Сира Набавийа = Жизнеописание Пророка Мухаммада: в 4 т. Бейрут: ал-Хайр, 1993. — См.: № 5.
 16. أبو حنيفة الدينوري. كتاب لاخبار الطوال.
- См. также ссылки: №№ 10–11.

См.: рис. №№ 1–8, 12, 14, 15.

УУДК 94(47-470.23-25) : 008(-11) : 92 : 378.4
ББК 86.38(2-2Санкт-Петербург)5
80.50р(2)52

А.Н. Тагирджанова

**МИРЗА АЛЕКСАНДР КАЗЕМ-БЕК
И ХУСАИН ФАИЗХАНОВ —
НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ:
ИЗ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТА ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ
И МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**
(по материалам Центрального государственного исторического архива СПб.)

АННОТАЦИЯ

Приводятся биографические сведения и характеризуется научная деятельность представителей Востока в Петербургском университете — декана Факультета восточных языков Александра Касимовича Казем-бека и лектора факультета, Хусайна Фаизханова, описаны их взаимоотношения.

Ключевые слова: А.К. Казем-бек, Хусайн Фаизханов, Дербент, Астрахань, Казанский университет, Петербургский университет, Факультет восточных языков, МИД, Русское археологическое общество.

Санкт-Петербург — город европейской культуры и одновременно всемирно известный центр ориенталистики. Подтверждением роли русского востоковедения была и организация в 1876 г. в Петербурге III Международного съезда ориенталистов, торжественное открытие которого состоялось в актовом зале Императорского Петербургского университета. Участники съезда, ориенталисты всего мира смогли оценить многочисленные коллекции восточных рукописей, нумизматики и прикладного искусства, многолетний вклад в дело изучения Востока русских ученых, среди которых было немало и представителей восточных народов, в том числе, мусульман. Образованные мусульмане, подданные российского императора, приняли участие в работе съезда. Среди них были служившие в столице драгоман при Министерстве иностранных дел К. Абдинов, ахун Собственного Его Императорского Величества конвоя Х. Тагиров, штабс-ротмистр лейб-гвардии Атаманского Цесаревича полка султан Валиханов и «туземцы», прибывшие из Туркестана по специальным приглашениям.

Развитие отечественной ориенталистики неразрывно связано с именем выдающегося востоковеда Александра Касимовича Казем-Бека, первого декана факультета восточных языков (ФВЯ) Императорского Петербургского университета. Вклад в науку его молодого коллеги Хусайна Фаизханова тоже был по достоинству оценен современниками. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона были помещены статьи об этих ученых. Отметим, что А.К. Казем-Беку посвящены две статьи. Одна содержит биографиче-

ские сведения и список основных трудов, а другая дает информацию о русском дворянском роде, происходящем от знатного персиянина Назыр-Магомет-хана, деда профессора Казем-Бека [5; 6].

Александр Касимович Казем-Бек был потомком двух влиятельных восточных родов. Он родился 22 июня 1802 г. в городе Реште, на территории современного Ирана, и был наречен Мухаммедом Али. Его полное имя — Мухаммед Али Гаджи Касым оглы Казем-Бек. Отец мальчика Гаджи Касым Казем-Бек — дербентский азербайджанец, ученый богослов, носил высокий среди шиитов титул шейх уль-ислам, мать была персиянкой, дочь губернатора Решта Мир-Багкыр-Хана. Родители имели возможность дать сыну основательное мусульманское образование, и, благодаря своим незаурядным способностям, уже 1819—1820 гг. он стал известен среди образованных мусульман двумя рукописными работами «Опыт грамматики арабского языка» и сборником шарад на арабском и персидском языках. В 1820 г. Гаджи Касым Казем-Бек, заподозренный в нелояльности к правительству, по приговору военного суда был выслан из Дербента в Астрахань, куда вслед за отцом отправился и Мухаммед Али. Еще в бытность свою в Дербенте он познакомился с шотландскими христианскими миссионерами и общался с ними. В Астрахани он вновь встретился с шотландскими миссионерами-протестантами, которым требовался учитель арабского и турецкого языков. Молодой человек согласился с ними заниматься, но с условием, что будет брать уроки английского языка. Нужно сказать, что занятия эти порой выходили за рамки обучения языкам и выливались в жаркие споры. Казем-Бек вспоминал: «...любопытство с одной стороны и досада на себя с другой ежедневно умножались и, наконец, борьба внутренних чувств моих меня истощила. Моя вера колебалась, мои сомнения не давали мне покоя, а любопытство не переставало увлекать меня далее и далее...» [9, с. 222]. Юноша поссорился с отцом и покинул дом. В 1822 г. он написал трактат об истине христианской религии «Рисалэ», а 11 июля 1823 г. миссионеры крестили Мухаммеда-Али. Он принял христианство пресвитерианского толка и получил новое имя Александр. С этого момента жизнь молодого человека коренным образом изменилась, теперь он сопровождал миссионеров в татарские селения, углубился в изучение европейских наук. Императорским указом Казем-Бек был назначен с 25 августа 1825 г. на должность учителя татарского языка в Омское Азиатское училище (по другим данным — Омский кадетский корпус), однако до Омска он фактически не доехал. По пути в Омск он в связи с болезнью задержался в Казани и по предложению ректора Казанского университета К.Ф. Фукса с 30 января 1826 г. стал преподавать арабский и персидский языки в 1-й Казанской гимназии. Примерно через полгода (в июле 1826 г.) отделение словесных наук Казанского университета устроило для Казем-Бека экзамен («испытание») по восточным языкам, после чего К.Ф. Фукс просил МИД уволить его со службы в Министерстве и разрешить официальный перевод его из Омска в Казанский университет. Осенью 1826 г. Казем-Бек был назначен в университет на должность лектора (старшего преподавателя) арабского и персидского языков, о чем свидетельствует Приказ м.н.п. А.С. Шишкова от 31 окт. 1826 г.: О назначении А.К. Казембека на должность лектора вост. яз. [7; 17, оп. 40, ед. хр. 214, л. 9—9об.; оп. 41, ед. хр. 194, л. 5]; [18, оп. 1 д. 6536 л. 1]. Благодаря незаурядному таланту Казем-Бек достаточно быстро продвинулся по научной лестнице.

14 января 1829 г. Александр Казем-Бек обратился с Всепокорнейшим прошением к самому императору: «...Звание лектора при Императорском Казанском университете доставило мне честь быть в числе чиновников сего почтенного заведения. Все, находящиеся в службе университета, имеют особенный, Высочайше утвержденный мундир; но я, нося персидское платье, лишен сего особенного знака отличия чиновников здешнего Университета: с первых дней малолетства, привыкнув ходить в моем природном одеянии, я бы чувствовал величайшее затруднение переменить оное на европейское. За несколько же лет пред сим учитель астраханской гимназии Мирза Абдулла получил Высочайше утвержденный мундир, состоящий из верхнего персидского синего цвета кафтана с шитьем университета, а вместо шпаги, саблю с темляком (1)...» [2]. Два месяца спустя он получил соответствующее разрешение и стал носить мундир особого образца. Казем-Бек не имел академического образования, поэтому степень своей учености указывал словом «Мирза», как было принято у мусульман Азербайджана (2). В 1831 г. Мирза Александр Казем-Бек написал работу на персидском языке на соискание должности адъюнкта восточной словесности «Ат-тухфат (скромный подарок из ученого сада арабского народа), рассуждение о литературе арабов». Спустя пять лет его утвердили экстраординарным профессором Казанского университета, а через год ординарным профессором, кроме университета он в течение года преподавал в Казанской духовной семинарии, был цензором и заведовал минц-кабинетом Казанского университета, то есть серьезно интересовался нумизматикой. С 1829 г. по 1846 г. Казем-Бек возглавлял кафедру турецко-татарского языка университета, затем — кафедру арабско-персидского языка. В 1835 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук в Санкт-Петербурге, в 1845–1849 гг. работал деканом 1-го отделения философского факультета Казанского университета. В 1849 г. Мирза Александр Касимович Казем-Бек был утвержден в звании почетного члена Казанского университета.

В Журнале Министерства народного просвещения и в Ученых записках Казанского университета были опубликованы его работы по исламу, истории крымских татар, уйгуров и древних народах Средней Азии, об успехах восточной словесности в Европе и ее упадке в Азии и многие другие. По рекомендации руководства университета ученый разработал фундаментальную по тем временам «Общую грамматику турецко-татарского языка», которая выдержала несколько изданий на европейских языках.

Приведем одно из воспоминаний того времени: «...при описании Казани, нельзя не упомянуть об одном из значительных «львов» ея. Мирза Казембек столь выдающаяся личность, что описание общества, среди которого занимал он весьма видное положение, было бы неполным без воспоминания о нем. Представьте себе, читатель, персидского мирзу, выражающего мысли свои в равном совершенстве на языках турецком, татарском, арабском, персидском, английском, русском; к тому же мог он выражаться несколько по-французски и по-немецки.<...> Казембека, при том, отличали его высокий рост, благородная осанка, изящные черты лица, черная и густая борода, черные глаза полные такой огненности, что, по словам одной петербургской дамы, трудно было смотреть на него прямо, по магнетизму его взора. В салонном разговоре был он изящен, в беседах с дамами остроумен и эффектен, на балах из лучших танцоров <...>. Наконец, замечательное влияние его личности вполне объясняется благородным и щедрым характером его, которым отличался он ...»

[9, с. 222]. В 1842 г. Казем-Бек женился первым браком на дочери казанского дворянина Прасковье Александровне Костливцевой. Поручителем по жениху был ректор Казанского университета известный ученый математик Н.И. Лобачевский. Вскоре супруги переехали в Санкт-Петербург. 26 августа 1849 г. Казем-Бек занял вакансию ординарного профессора по кафедре персидской словесности в столичном университете. Блестящий знаток ислама, восточных языков и методики преподавания, знакомый с национальными обычаями и традициями мусульманских народов, Казем-Бек занял свою нишу. Прошло немного времени, и он стал совмещать преподавательскую деятельность с инспекцией частных пансионов и школ, с работой во II отделении Собственной Его Величества канцелярии, в Святейшем Синоде, где переводил христианские богослужебные книги на татарский язык, и в магометанском отделе Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД.

22 октября 1854 г. император Николай I подписал Указ Правительствующему Сенату о преобразовании Отделения восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета в Факультет восточных языков с одновременным слиянием его с отделениями восточных языков Казанского и Харьковского университетов и Ришельевского лицея в Одессе. Открытие факультета состоялось в 1855 г. уже при Александре II. В результате в Университете оказались лучшие российские востоковеды того времени. Первым деканом факультета был утвержден Мирза Александр Касимович Казем-Бек. Небольшой опыт административной работы в Петербурге у него уже имелся, в 1853 г. Казем-Бек исполнял обязанности декана историко-филологического факультета во время поездки коллеги за границу [18, оп. 3, д. 7151, л. 1]. Казем-Бек способствовал переводу в Петербург своих коллег из Казани, одним из которых и был Хусаин Фаизханов. Немного забегаая вперед, скажем, что с семьей Фаизханова Мирза Казем-Бек будет связан всю жизнь.

Х. Фаизханов (1823–1866) — молодой талантливый коллега Казем-Бека, родился в крестьянской семье в Симбирской губернии (3). Начальное традиционное образование Хусаин получил в родной деревне, а продолжил обучение в Казани в медресе известного богослова и историка Шигабутдина Марджани (1818–1889). Марджани ввел молодого человека в круг знакомых востоковедов, преподавателей Казанского университета. Его оценили. В Петербурге Хусаин плодотворно работал, женился на дочери петербургского имама. Общеизвестно, что мусульманская община существовала в Петербурге с первых лет основания города. В семье Фаизхановых одна за другой родились три дочери. Заслуженное признание пришло после того, как в архиве Министерства иностранных дел (Москва) Хусаин описал средневековые тюркоязычные дипломатические документы, затем составил картотеку арабских рукописей Азиатского музея при Императорской академии наук (4). В 1860 г. коллеги избрали Фаизханова действительным членом Русского археологического общества. Он также серьезно занимался эпиграфикой и внес вклад в исследование болгарской эпиграфики и эпиграфики эпохи Касимовского ханства (5). Х. Фаизханов не имел светского академического образования и степень своей учености, по примеру Казем-Бека, указывал по-мусульмански словом: «мулла» (6). Фаизханов был автором ряда трудов, из которых при жизни был издан лишь один — учебник «Краткая грамматика татарского языка» (1862), в приложении к которому он разместил свои переводы отрывков из известных памятников литературы. Не были изданы работа о проекте

реформы в татарской школе «Школьная реформа» (Ислах аль-мадарис), «История Казани», «Касимовское ханство». К сожалению, его попытка заняться журналистикой не увенчалась успехом. Разрешения издавать в Петербурге на татарском языке журнал «Фаида» («Польза») совместно с Петром Ивановичем Пашино (7) не последовало.

У Александра Касимовича Казем-Бека начало научной и административной деятельности в Петербургском университете омрачилось скорбным событием в личной жизни. Мирза овдовел. 12 апреля 1855 г. он вынужден был подать прошение императору: «В минувшем ноябре, волею Всевышнего Бога, я лишился жены, оставившей мне трех малолетних сирот: одну дочь и двоих сыновей, — все православного вероисповедания. Не имея средств дать приличное воспитание моему старшему 10 летнему сыну Александру, я осмеливаюсь всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество Всемиловитейше соизволить на определение его по надлежащем испытании в приготовительный класс Императорского училища правоведения, а затем, по установленному порядку, в самое училище — сверхкомплектным пансионером Вашего Императорского Величества. Уповая на щедроты и царскую милость Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь надеяться, что во внимание к 30-ти летней усердной и безупречной моей службе, Ваше Императорское Величество благоволите соизволить на просимую мною милость» [16, оп. 1, д. 1326, л. 2].

Плата за обучение и воспитание составляла 450 рублей серебром в год [1, л. 7 об.] и, как оказалось, несмотря на достигнутое положение в обществе, Казем-Бек не мог дать сыну достойное образование. Прощение Казем-Бека поддержал статс-секретарь князь Голицын. С 1 августа 1858 г. стоявший «на очереди кандидата своекошного воспитанника 14-го класса Александра Казем-Бека» зачислили на открывшуюся после выпуска «вакансию пансионера Государя Императора на счет Кабинета Его Величества» [16, л. 12]. Мальчик стал учиться в лучшем привилегированном учебном заведении того времени.

В Петербурге Казем-Бек не прерывал научных связей с Казанью, оказывал необходимую помощь коллегам и не только. Хочется отметить один из архивных документов: Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор сообщил, что удержал из жалования «исполняющего обязанности драгомана канцелярии моей коллежского секретаря Алиева семьдесят рублей и 5 копеек серебром для передачи профессору Казембеку» [18, оп. 3, д. 8103, л. 1]. Подробностей в деле, к сожалению, нет, видимо переводчик переоценил свои возможности и не справился с работой, завершить которую пришлось Казем-Беку. В 1858 г. из-за возникших разногласий по поводу пересмотра учебных программ профессор Казем-Бек подал в отставку и на некоторое время отстранился от административной работы, переключившись на научно-исследовательскую деятельность. Он создал «Полный конкорданс Корана, или ключ ко всем словам и выражениям его текста, для руководства и исследования религиозных, юридических, исторических и литературных начал всей книги» и написал ряд других трудов.

В октябре 1859 г. в петербургских газетах в разделах городской хроники ученый упоминался в связи с пребыванием в столице почетного пленника императора имама Шамиля, который изъявил желание встретиться с профессором.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «... После довольно продолжительного разговора г. Казембек представил Шамилю три свои сочи-

нения — одно на турецком языке, под названием Мухаммедия и два на арабском — Мухтесер и Фухруст. Последнее (недавно вышедшая из литографии большая книга in folio) более всех обратило на себя внимание имама. Он долго с большим любопытством рассматривал эту книгу, оставял ее и снова брал, делая при этом вопросы.<...> Имам назвал несколько арабских сочинений, которые оказались в библиотеке профессора и были немедленно ему представлены. <...> Хозяин между прочим показал своему гостю всю свою коллекцию манускриптов, числом до 175. Шамиль с грустью посмотрел на них и сказал несколько слов печальным тоном. По переводу оказалось, что он оплакивает свою славную коллекцию манускриптов, которую так беспощадно разграбили свои же мюриды. “Мне ничего так не жаль, как моих книг”, — сказал Шамиль...» [10].

После встречи с имамом профессор написал работы о религиозно-политических движениях в среде мусульман: «Мюридизм и Шамиль», «Баб и бабиды. Религиозно-политические смуты в Персии в 1844—1852 гг.». Научно-популярные статьи и очерки Мирзы Казем-Бека появлялись на страницах журналов «Русское слово», в газетах «Северная пчела», «Северная почта» и др.

В 1866 г. его кандидатура рассматривалась на должность декана факультета восточных языков, которую он вторично занял. В 1867 г. Казем-Бек, дослужившийся к тому времени до чина тайного советника, начал преподавать восточные языки в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. К этому времени относятся его рукописи: «Шерауль-ислам. Книга 2. Книга о браке (никах) у арабов»; «О языке и литературе персов до исламизма»; «Известия из Закавказья. Водопровод в городе Куба»; «Иранский эпос (о «Шах-намэ»)»; «Очерк истории мусульманского Кавказа»; «Об удовольствиях мира под названием невинных и о влиянии их к достижению истинного счастья» «Персидская литература»; «Эпические сказания древних персов, чем начинается ново-персидская литература».

За выдающиеся заслуги в области науки и образования Мирза Казем-Бек был избран действительным членом Британского Королевского Азиатского общества в Лондоне, членом Копенгагенского Королевского общества северных антиквариев, членом Азиатского общества в Париже, членом-корреспондентом Американского общества ориенталистов в Бостоне, членом Американского философского общества и членом Германского общества ориенталистов в Берлине. Он трижды удостоивался Демидовской премии (8). Первый раз Демидовская премия была присуждена Казем-Беку в 1846 г. за второе издание «Грамматики турецко-татарского языка», положившей начало научному изучению азербайджанского языка. Второй раз в 1851 г. — за исторический труд «Дербент-наме» на английском языке, над которым ученый работал долгие двенадцать лет; а третий раз в 1854 г. — за «Учебные пособия для временного курса турецкого языка в Императорской Военной Академии». Ему было присвоено звание заслуженного профессора Петербургского университета. Казем-Бек был награжден российскими орденами Белого Орла, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени, а также орденами иностранных государств. В частности, в 1869 г. за перевод книги «Шерауль-ислам», отпечатанный в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и поднесенной в подарок персидскому шаху, профессор получил из Персии почетную одежду и кашемировую

шаль [18, оп. 1, д. 4926, л. 163]. В этом же году Мирзе А.К. Казем-Беку было присуждено звание почетного доктора восточной словесности. В конце апреля 1869 г. Казем-бек выехал из Петербурга в Германию для лечения минеральными водами. Из Германии он отправился в Париж, далее посетил Лондон и Оксфорд, познакомился с работой знаменитого Оксфордского университета. В ноябре он вернулся в Россию, но болезнь не отступила.

29 ноября 1870 г. столичная газета «Санкт-Петербургские ведомости» на одной из страниц поместила некролог: «Александр Александрович Казем-Бек, с душевным прискорбием извещая о кончине своего отца мирзы Александра Касимовича Казем-Бека, последовавшей в пятницу 27-го ноября, в 9 часов вечера, покорнейше просит знакомых покойного, желающих почтить память усопшего, пожаловать на вынос тела, в понедельник, 30-го ноября в 10 ½ часов утра, из пресвитерианской церкви — по Ново-Исаакиевской улице, в воксал Царскосельской железной дороги, а оттуда в Павловск, на городское кладбище. Особых приглашений не будет».

Обратим внимание на день кончины ученого. Принявший христианство, чтобы иметь возможность полноценно служить науке, Мирза Александр Касимович Казем-Бек умер в пятницу, в день, наиболее почитаемый мусульманами. К сожалению, место захоронения ученого утрачено.

Нельзя оставить без внимания семейную жизнь и родственные связи профессора Мирзы А.К. Казем-Бека. В первом браке у профессора родились четверо детей, двое из которых умерли в раннем детстве. Старшая дочь Ольга Александровна (1843—1918) вышла замуж за сына известного поэта Евгения Баратынского — Николая Баратынского и жила в Казани. Интересно отметить, что мужчины из рода Баратынских ценили восточных красавиц. Брат поэта Иракий Баратынский, губернатор Казани и генерал-майор свиты Его Императорского Величества, был женат на Анне Давыдовне Абамелек (1814—1889), представительнице двух знатных армянских родов Абамелек, происходивших из Грузии, и Лазаревых, служивших при дворе персидского шаха Аббаса II. Александр Александрович Казем-Бек (1844—1894), выпускник Императорского Училища Правоведения, был гофмейстером, управлял канцелярией министерства юстиции, а затем стал сенатором. В 1867 г. А.А. Казем-Бек женился на Марии Львовне Толстой из известного рода графов Толстых. Ее отец, тезка великого русского писателя, Лев Толстой был владельцем больших земельных участков под Казанью. Около 3 тысяч десятин пригодных посевных земель и лесных массивов, предоставленных дочери в качестве приданого, позволили А.А. Казем-Беку стать в ряд крупнейших землевладельцев губернии. Но из-за плохого и нерадивого пользования эти участки позднее превратились для семьи в дополнительную головную боль [3].

Вторым, гражданским браком А.К. Казем-Бек был женат на Екатерине Николаевне Гантунг, урожденной Муравьевой. Семейное счастье омрачал бывший муж его избранницы, который отказывал в разводе. В этой семье у Казем-Бека родились двое детей: Мария (1867 г.р.) и Николай (1868 г.р.). Они малолетними остались без отца. Положение молодой женщины и ее детей было сложным. Для Марии приобрели метрики умершей дочери купца Еврамова и стала она Марией Константиновной [13, с. 387]. Николая увезли в Уфу и взяли в свою семью Фаизхановы. Сведения об этом были получены бакинским историком Нармин ханум Тагирзаде (1921—2012) от внучки А.К. Казем-Бека Марии Николаевны Щетининой, дочери Николая [18,

оп. 1, д. 4926, л. 163]. Самого Хусаина уже не было в живых, но тогда в Уфе в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) (9) служил его младший брат Габделгаллям (1850–1910), экономист и просветитель. После окончания медресе Габделгаллям продолжил учебу в Казанском университете, был известен рядом переводов шедевров мировой литературы с персидского языка на татарский язык и трудами по экономике. У Фаизхановых маленький сын Казем-Бека не мог находиться долго. По реалиям того времени мусульманам не разрешалось воспитывать детей православного вероисповедания. Мальчика усыновили Александр Александрович и Мария Львовна Казем-Беки, и он покинул гостеприимный дом.

Родственники Х. Фаизханова были благодарны покойному А.К. Казем-Беку и хотели помочь его молодой вдове. В подтверждение этих слов хочется привести фрагменты из архивных документов, которые отражают не только деловые качества, но и душевную щедрость декана. В 1868 г. факультет, деканом которого был Мирза Казем-Бек, обратился в Совет Императорского университета с просьбой ходатайствовать перед Попечителем Петербургского учебного округа «о назначении вдове лектора татарского языка Фейз Ханова за службу мужа ея единовременного пособия 1000 руб. из сумм Государственного Казначейства». Попечителю сообщили: «1. что лектор Фейз Ханов в течение многих лет исполнял разные должности при университете, не получая за то никакого вознаграждения и имея в виду лишь пользу науки и факультета 2., что научные занятия его признаются факультетом Восточных языков и засвидетельствованы Императорской академией наук, выдвинули его из уровня всей массы мусульманского населения России, несмотря на подлое происхождение и самое скудное воспитание, 3. что здоровье Фейз Ханова горячо преданного науке было расстроено, усиленными научными и педагогическими занятиями, так что и сама смерть его последовала при исполнении возложенного на него поручения и наконец 4. бедственное положение семейства его...» [18, оп. 3, д. 8960, л. 2].

Умер ученый в 1866 г., возвращаясь из очередной экспедиции. Похоронили Х. Фаизханова в родном селе (10). Вдове университет выплатил пособие на погребение, потом в разные годы ей перечислялись суммы в 250 руб., 300 руб. и 200 руб. [18, оп. 3, д. 9226, л. 1]. Последняя сумма была выплачена в 1873 г. За обучение старшей дочери в гимназии платил Казем-Бек. Не имея средств оплачивать обучение собственного сына, он платил за дочь своего друга и заботился о его семье.

В Петербурге о Хусаине Фаизханове помнили ученые-востоковеды и образованные мусульмане. Материалы Фаизханова, полученные им в ходе командировок по национальным окраинам, были включены его коллегой Л.З. Будаговым в «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», изданный в 1869–1871 гг. в типографии Императорской Академии наук. В столице жил и работал внук Фаизханова юрист и политический деятель Али-Оскар Сыртланов (1875–1912), выпускник Александровской военно-юридической академии, депутат Государственной думы 3-го созыва. В 1910 г. он был избран председателем Петербургского мусульманского благотворительного общества, а его супруга Амина Сыртланова возглавляла общество просвещения среди мусульман. Неожиданной находкой в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга стало личное дело другого внука Хусаина Фаизханова. Им оказался дворянин Сервер-бек Фейзулла-бек Заде

Атабеков-Коблианский, подавший документы на юридический факультет университета в 1914 г. [18, оп. 3, д. 69743]. В метрическом свидетельстве, поданном в университет, указано, что он рожден от законной жены отца своего, «Зейнаб ханумы дочери профессора Гусейн эфенди Фейзханова» [18, оп. 3, д. 69743, л. 10]. В 1916 г. Атабеков-Коблианский получил диплом юриста и подал прошение о зачислении его студентом или вольнослушателем на медицинский факультет [18, оп. 3, д. 69743, л. 3, 5]. Молодой человек происходил из старинного и знатного азербайджанского рода. К сожалению, неизвестно, каких политических взглядов он придерживался и как сложилась его судьба. Бакинские историки сведениями о деятельности С. Атабекова-Коблианского не располагают.

История изучения мусульманской общины Петербурга — составная часть истории не только города, но и всей страны. Представители национальной интеллигенции разных мусульманских народов и народностей служили и учились в Императорском Санкт-Петербургском университете, и хотя их численность была незначительной, многие из них внесли свой вклад в науку или оставили заметный след в истории Отечества.

(1). Темляк — согнутая пополам тесьма (нитяная, кожаная или из галуна) с кистью на конце, носимая на рукоятке меча, шпаги, сабли, шашки.

(2). У азербайджанцев слово «мирза» многозначно и поэтому пишется по-разному: «Мирза» с прописной буквы перед именем собственным означает титул учености, а «мирза» со строчной буквы — секретарь (писарь); после имени собственного «мирза» обозначает знатность происхождения (принц).

(3). Деревня Сабачай (Собачий Остров) Курмышского Симбирской губернии, в настоящее время село Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области.

(4). В архиве МИД Фаизханов изучил дипломатические грамоты крымских ханов. Данные материалы были использованы известным востоковедом В.В. Вельяминовым-Зерновым в его капитальном труде «Исследование о касимовских царях и царевичах».

(5). Так, после научных командировок в 1858 г. в Оренбургский край, Фаизханов написал статью «Три подробных болгарских надписи» в «Известиях Российского археологического общества», а также выступил с докладом по этой теме в ИРАО. В 1860 г. он снял копии с татарских надгробных памятников в Касимове.

(6). Мулла — (заимствование из арабского яз. в значении «господин, повелитель, владыка») — учитель религиозной школы; грамотный, ученый человек. В Российской империи мулла приравнивался к священнику, назначался специальным указом и состоял при конкретной мечети.

(7). Пашино П.И. (1838 — 1891) — востоковед, этнограф, путешественник по Востоку, писатель и издатель.

(8). Премия была учреждена в 1831 г. почетным членом Академии наук Павлом Николаевичем Демидовым (1798—1840), владельцем уральских чугуноплавильных заводов, для ученых, не принадлежащих Академии, за научные труды в различных областях знаний, открытия, результаты научных экспедиций. Средства на выдачу премий (20 тысяч рублей ежегодно) и издание рукописей (5 тысяч — ежегодно) перечислял сам Демидов, а после его смерти в течении 25 лет по завещанию — наследники. Демидовская премия была возрождена в 1992 г. Международным Демидовским фондом в Екатеринбурге. Среди ее лауреатов выпускник ЛГУ (СПбГУ) Александр Михайлович Прохоров (1916—2002) — выдающийся советский физик, один из основоположников важнейшего направления современной физики — квантовой электроники, лауреат Нобелевской премии по физике за 1964 г.

(9). ОМДС во главе с муфтием было создано Екатериной II в 1788 г. с целью контроля государства над мусульманским духовенством Европейской части России и Сибири. Кадровый состав согласовывался с чиновниками. Муфтият находился в Уфе, входившей тогда в состав Оренбургской губернии.

(10). Похоронен в селе Сафаджай Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне с. Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области).

ИСТОЧНИКИ

1. *Валеев Р.М.* Александр Касимович Казем-Бек, 1802–1870 / *Р.М. Валеев, М.-Н.А. Темирбеков.* Казань, 2005. 28, 2 с. — (К 200-летию Казанского университета. Выдающиеся ученые Казанского университета).
2. *Горохова Л.В.* Государь Император высочайше утвердил... // Гасырлар авазы. Эхо веков 1996 S.
3. *Гулиев Вилаят.* Род Казем-Бека: двести лет с Россией (Патриарх российского востоковедения) // Зеркало. 2010. 17 апреля. <http://anl.az/down/meqale/zerkalo/2010/aprel/115593.htm>
4. Ислам на Нижегородчине // Энцикл. словарь. Н. Новгород, 2007. С. 178–179.
5. Казембек, Александр Касимович // Новый энцикл. словарь / изд. дело бывшее Брокгауз-Ефрон. СПб., [1914]. Т. 20. Стб. 406.
6. Казембек (Казембек) — русский дворянский род // Новый энцикл. словарь / изд. дело бывшее Брокгауз-Ефрон. СПб., [1914]. Т. 20. Стб. 405.
7. *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII — 1917 г.). СПб.: Петерб. востоковедение, 1993 (1994). 444 с.
8. *Рзаев А.К.* Мухаммед Али М. Казем-Бек. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. 199 с.
9. Русский архив. М., 1893. Кн. 3. С. 222.
10. Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 25 окт. (№ 231).
11. *Скворцова Е.* Живые картины Анны Абамелек. СПб.: Митра Глосса, 2009. 140 с.
12. *Тагирджанова А.* Мусульмане в жизни и культуре Петербурга (XVIII–XIX вв.). СПб.: Полторак, 2013. 82 с.
13. *Таирзаде Н.А.* Новое пополнение коллекции М. Казембека в Музее истории Азербайджана // *Таирзаде Нармин Абдулла гызы.* Из истории азербайджанской интеллигенции: [сб. статей]. Баку, 2009. С. 387–388.
14. *Усманов М.А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 224 с.: портр.
15. *Хусаин Фаизханов.* Жизнь и наследие: историко-документальный сборник / пер. со старотат. А.М. Ахунова и И.Ф. Гимадеева; сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород: ИД «Медина», 2008. 152 с. — Первый наиболее полный сборник сочинений Хусаина Фаизханова на русском языке, в который вошли труды по истории (по эволюции ханств Казани и Касимова), реформе просвещения («Ислах мадарис» и «Рисаля»), а также письма Фаизханова его учителю Марджани.
16. ЦГИА СПб. Ф. 355.
17. ЦГИА. Ф. 733.
18. ЦГИА СПб. Ф. 14.

См.: рис. № № 9, 10, 11, 12.

УДК 94(70) : 008(-11) : 92:378.4
ББК 80.61.3г(2)6
63.3(2) 622,11

Н. М. Баженова

**ИГНАТИЙ ЮЛИАНОВИЧ КРАЧКОВСКИЙ —
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО ДЕЛАМ
ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ АН СССР
(осень 1941 г. — весна 1942 г.)**

(по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается деятельность акад. И.Ю. Крачковского в Комиссии по делам ленинградских академических учреждений в блокадном Ленинграде осенью 1941 — весной 1942 г. Показана роль Комиссии в обеспечении выживания и работы институтов АН СССР в условиях блокады и огромная заслуга в этом акад. И.Ю. Крачковского.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, ленинградские институты АН СССР, Комиссия по делам ленинградских учреждений, руководство наукой, академик Игнатий Юлианович Крачковский.

Академик Игнатий Юлианович Крачковский проработал в Комиссии по делам ленинградских учреждений с начала ноября 1941 г. по закрытие Комиссии 10 апреля 1942 г. Роль его в Комиссии была огромна (1).

Комиссия по делам ленинградских академических учреждений является одним из первых органов местного академического самоуправления после-революционного периода, действовавшим в течение первых месяцев блокады Ленинграда (с августа 1941 г. по 10 апреля 1942 г.).

Комиссия возглавила ленинградскую академическую науку в самый сложный военный период, когда в Ленинграде фактически разрушились устоявшиеся способы централизованного управления академическими учреждениями (2), и была ликвидирована на самом подъеме своей деятельности (3), когда городское партийное руководство поставило во главе академических институтов Ленинграда своего уполномоченного.

Особенностью изученного нами архивного материала о работе Комиссии как органа управления институтами АН СССР Ленинграда является то, что история ее создания и роспуска не нашли своего отражения в документации, отложившейся в фонде Комиссии, который хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В архивном фонде Комиссии отсутствуют протоколы, связанные с ее институированием и ликвидацией, документы, определяющие ее состав, задачи и функции, а также письменные свидетельства о персонах, с которыми связаны организация Комиссии и ее ликвидация. Зато в полном объеме сохранились протоколы заседаний Комиссии, ее переписка по вопросам эвакуации и научной работы учреждений АН и отдельных ученых [3]. Этот архивный материал, а также воспоминания современников и стали нашей исследовательской базой.

В ходе работы над темой было выявлено 3 состава Комиссии. В *первый состав* вошли академики-секретари Президиума АН СССР по отделениям биологических, геолого-географических наук и литературы и языка Леон Абгарович Орбели (председатель), Павел Иванович Степанов и Иван Иванович Мещанинов. Собственно этим ученым Комиссия и обязана своим появлением. 8 августа 1941 г. в своем дневнике директор Архива Академии наук Георгий Александрович Князев записал: «Очень грустно, что Академия наук в эти ответственные дни не показала образцов организованности. Президиум как-то потерялся. Никаких указаний, распоряжений от него не имеется. На письма он не отвечает»; академики Л.А. Орбели, П.И. Степанов и И.И. Мещанинов «самостоятельно встали во главе ленинградских учреждений» [2, с. 113]. Этот состав Комиссии действовал по 18 октября 1941 г. (протокол № 24). Однако название управляющего органа в этот период можно считать еще не установившимся. В архивных документах встречаются его различные наименования: «Ленинградская группа членов Президиума АН СССР», «члены Президиума Ленинградских учреждений Академии Наук СССР», «Президиум Ленинградских учреждений Академии Наук СССР», «Комиссия Президиума АН СССР», «Президиальная комиссия АН СССР», «Ленинградский Президиум АН СССР».

С середины октября по начало ноября 1941 г. (в связи с эвакуацией Л.А. Орбели, И.И. Мещанинова и П.И. Степанова) совокупное централизованное управление ленинградскими академическими учреждениями если и осуществлялось, то не зафиксировано документально (возможно, просто не было заседаний, а вопросы решались оперативно).

Второй состав зафиксирован протоколом № 25 от 4 ноября 1941 г. С первого же заседания определилось название органа — Комиссия по делам ленинградских учреждений АН СССР. На заседании от 4 ноября был определен состав Комиссии: председатель Комиссии — академик Сергей Александрович Жебелев, члены — профессора Михаил Илларионович Артамонов (4) и Александр Григорьевич Гинецинский (5), секретарь — профессор А.А. Данилов. Однако уже 5 ноября 1941 г. в связи с выбытием Гинецинского, Артамонова и Данилова был поставлен вопрос о введении в состав Комиссии новых членов: академика Игнатия Юлиановича Крачковского, доктора биологических наук профессора Александра Николаевича Кириченко (6) и кандидата биологических наук Б.В. Павлова (в качестве секретаря). Постоянно присутствовал заведующий ЛАХУ Михаил Ефимович Федосеев. В качестве члена академик И.Ю. Крачковский проработал в Комиссии с 5 ноября 1941 г. до смерти председателя второго состава академика С.А. Жебелева, наступившей 28 декабря 1941 г.

Далее стал работать *третий состав* Комиссии, функционировавший до ее роспуска (последняя дата заседания Комиссии — 10 апреля 1942 г.) под руководством академика И.Ю. Крачковского. Интересно, что в течение первых четырех заседаний Комиссии он числился в протоколах ее членом, а с 12 января 1942 г. — председателем. В третий состав Комиссии в разное время входили также: член-корреспондент металлург М.М. Карнаухов, профессора биолог А.Н. Кириченко, историк С.И. Ковалев и физиолог С.М. Доброгаев, кандидаты наук историки М.А. Тиханова, С.Н. Бибиков и А.И. Болтунова, кандидат биологических наук Б.В. Павлов, М.Е. Федосеев.

В целом Комиссия занималась регламентацией деятельности научных учреждений Ленинграда. На ней лежали подготовка к эвакуации отдельных

лиц и учреждений, организация длительных командировок для научных кадров (в глубокий тыл и за границу), обеспечение денежного довольствия отдельных лиц и учреждений, изменение штатного расписания учреждений, организация питания и лечения, обеспечение продовольственными карточками, обеспечение сохранности имущества погибших и эвакуированных научных сотрудников.

Однако у каждого состава Комиссии в деятельности были свои приоритеты. Так, первый состав занимался преимущественно вопросами эвакуации ученых, приведением штатных расписаний и финансирования учреждений в соответствие с условиями блокады (сокращение), обеспечением сохранности готовившихся к печати академических изданий (консервация и эвакуация наборов матрицированных книг).

Второй состав Комиссии сосредоточил свою деятельность на вопросах поддержания существования академических учреждений (финансирование) и организации быта сотрудников (продовольственное снабжение, питание, лечение). Необходимо отметить сложность такой работы. Даже для того, чтобы включить на оборонное снабжение при столовой Дома ученых тех научных сотрудников, которые выполняли ответственные административные функции в учреждениях, но не имели при этом степени доктора наук (а в основном именно такие сотрудники и остались в заблокированном Ленинграде возглавлять академические институты), требовались специальные ходатайства. Приходилось также улаживать острые финансовые конфликты, возникавшие при распределении академических средств, предназначенных для оплаты деятельности Типографии и Ленинградского отделения Издательства АН СССР: Московское отделение «Академкниги» отказывалось платить за отпечатанные в Ленинграде тиражи и, чтобы решить дело, приходилось обращаться непосредственно в Президиум АН СССР.

Третий состав Комиссии боролся за увеличение продовольственного пайка ученым, составлял обращения в различные инстанции города, чтобы выхлопотать академикам и членам-корреспондентам спецпайки, а докторов наук и директоров академических учреждений приравнять хотя бы к представителям рабочего класса и получить для них карточки категории Р (рабочей)! Процесс двигался очень медленно, но все же в середине февраля 1942 г. такое разрешение было получено.

По документам видно, как заботилась Комиссия о здоровье ленинградских ученых. Огромную роль, например, сыграло в жизни всего блокадного Ленинграда заседание от 5 января 1942 г., на котором был обсужден и получил всемерную поддержку доклад сотрудника ФТИ профессора Владимира Сергеевича Садикова «Новый метод комплексного использования дрожжей как промышленное задание в условиях военного времени». Внедрение этого открытия в производство спасло не одну сотню жизней ленинградцев.

Особое внимание уделялось обеспечению сохранности имущества и библиотек умерших или эвакуированных ученых. Так, были приняты меры к сохранению личных библиотек ученых (академика С.А. Жебелева — 29 января 1941 г., 23 февраля и 13 марта 1942 г.), библиотек учреждений (Института химической физики — 29 января 1941 г.), к работе по охране научных ценностей: библиотечных книг, рукописей, архивных материалов, научных коллекций (2 марта 1942 г.). Изымались книги БАН из квартир эвакуированных сотрудников Академии наук.

Зафиксирован в документах и момент, когда впервые родилась идея о возможности празднования в условиях войны знаменательной научной даты. Ее высказал 3 апреля 1942 г. по поводу празднования 450-летия открытия Америки Эриком Рыжим член Комиссии доцент Сергей Николаевич Бибииков. Первоначально предполагалось организовать юбилейную конференцию силами сотрудников ленинградских учреждений, а к Президиуму АН СССР обратиться лишь за финансовой помощью.

Однако уже 6 апреля 1942 г. Комиссия обсуждает план организации торжественной юбилейной сессии Ленинградской группы Президиума АН СССР, для участия в которой предполагает значительно расширить состав организаций-участников и привлечь сотрудников не только Ленинградского отделения Института истории, Института истории материальной культуры, Института археологии и этнографии, но и Эрмитажа, Географического общества, Ленинградского отделения Архива АН СССР и Библиотеки АН СССР. Для исполнения этого плана Комиссия решает просить перечисленные учреждения выделить своих представителей, подготовить ряд научных докладов, организовать выставку и подготовить печатный сборник.

10 апреля 1942 г. идея обрела еще более широкие масштабы: было решено посвятить знаменательной дате специальную сессию Объединенного ученого совета. Как известно, Президиум АН СССР не только поддержал это обращение, но и поднял ранг предложенного блокадным Ленинградом мероприятия на самый высокий академический уровень — была проведена специальная сессия Президиума АН СССР, открывшая серию торжественных заседаний Президиума АН СССР, посвященных другим юбилейным научным датам и имевших в годы войны большое политическое значение.

Особую роль в оживлении научной деятельности институтов Ленинграда сыграло создание Комиссией Объединенных ученых советов по гуманитарным и естественным наукам. Этот Объединенный совет также имеет свою историю. Первоначально (20 февраля 1942 г.) Комиссией были запрошены в институтах сведения об оставшихся в Ленинграде членах ученых советов и предложения по организации научной работы. Затем (27 февраля) специальным пунктом в протоколе Комиссии было отмечено состояние ленинградской науки на текущий день и намечены планы на будущее. Чтобы продемонстрировать масштаб организационного охвата проблемы, приведем этот пункт полностью:

«1) Отметить квалифицированный состав и жизнеспособность коллективов Институтов АН, оставшихся в Л-де 2) возможность наладить научную работу ряда институтов 3) в связи с эвакуацией ЛГУ назревает необходимость в удовлетворении потребности оставшейся в Л-де университетской молодежи сохранить связь с научными организациями и обеспечения научным руководством. Эту задачу, в виде организации научных консультаций, спецкурсов и спецсеминаров, должны взять на себя институты АН. 4) В виду малочисленности членов ученых советов Институтов, оставшихся в Л-де, необходимо создать объединенные ученые советы родственных институтов, чтобы обеспечить руководство научной работой институтов и иметь возможность проводить защиту диссертаций. 5) Просить Институты АН представить свои соображения о работе ученых советов. 6) Представить докладную записку в Президиум АН СССР в г. Казань о составе и состоянии работ Институтов АН, оставшихся в Л-де. 7) Представить аналогичную докладную записку в директивные советские и партийные органы Л-да с просьбой оказать содействие в деле организации и развертывания

научной работы Ленинградских Институтов АН СССР. 8) Установить контакт в работе институтов АН с другими родственными научно-исследовательскими организациями Ленинграда» [3, ф. 2, оп. 18, № 2, л. 17].

2 марта 1942 г. обсуждался вопрос о том, что ученые советы институтов для полноценной работы не имеют достаточного числа членов (не менее восьми), утвержденных ранее Президиумом АН СССР. Это навело на мысль создать объединенные советы двух или нескольких институтов, которые в силу объединения окажутся «многолюднее». Было предложено дополнить советы за счет привлечения новых членов при условии, что они «должны иметь обязательно степень кандидата наук и быть авторитетными специалистами в своей области» [3, ф. 2, оп. 18, № 2, л. 18]. Советы ИЛИ, ИЯМ, ИВАН, ИИМК и ЛОИИ, ввиду их малочисленности, было решено соединить друг с другом и с советами ИАЭ и Архива АН. Таким образом, оказалось возможным создать единый ученый совет Гуманитарного Отделения Ленинградских институтов АН СССР.

Циркуляр об организации ученых советов по институтам АН было решено послать в местную прессу, в Обком ВКП(б), Ленсовет и Президиум АН СССР. Одновременно было решено внести предложение в Ленсовет о создании при Ленсовете историографической комиссии из квалифицированных кадров АН для принятия участия в «разработке истории II Отечественной Войны».

13 марта 1942 г. Комиссия решила составить докладную записку о состоянии научных институтов АН СССР и направить ее вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту. 16 марта создан Объединенный Ученый Совет институтов Востоковедения, Истории Литературы, Истории Материальной Культуры, Лен. Отделения Института Истории, Института Языка и Мышления. Тогда же был решен вопрос об организации и структуре Президиума Ученого Совета Отделения Истории, Языка и Литературы под председательством академика И.Ю. Крачковского.

27 марта принято решение наметить первое заседание Объединенного Ученого Совета Ленинградских институтов Отделения Истории, Языка и Литературы АН СССР на 1 апреля. Для обслуживания Совета назначен технический аппарат из секретаря и машинистки ЛОИИ с оплатой из средств ЛОИИ.

Одновременно был решен вопрос о необходимости организации при ученых советах институтов научно-педагогической работы. Была создана специальная комиссия в составе профессоров С.И. Ковалева и А.В. Венедиктова, кандидатов исторических наук М.А. Тихановой и С.Н. Бибикова. В течение апреля месяца было решено провести необходимую подготовительную организационную работу, а в мае — приступить к чтению лекций и работе научных кружков и семинаров, организовать популярные лекции на общие темы для широкой аудитории и специальные лекции углубленного характера для студентов ЛГУ и педвузов, а также спецсеминары и занятия языками. Планировалось вначале приступить к работе только в области гуманитарных дисциплин, а позже организовать педагогическую работу по естественнонаучным, физико-математическим и научно-техническим дисциплинам.

3 апреля в ответ на обращение Отдела агитации и пропаганды Горкома ВКП(б) об использовании работников АН для преподавания раненым бойцам, командирам и инвалидам войны «с целью дать возможность окончить высшее образование и получить соответствующую квалификацию» Комиссия постановила организовать выездные лекции на предприятиях.

6 апреля в связи с развертыванием научной работы институтов Комиссия дала разрешение БАН на вскрытие, изъятие из ящиков и расстановку по полкам монографий и периодических серий, необходимых для обслуживания научных работников, а также на распаковку каталога современных монографических изданий, периодики и справочных изданий.

10 апреля был утвержден Оргкомитет Сессии Объединенного Ученого Совета, посвященной 450-летию открытия Америки.

Как видим, на период руководства академика И.Ю. Крачковского происходит активнейшее оживление научной деятельности академических институтов Ленинграда, мобилизация академических научных сил для консолидации и развития ленинградской науки (7).

Тем не менее в этот самый момент деятельность Комиссии оборвалась (фактически она была распущена (8), а вместо нее во главе академических институтов стал партийный уполномоченный — Александр Антонович Фомин («т. Фомин» (9)) [2, с. 1197]. Сведения о прекращении деятельности Комиссии, как и сведения о ее возникновении, получены нами из дневниковых записей Г. А. Князева. 15 апреля 1942 г. он описал заседание директоров и заместителей директоров учреждений Академии наук в Ленинграде, на котором представитель городского комитета партии сообщил о назначении уполномоченного по управлению Академией в Ленинграде. Официальной мотивировкой стало следующее: «обследование ряда учреждений АН дало неблагоприятные результаты. Наблюдается полная бесхозяйственность, невнимание к своим учреждениям. В некоторых институтах сотрудники там не бывают, и неизвестно, делают ли они что-нибудь» [2, с. 623]. Однако, учитывая факты, изложенные в протоколах Комиссии, можно утверждать, что эта формулировка была неоправданно резкой и несправедливой и не отражала подлинную суть вещей в этот тяжелый период. Впоследствии деятельность академика И.Ю. Крачковского в блокадном Ленинграде была высоко оценена, и в 1944 г. за самоотверженный труд по спасению культурных ценностей он был удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина. В настоящее время уже есть публикации, объективно рассказывающие о его жизни и работе в блокадном Ленинграде, прежде всего, целая глава в упомянутой монографии А.А. Долининой [1]. Надеемся, что приведенные нами факты из архивных документов также могут способствовать выработке подлинной оценки деятельности на этом поприще великого арабиста и замечательного организатора науки.

(1). О неустанной деятельности И.Ю. Крачковского в АН в блокадном Ленинграде написано подробно в монографии А.А. Долининой [1].

(2). Управление из Москвы отсутствовало, не было партийного уполномоченного по делам ленинградских учреждений, постоянно менялось руководство институтов (директора и ведущие специалисты начали отправляться в эвакуацию).

(3). Был составлен и начал реализовываться обширный план возрождения научной деятельности Ленинграда.

(4). Директор Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра (с 1939 г.).

(5). Видный физиолог, сотрудник Института физиологии имени И.П. Павлова, с 1946 г. член-корреспондент Академии медицинских наук.

(6). Заведующий Зоологическим музеем, один из шести подвижников, спасших в блокаду коллекции музея.

(7). Вот как охарактеризовал ее работу сам И.Ю. Крачковский: «Значение этой Комиссии, единого связующего звена всех ленинградских учреждений Академии, было очень велико, хотя функции ее мало дифференцировались: она брала на себя, в зависимости от обстоятельств,

в нужных случаях решение и научных, и организационных и, в особенности, бытовых вопросов, обыкновенно в очень трудных условиях. Она старалась в меру своих возможностей поддержать и научную работу, и сохранить в целостности богатые фонды академических учреждений, и спасти наличные кадры работников как входивших в их состав, так и оставшихся в Ленинграде по различным обстоятельствам без поддержки». Эта цитата приведена в статье А.Н. Анфертьевой «Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады». iling.spb.ru/history/anferg.html по рукописи: *Кольцов А.В.* «Академия наук в годы Великой отечественной войны» (ПФА РАН. Ф. 929. Оп. 4. Д. 35. Л. 52–53).

(8). Оставлена в качестве совещательного органа при уполномоченном.

(9). Фомин Александр Антонович (1902–?), председатель Ленинградского обкома профсоюза работников высшей школы и научных учреждений (1940–1942), уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям (январь–июль 1942).

ИСТОЧНИКИ

1. *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1994. 460 с.
2. *Князев Г.А.* Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945 / Рос. акад. наук, Арх., С.-Петербург. Филиал; отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Наука, 2009. 1218 с.
3. ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 18. № 2. Л. 17–18. Протоколы № 1–69 Комиссии Президиума АН СССР по Ленинградским учреждениям с 25 августа 1941 г. по 10 апреля 1942 г. (42 протокола заседаний за 1941 г. и 27 протоколов заседаний за 1942 г.).

См.: рис. №№ 11–15.

УДК 94(70): 008(–11): 027.2: 92
ББК 78.36(2-2СПб
80.61.3г(2)7

Г.З. Пумпян

АРАБИСТИКА В БИБЛИОТЕКЕ РАН (к 65-летию Отдела литературы стран Азии и Африки БАН)

АННОТАЦИЯ

Представлены история формирования фондов по арабистике, исламу и восточному христианству в академической библиотеке в XVIII в., поддержка этих процессов на законодательном уровне, разноплановая работа Отдела литературы стран Азии и Африки в области арабистики, некоторые интересные издания.

Ключевые слова: Библиотека Российской Академии наук, XVIII в., арабистика, книжные фонды, библиография, русско-арабские связи, Независимый русско-арабский культурный центр СПб.

1. Из истории арабского фонда БАН (XVIII в.)

В 1714 г. в Петербурге были открыты первая в России общественная Библиотека (современная Библиотека Российской академии наук) (1) и Кунсткамера, которые вошли в состав вновь созданной в 1724 г. Императорской академии наук (2). Собираение восточных книг и рукописей в будущей академической библиотеке начинается уже через два года после ее основания. Первая книга в восточной коллекции БАН — известное сочинение на арабском языке *Канон медицины* Ибн Сины (قانون الطب) — поступила сюда в 1716 г. в составе библиотеки герцогов курляндских, которая была подарена Библиотеке Академии наук племянницей Петра Великого Анной, герцогиней Курляндской (впоследствии императрица России Анна Иоанновна) [55]. И если появление этой первой книги можно считать случайностью, то затем активное комплектование восточной литературой было уже следствием целенаправленной государственной политики по изучению Востока, к чему подталкивали геополитические интересы России и ее активное продвижение на Восток (3), национальный (поликонфессиональный) состав населения, протяженность границ со странами Востока, включенность России в европейские культурные интересы эпохи Просвещения и мода на ориентализм. В России получали распространение идеи просветителей XVIII в., соотнесенные с российскими условиями и потребностями [65, с. 368–394]. Арабский Восток рассматривался как источник духовного опыта, мудрости, становятся популярными сочинения на восточные сюжеты назидательного и поучительного плана, или, как их называл И.Ю. Крачковский, восточные апологи [30, с. 55]. На протяжении XVIII в. публиковались переводные сочинения об исламе и арабских странах исторического, географического, страноведческого характера (4). Уже в 30-е гг. XVIII в. в России было издано свыше 30 работ по Востоку — статьи, переводы, три монографии (Г.З. Байера).

Переводы выходили отдельными изданиями и печатались в научно-популярных и общественных журналах. Их можно обнаружить и в фондах БАН. Так, в первом же номере журнала «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» за 1755 г. напечатан перевод с французского языка нравоучительной восточной повести *Желатели*, в которой действуют Аарон, или Гарун Алрашид [т.е. Харун ар-Рашид], о котором сказано «халифа, обладатель багдадский», верховный везирь Гиафар [т.е. Джаффар], надзиратель над евнухами Мессур, шейк [т.е. шейх] и семь путешественников [14]. Автор перевода — некто Н.Н., воспитанник шляхетского кадетского корпуса, причем в обращении к читателю издатели сообщают, что они предполагают регулярно поручать воспитанникам шляхетского кадетского корпуса переводы с западноевропейских языков. Еще один интересный культурологический штрих для этой эпохи: в 1745 г. от 13 февраля выходит Постановление конференции Академии наук: о «переплетении в хороший французский переплет 10 т. книги *Тысяча и одна ночь* [на французском языке в переводе А. Галлана] по заказу в.к. Екатерины Алексеевны» [32, с. 324–325. № 271]. А уже в 1763–1771 гг. русская публика смогла познакомиться со сказками *Тысяча и одна ночь* также и в русском переводе, сделанном А. Филатьевым по французскому переводу А. Галлана [90] и выдержавшим несколько изданий в Москве и в провинции (Смоленске) [61–63]. В течение XVIII в. публикуются также сочинения страноведческого плана, записки о путешествиях на Ближний Восток. В частности, из российских можно назвать сочинение о путешествии в Северную Африку военного моряка, участника Архипелагской экспедиции (5) и литератора М.Г. Коковцова, прадеда выдающегося русского семитолога П.К. Коковцова [20], из зарубежных — *Описание Аравийской пустыни* Ж.Л.Л. Бюффона (1707–1788). Оно вошло во 2-й выпуск альманаха «Пантеон иностранной словесности» (1798), который издавал Н. Карамзин (6), включавший в него переводы античных, восточных и современных западноевропейских авторов [8]. В этом же выпуске альманаха было также напечатано *Новейшее известие о Персии, из путешествия г-на Бошана, Вавилонского генерал-викария* [36]. Все эти редкие издания имелись в фондах БАН. Помимо просветительской и популярной литературы, начинают появляться и первые научные востоковедные публикации по странам Ближнего Востока и мусульманского мира. С 1714 г. начал писать свои исторические и религиозные труды по Востоку Д. Кантемир (7) [17; 76; 77; 87]. Их издание было поддержано специальными указами от имени Петра Великого: «Указ Петра I Свят. Синоду от 18 июля 1722 г. из Астрахани о присылке книг о славянском народе и магометанской вере, переведенных и отданных в печать: Книгу, которую переводил Сава Рагузинский о славянском народе с италианского языка, другую, которую переводил князь Контемир [так в тексте — Г.П.] о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда не мешкая. Буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать»; также «Указ Петра I Свят. Синоду от 18 октября 1722 г. из Астрахани о ненужности приведения турецких слов в книге о магометанской вере ...: что же пишете, чтоб в книге о мохаметанской вере печатать некоторые слова турецким языком, и того кажется, не надобно, ибо не для турок, но для русских ведения она печатается» [10, с. 112–113, № 142; с. 114, № 145]. В 2016 г. исполнилось ровно 300 лет со времени первого в России перевода Корана на русский язык, выполненного предположительно П.В. Посниковым (встречается также написание Постников) [22] с французского перевода Андре дю Рие

(Andre du Ryer) [81], что также было поддержано специальным Указом Петра Великого от 1716 г. (8). В БАН хранятся издания первых переводов Корана на русский, сделанных с европейских языков в конце XVIII в. Веревкиным [19] и Колмаковым [23] (9). Появились первые издания, напечатанные арабским шрифтом, в числе которых Коран (10). Были предприняты и первые шаги к изучению языков Ближнего Востока. Помимо открытия школ и отправки молодых людей для обучения восточным языкам в Персию (11), в Россию стали приглашать профессиональных ученых-востоковедов из Западной Европы. В 1725 г. в Академию наук был приглашен в качестве первого академика-ориенталиста по разряду древностей и восточных языков Готфрид Зигфрид Теофил Байер (12), знавший также арабский язык [32, т. 1, с. 648–656, № 893; т. 6, с. 303]; в марте 1732 г. был заключен Контракт Коллегии иностранных дел с ученым-арабистом Георгом Якобом Кером (13) о зачислении его на службу переводчиком арабского, персидского, турецкого языков с обязательством одновременно обучать учеников указанным языкам [68, с. 96].

Как видим, все эти научные и культурные начинания в области изучения Востока уже в XVIII в. обеспечивались законодательной базой и исходили в основном от первого лица в государстве, иногда — от Академии наук и разных государственных структур [31, с. 60–99]. Они касались не только вопросов обучения восточным языкам, включая языки Ближнего Востока, но и переводческой и издательской деятельности, основания библиотек и комплектования их восточной литературой. Приведем еще некоторые примеры этих постановлений (14).

Турколог А.Х. Рафиков был первым, кто стал выявлять наличие литературы по Востоку в частных собраниях, приобретенных в БАН в течение XVIII в. [55]. По его данным, к середине XVIII в. в академической библиотеке было 200 книг по Востоку, из них 60% — по мусульманскому Востоку. Сочинения об арабских странах и других странах Ближнего Востока отражены в печатном каталоге личной библиотеки Петра, хранящейся в БАН, — это переводы Корана, путешествия, историческая литература [7]. Книги по Востоку на западноевропейских языках, включая труды по арабским странам и исламу, были и в личных библиотеках известных государственных деятелей XVIII в. А.А. Виниуса, Р.К. Арескина, Д.М. Голицына, Г. Пашке, Д.Г. Мессершмидта, сподвижников Петра П.П. Шафировая, А.П. Ганнибала, Я.В. Брюса (15). Собрания перечисленных государственных деятелей впоследствии были приобретены в основном Библиотекой Академии наук, однако в их составе не было книг на восточных языках. Зато серьезной арабистической библиотекой в этот период обладал Г.Я. Кер. В его библиотеке, помимо европейской научной литературы, было 6 книг на арабском языке и 8 — с параллельным текстом на арабском и латинском языках. Впоследствии его библиотека была приобретена Коллегией иностранных дел. В 1721 г. библиотекарь БАН И.Д. Шумахер (16) был командирован за границу, причем по поручению Петра И.Д. Шумахеру вменялось в обязанность и приобретение книг для Академической библиотеки. В 1722 г. им было привезено около 500 книг, всего 341 название, из которых 10 названий было по Востоку: 9 — на европейских языках и 1 — на арабском [55]. Это *История Тимура*, или Тамерлана (1336–1405), основателя империи Тимуридов со столицей в Самарканде, написанная уроженцем Дамаска арабским историком XV в. Ибн Арабшахом (у. в 854/1450 г.), знаменитым биографом полководца и завоевателя. И.Ю. Крачковский о его труде высказался следующим

образом: «Следя за различными этапами жизни своего героя, он должен был сообщить немало сведений про самые разнообразные страны и народы и, что для нас важно в особенности, — про те, которые теперь входят в состав нашего Союза. ...» [29, с. 513]. Упомянут в этом сочинении и знаменитый арабский ученый позднего средневековья Ибн Халдун: ... «рассказ о беседе Ибн Халдуна с Тимуром вошел в соч. Ибн Арабшаха» [29, с. 432]. Несколько позже в БАН появились также переводы *Истории Тимура* на европейские языки.

Издания по Арабскому Востоку и исламу, восточному христианству, хранившиеся в академической библиотеке, были зафиксированы и в ее первых библиографических трудах в XVIII в. В 1742 г. был издан первый печатный каталог академической библиотеки [74], известный в обиходе как Камерный каталог (17), в который вошло немало книг на европейских языках о странах Востока. В частности, в разделе *Historia exotica* [75] отмечена упоминавшаяся *История Тимура* Ахмеда ибн Арабшаха (1389–1450) на английском, немецком, французском языках. В этом же разделе каталога отражены путешествия во многие страны Ближнего Востока, приобретенные в БАН, в частности *Два путешествия в Иерусалим* [97], *Путешествие Льва Африканского* [86], *Путешествие в Аравию Счастливую* [94], *Путешествие Поля Лукаса в 1714 г. по поручению Людовика XIV в Турцию, Палестину, Египет* [89]. К 50-летию Петербургской Академии наук в 1776 г. была издана на французском языке книга *Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей...* [73], подготовленная унтер-библиотекарем И. Бакмейстером (18) и переизданная позже на немецком и русском языках [6]. Труд И. Бакмейстера не был настоящим библиографическим пособием, он носил скорее описательный характер и содержал информацию об истории академической библиотеки, в то же время в нем частично были представлены и наиболее интересные, с точки зрения автора, поступления XVIII в., в том числе и относящиеся к Востоку. Автор сообщает, что ограничивается «исчислением некоторых только отменнейших книг, могущих подать хорошее мнение о нашей библиотеке» [6, с. 46]. К числу подобных книг Бакмейстер отнес и такие издания, как *Евангелие* на Вандальском, *Арапском*, *Грузинском* и *Малабарском* <...>, первый том *Еврейской Кенникотпой Библии* [т.е. Кенникотовой Библии, Библия в переводе Кенникотта (19) — Г.П.], *Гинкельманов Алкоран* [т.е. Гинкельманов Коран, Коран, переведенный Абрахамом Хинкельманном (20) — Г.П.] [80], *Алкоран Маракиеп* [т.е. Коран Маракиев — имелся в виду латинский перевод Корана, сделанный Людовико Мараччи (Ludovico Marracci) (21) — Г.П.] [93]. Также, по мнению Бакмейстера, «особливого примечания достойны *Армянская история* сочинения Моисея Хорейского [Хоренского — Г.П.] (22), *История династий Абула Фарагия Тарихи, Теймур или история о Тамерлане*, писанная Аребом Шахом и обнародованная Голием...» [т.е. *История (та'рих) Абу-л-Фараджа* и изданная Голиусом *История Тимура Арабшаха* — Г.П.]. Бакмейстер также сообщает, что «особливого примечания достойны ... *Ruins of Palmyra and Balbeck* (Развалины Пальмиры и Бальбека [т.е. Баальбека]) [6, с. 48, 49], видимо, имелись в виду труды Роберта Вуда [98–99]. Перечень этих книг автор завершает примечанием: «Все сии суть редкие и драгоценные книги, украшающие нашу библиотеку» [6]. Также, рассказывая о книгах по медицине, Бакмейстер говорит, что «в академической библиотеке есть в 5 частях *Авиценна* по Арабски книгопечатни Кардинала Фердинанда де Медициса [т.е. Медичи — Г.П.]; сего же сочинителя два другие редкие издания 1564 и 1608 года», а также *Абубетр Раза* <...> [6]. Относительно же

рукописей на восточных языках (23) автор замечает: «Статья о рукописных книгах на восточных языках писанных не долго меня задержит потому, что число оных не велико. Знатнейшие из оных суть *Алкораны*».

Скорее всего, именно в первой половине XVIII в. академической библиотекой были приобретены и уникальные издания на арабском языке, хотя источники их приобретения по большей части пока не известны. При сверке списка арабских книг библиотеки Г.Я. Кера, переданной в Коллегию иностранных дел (они перечислены А.Х. Рафиковым), с современными карточными каталогами Отдела редкой книги БАН (по латинскому алфавиту) оказалось, что эти книги есть и в БАН. Возможно, они приобретались по рекомендации самого Г.Я. Кера. Это первопечатные издания на арабском языке, вышедшие в свет в европейских типографиях в конце XVI — начале XVII в. Они были изданы в Риме в Восточной типографии кардинала Медичи (24) под руководством директора (?) типографии Ж.Б. Раймонди (25), в Голландии — в Лейдене, в типографии, открытой профессором кафедры арабского языка Томасом ван Эрпе (Эрпениус) (26) на свои деньги и впоследствии приобретенной Эльзевирами, и в Англии — в Оксфорде, в типографии Эдварда Покока (27). В их числе: 1. *Арабско-латинский словарь* голландского востоковеда Я. Голиуса (28), изданный в 1653 г. Эльзевирами и купленный в 1739 г. [85]; 2. Конволют, в котором имеется *Очерк истории арабов* известного историка и филолога X в. Абу-л-Фараджа и который включает *Описание арабов и их положение* (zikr umam al-'arab wa ahwaluhum) с Notae (заметками) Э. Покока [70], суру (т.е. главу) из Корана об Иосифе (*surat yusuf*), *Арабский алфавит* (wa tuhaggi al-'arab) [78]; 3. Еще один конволют, в который включены арабские пословицы (*Proverbiorum Arabicorum = kitab al-amtal*) в двух частях по 100 пословиц в каждой, *Изречения Али, халифа мусульман*, *Поэма* ат-Туграй, арабского поэта XII в., зарифмованная на букву лам и поэтому имеющая также название *Ламийа* и *Речь* Ибн Сины (в БАН было приобретено 2-е исправленное издание 1623 г., впервые книга была издана в 1616 г.) [79]; 4. Приобретенное на аукционе в 1749 г. еще одно сочинение Абу-л-Фараджа — его *Краткая история государств* (*Historia compendiosa dynastiarum = ta' rih muhtasar ad-duwal*), которая была издана в 1663 г. в Оксфорде и является фактически переводом на латинский язык с некоторыми арабскими вкраплениями [71]; 5. *Грамматика* упоминавшегося голландского арабиста Томаса Эрпе (Эрпениуса) (*Rudimenta Linguae Arabica*), которая стала первой грамматикой арабского языка, доступной в России [95]. На арабских изданиях типографии Томаса ван Эрпе (Эрпениуса) есть специальный типографский знак для книг на восточных языках: пальма, по стволу которой проходит лента с латинским девизом «Assurgo pressa» — I grow under pressure, то есть «Я вырастаю (поднимаюсь) под давлением (под прессом)». Этот девиз позже позаимствовали и использовали в течение некоторого времени Эльзевиры. Все эти издания являются весьма редкими образцами первых печатных книг на арабском языке (частично с переводом на латинский) и характеризуют начальный этап европейской арабистики и издательской деятельности на арабском языке. Именно они и заложили основу будущего арабского фонда БАН. Можно с некоторой долей осторожности считать, что большая часть этих книг приобреталась БАН в течение XVIII в. Следует отметить, что некоторые из перечисленных произведений в переводах на европейские языки были и в личных библиотеках сподвижников Петра (например, *История Тимура* на немецком и английском языках — в коллекции Брюса и на французском языке — в коллекции Остерма-

на) [55]. Однако нельзя утверждать, что все эти приобретения относятся только XVIII в. Так, на книге *Proverbiorum Arabicorum* имеется штамп «из библиотеки Н.К. Никольского» (1863–1936), академика, директора БАН в 1920–1925 гг. (в БАН поступили его библиотека и коллекция рукописей).

Уже к началу XIX в. в России были созданы предпосылки для развития научного востоковедения. По университетскому уставу 1804 г. в программу высшей школы было введено планомерное преподавание восточных языков, а в 1819 г. из Кунсткамеры и Библиотеки Императорской академии наук (ИАН) был выделен Азиатский музей. В течение XIX — первой половины XX вв. все издания на восточных языках, поступавшие в Академию наук, хранились в Азиатском музее, в настоящее время Институт восточных рукописей (ИВР РАН) (29). Туда же были переданы в основном и первые арабоязычные приобретения Библиотеки ИАН, в частности *Канон медицины* Ибн-Сины и *История Тимура*. Правда, иногда и в этот период в фонды БАН все же попадали книги на арабском языке, видимо, из частных коллекций. Среди них можно назвать изданные в Оксфорде (1871) в одном переплете Ветхий и Новый Заветы на арабском языке (*al-Kitāb al-muqaddas*), том I *Арабско-русского словаря* французского востоковеда и переводчика, польского эмигранта Альбера Биберштейн-Казимирского (1808–1887) из библиотеки И.И. Толстого [82; 105].

В то же время некоторые книги из первых поступлений XVIII в., о которых говорилось выше, остались в главном здании Библиотеки РАН и хранятся в Отделе редкой книги. Они отражены в каталогах по латинскому названию, на них имеются этикетки с надписью «БАН, редкие и ценные издания», на некоторых из них сохранился переплет из телячьей кожи. Немало изданий по Арабскому Востоку хранится в БАН и в специальном фонде К.М. Бэра (30), который требует особого изучения. Частично книги из этого фонда были переданы в Отдел редкой книги БАН (НИОРК). Таким было начало арабского фонда БАН, да, собственно, и России.

2. Арабистика в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН

Специализированный отдел литературы стран Азии и Африки Библиотеки Академии наук (ОЛСАА БАН), первоначально называвшийся Отдел Зарубежного Востока (ОЗВ), был создан 1 июля 1953 г. решением Президиума АН СССР. Организация в Библиотеке АН специализированного отдела была вызвана усилившимся интересом к странам Востока после Второй мировой войны, образованием там новых независимых государств, развитием в них науки, культуры, издательской деятельности. В отличие от старых центров востоковедения вновь созданный отдел комплектовался довольно ограниченно изданиями классического наследия, но в большей степени сочинениями современных авторов, а также публикациями в области естественных наук и техники. В нем в настоящее время насчитывается свыше 300 тыс. монографий, журналы на восточных языках и по востоковедению, газеты. Отдел изначально создавался как комплексный, в нем осуществляются основные виды библиотечной и библиотечно-информационной работы (комплектование, обработка и каталогизация литературы, обслуживание читателей в своем читальном зале и через МБА и письма, хранение фондов). В то же время в отделе в течение длительного времени постоянно ведется научно-библиографическая и научно-исследовательская работа, которая сосредоточена по сути на двух основных

направлениях — «Исследование актуальных проблем библиотековедения, библиографоведения и книговедения» и «Исследование истории фондов, создание печатных и машиночитаемых каталогов историко-культурных фондов», в том числе и по направлению «Россия и Восток», хотя периодически формулировки тематики несколько менялись и уточнялись (31). 26 февраля 2004 г. решением Ученого совета БАН Отделу литературы стран Азии и Африки был присвоен статус научно-исследовательского отдела по результатам его работы в области научно-библиографической и научно-исследовательской работы, было разработано новое Положение об отделе.

Комплектование. Фонды. Каталогизация. Читатели. Для зарубежного комплектования фондов ОЛСАА использовались три основных источника: а) международный книгообмен; б) закупки (на валютные ассигнования и в магазинах «Планета» и «Мир», на книжных ярмарках); в) выставки и дары. На формирование фондов и читательский спрос в отделе не могли не оказывать влияния международная ситуация и развитие науки и технологий в разных странах. Первоначально новый отдел создавался во многом с ориентацией на Китай и позже — на Японию (преимущественно, японскую научно-техническую периодику), соответственно самыми крупными в отделе были фонды на китайском и японском языках. Тем не менее, в основном уже в 50-е — начале 60-х гг. благодаря книгообмену с разными регионами и странами Ближнего Востока были сформированы фонды монографий, периодики и справочных изданий на разных языках ближневосточных стран: арабском, турецком, иранских (дари, пушту), иврите. Можно отметить довольно активное поступление литературы на арабском языке в 50–60-е гг. из ряда арабских стран (АРЕ, Ливан, Сирия, Ирак, Алжир). В 70-е гг. пик поступлений приходился на Ирак благодаря двум важным факторам: интенсивной книгоиздательской деятельности в Республике Ирак в тот период (в том числе и по изучению культурного наследия Междуречья с древнейших времен) и активному книгообмену с учреждениями Ирака, в особенности — с Центральной библиотекой Багдадского университета, Библиотекой Мосульского университета ал-Мустансирия и закупкам на книжных ярмарках. В 80-е гг. поступления на арабском языке почти прекратились и не только в нашу библиотеку (исключением было приобретение через обменный фонд РНБ весьма ценных научных изданий из Ирака, демонстрировавшихся на книжной ярмарке в Москве в конце 80-х гг.). С начала 90-х гг. финансирование академических учреждений резко сократилось, хотя по-прежнему книгообмен оставался важным источником комплектования (в последнее время ограничивался преимущественно периодическими изданиями). В то же время появились возможности находить новые пути комплектования фондов благодаря снятию ограничений в области международных контактов и большей свободы для проявления инициативы. С начала 90-х гг. в ОЛСАА стала постепенно развиваться научно-библиографическая работа по теме «Россия и Восток», связанная с поиском публикаций и раскрытием фондов по изучению связей России и стран Востока. Это способствовало и установлению с 1993 г. контактов с Независимым русско-арабским культурным центром Санкт-Петербурга (НРАКЦ СПб.), в задачи которого входило развитие культурных и научных связей между Россией и арабскими странами (32). Таким образом, началась активная совместная работа Библиотеки РАН, в первую очередь ОЛСАА, с Центром. Она включала в себя ряд мероприятий научного и информационно-просветительского плана по организации совмест-

ных конференций, подготовке и изданию сборников статей, выставок. При этом особенно полезным это сотрудничество оказалось в области комплектования фондов отдела арабской литературой. При содействии НРАКЦ СПб в 90-е — начале 2000-х гг. рядом посольств арабских стран было организовано несколько крупных книжных выставок, книги с которых были переданы в дар БАН и другие библиотеки города. Среди них можно назвать выставку 1994 г., организованную Миссией Лиги арабских государств (ЛАГ), в которой приняли участие 12 посольств арабских стран в Москве (ок. 500 книг), изданий стран Залива (ок. 800 книг) в 1997 г. (33) и др. Благодаря этим мероприятиям специализированный отдел БАН получил некоторую известность в арабском мире, что в немалой степени повлияло и на предоставление в 1995 г. ОЛСАА БАН большого книжного дара классического арабского наследия от имени короля Фахда к 280-летию БАН (ок. 2500 книг). Книжные дары находятся в общем фонде арабской литературы и частично на постоянной экспозиции в читальном зале отдела. Так, книжный дар от имени короля Фахда хранится как отдельная коллекция в читальном зале, с особым шифром, сделаны специальные наклейки с указанием дарителя. Более того, при посредничестве НРАКЦ удалось получить от ЛАГ средства на переоборудование читального зала, т.е. оснащение его закрытыми стеклянными витринами для репрезентативного хранения не только арабских книг, но и книжных даров из других стран. Таким образом, в 90-е гг. удалось сделать значительный прорыв в области комплектования арабского фонда, который по количеству монографий тогда сравнялся с японским и в настоящее время насчитывает около 6000 монографий по разным отраслям знания, 170 названий журналов, а также газеты. Для нашей библиотеки это стало важным этапом в развитии восточных фондов. Работе центра и его сотрудничеству с БАН большое внимание всегда уделяла администрация БАН (34). Следует непременно отметить, что большую поддержку БАН и НРАКЦ в проведении всевозможных совместных мероприятий оказывал глава Миссии ЛАГ в Российской Федерации в 90-е — начале 2000-х гг. дипломат и художник Муханна Дурра (Иордания), проявлявший самую искреннюю заинтересованность в развитии научных и культурных контактов между Россией и арабским миром. Думается, у многих наших сотрудников и гостей в памяти навсегда остался этот яркий и талантливый человек.

В ОЛСАА также передавались книжные дары от востоковедов и их семей, в частности получен книжный дар от семьи востоковедов Л.Н. и В.П. Демидчик в 2013 г., который включает произведения классической и современной арабской литературы и исследования по арабистике. В свою очередь Библиотека РАН безвозмездно передала в качестве дара русские книги в страны Востока, в частности при содействии НРАКЦ СПб в библиотеку Багдадского университета (после практически полного уничтожения ее русской части во время американских бомбардировок в Багдаде в период иракской войны). Также БАН передала большую партию книг на русском языке в Чечню.

В арабском фонде имеется ряд интересных в научном плане изданий: оригинальные произведения арабских ученых средневековья, исследования по истории арабской книги (например, *История типографии Булак*, в которой речь идет о первой государственной типографии у арабов, основанной в 1822 г. правителем-реформатором Мухаммедом Али в предместье Каира Булаке [101]), по истории естественных наук, серии филологического характера (арабское наследие, новая поэзия, народная культура, серии рассказа и драматургии,

информационная серия, политическая серия). Хорошо известно, насколько развито искусство орнамента и каллиграфии в арабоязычных странах и какое поистине благоговейное отношение оно вызывает в странах Востока. В этом плане несомненный интерес представляет исследование об искусстве переплета в арабском мире [104]. Книжный дар арабских посольств в Москве, организованный Миссией ЛАГ, включает исследования в разных областях знания, произведения современной арабской литературы, альбомы, справочные издания. Некоторое представление о научной и издательской деятельности в арабских странах дают также списки поступлений в библиотеку крупнейшего в арабском мире Ярмукского университета в Иордании.

В коллекцию классического арабского наследия от имени короля Фахда входят издания арабских средневековых памятников и исследования по истории, исторической географии, юриспруденции, религии, литературе, лексикографии. Среди них можно назвать, например, энциклопедическое сочинение средневекового ученого-историка и хафиза (35) Абу Бекра ал-Багдади (1002–1071(2)) *История Багдада* в 24 т. [102], которая включает биографии всех мусульманских ученых Багдада, составленных в соответствии с исторической мусульманской традицией (т.е. с перечнем передаточных звеньев — иснад), сочинения знаменитого историка средневековья Ибн Асира (1160–1233 или 1234), один из известнейших лексикографических трудов в арабском мире двадцатитомный толковый словарь *Язык арабов* (Лисан аль-‘араб) ибн Манзура (630 х./1232–711 х./1311) [100]. Интересен для арабистов изданный в Ливане в 1989 г. (переиздание 1984 г.) лексикографический труд современного арабского ученого Мухаммада ал-Аднани (1903–1981) *Словарь лексических ошибок в современном арабском языке* с комментариями и примерами [103]. Эти труды изданы в красочных кожаных переплетах с традиционным арабским орнаментом и, помимо научной ценности, демонстрируют эстетическое своеобразие и богатство арабской культуры. В арабском фонде отдела также имеются отечественные и зарубежные издания переводов русской и советской литературы на арабский язык. Это произведения И.А. Крылова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, драматурга А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, М. Горького, В. Маяковского, М.А. Булгакова, А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, В. Пановой, В. Бианки. В справочном фонде представлены различные словари, библиографические пособия, справочники. Из последних поступлений в этой области можно назвать *Словарь терминов по искусству ислама* [104]. Опубликованы статьи, характеризующие фонд [52, 91].

В ОЛСАА, в основном фонде и фондах некоторых специализированных отделов (36) хранятся труды на русском и западноевропейских языках по арабистике, исламоведению и восточному христианству, включающие монографии, информационно-фактографические издания, картографические материалы, публикации в научной периодике. Хорошо представлены русское классическое востоковедение (в частности, выдающееся исследование о Палестине по арабским источникам Н.А. Медникова (37) (1897), сочинения В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, А. Болдырева, О.И. Сенковского, В.Г. Тизенгаузена и др.); имеются комментированные переводы с арабского языка на русский и западноевропейские языки классических текстов (хотя это все же приоритет комплектования библиотеки ИВР РАН). Также в фондах БАН есть многочисленные описания русских и зарубежных путешествий по Ближ-

нему Востоку разных эпох, в т.ч. упоминавшиеся труды Льва Африканского, Ж.Л.Л. Бюффона, М.Г. Коковцова, целой плеяды русских путешественников XIX в. (38), а также иллюстрированные книги-альбомы, путеводители и популярные брошюры. Среди хранящихся в БАН сочинений по Библейскому региону можно назвать уникальный труд о Палестине Г. Эберса и Г. Гуте (1884) и аналогичное по жанру отечественное издание А.А. Суворина (39) *Палестина* (1898), включающее очень информативные путевые очерки с акварелями художников А.Д. Кившенко и И.В. Навозова (40–41); описание поездки в Святую Землю и Египет А.С. Норова и альбом сопровождавшего его племянника Н.П. Поливанова (42–43); отлично изданный в Одессе *Путеводитель по Святой Земле* с литографированными рисунками, планом Иерусалима и картой Палестины; популярную брошюру о Вифлееме в серии «Книжки для школ» Общества распространения полезных книг [4; 33; 37; 41–44; 53–54; 59–60; 82]. Иллюстрации из этих изданий частично вошли в настоящий сборник. Ряд важных ранних западноевропейских сочинений по Востоку отражен в библиографическом списке к докторской диссертации сотрудника отдела Н.С. Горелова (1973–2008), посвященной истории изучения Востока в Европе в эпоху раннего средневековья, частично они представлены и в фондах БАН [11]. Заслуживают особого внимания имеющиеся в БАН картографические труды по Ближнему Востоку, в том числе по Святой Земле (44). К настоящему времени палестиноведение неплохо обеспечено библиографическими пособиями, многие из которых также представлены в БАН (о подготовке одного из них совместно БАН и Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО) сказано ниже) [49, 67, 64]. Также в БАН имеется специальная научная востоковедная периодика, в том числе труды научных обществ, ведомственные, академические и университетские издания как до 1917 г., так и советского и постсоветского периодов. Среди них — ведущий востоковедный журнал мирового уровня эпохи Российской империи «Записки Восточного отдела Русского археологического общества»; издания Императорского русского географического общества; «Мир ислама», издаваемый Императорским обществом востоковедения; основанный в 1911 г. журнал «Христианский Восток»; основное византиноведческое издание — ежегодник «Византийский временник»; периодические издания Императорского Православного Палестинского общества и многие другие.

Обработка и каталогизация монографий и периодических изданий осуществляется в ОЛСАА специалистами по языку. Имеются карточные каталоги — алфавитные (читательский и служебный), систематический (организован по схеме ББК) (45) и топографический. На карточках приведено библиографическое описание на национальном языке, даны сокращенные сведения в транскрипции и перевод заглавия на русский язык. Начата работа по созданию электронной базы данных фондов периодики и монографий в программе «Ирбис-64». Одна из самых актуальных задач — отражение в электронном каталоге БАН ценных изданий из подаренных коллекций, а в дальнейшем, возможно, и издание печатного каталога с переводом и комментариями.

Научно-библиографическая работа. В 60-е — начале 90-х гг. в ОЛСАА БАН велась активная подготовка каталогов иностранных фондов периодических и справочных изданий БАН и библиотек Ленинграда по странам Азии и Африки, в ряде случаев совместно с другими библиотеками Ленинграда (46). Издано четыре каталога периодических изданий стран Азии и Африки по общественным и естественным наукам [45; 46] и два выпуска каталога справочных

изданий [51; 52], причем трехтомный каталог по справочным изданиям (1991) был удостоен первой премии РАН 1994 г. в числе лучших библиографических работ в Академии наук. Во всех этих пособиях представлены издания на языках Ближнего Востока: арабском, иврите, иранских и турецком.

В последние два десятилетия проводится работа по составлению тематических и библиографических указателей, в частности в русле темы «Россия и Восток». Некоторые из них уже вышли в свет (например 2-е переработанное и дополненное издание «Указателя трудов Императорского Православного Палестинского общества (1881–2007)» [64]. В нем имеется довольно сложный вспомогательный справочный аппарат: комментированные именной и географический указатели, подробный тематический указатель. Кроме того, в нем есть также Приложение с четырьмя статьями по истории ИППО и 45 иллюстрациями. Это издание подготовлено совместно с Императорским Православным Палестинским Обществом. Планируется издание аннотированных указателей, в том числе двух библиографических, посвященных академикам И.Ю. Крачковскому (исправленное и дополненное) и К.Г. Залеману, тесно связанным в своей деятельности с Библиотекой РАН. С 2006 г. библиографические пособия отдела издаются в серии «Библиография Востока».

Научно-исследовательская работа. С середины 80-х гг. в ОЛСАА БАН начала осуществляться научно-исследовательская работа по теме: «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки». По проблемам и истории восточной книги отделом было проведено всего 4 конференции и издано 7 сборников статей. В частности, в сборниках отдела «Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки» опубликованы статьи о состоянии национальной библиографии и проблемах ретроспективной библиографии в арабских странах, СМИ в Судане в период гражданского правления 1985–1989 гг. [35]. Материалы по этим темам прозвучали и в 1993 и 2003 гг. на юбилейных конференциях отдела «Восток и книга». 16–17 октября 1995 г. совместно ОЛСАА и Независимым русско-арабским культурным центром Санкт-Петербурга в БАН была организована международная конференция «Арабская книга» одновременно с выставкой «Издания памятников арабской культуры». На конференции были прочитаны доклады по следующим темам: история арабской книги в России и в Испании, народный рисунок в арабской книге (лубок), описание рукописных и печатных фондов на арабском языке, арабский экслибрис на книгах в коллекциях русских ученых, библиотечное и издательское дело в арабских странах и подготовка арабских специалистов по библиотечному делу в Петербурге. Они вошли в 3-й и 4-й выпуски сборника «Россия и Арабский мир» (1998 и 1999 гг.) [56]. В рамках юбилейной конференции к 300-летию БАН в 2014 г. в читальном зале ОЛСАА работала секция по проблемам и истории восточной книги, на которой также прозвучали доклады по арабским материалам (47).

Ранее отмечалось, что с 90-х гг. в отделе проводится работа по актуальному направлению для нашей страны — раскрытию историко-культурных фондов по теме «Россия и Восток». В этой работе, с учетом специфики научной библиотеки, были тесно взаимосвязаны два аспекта — составление библиографических пособий (о чем сказано выше) и подготовка конференций (чаще международных) и сборников статей по раскрытию архивных, рукописных, книжных и музейных фондов. Таким образом, библиографическая и изыскательская рабо-

ты по этому направлению весьма продуктивно дополняют друг друга. По этой теме также осуществлялось тесное сотрудничество с НРАКЦ Санкт-Петербурга. Совместно было проведено 15 международных конференций «Россия и арабский мир» и издано 12 одноименных сборников статей [56]. (При этом следует напомнить, что в период 90-х — начала 2000-х гг. специалисты испытывали особенно большие сложности с публикацией материалов, так что в тех условиях это была еще и благоприятная возможность напечатать статьи). В ряде случаев конференции были посвящены одному из крупных регионов арабского мира на протяжении всей его истории (от древности до современности), его контактам с Россией или какой-либо определенной теме. Так, были проведены конференции: «Междуречье с древнейших времен до наших дней. Вопросы истории, культуры и экономики» (1999), «Аравия с древнейших времен до наших дней» (2000 и 2004), «Восточное Средиземноморье с древнейших времен до наших дней» (2001), а также конференции «Ислам и православие» (2002), «Центры арабистики в Санкт-Петербурге» (1998) и уже упоминавшаяся конференция «Арабская книга» (1995). Совместно с НРКАЦ СПб был организован и семинар «Вопросы преподавания арабского языка и арабской культуры» вместе с выставкой «Учебники в школах арабских стран». За сборник «Россия и арабский мир» 1999 г. БАН и НРАКЦ СПб. были награждены Почетной грамотой Министерства культуры РФ. Недавно вышла в свет книга «Исламские города в русской периодической печати», подготовленная также на основе фондов БАН [15]. Ряд сотрудников отдела участвует в подготовке и издании переводов художественной и научной литературы и источников с восточных и западноевропейских языков на русский и с русского языка на восточные, что также можно отнести к области развития литературных и культурных контактов со странами Востока [21; 40]. В частности, давно и активно занимается переводами русской классики на арабский язык Н.М. Хамуд, который довольно регулярно представляет свои переводы на сессиях петербургских арабистов. Н.С. Горелов много и плодотворно занимался переводами на русский язык и подготовкой к изданию комментированных сочинений западноевропейских авторов раннего средневековья о странах Ближнего Востока.

Важное место в работе отдела занимает организация книжно-иллюстративных выставок, в частности: «Деятельность Императорского Православного Палестинского общества», «Арабские мотивы в русской поэзии», «Учебники в школах арабских стран», «Справочно-библиографическая литература по арабским странам» и др. Выставками всегда сопровождалось и проведение конференций ОЛСАА, в том числе совместно с НРАКЦ (о чем сказано выше). В работе отдела определенное место занимает и участие в организации культурно-просветительских мероприятий. Во время проведения конференций по теме «Россия и Восток» также обращалось внимание на оформление зала с учетом национальных традиций и с использованием национальной атрибутики. В 90-е гг. при содействии НРАКЦ СПб в БАН была организована выставка художника из Иордании Муханна Дурра, в то время посла Лиги арабских государств в России. Устраивались выставки петербургских художников. Кроме того, в БАН на благотворительной основе в течение ряда лет работали курсы арабского языка и основ исламской культуры, организованные НРАКЦ.

Читальный зал и читатели. Использование арабского фонда связано, прежде всего, с деятельностью в Петербурге таких традиционных научных и учебных востоковедных центров, как Восточный факультет университета, академиче-

ские учреждения (институты восточных рукописей, лингвистических исследований, материальной культуры, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого), а также музеи — Государственный Эрмитаж, Музей истории религии, Музей истории Санкт-Петербурга. Библиотека РАН территориально удачно расположена вблизи этих учреждений. В постсоветский период расширилось преподавание языков и культур Востока в СПбГУ — вырос прием на Восточный факультет, была создана новая кафедра истории философии и культурологии Востока на философском факультете, введено преподавание арабского языка по программе «Теория перевода и межъязыковая коммуникация» на кафедре английского языка и перевода на филологическом факультете. Наряду с традиционными центрами востоковедения, в Петербурге в последнее время программы по изучению восточных языков и культур появились в ряде других учебных заведений, например в РГПУ им. А.И. Герцена, Академии народного хозяйства и государственной службы, Высшей школе экономики (Петербургский филиал), что увеличивает круг потенциальных читателей. Исследования петербургских ученых в области арабистики весьма многообразны и затрагивают такие научные направления, как история классической и современной арабской литературы, средневековая и современная история и этнография, исламоведение, рукописная традиция, разные области лингвистики и пр. (48–50). С начала 90-х гг. арабский фонд комплектуется довольно универсально, с учетом по возможности основных направлений арабистики в Петербурге. При всей сложности политической ситуации (а она не остается неизменной) интерес к арабским странам проявляют и представители деловых кругов, туристы, усиливается массовый интерес к традиционной культуре стран Востока, что также вызывает необходимость в комплектовании фонда путеводителями, справочниками и страноведческими изданиями, популярной литературой. В 90-е — начале 2000-х гг. привлечению читателей способствовали и совместные научные мероприятия с Восточным факультетом, прежде всего, конференции и выставки, практика студентов в отделе, курсы арабского языка. Как следствие этого, после резкого спада посещений читального зала в начале 90-х гг. общее количество читательских посещений на рубеже 90 — начала 2000-х гг. увеличилось.

Сотрудники. Как правило, в ОЛСАА БАН принимались на работу специалисты-востоковеды соответствующего профиля, выпускники Восточного факультета ЛГУ / СПбГУ (историки и филологи), представители старшего поколения — выпускники Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе. Среди сотрудников-арабистов — два кандидата наук (филологических и исторических), еще два сотрудника прошли обучение в аспирантуре.

В 2014 г. к 300-летию Библиотеки Российской академии наук был издан Биографический словарь сотрудников БАН в виде 2-х отдельных томов энциклопедического издания «Великая Россия», который включает статьи практически обо всех, кто проработал в БАН не менее года [9]. В словарь вошли статьи и о двенадцати сотрудниках ОЛСАА, специалистах по Ближнему Востоку. С арабской литературой в разное время работали: А.А. Аброян, С.Н. Васильев, А.С. Гусев, А.М. Иванова, Е.В. Кулинич, Г.З. Пумпян, Назим М. Хамуд, Р.Ш. Шарафутдинова.

Амазасп Артурович Аброян — востоковед-историк (история арабских стран, выпуск 1967 г.), работал в ОЛСАА в должности старшего библиотекаря с 1967 по 1970 г., занимался комплектованием, обработкой и каталогизацией

зацией арабской литературы, обслуживанием читателей. *Сергей Николаевич Васильев* работал в ОЛСАА БАН с 1996 по 1997 г. в должности редактора II категории, будучи студентом кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета СПбГУ (арабские страны), до этого окончил 2 курса отделения истории Индонезии на кафедре истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В ОЛСАА занимался комплектованием, каталогизацией и обработкой индонезийской литературы и технической обработкой арабской литературы. Благодаря его усилиям были установлены контакты с «Обществом индонезийской культуры» и переданы от Общества книжный дар в ОЛСАА и образцы тканей — в МАЭ РАН. Также совместно с «Обществом индонезийской культуры» в БАН и Санкт-Петербурге были организованы дни индонезийской культуры в марте 1996 г. и выступление национального индонезийского хореографического коллектива в августе 1997 г. Эти мероприятия продемонстрировали сотрудникам и гостям БАН (возможно, с очень неожиданной стороны) яркое и жизнерадостное искусство одной из самых крупных в мире мусульманских стран. Преподавал арабский язык в средней школе № 27. Научные интересы были связаны с изучением мореплавания у арабов. *Антон Станиславович Гусев* — востоковед-историк («История Древнего Востока», ассириология, выпуск 1998 г.), работал в ОЛСАА БАН с 1997 по 2003 г. в должности редактора I категории. В основные обязанности входили техническая обработка арабской литературы, обслуживание читателей и частично систематизация литературы по востоковедению на русском и западноевропейских языках. Выполнял техническую обработку большей части поступлений в составе книжных даров и выставок, переданных в ОЛСАА БАН в 90—начале 2000-х гг., прошел обучение в аспирантуре философского факультета (в настоящее время работает в издательстве). *Елена Васильевна Кулинич* в 2004 г. окончила бакалавриат Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета по специальности востоковед-филолог («Арабская филология»). В ОЛСАА БАН работала с октября 2005 по июль 2006 г. в должности редактора I категории на ½ ставки, совмещая работу с учебой в магистратуре Восточного факультета СПбГУ. Ранее в течение 3-х месяцев занималась обработкой арабского фонда на общественных началах. В основные обязанности входили обработка и каталогизация арабской литературы, обслуживание читателей. Обладая хорошей подготовкой по арабскому языку и арабской культуре, очень работоспособная и собранная, сумела выполнить большой объем работы по составлению полных библиографических описаний арабских монографий, поступивших в ОЛСАА в виде даров в 90-х — начале 2000-х г. (с транскрипцией и переводом заглавия на русский язык). Уволилась в связи с поступлением в аспирантуру СПбГУ. Научные интересы были связаны с изучением памятников письменности на территории Белоруссии в арабской графике (51). *Галина Захаровна Пумпян* — арабист-филолог (выпуск 1971 г.), канд. филол. наук (дис.: «Диалектизмы в «Путешествии Макария Антиохийского», 1982). В ОЛСАА работает с 1971 г. по настоящее время, заведующий отделом в 1987—2007 гг.; с марта 2007 г. старший научный сотрудник. Основные направления научной работы — раскрытие историко-культурных фондов по изучению научных и культурных связей России и стран Востока и по истории востоковедения; востоковедная библиографии в России, национальная и ретроспективная библиография в арабских странах; историография и источ-

никоведение, арабские источники по истории России; арабское языковедение (в т.ч. историческая диалектология, средне-арабский язык). В служебные обязанности также входят: комплекс библиотечно-библиографических работ с литературой на арабском языке, обслуживание читателей, организация выставок. Занималась организацией конференций в БАН по темам «Восток и книга» и «Россия и Восток», подготовкой к изданию библиографических пособий и сборников статей в качестве ответственного составителя или составителя разделов и члена редколлегии; активно сотрудничала с Независимым русско-арабским культурным центром Санкт-Петербурга в БАН. Занималась созданием основных организационно-распорядительных и инструктивно-методических документов отдела, в т.ч., нового Положения об отделе в 2004 г., написано свыше 40 отзывов на диссертации, а также отзывы и рецензии на учебные пособия, статьи. *Назим Межид Хамуд* — историк (в 1990 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова, в 1993 г. — аспирантуру восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета), канд. ист. наук (дис.: «Египет и Палестина в англо-французском соперничестве на Ближнем Востоке в XVII — первой половине XIX в.», 1994). С 1993 г. сотрудничал с БАН по линии НРАКЦ, с 1998 г. начал работать в ОЛСАА БАН в должности научного сотрудника, был стажером. Основные направления научной работы — историография, новая и новейшая история стран Ближнего Востока, русско-арабские научные и культурные связи, арабо-исламская тематика в русской литературе, переводы русской классики на арабский язык; раскрытие историко-культурных фондов БАН и других библиотек Санкт-Петербурга по теме «Россия и арабский мир» и подготовка по этому направлению международных конференций и сборников статей (один из ответственных редакторов). В качестве директора Независимого русско-арабского культурного центра Санкт-Петербурга (осн. в 1992 г.) содействовал развитию международных связей и издательской деятельности БАН, комплектованию арабского фонда БАН путем организации книжных выставок из арабских стран. *Ркоия Шейхудиновна Шарафутдинова* — востоковед-филолог (арабская филология), выпуск 1951 г. Работала с 1953 по 1959 г. в ОЛСАА и в Отделе иностранного комплектования. Прошла обучение в аспирантуре в ИВАН (Москва) по арабскому языковедению, после чего с сентября 1963 г. до сентября 1966 г. работала в отделе БАН при Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР (ЛО ИЯ) и с ноября 1966 г. в отделе БАН при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (зав. сектором). Была одним из первых сотрудников отдела и участвовала в разработке схемы организации фондов, правил инвентаризации и системы шифровки книг. В служебные обязанности в ОЗВ (ОЛСАА) входили обработка и каталогизация литературы на арабском, иранских и тюркских языках, с 1954 г. сочетала работу в ОЗВ с работой в МКО в качестве корреспондента по книгообмену со странами Ближнего и Среднего Востока и Швейцарией, в отделе БАН при ЛО ИЯ занималась систематизацией литературы, в отделе БАН при ЛО ИВАН занималась организацией систематического каталога литературы по востоковедению на русском и западноевропейских языках на принципах ББК. Основные научные интересы: архивные исследования по истории востоковедения, по кавказской арабистике, участие в археографических экспедициях в Дагестане. После выхода на пенсию в 1991–1994 г.

работала младшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. В 50-е гг. была депутатом районного совета депутатов трудящихся Василеостровского района. *Анастасия Михайловна Иванова* — востоковед-филолог (арабская филология), выпуск 2012 г. Работала в ОЛСАА с 2014 по август 2016 г. Пройшла обучение в аспирантуре, ее научные интересы — военное дело в мусульманской культурной традиции (с использованием рукописных источников). В обязанности входило создание БД на арабские монографии в программе Ирбис-64, обслуживание читателей. Перешла на преподавательскую работу.

Кроме того, в разное время в отделе также недолго работали с арабским фондом африканист *Сания Аитова* (в 1970 г.) и в начале 2000-х г. — египтолог *Христина Викторовна Анохина*, арабисты *Василий Константинович Васильцов*, *Кристина Коптик*. При регистрации книг из коллекции короля Фахда в 90-е гг. также большой объем работы выполнили студенты-практиканты Восточного факультета египтолог *Наталья Валентиновна Макеева* и особенно арабист-филолог *Александр Буров*.

В научной и информационной работе отдела по ближневосточному направлению принимал плодотворное участие сотрудник отдела, выпускник исторического факультета СПбГУ, д-р ист. н. *Николай Сергеевич Горелов* (21.06.1973, Ленинград — 04.01.2008, Санкт-Петербург), работавший в ОЛСАА с 1996 по май 2007 г. (с перерывом на годичную стажировку за рубежом в 90-х гг.). В 2000-х г. занималась отбором материалов по Востоку в русской периодике канд. филос. наук *Татьяна Николаевна Лебединская* в рамках плановой работы ОЛСАА (журналы «Библиотека для чтения» и «Всемирная иллюстрация», по ее инициативе отобранные для росписи). Н.С. Горелов и Т.Н. Лебединская всегда принимали участие в конференциях «Россия и Арабский мир», публиковались в сборниках материалов конференций.

В своей работе сотрудники-арабисты тесно взаимодействовали со своими коллегами, специалистами по другим регионам Ближнего Востока, иранистами и тюркологами, порой выполнялись и совместные проекты (52).

В отдел традиционно принимались на работу носители языка из стран Востока с филологическим или историческим образованием. Подобная практика широко распространена во многих библиотеках востоковедного профиля Европы и Америки. Наличие сотрудников такого рода полезно при решении сложных вопросов, возникающих в ходе работы — по языку и тонкостям перевода, относительно особенностей и истории национальной культуры, поиска информации в национальных ресурсах — и бывает особенно важно при составлении полных библиографических описаний и аннотированных каталогов, а также подготовке всевозможных справок, конференций, сборников статей, тематических выставок. Среди специалистов по Ближнему и Среднему Востоку в ОЛСАА можно назвать двоих таких сотрудников — это уроженец Ирана, специалист по курдскому и персидскому языкам канд. филол. наук Керим Рахманович Эйюби (1924, г. Махабад (Иран) — 1995, Санкт-Петербург), и работавший в отделе до настоящего времени уроженец Ирака канд. ист. наук Назим Межид Хамуд. (Ранее длительное время работала также уроженка Китая Нажина Костюченко (Нажингова Фу). Надо сказать, что все они — хорошие специалисты, с большой симпатией относившиеся к нашей стране.

ОЛСАА регулярно выполняет экспертные работы. В Отдел довольно часто направляются для составления отзывов и рецензий диссертации аспирантов

и труды по Ближнему Востоку сотрудников НИИ и учебных заведений, учебные пособия. Ряд сотрудников-арабистов занимался преподавательской деятельностью востоковедной направленности в вузах Петербурга (А.М. Иванова, Г.З. Пумпян, Н.М. Хамуд), имеют публикации научных или художественных переводов.

Труд специалистов по Ближнему Востоку получил заслуженную оценку, многие из них имеют разные поощрения и награды (53).

Наконец, следует отметить, что в развитие Библиотеки Российской Академии наук большой вклад внесли такие крупные востоковеды, специалисты по Ближнему Востоку, как иранист академик Карл Германович Залеман (1849–1916) и арабист академик Игнатий Юлианович Крачковский (1883–1951). К.Г. Залеман, как известно, был многолетним директором II Иностранного отделения БАН, совмещая этот пост с должностью директора Азиатского музея. И.Ю. Крачковский в 1944–1946 гг. был председателем Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР и с 1947 г. — первый председатель Ученого совета Библиотеки АН СССР. За самоотверженную работу по сохранению в условиях блокады г. Ленинграда в институтах, музеях и библиотеках АН СССР научных и культурных ценностей, являющихся национальным богатством страны, 17.05.1944 награжден орденом Ленина.

(1). Первоначально называлась Библиотекой его величества [6, с. 9].

(2). Официальное название Академии наук в Санкт-Петербурге менялось в разные периоды ее существования (в соответствии с чем менялось и название академической библиотеки): с 1724 — Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге; с 1747 — Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге; с 1803 — Императорская академия наук; с 1836 — Императорская Санкт-Петербургская академия наук (часто использовалось сокращенное название Петербургская академия наук); с 1917 — Российская академия наук; с 1925 — Академия наук СССР; с 1991 — Российская академия наук. (В период 1724–1747 гг. Академия не имела еще четкого официального названия и устава).

(3). Были осуществлены важнейшие военные, дипломатические и торговые акции на ближневосточном направлении (Персия, Османская империя, в состав которой входили арабские страны), в том числе: Азовский поход (1722), русско-турецкие войны за выход к Черному морю (1710–1713, 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791), учреждение первого постоянного русского посольства в Константинополе, первая Архипелагская экспедиция, ряд мирных договоров (Кучук-Кайнаджийский 1774 г. и Ясский 1791г.), совместные действия русской и турецкой эскадр под командованием Ф.Ф. Ушакова против наполеоновской Франции. В результате границы России продвинулись на юг, а в ее составе увеличилась численность мусульманских народов, усилились контакты со странами ближневосточного региона.

(4). Ряд публикаций такого рода приведен И.Ю. Крачковским. [30, с. 57–58]. См. также статью Э.С. Русиновой в настоящем сборнике.

(5). Первая Архипелагская экспедиция — поход и стратегические действия русского Балтийского флота в Эгейском море в 1769–1774 гг. во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

(6). Довольно интересные сведения о публикациях переводных сочинений по Востоку Н.М. Карамзиным можно почерпнуть в библиографической работе О.Б. Кафановой [18].

(7). Кантемир Д.К. (1673–1723) — молдавский и российский государственный деятель, Господарь Молдавского княжества (1693 и 1710–1711), Светлейший князь России (с 1711) и Священной Римской империи (с 1723), чл. Берлинской академии наук; управлял походной канцелярией Петра во время Персидского похода. Автор фундаментальных трудов по востоковедению [12; 13; 16; 17]. Фундаментальный труд Д. Кантемира *Historia incrementorum atque descementorum Aulæ Ottomanicæ* (История возвышения и упадка Османского двора) написан им в 1714–1716 гг. на латыни и переведен по распоряжению Петра на рус. яз., но не издан. Охватывает период с 1300 по 1711 г., то есть от основания Османской империи султаном Османом I (1299/1300–1324) до эмиграции князя Дм. Кантемира в Россию. Рукопись хранится в Ин-те восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге в Архиве востоковедов, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 1–6. Имеются его издания на западноевропейских яз. [76; 77].

(8). Указ Петра 1716 г.: О переводе на русский язык Корана («Алкоран о Магомете или Закон турецкий») — с французского текста дю Рие (1647 г.) [31, с. 64, № 36].

(9). В 1790 г. вышел в свет перевод М.И. Веревкина [19], к которому обращался А.С. Пушкин при создании своего знаменитого цикла «Подражания Корану». В 1792 г. был издан «Ал Коран Магомедов...» в переводе А.В. Колмакова по английской версии Сэля [23].

(10). Была организована первая в России типография с передвижным арабским шрифтом, напечатан манифест Петра I к народам Кавказа и Персии на татарском, турецком и персидском языках арабскими буквами. В 1787 г. по поручению Екатерины II в типографии Академии наук в Петербурге было осуществлено первое издание Корана на арабском языке для мусульманских народов России (по специально отлитым для этой цели шрифтам, текст подготовил, снабдил комментариями и создал рисунки для изготовления арабского шрифта мулла Усман-Исмаил, слывший одним из лучших каллиграфов того времени, наборщиком и корректором был также мусульманин — Курбангали Исааков), он был переиздан пять раз за короткий промежуток до 1798 г. (в 1789, 1790, 1793, 1796 и 1798 гг.), послужил основой для всех последующих изданий текста [16, гл. 2].

(11). В 1716 г. был издан Указ Петра о посылке молодых людей в Персию при посланнике Вольнском для обучения турецкому, арабскому и персидскому языкам [47, с. 189].

(12). Байер Готфрид Зигфрид Теофил (1694–1738) — ориенталист широкого профиля (знал арабский, китайский, санскрит, тюркские и пр. яз.); проф. восточных языков в АН в 1725–1737).

(13). Георг Якоб Кер (1696–1740) прославился дешифровкой куфических надписей и занялся также разбором нумизматических коллекций в Академии наук; им также был впервые подготовлен проект Восточной академии (получивший поддержку М.В. Ломоносова, хотя и не претворенный в жизнь).

(14). Так, на заре петровских реформ был издан Указ Петра Алексеевича от 29 июня 1696 г.: Об основании [в Москве] библиотеки и положено начало основанию библиотеки МИД, включающей фонды по Востоку. [39; 31, с. 64 (№ 32)]; Указ Петра Алексеевича от 16 октября 1720: О «посылке во все монастыри Российского государства сведущих людей для просмотра и извлечения древних рукописей и книг исторических (включались также и по Востоку) [10, с. 86–87. № 95]; Указ Елизаветы Петровны от 30 авг. 1742 г.: О «разборе» «книг и писем печатных и письменных из библиотек «осужденных» и о передаче этих материалов в АН и другие учреждения (всего 30 000 томов, в том числе — на восточных языках) [32, Т. 5, с. 324–325, № 271]; об издательской деятельности и организации переводов: Указ Петра Алексеевича от 11 июня 1718 («выс. Резолюция на мемориал иноземца Фика»): «об учреждении Академии», «о приискании из русских кто учен» и «об использовании этих людей в качестве переводчиков книг» [47, собр.-1. Т. 5, с. 574. № 3208]; Указ Петра I от 20 янв. 1724 г.: О «назначении места и дохода Академии». В ее программе: обучение языкам, наукам, «знатным художествам» и переводы книг [48, собр.-1. Т. 7, с. 207. № 4227]; [10, с. 140. № 188]; Указ Синода от 18 марта 1728 г.: О «напечатании» в типографии АН «книги религии о управлении Турецкой империи» (1200 экземпляров) и поручении и корректуры рукописи А. Богданову [32, т.4, с. 382–383. № 539]. — Привед. в Приказе президента АН Л. Блюментроста; Указ Кабинета е.и.в. от 15.09.1736: Об издании «на российском языке» книги «Предупреждение, надлежащее до военного состояния Оттоманской империи и о ее приращении и упадка» [32, т. 3, с. 165–166. № 180].

(15). А.А. Виниус (1641–1717) — выходец из Амстердама, переводчик Посольского приказа, впоследствии глава почт России и затем Сибирского приказа; Р.К. Арескин (Robert Erskine, 1674–1719, шотландец по происхождению) — доктор философии и медицины, президент Аптекарского приказа; П.П. Шафиров (1669–1739) — дипломат; А.П. Ганнибал (1696–1781) — инженер, генерал-аншеф; Я.В. Брюс (1669–1735) — учёный и генерал-фельдцейхмейстер (т.е. генерал от артиллерии), Д.М. Голицын (1665–1737) — дипломат и государственный деятель, посланник в Константинополе; Г. Пашке — сотрудник БАН; Д.Г. Мессершмидт (1685–1735) — медик и ботаник на русской службе, руководитель первой научной экспедиции в Сибирь; А.П. Вольнский (1689–1740) — дипломат, посланник в Персии и кабинет-министр; А. Хрушев — капитан флота и горный инженер, советник адмиралтейской конторы; А.И. Остерман — вице-президент Коллегии иностранных дел.

(16). Шумахер Иоганн Даниель (Иван Данилович) (1690–1761), библиотекарь Библиотеки его величества, советник Академической канцелярии. Служил при Библиотеке и Кунсткамере и в Академии наук с 1714 по 1761 г.

(17). Камерный каталог получил такое название, поскольку он был составлен в соответствии с хранением книг по помещениям, то есть, «камерам».

(18). Бакмейстер Иоганн Фальрлат (Фольрлат) (Иван Григорьевич) (?–1788) — библиотекарь АН, «смотритель над Кунсткамерой», переводчик с арабского яз.

(19). Библия Кенникотта — экземпляр Танаха (Ветхий Завет) 1476 г., средневековый испанский манускрипт, с многоцветными иллюстрациями, названный в честь английского гебраиста Бенджамина Кенникотта (1718–1783), который приобрел этот манускрипт для Библиотеки Рэдклиффа, из которой он был передан в Бодлеанскую библиотеку Оксфордского университета в 1872 г. Видимо, речь идет о факсимиле [?].

(20). Те. издание Корана на арабском языке в Гамбурге (Германия) в 1694 г., подготовленное немецким протестантским богословом и востоковедом Абрахамом Хинкельманом (Abraham Hinckelmann, 1652–1695).

(21). Мараччи, Людовико (1612–1700) — иезуит, итальянский востоковед, богослов, переводчик, выпускник университета «Сапиенца» в Риме, духовный отец папы Иннокентия XI. [12, с. 91]; профессор арабского языка университета «Сапиенца» в Риме.

(22). Моисей Хоренский, Мовсес Хоренаци — армянский средневековый историк, автор труда «История Армении». Предположительные даты жизни: ок. 410–490-е гг. или начало VI в., по другой версии — между VII–IX вв.

(23). В настоящее время восточные рукописи хранятся в Отделении документов и рукописей Института восточных рукописей РАН.

(24). Восточная типография Медичи (Typographia Medicea) была основана в 1584 г. кардиналом Фердинандо де Медичи для печатания христианских текстов на языках Ближнего Востока (арабском, турецком и сирийском).

(25). Жан Батист Раймонди (1540–1610) — философ, математик и физик, знал арабский, турецкий и персидский языки и собирал материалы и словари по этим языкам, создал вместе со словолитчиком и пуансоном Роббером Гранжоном (1513–1589) красивый шрифт, возможно, соответствующий почерковому стилю насхи [5, с. 1].

(26). Томас ван Эрпе (Эрпениус) (лат. Thomas Erpenius, нидерл. Thomas van Erpen, 1584–1624) — голландский востоковед и теолог.

(27). Эдвард Покок (1604–1691) — священник, гебраист и библеист, занимался исследованиями арабского языка в Алеппо, будучи там капелланом английской фактории, и собрал там ценные рукописи; занял кафедру арабского языка в Оксфорде после её основания в 1636 г.; основал в 1648 г. кафедру древнееврейского языка, хотя в 1649 г. прекратил работу в колледже.

(28). Я. Голиус (1596–1667) был в составе посольства, отправленного Генеральными штатами к марокканскому султану в 1622 г. и по возвращении получил в Гааге кафедру арабского языка. (Энцикл. сл. Брокгауза Ефрона.).

(29). В 1930 г. был создан Институт востоковедения АН СССР (ИВАН) на базе Азиатского музея, Туркологического института, Коллегии востоковедов и Института буддологической культуры (Ленинград); 1951 г. — переезд Ин-та востоковедения в Москву [в 1960–1970 — Ин-т народов Азии АН СССР (ИНА)]; 1951–1956 — Сектор восточных рукописей ИВАН в Ленинграде; 1956–1960 и 1970–1991 гг. — Ленингр. отд-ние ИВАН (ЛО ИВАН) [1960–1970 — Ленингр. отд-ние ИНА (ЛО ИНА)]; 1991–2007 — Ленингр. отд-ние, с 1992 г. Санкт-Петерб. филиал Ин-та востоковедения РАН (СПб Ф ИВ РАН), Санкт-Петербург; 2007 — Ин-т восточных рукописей РАН (ИВР РАН), выделился из ИВ РАН.

(30). Фонд Бэра назван так по имени известного ученого-естествоиспытателя К.М. Бэра, директора II, Иностранного Отделения БАН в 1835–1862 гг. и включает публикации на западно-европейских языках по 1930 г. XX в., расположенные в соответствии с научной систематизацией литературы, составленной Бэром.

(31). В настоящее время принята формулировка: «Исследование вопросов истории и современного состояния книжной культуры стран Азии и Африки».

(32). Независимый русско-арабский культурный центр СПб был зарегистрирован в Петербурге в 1992 г., создан российскими и арабскими деятелями науки, культуры и деловых кругов; ставил перед собой задачу развития русско-арабских культурных и научных связей, пропаганду достижений русской культуры среди арабов и арабской культуры в России. Исполнительным директором Центра был выпускник исторического факультета СПбГУ и тогда аспирант Восточного факультета Назим Межид Хамуд (Ирак), позже — стажер и сотрудник ОЛСАА БАН.

(33). Персидский залив (между Ираном и Аравийским полуостровом) в арабских странах называется Арабский залив. К странам залива относятся: Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Ирак и Иран.

(34). Хотелось здесь добрым словом вспомнить Майю Александровну Шапарневу (1939–2016), зам. директора БАН в 1982–1994 гг., которая сделала очень много для того, чтобы это сотрудничество состоялось.

(35). Хафиз — а) хранитель, т.е. знающий Коран наизусть; б) знающий наизусть десятки тысяч хадисов (т.е. рассказов о высказываниях пророка Мухаммада и событий из его жизни) с цепями их передатчиков.

(36). Отдел редкой книги, сектор картографии и фонд Бэра основного фонда.

(37). Медников Николай Александрович (1855–1918) — арабист, профессор Факультета восточных языков

(38). Подборка материалов и обзоры о них имеются и в подготовленных сотрудниками ОЛСАА сборниках «Россия и арабский мир» и «Исламские города»: [56; 15].

(39). Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937) — писатель и журналист, старший сын издателя А.С. Суворина, пожизненный действительный член ИППО, путешествовал по Ближнему Востоку в 1880-х гг.

(40). Кившенко Алексей Данилович (1851–1895) — художник, совершил путешествие в Палестину в 1891–1892 гг. в составе археологической экспедиции Н.П. Кондакова..

(41). Навозов Василий Иванович (1862–1919) — художник (рисовальщик и живописец-жанрист, также автор иллюстраций в ряде периодических изданий); сопровождал цесаревича в Палестину и Египет.

(42). Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) — государственный деятель, ученый, путешественник, писатель; участник войны 1812 г.; министр народного просвещения с 7 (19).04.1853 по 23.03.(04.04) 1858; член многих российских и зарубежных научных обществ. Совершил два путешествия на Восток в 1834–1836 гг. (Палестина, Малая Азия, Египет, Нубия, Судан) и в 1861 г. в Святую Землю.

(43). Поливанов Николай Петрович (1832–1909) — племянник А.С. Норова, кадровый военный, участник Крымской войны 1853–56 гг., впоследствии земский деятель; увлекался рисованием и археологией, заведовал классом технического рисования Строгановского училища; принял участие во второй поездке А.С. Норова в Святую Землю в 1861 г.

(44). В частности, картографическим материалам в БАН по Арабскому Востоку и по Святой Земле посвящены публикации сотрудницы БАН О.А. Красниковой в сборниках «Россия и арабский мир»: [24–28].

(45). Со времени основания отдела до середины 90-х гг. в систематическом каталоге отдела отражалась также и литература для отделов БАН при институтах С.-Петербургского отделения РАН, поступавшая тогда для обработки в ОЛСАА.

(46). ГПБ, ЛО ИВАН, библиотекой Восточного факультета ЛГУ.

(47). Статьи по докладам опубликованы в журнале «Петербургская библиотечная школа» в 2015 г.

(48) В Петербурге изучается коранистика, ислам разных толков, суфизм, фикх. Защищены диссертации по религиозно-философским сочинениям средних веков на кафедре истории философии и культурологии Востока на философском факультете, действует учебная программа по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на Восточном факультете в СПбГУ (см.: orient.spbu.ru). Богатейшие коллекции по этнографии мусульманских народов имеются в МАЭ РАН, изучается этнография мусульманских народов; научная и выставочная работа по исламу осуществляется в ГМИР.

(49). Включают полевые исследования, в т.ч. обработку материалов экспедиций в Южную Аравию (традиционные ремесла, ткацкое дело, орнамент, традиционная поэзия и пр.)

(50). В т.ч. кодикология, текстология, источниковедение.

(51). Начиная с XVI вв., модифицированный арабский алфавит использовался для записи богослужебных книг («китабы») на народном западнорусском (старобелорусском) языке татарами, жившими на территории современной Белоруссии, входившей тогда в Великое княжество Литовское (литовские, или польско-литовские татары, они же белорусские татары, липки).

(52). Можно назвать такие совместные проекты и работы, как подготовка биобиблиографического указателя «Карл Германович Залеман» (Л.Н. Демидчик и Г.З. Пумпян), совместное выступление на Лавровских чтениях в Кунсткамере и публикация об особенностях школьно-

го образования среди мусульман Средней Азии по материалам русской периодики до 1917 г. (Г.З. Пумпян и И.В. Самсонова (Гайда)).

(53). В том числе — благодарности дирекции, грамоты Президиума АН, другие поощрения и награды. Так, памятная медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга» была вручена Л.Н. Демидчик, Г.З. Пумпян, Н.М. Хамуду; по одному сотруднику получили — медаль Ордена II-й степени «За заслуги перед Отечеством» (Г.З. Пумпян), Грамоту Министерства культуры и ЦК Профсоюзов (Ш.А. Койбагарова), медаль жителя блокадного Ленинграда (Л.Н. Демидчик).

ИСТОЧНИКИ

1. *Абубетр Раза*. См.: ar-Razi Muhammad ibn Zakariya Abu Bakr.
2. Алкоран о Магомете, или Закон турецкий. См.: по букве К.
3. Ал Коран Магомедов. — См.: по букве К.
4. Альбом замечательных видов Палестины с новейшим планом Иерусалима. — Одесса, 1886. — 311 с.: ил., карты.
5. *Ахмадуллин М.Л.* Дизайн арабоалфавитной печатной продукции (конец XIX — начало XX в.): автореф. дис.... канд. искусствоведения: 17.00.06. СПб., 2011. 24 с.
6. *Бакмейстер И.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. 191 с.
7. Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост. Е.И. Боброва; под ред. Д.С. Лихачева. Л.: БАН, 1978. 214 с.
8. *Бюффон Ж.Л.Л.* Описание Аравийской пустыни // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 70–72. (Пнт 2. Ч. 1. С. 77–78; П. Т. 7. С. 57–58).
9. Великая Россия: российская биографическая энциклопедия / под ред. А.И. Мелуа. СПб.: Гуманистика, 2009. (Серия издательства «Гуманистика»).
- Т. 13: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 1 / сост. В.П. Леонов. 2014. 568 с.: портр.
- Т. 14: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 2 / сост. В.П. Леонов. 2014. С. 569–1142: портр.
10. *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. — М.; Л., 1945. — С. 86–87. № 95.
11. *Горелов Н.С.* Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов: дис.... д-ра ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщ. История» / С. -Петерб. гос. ун-т. СПб., 2006. 430 с. Сп. лит. дис. исслед. включ. 562 назв.
12. *Густерин П.В.* Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2010. Вып. 1. С. 84–92.
13. *Густерин П.В.* Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М.: Вост. кн. 2008.
14. Желатели: повесть восточная / [в шляхетском корпусе перевел Н.Н.] // Ежемес. соч. к пользе и увеселениям служащие // Импер. акад. наук. СПб., 1755. Июль. С. 516–524.
15. Исламские города в русской периодической печати XIX — начала XX в. / сост. к.и.н. Назим Межид ад-Дейрави; науч. консультант к.ф.н. Г.З. Пумпян; рецензенты: д.п.н. проф. В.П. Леонов, к.п.н. Н.В. Колпакова (Библиотека РАН). М.: Садр, 2014. 305 с.: ил.
16. История отечественного востоковедения до середины XIX в. / отв. ред. Г.Ф. Ким, П.М. Шаститко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. 439 с.
17. *Кантемир Д.* Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии. СПб. 1722 (1723). — Пер. на рус. яз. И. Ильиным кн.: Sistema de religione et statu Imperii Turcici (соч. 1719 г.).
18. *Кафанова О.Б.* Библиография переводов Н.М. Карамзина (1783–1800 гг.) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. XVIII век. Сб. 16. Л.: Наука, 1989. С. 319–327.
19. Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих / автор пер. М.И. Веревкин. СПб., 1790.
20. *Кокорцов М.Г.* Описание архипелага и Варварийского берега; изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей; число жителей, веру, обря-

ды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. Во граде св. Петра печ. у г. Вильковского и Галченкова 1786 г. [8], 130 с., 3 л. карт. В книгу включены также два дневника М.Г. Коковцова: «Дневник с разными примечаниями во время первой поездки бывшей в 1776 году из Ливорны в Тунис и в другие Варварийские пристани» и «Дневник второй в Варварийские места поездки в 1777 году». Три гравированные раскладные карты.

21. Коран и пророк Мухаммед в русской классической поэзии / пер. на араб. яз. и коммент. Н.М. ад-Дейрави; предисл. Г.З. Пумпян. СПб., 2011. 176 с.

22. Алкоран о Магомете, или Закон турецкий / пер. с фр. П.В. Пос[т]никова. СПб., 1716.

23. Ал-Коран Магомедов, переведенный с Арабского языка на Англинский, с приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших историков и арабских толкователей Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо. С Англинского на Российский перевел Алексей Колмаков. В 2-х ч. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1792.

24. Красникова О.А. Ранние печатные карты по Арабскому Востоку в фондах БАН // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 5 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 1999. С. 39–42.

25. Красникова О.А. Картографические произведения на территорию Ирака как отражение истории страны в XIX–XX веках // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 6 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2000. С. 67–71.

26. Красникова О.А. Карты Аравийского полуострова в фондах БАН // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 7 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2000. С. 49–55.

27. Красникова О.А. Библейская география: карты XVI–XVIII веков в фонде Библиотеки РАН // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 9 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2001. С. 27–31.

28. Красникова О.А. Библейская география в России в XVIII — начале XIX в. // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 11 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2011. С. 70–78.

29. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 4. М.; Л.: Наука, 1957.

30. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 298 с. (Сер. «Итоги и проблемы соврем. науки»).

31. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в.–1917г.). СПб.: Петерб. востоковедение, 2003 (2004). 444 с.

32. Материалы для истории Император. акад. наук. В 10 т. Т. 5. СПб., 1885–1900.

33. Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам: исследование / предисл. Н. Медникова // Правосл. палест. сб. 1897. Т. 17, Вып. 2, 1–4. (50).

Вып. 2 (1). С. I–III, 1–868; табл. и карт. Указ. геогр. имен: с. 869–879. Указ. истор. имен: с. 880–923.

Вып. 2 (2). Прил. П⁽¹⁾: Историки. С. 1–715.

Вып. 2 (3). Прил. П⁽²⁾: Географы. С. 719–1304.

Вып. 2 (4). Прил. П⁽³⁾: Добавления, указ. и испр. Карты и планы: с. 1307–1404. Указ. геогр. имен: с. 1405–1407. Указ. истор. имен: с. 1469–1694. Хронолог. указ.: с. 1695–1714. Указ. араб. слов: с. 1715–1722. Указ. глав и стихов Корана в упомянут. в пер.: с. 1725–1781. Прибавл. из летописи ат-Табария: с. 1785–1812. Араб. текст Евтихия: с. 1–42. староараб. паг.

34. Моисеева Г.Н. Судьба рукописного наследия Дмитрия Кантемира // Наследие Дмитрия Кантемира и современность: сб. ст. Кишинев, 1976. С. 131–132.

35. Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки: сб. науч. тр. Вып. 1–3. СПб.: БАН, 1985–1992.

Вып. 1 / редкол.: К.В. Лютова (отв. ред.), Т. Н. Холмовская. 1985. 119 с.

Вып. 2. Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии, Африки и Лат. Америки / редкол.: К.В. Лютова (отв. ред.), Г.З. Пумпян. 1988. 175 с.

Вып. 3 / редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Г.З. Пумпян. 1992. 173 с.

36. Новейшее известие о Персии, из путешествия г-на Бошана Вавилонского генерал-викария // Пантеон иностранной словесности. 1798. Кн. 2. С. 228–288.

37. Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. СПб., 1838.

38. Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова / под ред. В.Н. Хитрово; изд. Н.П. Поливанова, А.А. Ильина и К°. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1878. [2], XII, 170, [2] с., 2 л. портр., 4 л. карт и табл.

39. Обзорение библиотеки московского Главного архива Министерства иностранных дел // Сб. Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел. М., 1883. Вып. 3—4. С. 1—19.
40. Общество Медины в эпоху порока Мухаммада / пер. с араб. Г.З. Пумпян, С.Р. Усеиновой; науч. консультант к.и.н. Н.М. ад-Дейрави. М.: Садра, 2013. 456 с.
41. Очерки Палестины. Вифлеем. М.: Тип. на Кузнецком Мосту, 1877. 23 с. (Изд. О-ва распространения полезных книг. Книжки для школ; № 159).
42. Палестина. Святая Земля в её прошлом и настоящем, в изложении Вл.П. Лебедева, с вступительной статьей о Палестине Е. Поселянина, с иллюстрациями-фотографиями Л.А. Коробова, В.А. Мамая и др. и снимками с гравюр и картин русских и зарубежных художников. — Пг.: тип. П.П. Сойкина, 1894. — 624 с.: рис.
43. Палестина и Синай: альбом видов рисованных с натуры Н.П. Поливановым. СПб.: Издание Н.П. Поливанова, А.А. Ильина и К°, 1878. 16 хромо-литогр. рис.
44. Палестина и Синай: собрание фотографических снимков, принадлежащих Императорскому Православному Палестинскому Обществу. Привел в порядок и описал В.Д. Юшманов. Ч. 1, Вып. 3. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. V, 178 с. Предисл.: с. I—V.
45. Периодические издания стран Азии и Африки: естеств. и тех. науки: каталог поступлений в фонды Библиотеки АН СССР и Государственной публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В 2-х ч. / Библиотека АН СССР; отв. ред. С. С. Булатов. Л.: БАН, 1984. Ч. 1. Страны Азии. 436 с. Включ. арабские страны Азии.
Ч. 2. Страны Африки. 215 с. Включ. арабские страны Африки.
46. Периодические издания стран Азии и Африки по общественным наукам. В 3-х кн. / Библиотека АН СССР, Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Науч. библиотека им. М. Горького при Ленингр. Гос. ун-те.; отв. ред. Т. А. Ваганова. Л.: БАН, 1981. Кн. 3: Ближний и Средний Восток. Африка (южнее Сахары). Древний Восток / сост.: Ш.А. Койбагарова, В.И. Кудрин, Г.З. Пумпян [и др.]; редкол. Т. А. Ваганова (отв. ред.) [и др.]. 1982. 412 с. Включ. арабские страны Азии и Африки
47. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 5: 1713—1719. СПб.: Тип. II Отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1830.
48. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 7: 1723—1727. СПб.: Тип. II Отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1830.
49. Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, живописи, переводах: материалы для библиографии // Зап. Имп. акад. наук. 1877. Т. 30. Прил. № 1. XX, 127 с. Включ. 924 назв.
50. Пумпян Г.З. Ирак в русской периодической печати и записках путешественников XVIII — начала XX веков // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 6 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2000. С. 58—66.
51. Пумпян Г.З. Аравия в периодических изданиях и записках путешественников XVIII — начала XX в. в России (по фондам БАН) // Россия и арабский мир: сб. статей. Вып. 11 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 2011. С. 18—24.
52. Пумпян Г.З. Формирование арабского фонда в отделе литературы стран Азии и Африки Библиотеки АН СССР // Формирование книжных фондов: сб. науч. трудов. М., 1982. С. 38—47. (Библиотеки Академии наук СССР и академий наук союзных республик).
53. Путеводитель по Святой Земле: с 37 литографированными рисунками, новейшим планом Иерусалима и картой Палестины. 3-е изд. Рус. Св. скита на Афоне. Одесса: Тип. Е.И. Фесенко, 1894. 311 с.; карты.
54. Путешествия в Святую Землю: записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. / сост., предисл. справки об авторах и примеч. Бориса Романова. М.: Лепта, 1995. 255, [1] с.: ил. Библиогр.: с. 254—255 и в сносках.
55. Рафиков А.Х. Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в. // Книга в России до середины XIX века. Л.: Наука, Ленингр. отд.-ние, 1978. С. 217—260.
56. Россия и арабский мир: сб. статей. [Вып. 1]—12 / БАН, НРАКЦ СПб. СПб., 1998—2011. [Вып. 1] / Библиотека РАН; Миссия ЛАГ; НРАКЦ СПб; отв. ред. В.П. Леонов, Муханна Дурра; редкол.: ад-Дейрави Н., М.П. Шапарнева, Г.З. Пумпян, Н.Н. Дьяков, Э.Н. Мишкоров. 1994. 141, 9 с.
Вып. 2 / Библиотека РАН; НРАКЦ СПб; отв. ред. В.П. Леонов, Муханна Дурра; редкол.: ад-Дейрави Н., Г.З. Пумпян, Н.Н. Дьяков, Н.В. Колпакова, Э.А. Фомина. 1996. 106 с.
Вып. 3—12 / Библиотека РАН; НРАКЦ СПб.; отв. ред. В.П. Леонов, ад-Дейрави Н.; редкол.: Н.Н. Дьяков, Н.Н. Колпакова, Г.З. Пумпян. 1998—2011.

57. Справочная литература по странам Азии и Африки: сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1945–1968 / под ред. Т. А. Вагановой и С. С. Булатова. Л.: Издат. отд. Библиотеки АН СССР, 1972. 534 с. Включ. арабские страны Азии и Африки.

58. Справочная литература по странам Азии и Африки: сводный каталог иностр. фондов Библиотеки АН СССР и Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1969–1988: в 3-х кн. / редкол.: В.В. Бакалюк, А.С. Калиянц, Ю.В. Маретин, Г.З. Пумпян, Т. Н. Холмовская (отв. ред.). Л.: БАН, 1991.

Кн. 1. Азия и Африка (общие работы). Ближний и Средний Восток. Африка (южнее Сахары). Древний Восток. Л., 1991. 411 с. Включ. арабские страны Азии и Африки.

59. *Суворин А.А.* Палестина / худ. А.Д. Кившенко и В.И. Навозов. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. [10], 352 с.: 12 л. ил., 1 карта. Включ. Путевые заметки А.А. Суворина и акварели худ. А.Д. Кившенко и И.В. Навозова.

60. То же. СПб.: Альфарет, 2015. — 364 с.; 12 л. ил., 1 л. карт. Репринтное издание 1898 г.

61. Тысяча и одна ночь: сказки арабские. Пер. с франц. яз. Алексеем Филатьевым. Т. 1–12. М.: [Унив. тип.], 1763–1774.

62. Тысяча и одна ночь: сказки арабские. Переведены с французского языка [Алексеем Филатьевым]. 2-м тиснением. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768–1789.

63. Тысяча и одна ночь: арабские сказки. Продолжение «Тысячи и одной ночи». Ч. 1–2. М., 1794.

64. Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007) / БАН, ИППО; науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.Н. Лисовой; редкол.: Н.В. Колпакова, В.В. Донских, О.В. Левина, Г.З. Пумпян (отв. сост.), С. П. Финогенова, О.Г. Юдахина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: БАН: Альфарет. 444 с.; 45 ил.

65. *Фишман О.Л.* Китай в Европе: мифы и реальность, XIII–XVIII вв. / Ленингр. Отд-ние Ин-та востоковедения АН. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. С. 368–394. (Гл. III, ч. 4: Русские просветители и Китай).

66. *Халидов А.Б.* Издания на арабском языке в России до конца XIX века // Россия и арабский мир. Научные и культурные связи. Вып. 3. СПб.: БАН, НРАКЦ, 1998. С. 7–12.

67. [Хитрово В.Н.] Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущественно палестинских и синайских: Третьему съезду ориенталистов посвящает В.Н. Хитрово / предисл. В.Н. Хитрово. СПб.: Тип. Майкова, 1876. Ч. 1, Вып. 1. VI, 153 с.

68. *Шувалов М.* Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Сб. Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел. 1893. Вып. 5. С. 89–110.

69. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

70. *Abu-l-Faraj.* Specimen historiae Arabum s. Gregorii Abul Farajii Malatiensis, de origine et moribus Arabum succincta narratio, opera et studio Ed. Pocockii, Oxoniae: excudebat H. Hall, Impensis Humph. Robinson, in Cameterio Paulino, ad insigne trium Columbarum, 1650. 389 p.

71. *Abu-l-Faraj.* Ta'rih muhtasar al-duwal = Historia compendiosa dynastiarum / authore Gregorio Abul-Pharajio; arabice edita & latine versa ab Eduardo Pocockio. Oxoniae: excudebat H. Hall celeberrimae academiae typographus Ric. Davis, 1663. 565 p.

72. L'Alcoran de Mahomet. См.: по букве С.

73. [*Backmeister J.*] Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et naturelle de l'Académie des Sciences de Saint-Petersbourg / par Jean Backmeister, sous bibliothécaire de l'Académie des Sciences. St.-Pbg., 1776.

74. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars quarta quae continent libros philosophicos, ets. Vol. 1–2. Typis academiae imperialis scient. MDCCXLII.

75. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae pars 3 [СПб.] 1742. Camera P. Repositor 1, 2, 3, 4. Historia exotica.

76. [*Cantemir Demetrius*]. Histoire de L'Empire Othoman où se voyent les causes de son aggrandissement et de sa décadence Avec des Notes très-instructives: par Demetrius Cantemir prince de Moldavie. Traduit en François par M. de Jonquières Commandeur Chanoine Régulier de l'Ordre de Hospitalier du Saint Esprit de Montpellier. T. 1–4. Paris: Chez Louis-Etienne Ganeau, 1743. T. 1. 300 p., T. 2. 389 p., T. 4. 568 p.

77. [*Cantemir Demetrius*]. The history of the growth and decay of the Othman empire. Containing the growth of the Othman Empire, from the reign of Othman the founder, to the Reign of Mahomet IV. That is from the year 1300, to the Siege of Vienna, in 1683. Written originally in Latin, by Demetrius Cantemir,

late prince of Moldavia. Tr. into English, from author's own manuscript, by N. Tindal... Adorn'd with the heads of the Turkish emperors, engraven from copies taken from originals in the grand seignor's palace, by the late sultan's painter. 2 parts in one. London: Printed by James, John, and Paul Knapton, 1734–35. XV, [1], 4, 460 p.; folding engraved map, engraved frontispiece portrait of the author, & 21 (of 22) engraved portrait plates of emperors of the Ottoman Empire; 2 edition: London, 1756.

78. [Convolutus]: lam 'min ahbar al-'arab = Specimen Historiae Arabum. Включ.: zikr umam al-'arab wa ahwaluhum. Notae Edward Pococke; surat Yusuf; wa tuhaggi al-'arab.

79. [Convolutus]: Proverbiorum Arabicorum = kitab al-amṭal; Proverbia quaedam Alis, Imperatoris Muslimii; Carmen Tograi Poetae doctiss. Nec. non Dissertatio quaedam Aben Sina ibn hazin al-katib» = shazrat al-adab min qalam al-'arab ay ba 'd amtal 'ali al-halifa -muslimin wa lamiya al-agam li-t-tugrai Hutbat al-husain ali ibn sina. Ba 'd al-buyut min kalam ash-shi 'r. Qala ibn hazin al-katib.

80. Al-Coranus sive Lex Islamitica Muhammedis, Filii Abdallae, Pseudoprophetae, ad optimorum Codd. Hamburg, 1694. — Подгот. к изданию Abraham Hinckelmann.

81. L'Alcoran de Mahomet. Translaté d'Arabe en François, par Le Sieur du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. Paris, Chez Antoine de Sommaville, au Palais dans la Salle des Merciers, à l'Ecu de France MDCXLVII [1647]. (10), 648, (4) p.

82. Dictionnaire arabe-français, contenant toutes les racines de la langue arabe, leurs dérivés, tant dans l'idiome vulgaire que dans l'idiome littéral, ainsi que les dialectes d'Alger et de Maroc / par A. de Biberstein Kazimirski. Paris: Maisonneuve et Cie, 2 volumes, 1860. Vol. 1. 1392 p. [Vol. 2. 2369 p.].

83. Ebers G. Pḫlastina in Bild und Wort: Nebst der Sinaihalsinsel und dem Lande Gosen. 2 Bd. / Hrg. von G. Ebers, H. Guthe. Stuttgart; Leipzig: Verlag-Anstalt (formal E. Halberger), 1884. Bd. 1. VIII, 520 s.: II. Bd. 2. VI, 474 S.: il., 151 il.

84. *Erpenii*. См.: *Thomae Erpenii*.

85. *Golius J.* Lexicon arabico-latinum contextum ex probatoribus orientim lexicographis. Accedit index Latinus copiosissilus, qui lexicis Latino-Arabici vicem explere possit. Lugduni Batavorum (Leyde), Typis B. & A. Elseviriorum, 1653. 1390 pages et l'appendice de 74 p. les lemmata additionnels. — Arabe et latin.

86. *Johannis [Joannis] Leonis Africani*. De Africae descriptione. Pars altera. IX lib. absoluta. P. [1]–2. Lugd[uni] Batav[orum] [Leiden]: Ex Officina Elzeviriana, 1632.

87. [*Kantemir Demetrie*]. Geschichte des osmanischen Reichs nach seinem Anwachs und Abnehmen beschrieben von Demetrie Kantemir. Aus dem Englischen übers. Hamburg: Herold, 1745. 916 s.

88. *Leonis Africani*. См.: *Johannis [Joannis] Leonis Africani*.

89. *Lucas, Paul*. [Troisième] Voyage du sieur Paul Lucas fait en M.DCC.XIV, par ordre le Louis XIV dans la Turquie, l'Asie Sourie, Palestine, Haute et Basse Égypte, où l'on trouvera des remarques très curieuses, comparé a ce qu'ont dit les anciens, sur le labyrinthe d'Égypte; un grand nombre d'autres monuments de l'antiquité dont il a fait la découverte, une description du gouvernement, des forces, de la religion, de la politique et de l'état présent des Turcs; une relation de leurs préparatifs faits pour la dernière guerre contre l'empereur, et un parallèle des coutumes modernes des Égyptiens avec les anciennes, etc. 3 vol. Rouen: Machuel, 1724. 3 volumes in — 12, 2 cartes et 32 gravures.

90. Les Mille et une Nuits / traduits de l'arabe par A. Galland. 12 vls. P., 1704–1717.

91. *Poumpian G.Z.* The building of Arabic collection and the study of the Russian-Arab relations at the Russian Academy Sciences Library // Россия и арабский мир: научные и культурные связи / Библиотека РАН; НРАКЦ СПб; отв. ред. В.П. Леонов, ад-Дейрави Назим. Вып. 5. СПб., 1999. С. 32–38.

92. *Ar-Razi Muhammad ibn Zakariya Abu Bakr* (865–925). Abubetri Razae Maomethi, ob usum experientiamque multiplicem, et oc certissimas ex demonstrationibus logicis indications. Basileae [Basel]: in officina Henrici Petri, mense Martio, [1544]. [Абубетр Раза]

93. Refutatio Alcorani, In qua ad Mahumetanicae supersticionis radicem securis apponitur; & Mahumetus ipse gladio suo jugilatur; sacrae caesareae majestati Leopoldi I. Magni romanorum imperatoris dicata ab auctore Ludovico Marraccio Lucensi E' Congregatione Clericorum Regularium Matris Dei, Innocentii XI. Gloriosissimae memoriae olim Confessario. Patavii, Ex Typographia Seminarii, M.DC. XCVIII.

94. *Roque Jean, de la*. [*Jean de la Roque*] (1661–1745). Voyage de l'Arabie heureuse: par l'Océan oriental, et le détroit de la Mer Rouge: fait par les François pour la première fois, dans les années 1708, 1709 et 1710. Paris: chez Charles Huguier, rue S. Jacques vis-a-vis la rue de la Parcheminerie, à la Sagesse et André Cailleau, sur le Quay des Augustins, près la rue Pavée, a Saint André, 1716. 403 p.

95. *Thomae Erpenii* Rudimenta linguae arabicae — accedunt ... Praxis grammatica; & Confilium de studio arabico feliciter instituendo. Laedae: Ex Typographia Auctoris, Anno Dom, 1620. 184 p.

96. *Thomae Erpenii. Proverbiorum arabicorum centuriae duae* (2. Aufl. Leiden, 1614; 1623).
97. *Two journeys to Jerusalem ... / by H. T. London: Printed for Nath. Crouch, 1683. [2], 232, [6] p., [4] l. of plates: ill.*
98. *Wood Robert. The Ruins of Palmyra, otherwise Tedmor. London: (1753). 62 large engraved plates.*
99. *Wood Robert [Hrsg.]. The Ruins of Balbec, otherwise Heliopolis in Coelosyria. London, 1757. (1757).*
100. ابن منظور، الامام العلامة 711-630. لسان العرب / نسقه و علق عليه و وضع فهارسه علي شيري 20 م. اضافات بيروت +: دار الاحياء التراث العربي، 1988م/1408 هـ
101. ابو الفتوح رضوان تاريخ مطبعة بولاق و لمححة في تاريخ الطباعة في بلدان الشرق الاوسط / كتب مقدمته محمد شفيق غربال. القاهرة: المطبعة الاميرية بالقاهرة، 1953. 523 ص.
102. البغدادي، ابو بكر احمد بن علي الخطيب، الحافظ المتوفي سنة 1071 (1072). تاريخ بغداد او مدينة السلام منذ تأسيسها حتى سنة 463 هـ. 24 اجزاء. بيروت: دار الكتب العلمية، بدون سنة
103. العدناني محمد. معجم الاغلاط اللغوية المعاصرة يعالج الاغلاط اللغوية المعاصرة و يبين صوابها. (A Dictionary of common mistakes in modern written Arabic: with corrections, explanations and examples / comp. by Muhammad al-Adnani. Beirut: Librairie du Liban, 1989. 872 p.)
104. (The Moslem book-binding by I timad Yousif al-Qusairy / Republic of Iraq, Ministry of Culture and Information, State Organization of Antiquities and Heritage. Baghdad, 1979. 212 p.)
105. الكتاب المقدس أي كتب العهد القديم و العهد الجديد : و قد ترجم من اللغات الاصلية و هي اللغة العبرانية و اللغة الكلدانية و اللغة اليونانية / طبع بنفقة الجمعية البريطانية و الاجنبية لاجل انتشار الكتاب المقدس. اوكسفورد مطبعة: المدرسة من مدينة اوكسفورد، سنة 1871 مسيحية. 1258 ص. 423 ص.
106. مصطلحات الفن الاسلامية : معجم مشروح مصور / اعداد احمد محمد عيسند; رسامة محمود محمد الطوخي; تقديم اكمال الدين احسان اوغلي. استانبول، 1994. 41 ص. 194. (Islamic art terms (lexicon: explained and illustrated).

См.: рис. №№ 21, 28–32, 39–41, 52–68.

УДК 94(47) : 008(-11) : 027.2
ББК 63.3(2)51
63.3(53)

Э.С. Русинова

**ОБ ОДНОМ ИЗ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДНЫХ СОЧИНЕНИЙ
В РОССИИ ОБ АРАБАХ И АРАВИИ
В БИБЛИОТЕКЕ АЗИАТСКОГО МУЗЕЯ
(«Краткое повествование об аравлянах», 1787 г.)
(из фонда библиотеки Института восточных рукописей РАН)**

АННОТАЦИЯ

Рассматривается редкое издание из фонда старопечатных книг библиотеки Института восточных рукописей — «Краткое повествование о Аравлянах», изданное в Калуге в 1787 г. и свидетельствующее об оживлении культурной жизни в русской провинции последней четверти XVIII в. и интересе к мусульманскому миру.

Ключевые слова: Институт восточных рукописей, старопечатные книги, XVIII век, Просвещение, ориенталистика, ислам, арабы, Калуга.

«В фонде старопечатных книг библиотеки Института восточных рукописей хранится «Краткое повествование о Аравлянах», изданное в Калуге в 1787 г. [2]. «Многие страны, — как писал автор предисловия, имя которого отсутствовало на титульном листе, — избыточествуют историческими писаниями. Хотя ныне время от времени и переводятся на Российский язык из оных; однако, желающие иметь сведение особенное о каком либо государстве, могут справедливо жаловаться на недостаток книг Исторических на Российском языке» [2, с. VII. Цитаты даются в оригинальном написании с учетом современной орфографии]. Составитель «Краткого повествования» сообщал, что он собрал из разных источников, преимущественно на французском языке, «историю о Аравии, в которой бывшие деяния и днесь гремят славою» [2, с. VIII].

В поисках составителя этой компилятивной работы пришлось обратиться к справочной литературе [8] — им оказался Пафнутий Сергеевич Батури́н (1740/41—1803). Его авторство установили по случайно обнаруженной на книжном развале в Киеве поврежденной рукописи под названием «Жизнь и похождения Г.С.С.Б. повесть, справедливая, написанная им самим». Она содержала его личные воспоминания и позже была частично опубликована [1].

П.С. Батури́н был профессиональным военным. Он участвовал в семилетней войне 1756—1762 гг., а в турецкой кампании 1768/69—1774 гг. служил под командованием М.Н. Кречетникова, который стал впоследствии Калужским и Тульским губернатором. Он и пригласил бывшего сослуживца, вышедшего в отставку, переехать в Калугу.

Возникает вопрос, почему в российском небольшом провинциальном городе, ставшим губернским лишь за несколько десятилетий до выхода «Краткого повествования», появляется подобное издание? Краеведческая литература,

посвященная Калуге, свидетельствует, что в 70-е годы XVIII в. здесь стали возникать новые учреждения: увеличилось количество школ, возникли училища и даже собственный театр. Все это оживило жизнь небольшого города, в 1784 г. даже появилась типография, где печатались частные книги. Как писал знаток книжного дела В.П. Семенников, «никаких сведений об устройстве первой книжной типографии не сохранилось в печати, ни в архиве Калужского губернского правления... Следами ее деятельности остались 4 книги (1785, 1786, 1787 и 1788 гг.)» [9, 10].

Переехав в Калугу, П.С. Батуриин стал руководить местным театром, который существовал с 1777 г., затем заинтересовался типографией [7]. С одинаковым усердием он занимался театром и типографией, стараясь, по его словам, «привести их в лучшее состояние». Вскоре Батуриину пришлось освободиться от театральных дел и заняться типографией, чтобы она «не была праздною и могла бы, по крайности, вырабатывать на содержание свое...». Но и типографское дело становилось все более убыточным, и вскоре после издания нескольких книг прекратила свое существование. В эти годы были опубликованы и переводы Батурина [3].

Очевидно, будучи человеком деятельным, он стал делать выписки из разных источников, которые предполагал издавать в журналах. Так, в Предисловии к «Краткому повествованию» он писал: «Я собрал из разных мест иностранных писателей, в краткости изображаемое здесь о славной Империи Аравийской. Сия выписка, так как и другие, сделанные мною по разным предметам, определена была наполнять периодическое сочинение, которое я два года тому, издавать намерялся; но как некоторые препятствия без исполнения оставить оное меня принудили; то я наконец рассудил сим изданием любящим исторические сведения представить сокращенную повесть об Аравлянях, с кратким начертанием наук у них наиболее процветавших...» [3, с. IX–X].

Почему для «любящих исторические сведения» была выбрана именно история Аравии, остается только догадываться. Можно сослаться на свидетельство И.Ю. Крачковского, который писал: «Интерес к арабам чувствовался несомненно в достаточно широких кругах той эпохи; иначе было бы трудно объяснить, почему в Калуге в 1787 г. печатается переведенная с французского брошюра “Краткое повествование о аравлянях”» [6, с. 43].

Можно предположить, что интерес к ориенталистике был следствием участия в турецких кампаниях. Книги, достаточно известные читателям, интересующимся Востоком, вероятно, послужили источниками для перевода. Уже была опубликована и несколько раз переиздана *Восточная Библиотека д'Эрбело*, впервые увидевшая свет в 1697 г. [11]. Этот энциклопедический словарь содержал сведения о мусульманском Востоке, извлеченные из сочинений восточных авторов. В 1722 г. на русском языке появилась «напечатанная повелением его Величества Петра Великого императора и самодержца Всероссийского» «Книга систима, или состояние мухаммеданския религии», автором которой был Д. Кантемир [5, с. 121–462]. Также был издан классический труд английского ученого С. Окли (S. Ockley) об истории сарацин, их завоевательных походах, первых халифах и преемниках Мухаммеда, основанный на арабских источниках и переведенный вскоре на немецкий (1745) и французский языки (1748). Пользовалась известностью и книга аббата Мариньи (François Augier de Marigny) «Histoire des arabes sous le gouvernement des califes», опубликованная в Париже в 1750 г. Батуриин также ссылается на «всеобщее похваляемого

аглицкого писателя» Придо (Humphrey Prideaux). Его сочинение об истории евреев и соседних народов, пользовавшееся большой популярностью в научных кругах и неоднократно переводившееся, он, вероятно, читал во французском или немецком переводе, так как английского не знал [13; французский перевод вышел в 1722 г., немецкий — в 1726 г.]. Этот список можно было бы продолжить. При знакомстве с перечисленными работами — большинство их хранится в фондах БАН, РНБ и ИВР — нельзя не заметить сходства в порядке изложения сведений, в трактовке исторических событий и даже прямого совпадения отдельных текстов.

Книга «Краткое повествование» невелика по объему. Работа не делится на главы, и все же можно обозначить основные разделы. В начале повествуется о происхождении народа, населяющего Аравию, о его расселении по полуострову, перечисляются черты сходства различных племен: «все оне одушевлялись одинакою любовью к независимости... Сия любовь к вольности была всеобщим их народным вдохновением...» [13, с. 4]. Отмечается природное трудолюбие и умение приспособиться к суровым условиям существования: «Им неизвестны ни доктора, ни аптеки, ни бесчисленные болезни, претерпеваемые народами, живущими в роскоши и невоздержанности», ибо их отличает воздержанность в пище, воду они предпочитают всем другим напиткам». Они храбры, благородны, верны слову, гостеприимны, но наряду с этим, считая себя «хозяевами земли, на которой осели их предки, оказывают сопротивление любым вторжениям на свою территорию и ограбление караванов не признают за разбой». Добродетели и пороки удивительным образом сочетаются в этом народе. «Соображая добродетели и пороки столь несовместные сего народа, кажется, должно думать, что он имеет в себе две разные натуры» [13, с. 11]. Истребляя все живое в побежденных городах, они могут проявить великодушие к побежденным «и подать руку помощи странственникам».

Арабы, осевшие в городах, мало отличаются от кочевников-бедуинов. «Начальники их, будучи воины и судьи, бдят о внутреннем благоустройстве и о внешней безопасности». Они удачливые воины, а в мирное время осуществляют функции судьи, отчитываются перед народом «в правлении своем», но, прибавляет Батурич, за злоупотребление властью «отъемлют оную».

Автор-компилятор, переводя из разных источников фрагменты, характеризующие домусульманские верования аравитян, уделяет внимание секте сабеев (sabéens, или Sabiens в европейских источниках), Батурич называет их «савины». Этим именем в разных европейских и мусульманских источниках назывались члены религиозной секты, поклоняющиеся небесным светилам [11]. Ссылаясь на работу Придо, Батурич пишет, что члены этой секты почитали единого Бога, но, «признавая ничтожность свою и необходимость посредвенника между ими и Богом, избрали для того планеты, кои они представляли себе быть жилищем духов, одушевляющих и управляющих сии великие тела, ... Солнце и Луна должны занимать первое место» [13, с. 22].

Дальнейшая история Аравии излагается по историческим сочинениям западноевропейских авторов того времени. «Магомет (так у Батурина) положил основание новой веры» и его преемники «основали большую Империю, ... мечом и кадиллом утвердили могущество Аравлян, коего столь много народов трепетало...» [13, с. 29]. Хотя верованиям домусульманского и раннего периода распространения ислама в книге уделено много внимания, но особое значение

придается изложению основ Корана, т.к. «не бесполезно будет для читателей, которым не случалось прочесть Алкоран, предложить им следующие черты из одного, дабы они могли иметь некоторое об нем понятие». «По прошествии некоторого времени после смерти магометовой, — замечает автор компиляции, — издано было более двухсот истолкований Алкорана», что привело, в конечном счете, к «разделению Магометанской веры. И возродило столь большую ненависть между истолкователями сих разных исповеданий, что оно было большей частью причиною их междоусобных кровопролитий, и что поднесь отвращение их одних к другим во всей своей силе продолжается» [13, с. 76].

Один из разделов книги посвящен наукам, среди которых Батуриин выделяет «астрономию, астрологию, врачевание, химию» и называет имена ученых, которые преуспели в этих науках. Эти страницы не связаны с «повествованием об аравлянах», но и эти извлечения из работ современников Батурина представляются интересными как свидетельство о научном знании конца XVIII в.

Следует упомянуть многочисленные подстрочные примечания составителя «Краткого повествования». Они довольно разнообразны: это и пояснения слов (калиф, эмир, драхма и пр.), исторические комментарии (например, правление константинопольских императоров), перечисление мест, обязательных для паломников-мусульман, пояснение названий различных исламских сект, краткая история завоевания арабами Испании и др. В разделе о науках в примечаниях кратко излагается учение Коперника, Галилея, Ньютона, а в примечании к разделу об астрологии Батуриин, не скрывая своего негативного отношения к предсказаниям, приводит примеры несбывшихся предсказаний и сравнивает астрологию с суевериями. «Астрология тщеславится великим числом знатных предсказаний в Истории упоминаемых», но исполнение предсказаний «надлежит приписать нечаянности, а не свойству или излианию над людьми звезд» [13, с. 142].

Экземпляр «Краткого повествования об Аравлянах» был подарен библиотеке Азиатского музея в 1867 г. Василием Васильевичем Григорьевым, выдающимся востоковедом, учеником О.И. Сенковского. В 30-е годы XIX в. знаменитый издатель А.А. Плюшар (1806–1865) задумал издать многотомный «Энциклопедический лексикон» и привлек к работе в качестве главного редактора О.И. Сенковского, который дал возможность своим ученикам принять участие в составлении ряда статей. В.В. Григорьев для «Лексикона» написал 19 оригинальных статей и опубликовал 12 переводов. В частности, он был автором статьи «Аравия» [4].

Следует отметить, что текст Батурина по своим основным характеристикам принадлежит культуре конца XVIII столетия: с одной стороны, — экзотичность выбранной темы, с другой, — пафос, столь свойственный эпохе Просвещения, когда речь заходит о «диких, но благородных» племенах. «Всем известно, — писал П.С. Батуриин, — что повествование о минувших деяниях обитателей, рассеянных по лицу земли, не только тем полезно, что открывает познание о происшедших достопамятных приключениях на общем рода человеческого жилище; но больше еще тем, что из одного мы можем почерпнуть понятия, сопровождающие нам к справедливому рассуждению о свойстве человека, его добродетелях и пороках...» [2, с. 1]. Именно такой просветительской идее и служил предпринятый Батуриным труд по извлечению из разных источников сведений о жителях Аравии.

ИСТОЧНИКИ

1. [Батури́н П.С.] Записки П.С. Батурина (1780—1798 гг.) // *Голос Минувшего*. 1918. № 1—2—3. Январь—февраль—март. С. 47—78; № 4—6. Апрель—июнь. С. 173—210 и № 7—9. Июль—сентябрь. С. 99—132. Вступ. ст.: С. 47—56.
2. [Батури́н П.С.] Краткое повествование о Аравлянах. В Калуге с дозволения указного 1787 года. 186 с.
3. [Батури́н П.С.] Собрание разных нравоучительных повествований и басен. Пер. с нем. 1785. 199 с.; Колумб в Америке. Пер. с франц. 1786. 113 с.
4. *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816—1881. СПб., 1887. 288, 0105 с.
5. Ислам как фактор формирования российской государственности и культуры: антология. СПб., 2012. С. 121—462.
6. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. 526 с.
7. *Малинин Д.А.* Начало театра в Калуге. К истории калужского театра в XVIII в. Калуга, 1912. 42 с.
8. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725—1800: в 4 т. М., 1962. 4 т.
9. *Семенников В.П.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции в конце XVIII и начале XIX веков // *Русский библиофил*. 1911. № 6 (октябрь). С. 14—39.
10. *Чистоклетов Г.* Опыт собрания материалов о типографии в Калуге и о книгах, в них напечатанных, до 1807 г. включительно. Калуга, 1892. 38 с.
11. *d'Herbelot de Molainville, Barthélemy.* Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connoissance des peuples de l'Orient... Paris, 1697. 1059 p.
12. *Chwolsohn D.* Die Ssaber und der Ssabismus. Bd. 1—2. St. Petersburg, 1856. 2 Bd.
13. *Prideaux H.A.* History of the Jews and Neighboring Nations in the Time of Christ. 2 vols. London, 1718. 2 vol.

УДК 94(70):008(-11):027.2+821.411.21:94(73)
ББК 83.3(7США=Араб)

Г.П. Боголюбова

**«ас-СА'ИХ» (ПУТНИК) —
ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
АРАБОВ-ЭМИГРАНТОВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ**
(по фонду мемориальной библиотеки И.Ю. Крачковского в РНБ)

АННОТАЦИЯ

Описывается журнал арабских писателей-эмигрантов в Северной Америке «ас-Са'их», хранящийся в мемориальной библиотеке акад. И.Ю. Крачковского в Российской национальной библиотеке: содержание, авторы (преимущественно арабы-христиане из Сирии и Ливана), иллюстрации, художественное оформление, роль в развитии новой арабской литературы.

Ключевые слова: новая арабская литература, арабы-эмигранты Северной Америки, Писательская лига.

Особое место в истории новоарабской литературы занимает раздел, связанный с творчеством писателей, эмигрировавших в конце XIX — начале XX века в Северную Америку и способствовавших появлению феномена, получившего название «сиро—американской» литературной школы, объединившей наиболее ярких и талантливых представителей арабской зарубежной литературы. Преимущественно они принадлежали к арабам-христианам.

Важную роль в процессе знакомства арабских читателей с их творчеством сыграли периодические издания (первоначально газеты), которые начали выходить в Нью-Йорке уже с конца XIX века. Первой арабской газетой в Америке стала «Звезда Америки» («Каукаб ал-амрика»), вышедшая в свет 21 апреля 1892 года.

Заметное место среди них занимало и издание, ставшее предметом настоящей статьи.

С 1912 г. и в последующие годы (судя по экземпляру за 1914 г., имеющемуся в библиотеке академика И.Ю. Крачковского) выходила газета «ас-Са'их» (формат 35 × 50 см, объем 14 с), позже превратившаяся в одноименный журнал (формат 49 × 33 см, объем 58 с., брошюровка (1919 г.), в разные годы эти показатели менялись.

Наряду с обычными номерами журнала издавались «специальные» («ас-Са'их» ал-мумтаз»), которые Михаил Нуайме в письме академику И.Ю. Крачковскому называл «альманахами» [2, с. 228, примеч.], ставшими предшественниками большого «Альманаха «Писательской лиги» за 1921 год», однако при этом нужно отметить, что в параллельном заглавии на английском языке «as-Sa'ih» они подобным образом не обозначались.

В статьях и исследованиях, посвященных изучению литературы арабов-эмигрантов в Северной Америке, это издание упоминается повсеместно, но подробных сведений о нем не встречаются.

В разделе «новоарабская литература» (книги и периодика) фонда библиотеки академика И.Ю. Крачковского, хранящейся в Отделе литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге среди достаточно обширного собрания книг и журналов по данной тематике обнаружили несколько номеров «ас-Са'их» за разные годы, что позволило *de visu* ознакомиться с этим изданием.

Появление его библиотеке И.Ю. Крачковского не случайно. Как известно, диапазон научных интересов ученого был огромен — от доисламской и средневековой арабской литературы до литературы нового времени, в изучении которой его лидерство было признано представителями всей мировой арабистики.

«Сиро-американская» литературная школа также стала объектом внимания академика И.Ю. Крачковского, что нашло отражение в его публикациях (от статей до рецензий); так, в 1928 году вышла в свет обширная статья «Арабская литература в Америке (1895—1915)» [3], переведенная позже на немецкий язык и напечатанная в журнале «*Le monde oriental*» [10], ей же посвящен раздел 3. *Арабская зарубежная литература* в статье «Арабская литература XX века» [5; 6].

В 1956 году впервые на русском языке были опубликованы статья И.Ю. Крачковского «Автобиография Михаила Нуайме» [2], ранее напечатанная на немецком языке в журнале «*Die Welt des Islams*» [11], а также рецензия на книгу М. Нуайме о лидере «сиро-американской» литературной школы Джебране Халиле Джебране (1936) [8].

Следует также упомянуть и многочисленные переводы произведений арабских писателей-эмигрантов, сделанные И.Ю. Крачковским и опубликованные в разные годы, (сведения о них в данной статье не приводены).

Все вышесказанное дает основания утверждать, что наличие в фонде академика И.Ю. Крачковского газеты «ас-Са'их» (1914 г.), а позже нескольких журналов с одноименным названием не случайно и свидетельствует о том, что он обращался к этим изданиям достаточно часто и использовал их для своей научной работы.

Представленные в фонде единственный экземпляр газеты (1914 г.) и журналы за 1919—1922, 1925 и 1927 годы (при этом надо отметить, что все номера журналов январские, за исключением номера за 1927 год), конечно, не дают возможность составить полное представление об этом издании, но все же *non multa sed multum* (немного, но о многом).

«ас-Са'их», основанный в 1912 году братьями Абд ал-Масихом (ставший главным редактором) и Надрой Хаддадами, выходил еженедельно по понедельникам и четвергам и был, вероятно, заявлен первоначально как общественно-политическое и литературное издание (к сожалению, в единственной имеющейся газете отсутствуют первая и вторая страницы, по которым можно было бы более точно определить характер издания).

В номере газеты (за 1914 г.) значительное место отведено анализу политических новостей как мировых, так и местных, приводятся тексты срочных сообщений телеграфных агентств, аналитические обзоры; из литературных публикаций наиболее интересна проза: новеллы Н. Ариды «Смерть цветов», «В когтях несчастья» и «У врача» Джорджа Думани [29, с. 1], а также перевод на арабский язык новеллы Ги де Мопассана «Это была мечта» (пер. Сабы Арида) и «Песни о соколе» М. Горького (переводчик не указан) [37, с. 5—7].

Характер последующих номеров «ас-Са'их», начиная с 1919 года (№ 619), позволяет считать его уже не газетой, а журналом: изменился формат (30 × 40 см), увеличился объем (57 с.), появилась брошюровка; на его страницах стали чаще печататься произведения известных литераторов, которые позже станут членами «Писательской лиги» — первого объединения писателей-эмигрантов в Америке: Джебрана Халиля Джебрана, Насиба Ариды, Абд ал-Масиха Хаддада, Рашида Аййуба [14, с. 24; 21, с. 4–5; 27, с. 5–6; 46, с. 32], а также произведения начинающих авторов [47, с. 8–10], появляются критические статьи, продолжают публиковаться переводы с европейских языков, включая эсперанто [31, с. 19–21].

Каждый из семи журналов «ас-Са'их» (за 1919–1922, 1925, 1927 гг.) из фонда библиотеки академика И.Ю. Крачковского представляет собой как бы небольшой фрагмент культурной и литературной жизни арабов-эмигрантов, собрав которые воедино, учитывая ограниченность имеющегося материала, можно попытаться представить ее общее состояние и развитие.

Так, в январском номере альманаха за 1919 г. (№ 619) помещена очень важная публикация под заглавием «Литература эмиграции: это наши литераторы» [38, с. 41–47], сопровождаемая биографиями и фотографиями восемнадцати поэтов и прозаиков: Джебрана Халиля Джебрана, Илйи Абу Мади, Михаила Нуайме, Рашида Аййуба, Насиба Ариды, Надры Хаддада, Вади Бахута, Амина ар-Рейхани, Уильяма Катисфлайса, 1 Абд ал-Масиха Хаддада, Шукри Бихаша, Амина Мушрика, Сабы Ариды, Джамии Бутруса Халуха, Тауфика Хиляля, Мухасина Мутарраджа, Нимы Хаджа, Илйаса Аталлаха.

Этот список интересен тем, что во второй его половине (начиная с Шукри Бихаша) приведены имена авторов, произведения которых публиковались только в «ас-Са'их». Сведения об их произведениях и биографиях неизвестны, по крайней мере, в русской арабистике; ни один из упомянутых литераторов, кроме Илйаса Аталлаха, в число членов «Писательской лиги» не вошел.

Два последующих номера за 1920–1921 гг. (№ 711, № 802), хотя и не обозначенные как «альманахи» (см. выше), являются, пожалуй, наиболее значимыми и информативными.

От предыдущих они отличаются, в первую очередь, художественным оформлением, в них представлены впервые (?) литографии с рисунков Джебрана Халиля Джебрана (или выполненные в стиле его рисунков), один из которых иллюстрирует новеллу «О, земля» [39, с. 3]. На обложке журнала за 1921 г. помещена литография с рисунка Джебрана Халиля Джебрана «ас-Са'их Великий», а на первой странице — его портрет работы греческого художника Мориса Фармаксиса; литографии с рисунков Джебрана появляются на страницах журналов и в более поздние годы.

Весьма знаменательным в истории «ас-Са'их» был 1921 год, когда журнал стал официальным органом «Писательской лиги» — творческого союза литераторов-эмигрантов, основанного в 1920 г. в Нью-Йорке под руководством Джебрана Халиля Джебрана.

Январский номер журнала (№ 802) познакомил своих читателей с членами нового литературного объединения, получившего название «Писательская лига», в которую вошли: Джебран Халиль Джебран (председатель), Илйас Аталлах, Надра Хаддад, Вади Бахут, Насиб Арида, Уильям Катисфлайс, Михаил Нуайме, Абд ал-Масих Хаддад, Илйа Абу Мади, Рашид Аййуб. Тут же опубликованы программа и эмблема организации (авторская работа Джебрана

Халиля Джебрана) — полукруг с изображением книги на фоне восходящего солнца и надписью «бог — сокровище, сокрытое у подножья престола, ключ к которому — уста поэтов», рядом с книгой помещен светильник — чернильница. Статья сопровождалась групповой фотографией членов «Лиги» и фотографиями [40, с. 23–24] каждого ее участника.

Начиная с данного номера, у авторов, публикуемых в журнале, после имени постоянно указываются звания — «сотрудник» и «корреспондент» «Писательской лиги».

Как обычно, в номере публикуются произведения Джебрана Халиля Джебрана, Насиба Ариды, Михаила Нуайме, Илийи Абу Мадии [12, с. 31; 18, с. 21; 32, с. 9–11]. В этом же журнале помещены статьи и публикации, посвященные различным сторонам жизни арабов-эмигрантов в Америке, среди которых интересно отметить своеобразную заметку «Влюбленный “Джебран”», подписанную читательницей под псевдонимом «джебранийя» (поклонница Джебрана).

Так постепенно «ас-Са’их» изменяется, становясь в большей степени журналом литературным, чем общественно-политическим.

Все номера журналов за 1922, 1925, 1927 гг. в фонде академика И.Ю. Крачковского обозначены как «альманахи» («ас-Са’их ал — мумтаз»), как определял их М. Нуайме, или «специальные номера» по определению И.Ю. Крачковского (см. выше), хотя первый вариант (по М. Нуайме) утратил, пожалуй, право на это название в связи с выходом в свет в Нью-Йорке «Альманаха “Писательской лиги”» за 1921 год» [1, с. 26–33] с посвящением на авантитуле «сподвижникам “Писательской лиги”».

Своеобразная характеристика этого издания, обращенная к его будущим читателям, напечатана на страницах «ас-Са’их» за 1922 г.: «на 320 страницах «Альманаха» опубликованы лучшие произведения членов «Лиги», эта книга будет редким даром в мире арабской литературы не только благодаря изысканному художественному оформлению издания (позолоченный футляр, великолепная бумага), но и высочайшему уровню включенных в нее поэтических произведений, романов, новелл и исследований. Возможно, она станет прекраснейшим воплощением новейшего литературного Возрождения; ее стоимость нельзя определить — она самый близкий друг, ценность которого не измеряется деньгами» [41, с. 46].

В планы издателей входил выпуск «Альманаха» также за 1922 год и в последующие годы, о чем они сообщали читателям, установив стоимость издания в 3 доллара при наличии значительных скидок для школ и библиотек. Однако этим планам не суждено было сбыться, издание было прекращено после выхода первого номера.

В связи с изменением содержания журнала — расширением его литературной части, резким увеличением количества публикаций произведений членов «Лиги» [15, с. 14; 22, с. 5; 28, с. 5; 33, с. 7] — изменяется и его объем. Так, если номер за 1922 год вышел на 56 страницах, то журнал за 1925 год содержит уже 178 страниц, а за 1927 год — 127 страниц.

Продолжается публикация переводов — так, в номере за 1922 год напечатан перевод рассказа А. П. Чехова «Юбилей» [41, с. 23–24] (пер. Антуана Баллана) и статьи «Эхо языка» Сулеймана Булуса.

Одновременно с сохранением традиционных направлений в журнале появляется нечто новое, о чем М. Нуайме писал в приведенном выше письме ака-

демику И.Ю. Крачковскому: «дух “Лиги” стал распространяться по арабским странам» [2, с. 228, примеч. 2]. «ас-Са’их» перестает быть журналом только арабской эмиграции, содержание которого ранее ограничивалось лишь рамками ее запросов и интересов.

Так, в номере от 12 января 1922 года (№ 899) напечатан материал о родственной «Писательской лиге» организации сирийских писателей — «Литературной лиги Дамаска» [2, с. 227] под руководством Халиля Мардам-бека, в которую вошли восемь писателей: Салим ал-Джунди, дьякон Эпифаниус Заид, Халиль Мардам-бек (председатель), Мухаммад аш-Шарики (заместитель председателя), Абдаллах ан-Наджжар, Ахмад Шакир Калами, Халил Дамус, Изз ад-Дин Аллам ад-Дин. Интересно сравнить оценку деятельности «Писательской лиги» в письме М. Нуайме с оценкой академика И.Ю. Крачковского в этой же статье и более поздних его работах.

Там же помещена общая фотография членов «Литературной лиги Дамаска» и фотографии авторов, произведения которых напечатаны в этом номере журнала. Среди них: стихотворение Халиля Мардам-бека «Кто спасет меня?», Эпифаниуса Зайда «Я — человек», статья Ахмада Шакира Карамии «Родина и литература эмиграции», новелла Абдаллаха ан-Наджжара «Пленная птица» и другие [29, с. 17; 24, с. 17, 3; 25, с. 18, 4; с. 19].

«Писательская лига» и «Литературная лига Дамаска» сотрудничали не только на поприще литературы, но и политики. Так, когда известной египетской писательницей Мей Зийаде (бывшей также «корреспондентом» «ас-Са’их») была написана для египетского журнала «ал-Хилал» статья под заглавием «Стань счастливым», отклоненная его редакцией по цензурным соображениям, члены «Литературной лиги Дамаска» попытались опубликовать ее в Сирии, но также получили отказ, после чего изменили форму статьи, зарифмовав ее в виде касыды, но сохранив первоначальное название, и переслали в редакцию «ас-Са’их», которая согласилась опубликовать ее в ближайшем номере журнала.

Два последних номера «ас-Са’их» (1925, 1927 гг.) из фонда библиотеки И.Ю. Крачковского, весьма схожие по традиционному содержанию, продолжают и расширяют новые формы общения со своими читателями.

Так, в редакционной колонке журнала № 1191 (февраль 1925 г.), определяя сферу его деятельности в новом году, говорится о ее расширении, отказе от освещения материалов, связанных только с эмиграцией: «мы посвящаем этот номер египетской нации — нации, предназначенной стать сегодня хранительницей арабского языка и пролагающей путь к свободе для всего Арабского Востока» [42, с. 1 (обл.)].

Номер открывается статьями двух крупнейших литераторов Египта. Первый из них Йакуб Сарруф — «Нестор египетской журналистики», по определению И.Ю. Крачковского [7, с. 42], — основатель журнала «ал-Муктатаф», озаглавивший свою статью «Арабский язык в эмиграции», второй — известный литературный критик Махмуд Аккад, представивший статью «Реформы в литературе» [42, с. 9–12], знакомят своих бывших соотечественников с новыми направлениями и тенденциями в языке и литературе, сохраняя их связь с покинутой родиной.

В 1927 г. исполнилось 15 лет со дня выхода первого номера «ас-Са’их» (1912 г.), в честь этого события был выпущен юбилейный (?) «Альманах» (№ 1319) со следующим посвящением редакции: «духу арабского Возрождения, пробудившемуся в эмиграции и ее литераторам, которые воскресили

новую литературную Андалузию в западных странах и их сподвижникам, поддерживавших «ас-Са'их» в течение 15 лет, мы посвящаем этот номер» [43, с. 1].

В этом журнале перечислены имена всех авторов, произведения которых публиковались в альманахах: Джебран Халиль Джебран, Илий Абу Мади, Уильям Катисфлайс, Надра Хаддад, Рашид Аййуб, Филипп Хитти, Хабиб Ибрахим Катиб, Насиб Арида, Абд ал-Масих Хаддад, Амин Мушрик, Антун Баллан, архимандрит Антониус Башир и другие.

В значительно большем объеме, чем ранее, напечатаны прозаические и поэтические произведения писателей членов «Писательской лиги» [19, с. 40.; 34, с. 46–59; 13, с. 60–64; 23, с. 7, 10–11; 16, с. 34–36; 26, с. 37–41; 17, с. 59–60], особого внимания среди которых заслуживают произведения Уильяма Катисфлайса, сведения о творчестве и биографии которого крайне скудно освещены в научной арабистике. Однако, просматривая номера журналов «ас-Са'их», имеющиеся в фонде И.Ю. Крачковского (не только за вышеуказанный год), можно составить достаточно полное представление об этом авторе и его месте в литературе арабов-эмигрантов.

В юбилейном номере журнала за 1927 г. представлены также переводы с русского языка, среди которых стихотворение А.С. Пушкина «Булат и золото», рассказ И.С. Тургенева «Нищий» (в обоих случаях имя переводчика не указано), а также рассказ Н. Тэффи «Честь и чувства» в переводе Антуана Баллана, при этом следует отметить, что литературный псевдоним писательницы был переводчику неизвестен, так как рассказ опубликован под ее фамилией по мужу — Н.А. Бучинская [35, с. 24].

Говоря об «ас-Са'их» этого периода, необходимо обратить внимание не только на содержание журнала, но и сохраняющийся, как и в прежние годы, высокий уровень его художественного оформления, сложившийся под значительным влиянием Джебрана Халиля Джебрана, который был не только талантливым литератором, но самобытным художником, получившим образование во Франции. Он стал автором многочисленных рисунков и литографий, украшавших страницы «ас-Са'их» (см. выше), а также автопортрета, написанного в его студии в Нью-Йорке (№ 1191 за 1925 г.).

На страницах журнала воспроизведены репродукции с картин русских художников: Василия Васнецова — «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (под названием «После битвы»); Генриха Семирадского — «Женщина или ваза?» и западноевропейского (австрийского художника Лендеира?) — «Ангел-хранитель» [43, с. 16, 53, 86], а также большое количество очень хорошо выполненных и зачастую неизвестных фотографий членов «Писательской лиги» и других литераторов, печатавшихся в журнале.

О дальнейшей судьбе журнала известно немного: «ас-Са'их» выходил до середины 50-х годов XX в., однако его «звездный час» закончился вскоре после ухода из жизни Джебрана Халиля Джебрана (1931 г.) и распада «Писательской лиги».

Довольно скоро он превратился снова в газету, вероятно, достаточно ординарную и в таком виде выходил до 1957 г., когда Абд ал-Масих Хаддад продал ее Раджи Захиру, купившему уже ранее газету «Зеркало Запада» и создавшего на основе этих двух изданий новую газету «Вести». Так завершилась славная история «ас-Са'их» — журнала, который внес огромный вклад в становление и развитие литературы арабов-эмигрантов в Северной Америке.

Таким образом, несколько разрозненных номеров журнала и газета, сохранившиеся в фонде библиотеки академика И.Ю. Крачковского, дали нам возможность хотя бы немного познакомиться с литературной средой, в которой жили и работали арабские литераторы эмиграции — создатели «сиро-американской» литературной школы, «влияние которой на современную арабскую литературу было очень велико» [4, с. 94].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что цель данной статьи — дать общее представление о рассматриваемом издании (мало известном в научном обиходе), отмечая только наиболее интересные его особенности, и поэтому автор оставляет в стороне подробное освещение и анализ литературных произведений, печатавшихся на его страницах, что само по себе может стать предметом отдельного исследования.

Эмиграция арабов в Америку продолжается и в наше время, и то, что там по сей день выходят газеты и журналы, основанные еще на рубеже прошлого века, а также появляются новые, свидетельствует о необходимости и важности труда тех, кто закладывал их основы в непростых условиях эмиграции, ибо, как писал Джебран: «может быть в искании трудных путей заключается кратчайший путь к цели» [20, с. 265].

ИСТОЧНИКИ

1. *Боголюбова Г.П.* «Альманах “Писательской лиги” в мемориальной библиотеке И.Ю. Крачковского» // Россия и Арабский мир. СПб., 1998. Вып. 3. С. 26–33.
2. *Крачковский И.Ю.* Автобиография Михаила Нуайме // Крачковский И.Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 223–228.
3. *Крачковский И.Ю.* Арабская литература в Америке (1895–1915) // Изв. Ленингр. гос. ун-та. 1928. Т. 1. С. 1–27.
4. *Крачковский И.Ю.* Арабская литература в XX веке // Крачковский И.Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 86–106.
5. *Крачковский И.Ю.* Новоарабская литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 65–85.
6. *Крачковский И.Ю.* Там же. Разд. 3: Арабская зарубежная литература. — Л., 1946. — С. 92–95.
7. *Крачковский И.Ю.* Исторический роман в современной арабской литературе // Крачковский И. Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 19–46.
8. *Крачковский И.Ю.* [Рец.]. Нуайме, М. Джебран Халил Джебран: его жизнь и смерть, литературное и художественное творчество // Крачковский И.Ю. Избр. соч. В 6 т. Т. 3. М.; Л., 1956. С. 291–293.
9. *Крачковский И.Ю.* То же // Советское востоковедение. М., 1941. Т. 2. С. 291–293.
10. *Kraskowskij I.J.* Die Literatur der arabischen Emigranten in Amerika (1895–1915) // Le monde oriental. — Uppsala, 1927–1928. — Vol. 21(1927). — S. 195–215.
11. *Kraskowskij I.J.* Mihail Na imah' s Autobiographie // Die Welt des Islams. Berlin, 1931. Vol. 3. S. 104–110.

На арабском языке

12. *Абу Мади, Ийа.* Северный ветер // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1921. № 802. С.31.
13. *Абу Мади, Ийа.* Безумец; Три призрака // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1925. № 1191. С. 60–64.
14. *Аййуб, Р.* Снег! // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1919. № 619. С. 24
15. *Аййуб, Рашид.* Поэт // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 14.
16. *Аййуб, Рашид.* Сквозь туман // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 34–36.
17. *Арида, Насиб.* Путь добра // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 59–60.
18. *Джебран Халил Джебран.* 1. Афоризмы // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1921. № 802. С. 21.
19. *Джебран Халил Джебран.* Боль: глава из книги «Пророк» (авториз. пер. с англ.) // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1925. № 1191. С. 40.

20. *Джебран Халил Джебран*. Горсть прибрежного песка: из кн.: «Удивительное и чудесное» // *Джебран Халил Джебран*. Слеза и улыбка: избранное. М., 1976. С. 265.
21. *Джебран Халил Джебран*. Между ночью и утром // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1919. № 619. С. 4–5.
22. *Джебран Халил Джебран*. Скрытая страна // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 5.
23. *Джебран Халил Джебран*. Слепой поэт; О чем поет сакия? // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 7, 10–11.
24. *Заид, Этифаниус*. Я — человек // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 17, 3.
25. *Карамид, Ахмад Шакир*. Родина и литература эмиграции // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 18, 4.
26. *Катисфлайс, Уильям*. Из небесного окна // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 37–41.
27. *Катисфлайс, У.* Рождественская ночь // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1921. № 802. С. 5–6.
28. *Катисфлайс, Уильям*. Несущая труп // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 5.
29. *Мардам-бек, Халил*. Кто спасет меня? // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 17.
30. *ан-Наджжар Абдаллах*. Пленная птица // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 19.
31. *Ни 'ма, Салим*. Ради принципов: [статья] // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1919. № 619. С. 19–21.
32. *Нуайме, Михаил*. Неизвестному солдату // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1921. № 802. С. 9–11.
33. *Нуайме, Михаил*. Осенние листья // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1922. № 899. С. 7.
34. *Нуайме, Михаил*. Часы с кукушкой // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1925. № 1191. С. 46–59.
35. *Пушкин А.С.* Булат и золото (пер. не указан) // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 24.
36. *ар-Рейхани, Амин*. 1950 год: [новелла] // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1919. № 619. С. 9–11.
37. ас-Са'их. Нью-Йорк, 1914.
38. Там же. 1919. № 619. С. 41–47.
39. Там же. 1919. 1920. № 771. С. 3.
40. Там же. 1919. 1921. № 802. С. 23–24.
41. Там же. 1919. 1922. № 899.
42. Там же. 1919. 1925. № 1191.
43. Там же. 1919. 1927. № 1389.
44. *Тургенев И.С.* Ниший (пер. не указан) // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 36.
45. *Тэффи (Бучинская) Н.А.* Честь и чувства / пер. Антуана Баллана // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1927. № 1389. С. 70–78.
46. *Хаддад А.М.* Путь истины // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1920. № 711. С. 32.
47. *Хилал, Тауфик*. Воспоминания Тамуса ал-Манфуха о его путешествии на небеса // ас-Са'их. Нью-Йорк, 1920. № 711. С. 8–10.

См.: рис. №№ 23–27.

УДК 94(70-470.23-25) : 008(-11) ≈ 811.411.17
ББК 80.61.121г(2-2Санкт-Петербург)6/7

Ю.П. Вартапов, Г.З. Пумпян

АРАМЕИСТИКА В ЛЕНИНГРАДЕ–ПЕТЕРБУРГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

АННОТАЦИЯ

Представлен краткий научный обзор развития арамеистики в Ленинграде–Петербурге в период второй половины XX в. — начала XXI в. (западно-арамейский язык и его памятники; сирология). Отмечены преемственная связь и непрерывность в Ленинградской–Петербургской арамеистике и ее вклад в мировую семитологию.

Ключевые слова: арамеистика, сирология, Восточный факультет, Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет, Ленинградское отделение института востоковедения, арамейская эпиграфика, арамейская лексикография, Таргум, Пешитта.

Петербургская арамеистика, имеющая более чем полторавековую историю, в течение всего этого периода сохраняла традиции русской семитологической науки. Несмотря на известные трудности, обусловленные волюнтаристскими тенденциями в руководстве наукой в предвоенный и послевоенный периоды, а иногда и политическими репрессиями, приводившими к трагическим событиям в жизни отечественных ученых, исследователей семитских языков, — преемственная связь в цепочке арамейских штудий не прерывалась.

В этой небольшой статье мы рассмотрим, как развивалась арамеистика только в Ленинграде–Петербурге и только в период после войны до наших дней. Некоторые сведения по этому вопросу содержатся в книге воспоминаний известного советского востоковеда–гебраиста Клавдии Борисовны Старковой (1915–2000) [51], но здесь будут приведены дополнительные данные и расширены хронологические рамки до 2016 г.

Арамейский язык относится к северо-западной группе семитских языков и в свою очередь делится на группы западных и заметно отличающихся от них восточных диалектов, выделяемых в отдельный сирийский язык. Для тех, кто не очень близко знаком с семитологией, напомним, что в середине XIV в. до Р.Х. арамейские кочевые племена продвигались из Аравии на территории Средней и Северной Месопотамии и Сирии и в результате расселились в областях, лежавших между Сирией и Месопотамией, на пересечении торговых путей из Малой Азии к Персидскому заливу и из Месопотамии в Сирию. В конце 2-го и начале 1-го тысячелетий до н.э. возникли независимые арамейские государства (царства), однако арамеи так никогда и не создали единого централизованного государства. В то же время арамеи играли важную роль в экономической и культурной жизни Передней Азии, а арамейский язык стал надолго основным международным языком этого региона. Необходимо уточнить, что термин арамеистика подразумевает достаточно широкий круг предметов

исследования и включает не только собственно арамейский язык, но также историю и культуру многих народов Ближнего Востока, пользовавшихся арамейским языком либо как родным, либо как языком международного общения. В древней Персидской империи (VI—IV вв. до н. э.) на базе западноарамейского языка сформировался имперский арамейский как второй официальный язык, употреблявшийся наряду с персидским на всей территории Ближнего Востока. Во времена Иисуса Христа арамейский был разговорным языком Палестины наряду с греческим. Главными письменными памятниками западноарамейского языка являются те части Ветхого Завета, которые написаны на так называемом библейско-арамейском языке (1), и Таргумы (арамейские переводы Библии). Объектом исследования также являются эпиграфические памятники на арамейском языке, например надписи IX—VIII в. до Р.Х., принадлежавшие арамейским царькам и обнаруженные в районе Алеппо и в Зенджирли, надгробные плиты из Нираба (близ Алеппо), содержащие заклинания, и пр. Термин «сирийский» употребляется со II—III вв. н.э. по отношению к языку и культуре арамейского населения, главным образом Сирии и Месопотамии. В основе сирийского языка был арамейский диалект города Эдессы (Урха в Месопотамии). На сирийском языке существовала обширная литература. К важным памятникам сирийского языка относятся перевод Библии на сирийский язык (Пешитта) и весьма обширная литература агиографического, исторического, грамматического, фольклорно-художественного (например, знаменитая «Калила и Димна»), медицинского характера. Арамейские языки неразрывно связаны с историей раннего христианства. Сирийский язык является одним из главных языков Христианского Востока наряду с коптским, арабским, эфиопским, грузинским и армянским. К арамейскому языковому ареалу относятся также самаритянский, мандейский, пальмирский и набатейский языки.

Остановимся сначала на западноарамейском направлении. В конце 1949 г. на Восточном факультете ЛГУ была закрыта кафедра ассириологии и гебраистики (2), которую тогда возглавлял семитолог-этнограф и лингвист проф. Исаак Натанович Винников (1897—1973), однако уже в 1955 г. на кафедре арабской филологии стало действовать отделение семитологии со специальностями гебраистики и арамеистики, включая сирологию. Одной из дисциплин на этом отделении был арамейский язык, и ведущим специалистом-семитологом на Восточном факультете в ЛГУ в это время был проф. И.Н. Винников. В 1964 г. в Москве состоялась Первая Всесоюзная конференция по семитским языкам, на которой И.Н. Винников выступил с программным докладом о неотложных задачах семитологии в СССР (3). Важное место в докладе отводилось и исследованиям в области арамеистики [14], констатировалось, что наша арамеистика, «по общему признанию, вышла на одно из первых мест в мировой науке». Было сказано о важнейших задачах в области лексикографии, составлении сравнительной грамматики и словаря живых арамейских диалектов в Советском Союзе. Эпиграфические исследования в области арамеистики также были в центре научных интересов И.Н. Винникова. В посвященном ему юбилейном сборнике (1971) отмечалось, что «излюбленные области исследований И.Н. Винникова — арамеистика и семитская эпиграфика. Объектом его исследований являются главным образом памятники финикийской и арамейской письменности» [21, с. 13—14]. Так, И.Н. Винникову принадлежит представляющая большой интерес работа, посвященная реконструкции дефектной над-

писи Закара, царя Хамата и Лу'аша (1955) [21, с. 13–14; 14а]. Перевод этой же надписи, сделанный И.Н. Винниковым, вошел и в Хрестоматию по истории Древнего Востока под редакцией В.В. Струве и Д.Г. Редера [14, с. 289]. Исаак Натанович является автором фундаментальной лексикографической работы в области арамеистики: им был составлен первый в мире «Словарь арамейских надписей» — труд чрезвычайно важный и ценный, публиковавшийся в «Палестинском сборнике» в разные годы (1958, 1959, 1962, 1964, 1965) [13]. Словарь охватывает все известные науке надписи за 1000 лет (IX в. до н.э. — II в. н.э.). Как отмечено в той же юбилейной статье, «в нем исправлены многие ошибочные чтения и дан большой фразеологический материал». Этот словарь и его же словарь финикийских пунических надписей «представляют одновременно и конкорданции, и важные грамматические справочники». Также им был составлен словарь-конкорданция палестинской традиционной литературы (арамейский язык) на основе Иерусалимского Талмуда и палестинских мидрашей, насчитывающий около 12 тысяч карточек (одна буква λ была напечатана в 1960 г.) [12]. Эти словари получили высокую оценку специалистов на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве [21, с. 5–6].

Подготовку по арамеистике получила ученица проф. Винникова Гретта Михайловна Демидова (р. 1938), которая стала едва ли не единственным специалистом в РСФСР в области арамеистики, всецело занимавшимся изучением арамейских материалов. Окончив в 1960 г. Восточный факультет и затем аспирантуру, она с 1963 г. стала преподавать на семитологическом отделении кафедры арабской филологии (доцент с 1976 г.). Гретта Михайловна последовательно разрабатывала различные аспекты западноарамейского языка — от библейско-арамейского до современных арамейских диалектов, хотя главным предметом ее исследований была система глагола в арамейском языке. Ее кандидатская диссертация, которую она защитила в 1967 г., была посвящена слабому глаголу в арамейском переводе Библии «Таргум Онкелос» (т.е. Пятикнижие). Позже эта работа была издана в виде монографии [26]. Список ее научных публикаций включает около 50 работ, в том числе и 3 монографии (по арамейскому, библейско-еврейскому языкам и фольклору). (Нами приведены некоторые из ее публикаций: [22, 23, 24, 25, 26]). На Восточном факультете Гретта Михайловна вплоть до недавнего времени преподавала арабский, древнееврейский и арамейский языки у семитологов и арабистов.

В свою очередь ее ученица Адель Владимировна Немировская (р. 1973), представительница одного из последних выпусков отделения семитологии на кафедре арабской филологии, прошла курс аспирантуры по арамеистике и подготовила под руководством Г.М. Демидовой кандидатскую диссертацию по теме «Именное словообразование в арамейском языке (на материале Таргума Онкелос, III–V вв. н.э.)», которую защитила в 2003 г. [35]. В настоящее время она является доцентом кафедры истории стран Древнего Востока на Восточном факультете СПбГУ и преподает несколько семитских языков, в том числе и арамейский. Ей принадлежит ряд публикаций, среди которых три по арамейской тематике [36, 37, 38]. Также она приняла участие в составлении этимологического словаря семитских языков, разрабатывавшегося московской группой ученых [60], и в разделе «Арамейский язык» в сборнике «Языки мира: семитские языки, аккадский язык, северо-западно-семитские языки» (2009) [59], в котором всего 9 статей по арамейским языкам (в числе членов редколлегии — также представители ленинградской-петербургской арабистики и семитологии А.Г. Белова и Л.Е. Коган).

Помимо этих работ, в Ленинграде—Петербурге к исследованию арамейских материалов также обращались ученые — специалисты по Древнему Востоку и Ирану. В 1951 г. были опубликованы арамейские надписи на черепках, найденных при археологических раскопках в Туркмении, в древней Нисе. Публикацию и первый анализ осуществили известные исследователи Древнего Востока Игорь Михайлович Дьяконов (1915—1999) совместно с Михаилом Михайловичем Дьяконовым (1907—1954) и Владимиром Ароновичем Лившицем (р. 1923) [28]. Также к источникам на арамейском языке обращался иранист, акад. Михаил Николаевич Боголюбов (1918—2010), декан Восточного факультета в 1960—1995 гг., у которого есть работы по дешифровке уникальных арамейских надписей [4, 5, 6, 7].

Историческими исследованиями и изучением хозяйственно-экономической жизни арамеязычных народов на основе эпиграфических материалов в 60-х—80-х годах занимался сотрудник Института востоковедения АН СССР Илья Шолеймович Шифман (1930—1990). Его научные интересы были весьма широки и включали в том числе и арамеистику. Защищенная им в 1969 г. докторская диссертация была посвящена Сирии I—III вв. н.э. [55], а позже он издал еще несколько значительных трудов по социальной и экономической истории Сирии, а также Пальмиры и Набатеи [56, 57, 58].

В этом плане его последователем является сотрудник Института восточных рукописей РАН (ранее Ленинградский филиал Института востоковедения АН СССР), кандидат исторических наук Александр Гаврилович Грушевой (р. 1956). Будучи преимущественно антиком и византинистом, он занимается также экономической историей Сирии и Ближнего Востока в целом в эпоху эллинизма. В его работах использованы многочисленные оригинальные источники на арамейском, сирийском и набатейском языках [17, 18, 19, 20].

В 2011 г. на Восточном факультете была вновь создана самостоятельная кафедра семитологии и гебраистики, и отделение семитологии на кафедре арабской филологии закрылось, «переместившись» на эту вновь созданную кафедру.

В настоящее время арамейский язык преподается также на кафедре библеистики филологического факультета. Там его ведет Кирилл Андреевич Битнер (р. 1970) [2], гебраист по преимуществу, специализирующийся на материале кумранских рукописей. В частности, его кандидатская диссертация, защищенная в апреле 2016 г., посвящена текстологическому исследованию кн. Исаяи, содержащейся в одной из рукописей, найденных в Хирбет-Кумране, и ряд положений диссертации в той или иной мере связаны с арамейским языком [3].

Не прекращались и довольно значительными были и исследования в области сириологии (4). С конца 40-х и вплоть до 70-х годов прошлого столетия работала и публиковала свои труды Нина Викторовна Пигулевская (1894—1970) — один из видных семитологов старшего поколения, сириолог, член-корреспондент АН СССР [34, с. 5—8]. (Нами приведены некоторые из ее основных сириологических научных трудов: [41, 42, 43, 44, 45, 46, 47]). Н.В. Пигулевской принадлежит заслуга в создании в ЛО ИВАН в 1958 г. Кабинета Ближнего Востока, в котором одним из главных направлений научной работы было изучение Христианского Востока и тесно связанные с этой темой сириологические исследования. О состоянии и задачах сириологии в нашей стране было сказано в пленарном докладе Н.В. Пигулевской «Итоги и перспективы отечественной сириологии» на уже упоминавшейся Первой Всесоюзной конференции по се-

митским языкам в Москве в 1964 г. [45]. Доклад содержит краткие сведения о развитии синологии в России и СССР, подготовке кадров и достижениях в исследовании памятников и рукописных коллекций [45, с. 77–79]. Н.В. Пигулевская также сформулировала важнейшие задачи отечественной синологии, прежде всего на ближайшее время с учетом имевшихся кадров и при условии их подготовки на будущее. Помимо издания грамматики литературного сирийского языка (Р.Г. Рылова) и подготовки хрестоматии с сирийско-русским словарем (А.В. Пайкова), это последовательное изучение грамматических трудов сирийцев, дальнейшее изучение памятников сирийской литературы и издание переводов. Особо говорилось о сирийском источниковедении, необходимости дать свод источников, определить их место в источниковедении Византии и Ближнего Востока, привлекать сирийские источники для изучения истории Ближнего Востока, Византии и народов СССР, показать вклад сирийцев с мировую культуру [45, с. 79–80].

В 1954 г. после двадцати пяти лет следовавших одна за другой политических репрессий вернулся из ссылки в Ленинград и возобновил научную работу Анатолий Павлович Алявдин (1885–1965) — синолог, специалист по раннему христианству, ученик одного из крупнейших русских семитологов, акад. П.К. Коковцова. В этот последний период своей жизни он завершил свой главный труд — «Граматику сирийского языка с хрестоматией», которая однако до сих пор остается неопубликованной.

Из первых послевоенных выпускников восточного факультета ЛГУ два семитолога в своей дальнейшей работе уделяли внимание арамейским языкам — это супруги Гита Менделевна Глускина (1922–2014) и Лейб Хаймович Вильскер (1919–1988). Правда, Гита Менделевна в гораздо большей мере известна как гебраист, и все ее основные труды относятся к гебраистике, но кроме публикации по сирийской грамматике [15] она до самого окончания своей работы на Восточном факультете параллельно с древнееврейским языком преподавала и сирийский. А Л.Х. Вильскер главным предметом своего научного интереса избрал самаритянский язык. В этой области он защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал целый ряд статей. Главной его работой по самаритологии является очерк самаритянского языка в серии «Языки народов Азии и Африки» [11]. Л.Х. Вильскер также публиковал переводы с сирийского языка (часто совместно с А.М. Беловым) [39].

С 50-х по 80-е годы в Институте востоковедения АН СССР, помимо Н.В. Пигулевской, сирийской тематикой занимались упоминавшиеся выше Римма Гатовна Рылова (1931–2002) и Аза Владимировна Пайкова (1932–1984). Рылова исследовала жизнь и труды сирийского грамматиста XI в. Ильи Тирханского [49], также занималась подготовкой к печати трудов Н.В. Пигулевской. Пайкова исследовала раннесирийскую литературу и древнесирийскую версию «Калилы и Димны», памятники сирийской агиографии [40].

Несколько позже, с 70-х до начала двухтысячных годов, в Институте востоковедения работала их младшая коллега Елена Никитична Мещерская (р. 1946). Она начала синологические исследования с раннесирийского произведения «Легенда об Авгаре», по которому в 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию; затем продолжала заниматься раннехристианской сирийской литературой и в 1992 получила ученую степень доктора исторических наук. С 2005 г. она является профессором кафедры библеистики филологического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета. Ей принадлежат более 80 научных публикаций, преимущественно по сирийской тематике. Приведем лишь некоторые [30, 31, 32, 33].

В начале двухтысячных годов сирийскую тематику — в аспекте раннего и средневекового христианства на Востоке — продолжала разрабатывать сотрудник Института восточных рукописей РАН Наталия Семеновна Смелова. В 2007 г. она защитила кандидатскую диссертацию по сирийской гимнографии [50].

Этот же материал является предметом исследования сотрудника Государственного Эрмитажа Антона Дмитриевича Притулы (р. 1972), который имеет ряд публикаций в Трудах Эрмитажа и других изданиях [48].

Из новейших выпусков кафедры библеистики можно назвать Александру Геннадьевну Маштакову (р. 1985, в настоящее время проживает в Белграде), занимавшуюся раннехристианской сирийской легендой о Мельхиседеке [29], и Софью Владимировну Фомичеву, которая в 2015 г. окончила магистратуру и также занимается сирийской тематикой, в частности Ефремом Сирином, по которому она защитила магистерскую диссертацию и опубликовала три статьи [52, 53, 54].

В заключение упомянем, что некоторую лепту в историю петербургской арамеистики внес также один из авторов данной статьи Ю.П. Вартанов (р. 1950), волею судеб оказавшийся последним учеником И.Н. Винникова (выпуск 1974 г.). Им опубликована монография по ранней истории изучения в Европе семитских языков Библии, в которой есть соответствующие главы об арамейских и сирийских грамматиках и лексиконах [8], а также две отдельные статьи: одна того же содержания [9], другая — о сравнительном семитском языкознании в Европе XVI–XVII вв., в котором значительную роль играл арамейский язык [10]. В диссертации по арабской исторической диалектологии другого автора статьи — Г.З. Пумпян (р. 1947, выпуск 1971 г.) небольшие фрагменты посвящены влиянию арамейского языка на язык арабов-христиан позднего средневековья (арамейские заимствования в области конфессиональной терминологии и некоторые особенности морфологии) (6).

Таким образом, обобщая сказанное, можно констатировать, что арамеистика в разных ее аспектах никогда не переставала быть одним из важных научных направлений ленинградского-петербургского востоковедения. Авторы статьи, семитолог и арабист, прошедшие (хотя и в разном объеме) школу семитологических штудий на кафедре арабской филологии у И.Н. Винникова, Г.М. Демидовой и Г.М. Плускиной, хотели бы этим очерком отдать дань благодарности и уважения своим учителям.

(1). Это книги Эзры, содержащие указ царя Артаксеркса и рассказ о событиях, связанных с постройкой второго храма в Иерусалиме (V–VI вв. до Р.Х.), а также главы книги Даниила (II в. до Р.Х.).

(2). И.Н. Винников возглавлял кафедру гебраистики и ассириологии в 1945–1949 гг.

(3). О достижениях и перспективах отечественной арамеистики говорилось также в докладе Г.М. Плускиной и Г.М. Демидовой, прочитанном в 1967 г. на Юбилейной научной конференции Восточного факультета ЛГУ, посвященной 50-летию Великой Октябрьской революции [16].

(4). В современной науке приняты оба названия этой специальности — сирология и сириология.

(5). ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

(6). См.: Предисловие, примеч. (9).

ИСТОЧНИКИ

1. *Беляев В.И.* Арабистика и семитология на восточном факультете / В.И. Беляев, И.Н. Винников // Учен. зап. ЛГУ. № 296. Серия востоковедных наук 13. Л., 1960. С. 98–110.
2. *Битнер К.А.* Арамейский язык и письменность // Кафедра библеистики: учебные программы. Магистратура. СПб: СПбГУ, 2007. С. 48–51.
3. *Битнер К.А.* Кумранская редакция «Песен Раба Господня» (свиток 1QISAA) как историко-культурный источник»: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2016. 26 с.
4. *Боголюбов М.Н.* Арамейская строительная надпись из Асуана // Палест. сб. Вып. 15 (78). 1966. С. 41–46.
5. *Боголюбов М.Н.* Арамейский документ из Авромана // Вестн. Ленингр. ун-та. 1967. № 2. С. 41–46.
6. *Боголюбов М.Н.* Арамейские надписи на ритуальных предметах из Персеполя // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1973. Т. 32, вып. 2. С. 172–177.
7. *Боголюбов М.Н.* Арамейская версия лидийско-арамейской би-лингвы // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 106–112.
8. *Вартанов Ю.П.* Ранняя история изучения семитских языков Библии в Европе: по оригинальным изданиям XVI–XVII вв. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 295 с.
9. *Вартанов Ю.П.* Первые библейско-арамейские и сирийские грамматики и словари в Европе XVI в. // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. Вып. 4. 2015. С. 133–141.
10. *Вартанов Ю.П.* Сравнительное семитское языкознание в Европе XVI–XVII вв. — (статья сдана в печать для юбилейного сборника в честь проф. Е.Н. Мещерской, выход которого ожидается в ближайшее время).
11. *Вильскер Л.Х.* Самаритянский язык / АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1974. 96 с.
12. *Винников И.Н.* Опыт словаря и конкорданции палестинской традиционной литературы (буква λ) // Палест. сб. Вып. 5 (68). 1960. С. 151–228.
13. *Винников И.Н.* Словарь арамейских надписей // Палест. сб. Вып. 3(66). 1958. 171–216. Вып. 4 (67). 1959. С. 196–240. Вып. 7(70). 1962. С. 192–237. Вып. 9 (72). 1962. С. 141–158. Вып. 11(74). 1964. С. 189–232. Вып. 13 (76). 1965. С. 217–262.
14. *Винников И.Н.* Неотложные задачи советской семитологии // Семитские языки: материалы Первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 40–49.
- 14а. *Винников И.Н.* Новая интерпретация надписи Закара, царя Хамата и Лу'аша // Эпиграфика Востока. Вып. 10. 1955. С. 84–94.
- 14б. [Винников И.Н.]. Надпись Закара, царя Хамата и Лу'аша / пер. И.Н. Винникова // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. акад. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 289. (544 с.).
15. *Глускина Г.М.* О выражении логического субъекта при помощи предлога «л» в страдательной конструкции в сирийском языке // Крат. сообщ. Ин-та народов Азии (АН СССР). № 86. История и филология Ближ. Востока. Семитология. М., 1965. С. 20–24.
16. *Глускина Г.М.* Арамеистика в СССР / Г.М. Глускина, Г.М. Демидова // Тез. юбилейн. науч. конф. Вост. факультета, посвящ. 50-летию Великого Октября. Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 13–14.
17. *Грушевой А.Г.* Проблема датировки синайских набатейских надписей // Петерб. востоковедение (The Journal of St. Petersburg Oriental Studies). Вып. 7. 1995. С. 435–449.
18. *Грушевой А.Г.* Нессанские папирусы. Основные проблемы социально-экономической и политической истории Южной Палестины IV–VI вв. // Правосл. Палест. сб. Вып. 96(33). СПб., 1998. С. 3–118.
19. *Грушевой А.Г.* Синайские набатейские надписи как исторический источник // Правосл. Палест. сб. Вып. 96 (33). СПб., 1998. С. 119–252.
20. *Грушевой А.Г.* Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н.э. — VI в. н.э.). СПб.: Нестор-История, 2013. 378 с.
21. *Демидова Г.М.* Исаак Натанович Винников // Вопр. филологии стран Азии и Африки. Вып. I: сб. в честь проф. Исаака Натановича Винникова / отв. ред. В.И. Беляев и А.А. Долиннина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 3–14.
22. *Демидова Г.М.* Причастия в западноарамейском литературном языке // Вопр. филологии стран Азии и Африки. Вып. 11. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 15–18.

23. Демидова Г.М. Об арамейском субстрате в иракском диалекте арабского языка // Востоковедение. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 176–185.
24. Демидова Г.М. Инфинитив в западноарамейском языке // Востоковедение: (Филол. исследования). Вып. 7. Л., 1980. С. 18–23.
25. Демидова Г.М. Глагольная морфология в языке Таргум Онкелос. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССРСР, 1984. 31 с.
26. Демидова Г.М. Слабый глагол в западноарамейском памятнике «Таргум Онкелос»: (на основании Editio Sabbioneta, 1557 г.). СПб, 1997. 117 с.
27. Демидова Г.М. Память невольной грустью душу осенила // Воспоминания выпускников Восточного факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета послевоенных лет. СПб., 2005. С. 51–62. — О проф. И.Н. Винникове.
28. Дьяконов И.М. Документы из древней Нисы: (дешифровка и анализ) / И.М. Дьяконов, М.М. Дьяконов, В.А. Лившиц // Материалы ЮТАКЭ (5); вып. 2. 1951. С. 21–65.
29. Маштакова А.Г. Представления о Мелхиседеке в «Пещере сокровищ» // Христианский Восток: на основе материалов международной конференции «Интерпретация текста в культуре Христианского Востока: перевод, комментариев, поэтическая обработка» (Государственный Эрмитаж, 14.09.2011–16.09.2011). Нов. сер., Т. 6 (XII). — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа; М.: Индрик, 2013. С. 323–330.
30. Мещерская Е.Н. Сирийские заклинательные сборники из Матенадарана // Палест. сб. Вып. 27 (90). 1981. С. 93–104.
31. Мещерская Е.Н. Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник (исторические корни в эволюции апокрифической легенды) / отв. ред. С.С. Аверинцев, А.В. Пайкова. М.: Наука, 1984. 252 с.
32. Мещерская Е.Н. Сирийская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М., 1987. С. 104–144.
33. Мещерская Е.Н. Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды) / отв. ред. Л.А. Тер-Петросян. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. 243 с.
34. Мещерская Е.Н. К 100-летию со дня рождения Н.В. Пигулевской (1894–1970) // Православн. Палест. сб. СПб., 1998. Вып. 98(35): сб. памяти Н.В. Пигулевской. С. 5–8.
35. Немировская А.В. Именное словообразование в арамейском языке (на материале Таргума Онкелос, III–V вв. н.э.): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.22. СПб., 2002. 23 с.
36. Немировская А.В. Иудейско-палестинский арамейский язык // Языки мира: семитские языки, аккадский язык, северо-западно-семитские языки / РАН, Ин-т языкознания; редкол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С. В. Лезов, О. И. Романова. М.: Academia, 2009. С. 531–562.
37. Немировская А.В. Классический мандейский язык // Там же. С. 626–660.
38. Немировская А.В. К интерпретации одного фрагмента апокрифа книги Бытия из 1-й кумранской пещеры (1Q арGen XXII, 30–32) // Иудаика и востоковедение / ред К.А. Битнер. СПб., 2012. С. 86–90.
39. От Ахикара до Джано / сост., пер. с сир., коммент. А.М. Белова и Л.Х. Вильскера; ред. и предисл. Н.В. Пигулевской. М.; Л.: Худ. лит., 1960. 416 с.
40. Пайкова А.В. Легенды и сказания в памятниках сирийской агиографии // Палест. сб. Вып. 30 (93). 1990. С. 5–133.
41. Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник / отв. ред. акад. Крачковский И.Ю. // Тр. ин-та востоковедения. Т. XXXI. М.; Л., 1940. 176 с.
42. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Тр. Ин-та востоковедения Акад. наук СССР. Т. 31, 41. 1941. 172 с.
43. [Пигулевская Н.В.]. История мар Ябалахи III и раббан Саумы / исслед., пер. с сирийск. и примеч. Н.В. Пигулевской. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 162 с.
44. Пигулевская Н.В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда // Палест. сб. Вып. 6 (69). М.;Л., 1960. С. 3–230.
45. Пигулевская Н.В. Итоги и перспективы отечественной сириологии // Семитские языки: материалы Первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гл. ред. вост. лит., 1965. С. 75–81.
46. Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М, 1979. 249 с.: ил.
47. Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. [2-е изд., испр. и доп.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 831 с.

48. *Притула А.Д.* «Востоносирийский гимнографический сборник Варда» (XIII–XVI века) // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. LI. Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвящ. памяти Алисы Владимировны Банк (1906–1984). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 481–491.
49. *Рылова Р.Г.* Грамматика сирийского языка Ильи Тирханского XI века // Палест. сб. 1965. Вып. 14 (77). 158 с. — Защищена как диссертация.
50. *Смелова Н.С.* Мелькитская богородичная гимнография IX–XIII вв. как источник по истории христианского Востока: на материале сирийской рукописи РНБ Сир. нов. сер. 11: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. [Место защиты: Ин-т востоковедения РАН]. СПб., 2007. 26 с.
51. *Старкова К.Б.* Воспоминания о прожитом: жизнь и работа семитолога-гебраиста в СССР. СПб.: Европ. дом, 2006. 356 с.
52. *Фомичева С.В.* Тайна (гвзв) у Ефрема Сирина: иудейские параллели // Иудаика и библеистика / ред. К.А. Битнер. СПб., 2013. С. 139–157.
53. *Фомичева С.В.* Иона-врач: к вопросу об использовании медицинской терминологии и образов, связанных с медициной, у Ефрема Сирина // Иудаика и арамеистика / ред. К.А. Битнер. СПб., 2014. С. 236–261.
54. *Фомичева С.В.* О некоторых христианских символах в мире «Об Ионе» Ефрема Сирина // Вестн. СПбГУ. Сер. 9, вып. 4. 2015. С. 115–124.
55. *Шифман И.Ш.* Социальные и экономические отношения в Сирии в I–III вв. н.э. Л., 1969. 651 с. (докт. дис.)
56. *Шифман И.Ш.* Nabatean Kingdom and its culture: (from the history of culture of the pre-Islamic Arabia). М.: Наука, 1976. 161 с.
57. *Шифман И.Ш.* Сирийское общество эпохи Принципата. М.: Наука, 1977. 310 с.
58. *Шифман И.Ш.* Пальмирский пошлинный тариф / введ., пер. и коммент. И.Ш. Шифмана. М.: Наука, 1980. 335 с., 3 л. ил.
59. Языки мира: семитские языки, аккадский язык, северо-западно-семитские языки / РАН, Ин-т языкознания; редкол.: А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова. М.: Academia, 2009. 948 с.
60. Semitic Etymological Dictionary / A. Militarev, L. Kogan. V. 1: Anatomy of man and animals. Münster, 2000. CLIV, 425 p.

См. рис. №№ 16–18.

УДК 069.4 : 29
ББК 86.38(2-2Санкт-Петербург)лб1

Т.А. Стецкевич

КОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПО ИСЛАМУ

АННОТАЦИЯ

Изложена история формирования исламской коллекции Государственного музея истории религии Санкт-Петербурга и подробно описаны предметы разных разделов исламского фонда.

Ключевые слова: ислам в России, музей истории религии Петербурга, Коран, Средняя Азия, Дагестан, мусульманские народы, татарские шамаилы, суфизм, шиитский культ.

Государственный музей истории религии (ГМИР) был создан в ноябре 1932 г. на основе Антирелигиозной выставки в Зимнем дворце, состоявшей в основном из экспонатов Кунсткамеры (МАЭ им. Петра Великого РАН) и Эрмитажа. Немногие экспонаты, имевшие отношение к исламу, после закрытия выставки были возвращены владельцам или переданы в новый музей на временное хранение. Первые экспонаты, положившие начало формированию собственного исламского фонда, поступили в ГМИР из Государственного историко-лингвистического института. В основном это были предметы быта — чаши, блюда, кальяны, сосуды для воды. В 1937–1939 гг. коллекция пополнилась дервишескими сосудами для сбора подаяний, восточным оружием, предметами прикладного искусства из Центрального музея Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), Государственного музея изобразительных искусств, музея «Исаакиевский собор» и Института востоковедения АН СССР. В конце 1940-х гг. в ГМИР были переданы фонды закрывшегося во время Великой Отечественной войны Центрального антирелигиозного музея, в том числе коллекции, собранные экспедициями Л.И. Климовича в Среднюю Азию и Е. Шиллинга в Дагестан. В 1957 г. ГМИР получил из Русского музея собрание татарских литографий-лубков (шамаилей) XIX — начала XX вв.

С середины 60-х и до конца 80-х гг. XX в. мусульманский фонд увеличивался главным образом за счет экспонатов, полученных в результате научных командировок и экспедиций в Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизию и Казахстан или приобретенных у частных лиц. Заслуженный деятель науки, профессор Ф.Ф. Талызин подарил свою коллекцию настенных литографий-панно, изданных в Пакистане, Индии, Ираке, Египте, Афганистане. У наследников известного коллекционера С.Н. Ханукаева музей приобрел инкрустированные перламутром и редкими древесными породами столики (курси), светильники, блюда, кувшины и другие предметы, бывшие в обиходе народов Средней Азии, Кавказа, стран Востока в XIX — начале XX вв.

В настоящее время расширение фонда также происходит в основном через покупку и дарение. Мусульманское духовенство и прихожане Соборной мече-

ти Санкт-Петербурга регулярно пополняют коллекцию музея современными культовыми и бытовыми предметами.

В собрании экспонатов фонда «Ислам» можно выделить несколько (семь) основных комплексов: I. Коллекция Коранов. II. Предметы, связанные с культом ислама. III. Предметы шиитского культа и суфийской практики. IV. Религиозные лубки (шамаили). V. Предметы, связанные с домусульманскими культами и верованиями. VI. Предметы культуры и быта народов, исповедующих ислам. VII. Произведения живописи и графики, посвященные исламу и образу жизни мусульманских народов.

Более подробная характеристика вышеперечисленных музейных комплексов по исламу выглядит следующим образом.

I. Кораны в собрании ГМИР

Текст Корана на арабском языке во всем мусульманском мире безоговорочно признается сакральным, будь он в виде рукописи, отдельных листов или печатного издания. Ни один другой предмет не наделяется такой святостью. Самый ценный экспонат в коллекции ГМИР — факсимиле одной из древнейших рукописей Корана, датируемой примерно первой четвертью VIII в. В течение нескольких столетий она хранилась в мечети Ходжа Ахрар около Самарканда. Мусульмане почитали ее в качестве первоначального списка Корана, обогрванного кровью Праведного халифа Османа. В 1868 г., когда Самарканд был включен в состав Российской империи, военные чиновники, узнав об уникальной рукописи, вынудили духовных лиц передать Коран царской администрации. С 70-х гг. XIX в. рукопись хранилась в Отделе рукописей Императорской Публичной библиотеки (ныне РНБ) в Санкт-Петербурге, а затем в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте. В марте 1989 г. на открытии Съезда мусульман Средней Азии и Казахстана Коран был торжественно вручен верующим и в настоящее время находится в одной из мечетей Ташкента. Факсимиле рукописи, выполненное востоковедом-арабистом С. Писаревым, было напечатано в 1905 г. Картографическим заведением Д. Руднева в Санкт-Петербурге всего в 50 экземплярах, из которых до настоящего времени дошли лишь считанные единицы.

В коллекции ГМИР имеются следующие Кораны: миниатюрной печати, вложенные в футляры из металла и кожи и выполнявшие роль оберегов; Коран-восьмигранник, напоминающий по форме средневековые рукописи, крепившиеся к знаменам; Коран с межстрочным переводом на язык фарси и два сборника: «Чоркитоб» и «Хафтияк», состоящие соответственно из четырех и семи сур Корана; Кораны, изданные в Казани в XIX в. и современные иллюминированные экземпляры, напечатанные в России и Турции.

К Корану мусульмане относятся с большим почтением, хранят отдельно от других книг и предметов, заворачивают в ткань. При чтении Корана большинство народов Ближнего и Среднего Востока пользуются подставками (лаух или рахла), позволяющими фиксировать книгу на уровне пояса. Музей располагает как примитивными подставками, изготовленными из грубо обработанных досок, так и редкими произведениями прикладного искусства, украшенными резьбой, каллиграфическими надписями, инкрустированными костью и перламутром, а также подставками, высоту которых можно регулировать.

II. Предметы, связанные с вероучением и культом ислама

Предметы культового назначения в основном связаны с одним из «столпов» ислама — ежедневной пятикратной молитвой (намаз, салат). Они являются общими для разных течений в исламе, но имеют свои особенности на разных территориях и в разных мазхабах — школах ислама. Это сосуды для воды, молитвенные коврики, четки. Большая часть этих предметов, имеющихся в ГМИР, создана в регионах распространения суннитского ислама (Средняя Азия, Татарстан, Турция и др.).

Поверхность молитвенного коврика (намазлык, мусалла) — «чистое» место для молитвы. Наряду с ковриками, сотканными по той же технологии, что и бытовые ковры, в собрании ГМИР представлены коврики из шелка, хлопчатобумажных тканей с машинной вышивкой, шерстяные с добавлением золотой нити, из бараньих шкур и плетеные из тростника. При безмолвных молениях (дуа), совершаемых помимо обязательных пятикратных молитв, и для подсчета славословий Аллаху (субханалляхи) используются четки (тасбих). Музей обладает большим количеством четок из разнообразных материалов: плодовых косточек, орехов, металла, стекла, пластмассы, с разным количеством зерен — от 33 до 99.

III. Предметы шиитского культа и суфийской практики в собрании ГМИР

Шиизм — второе после суннизма по значимости направление в исламе — представлен в основном предметами культа. Мусульмане-шииты при земных поклонах во время молитвы подкладывают под лоб плитки из прессованной земли со «святых» мест. Большинство плиток относится к началу XX в. Обычно их привозили паломники, посещавшие Мекку и священные города шиитов Неджеф и Кербелу. Одна плитка (турба), изготовленная из земли с могилы имама Хусайна, привезена из Ирака в конце 90-х гг.

Многие предметы, связанные с культом мучеников в шиизме, являются ритуальными: лубки для украшения мечетей и помещений, где происходили чтения повествований (роузе) о мучениках, принадлежности траурных шестивий — флаг (бейраг), наверхия на стяги — трезубцы и «панджа». Форма «панджи» — раскрытая ладонь — символизирует «пятерицу», «семью Пророка», которой, по учению шиитов, принадлежит божественное право на руководство мусульманской общиной (имамат). В собрании музея представлены экземпляры из разных материалов: жести, меди, бронзы, отличающиеся техникой изготовления и назначением: миниатюрные «ладошки» для освящения воды, массивные литые или кованные — для водружения на знамена. Участники церемоний в дни ашура (поминовения мучеников) — добровольные самоистязатели — наносят себе раны связками металлических цепей — занджирями. В коллекции музея имеется несколько занджиров разных размеров — от увесистых до миниатюрных.

Среди шиитских экспонатов особый интерес представляет Зу-л-Факар — сабля (чаще встречается наименование меч) с раздвоенным лезвием. По преданию, такое оружие принадлежало Пророку, затем оно перешло к имаму Али. Считается, что, обладая волшебными свойствами, способностью укорачиваться и удлиняться, Зу-л-Факар помогал Али побеждать врагов.

Значительную часть собрания составляют предметы, относящиеся к суфизму: одежда среднеазиатского бродячего аскета-дервиша (халат, шапка и пояс),

деревянные четки, секиры-теберзины, булавы с головами дивов, громадные посохи из полированных корней или ветвей необычной формы, которыми дервиши пользовались при совершении мистических ритуалов. Считалось, что эти предметы наделены особой силой и помогают дервишам на пути постижения Бога.

Редкими по красоте произведениями прикладного искусства являются сосуды для сбора подаяний — кашкули. Вырезанные из сейшельского или мальдивского кокосового ореха, по форме напоминающие желудок, они украшены резными каллиграфическими надписями, изображениями цветов, птиц, животных и даже людей. Не менее интересны металлические кашкули с чеканкой, гравировкой и вставками, имитирующими драгоценные камни. Другой вид сосудов для сбора подаяний — каду — предназначался для пищи, воды и других жидкостей и изготавливался из плоской тыквы и тыквы-горлянки.

Суфии, жившие в обители (ханака), обучались основам суфийского образа мысли и практики у наставников — ишанов (шейхов), возглавлявших тарикаты. Халат ишана, расписанный стихами поэтов-мистиков и возгласами суфийских радений (зикров) — один из уникальных экспонатов музея.

IV. Религиозные лубки (шамаили)

На рубеже XIX–XX вв. в среде мусульман России широкое распространение получили настенные плакаты и лубки (татарск. шамаили от араб.-перс. — «качество», «свойство», «достоинство»). Не будучи объектами поклонения, не обладая в глазах верующих особой святостью (за исключением шамаилей с сурами или айатами Корана, которые изначально считаются наделенными особой, иногда даже магической силой), шамаили, тем не менее, выполняют некоторые функции, свойственные иконам. В мечетях и жилищах они создают атмосферу присутствия божественного промысла, напоминают о неукоснительности исполнения догматов и предписаний ислама.

До второй половины XIX в. шамаили в России (в основном в Поволжье, Средней Азии и Азербайджане) изготавливались мастерами-кустарями на обратной стороне стекла с подкладкой из фольги, создававшей иллюзию света, исходящего из священных текстов. В собрании ГМИР имеется несколько подобных шамаилей: на одном из них воспроизведена формула «басмаллы», на других — тексты из Корана и изображения имама Али и его сыновей — Хасана и Хусайна. В конце XIX в. шамаили на стекле стали встречаться все реже и реже: хрупкие и довольно дорогие изделия были вытеснены печатной продукцией. Шамаили в виде красочных литографий издавались громадными тиражами, что делало их сравнительно дешевыми, а, следовательно, и популярными не только в среде татар, но и других мусульманских народов, живших в России.

Центром производства шамаилей была Казань. В коллекции ГМИР представлены шамаили, напечатанные в типографии Торгового дома «Братьев Каримовых», Типо-хромолитографиях И.С. Перова, А.М. Кокорева, Императорского Казанского университета и др., а также в «Первой центральной “специальной” Восточной артистической и божественной электропечатне» Ильяса Бораганского в Петербурге и типографии И.Д. Сытина в Москве.

Принимая во внимание отличия в способах и средствах выражения религиозной идеи, шамаили можно разделить на несколько основных групп.

1. Шамаили, основное содержание которых заключено в текстах сур или отдельных аятов Корана, формулах исповедания веры (аш-шахада), прославлениях Аллаха (басмалла). В декоративную ткань растительного и геометрического орнаментов, как правило, включаются имена Пророка, Праведных халифов, основателей четырех суннитских мазхабов, членов «семьи Пророка» и других религиозных и исторических персонажей.

Значительный интерес представляют шамаили, посвященные догматам и столпам веры ислама. Так, например, на шамаиле «Имена месяцев прекрасных» центральное место занимает каллиграфически выписанная формула исповедания веры (аш-шахада). Буква «мим» в имени Пророка образует медальон-цветок с именами Праведных халифов. В геометрический орнамент, окаймляющий центральную композицию, включена информация обо всех пророках — предшественниках Мухаммада, упомянутых в Коране. В нижней трети шамаила расположен своеобразный календарь — под названием каждого месяца мусульманского лунного года перечислены памятные даты, ритуалы, обряды и праздники, приходящиеся на данный месяц.

Паломничество в Мекку (хаджж) — один из столпов веры, заветная мечта каждого мусульманина. Однако осуществить ее удается не всем, и поэтому большую популярность у российских мусульман приобрели шамаили с изображениями двух священных городов ислама Мекки и Медины и главной святыни — Каабы. Обычно изображения сопровождаются текстами Корана, рассказывающими о Каабе — «Доме Аллаха», восстановленном пророком Ибрахимом и его сыном Исмаилом, и о необходимости паломничества к ней «для тех, кто в состоянии» (К:96–97).

2. Шамаили с каллиграфическими композициями, посвященными наиболее ярким широкоизвестным кораническим сюжетам. Шамаил «Корабль Нуха, да будет мир над ним» — великолепный образец мусульманского религиозного искусства — рассказывает историю пророка Нуха (Ноя). Используя разные приемы написания букв, удлинняя их или укорачивая, сплетая в сложный узор, каллиграф создал из фразы «Прибегаю к Аллаху от шайтана, побиваемого камнями. Господи, о разумеющий, открой нам лучшие врата...» силуэт Ковчега — корабля Спасения, несущегося по волнам, — и поместил его в центр шамаила. Изящество начертаний в картушах, разнообразие орнаментов, образующих окаймляющую раму и заполняющих пространство, свободное от текстов, придают шамаилу нарядность, праздничность, вселяют надежду на божественную милость.

Основой шамаила «Обитатели пещеры (Асхаб ал-кахф)» является 18-я сура Корана, в которой рассказывается о юношах, верующих в Единого Бога и спасающихся от преследователей в пещере. Аллах усыпил их на 300 лет, а затем пробудил. В христианской традиции это «семь отроков эфесских». Для мусульман — пример чуда, сотворенного Аллахом, чтобы защитить истинных верующих. Интересно, что безмянные в Коране, в предании не только юноши, но и их собака получили имена. Они начертаны на шамаиле.

3. Шамаили с изображениями мусульманских святынь — Мекки, Медины, Иерусалима, а также некоторых мечетей Стамбула (Айя София, Ахмад Джами, Эйюб Джами), видов Стамбула, Салоник и Эдирне (Адрианополя). Обычно такого рода шамаили приобретались мусульманами-паломниками на память о городах, через которые проходил их путь в Мекку.

Несколько шамаилей посвящено памятникам ислама в России — «Развалины древнего Булгара», «Башня Сююмбеке» в Казани, «Соборная мечеть в Тобольской губернии».

Религиозные лубки, напечатанные в Петербурге, Москве и Баку, отличаются от казанских по содержанию и по изобразительным средствам. В основном они предназначались для шиитов, поэтому художники не были ограничены предписаниями ислама в изображении живой природы и человека, так как шииты допускают даже изображение имамов, наделенных «божественным» светом. Навшамаилах из нашего собрания Али традиционно изображается в облачении воина на белом коне, Хусайн — павшим на поле боя в Кербеле.

Суннитские лубки (их всего два) — «Страница куфического Корана Османа» и «Интерьер мечети Айя София» — вполне традиционны.

В мусульманской коллекции имеется несколько образцов художественного письма кит'а (араб.-перс. — «писание», «надпись»). Обрамленные орнаментальными вставками и рамками, прикрытые шелковыми завесами, предохраняющими от пыли, они занимают в домах верующих такое же почетное место, как и шамаили, поскольку мусульмане наделяют некоей святостью не только слова арабского языка, но и графику. Невзирая на светское содержание текстов кит'а, их чтение и рассматривание стало ритуалом с религиозным оттенком.

К декоративным видам шамаилей можно отнести панно из бархатистой ткани с вырезанным из дерева изображением Ковчега, скопированным с печатного лубка.

В литографиях-шамаилах стран Востока сакральная идея также главным образом выражается средствами каллиграфии, но тексты часто размещаются на фоне ярких красочных композиций из цветов, плодов и листьев. На арабских религиозных лубках часто изображаются люди, ангелы, животные. Небольшое собрание подобного рода «народных картинок» имеется в Российской Национальной библиотеке. ГМИР же располагает только Альбомом современных произведений религиозной живописи, в которых сочетаются изысканная каллиграфия и образы природы: морские волны, облака, пальмы, солнечные лучи.

«ал-Исрава-л-Мирадж» — один из самых популярных сюжетов мусульманского религиозного искусства. На хромолитографии из собрания ГМИР, изданной в середине XX в. в Пакистане, лицо фантастического животного ал-Бурака, мгновенно перенесшего Мухаммада от мечети «заповедной» к мечети «отдаленнейшей», — это лик восточной красавицы с тонким носом, бровями вразлет, длинными черными кудрями. Кажется, что религиозный сюжет стал лишь предлогом для создания вполне светского произведения.

V. Предметы, связанные с домусульманскими культурами и верованиями

Утвердившись в качестве господствующей религии, ислам все же не смог побороть доисламские верования и культы. Почитание «святых» и их могил, вера в злых духов и сглаз, магическую силу и целебные свойства талисманов и амулетов вошли в так называемый народный ислам. В собрании музея имеются навершия на знамена, которые устанавливают на могилах «святых», с привязанными к ним лоскутками — знаками просьб, обращенных к «святому». Среди амулетов преобладают прямоугольные, квадратные и треугольные подушечки из бархата, парчи, шелка, кожи с зашитыми в них полосками бумаги с молитвами, стеклянные капсулы и металлические цилиндры с засушенными растениями, бусы (детские обереги, куколки, раковины).

VI. Предметы культуры и быта народов, исповедующих ислам

Значительную часть коллекции составляют предметы культуры и быта мусульман России, Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Турции, некоторых арабских государств. Они дают возможность воссоздать черты исламского образа жизни, формирующегося под влиянием непререкаемых норм шариата, — универсального регулятора религиозной, общественной, политической и частной жизни в мусульманских государствах и странах со значительным мусульманским населением.

К этой группе экспонатов относятся одежда мусульманина (халат, чалма, тюбетейка, шапочка для молитвы в мечети), а также особая уличная одежда мусульманки, форма и цвет которой зависят от местных традиций: в Ираке это черная накидка — абайя, в Средней Азии XIX — начала XX в. — длинный халат (паранджа) и сетка (чачван) из конского волоса, закрывавшая лицо. Редкий по художественной ценности золотошвейный бархатный халат, предположительно, был изготовлен для Эмира Бухары. Женские туфельки из кожи и перламутра на котурнах надевали во время купания в бассейнах обитательницы гаремов в Османской Турции, а кожаные сандалии без единого гвоздя побывали на ногах паломника в Мекке.

Из многочисленных женских ювелирных изделий можно отметить футляры для молитв, выполнявшие роль оберегов, сумочки для Корана, украшенные гравированными металлическими пластинами, поделочными камнями и пастами.

Посуда из меди и других металлов и сплавов — неперемнная принадлежность быта мусульман. Большая часть сосудов (кумганов, офтоба), имеющих в ГМИР, предназначалась для хранения воды и омовения (бытового и ритуального), некоторые — только для чаепития. Многие сосуды имеют носики и ручки в виде фантастических существ и змей, некоторые покрыты гравированными надписями, растительным орнаментом, изображениями женщин, мужчин и животных. В коллекции ГМИР имеются также блюда с чеканкой и инкрустациями, стаканы, украшенные эмальями и гравировками в виде цветов и птиц, что свидетельствует о том, что вне сферы сакрального запрет на изображения не является абсолютным.

Имеются в коллекции и утилитарные предметы, напрямую не связанные с религией, — светильники, кальяны, низкие инкрустированные столики (курси), сюзаны, ковры, пеналы для хранения тростниковых перьев (калам), разрисованные растительными узорами. О культурной самобытности народов, составляющих мусульманскую общность умму, свидетельствуют полусферические чаши с символами знаков зодиака, фигурами героев иранского эпоса Шах-наме, китайский бронзовый сосуд с формулой исповедания веры «Нет Бога кроме Бога, и Мухаммад, посланник Бога», по форме напоминающий храмовую буддийскую чашу.

VII. Произведения живописи и графики, посвященные исламу и образу жизни мусульманских народов

Неодобрительное отношение к изображению живой природы и человека, приведшее к практически полному отсутствию станковой живописи в мусульманском искусстве, не помешало, однако, развитию миниатюры, получившей большое распространение в мире ислама, особенно в странах Средней Азии, Иране и Индии.

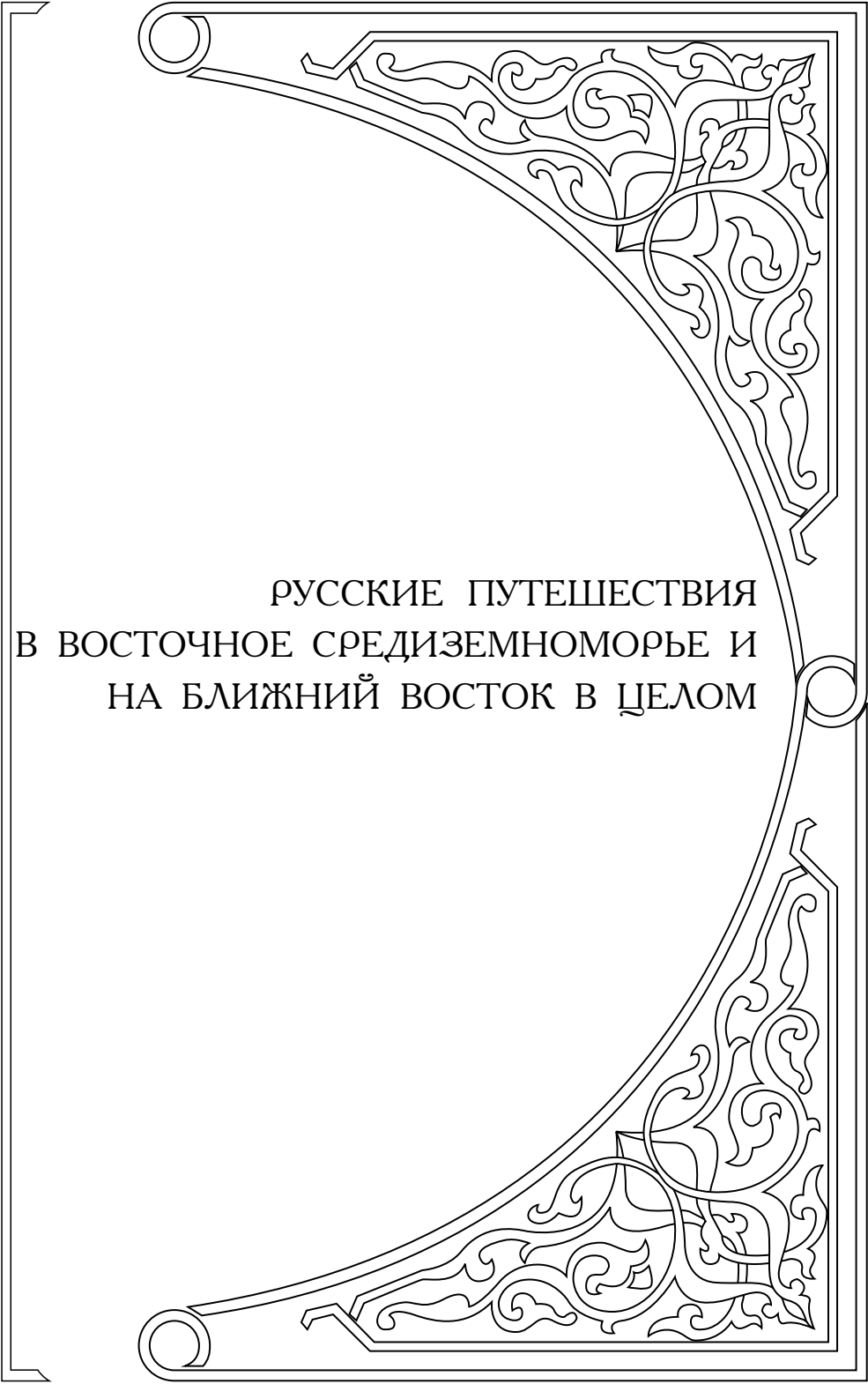
В собрании ГМИР имеются две миниатюры предположительно XVII–XVIII вв.: «ал-Хадир передает шаху Джахану сосуд с “живой водой” и “Пляска дервишей”». Оба листа являются великолепными образцами не только живописи, но и каллиграфии.

Из живописных произведений, имеющих отношение к исламу, но созданных вне мусульманской среды, можно отметить этюд К.Е. Маковского к картине «Перенесение священного ковра из Каира в Мекку» (1876 г.), акварель А.Д. Кившенко «Мечеть Омейядов в Дамаске» (1891 г.), картины И. Зоммера «В мусульманской школе» (1902 г.) и «Базар в Коканде». Значительный интерес представляют картины Л.Л. Бурэ «Намаз в курбан-байрам» (1934 г.), «Медресе Улугбека в Самарканде» (1912 г.) и несколько рисунков, запечатлевших обряды и быт мусульман Средней Азии, к сожалению, с налетом карикатурности. Творчество ленинградского художника Файзрахмана Аминова (1907–1984) предоставлено в музее двумя живописными полотнами — «Женщина на молитве» (1970) и «Мулла Насреддин».

Значительный интерес представляют графические материалы, объединенные в «Альбом с разными материалами по исламу». Почти половина из 70 документов — гравюры, на которых изображены Праведные халифы, основатели богословско-правовых школ (мазхабов) суннитского ислама, мечети, мавзолеи, надгробия и гробницы. Было установлено, что гравюры являются копиями с французских подлинников первого тома сочинения d’Osson M. de M. «Tableau General d’Empire Ottoman» (Paris, 1787–1790), исполненные в Гравировальной палате при Академии наук для русского перевода, осуществленного в 1795 г. действительным членом Академии наук М.И. Веревкиным по поручению императрицы Екатерины II. К парижскому изданию гравюры создавали более 20 граверов и рисовальщиков, в том числе такие известные художники, как Жан-Батист Хиллер (1743–1822), Ж. Лонгейл (1730–1792), Жак-Луи Франсуа Тузе (1747–1807), Шарль Кошен (1715–1790) и другие. Сравнение с оригиналами убеждает, что копии исполнены российскими мастерами с высокой степенью приближения к первоисточнику. Две гравюры подписаны именами гравера Р.И. Зотова и гравера на меди Н.Я. Саблина и еще одна выполнена А.Ф. Березниковым. Имена остальных мастеров не известны.

Кроме гравюр к книге д’Оссона, в Альбоме находятся репродукции работ известных европейских художников и граверов Томаса Эллома (1804–1872) и Карла Людвиг Фроммеля (1789–1863). Это в основном виды Стамбула, картинки городской жизни и султанского двора. Интересна история Альбома. Его собирателями и владельцами были известный религиозный деятель Х.Р. Агеев, руководивший жизнью мусульманской общины Москвы более 40 лет, и его зять Абдулла Хасанович Шамсутдинов, ставший в 1913 г. имамом Соборной мечети на Большой Татарской улице (ныне Историческая мечеть). В 1936 г. А.Х. Шамсутдинов был арестован, обвинен в буржуазном национализме и шпионаже в пользу Турции и 10 февраля 1937 г. расстрелян. Несомненно, судьба имама была predetermined независимо от содержания Альбома, но эти материалы могли быть использованы для придания «законности» предъявленному обвинению. Конфискованный у А.Х. Шамсутдинова архив попал в Центральный Антирелигиозный музей в Москве, откуда был передан в ГМИР.

Небольшая, но достаточно разнообразная мусульманская коллекция ГМИР позволяет создавать полноценные экспозиции по истории ислама, его направлений и течений, раскрывать основные положения догматики и культа.

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
В ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И
НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ЦЕЛОМ

УДК 910-620
ББК 26.89г(6 Ег)

Л.А. Герд

ПУТЕШЕСТВИЕ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) В ЕГИПЕТ В 1857 г.

АННОТАЦИЯ

Анализируется описание путешествия в Египет 1857 г. на борту русского военного судна настоятеля русской посольской церкви в Афинах архимандрита Антонина (Капустина). Использован его неизданный дневник с описаниями египетских древностей, быта и нравов местного населения и русского офицерства.

Ключевые слова: архимандрит Антонин (Капустин), Египет, Ближний Восток, Османская империя, русское офицерство, Древний Восток, египетские древности.

Середина XIX в. — время «открытия» Египта европейскими и русскими учеными и путешественниками. Конечно, грандиозные памятники долины Нила привлекали внимание западных путешественников еще в XVII—XVIII вв. — их описание можно прочитать у Р. Покока, Ф. Нордена, К. Нибура [41; 40; 38]. Однако первым серьезным знакомством европейцев с Египтом стал поход Наполеона 1798—1801 гг. Фраза Бонапарта, произнесенная им перед битвой у пирамид Гизы 21 июля 1798 г. — «Солдаты, сорок веков величия смотрят на вас с высоты этих пирамид» — вспоминалась всеми путешественниками последующих лет, а имя Наполеона, вырезанное на вершине пирамиды Хеопса, привлекало внимание каждого, кто совершал это восхождение. Египетский поход мыслился как предприятие не только военное, но и просветительское: вместе с армией Наполеона отправилось около 160 ученых и множество художников. Началось деятельное изучение природы и геологии этой страны, а также истории и культуры Древнего Египта [34]. В 1798 г. во Франции был создан Институт Египта. В 1802 г. участник египетской экспедиции Вивант Денон опубликовал альбом «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту», который пользовался в Европе огромным успехом [33]. Через два года он был назначен директором Лувра и генеральным директором всех музеев Франции. Неудивительно, что первенство в изучении истории Египта в то время принадлежало французам: многие французские дипломаты стали профессиональными археологами и знатоками древней египетской цивилизации. Спустя несколько лет Ж.-Ф. Шамполиону удалось прочитать египетское иероглифическое письмо, что положило начало следующему этапу развития египтологии на основании письменных источников; в 1828—1829 гг. в составе франко-тосканской экспедиции Шамполион также побывал в Египте [30].

Разумеется, русские образованные люди не могли остаться равнодушными к этим открытиям. Египетский стиль становится модным в эпоху романтизма как в Европе, так и в России. В 1830 г., во время своего путешествия по святым местам Востока, известный историк церкви и деятель на христианском Востоке

Андрей Николаевич Муравьев увидел в Александрии двух сфинксов, выставленных на продажу. Они происходили из храма близ Фив и были посвящены Аменхотепу III. В 1832 г. сфинксы прибыли в Петербург и через два года их установили на берегу Невы у Академии художеств [21].

В 1834—1835 гг. путешествие по Египту и Нубии совершил также Авраам Сергеевич Норов, выдающийся государственный деятель, проявлявший особое внимание к православному Востоку, Авраам Сергеевич Норов. Описание этой поездки было настольной книгой всех русских путешественников по Ближнему Востоку на протяжении нескольких десятилетий и претерпело несколько изданий [22; 23]. Первое или второе издание этого описания было во время поездки в Египет и у о. Антонина (Капустина). Переправившись на корабле из Триеста в Александрию, Норов начинает свое знакомство с Египтом и детально описывает виденные им древности, сопровождая свое повествование ссылками и цитатами из античных авторов, историческими экскурсами и ценными рассказами о состоянии тех или иных памятников. Стремясь представить читателю как можно более яркую картину египетских древностей, Норов нередко дает волю своему воображению и сообщает наряду с историческими фактами много фантастических предположений.

В мае 1842 г. в Египет из Одессы отправилась особая карантинная комиссия из трех человек для опытов по очистке зачумленных вещей (1). Один из ее участников, А.А. Уманец, по просьбе А.С. Норова написал свои воспоминания о посещении Египта и Синая [28]. Еще до начала опытов Уманец совершил сухопутную поездку вверх вдоль Нила до первого водопада и острова Филе, а затем из Суэца через пустыню в Синайский монастырь. Он приводит много сведений о географии и природе страны, обычаях местного населения, подробно рассказывает о посещении им в Каире Александрийского патриарха Иерофея.

В 1850 г. Египет посетил начальник Первой русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский) [25]. Он оставил подробное описание христианских святынь, приводит вкратце историю древних городов по течению Нила и соответствия древних названий современным. Детально описывает он Каир, здание патриархии и его книгохранилище, патриаршую церковь и ее святыни, монастырь св. Георгия, рассказывает о беседе с патриархом Иерофеем и посвящает несколько страниц своим занятиям с рукописями в Синае-Джуванийском подворье. Из Каира Порфирий поднялся по Нилу до селения Буш и далее совершил путешествие на верблюдах в древние монастыри св. Антония Великого и Павла Фивейского и описал их церкви и строения. По пути он вел беседы с коптским игуменом Даудом и записал его рассказы и свои наблюдения об обычаях египетских христиан. Беседы с коптами навели Порфирия на мысль о возможности соединения Коптской церкви с Русской.

В начале 1857 г. в Египте побывал Борис Павлович Мансуров, известный деятель на христианском Востоке, основатель Палестинского комитета. Он был командирован Русским обществом пароходства и торговли на средства морского министерства, и целью поездки было написание путеводителя по святым местам. Свои впечатления от поездки он подробно изложил в письмах к отцу [20]. Приплыв из Триеста в Александрию, светский молодой человек старался походить на европейских путешественников и так же, как и они, проявлял любознательность, свойственную образованному европейцу, который не был

склонен терпеть больших материальных неудобств ради научных открытий. В письме от 5 (17) января 1857 г. он дает красочное описание Александрии с ее богатыми домами и садами; особенно понравилась Мансурову греческая церковь. В следующем письме от 17(29) января он рассказывает о Каире и его достопримечательностях, Гелиополисе, Матарие — месте, в котором, по преданию, укрывалась Богородица. На пирамиду Хеопса он поднялся в сопровождении русского консула в Александрии Н.К. Гирса, и, по обычаю путешественников того времени, оставил там свое имя. Из Египта Мансуров отправился в Иерусалим.

Менее чем через год после Мансурова, осенью 1857 г. Египет и Святую Землю посещает архимандрит Антонин Капустин. Личность Антонина, выдающегося ученого и церковно-политического деятеля на христианском Востоке, неоднократно привлекала внимание исследователей. До 1990-х годов его имя связывалось преимущественно с собранными им коллекциями рукописей и монет, а в последние 20 лет систематически вводится в научный оборот, издается и исследуется его обширное письменное наследие как церковного политика [14]. Особенно ценным источником для изучения биографии и взглядов самого автора, а также и для истории русского духовного и политического присутствия на Балканах и Ближнем Востоке в XIX веке является дневник Антонина, который он вел практически без перерыва всю свою жизнь, начиная с семинарской скамьи (2). Сын уральского сельского священника, Антонин с детства интересовался историей православного Востока. Окончательно его интересы сформировались в годы обучения в Киевской духовной академии. Он принимает постриг и священнический сан, а немного позднее, будучи преподавателем Академии, пишет прошение о назначении на Восток. В 1850 г. Св. Синод направляет его на службу при русской посольской церкви в Афинах. Страстный любитель древности, в течение десятилетнего настоятельства в греческой столице он неустанно исследовал античные и византийские памятники страны, совершал однодневные поездки по окрестностям Афин, а также не упускал возможности отправиться в другие, более далекие путешествия. С именем Антонина связано восстановление византийской церкви Св. Троицы (Никодима), ставшей русским храмом Афин, археологические раскопки в подземельях этой церкви; внимательно следил он за раскопками, которые производил эфор древностей К. Питтакис (3), а также за публикациями о новых находках.

Уже совершивший несколько путешествий по Греции и островам Архипелага и побывавший в 1852 г. в Италии Антонин относился к поездке на Восток с особым вниманием. Это было его первое посещение Святых Мест и Святого Града Иерусалима, о котором он мечтал с детства. Описание египетского похода Наполеона было ему хорошо знакомо еще во время учебы в Киевской академии (4) [34], а записки А.С. Норова он не выпускал из рук в течение нескольких месяцев перед поездкой и во время ее. Кроме описания Египта Норова, Антонин руководствовался серией «Вселенная Мейера» 36].

Записи Антонина в дневнике о поездке в Иерусалим и Египет представляют интерес и для истории состояния древностей в 1850-е годы, и как свидетельство очевидца о жизни русских моряков и офицеров. Написанные ярким, образным языком страницы дневника представляют картину Ближнего Востока середины XIX в. глазами внимательного и образованного русского путешественника (5).

15 сентября 1857 г. Антонин отплыл от берегов Аттики на военном корабле «Полкан», который с 1856 г. в числе нескольких русских военных судов находился в Средиземном море и был передан в распоряжение русского посланника в Афинах А.П. Озерова (6). Командовал кораблем Федор Осипович Юшков. Миновав греческие острова и Кипр, корабль пристал к Бейруту, где капитан и Антонин посетили русского консула Н.Я. Мухина; отсюда они направились в Яффу. Пятидневное пребывание Антонина в Иерусалиме (20–25 сентября 1857 г.) было для него событием огромного значения (7). Как и многие духовно настроенные русские люди Антонин с детства слышал рассказы о Иерусалиме, выше которого, как он писал, мог быть только рай. После трудного двухдневного перехода верхом на лошадях и ослах из Яффы в Иерусалим Антонин и его спутники вступили, наконец, в великий город. Первое впечатление его, однако, вряд ли можно назвать праздничным: измученный дорогой и не привыкший к сутолоке восточного города Антонин в храме Гроба Господня поначалу никак не мог сосредоточиться и испытать те чувства, которые бы соответствовали его ожиданиям. «Дряхлый, разорванный купол Гроба Господня внушал и жалость, и страх. Дошел до всемирной ГОЛГОФЫ. Так надобно думать по высеченному на малом куполке изображению распятия и множеству молитвенных надписей. Вид на Элеон и на весь Иерусалим с верхней терраски — тяжелый и печальный», — вот таким увидел Антонин Иерусалим в первый день своего паломничества. И только через два дня, при виде освещенной для воскресного богослужения Кувуклии, Антонин испытал чувство «блаже пасхального». А еще позднее, уже осмотрев в деталях Иерусалим и Вифлеем, помолившись у всех посещаемых паломниками святынь, он с сожалением расставался со Св. Градом: «С радостью и вместе как бы глубокою тоскою прощался я с первейшею святыней христианскою. (...) Почувяв себя уже отделенным от почвы иерусалимской, я чуть не всплакнул при мысли, что оставляю Иерусалим», — записал он 24 сентября, в день отъезда. В Иерусалим Антонину было суждено вернуться через восемь лет и прослужить там последние 20 лет своей жизни начальником Русской духовной миссии.

Из Яффы «Полкан» двинулся в сторону Александрии, куда прибыл 4 октября. Древняя Александрия, превратившаяся к XVIII в. в захудалый маленький поселок, стала снова возрождаться в первой половине XIX в. Во время похода Наполеона город насчитывал едва 6 тысяч жителей, а после реформ Мухаммеда-Али (1805–1849), который занялся усиленным развитием александрийского порта, в городе стали селиться европейцы, заинтересованные в торговых контактах с Востоком. Именно такой, более европейской, чем восточной, увидел Александрию в начале 1857 г. Б.П. Мансуров; такой же она предстала и перед Антонином. Вице-губернатор Саид-паша принял русских моряков ласково и предоставил им для путешествия по Нилу один из своих почтовых пароходов. Записи 8 октября отражают посещение Антонином Александрии в сопровождении служащего русского консульства, любителя-археолога Зальмана. Антонин видел греческую церковь Благовещения (8), а также подземную крипту, раскопанную усилиями сотрудников русского консульства, в которой «по стенам уцелело еще довольно фресковых икон, весьма древнего и грубого письма с греческими надписями». Антонин сделал план этой церкви, а также скопировал надпись на камне с упоминанием имени архиерея Игнатия. Далее следовало посещение обелиска Клеопатры, православного монастыря Св. Саввы и коптской церкви апостола Марка (9).

11 октября путники уже плыли по дельте Нила, а на следующий день пристали в Булаке, пристани Каира. Осмотр пирамид Гизы был отложен на обратный путь, и по ходу движения парохода Антонин фиксирует названия деревень, отмечая также их древние названия. У городка Миниет Антонин встретил коптского священника. «Узнав, что я русский священник, бедняк поцеловал полу моей ряссы, поднимал руки к небу и чуть не плакал от умиления» (запись 14 октября). В отличие от своих предшественников, которые могли сами составлять маршрут поездки, Антонин был в своем путешествии гостем и должен был подчиняться желаниям капитана. Поэтому неоднократные просьбы посмотреть то или иное древнее поселение встречали по большей части отказ со стороны Ф.О. Юшкова, далеко не увлеченного археологией. Так, не удалось посмотреть иероглифические надписи Бени-Гассана (10), развалины Антиной (11), оазис Дахле с развалинами храма (12). «На душе темно. Юшков воображает, что он и здесь командир, как на фрегате, и плевать хочет на всякую чужую волю. Сколько уже проплыли по Нилу и что мы видели? Уже забрались под 27° широты в Фиваиду. Место переполнено памятниками древней жизни, в высшей степени любопытными. Взглянули мы хоть на один из них?» — пишет Антонин в дневнике (запись от 14 октября).

15 октября пароход пристал в Сиюте (13), и Антонин отправился на осмотр пещер с иероглифическими надписями, которые привели его в восторг. «Древность эта в полном пренебрежении. Парнишки отбивают, где могут, старые гуруфы (буквы) от стены и продают посетителям,» — замечает он. Наконец, 16 октября путешественники высадились в Фивах. «В 7 часов мы пристали к берегу у деревушки Луксор. Пока засветло еще, я сходил к соседнему храму с колоннами в 4 обхвата, покрытыми резьбою и до половины засыпанными песком (14). Вот так величие! Афинские колонны кажутся детьми перед этими! Долго еще и при свете луны стоял я, прижавшись к каменным громадам, и думал о человечестве, жившем тут за 4000 лет до нас...». После осмотра усыпальниц царей и храма в Карнаке (15) путешественники отправились в Мемнониум, «странно разрушенный. Целые стены как обрушились, так и лежат в полном порядке рядов камней, растянувшись по земле. Тут же и гигантская гранитная статуя Озимандия, поверженная на землю и разбитая». Особенно поразили Антонина развалины Мединет-Абу (16). «Передать нельзя того, что видели глаза, — писал он. — Это целый город зал, портиков, дворов и келий разных эпох, хотя одного и того же стиля. В стенах и на стенах, и на кровлях его еще недавно ютилась целая деревня. Теперь большей частию мазанки уже сломаны, но еще не убраны. А стоило бы совершенно очистить такую дивную постройку. Особенно пленил меня большой квадратный, посредине открытый двор, обнесенный со всех сторон галереєю и весь по стенам рельефированный и расписанный. Насчитывают десять картин, занятых изображением победоносного похода Рамсеса III. На одной картине видел я сотни отрезанных рук в одном углу и родовых членов в другом. Краски превосходно сохранились. Невозможно верить, что им более 3000 лет».

А вечером того же дня состоялась забавная сцена при покупке Антонином мумии. «Парень с мумией, договоренный в юдоли гробов царских, уже дождался меня. “Не купить ли хотите вы эту дрянь?” — спросил меня грозно Феодор Осипович. “Хорошо бы купить, да не на что”, — ответил я. “Тот же. Я не потерплю, чтобы у меня на фрегате была мертвечина!”. Однако “мертвечина” была все-таки приобретена и спрятана в каюте члена экипажа

Брылкина. Следующий день был посвящен осмотру Карнака и Луксорского храма, раскопки которого только начались. «Часть его совсем завалена землею, а часть занята деревнею, так что кроме больших 5—6 внешних колонн и нечего смотреть»», — писал Антонин.

В Фивах Антонин ознакомился с французским консулом Монье (17), который за долгие годы пребывания в Египте, по свидетельству Антонина, «накопил антики несметные» и имел авторитет «царька местного». Монье занимался раскопками Луксорского храма; в южной его части он нашел фрески с изображениями святых, которые, по его словам, опубликовал в издании французской «Академии надписей» (18). По просьбе русских путешественников Монье открыл им мумию юноши, за чем последовал любопытный комментарий: «Надо будет сжечь ее», — сказал француз. «Раз у меня их набралось штук сорок, — рассказывал он, — все сожгли мы. И долго после того в воздухе был удрушающий запах». По приглашению Юшкова Монье присоединился к путешественникам и сопровождал их до Асуана. Благодаря ему Антонину удалось осмотреть храм в Латополе (Эсне), построенный, как ошибочно считал Монье, Клеопатрой по случаю рождения ее сына (19). Проследовали мимо Аполлинополя (Эдфу), Сильзили, Кум-Омбу (20). Большое впечатление произвел на Антонина храм на острове Филе (21): «Очувтившись опять среди столбов великолепного храма, увенчанных каждый то четырьмя лицами Изиды, то лотусовыми листьями, то пальмовыми ветвями важной и изящной работы, я (...) весь отдался радости видеть и руками осязать двухтысячелетнюю древность» (запись от 19 октября). Посещение священного острова Филе вызвало у Антонина следующие поэтические рассуждения: «Здесь был гроб Озириса... Не сводил я глаз с удалявшегося ненаглядного зрелища. Гребцы запели свою песню, дикую и унылую, тоже как будто принадлежащую древним временам живой и оживлявшей веры в умершего и погребенного бога... Почему знать? Может быть и этот темный и невыясненный до сих пор образ бога и человека был намеренно выдвинут в сознание и религиозное чувство человечества, чтобы приготовить его к принятию умом и верою **БОГОЧЕЛОВЕКА?**»

21 октября компания уже на обратном пути остановилась в Дендере, единственном храме, полностью раскопанном в середине XIX в. и настоятельно рекомендуемом Монье как модель всех остальных (22). «Дендерский храм не имеет высоких пилонов, весь его передний фасад низкий, но безукоризненной чистоты и симметрии. Весь он точно расчищен и совершенно темен, как был, конечно, и в древности. Впрочем, в пронаосе довольно света, идущего из простенков между колоннами фасада, так что можно охотнику рассматривать в подробности знаменитый зодиак, начертанный на потолке». Здесь о. Антонин позволил себе хулиганский, с современной точки зрения, поступок. «Зная, что вся эта постройка есть уже императорских времен, и что в числе ктиторов упоминается и Антонин Pius, я счел себя в праве начертить на стене большого храма: ANTONINUS VTINAM PIUS (23), чтобы сбить с толку потомство».

23 октября они прибыли обратно в Каир и отправились осматривать пирамиды Гизы, где «немедленно окружены были целою стаей голодранцев, предлагавших свои услуги тащить нас на макушку каменной громады». Большинство команды вслед за капитаном пошли внутрь пирамиды Хеопса, а Антонин с двумя—тремя спутниками выбрал подъем на ее вершину. «Там оказалась площадка сажени в полторы, вся исписанная именами посетителей с хронологическою датою. Принялись и мы за то же столько полезное занятие. Я искал

свободного места для своего имени и не находил. Проводник мой, заметив это, через минуту указал мне вылощенный крайчик камня. Он уже успел соскоблить там прежнюю надпись и очистил место для моей. Та же участь ожидает, значит, и мою запись. Несмотря на то, все-таки там оказалось: ΑΝΤΩΝΕΙΝΟΣ Ο ΑΘΗΝΑΙΟΣ. И гвозди, и ножички, и разные иные инструменты всегда есть в изобилии у проводников». По возвращении вниз Антонин понял, что он избрал лучшую часть, потому что его спутники горько жаловались на темноту и духоту внутри пирамиды: «Ибо там адская духота, чертовская ломка костей, пыль, вонь, и наконец, что выиграли? Пустая каменная колода перед вами стоит и говорит: мое вам почтение!»... Аналогичное разочарование от спуска внутрь пирамиды испытал и Б.П. Мансуров в начале 1857 г. «Нужно быть сумасшедшим антикваром, чтобы выносить подобные экспедиции, и я так восхищаюсь учеными, который подобно Шампольону, почти жили в этих мерзких тюрьмах» — писал он. [20, письмо от 17(29) янв. 1857 г.]. Поразившись размерам сфинкса и поиронизировав над описаниями «задумчивого взгляда» и «выразительных глаз» статуи, которыми его наделил А.С. Норов (24) [23, с. 201], Антонин стал готовиться к следующему дню путешествия, который был посвящен старому Каиру. «Отчет» об этой однодневной прогулке включает в себя перечисление основных мечетей (халифа Гассана, Тулупа, Мехмета Али), христианских церквей (Матарие, св.мНиколая); вскользь упоминает Антонин о встрече с патриархом Иерофеем (25) и заключает свой рассказ сравнением Каира с Москвой, в которой также на каждом углу стоит храм, только христианский.

Неожиданная поломка детали машины задержала «Полкан» еще на неделю в Каире. Часть этого времени Антонин провел в гостях у русского консула Н.К. Гирса (26). Щедрая природа, невиданные Антонином до тех пор растения и приятный хозяин привели о. Антонина к мыслям о том, чтобы на склоне лет дожить свой век вмэтом «земном раю». В домашней библиотеке Гирса Антонин впервые познакомился с книгой Шамполиона оЕгипте (27). Наконец, 8 ноября корабль двинулся в сторону Греции, а 15 ноября бросил якорь в Пирее.

Не менее интересны, чем путевые заметки Антонина, его наблюдения над членами экипажа и людьми, с которыми ему пришлось встретиться по дороге. Центральная фигура на этих страницах дневника — капитан «Полкана» Федор Осипович Юшков. Крутой деспотический нрав капитана еще с первых дней плавания не понравился Антонину; бессмысленное самодурство и жестокость по отношению к подчиненным, «азиатские» и «татарские» выходки Юшкова причиняли Антонину немало огорчений и раздражали его. Интерес к археологическим памятникам Антонин не мог пробудить у него ни своими рассказами, ни чтением описаний Норова. Близкими к конфликту стали их отношения во время плавания по Нилу. «Спим, едим, курим, пересмеиваем все на свете, кроме своей рожи, потешаемся береговыми сценами “чертенят”, издаваемся над усердную молитвою магометан, неуместно труним над всем арабским в глаза капитану парохода и механику... Самодурство безграничное» — горько жалуется Антонин в Дневнике (запись от 14 октября). Приходилось Антонину терпеть и фрондерство Юшкова, и даже прямые насмешки его над собой. Желая показать свою «просвещенность» перед французским консулом, Юшков начал за общим столом подтрунивать над Антонином и рассуждать о том, что необходимо почитать только Евангелие, а церкви, ереси и прочее «придумали батюшки». Мягкий, но вместе с тем решительный ответ Антонина прекра-

тил эти разговоры, но ощущение стыда и неловкости осталось у всех присутствующих. Крайне возмутил Антонина случай, имевший место при переправе на остров Филе. Несколько десятков местных жителей из любопытства забрались на судно; их стали толкать с него, а «Юшков, подзадоренный таким удалством, побежал на нос судна с палкою, крича “бей их, чертей этаких“, и, когда бедняки хватались замверевки, чтобы не упасть в воду, сам хлестал их палкою и по рукам, и по голове и одному — в ы б и л глаз! Я не знал, куда деться от стыда и жалости... В первый раз нубийцы увидели русских офицеров стольких вместе. Может быть это-то и привлекло их на судно. И вот чем приветствовала их сильная и просвещенная Россия!» (запись 19 октября). Однако от природы добрый незлопамятный Антонин вскоре вполне простил капитану все обиды, и расстались они вполне сердечно, а через год в Пирее встретились как лучшие старые друзья.

На фоне гоголевского персонажа Юшкова Антонин рисует совсем другой облик русского консула в Александрии Н.К. Гирса, человека образованного, с широким кругозором, тонкого дипломата. Несколько дней, которые Антонин провел у него в гостях перед отплытием в Афины, были для него прекрасным отдыхом среди книг, в чудесном цветущем саду в обществе предупредительного любезного хозяина.

С симпатией отзывается Антонин о некоторых из офицеров фрегата, а матросы-архангелогородцы вызывали у него самые теплые отзывы и умиляли его своей меткой речью. Контакты с местным духовенством во время поездки у Антонина были весьма краткими и поверхностными, он упоминает о «Св. Петре» — митрополите Петры Аравийской Мелетии, с которым он виделся в Иерусалиме, о встрече с патриархом Александрийским Иерофеем, о мимолетных встречах с коптами. Местное население вызывало у Антонина живой интерес и большое сочувствие независимо от своей религиозной принадлежности. Несколько удивительно даже читать в дневнике русского монаха и священника сравнение Каира с Москвой, а мусульманских мечетей с православными храмами. Жители нильских берегов ему понравились; он отмечает скромность туземной девочки, которая отказалась снять купленную у нее кем-то из офицеров набедренную повязку. Самых похвальных слов на страницах дневника удостоиваются капитан и механик египетского парохода, на котором они плыли по Нилу. Антонин искренне жалеет их, когда при расставании они получили скупые подарки от русских офицеров. В свою очередь они также прониклись симпатией к русскому священнику; более того, механик говорил офицерам, что он «не понимает, как такой ученый и смысленный человек, как *père Archimandrite*, не поймет, что он пребывает в заблуждении, и не примет ислам... Такого сюрприза я не ожидал бы, если бы еще 100 лет просуществовал на свете» — пишет Антонин.

Конечно, путевые записки Антонина Капустина за те несколько недель, которые длилось его путешествие по Египту, неизбежно могут показаться несколько поверхностными. У него не было ни времени, ни возможности изучать на месте историю и археологию страны. Перед нами — наблюдения ученого путешественника, внимательно фиксирующего то, что он видит. В этом и состоит главная их ценность как исторического источника. Несомненно, что после опубликования тома Дневника за 1857 г. отечественная ориенталистика обогатится еще одним, пока еще мало известным источником по истории Ближнего Востока в середине XIX в.

(1). В эти годы в Египте была эпидемия чумы, из страха перед которой даже европейские путешественники будто бы меньше ездили туда. Комиссии имела цель провести опыты по «очищению зачумленных вещей посредством усиленной теплоты».

(2). Судьба дневника о. Антонина подробно описана в статье *Н.Н. Лисового* и *Р.Б. Бутовой* [19, с. 316–361.]. После смерти о. Антонина дневник вместе с частью переписки поступил в Св. Синод, и было решено запечатать их с указанием не публиковать в течение 40 или 50 лет [26, оп. 4, д. 1118–1132, всего 14 томов. Том за 1883–86 гг. утрачен]. В начале XX в. по указанию В.Н. Хитрово в Палестинском обществе были сделаны машинописные копии с текста, которые в настоящее время хранятся в разных местах (Библиотеке ИППО, Музее истории религии в Петербурге, Отделе рукописей БАН). Отдельные небольшие части дневника были опубликованы еще в конце XIX в., однако в целом памятник до революции оставался почти неизвестным, что побудило некоторых исследователей сомневаться в том, что он вообще сохранился. В 1972 г. М.А. Салмина впервые сделала описание рукописных дневников, хранящихся в РГИА [27, с. 420–430]. Прошло еще почти 30 лет, и дневник вновь привлек внимание исследователей [12; 4; 17; 9]. Наконец, в 2011 г. было положено начало изданию полного текста дневника [1; 2].

(3). Эфор — зд. попечитель древностей (от др.-греч. ἔφορος, «надзирающий»); в Древней Спарте, а позже и в Афинах — выборные должностные лица (эфорат из 5 эфоров), обладавшие широким и не всегда четко зафиксированным кругом полномочий.

Кирьякос Питтакис (греч. Κυριάκος Πιττάκης; 1798, Афины — 23.X.1863, Афины) — один из первых греческих археологов.

(4). Во время путешествия по Египту Антонин неоднократно вспоминал виды древних памятников из альбома [34].

(5). Дневник Антонина за 1857 год подготовлен к изданию по машинописным копиям, находящимся в музее истории религии в Санкт-Петербурге; текст сверен с рукописным оригиналом в РГИА [26]. Поскольку том находится в печати, в настоящей статье мы не приводим ссылок на архивные единицы.

(6). Винтовой фрегат «Полкан» был построен в 1854 г. В составе эскадры контр-адмирала Е.А. Беренса 2 октября 1856г. вышел в Средиземное море. Вернулся в Кронштадт 19 августа 1859 г.

(7). Паломничество в Иерусалим было описано им по свежим следам, а затем текст был доработан и издан [7]. Страницы из дневника с описанием первого посещения Иерусалима изданы [6].

(8). Греческая церковь Благовещения, кафедральный собор Александрийской патриархии, была выстроена в 1847–1857 гг.

(9). Игла Клеопатры — древнеегипетский обелиск середины II тысячелетия до н.э., вырезанный на каменоломнях Асуана. Около 1475 г. до н. э. перевезен вниз по Нилу в Гелиополь, а при Августе в Александрию. На обелиске высечен знак Тутмоса III, позднее добавлены имена Рамзеса II и Клеопатры. В начале XIX в. лежал в песке и был подарен правителем Египта Мухаммедом Али Англии в память о победе адмирала Нельсона при Абукире. Оставался в Александрии до 1877 г., когда был перевезен в Лондон и установлен на набережной Виктории.

Монастырь св. Саввы в Александрии был основан в IV в., неоднократно перестраивался. Путешественники середины XIX столетия видели строения, воздвигнутые в 1676 г. при патриархе Паисии и чудом сохранившиеся во время наполеоновского похода. В XX в. при патриархе Николае VI старые здания были снесены и на их месте построены новые.

Св. Апостол Марк — покровитель Александрии. Прибыл в город в 60 г. и проживал в доме крещеного им сапожника. В 68 г. погиб от рук почитателей Сераписа. На месте дома, где он жил, была построена церковь, в которой находились его мощи. В 828 г. мощи были похищены венецианцами и помещены в соборе св. Марка в Венеции. В Александрии продолжала сохраняться только глава Св. Марка, которая также через 250 лет оказалась утраченной. Церковь, которую видел Антонин, не сохранилась; в середине XX в. была выстроена новая коптская церковь, являющаяся кафедральным собором коптского патриарха.

(10). Близ селения Бени-Гассан на восточном берегу Нила в Среднем Египте находятся гробницы номархов Хети и Хнумхотепа XX в. до н.э. с хорошо сохранившимися росписями с изображением сцен повседневной жизни, охоты, рыбной ловли, битв и единоборств, игр.

(11). Антиноя, или Антиноополь, — город на восточном берегу Нила, основан императором Адрианом 30 октября 130 г. в память о своем фаворите, утонувшем в этом месте. Один из главных культурных центров римского Египта.

(12). Оазис Дахле (Дахла) ввлиивийской пустыне был открыт английским путешественником А. Эдмонстоуном в 1819 г. Систематическое исследование его началось только в 1950-х гг. Сохранились развалины построек и гробниц, относящихся к эпохе Древнего царства. В пустыне к западу от оазиса находятся развалины римского храма Дэйр-аль-Хаджар (I в.)

(13). Сиют (Асьют) — город на западном берегу Нила, римский Ликополис. Двумя главными божествами дохристианского Сиюта были Анубис и Велвет. Близ Сиюта находятся гробницы правителей Среднего царства с обширными надписями.

(14). Храм Амона-Ра в Луксоре. Древнейшая часть — святая святых, с примыкающими залами, украшенными монументальными рельефами и надписями — основана при Аменхотепе III; первые цари XIX династии пристроили с южной стороны двор с 74 колоннами, перемежающимися статуями фараонов. Рамсес Великий пристроил северный перистиль и пилон и изобразил на внешней стороне последнего свои подвиги в войне с хеттами; здесь же начертан так называемый «эпос Пентаура». Путешественники XVIII–XIX вв. называли храм Рамзеса «Мемнониум».

(15). Ипет-Исут, Карнакский храм, — крупнейший храмовый комплекс Древнего Египта, главное государственное святилище Нового царства. Расположен в Карнаке, на восточном берегу Нила в 2,5 км от Луксора. Старейшее из сохранившихся зданий храмового комплекса было построено во времена XII династии, при фараоне Сенусерте I. Особого размаха строительные работы достигли в эпоху Нового царства. Храмы Карнака перестраивались иврасширялись вплоть до времён императорского Рима. Наиболее значительным зданием комплекса является храм Амона-Ра с его 10 пилонами, крупнейший из которых имеет длину в 113 м, ширину 15 м и высоту около 45 м. Общая площадь храма составляет около 30 гектаров. Колонный зал был начат при фараоне Хоремхебе и закончен в годы правления фараонов Сети I и Рамзеса II. Храмовые помещения состоят из трех окруженных стенами частей, посвященных Амону (Ипет-сут), богу Монту и богине Мут. Кроме того, здесь был построен фараоном Эхнатоном, на шестой год его правления, Гем-па-Атон — храм Атона.

(16). Погребальный храм Рамсеса III, сооружение эпохи Нового царства, находящееся на западном берегу Нила в Луксоре. Храм известен рельефами с надписями, изображающими нападение Народов моря и победу Рамсеса III над ними.

(17). Виктор Гюстав Монье (Victor Gustave Maunier, ? — 1873), французский археолог-любитель, фотограф, консульский агент в Луксоре в 1840–1863 гг. В 1852 г. по поручению египетского вице-короля осуществил фотографирование памятников Фив и храмов Верхнего Египта. Участник раскопок О. Мариетта.

(18). В журнале Академии надписей (*Journal des Savants de l'Academie des Inscriptions*) публикаций Монье мы не обнаружили.

(19). Храм посвящен троице богов — Кхуму, Нейту и Хеке. Основная часть храма относится к периоду Птолемея III Эвергета (246–221 г. до н.э.) и римскому времени. Считается образцом упадка египетского искусства.

(20). Храм в Аполлинополе (Эдфу) был построен между 237 и 57 гг. до н.э. и является наиболее сохранившимся храмом Египта. Высота стен достигает 20 м. Вероятно, Монье имел в виду этот храм, как построенный Клеопатрой.

В скале на берегу Нила в Сильзилах высечены гробницы Хоремхеба, Рамзеса II, Меремптаха и Сети I.

Храм в Кум-Омбу (Ком-Омбо) имел двойное посвящение — богам Собеку и Хароерису — и был построен между 180 и 47 гг. до н.э. Храм был очищен от земли в 1893 г. Стены храма покрыты рельефами и иероглифическими надписями.

(21). Филе был самым крупным среди трех островов, которые на юге завершали скальную гряду, формировавшую первый порог Нила. Из двух других островков Биге считался особенно священным, т.к. был местом вечного сна Осириса и поэтому запретным для любой человеческой деятельности. Лишь жрецам дозволялось приплывать сюда на лодках с Филе: они совершали здесь священные ритуалы на 360 столах с дарами, символизировавшими место захоронения Осириса. Храмовый комплекс включает храм Нектанеба I, монументальный храм Исиды с прилегающими постройками, павильон Траяна и небольшой храм Хатор. Храм Исиды был построен около 350 г. до н.э. как главное культовое сооружение острова.

В настоящее время нельзя видеть картину, которую описывает Антонин. После постройки Большой Асуанской плотины священный остров был затоплен; в 1972–80 гг. храмы были разобраны и вновь собраны на островке Аджилкия (где была точно воссоздана топография Филе), значительно выше уровня искусственного озера.

(22). Дендера — небольшой город на западном берегу Нила, напротив Кены. В древности Тентира была центром культа богини Хатхор. Ее храм был построен при последних Птолемах; достраивал его римский император Тиберий. Храм возведен из песчаника, имеет 79 метров в длину и окружён кирпичной стеной. Внутри находится гипостильный зал с 24 колоннами, увенчанными изображениями Хатхор. На потолке изображены астрономические сцены, на стенах — описание царского визита в храм. На крыше храма помешалось несколько небольших святилищ Осириса, в одном из которых были обнаружены уникальный зодиак и солнечный диск. Под храмом эпохи Птолемея лежат здания предыдущих эпох, древнейшие могут быть отнесены к царствованию строителя Великой пирамиды — Хуфу. Храм в Дендере был впервые исследован О. Мариеттом, начавшим раскопки в Египте с 1850 г. Зодиак в Дендерском храме издавна привлекал внимание французских египтологов [37]. Можно предполагать, что эта статья была известна Монье.

(23). Антонин, о если бы благочестивый (лат.).

(24). Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Авраама Норова служит введением к Путешествию по Святой Земле [23, ч. 1, с. 201].

(25). Иерофей II, патриарх Александрийский (1847–1858). Известен своей заботой об организации школьного дела. В 1849 г. участвовал в соборном обсуждении вопроса о клятве священнослужителей, возбужденном Феоклитом Фармакидисом. [43, Σ. 819–830].

(26). Николай Карлович Гирс (1820–1895), русский дипломат. Выпускник Царскосельского лицея, с 1838 г. — на службе в МИД, с 1841 г. — младший драгоман при российском консульстве в Яссах, в 1850 г. — первый секретарь миссии в Константинополе, в 1856–1858 гг. — генеральный консул России в Египте, с 1858 г. — генеральный консул в Молдавии и Валахии, впоследствии занимал дипломатические посты в Тегеране, Берне и Стокгольме, с 1875 г. — управляющий Азиатским департаментом МИД и товарищ министра иностранных дел канцлера А.М. Горчакова, в 1882–1895 гг. — министр иностранных дел.

(27). Предположительно, Антонин мог читать одну из следующих книг Шамполиона [32; 31; 30].

(28). Было несколько изданий Description de l'Égypte. Отдельные тома выходили в свет не последовательно. Как правило, один том состоял из 2-х книг [34].

ИСТОЧНИКИ

1. *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Дневник. Год 1881 / изд. подгот. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова / под ред. Н.Я. Шапова. М., 2011. 384 с.: ил.

2. *Он же*. Дневник. Год 1850 / изд. подгот. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2013. 184 с.

3. *Архимандрит Антонин Капустин*. Донесения из Константинополя (1860–1865) / изд. подгот. Л.А. Герд. М., 2013. 222 с., 1 ил.

4. *Антонин (Капустин), архим.* «Жаль мне до смерти всего прошедшего» (Страницы из дневника) / предисл. и примеч. Р.Б. Бутовой и Н.Н. Лисового // Россия в Святой Земле. Т. II. М., 2000. С. 544–588.

5. *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Из Иерусалима: статьи, очерки, корреспонденции, 1866–1891 / изд. подгот. Р. Б. Бутова. М., 2010. 512 с.

6. [Антонин (Капустин)]. Первая поездка в Святую Землю // *Архимандрит Антонин (Капустин)*. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / изд. подгот. Р.Б. Бутова. М., 2010. С. 399–426.

7. *Архимандрит Антонин Капустин*. Пять дней в Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году (из записок поклонника). 1866. 2-е изд. М., 2007. 256 с.: ил.

8. *Бутова Р.Б.* Архимандрит Антонин (Капустин) на Православном Востоке: Афины–Константинополь–Иерусалим // Тр. Первого российско-греческого форума «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке» (Афины, 8–9 октября 2008 г.). М.: Афины, 2009. С. 10–17.

9. *Бутова Р.Б.* Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское: к 60-летию Н.Н. Лисового. М., 2006. С. 58–81.

10. *Вах К.А.* Архимандрит Антонин (Капустин) и Синайская Библия // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных исследованиях. СПб., 2012. С. 23–30.

11. Вах К.А. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Вестн. архивиста. 2011. № 4. С. 138–153.
12. Герд Л.А. Архим. Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1999. С. 8–35.
13. Гурулева В.В. Архимандрит Антонин как нумизмат // Нумизмат: сб. в честь 80-летия В.М. Потина. СПб., 1998. С. 235–243.
14. Дмитриевский А.А. Начальник русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу православия на Востоке и в частности в Палестине (по поводу десятилетия со дня его кончины) // Сообщ. Император. Правосл. Палест. О-ва. 1904. Т. XV. Вып. 2. С. 95–148.
15. Дмитриевский А.А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / публикация с коммент. Ф.Б. Полякова и Б.Л. Фонкича // Byzantinorussica. 1994. Т. I. С. 165–197.
16. Киприан (Керн), архимандрит. О. Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). Белград, 1934. То же. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 214 с. (Серия: Материалы по истории Церкви; Кн. 21)
17. Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин (Капустин) — исследователь синайских рукописей (по страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 197–225.
18. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. 510 с.
19. Лисовой Н.Н. Архимандрит Антонин и его дневник / Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова // Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881 / изд. подгот. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова / под ред. Я.Н. Шапова. М., 2011. С. 316–361.
20. [Мансуров Б.П.]. Письма Б.П. Мансурова к отцу П.Б. Мансурову из путешествия по Востоку в 1857 году / изд. подгот. К.А. Вах // Иерусалим. арх. Вып. 1. (в печати).
21. Муравьев А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. СПб., 1832; 3-е изд. 1835. 602 с.
22. Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии, в 1834–1835 г., служащее дополнением к путешествию по Святой Земле. Ч. I–II. СПб.: Тип. III Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. Ч. I — 380; Ч. II. — 393.
23. [Норов А.С.]. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г. Авраама Норова, служащее введением к Путешествию по Святой Земле. Ч. I–II. Изд. 2-е. СПб.: Тип. III Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1853. Ч. I. [8], 407 с. Ч. 2. [6], 416, 22 с.
24. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с Н.П. Игнатъевым, 1861–1893 гг. / сост., вступ. ст. и общ. ред. К.А. Вах ; подгот. текста и коммент. К.А. Вах и О.В. Анисимов ; ст., сост. указ. О.В. Анисимов. М. : Индрик, 2014. 480 с.
25. [Порфирий (Успенский), архимандрит]. Путешествие по Египту и в монастыри Святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского, в 1850 году архимандрита Порфирия Успенского. СПб. : Тип. Император. Акад. наук СП, 1856. 294 с., с семью рис., чертежами и надписями, вырезанными на пальмовом дереве.
26. РГИА Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118–1132, всего 14 томов. Том за 1883–86 гг. утрачен.
27. Салмина М.А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 420–430.
28. [Уманец А.]. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой земле А. Уманца. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. III Отд. собств. Е.И.В. канцелярии, 1850. IX, [10], 289, 9 л. ил., карт.
29. Фонкич Б.Л. Антонин Капустин как собиратель греческих рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 368–379.
30. Champollion J.-F. Lettres écrites d'Égypte et de Nubie en 1828 et 1829. Paris: Didot frères, Libraires. 508 p.
31. Champollion J.-F. Notice descriptive des monumens égyptiens du Musée Charles X. Paris: Imprimerie du Crapelet, 1827. VIII, 166 p.
32. Champollion J.-F. Panthéon égyptien, collection des personnages mythologiques de l'ancienne Égypte, d'après les monuments. Paris: Firmin Didot, 1823. 66 p.
33. Denon D.V. Voyage dans la Bass et Haute Egypte pendant les Campagnes du Général Bonaparte. 3 vol. Paris: Imprimerie de P. Didot, 1802. V. 1. 364. V. 2. 348 p. V. 3. 370 p.
34. Description de l'Égypte: ou recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française, publié par les ordres de Sa Majesté l'Empereur Napoléon le

- Grand. 1er éd. Vol. 1–23. Paris : L’Imprimerie Imperiale, 1809–1813; l’Imprimerie Royale, 1817–1822; 2d. éd. Vol. 1–37. Paris: Charles Louis Fleury Panckoucke, 1821–1830. (См. ссылку 28 в Примеч.)
35. *Fairy L.J.* Russian Missions to the Orthodox East: Antonin Kapustin (1817–1894) and his World // *Russian History*. 2013. Vol. 40. P. 133–151.
36. *Meyers Universum. Beschreibung Natur und Kunst.* Bd. 1–13. 1833–1848. 13 Bd.
37. *Miller M.* Mémoires sur le zodiaque de Dendérah // *Journal des Savants de l’Académie des Inscriptions*. 1844. T. 16. 2e partie.
38. *Niebuhr C.* Beschreibung von Arabien aus eigenen Beobachtungen. Copenhagen: N. Möller, 1772. XLVII, (1), 431, (1) s.; table, maps, plates.
39. *Id.* Reisebeschreibung von Arabien und anderen umliegenden Ländern. Bd. 1–2. 1774, 1778. 2 Bd.
40. *Norden F.L.* Voyage d’Egypte et de Nubie. 2 vols. Copenhagen, 1755. (40) + 288 + (2) p.
41. *Pococke R.* A Description of the East and Some other Countries. Vol. I. Observations on Egypt. London: W. Boyer, 1743. VI, [8], 310; maps: plates.
42. *Παπουλίδης Κ.Κ.* Ο Ελληνικός κόσμος του Αντωνίνου Kapustin (1817–1894): Συμβολή στην πολιτική της Ρωσίας στη Χριστιανική Ανατολή το 19^ο αιώνα. Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μελετών Χερσονήσου του Αίμου, 1993. 200 σ., 21 εικ. (ΙΜΧΑ, 248).
43. *Παπαδόπουλος Χρυσόστομος Α., Αρχιεπίσκοπος Αθηνών και πάσης Ελλάδος.* Ίστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἱεροσολύμων. Ἱεροσόλυμα ; Ἀλεξάνδρεια, 1910; Χρυσοστόμου Παπαδοπούλου, Ίστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἱεροσολύμων, ἔκδοσις δευτέρα, σελίδες 26,27, Ἀθῆναι 1970; *Παπαδόπουλος Χρυσόστομος Α., Αρχιεπίσκοπος Αθηνών και πάσης Ελλάδος.* Ίστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἱεροσολύμων. — 2η ἔκδ. — Θεσσαλονίκη : Πουρναράς Π. Σ., 2010. 934 σ

См.: рис. № 33.

УДК 910-55/56
ББК 26.89г(53)

М.К. Басханов

НА КАРТАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА — ЛЕВАНТ: ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ МИССИИ В АЗИАТСКУЮ ТУРЦИЮ И СИРИЮ

(по материалам Российского государственного военно-исторического архива)

АННОТАЦИЯ

В работе на основе архивных документов раскрываются события, связанные с первой русской рекогносцировкой Азиатской Турции, Сирии и Палестины Генерального штаба подполковником П.П. Львовым, совершенной в 1834–1835 гг.

Ключевые слова: Турция; Сирия; Палестина; XIX век; русский Генеральный штаб; разведка.

Одним из весьма интересных и, вместе с тем, малоизученных сюжетов в истории изучения в России Османской империи и ее ближневосточных владений является деятельность русского Генерального штаба по комплексному изучению региона в военном, географическом и статистическом отношении в начале 30-х годов XIX века. Проведение таких масштабных рекогносцировок на удаленных территориях в сложных военно-политических условиях требовало высокой организации, значительных финансовых средств и, безусловно, наличия подготовленных и опытных кадров. Таковыми явились офицеры русского Генерального штаба, которые не только успешно выполнили поставленную перед ними задачу, но и внесли важный вклад в развитие отечественного востоковедения.

Из трех поездок русских офицеров в Азиатскую Турцию и Сирию (1), совершенных в 1833–1838 гг., только об одной, а именно, о рекогносцировке Азиатской Турции Генерального штаба капитаном М.П. Вронченко известно достаточно хорошо благодаря опубликованным отчетам. Две другие поездки, совершенные офицерами Генерального штаба подполковником П.П. Львовым (выпускник Московского училища колонновожатых) (2) и капитаном И.Ф. Дайнези (3), по-прежнему остаются малоизвестными (4).

Поездка подполковника П.П. Львова (5) в Азиатскую Турцию и Сирию впервые была рассмотрена во вступительной статье М.Р. Рыженкова к публикации рукописи Львова «Сирия» [13, с. 168–181]. Работа содержит автобиографические сведения о Львове, краткие сведения о военно-политической ситуации в регионе и деятельности русского Генерального штаба в период турецко-египетской войны (1831–1833), археографический анализ текста. Вместе с тем документы, непосредственно связанные с подготовкой миссии, ее ходом и полученными результатами, в силу неясных причин остались за рамками исследования, предпринятого М.Р. Рыженковым, и, как следствие, организационная сторона поездки, ее цели, задачи и результаты оказались поданы в предположительном ключе. Для того, чтобы восполнить этот пробел, обра-

тимся к документам миссии Львова на Ближний Восток, которые отложились в коллекциях Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в фонде Департамента Генерального штаба и которые до настоящего времени не были введены в научный оборот [12, оп. 5, д. 148].

Интерес русского военного ведомства к ближневосточным владениям Османской империи не носил постоянного характера, т.к. этот регион был достаточно удален от русской границы в Закавказье. Внимание к этим территориям усиливалось в периоды обострения русско-турецких отношений, политических кризисов внутри Османской империи или в связи с военно-политической активностью великих держав в регионе. Можно условно выделить несколько исторических периодов, когда активность русского военного ведомства на Ближнем Востоке заметно усиливалась: войны России с Турцией (1768–1774; 1828–1829; 1853–1856; 1877–1878); турецко-египетская война и пребывание русского экспедиционного корпуса на Босфоре; период, предшествовавший Первой мировой войне (развертывание сети русской нелегальной военной разведки в Турции и на Ближнем Востоке).

В русском военном ведомстве первые сведения о регионе были получены в период русско-турецкой войны (1768–1774), когда русский флот принимал участие в боевых операциях в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. 6 июля 1773 г. русская эскадра появилась на рейде Бейрута и 2 августа осуществила бомбардировку города. В начале октября 1773 г. русский десант штурмом овладел Бейрутом. Русский флаг взвился над главными воротами города, там же был прикреплен портрет Императрицы Екатерины II. С октября 1773 по февраль 1774 г. Бейрут находился под русской оккупацией [15]. Об этом периоде русско-турецкой войны имеется очень мало сведений. Можно предположить, что в это время были получены и первые достоверные сведения о регионе, собранные русскими морскими офицерами. О том, что чинами русской эскадры велся сбор военных, географических и гидрографических сведений свидетельствуют составленные ими отчеты и описания. Достаточно упомянуть офицера русской средиземноморской эскадры М.Г. Коковцова, который после окончания военных действий с Турцией посетил Алжир (1776) и Тунис (1777) и оставил весьма любопытные описания этих стран, едва ли не первые в России. Одним из ранних исторических свидетельств о военном устройстве Османской империи стала записка, составленная в 1776 г. флота капитан-поручиком Сергеем Плещеевым, — «Известия о турецком флоте, о Трапезунде, Платане и Синапе». Ему также принадлежит работа «Топографическое описание местности по азиатскому берегу Дарданелл до г. Константинополя» [11, оп. 1, д. 185 [рукопись, 5 л.]].

Стоит кратко остановиться на военно-политических событиях, предшествовавших началу активных действий Главного штаба по изучению Азиатской Турции и Сирии. После поражения Турции в войне с Россией в 1828–1829 гг. паша Мухаммед Али, правитель Египта — территории формально входившей в состав Османской империи, — начал военные действия против султана Махмуда II с целью отделить Египет и Сирию от турецких владений. Египетским войскам под командованием Ибрагим-паши (сына Мухаммеда Али) удалось добиться существенного успеха в войне.

Перспектива смены власти в Константинополе не устраивала Императора Николая I, который считал, что это событие сведет на нет успехи русского оружия и дипломатии в недавней войне с Турцией. Было принято решение

вмешаться в турецко-египетский конфликт с целью заставить Мухаммеда Али приостановить военные действия и добиться проведения мирных переговоров между конфликтующими сторонами. Для ведения переговоров в Константинополь, а затем в Александрию был послан личный представитель Императора Николая I генерал-майор Н.Н. Муравьев (впоследствии — Карский (6)). Муравьеву поручалось поддержать султана Махмуда II и обещать ему при необходимости военную поддержку со стороны России. Ему также ставилась задача под угрозой военного вмешательства России заставить Мухаммеда Али остановить военные действия против султана и сесть за стол мирных переговоров. Казалось, миссия Муравьева получила успешное завершение: Мухаммед Али приостановил военные действия и согласился соблюдать условия перемирия. Вместе с тем кризис в отношениях между султаном и правителем Египта был далек от своего разрешения.

Не успел еще Муравьев добраться из Александрии в Константинополь, как было получено известие о переходе египетских войск в наступление. В декабре 1832 г. египетские войска у Коньи разгромили анатолийскую армию турок, которой командовал великий визирь. Дезорганизованная турецкая армия отступала в глубинные районы Анатолии, открыв путь египетским войскам к Константинополю. В этих условиях султан, преодолевая сопротивление своего окружения, вынужден был обратиться за помощью к России. В феврале 1833 г. в Константинополь из Крыма прибыла эскадра адмирала М.П. Лазарева. Мера эта не оказала должного воздействия на Мухаммеда Али, войска которого готовились к захвату Смирны (современный Измир). В апреле 1833 г. к Константинополю прибыл десант русских войск (14 тыс. чел.), который был высажен на плацдарм к северу от Константинополя. Двадцатитысячный корпус командующего Дунайской армией генерал-лейтенанта П.Д. Киселева получил приказ двигаться к турецкой столице. Известия о прибытии десантного отряда и о движении русских войск к Константинополю заставили Мухаммеда Али вернуться к переговорам. 24 апреля 1833 г. при посредничестве французов и англичан Турция и Египет заключили мирное соглашение.

26 июня 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси (Хюнкяр-Искелеси) близ Константинополя был подписан договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией (Ункяр-Искелесийский договор). Согласно договору, Россия предоставляла Турции военную помощь в случае угрозы извне и по просьбе турецкого правительства, в свою очередь, Турция закрывала проливы Босфор и Дарданеллы для прохода кораблей любых стран (кроме России). После заключения союзнического договора египетские войска оставили пределы Анатолии, а русский десантный отряд 28 июня 1833 г. покинул Босфор и вернулся в Россию.

Первый опыт работ по военно-географическому описанию Босфора и прилегающих к нему территорий был получен еще задолго до событий 1833 г. Начало им положено деятельностью офицеров генерал-квартирмейстерской службы, находившихся в составе миссии чрезвычайного посла России в Константинополе М.И. Голенищева-Кутузова (сентябрь 1793 — март 1794 гг.). В составе миссии находились обер-квартирмейстеры премьер-майоры Иван Мицкой и Федор Лен и приданные им в помощь дивизионные квартирмейстеры инженер-подполковник Христиан Труссон и прапорщик Гаврила Сергеев [14, с. 8]. По результатам топографических работ прапорщик Сергеев составил в 1794 г. рукописную карту Константинополя и Константинопольского пролива

(Босфора), явившуюся первой русской научной картой столицы Османской империи и пролива Босфор (7).

Работы по изучению Босфора были продолжены в 1826 г. полковником Ф.Ф. Бергом — руководителем военной миссии («военного отделения») при российском посольстве в Константинополе — и его помощником («вторым секретарем военного отделения») подполковником А.О. Дюгамелем. Руководил работами лично генерал-майор Муравьев. С прибытием десантного отряда работы возглавил обер-квартирмейстер отряда Генерального штаба подполковник А.И. Менд. Под его руководством производились инструментальные съемки (8) окрестностей русского лагеря и обеих берегов Босфора. В списке десантного отряда значились офицеры Генерального штаба капитаны Давыдов и Вронченко, поручики Дайнези и Болдырев. Плодотворной была деятельность при отряде Генерального штаба штабс-капитана И.И. Ходзько (впоследствии начальник Кавказского военно-топографического отдела), который вел работы по составлению тригонометрической сети (9). Морские офицеры эскадры адмирала Лазарева вели на Босфоре астрономические наблюдения (10), гидрографические исследования, участвовали в глазомерной съемке (11) берегов.

После подписания Адрианопольского мирного договора (2 сентября 1829 г.) подполковник Дюгамель был отправлен в качестве дипломатического курьера из Константинополя в Эрзерум к главнокомандующему Кавказской армии князю И.Ф. Паскевичу с известием о заключении мира с Турцией. Обратный путь из Эрзерума в Константинополь Дюгамель проделал по новому маршруту. Он стал первым русским офицером, совершившим рекогносцировку глубинных районов Азиатской Турции. В марте 1830 г. Генерального штаба капитан П.П. Львов совершил поездку по Азиатской Турции из Константинополя в Тифлис через Ангору (современная Анкара), Сивас, Эрзерум. За успешно выполненное задание и представленные военно-географические сведения Высочайше награжден «алмазным украшением». В ходе поездок офицерами составлены две маршрутные съемки и краткие военно-топографические описания пройденных путей.

Генерал-майор Н.Н. Муравьев одним из первых в русском военном ведомстве указал на необходимость развернуть системное военно-географическое и статистическое изучение Азиатской Турции с учетом благоприятной для России военно-политической обстановки в регионе (12). Пользовавшийся благорасположением Императора Николая I он уже тогда считался авторитетным специалистом по делам Востока и к его голосу прислушивались. Поездки Дюгамеля и Львова по глубинным районам Азиатской Турции, ранее считавшимися недоступными для русских офицеров, наряду с мнением Муравьева дали Главному штабу серьезное основание считать такие поездки не только возможными (при определенных условиях), но и чрезвычайно важными для изучения сопредельных с Россией территорий Турции.

Следует заметить, что помимо военно-политических условий для реализации плана военно-географических и статистических работ в Азиатской Турции, у военного ведомства России имелись соответствующие силы и средства. Основную роль в реализации плана работ должны были исполнить офицеры Генерального штаба и военные топографы. Для целей настоящей статьи, чтобы облегчить восприятие материала, в котором присутствует упоминание ряда органов военного управления России периода начала 30-х годов XIX в.,

следует кратко остановиться на организационной структуре Главного штаба и Департамента Генерального штаба.

В мае 1832 г. Высочайше был утвержден новый закон — «Проект образования Военного министерства». В соответствии с ним происходила централизация военного управления, которое стало осуществляться через Военное министерство. Должность начальника Главного штаба для мирного времени упраздняялась. Сам Главный штаб стал состоять только из лиц высшего военного управления: военный министр, генерал-квартирмейстер, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инспектор по инженерной части и др. Военное министерство включило в себя все департаменты и особые установления бывшего Главного штаба и Военного министерства. Управление Военным министерством вверялось военному министру, который лично докладывал Императору по вопросам текущего управления. В число департаментов, непосредственно входящих в управление Военного министра входил и Департамент Генерального штаба. Им руководил генерал-квартирмейстер Главного штаба. Департамент Генерального штаба состоял из собственно управления Генерального штаба, Военно-топографического депо и Корпуса топографов. В 1832 г. с целью подготовки кадров офицеров Генерального штаба была учреждена Императорская военная академия. Согласно разработанному тогда же штату Генерального штаба в состав Центрального управления входило 62 офицера Генерального штаба, остальные находились в войсках: 6 генералов, 47 штаб- и 182 обер-офицеров (13).

В 1832 г. по Высочайшему повелению в Константинополь был командирован полковник Дюгамель. Он имел четкие инструкции — проехать «сухим путем» из Константинополя в Египет и «обозреть действующие силы Турции, состояние Сирии, <...> и положение египетской армии» [8, с. 6]. В силу ряда причин полностью выполнить эту миссию Дюгамелю не удалось. В 1833 г. он получил назначение на должность российского генерального консула в Александрии, фактически став негласным военным агентом во владениях египетского правителя Мухаммеда Али. Поездка Дюгамеля в Азиатскую Турцию и его назначение на дипломатический пост в Египте положили начало целостной программе русского Главного штаба по военно-географическому и статистическому изучению Азиатской Турции, которая непрерывно осуществлялась в 1833–1838 гг. В Азиатскую Турцию и Сирию последовательно отправляются с продолжительными миссиями офицеры русского Генерального штаба: подполковник П.П. Львов (1833–1835), капитан М.П. Вронченко (1834–1836), капитан И.Ф. Дайнези (1837–1838).

Обратимся теперь к непосредственной цели настоящей статьи — истории миссии Генерального штаба подполковника П.П. Львова в Азиатскую Турцию и Сирию, которая стала первой научной рекогносцировкой региона, организованной русским военным ведомством. Подготовительный период миссии подполковника Львова, который нашел достаточно полное отражение в архивных документах, дает представление о том, как быстро происходили в первой трети XIX в. эволюция сил и средств русской военной разведки, развитие концепций, взглядов и идей, связанных с получением и использованием разведывательных сведений. В секретной докладной записке подполковника Львова, составленной им в марте 1832 г. на имя генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта А.И. Нейдгардта о необходимости изучения азиатских владений Турции, содержится целый ряд идей и взглядов, которые были передовыми для своего времени (14).

Львов указывал на необходимость иметь достоверные сведения о сопредельной с Россией стране: «Последние события в Египте резко обозначили необходимость иметь верные сведения об азиатских владениях турок и страна сия, сопредельная России, представляя важные выгоды в военном отношении, может быть источником богатых оборотов торговли. Обозрение сего обширного края, хотя и соединено с чрезвычайными затруднениями..., но со всем тем тяжело сознаться, что Россия до сих пор находится в совершенном неведении о сем крае, и что только в 1829 и 1830 годах первые русские были в Азиатской Турции» [12, оп. 5, д. 148, л. 3].

В записке Львов высказывал мнение, что изучение страны вероятного противника должно быть по возможности комплексным, а не сводиться к глазомерным съемкам дорог и их описаниям. «Офицер Генерального штаба, — замечал Львов, — которому поручается обозрение страны, должен представить не съемки дорог, но верное изображение края; он обратит особенное внимание на главнейшие пункты и общую связь сообщений, определит систему возвышений, течение вод, свойства земли, народонаселение и промышленность» [12, оп. 5, д. 148, л. 3 об.]. Главными результатами деятельности офицера в сопредельной стране должны стать сведения, на основе которых появится возможность составить наиболее точную военно-топографическую карту и статистическое описание территории («общий очерк края»).

Ввиду обширности Азиатской Турции Львов предлагал отправить туда не менее трех офицеров, которых, с целью сокрытия их деятельности, следовало прикомандировать к российским дипломатическим представительствам в регионе на правах секретарей консульств или торговых агентов. Офицеры с целью максимального покрытия страны рекогносцировками и топографическими съемками могли находиться в Синопе (или Трапезунде), Смирне и Алеппо (или Дамаске). Каждому офицеру он предлагал выделить для работ определенный округ Азиатской Турции, а по завершении работ свести воедино все топографические съемки и астрономические определения, а также военно-статистические описания с тем, чтобы составить общую военно-топографическую карту и военно-статистическое описание территории. В предполагаемый район работ Львов предлагал включить «все земли, лежащие между Черным и Средиземным морями, Курдистаном и Багдадским пашалыком; ибо пространство сие представляет важные преимущества в военном отношении, как по расположению Кавказского корпуса, так и по существованию прямых сообщений между Эрзерумом и Сирией» [12, оп. 5, д. 148, л. 4 об.]. Что касается района Курдистана и Багдадского пашалыка, то ввиду их второстепенного значения для действия кавказских войск Львов предлагал ограничиться топографическими съемками и описаниями важнейших дорог, ведущих из Алеппо и Диарбекира в Багдад.

Истинные цели и задачи офицеров, принимающих участие в рекогносцировках Азиатской Турции, по мнению Львова, должны были «сколько возможно скрыты». Но сами работы — составление маршрутных съемок, астрономические определения, получение опросных сведений и пр. — должны вестись открыто («довольно свободно»), поскольку «всякая таинственность может раздражить мнительность азиатцев». Для поездок по стране офицеры должны иметь надежных и хорошо знающих турецкий язык переводчиков. «Весьма желательно, — замечал Львов, — чтобы они были из сербов или болгар, ибо греки и армяне, а еще более пероты (выходцы из Перы, христианской части

Константинополя. — М.Б.) вовсе не способны к поручению соединенному с некоторой опасностью» [12, оп. 5, д. 148, л. 8—8 об.].

Предложения Львова были внимательно рассмотрены генерал-квартирмейстером Главного штаба и доложены военному министру князю А.И. Чернышеву. В секретной докладной записке генерал-адъютант Нейдгардт указывал на необходимость подробного военно-географического и статистического описания Азиатской Турции и на то, что главной целью работ русских офицеров должно явиться «составление верной топографической карты и точных военно-статистических описаний». (О командировании подполковника Львова в Азиатскую Турцию для собрания необходимых сведений, 28 июля 1833 г. [12, л. 12]).

Вместе с тем он признавал, что выполнение такой широкой программы, требующей участия нескольких офицеров Генерального штаба, может «возбудить подозрения турецкого правительства». По этой причине генерал-квартирмейстер предлагал первоначально ограничиться отправкой одного офицера, сузив программу исследований сбором подробных сведений, представляющих наибольший интерес для войск Кавказского корпуса и русских войск в Крыму.

В качестве первого офицера для рекогносцировки региона был выбран подполковник Львов как наиболее опытный и подготовленный офицер. (Докладная записка генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Нейдгардта от 31 января 1833 г. [12, л. 1]).

Кандидатура Львова была утверждена военным министром в марте 1833 г., но рассмотрение самого вопроса о начале работ отложено на несколько месяцев, что было связано с военно-политической обстановкой в Турции. Как отмечал князь Чернышев в письме к министру иностранных дел графу Нессельроде, «...смутные обстоятельства, при коих большая часть Азиатской Турции была занята войсками Египетского паши, препятствовали исполнению такового намерения». (Письмо военного министра министру иностранных дел, 27 июня 1833 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 10]).

С подписанием Ункяр-Искелесийского договора (15) обстановка в регионе изменилась коренным образом. Формально Турция считалась союзницей России, и в силу этого турецкие власти не могли препятствовать рекогносцировкам русских офицеров. Вместе с тем в Главном штабе появилась потребность в ускоренном изучении Азиатской Турции, прежде всего Восточной Анатолии и Сирии. Согласно турецко-египетскому мирному соглашению, за правителем Египта Мухаммедом Али осталась Сирия, которая формально была передана турецким султаном ему в управление. Неопределенный статус Сирии создавал неустойчивое военно-политическое положение, перемирие носило временный характер. Это означало, что Сирия и прилегающие к ней территории могли стать вероятным театром военных действий, на котором предстояло действовать и русским войскам.

На этом военно-политическом фоне военное ведомство принимает решение ускорить работы по изучению Азиатской Турции. Согласно первоначальному предложению генерал-квартирмейстера Главного штаба, подполковнику Львову предлагалось придать статус «частного человека, в виде путешественника на поклонение Гробу спасителя», но снабдить его при этом султанским фирманом на право проезда в Иерусалим. Военный министр, как следует из его переписки с министром иностранных дел, предложил отправить Львова как секретаря одного из русских консульств на Ближнем Востоке или как паломника в Иерусалим. В последнем случае предполагалось отправить вместе со Льво-

вым еще одного офицера Генерального штаба, «дабы в случае тяжелой болезни, а может быть и самой смерти, они могли заменять один другого и сохранить плоды своих тяжких трудов» [12, оп. 5, д. 148, л. 11–11 об.]. По согласованию с Министерством иностранных дел было принято решение командировать Львова в распоряжение полковника Дюгамеля, занимавшего пост российского генерального консула в Александрии в Египте. При этом Львов переводился на службу в МИД на должность секретаря консульства и получал гражданский чин надворного советника. О важности полученного Львовым задания говорит не только полная секретность, с которой была обставлена миссия, но и полученное им право вести личную переписку с военным министром.

Для выполнения задания Львову придавались военный топограф и переводчик. В качестве военного топографа был выбран Корпуса военных топографов прапорщик С.С. Тютиков (16), имевший опыт топографических съемок в Европейской Турции и базовое знание турецкого языка (17). По личной просьбе Львова в состав миссии в качестве переводчика был включен бывший турецкий подданный болгарин Кристофор Буюклу (18).

В начале октября 1833 г. Высочайше утверждена секретная «Инструкция Генерального штаба подполковнику Львову». В ней Львову указывалось, что он командировается в Малую Азию и Сирию с целью «употребить все усилия для собрания сведений, возможно полных и верных о сей стране, нам еще столь мало известной, кое географическое положение при настоящих политических событиях так важно для России» [12, оп. 5, д. 148, л. 24].

Инструкция предписывала вести сбор сведений «самым тайным образом». В основу сбора информации изначально закладывались требования возможно более широкого географического охвата, наибольшей полноты и достоверности сведений. Львову указывалось, что от него «Генеральный штаб ожидает таких сведений и материалов, по которым бы можно было составить карту возможной верности и подробности, и чтобы она в особенности была полезна для соображения военных действий, если бы в той стране наши войска когда-либо должны были вести войну» [12, оп. 5, д. 148, л. 25]. Кроме собственно географических сведений в сферу внимания русского офицера должны были войти данные, которые позволили бы «сделать общий и, по возможности, полный и верный обзор каждого пашалыка»: о производительных силах, продовольственных запасах, караванных дорогах, оборотах торговли и пр.

Сведения военного характера должны были включать и планы укрепленных позиций, крепостей и дефиле, которые предписывалось составлять «со всевозможной верностью и подробностью». Для более точного составления карты Азиатской Турции Львов должен был сделать несколько точных астрономических определений в глубине изучаемого края. С этой целью он получил необходимые инструменты: небольшого размера секстант, прибор искусственного горизонта и хронометр. В качестве справочного пособия — «Руководство по астрономическому определению географической долготы и широты», составленное директором Военно-топографического депо профессором Ф.Ф. Шубертом, выдающимся геодезистом своего времени.

Согласно инструкции, маршрут Львова должен был пройти через Тифлис в Трапезунд, оттуда через Эрзерум или Сивас в Алеппо и далее через сирийские города Хама, Хомс, Баальбек, Акра (приморский город в Западной Галилее, на территории современного Израиля) в Александрию. После короткого пребывания в Александрии под предлогом проверки консульских дел

в Алеппо Львов должен был проехать в этот город дорогой, идущей вдоль берега Средиземного моря и, по возможности, побывать в Александретте (ныне порт Искендерун в турецкой провинции Хатай). На обратном пути из Алеппо ему ставилась задача осмотреть горные проходы в Ливанских горах и окрестности Иерусалима. После обработки материалов в русском консульстве в Александрии Львов должен был вернуться в Россию сухопутным путем через Эрзерум или Трапезунд. Таким образом, предполагалось, что Львов пересечет Сирию четыре раза по разным направлениям, что предоставит ему уникальную возможность для систематического сбора сведений. Для радиальных поездок в сторону от основных маршрутов ему предлагалось использовать различные предлоги: осмотр достопримечательностей, древностей, религиозных святынь и пр.

Ввиду нахождения на враждебной территории и в среде народов, мало подконтрольных администрации Мухаммеда Али, поездка Львова и его спутников не выглядела легкой прогулкой. Об опасностях предприятия прекрасно понимали и в русском Генеральном штабе. Это нашло отражение и в содержании инструкции: «Страна, описание коей возлагается на Ваше Высокоблагородие, как Вам известно, большей частью подвластна Мегмету-Али: это уже одно обстоятельство должно заставить Вас действовать со всею осторожностью и благоразумием; все Ваши донесения Вы будете посылать к полковнику Дюгамелю; при отправлении оных Вы должны быть крайне осмотрительны, а с карт, маршрутов и проч., отправляемых от Вас уже окончательно, всегда имейте при себе копии до тех пор, пока не получите уведомления, что все сие в целости получено в Санкт-Петербурге: тогда уничтожайте сии материалы» [12, оп. 5. д. 148. л. 27 об.]

Львов имел четкие инструкции действовать предельно осторожно, чтобы не вызвать подозрений со стороны турецких и египетских властей, а также европейских консулов и торговых представителей. Выполнение задания не обставлялось какими-либо организационными ограничениями. Львов мог действовать по собственной инициативе, но соблюдать при этом благоразумие и осмотрительность. «Если благоразумие, — говорилось в инструкции, — будет Вам советовать упустить описание какого-либо не так важного места, то для оно не подвергайте опасности потерять не только собранные Вами сведения, но даже и возможность вновь собрать оные. При исполнении сего поручения помните, что лучше доставить возможно верные, хотя и не совершенно полные материалы, чем никаких» [12, оп. 5. д. 148. л. 28–28 об.]

Планируя поездку Львова на Восток, в Генеральном штабе справедливо полагали, что «путешествие потребует непременно больших расходов». Львов получал по 5 руб. серебром в сутки, военный топограф Тютиков — по 2 руб. серебром в сутки, переводчик Буюклу — по 15 червонцев в месяц (19). Кроме того, Львов и Тютиков получали «подъемные деньги» в размере годового жалованья. На каждые 1000 верст пройденного пути Львову выделялось 118 червонцев, из которых также оплачивались проводники, курьеры и, в случае необходимости, конвой. В личное ведение ему выделялась и сумма «на секретные расходы», из которой покрывались услуги осведомителей и раздавались взятки чинам турецкой и египетской администрации. При необходимости Львов мог обращаться за денежной помощью в российское посольство в Константинополе или в Генеральное консульство в Александрии. Вместе с тем, как показал опыт, основная проблема возникла со своевременным получением средств. Задержки были порой значительны, и денег постоянно не хватало. Непредвиденные

расходы также требовали продолжительных согласований, что сказывалось на сроках выполнения работ.

Поездка подполковника Львова в Азиатскую Турцию началась из Тифлиса, куда он добрался, предположительно, в конце 1833 г. В Тифлисе в штабе Отдельного Кавказского корпуса он нашел радушный прием со стороны Генерального штаба генерал-майора В.Д. Вольховского, незадолго до того назначенного начальником штаба корпуса, с которым был хорошо знаком по своей предыдущей службе. В 1830 г. Вольховский по Высочайшему повелению был назначен российским генеральным консулом в Египте, но ввиду открытия военных действий в Царстве Польском убыл на театр войны и не смог приступить к исправлению должности. В штабе корпуса Львов ознакомился с новейшими военно-географическими и статистическими трудами и картографическим материалом по Турции, составленными офицерами Генерального штаба Кавказского корпуса. В штабе он получил дополнительные геодезические инструменты и справочные издания по Турции (20). Из Тифлиса Львов выехал 17 февраля и 4 марта морем достиг Трапезунда. В городе он провел около трех недель, занимаясь сбором статистических сведений, преимущественно о морской торговле Трапезунда и его производительных силах (21). В конце марта он сообщал военному министру о кратких результатах работ в Трапезунде и своих ближайших планах (22). В том же письме Львов также высказался о своем намерении приступить к изучению турецкого языка и этнографии турецкого народа — «Ознакомясь, хотя несколько, с турецким языком и присмотревшись к обычаям и нравам жителей, я буду иметь более средств судить о настоящем их быте» [12, оп. 5, д. 148, л. 66 об.].

Ввиду обилия снега в горах Львову пришлось отказаться от движения к Эрзеруму и выбрать запасной путь на Алеппо — через Никсар, Токат, Сиваш, Эльбистан и Антеп (ныне Газиантеп). 22 апреля Львов благополучно достиг Алеппо, что во многом объяснял высоким авторитетом русского имени в Азиатской Турции — «имя русского было красноречивее заряженного пистолета». В письме на имя военного министра он сообщал о своих дальнейших планах — выехать из Алеппо 29 апреля и через полтора месяца достигнуть Александрии, посетив по пути Хаму, Хомс, Баальбек, Дамаск, Иерусалим, Яффу, Гизу и Каир (23). Князь Чернышев счел уместным сообщить содержание письма Львова Императору Николаю I — лишнее свидетельство того значения, которое придавалось в Петербурге миссии подполковника Львова.

В начале июня 1834 г. Львов благополучно достиг Александрии и приступил к обработке полевых материалов. О ходе миссии и выполненных работах свидетельствует рапорт Львова на имя нового генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-лейтенанта Ф.Ф. Шуберта. В рапорте он сообщал об основных результатах работ на пути из Трапезунда в Александрию. Им была составлена подробная глазомерная съемка дороги от Трапезунда вдоль берегов Черного моря до Фатсы и далее через Сивас, Алеппо, Хаму, Хомс, Баальбек, Яффу и Газу до Суэцкого перешейка (24). С помощью астрономических наблюдений Львов определил географические координаты городов Трапезунд и Алеппо, долготу — Сиваса, Хомса и Яффы. Подробный ряд астрономических наблюдений и журнал хода часов были приложены к военно-топографическому описанию пройденного пути. Львов обновил топографический план Трапезунда, составленный русскими военными топографами в 1831 г., и распространил его на десять верст на окрестности города. Также был составлен план Алеппо, включая

и новые укрепления города, возведенные по приказу Ибрагим-паши, командующего египетской армией. В дополнение к этому Львов составил описание Трапезундского пашалыка [12, оп. 5, д. 148, л. 143–164 об.], записку о торговле Трапезунда и ее влиянии на отношения России с Персией [12, оп. 5, д. 148, л. 109–126 об.], а также стратегическое обозрение путей, ведущих от русской границы на Кавказе к Алеппо. Генерал Шуберт, получив отчет Львова о проделанных работах, отнесся к полученным результатам довольно сдержанно, а в части военно-географических сведений даже поставил под сомнение их ценность. В докладной записке военному министру он прямо указывал: «Имею честь присовокупить, что сведения, доставленные подполковником Львовым (тетради а, б и с), хотя и весьма будут полезны при составлении полного описания края, но ничего не заключают в себе особенно любопытного» [12, оп. 5, д. 148, л. 179–179 об.].

В сентябре 1834 г. Львов отправил военному министру из Александрии третье письмо, в котором сообщал, что передал полковнику Дюгамелю полный отчет о своей поездке по Анатолии и Сирии с тем, чтобы его доставили в Петербург «при первом удобном случае» (25). В октябре Львов из Александрии вновь отправился в Сирию и Азиатскую Турцию. Он проехал вдоль берегов Средиземного моря до Анталии и затем совершил поездку в Алеппо и далее в Турецкий Курдистан, сведений о котором практически не имелось в Генеральном штабе. Выехав из Алеппо, он проехал через Урфу в Диарбекир, где вел маршрутные съемки и сбор статистических и этнографических сведений о курдских племенах. Завершив работы в Турецком Курдистане, Львов направился вглубь Азиатской Турции, посетив города Эргани, Харпут (близ современного турецкого города Элязыг), Малатью, Сивас и Тартус, куда он, по его признанию, «дотащился, измученный и трудностями дороги и холодом позднего времени года». Из Тартуса Львов на торговом судне через остров Кипр в начале января 1835 г. прибыл в Бейрут. Из поездки он привез не только богатый топографический материал, но и ценные сведения военного характера. Особое значение имели доставленные им сведения о начавшемся разложении войск Египетского паши и о массовом недовольстве населения Сирии египетской оккупацией.

В письме полковнику Дюгамелю Львов сообщал подробности своей поездки: «Путешествие мое было чрезвычайно счастливо, несколько раз начинавшаяся лихорадка не оставила никаких последствий, и хотя я часто находился в затруднительном положении, но, благодаря Богу, все миновалось и оставило одни только воспоминания <...> переезды мои через границу Сирии, именно в местах более важных, обратили внимание и подозрение паши (Мухаммеда Али. — М.Б.), и теперь я окружен толпою шпионов, из которых главный в лице Шульца (бывший польский инженер-капитан. — прим. Львова), присланного в Бейрут для разрешения загадки моих неутомимых поездок (26). Мы сошлись с ним скоро, как со старым знакомым, видевшим меня во время турецкой кампании адъютантом при покойном графе Дибиче. Ботаника и антики занимают нас от утра до вечера и я уверен, что он уведомит пашу о невинности моих занятий и намерений» (27).

Вторую половину зимы Львов провел в поездках по маршрутам, ведущим из Ливана в Сирию. Целью поездок был сбор военно-географических сведений и данных о политическом состоянии горных племен Ливана. За время рекогносцировок в Сирии Львовым было снято в общей сложности 762 вер-

сты подробных съемок. Он стал первым русским исследователем, профессионально составившим топографический план Иерусалима с окрестностями. Представляет интерес составленное Львовым «Топографическое описание дорог от Алеппо через Гаммах, Гамс, Балбек, Табарию, Наплус и Яффу до Газы и степей Сюзского перешейка». Помимо сведений о расстояниях, времени движения между пунктами, состоянии дорог, топографических особенностях местности и пр. оно содержит небольшие, но весьма интересные описания городов и местностей Святой земли.

«Долина Иордана, — писал Львов, — от самого верховья реки постепенно расширяется и близ озера Бар-ель-гуль (Барат эль Гуле или Самохонитское озеро. — *М.Б.*) она уже имеет до 7 верст ширины, правый берег образуется высокой отраслью гор, которые тянутся к Тиберии, отдаляясь от реки на значительное пространство между двумя озерами. Левый же берег есть продолжение высокой горы Дерм-мехту, от подошвы которой хребет минует Хисбею и постепенно понижаясь образует низменный берег озера Тиберия (известно также как Галилейское море, Тевериадское или Генисаретское озеро, озеро Кинерет. — *М.Б.*); плоская и широкая долина идет до Бар-ель-гуля, но далее пологие скаты правого берега и небольшие высоты левого образуют узкую долину, примыкая к самому озеру Тиберия. Озеро сие имеет 27 верст длины и до 6 верст самой большой ширины противу Тиберии (современный город Тверия. — *М.Б.*). Вода в озере прекрасна, местность самой долины живописна, пологие скаты обработаны, но мало населены и большей частью долина занята кочевьями арабов. Город Тиберия расположен на самом берегу озера, имеет до 1000 домов из коих 500 принадлежат евреям. Каменная стена с башнями и дом муаллима (попечителя религиозного учебного заведения. — *М.Б.*) образующие род цитадели, составляют укрепления Тиберии» [12, оп. 5, д. 148, л. 133–133 об.] (28).

С наступлением весны 1835 г. Львов, выполнив основную часть своего задания, начал подготовку к возвращению в Россию. Оставив Бейрут, он вновь пересек всю Сирию, проехал в Александретту и отправился на изучение прямого сообщения Алеппо с Эрзерумом. С этой целью он проехал через Малатю, Арапгир и Эрзинджан. Осмотрев линию коммуникаций, Львов двинулся через Байбурт и Пюмюшхане в Трапезунд — конечную точку всей поездки по Азиатской Турции и Ближнему Востоку. Отправившись из Трапезунда на коммерческом судне, Львов 15 апреля 1835 г. прибыл на рейд Одессы.

В донесении на имя генерал-квартирмейстера Главного штаба Львов сообщал, что кроме военно-статистических описаний им были составлены подробные маршруты в масштабе 2 версты в английском дюйме, снятые непосредственно на местности, а также планы городов и их окрестностей — Алеппо, Иерусалима, Сиваса и Трапезунда — в масштабе 1 верста в английском дюйме. Всего же Львов представил в Главный штаб 11 458 верст подробной топографической съемки. Им также были подготовлены орографический и гидрографический очерки Малой Азии, карта средней части горного массива Тавра, распросные карты равнин Ул-ова и Куз-ова близ Харпута, равнинного пространства близ Сиваса, равнины Эльбистана, района проживания друзов в Ливане. Кроме того, Львов составил подробные описания торговли Трапезунда, Тартуса и Бейрута, представил записку с общим взглядом на промышленность Алеппо и Дамаска, а также справку о торговле Сирии с восточной частью Анатолии.

Львов с помощью астрономических наблюдений определил географическое положение 12 точек в Азиатской Турции и Сирии. Это, безусловно, было недостаточное число астрономических пунктов, которые могли быть использованы при создании точной карты края. Объясняя причины, по которым не было возможности полнее вести масштабные геодезические работы, Львов доносил в Главный штаб: «Что касается до астрономических определений, то встречая беспрерывные препятствия, я должен был ограничиться немногими только пунктами и на возвратном пути, несмотря на все старания, я едва мог сделать одно наблюдение в Малатье, ибо от самого Пайяса (прибрежный город в современной турецкой провинции Хатай) до Малатьи, Арапгира и Эрзинджана, имея ночлеги в курдских кочевьях, я всегда был окружен толпою недоверчивых и даже не смел показать инструментов» (29).

Другой причиной, как признавался и сам Львов, было отсутствие у него достаточных навыков геодезических работ: «Имея в виду непременно начертание карты, как необходимое условие военных сведений и единственный способ сохранить общий характер местности, я употребил все усилия для улучшения материалов астрономической сети, но беспрерывные препятствия, недостаток навыка при новизне занятий, затрудняли мои работы...» (30). Как офицер Генерального штаба Львов был более искусен в глазомерных съемках, которые генерал Н.Н. Муравьев называл «главным искусством офицера Генерального штаба, приобретающимся только долгим навыком».

С тем, чтобы восполнить нехватку базовых астрономических пунктов при создании новой карты Азиатской Турции, Львов предлагал взять за основание триангуляционной сети турецкие берега Средиземного и Черного морей, на которых к тому времени имелось уже достаточное количество определенных астрономических пунктов. На Средиземном море такие определения были сделаны британскими и французскими морскими геодезистами, на Черном море — русскими морскими геодезистами. Наиболее свежие определения были сделаны офицерами Черноморского флота в 1834 г. (гидрографическая экспедиция лейтенанта Е.П. Манганари), причем велись эти работы с разрешения султана и при полном содействии турецких властей. Для связки прибрежных астрономических пунктов через сухопутную часть Азиатской Турции Львов предлагал использовать результаты его определений и те пункты, которые были измерены другими европейскими путешественниками по региону и опубликованы в «Парижском астрономическом календаре».

Значительный массив сведений собран Львовым о населении Азиатской Турции и Сирии, его этническом и религиозном составе. К таким материалам относились справки и записки: «Подразделение вероисповеданий в Сирии с частным их описанием»; «Изыскания происхождения друзов и таинства их религии»; «Частные сведения о народонаселении различных частей Сирии, составленные по расчету платежа ферде (31)»; «Общее приближенное исчисление народонаселения в Сивасском и Мушском пашалыках», «Описание курдов Милли, Ришвин и Акжа-дач»; «Армяне и греки в Анатолии и разделение жителей на оседлых и переселенцев»; «Материалы для описания Сивасского пашалыка» и др. (32).

Деятельность подполковника Львова в Азиатской Турции и Сирии была по достоинству вознаграждена. В июле 1835 г. за «отличия по службе» он был произведен в полковники. Одновременно удостоен другой награды — «В вознаграждение отлично исполненной важной и опасной командировки Высочай-

ше повелено производить не в пример другим в пожизненный пенсион по 2000 рублей в год» [9, оп. 29. д. 405 (1837 г.). л. 6.].

Значительный труд приложил Львов к систематизации и обобщению результатов своей рекогносцировки. Еще находясь в Одесском карантине, он доносил генералу Шуберту: «[...] стараясь сколько возможно исполнить прямую цель моего назначения и, между тем, не ограничиваясь собственно военными обозрениями, я считаю обязанностью заняться составлением общего и полного описания Сирии и Восточной Анатолии, которое будучи основано на материалах уже несколько раз проверенных на самой местности, представило бы сведения сколько возможно верные и при том вполне отчетливые» (33).

Представляя результаты обширных военно-географических работ в Главный штаб, подполковник Львов выражал уверенность, что его труды будут максимально использованы при составлении общего описания и карты Азиатской Турции. Над обработкой полевого материала Львов трудился в Главном штабе около трех лет и подал в отставку только по завершении всех работ. Основными из них стали: «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана» (в 3-х частях) [4, оп. 1, д. 535, ч. 1–3], «Сирия» [10, оп. 1, д. 51, л. 1–135] и «Карта Сирии» [10, оп. 1, д. 49, 50]. Сохранился любопытный архивный документ — рапорт Львова на имя генерала Шуберта об окончании всех работ по обработке материалов поездки. «Окончив совершенно возложенное на меня поручение по обозрению Восточной Анатолии и Сирии, — сообщал Львов, — я имею честь представить Вашему Превосходительству выводы трехлетнего труда, которые состоят из 750 листов описания, военно-распросной карты Сирии, более 10 тыс. верст подробных глазомерных съемок в масштабе 2-х верст в англ. дюйме и, наконец, чистовых планов окрестностей городов Трапезунда, Сиваса и Алеппо» (34).

В январе 1838 г. Департамент Генерального штаба представил на Высочайшее рассмотрение докладную записку «С представлением работы Генерального штаба полковника Львова по обозрению Восточной Анатолии и Сирии». Через несколько дней документ вернулся с резолюцией Императора Николая I — «Высочайше повелено: 1. Полковнику Львову объявить Высочайшее благоволение за совершенно удовлетворительное составление сего труда. 2. Из сочинения его извлечь все относящееся до торговых сношений России с Малою Азией и сообщить извлечение этого для сведения и соображения министру финансов и г[енерал]. л[ейтенанту] Головину (35). 30 января 1838 г.» [12, оп. 5, д. 148, л. 344].

Среди материалов военно-географического и статистического характера особое место занимали выводы Львова о возможном образе действия русских войск в случае вооруженного конфликта с Турцией. На основании анализа сведений, собранных в штабе Отдельного Кавказского корпуса и своих личных наблюдений, он сделал два важных вывода. Первый формулировался следующим образом: «Армия, наступающая из Грузии, может завоевать только плоскую возвышенность, на которой расположен Эрзерум, дальнейшие завоевания не вознаграждают пожертвований при самом полном успехе, и подступ к Константинополю с этой стороны есть дело почти несбыточное. Из сего следует, что занятие Эрзерума в случае войны с Турцией должно считать только вспомогательным средством» [12, оп. 5. д. 148. л. 345 об.]. Второй вывод касался возможности ведения десантных операций на черноморском побережье Турции: «Занятие Трапезунда возможно по береговой дороге, идущей

от Редут-кале (36), через Потти и Батум, хотя дорога сия представляет большие затруднения. Дальнейшее движение от Трапезунда почти невозможно и занятие сего порта может быть учинено только с какой-либо особенною целью» [12, оп. 5. д. 148. л. 345 об.].

Опыт боевых действий русских войск на Кавказском фронте в период Первой мировой войны целиком подтвердил правильность выводов Львова в отношении Эрзерума и Трапезунда. После занятия Эрзерума (16 февраля 1916 г.) русскими войсками был достигнут стратегический предел всей наступательной кампании на Кавказском фронте. Дальнейшее движение русских войск на запад еще по инерции осуществлялось (в июле 1916 г. захвачен Эрзинджан), но сама кампания в Азиатской Турции утратила свой смысл, поскольку не могла решить более ни одной из стратегических целей — добиться уничтожения турецких сил в Анатолии или создать угрозу Константинополю с востока. Десантная операция в Трапезунде (5 февраля — 15 апреля 1916) стала примером высокой организации и взаимодействия сухопутных войск и сил флота, но имела больше тактический успех, который не мог иметь стратегического последствия именно по причине сложных географических условий трапезундского района.

В период пребывания в Александрии летом 1834 г. Львов получил от полковника Дюгамеля «полуофициальное» известие о командировании в Азиатскую Турцию для военно-географических и статистических работ еще одного офицера Генерального штаба — капитана М.П. Вронченко. Какие-либо подробности командировки Вронченко остались для Львова неизвестными.

Реализуя план военно-географического и статистического изучения Азиатской Турции, Главный штаб осенью 1833 г. принял решение командировать в регион сроком на два года капитана Вронченко, определив его на должность секретаря российского генерального консульства в Смирне. Вронченко как «отличный во всех отношениях офицер» был рекомендован на эту должность тогдашним начальником Военно-топографического депо генералом Ф.Ф. Шубертом. Нейдгардт согласился с этой кандидатурой с «целью выиграния времени», тем более, что Вронченко находился в это время при 6 пехотном корпусе и «не имел никакого особого задания». За два года работ в Азиатской Турции Вронченко сделал около 100 астрономических определений, составил военно-географические описания пройденных территорий. Главным итогом его деятельности стал труд «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии» [2] (37) и важная «Карта Малой Азии».

Львов и Вронченко как офицеры Генерального штаба имели разный уровень профессиональной подготовки, свои сильные и слабые стороны. С военной точки зрения стратегический кругозор и опыт штабной и войсковой деятельности Львова были значительно выше уровня, которым в описываемый период обладал Вронченко, мало знакомый с практической службой офицера Генерального штаба и не имевший достаточного опыта управления войсками и боевой деятельности. Львов был участником русско-турецкой войны (1828—1829) и за «отличия в сражениях против турок» удостоен звания поручика, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость», орденами Св. Анны 3-й ст. с бантом и Св. Владимира 4-й ст. с бантом. В польскую кампанию (1830—1831) он принимал участие в нескольких сражениях и боях, был тяжело ранен. За подвиги награжден чином капитана, орденом Св. Анны 2-й ст., а затем и Императорской короной к ордену [6, оп. 29, д. 405 (1837 г.), л. 3—5 об.]. В отличие от Львова, послужной список Вронченко скромнее. В русско-турец-

кую войну (1828–1829) он не принимал непосредственного участия в боевых действиях, а находился на топографических съемках при действующей армии. Не участвовал он и в польской кампании. Однако Вронченко, в отличие от Львова — классического офицера Генерального штаба, обладавшего лишь основами геодезических знаний, имел специальную подготовку (изучал астрономуию в Дерптском университете) и был в большей степени не генштабистом, а военным геодезистом.

Разными были и условия, в которых вели свои рекогносцировки подполковник Львов и капитан Вронченко. Район рекогносцировки Вронченко значительно отличался от местностей, по которым пролегли маршруты Львова. Вронченко исследовал преимущественно западные и центральные районы Анатолии и побережья Средиземного и Черного морей (к западу от Трапезунда), т.е. территории, находившиеся по окончании турецко-египетского конфликта под устойчивым контролем турецких властей, которые, хотя и подозрительно относились к его деятельности, но не препятствовали работам. Интересен в связи с этим тот факт, что как только Вронченко, имевший на руках фирман султана на право проезда по турецкой территории, попытался проникнуть в район Аданы, находившейся на пути между Сирией и Малой Азией в полосе рекогносцировки подполковника Львова и бывшей в то время под контролем египетских войск, то он сразу был арестован египетскими властями как «русский шпион» (38). Иначе выглядел политический ландшафт района рекогносцировки Львова. Основная его часть находилась на линии разъединения сторон в юго-восточной Анатолии, где сильно ощущалась атмосфера недавнего конфликта. Район рекогносцировок в Курдистане и прилегающих территориях также был крайне нестабилен в политическом отношении, ситуация отягощалась непрерывными разбоями и грабежами. Поездки по Сирии велись под сильным надзором египетских властей, для которых Львов был представителем державы, вовлеченной в конфликт на стороне противника.

Вронченко, находясь географически ближе к русскому посольству в Константинополе, имел возможность ускоренной доставки донесений в Главный штаб, в то время как вся корреспонденция Львова отправлялась вначале в Александрию, а уже затем в Константинополь. Это приводило к тому, что отчеты Львова попадали в Главный штаб с большим опозданием.

Основной этап работ по изучению Азиатской Турции и Сирии пришелся на время управления генерал-квартирмейстерской частью Главного штаба генералом Ф.Ф. Шубертом, который сменил генерал-адъютанта Нейдгардта в начале 1834 г. Генерал Шуберт по своему образованию и службе был больше военным геодезистом, чем классическим генштабистом. Его больше интересовала деятельность Корпуса военных топографов, геодезические и картографические исследования. Вопросам развития стратегии, военного планирования, разведки, подготовки кадров офицеров Генерального штаба и пр., составляющим суть деятельности генерал-квартирмейстера, он придавал второстепенное значение, сконцентрировав внимание на управлении Корпусом военных топографов, начальником которых он также являлся по своему служебному положению. Как замечал историк русского Генерального штаба генерал П.А. Гейсман, «из всех должностей для генерал Шуберта наиболее близкими и вполне подходящими были должности начальника съемок, директора депо и директора гидрографического департамента: на них он мог вполне сохранить свою самостоятельность; на них он и обращал главное свое вни-

мание. Напротив того, в управлении делами Генерального штаба он не имел ни авторитета, ни известности своего предшественника (генерал-адъютанта Нейдгардта. — М.Б.), не мог иметь и не старался проявить собственную инициативу. Поэтому, за время его управления Генеральным штабом, все, что делалось в отношении этого рода службы, обходилось без его в том участия...» [3, с. 184]. По свидетельству Д.А. Милютина, генерал Шуберт «отличался характером тяжелым, флегматичным и относился безучастно к делам службы» [7, с. 83].

При Шуберте продвижение по службе получали преимущественно офицеры Генерального штаба, имевшие геодезическую подготовку и опыт геодезических работ. Одним из таких выдвиненцев Шуберта стал капитан Вронченко (39). Шуберт изначально считал, что Вронченко принесет большую пользу для сбора сведений об Азиатской Турции (особенно для составления военно-географической карты края), чем подполковник Львов. Можно с полным основанием сказать, что после приезда в Смирну капитана Вронченко генерал-квартирмейстер утратил всякий интерес к деятельности подполковника Львова. Отныне во всех реляциях военному министру Шуберт всячески хвалил Вронченко и в пренебрежительном тоне отзывался о Львове. Еще не получив на руки результаты астрономических наблюдений Львова, Шуберт сообщал военному министру, что сомневается, «чтобы на оные можно было положиться, потому что подполковник Львов не мог приобрести достаточной опытности по сей части и не был снабжен надлежащими для сего инструментами» [12, оп. 5, д. 148, л. 168]. Весьма показательное признание, поскольку именно Шуберт как бывший начальник Военно-топографического депо и отвечал за экипировку Львова всем необходимым для ведения геодезических и топографических работ.

Генерал Шуберт также не спешил обнародовать результаты исследований Львова, ссылаясь на то, что они должны быть в части геодезических работ сверены с результатами Вронченко (что было практически невозможно ввиду совершенно разных маршрутов рекогносцировок). На докладной записке Шуберта с предложением сравнить результаты работ двух офицеров в плане точности полученных сведений Император Николай I в резолюции указал, что это можно будет сделать позднее и не придавая гласности, «чтобы не обижать достойных офицеров». О предвзятости генерал-квартирмейстера к работам Львова говорит и тот факт, что на его рапортах и отчетных материалах Шуберт делал пометки преимущественно в части геодезических и топографических работ, мало интересуясь сведениями, имевшими собственно военный и стратегический характер. В отличие от трудов Вронченко, которые были изданы практически немедленно, составленные Львовым военно-статистические описания и картографический материал так и остались неопубликованными, затерявшись в архиве Департамента Генерального штаба (40). Нельзя также исключить, что внезапная отставка Львова на пике его военной карьеры (под предлогом расстроенного здоровья), пользовавшегося расположением Императора и военного министра, была как раз и вызвана несложившимися отношениями с его непосредственным начальником — генералом Шубертом.

Поскольку вся программа Главного штаба по изучению Азиатской Турции носила секретный характер, то это не могло не отразиться на организационной стороне, ходе исследований и дальнейшем практическом использовании полученных сведений. Как результат, работы Львова и Вронченко в «поле»

оказались не скоординированными, между офицерами не было взаимодействия и планирования. Известно, что Львов в июне 1834 г. отправил из Александрии для Вронченко два письма, в которых кратко указал на свои работы и ближайшие планы. Вступал ли Вронченко в переписку со Львовым, документальных свидетельств нет, но известно, что Вронченко просил генерала Шуберта сообщать ему по возможности о маршрутах Львова (41). Главный штаб стремился обеспечить полное сокрытие сведений о ведущихся работах и иметь при этом два «независимых» источника информации. В вопросе, что для интересов дела было бы полезнее — секретность или координация работ, Главный штаб выбрал первое.

Львов (человек Нейдгарда) и Вронченко (протеже Шуберта) олицетворяли собой два направления в деятельности русского Генерального штаба того времени: первое — классическая служба Генерального штаба, и второе — увлечение военной геодезией и топографией (42). Представляя в выгодном свете работы Вронченко как военного геодезиста Государю и военному министру, Шуберт как бы демонстрировал правильность своей новой линии по управлению корпусом офицеров Генерального штаба. Это вечное сомнение — правильность пропорции (классическая служба Генерального штаба / геодезия) в образовании и деятельности офицеров Генерального штаба — разрешилось только в 1854 г. с созданием в Императорской военной академии специального геодезического отделения.

Как известно, труды подполковника Львова были положены в Главном штабе «под сукно» и никогда не были изданы. Остается неизвестным, насколько они были использованы Вронченко при подготовке к изданию его военно-географического описания и особенно карты Малой Азии.

В предисловии Вронченко к «Обозрению Малой Азии в нынешнем ее состоянии» он, между прочим, указывал, что при написании работы старался «руководствоваться только теми сведениями, которые мог приобрести путешественник лично, или расспросами, ничего не занимая из книг, писанных о Малой Азии, ни древних, ни новых». Как видим, упоминания о трудах подполковника Львова или о том, что сведения взяты из других источников, отсутствуют. Схожая ситуация и с «Картой Малой Азии». На основании определенных Вронченко астрономических пунктов и составленной им маршрутной съемки профессор геодезии Императорской военной академии полковник А.П. Болотов составил первую научно обоснованную географическую карту Малой Азии (издана Военно-топографическим депо в 1841 г., 20 верст в дюйме на 1 л.). В тексте титула карты указывается: «На необозренных лично пространствах горы, воды и города нанесены по осмотру издали, расспросам и воображениям, дорог же и деревень не означено. Вообще из прежних карт не заимствовано ничего, кроме очерка тех морских берегов, которые не сняты в 1834 и 1835 годах».

Из этого следует, что Военно-топографическое депо и профессор полковник Болотов фактически издали «карту Вронченко», а не сводную карту Малой Азии по материалам рекогносцировок и работ трех офицеров — Львова, Вронченко и Дайнези, что первоначально и предусматривалось замыслом Главного штаба. Вместе с тем представляется маловероятным, чтобы такой опытный геодезист и картограф, как Болотов, выпустил из своего внимания 12 астрономических пунктов и более 11 тыс. верст топографической съемки, подготовленных подполковником Львовым — сведения, которые на тот мо-

мент были новейшими и профессионально исполненными. Ответить на вопрос, были ли использованы материалы Львова при составлении «Карты Малой Азии», можно только из документов, относящихся к редакционной работе полковника Болотова по изданию карты Вронченко, или путем сличения маршрутов рекогносцировок Львова и Вронченко с материалом, отображенным на изданной Болотовым карте. В этом смысле, настоящая статья дает будущему исследователю этого вопроса необходимый материал, восстановив маршруты подполковника Львова.

Материалы научных работ в Азиатской Турции и Сирии, организованных Главным штабом в 1833—1838 гг., обширны и уникальны. Они содержат первоклассные сведения по географии, истории, культуре, этнографии стран региона. Сами миссии офицеров Генерального штаба и полученные научные результаты внесли важный вклад в накопление в России сведений о Ближнем Востоке, в развитие русского востоковедения и способствовали зарождению в нем нового научного направления — военного востоковедения. Значительная часть материалов этих миссий по-прежнему остается малоизученной и недостаточно введенной в научный оборот и все еще ждет своего благодарного исследователя.

(1). Основной географический район рекогносцировок подполковника Львова составляли территории Восточной Анатолии (восточные и юго-восточные районы современной Турции) и Сирии (современные Сирия, Ливан, Израиль и Палестина). На момент описываемых событий под Сирией понималась территория Османской империи, занимавшая пространство между Евфратом и Аравийской пустыней на востоке, Средиземным морем — на западе, горной системой Тавра — на севере и территорией Египта — на юге. Для облегчения восприятия текста географические названия в авторском тексте и в извлечениях из документов приведены к единой норме, соответствующей современным географическим названиям. Это не относится к тем названиям, которые были изменены в более поздний период. В этом случае старые названия сопровождаются современными (в скобках).

(2). Термин «колонновожатый» в XIX в. исторически обозначал проводника, ведущего военную колонну, в XIX в. колонновожатыми назывались юнкера (унтер-офицеры), готовившие стать офицерами «свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части» (старое название Генерального штаба Российской империи); Московская школа колонновожатых — военное училище по подготовке колонновожатых (юнкеров, готовившихся в офицеры Генерального штаба и Корпуса военных топографов), осн. в 1816 г. на базе о-ва математиков и организованных в нем публичных бесплатных лекций по чистой и некоторых частях прикладной математики и военных наук (по инициативе отца и сына М.Н. и Н.Н. Муравьевых), в 1825 г. переведено в Петербург (где также существовало Училище колонновожатых); в 1832 г. на базе Училища колонновожатых основана Императорская военная академия (с 1855 г. Николаевская академия Генерального штаба).

(3). Дайнези Иосиф Францевич — позже полковник, военный агент в Турии (III.1840—IX.1841).

(4). Сведений об этих поездках не содержится и в обеих фундаментальных работах Б.М. Данцига [4; 5].

(5). Львов Петр Петрович (1802 — после 1840 г.) — Генерального штаба полковник. Из дворян Тверской губернии. Образование получил в Московском училище колонновожатых (выпуск 1823 г.), откуда выпущен в Свиту Е.И.В. (Генеральный штаб), подпоручик (1826), переведен в Гвардейский Генеральный штаб, адъютант главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.И. Дибича (1829), адъютант главнокомандующего генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, штабс-капитан (1831), переведен в Л.-Гв. Гренадерский полк, капитан (1832), переведен в Генеральный штаб, подполковник (1833), полковник (1835), уволен со службы «по домашним обстоятельствам» (1838), гражданский губернатор Витебской губернии, (1839—1840). Умер в чине действительного тайного советника, дата смерти неизвестна. Участник русско-турецкой войны (1828—1829 гг.), подавления мятежа в Царстве Польском (1830—1831).

(6). В старых публикациях чаще встречается написание добавления к фамилии с одним «с»: Карский.

(7). Манускрипт изготовлен на бумаге в цвете (тушь, гуашь, акварель) и склеен из двух листов (130 × 50; 129,5 × 47,5 см). Карта ориентирована на северо-восток, рельеф исполнен отмывкой, масштаб указан в верстах; в правой части помещается легенда карты с указанием основных объектов в городской черте Константинополя. В нижней правой части карты также имеется легенда плана Серая — султанского дворца. Карта хранится в фондах Государственного исторического музея (ГИМ — 53948; ГО — 782).

(8). Инструментальная съемка — вид топографической съемки, осуществляемой с помощью точных геодезических инструментов.

(9). Тригонометрическая сеть — сеть опорных геодезических пунктов, проложенная путем тригонометрической съемки (триангуляции).

(10). Астрономическое определение — метод, применяемый в геодезии для построения пунктов астрономо-геодезических сетей посредством градусных измерений и астрономо-геодезического нивелирования.

(11). Глазомерная съемка — упрощенная топографическая съемка, проводимая с помощью легкого планшета, компаса (буссоли) и визирной линейки для получения приближенного плана маршрута или участка местности.

(12). Как замечал Муравьев: «Влияние наше сильно тяготело над политикой Турции, когда писали этот договор (Ункяр-Искелесийский договор. — *М.Б.*). Османская империя была в состоянии одеревенелости, и царство Султана, направляемое тогда в действиях своих внушениями двора нашего, имело только признаки независимой самостоятельности» [8, с. 434].

(13). В описываемый период наряду с офицерами Генерального штаба существовали и офицеры Гвардейского Генерального штаба (1814–1865). Как таковой Гвардейский Генеральный штаб не являлся органом военного управления и, соответственно, не имел организационной структуры. Это, скорее, была корпорация, своего рода институт наиболее отличившихся офицеров генерал-квартирмейстерской части. Офицеры эти не служили исключительно в войсках Гвардии, а наравне со всеми офицерами Генерального штаба распределялись по войскам, принимали участие в съемках и пр. Они имели личное преимущество в чинах и по содержанию, имели отличительную от других офицеров Генерального штаба форму одежды. Число офицеров Гвардейского Генерального штаба не было ограничено никаким штатом, при его создании в нем числилось 24 офицера, с годами это число увеличилось до 40.

(14). См.: Записка Генерального штаба подполковника Львова, 22 марта 1833 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 2–9].

(15). Ункяр-Искелесийский договор о вечном мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией подписан 26 июня (8 июля) в местечке Ункяр-Искелеси (Hunkar Iskelesi) — летней резиденции султана близ Стамбула — после того, как Россия оказала военную помощь турецкому султану Махмуду II против египетского паши Мухаммеда Али. По договору Россия обязывалась оказывать Турции военную помощь, а Турция (в соответствии с секретной статьей) должна была в случае войны закрыть по требованию России Дарданельский пролив для всех иностранных военных кораблей. В начале 1840-х гг. русское правительство согласилось не возобновлять договор и заключило конвенцию о проливах (см. *Лондонские конвенции о проливах*). (Большая сов. энциклопедия).

(16). Тютиков Семен Сергеевич (1806–1872) — генерал-майор. На службу принят из кантонистов Херсонского военно-сиротского отделения (1820), состоял в войсках и при Главной квартире (1820–1831), назначен топографом (1823), на съемке Киевской губернии (1826–1827), в действующей армии в Молдавии и Болгарии, где производил рекогносцировки и участвовал в боевых действиях во время русско-турецкой войны (1828–1829), за отличия по службе произведен в прапорщики (1829), переведен в Корпус военных топографов (1831), состоял в военно-топографическом отделении Военно-топографического депо (1831–1863), помощник начальника (1841), начальник топографического отделения (1855), начальник съемки Царства Польского (1865), генерал-майор (1867), уволен со службы (1871). За особые заслуги перед Корпусом военных топографов его имя выбито на медали «В память 50-летия КВТ». Награжден малой золотой медалью ИРГО (1862).

(17). Здесь следует сделать одну оговорку. Включение Тютикова в состав миссии Львова документально подтверждается только для подготовительного периода, т.е. на этапе планирования. Принимал ли он действительно участие в рекогносцировках в Малой Азии, сказать однозначно сложно. Дело в том, что в документах Львова, относящихся к ходу работ, не встречается упо-

минаний о Тютикове. Нет его имени и в реляциях генерал-квартирмейстера Главного штаба. Сведений о его командировке в Азиатскую Турцию нет и в справочнике «Военные топографы Русской Армии» [6].

(18). Буюклу был вывезен в Россию после русско-турецкой войны (1828–1829) Генерального штаба полковником М.В. Ладыженским как переводчик турецкого языка. Он принял участие в служебной командировке Ладыженского в Китай (1830–1831). Как отмечал генерал-адъютант Нейдгардт, «человек сей по сделанному мной расспросам оказывающаяся испытанный верности, ...он присягнул на подданство России и, принадлежа к племени болгар, заслуживает явную доверенность».

(19). Главный штаб нашел эту сумму вполне умеренной платой, поскольку переводчики в Константинополе получали по 25 червонцев в месяц.

(20). Среди таких материалов были: картографические материалы — «Генеральная карта Эрзерумского пашалыка, составленная подпоручиком Гротенфельдом, 1829 года, в дюйме 5 верст»; «План окрестности Байбурта, работы топографов Богатырева и Горшкова, 2 версты в дюйме»; «Карта северо-восточной части Турции, составленная из маршрутов поручиком Обручниковым в 1829 году, на 4-х листах»; «План города Трапезунда с окрестностями, снятый глазомерно топографом Грушецким в 1831 г.» и др. Из военно-статистических описаний: «Описание пашалыков Мушского и Сивасского» (на фр. яз.); «Орографическое описание берегов Черного моря от Батума до Константинополя» (на фр. яз.); «Статистическое обозрение Эрзерумского пашалыка, составленное подпоручиком Искрицким в 1829 г.»; «Описание дорог в Сивас, Токат и Самарс, составленное полковником Вольховским в 1829 г.» и др.

(21). Результатом этой работы стала записка Львова «Трапезунд и настоящее положение его торговли» [12, оп. 5, д. 148, л. 68–75 об.]. На записке сохранились пометки военного министра князя Чернышева, свидетельствующие о его внимательном ознакомлении с документом.

(22). Письмо Генерального штаба подполковника Львова военному министру, Трапезунд, 21 марта 1834 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 64–67].

(23). Письмо Генерального штаба подполковника Львова военному министру, Алеппо, 28 апреля 1834 г. [12, л. 87 об.].

(24). Сохранилась среди документов рассматриваемого нами фонда [12, оп. 5, д. 148, л. 127–142 об.].

(25). Доклад военного министра на Высочайшее имя, 19 декабря 1834 г. — Там же. Д. 147. Л. 79 об.—80. Как видно из доклада, на конец 1834 г. отчет Львова все еще не был получен в Петербурге, в то время как отчет капитана Вронченко (о нем будет сказано ниже) уже был представлен Императору.

(26). При войсках Египетского паши в качестве военных советников и инструкторов были несколько польских офицеров, находившихся ранее на русской службе, но дезертировавших из армии в ходе польского восстания 1830–1831 гг. Объявленные изменниками, они бежали из России, часть из них предложила свои услуги Египетскому паше.

(27). Выписка из письма, полученного полковником Дюгамелем от надворного советника Львова из Бейрута 8 января 1835 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 219–219 об.].

(28). В сентябре 2013 г. автору настоящей статьи удалось проследовать по отдельным отрезкам маршрута подполковника Львова: от впадения р. Иордан в Галилейское море, вдоль его западного берега через город Тверия до стока р. Иордан и пересечения со старой Дамасской дорогой и далее через долину Джезрил в Назарет. Второй маршрут: от Наблуса до Яффы. Следует отметить, что несмотря на изменение местности, вызванное хозяйственной деятельностью, топографическое описание, составленное Львовым, достаточно точное и во многом совпадает с современной топографией района.

(29). Рапорт Генерального штаба подполковника Львова генерал-квартирмейстеру Главного штаба, 15 мая 1835 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 225 об.].

(30). Рапорт Генерального штаба подполковника Львова генерал-квартирмейстеру Главного штаба, 6 июля 1835 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 246–246 об.].

(31). Ферде (турец. *ferde vergüsü*) — так называемый «военный налог», введенный в Сирии в 1834 г. в период египетской администрации (1833–1840 гг.). Уплачивался ежегодно всем мужским населением в возрасте от 15 до 60 лет по скользящей шкале в зависимости от благосостояния плательщика, размер налога варьировался от 15 до 500 пиастров. Введение налога встретило крайнее неприятие со стороны местного населения.

(32). М.Р. Рыженков, готовивший текст рукописи Львова «Сирия» к публикации, подметил особенности письменного языка автора. Отдавая должное «скрупулезности» Львова, он отмечал и недостатки текста — наличие повторов, неясных формулировок и терминов, что язык автора

текста «далек от литературных образцов» и «канцелярски вычурный с претензией на «ученость». Позволим себе не согласиться с этим утверждением. Текст, составленный Львовым, безусловно, не литературное произведение, а служебная записка. Стилиевые особенности текста документов, составленных Львовым, с которыми нам удалось ознакомиться, являются типичными для среды офицеров Генерального штаба того времени, используемые военные термины и понятия также были нормами языка военных текстов начала 30-х гг. XIX в. Текст записок Львова читается вполне ясно и понятно, географические названия и страноведческие реалии переданы в большинстве случаев верно. Кроме того, записка Львова, на основании которой Рыженковым и был сделан вывод о литературных способностях Львова, не готовилась к открытой публикации и не «доводилась» автором или редактором текста до литературной нормы.

(33). Рапорт Генерального штаба подполковника Львова генерал-квартирмейстеру Главного штаба, 6 июля 1835 г. [12, оп. 5, л. 148, л. 250].

(34). Рапорт Генерального штаба полковника Львова генерал-квартирмейстеру Главного штаба, 17 января 1838 г. [12, оп. 5, д. 148, л. 343].

(35). Головин Евгений Александрович (1782–1858) — на время описываемых событий генерал-лейтенант, вновь назначенный командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью в Грузии, Армении и Кавказской области.

(36). Редут-Кале — город-крепость, заложенный русскими войсками на побережье Черного моря в 1804 г. в семнадцати верстах к северу от Поти в устье р. Хопи.

(37). Из трех частей работы Вронченко были опубликованы (с изъятием военных сведений) только две, третья часть (секретная) осталась не изданной.

(38). О задержании подполковника Вронченко в Адане. — О занятиях Генерального штаба подполковника Вронченко по обозрению Малой Азии в 1835 году [12, оп. 5, д. 147, л. 143–145 об.].

(39). При содействии Шуберта Вронченко за командировку был дважды (в 1835 и 1836 годах) повышен в чине, причем, звание подполковника («за заслуги») получил еще не завершив работ в Азиатской Турции.

(40). Вполне возможно, что одна из работ Львова все же была издана, но без упоминания его имени. В фондах Российской национальной библиотеки хранится экземпляр редкой печатной карты — «Военно-распросная карта Восточной Анатолии и части Турецкого Курдистана, составленная и проверенная по глазомерным съемкам главнейших дорог в 1834 и 1835 гг.» [1]. Объяснения условных знаков отсутствуют. Отмечено: названия гор и горных хребтов, населенные пункты (4 группы), кочевья курдов, туркменов и арабов. С большой долей вероятности авторство этой карты можно отнести к полковнику Львову. Вронченко не посещал территорий Турецкого Курдистана, в описи его материалов отсутствуют какие-либо специальные работы по Курдистану и курдам. Львов же не только вел маршрутные съемки в Турецком Курдистане, составлял опросные карты, но и специально изучал курдские племена.

(41). Донесение Генерального штаба капитана Вронченко генерал-квартирмейстеру Главного штаба, Смирна, 30 октября 1834 г. [12, д. 147, л. 16.]

(42). О том, как относился генерал-адъютант Нейдгардт к военной геодезии и ее месту в службе Генерального штаба, свидетельствует следующий исторический эпизод. В период подавления мятежа в Царстве Польском Нейдгардт, кроме своих прямых обязанностей исполнявший должность генерал-квартирмейстера действующей армии, получил много нареканий на службу состоявшего при 24-й пехотной дивизии Генерального штаба подполковника Пасхальского. Нейдгардт нашел оригинальный способ подвергнуть Пасхальского наказанию в условиях военного времени. Он предложил генералу Шуберту (начальнику Военно-топографического депо) отправить Пасхальского на съемку лесов Олонецкой губернии, так как этот штаб-офицер, не имея никаких военных способностей, не может принести никакой пользы своим присутствием в действующей армии [3].

ИСТОЧНИКИ

1. Военно-распросная карта Восточной Анатолии и части Турецкого Курдистана, составленная и проверенная по глазомерным съемкам главнейших дорог в 1834 и 1835 гг.». Б.м., на 1 л., 66 × 40 (71 × 85) см, грав., раскр., сетка без выхода координат.

2. *Вронченко М.П.* Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии // Зап. военно-топографического депо. СПб., 1838. Ч. 3. С. V–XV, 3–329. 1840. Ч. 5. С. V–VI, 3–368. — Из трех частей

работы Вронченко были опубликованы (с изъятием военных сведений) только две, третья часть (секретная) осталась не изданной.

3. *Гейсман П.А.* Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. — СПб., 1910. [6], 414, II с., 12 л. карт.: ил. (Столетие Военного министерства, 1802–1902 / гл. ред. ген.-лейт. Д.А. Скалон; Т. 4. Ч. 2. Кн. 2. Отд. 1).

4. *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. 436 с.

5. *Данциг Б.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965. 272 с.

6. *Долгов Е.И.* Военные топографы Русской Армии / *Е.И. Долгов, С.В. Сергеев.* М.: Сиди-Пресс, 2001. 592 с.

7. *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1856 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Рос. арх., 2000. 527 с.

8. *Муравьев Н.Н.* Русские на Босфоре в 1833 году: из записок Н.Н. Муравьева (Карсского). М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1869. 572 с.

9. РГВИА. Ф. 395.

10. РГВИА. Ф. 444.

11. РГВИА. Ф. 450.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38.

13. *Рыженков М.Р.* Русский офицер в Сирии // *Сирия и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века.* М., 1991. С. 168–181.

14. *Фоменко И.К.* Дипломатическая миссия М.И. Кутузова. Карта Константинополя 1794 года. М.: Исторический музей, 2013. 80 с.

15. *Persen Wm.* The Russian Occupation of Beirut, 1773–1774 // *RCASJ.* 1955. Vol. XLII, Pt. III–IV. P. 275–286.

16. *Quenou Paul, du.* Arabs under Tsarist Rule: The Russian Occupation of Beirut, 1773–1774 // *Russian History,* 2013. Vol. 41, Issue 2. P. 128–141.

УДК 910-262
ББК 26.89г(53)

М.Е. Малевинская

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ПЛАВАНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ КОРАБЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (по фондам Российского государственного архива Военно-морского флота)

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены плавания в Средиземном море российских военных кораблей и их описание в таких источниках, как рапорт, официальная переписка и личный дневник, представляющих разнообразные сведения о странах этого региона с конца XIX до начала XX вв.

Ключевые слова: Средиземное море, Российский военно-морской флот, Российский государственный архив Военно-морского флота, рапорты, средиземноморские порты, международные отношения, торговля, экономика.

С середины XIX века заметно участились дальние плавания российских военных кораблей, которые составили одну из славных страниц в истории отечественного флота. Русский флаг с честью развевался в разных морях, и российские эскадры плавали сообразно с политическими видами правительства как в Средиземном море, так и в Восточном (Тихом) океане [5, оп. 1. д. 28. л. 83 об.]. Документы о дальних плаваниях собраны в фондах РГАВМФ.

В 1856 г. из Кронштадта в Средиземное море была отправлена эскадра под флагом контр-адмирала Е.А. Беренса, состоявшая из винтового корабля «Выборг», фрегата «Полкан» и парусных судов: фрегата «Кастор», брига «Филоктет» и пароходо-фрегата «Олаф». Фрегат «Полкан» был назначен в Грецию в распоряжение российского посольства, а «Филоктет» — в распоряжение посольства в Константинополе; остальные суда эскадры должны были оставаться в Ницце и Генуе на время пребывания за границей вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Летом 1857 г. корабль «Выборг», фрегат «Кастор» и пароходофрегат «Олаф» вернулись в Кронштадт, остальные суда эскадры Е.А. Беренса остались за границей при посольствах. В 1858 г. эскадра под командованием контр-адмирала К.И. Истомина в составе корабля «Ретвизан», пароходо-фрегата «Рюрик», фрегата «Громобой», корветов «Баян» и «Медведь» отправилась в Средиземное море. Корветы «Баян» и «Медведь» имели особое назначение — состоять в распоряжении российских миссий в Афинах и Константинополе, а фрегат «Громобой» и пароходо-фрегат «Рюрик» были определены в непосредственное распоряжение великого князя генерал-адмирала. Создание эскадры под командованием И.А. Шестакова было вызвано сложной обстановкой в странах ближневосточного региона, где проходили межконфессиональные столкновения. Россия, основываясь на положения Парижского договора 1856 г., совместно с европейскими государствами выступила на за-

щиту христиан, проживавших в этих странах. Именно с этой целью в июле 1860 г. из Кронштадта в Средиземное море отправился фрегат «Генерал-адмирал» под командованием капитана 1 ранга И.А. Шестакова. В конце августа в Бейруте он встретился с фрегатом «Илья Муромец», который ранее входил в состав эскадры контр-адмирала Ф.Д. Нордмана и был оставлен в распоряжении российского посланника. Здесь И.А. Шестаков получил сообщение, что высочайшим повелением от 22 августа 1860 г. ему предписано поднять на фрегате «Генерал-адмирал» брейд-вымпел отрядного начальника [10, оп. 1, д. 1, л. 12, 20]. Приказом по отряду 29 августа 1860 г. И.А. Шестаков объявил о своем назначении начальником отряда судов у берегов Сирии [10, д. 14, л. 1], а 3 сентября было внесено уточнение о преобразовании должности в начальника (а с ноября — командующего) эскадры в Средиземном море [10, д. 14, л. 1]. Местом постоянного пребывания эскадры была избрана Смирна (современный Измир в Турции), имевшая удобную якорную стоянку, откуда корабли эскадры периодически могли выходить для крейсерства в район сирийского побережья [10, д. 1, л. 22–22 об.]. 10 мая 1861 г. контр-адмирал И.А. Шестаков получил предписание управляющего Морским министерством не отправлять фрегаты в Балтийское море, а соединить всю эскадру на Бейрутском рейде к началу июня [10, л. 40–41 об.]. В июле к эскадре присоединился корвет «Сокол», а в августе — корвет «Ястреб». В августе–сентябре 1861 г. эскадра находилась в Средиземном море и заходила в Бейрут. В 1861 г. были значительно уменьшены денежные ассигнования Морскому министерству, что, в свою очередь, привело к ограничению дальних плаваний. В 1862 г. в заграничном плавании находились 32 паровых и 1 парусное судно, что составило примерно одну седьмую от общего числа судов, задействованных в кампании этого года [5, оп. 1, д. 30, л. 24.], но финансовые соображения настоятельно требовали дальнейшего сокращения расходов на заграничные плавания, поэтому некоторые суда были возвращены в Россию без замены. Во Всеподданнейшем отчете по флоту и морскому ведомству за 1862 г. было отмечено, что «Плавания за границею эскадр и отдельных судов продолжаются без промежутков с 1856 г. и принесли, без сомнения, флоту огромную и ничем не заменимую пользу» [5, л. 25 об.] В конце 1862 г. Морское министерство вынуждено было уменьшить смету до крайних пределов, что привело к еще большему сокращению программы плавания на 1863 г. Но, несмотря на это, в кампанию 1863 г. все же было вооружено 204 паровых и 32 парусных судна, за границей было соответственно 29 и 1, т.е. одна восьмая от общего числа [5, д. 31, л. 11 об.]. В октябре 1865 г. последовало высочайшее повеление об ограничении сметы морского ведомства до 16,5 млн рублей. По этой причине в 1866 г. дальние заграничные плавания были приостановлены, но по крайней необходимости для проведения практического плавания с гардемаринами и кондукторами в океан был послан фрегат «Светлана», а для плавания с великим князем Алексеем Александровичем — отряд судов, состоявший из фрегата «Ослябя» и корвета «Витязь» [8, оп. 2, д. 1955, л. 41 об.]. В начале 1868 г. политические обстоятельства, во многом связанные с восстанием на о. Крит против властей Османской империи за присоединение к Греции, побудили расширить до сего времени ограниченную программу плаваний. Во Всеподданнейшем отчете за этот год отмечалось, что «Восстание на острове Кандия (1) и посылка судов в Греческие воды и плавание в Греческих водах никогда не изгладится из памяти наших страждущих единоверцев на Востоке» [5, оп. 1, д. 34, л. 21]. В течение 1867–1869 гг. бюджет

Морского министерства по-прежнему был очень ограничен и составлял, как уже упоминалось выше, всего 16,5 млн рублей, в то время как англичане имели 68,9 млн рублей, а французы — примерно 37 млн рублей [5, л. 112]. В 1870 г. в заграничном плавании находилось 19 судов, в 1871 — 21, а в 1872 — уже 23 [5, д. 37, л. 27 об.—29]. Присутствие в различных водах русских морских сил помогало охранять интересы и достоинство Российского государства. Морское начальство видело в этих плаваниях не только лучшее средство подготовить отличных офицеров и опытные команды, но еще и возможность для офицеров ознакомиться с отдельными странами.

В 1886 г. был расформирован отряд Средиземного моря, там было оставлено лишь по одному судну в Константинополе и Пирее для несения *стационарной службы* (2). В январе 1892 г. в Средиземном море был сформирован временный отряд, состоявший из крейсеров 1 ранга «Дмитрий Донской» и «Минин», крейсера 2 ранга «Забияка» и мореходной канонерской лодки «Уралец», который посетил Александрию, Порт-Саид, Пирей, острова Архипелага, а также некоторые порты Малой Азии. В марте отряд был расформирован и суда пошли по различным назначениям. В 1893 г. по примеру прежних лет вновь была сформирована эскадра Средиземного моря, совершившая ряд заходов в различные порты.

Далее нужно упомянуть период 1906–1909 гг., который следовал непосредственно за годом окончания Русско-японской войны и первой русской революции, именно по этим причинам его начало носило преимущественно ликвидационный характер, отразившийся и на плавании судов. После окончания войны суда в большинстве своем нуждались в капитальном ремонте. Значительное число нижних чинов было уволено в запас, что привело к некомплекту многих экипажей. Естественно, что все это вместе взятое не позволяло развивать плавания в надлежащей мере в течение первых лет этого периода.

В Черноморском регионе суда находились в основном лишь для несения стационарной службы и состояли в распоряжении российских дипломатических представителей в Турции, Греции и Румынии. Весной 1909 г., ввиду происходивших в турецких портах Средиземного моря и Архипелага волнений и беспорядков, для несения стационарной службы в водах Архипелага помимо находившихся там двух канонерских лодок, был направлен крейсер «Олег». И хотя вскоре события в Турции потеряли свой тревожный характер, крейсер был оставлен в Средиземном море, так как вполне соответствовал типу судов, посылаемых для этой же цели остальными государствами. Крейсер нес службу в этом регионе вплоть до декабря 1909 г.

В 1910 г. напряженное политическое положение на Ближнем Востоке потребовало нахождения в водах Архипелага одного корабля большого водоизмещения, для чего был избран крейсер «Адмирал Макаров». 28 марта крейсер прибыл в Алжир, а 3 апреля направился в Пирей, куда пришел 7 апреля. С конца апреля «Адмирал Макаров» исполнял обязанности стационара в Суде, но уже в сентябре появилась возможность вернуть корабль на Балтику [5, с. 94–95]. В это же время канонерские лодки и яхта «Колхида», как и прежде, исполняли роль судов-стационаров, находящихся в распоряжении российских дипломатических представительств. Эти суда в течение года неоднократно совершали практические плавания по островам Архипелага, посещая при этом побережье Малой Азии и порты восточной части Средиземного моря [5, с. 134–135].

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война явилась тяжелым испытанием для Морских сил России, окончание переоборудования которых предусматривалось судостроительной программой только в 1916 г. В начале года отдельные суда Балтийского флота совершили следующие плавания: крейсер «Богатырь» находился в Средиземном море с учениками кронштадтской школы юнг (3) и до конца апреля последовательно посетил Александрию, Яффу, Чесменскую бухту, Смирну, Наварин, Мальту, Палермо, Гибралтар и т.д. В Кронштадт они вернулись 20 апреля. Во время пребывания в Яффе офицеры и команда крейсера посетили Иерусалим для поклонения Святым местам.

Все плавания подробно фиксировались в различной служебной документации, в том числе вахтенных журналах и рапортах начальников эскадр, отрядов и командиров отдельных судов.

В Средиземном море, как уже отмечалось выше, практически постоянно базировались русские эскадры. Содержание рапортов, представленных из этого региона, весьма разнообразно — это качество провизии и цены на нее, описание портов Сирии, Турции, Египта, состояние флота этих стран. Подробное освещение в них получили и политические выступления в Турции, Египте, а также вопросы экономического состояния и перспектив развития государств, расположенных в этом регионе. При этом следует отметить, что в большинстве случаев составитель рапорта давал свое видение того или иного события, основываясь на личных наблюдениях или сведениях из местной прессы.

В июне 1860 г. фрегат «Илья Муромец» под командованием капитан-лейтенанта О.П. Пузино находился на Бейрутском рейде. В рапорте от 4 июня он указывал, что фрегат задерживается в данной точке по настоянию генерального консула в Сирии и Палестине, который полагал, что пребывание фрегата на местном рейде при настоящих обстоятельствах необходимо. К рапорту прилагалась копия отношения генерального консула статского советника А.Ф. Бегера от 3 июня, в котором говорилось о том, что прибытие фрегата на Бейрутский рейд было в высшей степени счастливым стечением обстоятельств, так как незадолго до этого в Ливанских горах разразилась война между друзьями и маронитами (4), повергшая христианское население Ливана в крайне бедственное положение. Эта война распространила панический страх и в самом Бейруте. Все христиане города и живущие в нем европейцы считали себя не в безопасности, поэтому с чувством искренней благодарности они приветствовали появление русского флага. Учитывая это, Бегер просил продлить пребывание фрегата в Бейруте, отмечая, что край еще далеко не спокоен и война друзей с маронитами могла подвергнуть опасности жизнь и имущество как русских подданных, так и всех европейцев и христиан вообще. Обращение консула завершалось следующими словами: «Удаление русского флага при таких обстоятельствах будет не совместно с тем участием, которое Россия питает к своим единоверцам на Востоке» [2, с. 173–175]. Через 12 дней, то есть 16 июня О.П. Пузино сообщил о прибытии в Бейрут английского и турецкого военных кораблей (последний доставил турецкий батальон) и о сильных волнениях в городе, которые произошли 11 июня в результате убийства мусульманина христианином с Ливанских гор. В рапорте отмечалось, что христианское население города считало себя в большой опасности, поэтому «<...> кто только мог из христиан, сажались на пароходы и суда, стоящие на рейде, и провели этот и следующий за тем день на судах: волнение успокоилось только после казни несчастного христианина, осужденного трибуналом города. <...> Мусульмане

несколько успокоились, но христиане, видя совершенное бессилие власти и не считая себя в безопасности и в Бейруте, толпами садятся на иностранные пароходы и ищут спасения в бегстве» [2, с. 175–176]. Начальник отряда судов у берегов Сирии И.А. Шестаков 28 августа того же года в представленном в Петербург рапорте давал свое видение проблемы, в том числе и относительно позиции российских дипломатических представителей, отметив, что «Пребывание наших судов в Бейруте не может быть вполне подчинено требованиям наших дипломатических агентов, и зависит, непременно, от чисто морских условий» [13, с. 39, 42–43].

Он же в рапорте от 7 сентября сообщал: «Я надеюсь, что совместное пребывание различных эскадр в Бейруте облегчит путь к взаимному согласию, вследствие которого значительно уменьшится бесполезная трата пороха» [3, с. 44–46].

По распоряжению Шестакова фрегат «Илья Муромец» был послан в Латакию, и прибытие его «<...> немало успокоило православное население, уверенное, что с русским флагом нераздельно искреннее сочувствие к нему» [3, с. 46].

Помимо официальных рапортов можно отметить и личную переписку И.А. Шестакова с аппаратом Морского министерства в Санкт-Петербурге. Например в письме к Н.К. Краббе от 10 декабря 1861 г. речь, в частности, идет о состоянии здоровья российских моряков: «К сожалению мне не пришлось в голову вести аккуратные записки о состоянии здоровья на стоявших с нами эскадрах и я могу только сказать известное всем в Бейруте, что сравнительно с французами и в особенности с англичанами здоровье наших команд было удовлетворительнее; <...> Считаю нужным прибавить еще одно замечание: вообще команды наши вынесли первое лето в Сирии очень хорошо, но те, которым пришлось провести второе, видимо, ослабели, и есть материальные факты, высказывающие справедливость моего заключения, что продолжительность пребывания в Сирии должна быть принята в расчет, сравнивая отчеты о больных. Факты эти осязательно объясняют восприимчивость команд к болезням, в особенности дизентериям. <...> Без ущерба северному организму нельзя потеть день и ночь в продолжение пяти месяцев. Этими фактами объясняется неудовлетворительное состояние здоровья наших экипажей, хотя Сирия, привычными к ее климату, не считается нездоровым краем. Впрочем, кажется, нынешний год был исключительный, по последним известиям из Бейрута, там около 20 т. [тыс.] больных, чего прежде никогда не бывало. Скопление нищеты вследствие прошлогодних событий в Дамаске и Ливане, конечно не мало способствует развитию болезненности в приморских пунктах Сирии, куда все гонимые притекли искать убежища. Как бы то ни было, я твердо убежден, что два лета сряду у палимых берегов Сирии изнурят всякую команду и, если обстоятельства заставят содержать там крейсеров, постараюсь распорядиться таким образом, чтобы каждый оставался не более одного жаркого сезона» [6, оп. 1, д. 1136, л. 15–17].

Далее отмечается, что «за полтора года нашей Сирийской опытности мы заплатились 25-ю умершими и несколькими расслабленными до такой степени, что вряд ли можно надеяться на совершенное восстановление сил их. На эскадре всего было 2900 человек, следовательно, итог смертности не поразителен, но нужно прибавить, что он весь падает на фрегаты, т.е. на балтийские суда. На двух черноморских корветах смертных случаев не было с тех пор,

как они поступили в состав эскадры, что должно приписать, помимо лучшего состояния здоровья людей поступающих рекрутами для комплектации Черноморской флотилии, тому обстоятельству, что оба корвета были у берегов Сирии весьма короткое время» [6, л. 17об–18].

Спустя 22 года в сентябре 1882 г. генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович (5) доносил посланнику в Константинополе: «При нынешних обстоятельствах появление нашего судна у берегов Сирии будет иметь, несомненно, благотворное и успокоительное влияние на наших единоверцев, которые не видели русского военного флага с 1860 года. Особенно обрадуются жители Бейрута, которые еще живо и с признательностью вспоминают, как в упомянутом году случайное появление на рейде русского корвета было причиной того, что христиане были избавлены от неминуемой резни, которая угрожала им со стороны фанатической мусульманской черни <...> Они (местные жители-христиане) вообще удивляются, что в продолжение 22 лет никакое русское военное судно не показывалось у берегов Сирии, между тем как в Средиземном море постоянно находилась русская эскадра» [8, оп. 2, д. 4150, л. 11–12 об.].

Просматривая рапорты командиров судов, входивших в состав Средиземноморской эскадры, можно отметить, что в них нашел отражение вопрос и о бежавших из России евреях. Например, в апреле 1906 г. в рапорте командира канонерской лодки «Кубанец» капитана второго ранга В.К. Ревелиоти главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря приводятся следующие сведения: «Из разговора с Кайманом выяснилось, что за последние четыре месяца прибыло в Иерусалим и Яффу около 1500 евреев из России и что большинство из них имеет хорошие средства» [12, оп. 1, д. 653, л. 151 об.].

Командир канонерской лодки «Уралец» капитан второго ранга И.С. Кузнецов в рапорте морскому министру 01 марта 1909 г. докладывал о необходимости расширения зоны присутствия российских военных кораблей в Средиземноморском бассейне: «Посетив порты Малоазийского и Сирийского побережья Турции, считаю нужным упомянуть в своем донесении о следующем. Большая часть наших консулов начинали разговор с сожалений, что русские военные суда редко посещают эти порта, а между тем это очень важно для подъема престижа России во мнении как турецких правящих сфер, так и турецкого населения <...> насколько мне удалось во время визитов познакомиться с несколькими официальными лицами-турками, я мог заметить, что люди стоящие у власти, интересуются нашим флотом, например: недавно назначенный генерал-губернатор Бейрута, человек (по отзывам нашего Генерального консула) образованный, работающий и настойчивый, во время ответного визита у меня сравнивал турецкий стационар в Бейруте «Мармарис» с «Уральцем» и правильно судил о нашей артиллерии — что она новая и что лодка много сильнее «Мармариса». В этом же рапорте нашлось место и «еврейскому вопросу»: «<...> по рассказам нашего консула в Яффе на 30 января арабами был назначен погром евреев, большинство из которых считаются русскими подданными. Случайно в этот день пришла лодка и погром не состоялся <...> население объясняло приход лодки защитой русских подданных» [12, д. 761, л. 136–136 об.].

Весьма насыщен разнообразными сведениями и рапорт командира канонерской лодки «Донец» капитана второго ранга М.И. Каськова морскому министру от 2 декабря 1910 г. В нем, в частности, нашли отражение вопросы внутривосточного положения Сирии: « Во время пребывания в Бейруте турки сделали некоторые успехи в деле умирения друзов Хорана <...> одна-

ко здешние европейцы относятся к этому скептически и считают, что дела Турции и Сирии направляются в неблагоприятную для нее сторону. Подвоз оружия в Сирию усиливается, национальное самосознание среди друзей пробуждается. Идея свободы и помощь для осуществления ее проникают из Америки и частью из Англии, где большинство сирийского мужского населения обыкновенно находится на заработках. Хотя Бейрут и находится во владении турок, но кроме Вали и немногочисленных офицеров и чиновников турки представлены в нем незначительно. Турецкий язык здесь, пожалуй, более чужд, чем французский и английский». Дается в рапорте и оценка присутствию российского флага на сирийских берегах: «На Бейрутских жителей приход лодки “Донец”» произвел заметное впечатление. Всецело занятые делами своей внутренней политики они склонны ставить в связь с нею всякие новые и непонятные события. Многие спрашивают, зачем пришла лодка и на ответ, что это практическое плавание, недоверчиво смотрят и говорят, что «Россия снова делами стала заниматься». В ходе этого плавания лодка посетила и египетский порт Александрия, где командир встречался с руководителями различного ранга, в том числе и с вали (6), который, как отмечено в рапорте, очень много говорил относительно существующего политического положения Турции и указывал на отсутствие в среде младотурок политических и государственных деятелей, а также на предстоящий правительственный кризис, бедственное финансовое положение страны и невозможность для нее самостоятельно занять прочное государственное положение. И практически без каких-либо отступлений, сразу после информации, отражающей официальную сторону этого плавания, приводятся сведения о ценах на продовольствие. Например, пуд мяса стоил около 8 рублей и при том неудовлетворительного качества. Убойный скот доставлялся из Сирии, а наиболее лучшие сорта, но в довольно малом количестве привозились из Сербии. Отмечалось и то, что в последнее время на местных рынках в большом количестве стало появляться австрийское мороженое мясо. Далее дается развернутая оценка состояния и перспектив России в торговле с Египтом: «Сравнительная близость Египта к богатому южно-русскому побережью Черного моря естественно создает из этой страны богатый рынок для наших продуктов. Наше южное железо должно получить широкое распространение в Египте, когда стоимость его в России не будет вздутой. Теперь оно не может конкурировать с бельгийским, хотя и худшим по качеству, но имеющим цены ниже наших заводских. Русский сахар (песок) идет здесь на слабиривание тростникового, который в большом количестве отправляется в Европу. В русской муке все более и более нуждаются, так как без нее из местной муки нельзя приготовить европейский хлеб, а только плоские арабские лепешки. В большом почете также и наш лес. Спрос на лес здесь вообще велик: в гавани в настоящее время много парусных барок с лесом и главным образом шведским, который легко конкурирует с русским и австрийским. Русские товары здесь в почете, но на рынке их мало, как объясняют вследствие того, что русские фирмы не согласны открывать кредит Александровским купцам, между тем как прочие иностранцы кредитуют их при условии, чтобы платежная способность гарантировалась здешними иностранными банками, в обязанности которых входит следить за кредиторами. Очевидно, что для развития нашей торговли необходим русский банк». Весьма любопытны и заключительные абзацы рапорта, в которых командир лодки высказывает свое видение решения вышеуказанных вопросов: «Таким образом, напрашивается

мысль о том, что развитию Египта может быть дан новый толчок, что вызовет новое обогащение населения, а вместе с тем возможное усиление нашего товарообмена с ним. Россия, по моему мнению, должна изучить экономическое положение Египта и приготовиться не упустить момента для использования благоприятного случая в отношении товарообмена с ним, для чего конечно необходимо ряд планомерных мероприятий с нашей стороны. В противном случае в русской торговле в Египте постоянно будут наблюдаться явления вроде того, что русский сахар ввозят в Египет через Данию на английских и немецких пароходах кругом Европы, т.е. сахар проходит путь в 4 раза больше, чем расстояние между Одессой и Александрией. Или вроде того, что русская мука отвозится в Марсель, где раскладывается в новые мешки и тогда уже посылается в Египет. По моему мнению, было бы более правильным открыть банк для внешней торговли не в Константинополе, а в Александрии, где 17 иностранных банков прекрасно работают, кроме того, необходимы постоянные финансовые агенты» [9, оп. 1, д. 637, л. 200–205 об.].

В его же рапорте от 07 января 1911 г. довольно широко освещаются вопросы политического характера: «<...> Арабы и другие народы Сирии все более и более стремятся к национальной независимости. Не успели турки усмирить Хоран, область лежащую в тылу Ливана, как восстал Керак, тыловая провинция Палестины, теперь ожидают восстания в Газе и других местах Сирии. Арабы в Бейруте открыто говорят, что Султан не имеет права на Калифат и что они должны иметь своего природного Калифа, который должен быть избран из фамилии Хабейши (в Медине); <...> Вообще в Бейруте иностранцы предсказывают ряд различных сюрпризов в политической жизни Турции и, главным образом, в Сирии». В рапорте выделен и вопрос иностранного присутствия в Сирии, рассматриваются интересы Англии и Германии в этом регионе, а также дается некоторый экскурс в прошлое, ставится вопрос об автономии Сирии и условиях, при которых это может случиться: «Наиболее заинтересованной в Сирии является Англия. Германия все получила, что могла и в ее выгодах вернее поддерживать Турецкое правительство. Англия же добивается с 40-ых годов прошлого столетия упрочения в этом районе, но пока безрезультатно. В 1830 г. была послана экспедиция в Месопотамию для исследования ее. Экспедиция наметила восстановление культуры этого края при условии соединения его железнодорожными линиями с портами Сирии. В настоящее время этот вопрос так сказать перехвачен Германией, проводящей Багдадскую дорогу, и Англия уже не может получить от Турецкого правительства концессию на проведение путей, конкурирующих с Багдадской дорогой. Значит, только автономия Сирии может разрешить этот вопрос благоприятно для Англии. Создание такого политического положения, за которым мог бы встать вопрос об автономии Сирии не представляется трудным. Достаточно, например, того, чтобы арабы обложили и отрезали Иерусалим в один из праздников Пасхи, как все державы двинут свои флоты и десанты в Яффу для защиты своих подданных в Иерусалиме, и тогда вопрос об автономии Сирии поднять не трудно. Может быть даже такое событие, в котором нам, конечно, придется играть видную роль, осуществится в недалеком будущем. Заинтересованные в Сирии англичане, по-видимому, не теряют время, пропаганда среди арабов ведется интенсивно, в Бейруте пришлось слышать как англичане с нескрываемым удовольствием говорили о распространении среди арабов английского языка». И как предупреждение России на ближайшее будущее звучит концовка рапорта: «Но так

как в Сирии вообще и в частности в Палестине замешаны и русские интересы, то наше безучастное отношение к назревающим событиям может отразиться в будущем значительными для нас затруднениями» [9, д. 743, л. 4–9].

Помимо служебной документации в фондах архива сохранилось незначительное количество источников личного происхождения, содержащих информацию о плавании в водах Средиземного моря и посещениях различных стран и портовых городов. В первую очередь можно назвать несколько дневников, принадлежавших лейтенанту фрегата «Олег» Феодосию Николаевичу Челееву (7), рулевому крейсера «Память Азова» Коршунову и машинисту первой статьи крейсера «Владимир Мономах» Афанасию Максимовичу Брагину (8).

В дневнике Ф.Н. Челеева довольно подробно дается описание портовых городов. Так, о Бейруте, в который они пришли 20 июня 1861 г., автор пишет: «С моря Бейрут красив как все, даже более чем все восточные города, виденные мною, город в полном смысле тонет в садах, из-за их зелени виднеются плоские крыши домов, минареты<...>, правая часть города расцветена флагами консулов всевозможных наций. За городом тянутся Ливанские горы, на вершинах их чуть заметно рисуются кедры; по левую сторону горы, набегая к самому берегу, становятся все выше и скалистее, у подошв их тянется полоса зелени. Вся маленькая бухта, заменяющая здесь пристань, покрыта пестрыми людьми, одни сидят, поджавши ноги на самом краю пристани, другие толкаются под навесами, пристают ко всем европейцам и выпрашивают денег. С первым шагом по варварской мостовой Бейрута пропадает вся прелесть Востока, чарующая садами с моря: грязь, отвратительные запахи, толкотня, какие-то полуразвалившиеся дома, большею частью оборванные арабы и мальчишки, навьюченные ослы, вот и все что встретишь в городе» [6, оп. 2, д. 339, л. 75–75 об.]. «На улицах встречаются магазины на европейский лад. Кабриолеты, английские седла и даже нередко встречаешь правоверного с зонтиком в руках, чего уж решительно не увидишь в других городах Сирии, но все это можно найти только в известном квартале города, недалеко от пристани, а дальше пойдут кривые улицы с грязными лавочками вроде больших окон, на сводах которых лохмотьями висит паутина, в глубине таких окон сидят важные седоки в чалмах и спокойно потягивают кальян» [6, л. 77].

Автор описывает различные бытовые сцены из жизни города, которые ему довелось увидеть во время пребывания на берегу. На страницах дневника он сообщает и об эвакуации нескольких христианских семей, пострадавших в Дамаске, в том числе двух арабских православных священников [6, л. 79 об.].

Нашло отражение в дневнике и посещение экипажем Иерусалима. На корвете «Сокол» они прибыли в Яффу, откуда уже и отправились к месту назначения. Ф. Челеев очень подробно рассказывает обо всем, что было по пути в Иерусалим [6, л. 85 об.], не менее подробно описываются и сам город Иерусалим, и встреча на въезде с русскими крестьянами. В сопровождении русского драгомана они совершили пешую прогулку по городу, а затем побывали у него дома, где их встретила его жена-арабка, которая потеряла всю свою родню в Дамаске и сама спаслась от смерти лишь случайно, она неплохо владела русским языком, который выучила от няни своих детей. Автор дневника особо остановился на посещении Святых мест в Иерусалиме: «Даже сам храм Гроба Господня не совершенно во владении христиан. Ключи от церковных ворот хранятся у турок и поклонники не могут входить в храм, когда пожелают, а должны выждать установленного времени, потому они входят сюда перед закатом

солнца, с закатом турки запирают храм до рассвета и поклонники остаются здесь всю ночь. Я тоже несколько ночей провел у Гроба, тем охотнее, что ночью внутренность храма принимает характер совершенно другой, нежели во время дня. — Днем присутствие мусульман и арабов, выпрашивающих бакчишь, толкотня у пещеры и на Голгофе делают Иерусалимский храм похожим несколько на восточный базар; ночью же, напротив, в храме царствует невозмутимая тишина, поклонники, уснувшие в ожидании полуночной службы, жмутся по стенам и около громадных колонн, поддерживающих купол, кое-где дрожит огонек оставленной свечи, скользит по золоченому иконостасу, осветит святой лик, да отразится в заплаканных глазах черной фигуры, стоящей на коленях». [6, л. 92—92 об.].

Помимо Иерусалима моряки побывали в Вифлееме и на Иордане, о чем также подробно идет речь на страницах дневника. О климате в дневниковых записях написано, что «иногда с моря появляется зыбь, закачаются суда, вся набережная города покроется пеной прибоя, а ветра все нет — а об дожде нечего думать, на небе во все четыре месяца, проведенные мною у берегов Сирии, не показывались тучки — вечно голубое, вечно чистое. Раз только во время стоянки у Кайфы небо покрылось легкими облаками, задул ветерок и занес на палубу фрегата несколько дождевых капель» [6, л. 113 об.—114].

Также очень подробно описывается и поездка в Ливанские горы, которую настоятельно рекомендовали совершить офицеры других фрегатов, т.к. они считали, что туда надо непременно ехать, чтобы иметь понятие о природе Сирии [6, л. 116—126 об.].

Особо следует подчеркнуть, что среди весьма незначительного количества личных дневников, сохранившихся в фондах архива, огромной редкостью являются дневники нижних чинов. Говоря о плаваниях российских военных кораблей в Средиземном море, мы можем обратиться сразу к двум документам, которые содержат информацию о заграничном плавании крейсера «Память Азова» в 1893—1898 гг. и крейсера «Владимир Мономах» в 1897—1900 гг. Оба эти документа представляют несомненный интерес сразу по нескольким аспектам. Прежде всего, если мы сравним чисто внешне уже упомянутые выше дневники рулевого Коршунова и машиниста Брагина, то первое, на что должны обратить внимание, — это почерк. В первом случае это каракули, как у человека только-только научившегося писать, а во втором — уже довольно хорошо поставленная рука, но сразу надо отметить, что в этой рукописи практически отсутствуют знаки препинания. Очень часто в дневнике А. Брагина цитируются различные литературные произведения, но нас, естественно, более всего интересует, как оба автора видят службу на корабле, как описывают посещение различных заграничных портов, отношение местных жителей к русским морякам и т.п.

В период с 16 по 18 марта 1894 г. Коршунов описывает пребывание в г. Бейруте, отмечая, что «Неподалеку от самого города Бейрута проживал в прежнее время здесь Св. Великомуч[енник] Георгий Победоносец и здесь же он убил змия на коне своем...» [11, оп. 1, д. 2, л. 39].

В середине дня 19 марта по пути следования из г. Бейрута в г. Александрию прошли мимо г. Яффы, о чем свидетельствует следующая запись: «г. Яффа на берегу моря стоит. Самый ближайший город к Иерусалиму, куда завсегда больше богомольцы на пароходах приходят...» [11, 39 об.].

21 марта вошли в гавань г. Александрии, о которой написано: «Александрия город этот еще в языческую эпоху процветал и славился во всем мире.

В настоящее время для христиан он дорог по многим священным воспоминаниям. Св[ятой] Евангелист Марк положил здесь основание православной веры. Полагают также, что Св[ятой] Евангелист Лука здесь написал Св[ятое] Евангеле. Есть там и теперь скромный монастырь Св[ятого] Саввы. Левый предел монастыря посвящен Св[ятой] Великомуч[еннице] Екатерине, тут же и показывают колон[н]у на коей была истязуема и потом обезглавлена угодница Божия...» [11, 39 об., 42].

Александрию корабль покинул 31 марта, до ноября он базировался в Пирее, откуда 22 ноября начал передислокацию на Дальний Восток. Последнее упоминание о средиземноморском регионе относится к 25 ноября: «25 ноября на 26-е подошли к египетскому берегу к Порт-Саиду. 26 в 7.30 утра вошли в Порт-Саид, в 9 утра встали на бочку и пришвартовались к стенке. Порт-Саид стоит на берегу моря при входе в Суэцкий канал из Средиземного моря. Город стоит очень прекрасно раскинутый на песчаной равнине, местность точно картина. Жительство большая часть египтяне. Европейцев здесь русский консул и также прочих всех держав консула и агентства и всех пароходов общества. Население православных христиан до 3000 человек, православная церковь одна» [11, л. 56 об.].

Афанасий Брагин на страницах своего дневника отразил стоянку в г. Алжир, куда крейсер «Владимир Мономах» прибыл вечером 28 ноября 1897 г.: «Город Алжир расположен на берегу Средиземного моря. Весь город расположен на склоне довольно высокой горы. Вставши в гавани или на рейде Алжира ясно виден совершенно весь город. Подходя с моря первое, что бросается, все строения Алжира от богатого дома до бедной лачужки выкрашены в желто-белый цвет. Население города арабы, турки, греки и часть французов. Хотя город французский, но коренные жители его мавры. Одно из древних племен Африки, цвет кожи желто-темный. Город Алжир, благодаря своему выгодному положению с моря и защите с гор и уцелел, был самый неприступный, притон пиратов, т.е. морских разбойников — отчаянных головорезов, которые наводили страх на торговые суда Атлантического океана и Средиземного моря. Несколько раз европейские державы посылали свои эскадры покорить разбойничий притон, но всегда с большим уроном возвращались обратно восвояси. С Алжиром Англия, Испания, Германия, но все было тщетно. Наконец не так давно с большим трудом удалось покорить Алжир Франции, которая владеет и сейчас» [6, оп. 2, д. 227, л. 8 об.—9]. 9 декабря автор дневниковых записей был уволен на берег и описал это событие следующим образом: «Я ездил гулять. Пристав к пристани и поднявшись по трапу на берег по набережной великолепные магазины и едет железная дорога, которая за 12 коп. увезет за город по дачам за 25 верст по берегу Средиземного моря. В городе везде очень чисто, только ходить не удобно или в гору или под гору, а поперечные переходы по трапам. Гулять хорошо, вина дешевые: мадера, портвейн, коньяк и шампанское, если здесь заплатить 3 франка на русские деньги 1 руб. 20 коп., то у нас заплатить 4 руб. У турок костюмы интересные: штаны три аршина ширина. Ширинка ниже колен, а у женщин до самых пяток сверх одежды женщины покрыты накидками и надета чадра, которая закрывает все лицо, видать только одни глаза» [6, л. 10.].

24 января 1898 г. корабль снялся с якоря и отправился к берегам Греции, 31 января имели стоянку на острове Крит, а 1 февраля 1898 г. направились в Порт Саид, куда и прибыли 3 февраля. Город описан следующим образом: «Порт-Саид город древнего Египта под владычеством Турции, а хозяйствуют

в нем англичане. Народ египетский смуглые древние жители Египта семиты. Трудолюбивый и умный народ, но их совсем мало, ...из племен фараонов чернокожий араб, смуглый грек и желто-вороной турок и рыжий англичанин непременно с сигарой в зубах. Стояли здесь трое суток, город чистенький и красивый» [6, л. 16].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о многогранности содержания документов из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, что дает возможность использовать их в качестве серьезного исторического источника, характеризующего все стороны жизни стран Средиземноморского региона.

(1). Кандия — город на о. Крит (соврем. Ираклион), в 1669–1898 был в составе Османской империи, с 1671 г. — столица эялета (по-турецки Кандийе), с 1786 началась прямая торговля Крита с Россией: порты острова посетило 8 кораблей под русским флагом [1, с. 36], в 1866 г. началось восстание против турецких властей (представители разных областей в горах образовали Генеральную ассамблею Крита, которая провозгласила декрет об уничтожении навсегда на о. Крит власти османского правительства и на вечном присоединении Крита к Греции); 25 сент. 1866 г. в бухту Суда прибыл русский военный корабль «Генерал-адмирал», крупнейший в российском флоте парусно-паровой деревянный фрегат, с экипажем 793 человек, командир капитан I ранга Иван Иванович Бутаков [4], а также военные корабли Англии, Франции, Пруссии, Италии с официально заявленной целью защиты интересов своих подданных и дипломатических агентов; бывший на борту «Генерал-адмирала» русский консул в Янине А.С. Ионин изучал обстановку на острове и возможность оказания помощи восстанию. [14; 15].

(2). Стационар — корабль, находящийся на относительно длительной стоянке («на станции») в иностранном порту и состоящий в подчинении главы официального дипломатического представительства своего государства. Служил средством поддержания и влияния дипломатического представительства в данной стране. Попутно использовались для разъездов вдоль побережья, доставки почты, курьерской и посыльной службы. В случаях дестабилизации обстановки в стране или обострения отношений с ней стационары обеспечивали (с помощью десантных отрядов) охрану или эвакуацию состава дипломатической миссии и др. граждан своей страны. Стационары были одним из факторов военно-морского присутствия в данном районе моря. Практика их использования была особенно распространена в XIX — нач. XX века, когда принадлежавшие ведущим морским державам стационары, сменяя один другого находились в главных портах Ближнего и Дальнего Востока. В качестве стационаров обычно использовали корабли малого и среднего водоизмещения.

(3). Школа осуществляла подготовку нижних чинов-специалистов.

(4). В 1841–1860 гг. на Ливане происходили вооруженные столкновения между этноконфессиональными общинами маронитов и друзов. В этих событиях немалую роль играли политика османских властей, стремившихся восстановить свое влияние на Ливане, и европейских держав, соперничающих за свое влияние на Ближнем Востоке, причем Франция традиционно поддерживала маронитов, а Великобритании — друзов.

(5). Петкович Константин Дмитриевич (1827–1897), русский дипломат, консул России в Черногории, генеральный консул в Бейруте, один из активных деятелей Императорского Православного Палестинского общества.

(6). Вали — в Османской империи наместник, генерал-губернатор провинции, вилайета.

(7). Челеев Феодосий Николаевич (1837–1916) из дворян Костромской губернии, православный, воспитывался в Александровском и Морском кадетском корпусах. 04.05.1855 г. произведен в мичманы. С 5 октября 1860 г. по 9 июля 1862 г. проходил службу на фрегате «Олег» в Балтийском море и за границей. 01.01.1862 г. присвоено звание лейтенант. В 1863 г. переведен на корвет «Сокол». [7, оп. 3, д. 659, ч. 2, л. 342–345.].

(8). Брагин Афанасий Максимович (род. 17.01. 1872 г.) из крестьян Архангельской губернии, Холмогорского уезда, Медведовской волости, д. Анфимовской, православный. Призван в 1894 г. В 1894–1896 гг. службу проходил на пароходе «Ильмень», в 1897 г. на блокшиве «Стрельна», а с сентября 1897 г. и до окончания службы в 1900 г. — на крейсере «Владимир Мономах» [13, оп. 1, д. 217, л. 40 об.—41].

ИСТОЧНИКИ

1. Арш ГЛ. Этеристское движение в России. М., 1970. 112 с. — Привед. документы русской миссии в Константинополе (с. 36).
2. Морской сборник. 1860, № 9. Официальные статьи и известия.
3. Морской сборник. № 12. Официальные статьи и известия.
4. Морской Энциклопедический словарь. Т. 1. Л.: Судостроение, 1991. 504 с.
5. РГАВМФ Ф. 167. Всеподданнейшие отчеты по флоту и морведу (коллекция).
6. РГАВМФ Ф. 315. Материалы по истории русского флота (коллекция).
7. РГАВМФ Ф. 406.
8. РГАВМФ Ф. 410. Канцелярия Морского министерства.
9. РГАВМФ Ф. 418. Морской Генеральный штаб.
10. РГАВМФ Ф. 541.
11. РГАВМФ Ф. 574. Память Азова», учебное судно Балтийского флота.
12. РГАВМФ Ф. 920. Севастопольский порт.
13. РГАВМФ Ф. 986.
14. Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970. 212 с.
15. vokrugsveta.ru > Энциклопедия > История Крита.

См.: рис. №№ 36—38.

УДК 94(47) : 92 + 910-55
ББК 63.3г(2)52-35
63.3(5Ирп)5-35

Б.В. Норик

В.А. КОСАГОВСКИЙ: ШТРИХИ БИОГРАФИИ

(по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива)

АННОТАЦИЯ

На основе архивных источников освещается биографии генерала В.А. Косаговского, одного из наиболее выдающихся командиров Персидской казачьей бригады, учрежденной в Иране по просьбе персидского шаха из династии Каджаров Насер ад-Дин-шаха русскими военными и действовавшей в 1879–1921 гг. под их командованием.

Ключевые слова: В.А. Косаговский; Персидская казачья бригада; русско-иранские отношения; военная история Персии.

Статья посвящена биографии одного из наиболее выдающихся командиров Персидской казачьей бригады — В.А. Косаговского. Персидская Его Величества Шаха казачья бригада представляла собой достаточно уникальную воинскую единицу. Будучи созданной в 1879 г. по инициативе персидского шаха, она формировалась из иранских подданных (ее подразделения формально возглавлялись ими), но в действительности командование осуществлялось русскими казаками, именовавшимися инструкторами. Основной задачей последних было обучение вверенной им бригады по образцу терского казачьего войска, произведшего на персидского шаха Насер ад-Дина (правил 1848–1896) неизгладимое впечатление своей выучкой и красотой формы. Во главе бригады стоял полковник Генерального штаба — «Заведующий обучением персидской кавалерии». В сущности именно он исполнял функцию русского военного агента в Персии. Его должность позволяла ему оказывать серьезное влияние на военно-политическую обстановку в Персии, способствуя проведению русских интересов в этой стране. Однако не все «заведующие» должным образом сумели воспользоваться своими преимуществами, вследствие чего к 1894 г. Бригада оказалась на грани расформирования. Именно в этот момент ее принял полковник В.А. Косаговский, который за девять лет своего пребывания в Персии сумел превратить Персидскую казачью бригаду в действенный инструмент русского влияния в этой стране, каковым она и оставалась вплоть до своего перехода под протекторат англичан в 1918 г. В 1921 г. на базе Персидской казачьей бригады (к тому времени уже получившей статус дивизии) Реза-шахом Пахлави была создана регулярная иранская армия. Генерал-лейтенант Владимир Андреевич Косаговский (1857–1918) был личностью незаурядной. Образцовый русский офицер, он оказался на острие бурных политических событий, происходивших в Персии на рубеже XIX и XX столетий, и остался в истории как один из наиболее выдающихся военачальников, защищавших интересы «русского дела» в этой стране.

Вызывает интерес вопрос о форме написания фамилии генерала. В документах, а также немногочисленных изданиях, в которых упоминается наш герой, встречается несколько вариантов написания его фамилии — «Косоговский» (принята в целом ряде прежних публикаций), «Косаговский», «Коссаговский», «Kosogowsky», «Kossagowsky», «Kossakovsky», «Cosakowsky». При этом в официальных документах нередко использовалась форма «Косоговский», а в документах, составленных самим генералом или близкими ему людьми — «Косаговский» (4). В связи с последним обстоятельством правильной следует считать форму «Косаговский». Персидский вариант начертания фамилии достаточно устойчив — «کاساکوفسکی» — «کاساکوفسکی».

Род Косаговских, судя по всему, проявил себя во времена Екатерины II. Прапрадед В.А. Косаговского Иван Савич Косаговский был прапорщиком. По межевому акту от 21 августа 1779 г. во время генерального межевания Иван Савич получил имение общей площадью 158 десятин 1870 сажен [1, оп. 1. ед. хр. 41, л. 47–55]. Оно и составило костяк будущего владения В.А. Косаговского, занимавшего столь важное место в его жизни. У Ивана Савича Косаговского было три сына: Андрей, Иоанн (поручик) и Семен (капитан-лейтенант).

Прадед В.А. Косаговского, Андрей Иванович Косаговский (род. 1771 или 1772 г.), был флотским офицером, вышедшим в отставку по болезни в 1797 г. в чине лейтенанта (вся его служба продолжалась с 1785 г. в звании кадета до 1797 г.). С 1 января 1798 г. Андрей Иванович служил заседателем Валдайского уездного суда Новгородской губернии, а с 1 января 1801 г. — заседателем Крестецкого уездного суда. 20 января 1803 г. Андрей Иванович Косаговский был переведен в Провиантский департамент и к концу 1811 г. состоял там чиновником 8-го класса с правом носить военный мундир без нашивок. Еще до начала войны, в феврале 1812 г., Андрей Иванович был командирован в г. Луцк во 2-ю Западную армию под командованием князя П.И. Багратиона (1765–1812) и включен в Полевую провиантскую комиссию. Затем он обеспечивал довольствием арьергард и авангард объединенной Западной армии, проявив в этом деле немалую расторопность (5). Дойдя со своим авангардом до Дрездена в ходе заграничных походов русской армии, А.И. Косаговский, по приказу М.А. Милорадовича (ум. 1825), принял реквизицию в 50 000 локтей (6) сукна разных цветов и около 18 000 локтей холста, которые с большими трудностями доставил в Рейхенбах (7), где сдал главному интенданту (будущему министру финансов) Е.Ф. Канкрину (ум. 1845). 10 июля 1813 г. (8) Андрей Иванович был командирован для открытия Провиантского комиссионерства российских войск при армии наследного шведского кронпринца Ж.-Б.-Ж. Бернадотта (ум. 1844) под командованием барона Ф. Винценгероде (ум. 1818). Здесь он снова оказался в переделке и спас казенные деньги, за что был дважды произведен в 7-й чиновничий класс (29 апреля и 27 мая 1814 г.). 27 сентября 1814 г. А.И. Косаговский назначен управляющим Варшавской провиантской комиссией и по-прежнему вел дела упомянутого выше Провиантского комиссионерства. 23 марта 1815 г. он был награжден орденом св. Анны 2-й степени (алмазные знаки к нему были пожалованы 1 января 1825 г.), а 7 июля того же года получил право носить на мундире нашивки, установленные Военным министерством. В дальнейшем А.И. Косаговский служил обер-провиантмейстером. 26 августа 1818 г. переведен в 6-й класс. 28 июля 1819 г. ему было единовременно пожаловано 1000 рублей за усердную

службу, а к концу года установлено 1500 рублей столовых в год. 17 апреля 1820 г. А.И. Косаговский получил титул военного советника. 3 мая 1824 г. он переведен в чиновники 5-го класса. Указом Николая I от 2 сентября 1826 г. обер-провиантмейстер 5-го класса А.И. Косаговский был награжден орденом св. князя Владимира 3-й степени. 30 апреля 1829 г. его направили для усиления в воевавшую против турок армию. В мае 1831 г. он уже доставляет продовольствие армии в Данциге (9). 10 апреля 1832 г. А.И. Косаговский был возведен в чиновники 4-го класса (10), а с 15 апреля по 1 июня того же года исполнял обязанности руководителя Провиантского Департамента в связи с командировкой генерал-провиантмейстера. 15 декабря 1833 г. он уволился со службы «за старостию лет и слабостию здоровья... с дозволением носить в отставке мундир, для чиновников Военного министерства установленный» [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 3, 14 об–17]. Андрей Иванович Косаговский был женат дважды. От первого брака родился сын Павел (28 октября 1797 г.), который от рождения слеп, нигде не служил и умер в возрасте 40 лет 10 января 1837 г. [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 13, 19], оставив после себя много детей: Андрея (род. 5 марта 1829 г.), Павла (род. 29 октября 1832 г.), Александру (род. 21 марта 1818 г.), Софью (род. 15 августа 1826 г.), Любовь (род. 4 сентября 1827 г.) и Екатерину (род. 21 октября 1831 г.). После смерти Павла его дети остались на попечении у своего деда Андрея Ивановича, поскольку супруга Павла, Александра Ивановна, также умерла [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 17 об, 19 об]. Вторично после смерти супруги А.И. Косаговский женился на Анне Герасимовне Кутузовой, от которой у него родился сын Николай (17 октября 1835 г. [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 18]. По определению Дворянского депутатского собрания от 15 февраля 1837 г. А.И. Косаговский со своей второй женой, сыном Николаем и детьми, оставшимися от Павла, по собственному прошению был внесен в третью часть родословной книги Дворянских фамилий Новгородской губернии [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 20–21].

Отец В.А. Косаговского, Андрей Павлович Косаговский, был сыном того самого слепого Павла Андреевича Косаговского и родился в Петербургской Коломне в 1829 г., поскольку был крещен в церкви Покрова Пресвятой Богородицы что в Большой Коломне (11) 10 марта 1829 г. (восприемниками были дед, А.И. Косаговский, и сестра, Александра Павловна Косаговская) [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 4]. Андрей Павлович избрал военную карьеру. 30 января 1840 г. он поступил в Морской кадетский корпус. За участие 3 декабря 1849 г. в беспорядках в Корпусе определен по Высочайшему повелению в Оренбургский линейный батальон № 2 подпрапорщиком с правом на производство в офицеры на год позже всех своих сверстников. 11 декабря 1851 г. уволен в отставку по болезни с награждением чином прапорщика ввиду того, что его сверстники по Морскому корпусу еще в августе 1850 г. были произведены в мичманы. 13 марта 1855 г. приказом по Государственному ополчению определен в дружину № 8 Новгородской губернии прапорщиком с исправлением должности казначея и квартирмейстера. 10 июня 1856 г. уволен со службы в чине прапорщика с разрешением носить на груди крест ополчения без ленты. 19 января 1857 г. награжден орденом Св. Станислава 3 ст. 12 марта 1857 г. По выбору Дворянства поступил в Валдайский Уездный Суд уездным судьей (утвержден 27 июля 1857 г.). 30 ноября 1859 г. стал коллежским регистратором. 15 апреля 1860 г. утвержден директором Валдайского уездного отделения Тюремного комитета. Неоднократно временно исполнял обязанности предводителя дворянства. 23 февраля 1861 г. произведен в губернские регистраторы,

а 14 ноября 1862 г. — в коллежские секретари. 15 декабря 1862 г. снова избран уездным судьей. 14 августа 1863 г. утвержден кандидатом мирового посредника Валдайского уезда. 3 февраля 1864 г. награжден орденом св. Анны 3 ст. 27 октября 1864 г. уволен в отставку. 22 сентября 1865 г. вступил в должность Валдайского Уездного Предводителя Дворянства. 9 ноября 1866 г. утвержден почетным мировым судьей Валдайского уезда. Заведовал вторым мировым участком в течение четырех месяцев [20, оп. 1, ед. хр. 14, л. 5–9]. На 1870 г. А.П. Косаговский был почетным смотрителем Валдайского уездного училища и почетным мировым судьей Валдайского Судебного мирового округа. Указом Правительствующего Сената № 107 А.П. Косаговский за выслугу лет был возведен в чин титулярного советника со 2 января 1870 г. (за что, кстати, уплатил пошлину 16 руб. 20 коп. [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 24]).

Андрей Павлович Косаговский был женат на Любови Ивановне Герасимовой (12), в браке с которой родилось трое детей: Павел (род. 9 июля 1854 г.), Владимир (наш генерал) и Вера (род. 13 марта 1858 г.) (13).

Итак, Владимир Андреевич Косаговский родился 14 января 1857 г. (14) в усадьбе Погостиха Валдайского уезда Новгородской губернии. Крещен 3 февраля в Еглинской Спасо-Преображенской церкви Валдайского уезда Новгородской епархии (15) (крестил священник Федор Полянский (16), восприемниками выступили валдайский помещик усадьбы «Шукин Остров» Петр Иванович Шукин и надворная советница Вера Михайловна Герасимова [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 26]).

17 августа 1869 г. будущий генерал Косаговский поступил в 3 класс 1-й Московской военной гимназии, которую закончил 4 июня 1874 г. по первому разряду (средний балл 7,33). Во время обучения он проявлял себя как и многие его сверстники: был в меру шаловлив, ленив, однажды переправил балл в классном журнале, замечен в курении. Отмечалась его вспыльчивость, но при этом он любил чтение и испытывал привязанность к родителям. Ближе к окончанию гимназии мы встречаем более существенные характеристики, которые могут помочь понять некоторые поступки и действия нашего героя. Так, в 1873–1874 г. воспитатели пишут о нем: «Хитер, оч<ень> лукав, любит интригу, под видом легкомысленного и простодушно действующего мальчика способен нанести умышленную и обдуманно-рассудительную неприятность, поставить в дов<ольно> затруднительное и тяжелое положение и с видом наивной непорочности следить не без удовольствия за результатом и самым развитием интриги... не прочь пошкродничать, имеет жесткое сердце... любитель резонерства, любит лакомство. Правдивость и откровенность маскирует изворотливостью ответов и объяснений. Способн<ности> оч<ень> хорош<ие>... Воспитанник способный, но с превратным направлением в приложении и развитии своих способностей, которые у него не столько напрягаются на изучение и понимание, сколько тратятся на остроумничанье и выделывание забав по поводу дела. Легкомыслие доводит его до неприличий, неприличия питают и забавляют его легкомыслие... в религиозном отношении недоразвит...» [20, оп. 1, ед. хр. 15, л. 6 об–8].

30 августа 1874 г. В.А. Косаговский поступил юнкером в 3-е Александровское военное училище, а 9 июля 1875 г. он был переведен в Николаевское кавалерийское училище [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1 об.].

В Архиве востоковедов ИВР РАН имеется черновик рапорта № 294 В.А. Косаговского Управляющему делами Военно-ученого комитета Главного Штаба

от 14 ноября 1899 г. В этом рапорте Косаговский сообщает, что по окончании Николаевского кавалерийского училища он 10 августа 1876 г. был произведен в чин старшего корнета и определен в 12-й Гусарский Ахтырский полк (17). Участвовал в сражениях во время кампании 1877–1878 гг. (18) (здесь Косаговский напоминает, что за это по статуту после 25 лет офицерской выслуги ему полагается орден св. князя Владимира 4-й степени с бантом, отмечая, что «25 лет офицерской службы исполнится мне 10 августа 1901 г.» [1, оп. 1, ед. хр. 13, л. 3]. 21 февраля 1879 г. Косаговский был прикомандирован к Санкт-Петербургской крепостной артиллерии. 8 октября 1881 г. он зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба, которую окончил 1 апреля 1885 г. по первому разряду (19). 29 марта 1885 г. произведен в ротмистры, а 1 апреля того же года приказом по Генеральному штабу назначен на службу в Кавказский военный округ. 26 ноября 1885 г. он был произведен в капитаны и назначен старшим адъютантом штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (20). В сентябре 1886 г. капитан Косаговский участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Приирионском крае. С 1 августа по 1 сентября 1887 г. находился на летних занятиях в лагере под слободой Воздвиженской (21) [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 2 об–5 об.]. Незадолго до этого произошел конфликт капитана Косаговского с *чапарами* (22), разбирательство которого затянулось на несколько лет. Так, в рапорте начальнику штаба дивизии капитан Косаговский сообщает, что 8 июля 1887 г. он ехал по делам службы для проведения тактических занятий из штаб-квартиры Ванк (23) в штаб-квартиру Хан-кенды (24). Около 2 ч. пополудни он добрался до *чапарского* полупоста, где столкнулся с полным издевательским невниманием со стороны *чапар*, когда попросил напиток (сначала по-русски, потом и на местном наречии). В результате возник конфликт, который мог бы стать запоминающимся эпизодом в историческом фильме эпохи немого кино: здесь и бегство *чапар*, укрывшихся в посту, и попытка нашего капитана выломать дверь (особенно колоритно здесь смотрелась бы могучая фигура Косаговского (25)), и стрельба из револьвера (наш капитан сделал выстрел в воздух, испугавший *чапар*) и банальный мордобой (Косаговский вдруг вспомнил, что у него в кармане имеется кастет). Прибыв в г. Шушу (26) Косаговский обо всем доложил уездному начальнику ротмистру Дубровскому [1, оп. 2, ед. хр. 22, л. 177, 181]. В частном письме на имя своего начальника Косаговский пишет: «В силу полученного мною приказа, я обязан был проехать по всей персидской границе, начиная от устья р. Астаринки (27). Так как от поста Кашбинского до поста Кяльвязского (28) на протяжении 70–80 верст ни один человек не оберегает нашей границы и нельзя встретить ни одного русского, я обратился за содействием к Ленкоранскому уездному начальнику, прося дать предписание на взымания от местных жителей, за установленные прогоны, лошадей и проводников. Я был поражен, когда уездный начальник, приказывая написать открытый лист, в то же время заявил мне, что листу этому он не придает ни малейшего значения, а считает долгом предупредить меня, что если я обладаю достаточною смелостью, энергиею и физическою силою и сумею во время воспользоваться ногойкою, то я проеду всюду, куда только пожелаю. С грустью должен сознаться, что уездный начальник был более чем прав, и я почти не вынимал из бокового кармана громкого открытого предписания. Но эта поездка страшно расстроила меня: пограничные туземцы испытывали истинное наслаждение, глядя, как их собаки кусают ноги наших лошадей и вырывают им хвосты. Когда, наконец, во время одной из остановок собака

насквозь прокусила мне правую руку, я дошел до крайней степени раздражения и своими руками убил собаку. Измученный, озлобленный во время длинного пути из г. Ленкорана (29) по берегу Каспийского моря, вверх по р. Астаринке, по хребту Ляжи, по Ленкоранским горам (30), по Мугани (31), вверх по Араксу и отсюда в Ванк, мог ли я быть во всепрощающем настроении духа. А тут как нарочно среди русской страны, уже вдаль от границы, я вижу такое презрение к русскому офицеру и от кого же? От людей, носящих военные погоны и, **насколько мне было до сих пор известно**, тоже призванных к охранению общественного порядка! Я почувствовал себя глубоко оскорбленным и возмущенным!!! Судите сами, на что при таком душевном состоянии может быть способен человек, с десяти лет надевший военный мундир?! Я уже привык видеть наглость со стороны *чапар*, но разнузданность, какую я встретил на полупосту между Едды-игирманским и Чанахчинским (32) постами, превзошла всё виденное мною до сих пор, и я подготовленный всем предшествующим, не в состоянии был более сдерживаться и дал волю понятному в военном человеке негодованию! Душевное состояние человека вполне гармонирует с его физическим состоянием: от жары и пыли у меня растрескались губы и пересохло во рту и в горле (33). Низшим животным и тем в таком положении не отказывают в воде, а мне мало того что отказали, но еще надсмеялись надо мною и притом люди, от которых при обращении к ним я не только вправе, но даже обязан требовать известной доли уважения и полного содействия! Признающие только грубую силу и кару, непосредственно следующую за проступком, они должны были быть наказаны тут же, безотлагательно и возможно жестко. В силу всего сказанного я считаю, что исполнил свой долг и о самом происшествии имею честь донести Вам рапортом» [1, оп. 2, ед. хр. 22, л. 176, 182]. Делу этому был дан официальный ход, несмотря на заверения уездного начальника — материалы были переданы следователю и товарищу прокурора [1, оп. 2, ед. хр. 22, л. 178]. Подробности судебного разбирательства можно найти в материалах фонда Косаговского в РГВИА, из которых следует, что 29 октября 1892 г. дело было прекращено «за недоказанностью факта покушения на убийство» [20, оп. 1, ед. хр. 161, л. 22—23]. При этом в «Послужном списке», составленном 11 ноября 1895 г., сказано, что наш герой под судом не был [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 15].

С ноября 1888 г. (34) по декабрь 1889 г. Косаговский командовал 4-м эскадронном 22-го Драгунского Астраханского полка (35). 12 декабря 1889 г. капитан Косаговский назначен обер-офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа (36), а 1 апреля 1890 г. он был возведен в чин подполковника и назначен штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Семиреченской области, а 31 мая того же года — штаб-офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 12 об—13. См. также: 7, с. 126].

22 февраля 1894 г. В.А. Косаговский был назначен на должность заведующего (или как тогда писали «заведывающего») обучением Персидской кавалерии Генерального Штаба в Иране, встав во главе «Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады» (37). В этой стране Косаговский служил до 1903 г. Именно на период его командования бригадой приходится целый ряд заметных событий в истории Ирана, наиболее значительным из которых было убийство Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. и воцарение шаха Музаффар ад-Дина. Казачья бригада сыграла важную роль в воцарении Музаффар ад-Дина, который по достоинству

оценил заслуги ее «заведывающего» — Косаговский стал первым человеком, награжденным новым шахом. Так, временно командующий войсками Кавказского военного округа генерал от инфантерии граф Н.Д. Татищев (1829–1907) в своем рапорте военному министру за № 221 от 31 июля 1896 г. (38) пишет: «Выдающиеся заслуги полковника Косаговского и русских инструкторов при этом воцарении уже достойно оценены Его Величеством Шахом Мозафар-Эдин (т.е. Музаффар ад-Дином. — *Б.Н.*), который при самом вступлении на престол пожаловал полковнику Косаговскому высшую награду — свой портрет, усыпанный бриллиантами, усугубив и без того большое значение этой награды тем, что она была первая по времени из наград нового Шаха. Есаул Сушков (39) получил орден Льва и Солнца 1-й степени, даваемый обыкновенно только генералам» [1, оп. 1, ед. хр. 13, л. 2]. Далее Татищев сообщает, что полковник Косаговский вместе с рапортом от 5 июля 1896 г. представил подлинник письма главнокомандующего иранской армией с переводом, в котором говорится о «полном благоволении к нему, полковнику, Его Величества Шаха», а также сообщается, что «постоянному Министру и Посланнику Его Величества Шаха в Петербурге и чрезвычайному послу его Величества Шаха на коронации было предписано обоим: донести Государю Императору, как о выдающихся заслугах и трудах в этот период времени полковника Косаговского, так и об особом благоволении за это к нему Шаха» [1, оп. 1, ед. хр. 13, л. 6]. Татищев отмечает, что действия полковника Косаговского были направлены «к достижению важных интересов и к пользе русского правительства, поддерживали достоинство и влияние русских офицеров Кавказского военного округа». Татищев также ссылается на письмо российского посланника в Тегеране от 6 июля 1896 г. (№ 495), в котором тот свидетельствует о том, что «полковник Косаговский распорядительностью своею, энергиею и неутомимостью сумел вполне успешно выполнить соответствовавшую нашим политическим интересам задачу ограждения спокойствия и порядка в столице Персии при перемене правления и что поэтому он вполне заслуживает исходатайствования ему Высочайшей награды» [1, оп. 1, ед. хр. 13, л. 6].

Деятельность полковника Косаговского по обеспечению порядка в Тегеране во время смены власти была отмечена благодарными купцами и ремесленниками. Так, например, в Архиве востоковедов ИВР РАН имеется скрепленное 21 печатью (40) благодарственное письмо от тегеранских купцов-зороастрийцев за обеспечение порядка в городе [1, оп. 1, ед. хр. 45, л. 2], а также адрес от ремесленников и купцов по поводу «ограждения спокойствия и благополучия города от буйства злоумышленников и также охрану лавок и базаров» [1, оп. 1, ед. хр. 45, л. 6]. Адрес датирован 22 зу-л-хиджжа 1313 / 4 июня 1896 г. по н. ст. и скреплен 17 печатями (перс. текст см.: 1, оп. 1, ед. хр. 45, л. 5). Имеется также благодарственный акт, преподнесенный Обществом тегеранских армян по тому же поводу. Акт отпечатан наборным шрифтом, датирован 3 июня 1896 г., в конце стояло 75 подписей [1, оп. 1, ед. хр. 45, л. 9; перевод — л. 8, 11].

После Тегерана (41) в жизни В.А. Косаговского начался «дальневосточный» период. В Архиве востоковедов ИВР РАН имеется копия «Докладной записки» вкупе с «Докладом» Косаговского от 10 апреля 1906 г. (№ 18, г. Асхабад), который на тот момент в чине генерал-майора (42) был временно командующим 2-м Туркестанским армейским корпусом. Отсюда мы узнаем, что летом 1904 г. по приказу А.Н. Куропаткина (1848–1925) Косаговскому была поручена организация разведывательной деятельности в Маньчжурии для того, чтобы вся

информация концентрировалась в одном месте. Одновременно Косаговский был назначен командиром Сибирской казачьей дивизии, входившей в состав 1-го Сибирского армейского корпуса, которым тогда командовал генерал-лейтенант барон Г.К. Штакельберг (ум. 1913). Косаговский понимал, что это назначение является вторжением в сферу влияния генерал-квартирмейстера, в ведении которого традиционно находилась оперативная военная разведка (тогда генерал-майор В.И. Харкевич (1856—1906), и приведет к ненужным столкновениям и интригам, поэтому всячески старался его избежать. Куропаткин, видимо, в своем решении колебался, но отменять его не стал, однако же и серьезной поддержки Косаговскому не оказал. Начались интриги. Дошло до того, что была поставлена под сомнение контузия Косаговского под Дашичао 11 июля 1904 г. [1, оп. 1, ед. хр. 46, л. 6—7].

В апреле 1905 г. ставился вопрос о назначении В.А. Косаговского начальником Приамурской сводной казачьей бригады. Однако это назначение не состоялось из-за происков Харкевича (тогда уже генерал-лейтенанта и начальника Штаба главнокомандующего). Вместо этого 1 июня 1905 г. Косаговский был назначен начальником гарнизона Ляоянского укрепленного района с сохранением должности начальника Ляохэйского отряда. Косаговский пишет, что он был назначен командиром «Корейского отряда» в мае 1905 г., сразу после Цусимского сражения, «когда в Маньчжурии уже наступило затишье, в Корее же, наоборот, военные действия только что начали разгораться» [1, оп. 1, ед. хр. 46, л. 2].

В ноябре 1905 г. Косаговский вернулся из Кореи и немедленно был назначен на пост начальника Закаспийской области и командующего 2-м Туркестанским армейским корпусом (43), так и не будучи возведенным в чин генерал-лейтенанта (о чем поднимался вопрос в 1904—1905 гг.). Так, в одном из писем от 9 февраля 1906 г. Косаговский пишет: «Вдруг я был вызван телеграммой в Петербург и 10-го октября выехал из Кореи. Целых 36 суток ехал я, с забастовками, от берегов Тихого или Великого океана до берегов Финского залива. В Петербурге пробыл я всего 4 дня, как совершенно неожиданно, был назначен начальником Закаспийской области, и через трое суток уже снова выехал к новому месту своего служения. Мне пришлось идти напролом через целый ряд революционных бюро. Никогда не бывал я в более затрудненном положении: в Маньчжурии и Корее враг был впереди, изредка сбоку, во всяком случае, мы всегда знали, откуда его ждать. Тут же я очутился в каком-то заколдованном кругу, натываясь на опасность там, где менее всего можно было ее ожидать. Так или иначе, с первым же поездом, прорвавшимся из Москвы, я добрался до Баку 25 декабря, а 27 декабря был уже в Красноводске. Странное впечатление произвела на меня тогдашняя Закаспийская область: страна будто и русская, но в то же время как будто и неприязненная. Люди точно и русские, но напевы французские, сбивающие на Марсельезу. Сам я точно и начальник края, а между тем на меня косятся как на укротителя... Хотя теперь картина изменилась и, хотя сам начальник области и должен держать ухо вострее, чем где-либо и когда-либо, но зато народонаселение снова успокаивается и дышит свободнее. Теперь на новом поприще я буду опять работать не покладая рук, не стесняясь ни угрозами злоумышленников, ни, что несравненно опаснее, интригами завистников и мнимых друзей. Никто как Бог... Если меня не убьют из-за угла, надеюсь и здесь не опозоримся» [1, оп. 1, ед. хр. 43, л. 60—61 об.]. Из упомянутой выше «Докладной записки» становится ясно, что 12 марта

1906 г. Косаговский подавал в отставку из-за несправедливого отношения к нему. Во-первых, он был обижен на то, что его так и не наградили орденом Св. Георгия 4-й степени за операцию под Сандепу (взятие ночным штурмом «Мамыкая и Читайцзы») [1, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1]. Во-вторых, туркестанский генерал-губернатор Д.И. Суботич (1851–1912), некогда хваливший нашего генерала, стал упрекать Косаговского в том, что в Закаспийской области он занимает должность не по чину. Отставка генерала была принята (44), и вот уже в письме от 4 декабря 1906 г. Татос-хану Бегумову, *captuny* Казачьей бригады, он пишет: «Обстоятельства так сложились, что мне нужно было оставить службу и пожить дома (45). Сколько времени я ещё проживу в своей деревне, пока неизвестно, но во всяком случае я времени не теряю и пользуюсь свободой, чтобы привести в порядок свое имение, которое было запущено... В деревне новостей нет никаких. Беспорядки в России, кажется, начинают утихать. Я живу как медведь в берлоге: никого к себе не приглашаю и сам ни к кому не езжу. Впрочем, и здесь у меня столько работы, что я занят с утра до ночи» [1, оп. 1, ед. хр. 43, л. 36–36 об.].

19 января 1913 г. Косаговский был избран в действительные члены Общества русских ориенталистов (46). Избран Косаговский был по рекомендации С.М. Шапшала (1873–1961). За вступление наш генерал, через Шапшала же, уплатил единовременный членский взнос в размере 100 рублей. Благодаря Косаговского за уплату взноса, руководство ОРО выражает надежду, что он не откажет Обществу «в сообщении ему разного рода материалов по Персии, по Вашему усмотрению, для опубликования таковых в издаваемом ныне Обществом “Восточном сборнике” (47)» [1, оп. 1, ед. хр. 47, л. 7]. В середине декабря 1913 г. Косаговский был в Санкт-Петербурге. Здесь он сломал ногу, полторы недели почти не вставал с постели и уехал на Валдай с костылем [1, оп. 1, ед. хр. 47, л. 11].

В 1915 г. отставной генерал-лейтенант Косаговский был внесен в список очередных присяжных заседателей Новгородского окружного суда и по вызову ему надлежало являться в г. Валдай для присутствия на заседаниях в феврале. В 1917 г. наш генерал также участвовал в судебных тяжбах в качестве присяжного заседателя [1, оп. 2, ед. хр. 27, л. 15, 18].

В 1917 г. генерал Косаговский утратил значительную долю своего оптимизма. Так, в одном из писем (от 23 июня 1917 г., из Погостихи) он пишет об убийстве своего друга и «спутника в скитаниях по Азии в течение с лишком тридцати лет» Льва Андреевича Середовича: «Бедняга стал до того тяготиться своим одиночеством, что бросил Ленкоран и поехал в Погостиху, чтобы уже до конца жизни не расставаться со мною, куда бы я ни переселился... Дорогою онаглевший демос с хохотом и издевательством вытолкнул 20 марта на мороз 85-ти летнего хилого старикашку в одном летнем бумажном пиджачке... подробности потом... старик, ехавший из Ленкорани, где в то время уже цвели абрикосы и миндаль, и многие десятки лет не видевший морозов, получил гнилостное воспаление легких и 26 марта в сильных мучениях задохся у меня на руках... В самую ужасную распутицу, окунаясь с гробом в воду, мы с Семеном, частью на дровнях, частью на руках доволокли дорогой мне труп до Еглинского кладбища...» [1, оп. 1, ед. хр. 42, л. 119–119 об.]. Здесь же Косаговский жалуется на боли в ногах, на то, что с трудом переносит морозы и окончательно решил «развязаться с родовым гнездом», на поддержание которого не хватает ни сил, ни средств. Он хотел переселиться на юг, на берег

теплого моря (но не в «модных» курортах, «вроде Гагры или Крыма», а в Килии, Вилкове и т.д. Лишь бы была охота и рыбалка). Уже чувствуются нажим нового времени, тенденции говорить о том, что все общее. Так, Косаговский пишет: «Меня пока бояться и даже очень. Но вот надолго ли это?» [1, оп. 1, ед. хр. 42, л. 119 об—120 об.]. Далее он говорит, что 22 года скитался по Азии, из них 9 лет — в Персии: «...там каждый момент я был под угрозой смерти. Но то была славная, геройская эпопея! А тут? Бесславная, жалкая борьба за бесславное же существование и за сохранение каких-то омертвелых обломков старого дворянства, ныне уже не существующего, и главное, которых, в конце концов, нам всё равно не уступят» [1, оп. 1, ед. хр. 42, л. 121]. «Я совершенно одинок. Коля Кроун (48) не трудится отвечать даже и тогда, когда получает от меня деньги. И если бы не милые таксики, работы в огороде и на озере, записки и материалы по Азии и журналы да книги, я бы с ума спятил! Мои старые кости ещё больше прежнего тянет к солнцу, свету, природе; и ещё более опротивела пошлая городская жизнь...» [1, оп. 1, ед. хр. 42, л. 121 об.].

В дневнике за 1918 г. известного русского мыслителя и публициста М.О. Меньшикова (1859—1918) мы находим упоминания о В.А. Косаговском. Надо сказать, что Меньшиков был невысокого мнения о нашем генерале (49). Так, например, 7/20 марта 1918 г. он писал: «На генерала Косаговского наложена контрибуция в 15 тыс. или тюрьма (50). Вот венец карьеры блестящего, но пустого как бубен генерала. Поразительно много наблюдается глупых людей в эпоху катастрофы. В благополучные времена эта глупость тоже бросалась в глаза, но смягчалась определенным положением, в котором сидел каждый дурак. На обсиженном месте каждый казался более или менее на своем месте. Но выкинутые из кресла те же господа напоминают галчат, выкинутых из гнезда: жалкая растерянность подчеркивает их ничтожество. Генерал Косаговский, красавец писанный, богатырь, дворянского древнего рода, свыше 300 лет его предки — графы будто бы выселились из Польши, утратив титул. И весь век служил красивой декорацией в разных бутафорских гвардейских частях, в Персии, где был начальником бригады. Плох оказался в японскую войну, а в нынешнюю — мировую — и носа не высунул из своего валдайского болота. Пробовал спекулировать с евреями и оказался ограбленным. Пробовал продать имение — опоздал, и вот на 7-м десятке лет приходится одинокому мечтать о том, чтобы убежать к немцам. В одном экземпляре — все российское бестолковое и бездарное дворянство» [16, с. 48—49]. Далее в дневнике Меньшикова генерал Косаговский упоминается как участник чаепития у некоего Митрофанова (по случаю именин последнего) 10 мая н. ст. 1918 г.: здесь наш генерал оказался в числе тех, кто «в один голос» предсказывал «переворот, нашествие немцев и т.д.» [16, с. 113].

Надо сказать, что именно Меньшиков в своих записках проливает свет на гибель генерала Косаговского. Так, 30 августа / 12 сентября Меньшиков пишет: «Вчера из кухни передали слух, что бедного генерала Косаговского повезли расстреливать на его собственное поле. Неужели, правда? Я его мало знал, но лет 6—7 тому назад, когда он приезжал ко мне в Царское, какой это был великолепный экземпляр человеческой породы! Огромный, статный, красивый, с мужественным лицом и весь осыпанный звездами и бриллиантовыми знаками. Уже тогда чувствовалось, что это человек не совсем умный, иначе не поскользнулся бы столь жалко на вершине лестницы. При дальнейших встречах я убедился, что это типичнейший помещик, старый дворянин,

краснобай, болтун, влюбленный в себя, безвредный и бесполезный для кого бы то ни было. Если он погиб, я уверен, что погиб из-за болтливости языка» [16, с. 219–220].

31 августа/13 сентября 1918 г. в 12 часов дня Меньшиков делает такую запись: «Рассказывают, со слов крестьян, подробности расстрела Косаговского. Привезли его поздно ночью, сказали, что расстрел назначен на 6 ч. утра. Он просил не медлить: чем скорее, тем лучше. Сам сходил и засветил фонарь. Благословил мальчика, кухаркиного сына (51), повесил себе фонарь на грудь, — цельтесь вернее, я человек крепкий! Раздались в саду пять выстрелов и пятым разворотили ему череп так, что мозги вытекли... У рассказчика, здорового детины, бывшего подпоручика, смеющееся, как всегда, лицо. Вот поколение, которому все смешно! Вероятно, и Косаговский погиб главным образом от легкомыслия своего: просто неумно распорядился с жизнью своей, вот и все. Не тебе бы упрекать, говорит мне тайный голос. Да, я и себя не исключаю из этого несчастного поколения» [16, с. 221] (52).

Генерал Косаговский в течение своей службы собрал довольно внушительную коллекцию самых разных вещей: большая их часть происходит из Персии, но есть предметы из Кореи и Китая (например, луки, трубки). Среди них немалое место занимают ружья и винтовки (30 шт.), а также pistols (16 шт., из них половина парных), а также детали от них и аксессуары к ним (пулелейки, пороховницы, крекала, пистонницы, подсумки и т.д.), шашки (11 шт.), мечи (3 шт.), кинжалы (16 шт., из них 2 парных), копья (2 шт.) и наконечники от копей (6 шт.), булавы (4 шт.), луки (17 шт.) и стрелы (583 шт.). Имеется защитное вооружение — щиты, шлемы, кольчуга. 4 седла и прочие принадлежности (недоуздки, стремена, конские головные уборы и т.д., есть даже подковы и подковные гвозди). Различные предметы домашнего обихода (вазы, тарелочки, подносы, чашки, подсвечники, кувшины, столики, шкатулки, табакерка, китайские музыкальные инструменты, ложки). Есть три портрета (шаха и Садр-Азама, масло, 2 шт. и портрет Валиахда, масло), а также «картина на дереве и в деревянной раме... гульпаэганской резной работы... бордюр рамы тоже резной... (видимо, *хатамкари*), а также несколько кальянов и трубок, 4 пары обуви, китайские статуэтки божков, кумирня. Коллекция включает некоторое количество археологических находок с раскопок в окрестностях Тегерана, а также четки, 2 *каламдана* с *каламами* и два *каламдана* с чернильницей (с вложенной корпией) и *каламом*, гербы, каски, знамена и штандарты [1, оп. 1, ед. хр. 48, л. 1–21]. Читая опись предметов, невольно предполагаешь, что все это собиралось без какой-либо системы (даже военные предметы) — что было, то и брал. Судьба этой коллекции пока не ясна (53).

Надо сказать, что В.А. Косаговский любил ордена и награды и тщательно собирал вырезки из специальных периодических изданий, в которых публиковались указы о награждениях (см., например: 1, оп. 1, ед. хр. 44, л. 48, 106–107). При этом надо признать, что в основном получал он их все-таки заслуженно (ср. № 14 списка наград). Списком наград нашего героя мы и завершаем краткий обзор биографии этого выдающегося русского военачальника.

Список наград генерал-лейтенанта В.А. Косаговского (54)

1. Орден св. Анны 4-й степени (указ Александра II от 1 февраля 1879 г., грамота дана в СПб 25 апреля 1879 г., № 7970), надписью «За храбрость» [л. 18].

2. Орден св. Станислава 3-й степени (указ Александра III от 4 августа 1889 г. грамота дана в СПб 21 февраля 1889 г., [№ 1323., л. 14–15].
3. Орден св. Анны 3-й степени (указ Александра III от 30 августа 1892 г., грамота дана в СПб 14 октября 1892 г., [№ 3633, л. 13].
4. Орден Амира Тумана с лентой. В АВ ИВР РАН имеется великолепно оформленный *фирман* о награждении, подтвержденный посольством в Тегеране 27 декабря 1894 г. (подтверждение на обратной стороне, № 1000) и скрепленный печатями Наиб ас-Салтане Амира Кабира и Садр А'зама. На лицевой стороне — печать шаха, чуть ниже и правее — *тугра*. Датирован: раджаб 1312/17 декабря 1894 — 15 января 1895 г. (по н. ст.). Таким образом, *фирман* был выпущен в период между 5 и 27 декабря 1894 г. [л. 23].
5. Золотой знак «За ученость» 2-й степени, 29 ша'бана 1312/25 февраля 1895 г. Пожалован на память о посещении генералом Куропаткиным военного училища «Насерийе», во время которого Косаговский экзаменовал учащихся означенного училища (*фирман* Военного министерства Ирана № 131, л. 93, внизу овальная печать Садр А'зама, дата на печати 1310/ 1892–93 г., на обратной стороне — квадратная печать Наиб ас-Салтане Камрана). Кроме того, в архиве генерала мы находим похожий приказ за тем же № 131 того же министерства от 21 ша'бана 1312/17 февраля 1895 г. о присуждении того же знака по случаю посещения Косаговским и Куропаткиным военной академии «Дар аль-фунун» (л. 94).
6. Знак «За ученость» 1-й степени, раби' аль-авваль 1313/22 августа — 20 сентября 1895 г. *Фирман* был подтвержден Российской Императорской Миссией в Тегеране 20 сентября 1895 г. (№ 694). С обратной стороны имеется печать Наиб ас-салтане Амир-е Кабира, подтвержденная Миссией 18 сентября 1895 г. (№ 61) (л. 28).
7. Орден Льва и Солнца 1-й степени для иностранцев с зеленой лентой, 20 октября — 18 ноября 1895 г. На обороте: свидетельство подлинности в Миссии 2 ноября 1895 г. (№ 790), печати Наиб ас-салтане и Садр А'зама. В нижней четверти — печать переписчика Шукраллаха Наменегара. Почерк — *наста'лик* (л. 35 об). *Фирман* вложен в сопроводительное письмо из Штаба Кавказского военного округа от 14 февраля 1896 г. («с препровождением 3-х *фирманов*»), где сообщается об ордене Льва и Солнца для Косаговского, ордене Льва и Солнца 2-й степени для поручика Гвардейской конноартиллерийской бригады Орановского. Высочайшее соизволение на принятие и ношение последовало 24 января 1896 г. (л. 34).
8. Золотой академический знак «Дар аль-Фунун» 1-й степени, рамазан 1313/15 февраля — 15 марта 1896 г. *Фирман* заверен Миссией 2 апреля 1896 г. (№ 250). Печать Наиб ас-Салтане Амир-е Кабира (л. 30).
9. Серебряная медаль (55), учрежденная в память о коронавании императора Николая II, для ношения в петлице на Андреевской ленте, 26 февраля 1898 г., свидетельство № 171775. (л. 17). Медаль эта была «препровождена» в Тегеран (л. 16). Вырезка из печатных приказов см.: л. 44, 45 (в 2-х экз.).
10. Орден св. Станислава 2-й степени, указ Николая II от 14 мая 1896 г. (грамота дана в Санкт-Петербурге 20 ноября 1896 г.; № 7497) (л. 12).
11. Орден «Темсал-е Хумайун» 2-й степени, инкрустированный алмазами. *Фирман* датирован: зу-л-хиджа 1313/14 мая — 11 июня 1896 г. На обратной стороне: подтвержден Миссией 31 мая 1896 г. (№ 403). Печать Садр А'зама. В нижней четверти — печать переписчика Шукраллаха Наменегара (л. 29).

Этот *фирман*, а также *фирман* «За ученость» был отправлен из Тифлиса 28 октября 1896 г. (высочайшее соизволение на принятие и ношение последовало 5 октября 1896 г.) (л. 27).

12. Орден св. Анны 2-й степени, указ Николая II от 26 декабря 1896 г. (грамота дана в Санкт-Петербурге 7 января 1897 г.; № 55) (л. 11).

13. Орден Амира Тумана, инкрустированный алмазами. *Фирман* записан на листе без всякой иллюминации, датирован рамазаном 1314/3 февраля — 4 марта 1897 г. (вверху имеется печать Музаффар ад-Дин-шаха), заверен в Российской Императорской Миссии в Тегеране 4 марта 1897 г. [№ 247] и печатями Фарманфармы Салар-е Лашкара и Вакил аль-мулька вазир-е хальвата [л. 22].

14. Золотой орден Бухарской звезды 1-й степени. Пожалован *амиром* Бухарским Саййидом 'Абд аль-Ахадом 8 августа 1897 г. (56) *Фирман* (№ 16) напечатан типографским способом, имя вписано от руки, приложена круглая печать *амира* (57). *Фирман* был отправлен в Тегеран из Штаба Кавказского военного округа 18 марта 1898 г. [л. 47] (58).

15. Прусский орден Красного Орла 2-го класса, 1898 г. [л. 62–65].

16. Золотая медаль Почета от Министерства иностранных дел Персии для ношения на груди. *Фирман* (л. 70) датирован джумада ас-сани 1316/17 октября — 14 ноября 1898 г. На обратной стороне имеются печати: министра иностранных дел Амира ад-Дауле Мирзы Мухсен-хана, и Шукраллаха Наменегара. *Фирман* заверен Миссией 27 октября 1898 г. (№ 966), высочайшее соизволение на ношение последовало 15 февраля 1899 г. В письме из Штаба Кавказского военного округа (от 17 марта 1899 г.) говорится о 3 *фирманах* на медаль и на «золотую табакерку, осыпанную драгоценными камнями, с портретом Его Величества Шаха Персидского» [л. 69]. *Фирман* на табакерку [л. 71] датирован джумада ас-сани 1316/17 октября — 14 ноября 1898 г. и скреплён печатью Музаффар ад-Дин-шаха; на обратной стороне имеется 5 печатей, одна из которых принадлежит Садр А'заму. *Фирман* подтвержден Российской Миссией 27 октября 1898 г. (№ 965).

17. Командирский крест Австрийского ордена Франца Иосифа со звездой, 5 июля 1899 г. [грамота — л. 75; в верхнем левом углу на титульном листе грамоты шифр Z 755/F.J.O.].

18. Серебряная медаль Льва и Солнца. *Фирман* (л. 92) вверху скреплён круглой печатью МИД Персии, датирован зу-л-ка'да 1316/13 марта — 11 апреля 1899 г., на обратной стороне имеется подтверждение Российской Миссии № 696 от 28 июня 1899 г., а также квадратная печать министра иностранных дел Персии Мирзы Мухсен-хана и печать переписчика Шукраллаха Наменегара. Высочайшее соизволение на ношение последовало 21 января 1900 г.

19. Турецкий орден «Меджидийе» 2-го класса, лето 1899 г., высочайшее соизволение на ношение последовало 21 января 1900 г. [л. 80–82].

20. Сабля 1-й степени, осыпанная драгоценными камнями. *Фирман* на саблю (л. 89) скреплен печатью Музаффар ад-Дин-шаха, датирован джумада аль-авваль 1317/7 сентября — 6 октября 1899 г., на обратной стороне имеется печать Садр А'зама и подтверждение Миссии № 950 от 10 сентября 1899 г. Высочайшее соизволение на ношение сабли (причём только в Персии) последовало 21 января 1900 г.

21. Орден св. Владимира 3-й степени, указ Николая II от 1 января 1900 г. (грамота дана 26 января 1900 г.; [№ 57, л. 10].

22. Орден Почетного Легиона, пожалован 5 октября, указ (грамота № 7560) от 24 октября 1900 г. [л. 20].

23. Орден и лента «Сардар». *Фирман* (л. 85) датирован зу-л-ка'да 1318/20 февраля — 21 марта 1901 г. и скреплен печатью Музаффар ад-Дин-шаха, на обратной стороне имеется подтверждение подлинности Российской Императорской Миссией в Тегеране от 31 марта 1901 г. (№ 249), а также овальная печать Атабека А'зама и печать Шукраллаха Наменегара.

24. Орден св. Станислава 1-й степени с мечами. 26 ноября 1904 г. Указ Николая II от 1 декабря 1904 г. (грамота дана 23 декабря 1904 г.; № 5456) [л. 9, 19].

25. Золотое оружие с надписью «За храбрость». Приказ главнокомандующего № 315 от 20 декабря 1904 г. «за отличие в разновременных боях с японцами» [2. оп. 1. ед. хр. 41, л. 1].

(1). Преемника 1-го Московского кадетского корпуса (возникшего на базе Гродненского корпуса, переведённого в 1824 г. в Москву), преобразованного в 1864 г. в гимназию. В ходе реформ 1882 г. была реорганизована обратно в кадетский корпус [7, с. 123–125, 174–176].

(2). Николаевское кавалерийское училище было основано в 1823 г. как Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с двухгодичным обучением. Свое окончательное название получило в 1865 г. [7, с. 126–127, 182].

(3). Николаевская академия Генерального Штаба была основана в 1832 г. с названием «Императорская военная академия». В 1855 г. после кончины императора Николая I получила наименование Николаевской академии ГШ. В 1918 г. по ее образцу была создана Академия ГШ РККА, просуществовавшая до 1921 г., когда была создана Военная академия РККА (ныне — Военная академия Генерального Штаба) [7, с. 134–138, 187–189].

(4). Кроме того, сам генерал выступал категорически против написания своей фамилии в форме «Косаговский»: «Суботич приходил в ярость, когда его фамилию писали через **два бз**: Субботич, считая это верхом невнимания, наглости, невоспитанности и проч. Но почему же сам Суботич, зная, что Косаговский пишется через одно **с** нередко писал через **два с** — Косаговский. И ведь и в голову не приходило Косаговскому на это обижаться!!!!» [см.: 20, оп. 1, ед. хр. 217, л. 321].

(5). В архиве имеется оригинал грамоты о награждении обер-провиантмейстера 8-го класса А.И. Косаговского орденом св. князя Владимира 4-й степени без банта по представлению генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, подписанный собственноручно генерал-фельдмаршалом М.И. Кутузовым [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 2].

(6). Локоть был равен примерно 48 см.

(7). Здесь 15 июня 1813 г. участниками антифранцузской коалиции была подписана конвенция по координации дальнейших совместных действий [8, с. 136].

(8). В тексте документа — 1819. Однако это, несомненно, описка [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 15 об].

(9). Точнее — через Данциг и Торн. Этот эпизод биографии нашего провиантмейстера связан с польским восстанием 1830 г. и русско-польской войной 1830–1831 гг. и относится ко времени назначения 4 июня 1831 г. главнокомандующим воюющей армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича-Эриванского (1782–1856), по инициативе которого была достигнута договоренность с Пруссией о снабжении русской армии через указанные города [3]. Заметим, что датировка «маем» в нашем документе несколько расходится с приведенной выше информацией, что, впрочем, можно объяснить тем, что Паскевич начал действовать ещё до официального назначения.

(10). В архиве имеется свидетельство, подписанное собственноручно императором Николаем I и выданное 2 июня 1833 г. [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 6].

(11). Этот трехпрестольный храм возводился с 1798 по 1812 г. по проекту И.Е. Старова на прежней Покровской площади (ныне — площадь Тургенева). В 1934 г. снесен [10, с. 91–92].

(12). Л.И. Герасимова была выпускницей Елисаветинского училища (1853 г.) в Санкт-Петербурге [20, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1].

(13). О судьбе своей сестры В.А. Косаговский пишет: «Сестра моя в 1883 году вышла замуж за моряка, англичанина Кроуна и в 1884 году умерла вскоре после родов. Кроун женился вто-

рично на княжне Шаховской. Сын от сестры жив: его отдали в Пажеский корпус. Я его не видел лет десять или более. Говорят долговязый, рыжий, некрасивый, сплошь в веснушках, фатишка: только и разговору, что про титулы, положение, связи, чины, богатства — видно, титулованная мачеха сделала свое дело» [20, оп. 1, ед. хр. 217, л. 208].

(14). Метрическое свидетельство № 10003. В копии прошения о внесении детей А.П. Косаговского в Дворянскую родословную книгу, выданной Павлу Косаговскому, дата рождения Владимира указана как 13 января, однако кто-то исправил цифру «13» на «14» красным карандашом. Манера начертания цифр крайне похожа на В.А. Косаговского [1, ед. хр. 40, л. 22. См. также: 20, оп. 1, ед. хр. 14, л. 2, 4, 12, 13]. В служебных документах стоит «14» января (см., например: 20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 9 об).

(15). Эта двухпрестольная каменная церковь была возведена на мысу Еглинского озера в 1815 г. (<http://tcherepovets.narod.ru/valdai.html>).

(16). А также дьячѣк Гавриил Фёдоров и пономарь Василий Андреев (выписка из метрической книги Еглинской церкви была сделана 27 сентября 1901 г. и подписана священником Леонидом Вознесенским и псаломщиком Михаилом Шарецким [1, оп. 1, ед. хр. 40, л. 26].

(17). Один из старейших полков, основанный в 1651 г. как казачий слободской полк. В 1765 г. в связи с упразднением слободских войск был переименован в «гусарский». Позднее стал именоваться «36-м драгунским» [12, с. 12, 87; 20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1об.].

(18). Перечень сражений и операций см.: 2. оп. 1. ед.хр. 30, л. 6 об—7 об.

(19). Столь долгое обучение в Академии обусловлено девятимесячным отпуском по болезни с 14 апреля по 10 декабря 1882 г. [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 2об; Там же. ед. хр. 25].

(20). До 1883 г. дивизия называлась «3-ей Кавказской кавалерийской» [20, с. 204].

(21). В мае 1888 г. Косаговский тонул в р. Рашалты и был спасён подпоручиком Мирзаевым [20, оп. 1, ед. хр. 143, л. 1; 4, с. 41].

(22). *Чанпарами* именовали представителей Закавказской земской стражи, набравшейся в основном из местных жителей.

(23). Село Ванк (совр. Вянгли) находится в 54 км к северу от Хан-кенды. В урочище Ванк стояла сотня 1 Полтавского конного полка [19, с. 212].

(24). Урочище Хан-кенды в Карабахе находилось недалеко от границы с Персией, в 7—8 км от крепости Шуша, и на 1853 г. являлось штаб-квартирой Мингрельского егерского полка (позднее переименованного в 16-й гренадерский Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Константиновича полк). После 1860 г. здесь стояли 1-й Волгский и 1-й Сунженско-Владикавказский конные полки Терского казачьего войска (<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Dzerozinskij/text1.htm>; http://instapedia.com/m/Terek_Cossack_Host). Позже здесь находилась сотня 2-го пешего Пластунского батальона [19, с. 213]. В сентябре 1923 г. Хан-кенды был переименован в г. Степанакерт [21, с. 13, 116]. В 1991 г. официальным названием города снова стало Хан-кенды, однако руководство непризнанной Нагорно-Карабахской Республики называет его Степанакертом.

(25). При росте 2 аршина 12 вершков [20, оп. 1, ед. хр. 591, л. 21 об.].

(26). Шуша осталась в истории как один из городов, защитники которого не раз проявляли немалое мужество в борьбе с персидскими войсками. Шушинская крепость имела славу неприступной. Основанный в середине XVIII в. как крепость, город уже через несколько лет превратился в столицу Карабахского ханства. В результате первой русско-иранской войны вошел в состав Российской Империи (подробнее см.: 9, с. 156; 17, с. 62—63, 77—79, 86—88, 116—121; 18, с. 72—74, 90—94). В настоящее время находится на территории непризнанной Нагорно-Карабахской Республики.

(27). Астаринка (Астара-чай) берет начало в Талышских горах и впадает в Каспийское море. В настоящее время служит границей между Республикой Азербайджан и Исламской Республикой Иран (подробнее см., например: 13, с. 53—54).

(28). Кяльвязский / Кельвасский казачий пост находился на юго-западной границе Ленкоранского уезда и состоял из нескольких одноэтажных глинобитных построек. На посту несли службу 30 казаков под началом одного офицера. Служил одной из сотничьих квартир 1-го Ейского конного полка [4, с. 179, 401; 20, с. 212].

(29). В 1809 г. город Ленкорань был разрушен персидскими войсками, но вскоре на его месте возвели крепость. 31 декабря 1812 г. эта крепость была взята в кровопролитном бою генералом П.С. Котляревским (1782—1852) [5, с. 192, 195—196, 268; 12, с. 148]. Город располагается на берегу Каспийского моря. Во времена путешествия нашего генерала порта он не имел: связь между стоящими на рейде кораблями и берегом осуществлялась с помощью лодок-плоскодонок (*керджимов*).

- (30). То есть по Талышским горам.
- (31). Муганская степь занимает большую часть Прикаспийской низменности и из Закавказья переходит в Иран. Рельеф развит слабо: по сути, в момент путешествия нашего героя это была бесплодная и безводная равнина с солончаковой почвой. После 1896 г. значительная часть степи орошается водами Нового Аракса [14, с. 84–85, 171].
- (32). Чанахчи — крепость в Варандинском магале Карабагского ханства, в составе последнего присоединённая к Российской империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. [см., например: 17, с. 55, 57].
- (33). В своих показаниях от 11 февраля 1891 г. В.А. Косаговский отмечает: «Был как раз сильнейший пароксизм ленокранской лихорадки, приступавшей ко мне обыкновенно в самую жаркую пору дня; быть может, и болезнь была отчасти тоже причиною моей запальчивости. Полагаю, что не будь у меня лихорадки, я во что бы то ни стало постарался пересилить жажду, чтобы не иметь даже и разговора с *чапарами* и, подобно есаулу Акулову, хорунжому Дендеберину и сопровождавшему их казаку, не останавливаясь, проехал бы далее» [20, оп. 1, ед. хр. 161, л. 7об.].
- (34). Приказ о назначении последовал 23 сентября 1888 г., а окончательно Косаговский принял эскадрон 30 ноября 1888 г. [1, оп. 2, ед. хр. 22, л. 84, 86об–87].
- (35). Будучи созданным в 1811 г. как Астраханский 8-й Драгунский, полк менял свои имена, став «22-м Драгунским» лишь в 1882 г.
- (36). О характере деятельности В.А. Косаговского в период с 1889 по 1894 г. в «Краткой записке о службе генерал-лейтенанта Косаговского» сказано так: «состоял в распоряжении начальника штаба Кавказского военного округа для занятий военной агентурой» [20. оп. 1. ед. хр. 39, л. 2 об.].
- (37). 17 апреля 1894 г. В.А. Косаговский был произведён в чин полковника, а 27 апреля того же года выехал в Тегеран [20, оп. 1, ед. хр. 30, л. 13–13об.].
- (38). Здесь Татищев ссылается на рапорты генерал-лейтенанта Зеленого от 11 мая и 22 июня 1896 г. [№ 139 и 162] и приложенные к последним рапорты Косаговского от 27 апреля и 31 мая 1896 г. [№ 8 и 12]. Копия рапорта Татищева была направлена Косаговскому 20 января 1897 г. из Тифлиса (регистрационный № 30).
- (39). Есаул Сергей Иванович Сушков был близким помощником Косаговского. В своем рапорте Татищев ходатайствует о присвоении Сушкову чина войскового старшины, ссылаясь на то, что в чине есаула Сушков служит уже 13 лет (т.е. с 1883 г.) [1, оп.1, ед. хр. 13, л. 7]. Кроме того, в рапорте Татищева мы находим ходатайство о награждении есаула Рафаловича орденом св. Анны 3-й степени, а также пожаловании пяти урядникам из списка, представленного Косаговским, серебряными медалями на Георгиевских лентах.
- (40). Большая часть этих печатей расшифрована и записана другой рукой [1, оп. 1., ед. хр. 45, л. 3]. Перевод см.: 1, оп. 1, ед. хр. 45, л. 7, 12.
- (41). Официально В.А. Косаговский был отозван из Тегерана 30 сентября 1902 г. с последующим прикомандированием к Главному штабу для обработки собранных им материалов по Персии. Фактически же он выехал из Персии 10 апреля 1903 г. [20, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2 об.].
- (42). Чин генерал-майора со старшинством присвоен 21 января 1900 г. (с зачислением по Генеральному штабу 7 июля 1900 г.) [20, оп. 1, ед. хр. 41, л. 2 об.].
- (43). Назначение состоялось 5 декабря 1905 г. [20, оп. 1, ед. хр. 41, л. 3 об.].
- (44). В.А. Косаговский вышел в отставку 16 июля 1906 г. с производством в чин генерал-лейтенанта и сохранением права ношения мундира. В виде исключения ему была назначена усиленная пенсия из Государственного казначейства (1800 рублей в год) и Эмеритальной кассы (859 рублей в год) — 2659 рублей с выплатой в Валдайском уездном казначействе Новгородской губернии [20, оп. 1, ед. хр. 41, л. 4]. Приказ об отставке был по ошибке отправлен в Боровичский уезд и пришел на Валдай с большим опозданием [3, с. 43].
- (45). Надо сказать, что Косаговский не сразу сдался — он еще довольно долго разными способами пытался восстановиться в армии (см.: 3, с. 43–44).
- (46). Общество русских ориенталистов существовало с 1909 по 1927 г. Канцелярия Общества на тот момент находилась по адресу: Большая Морская, д. 20, кв. 3.
- (47). Всего вышло два тома — в 1913 и 1916 гг.
- (48). Племянник В.А. Косаговского. На 1908 г. он жил в Риге и состоял старшим чиновником по особым поручениям при губернаторе [1, оп. 1, ед. хр. 43, л. 105–105 об.].
- (49). При этом он после первой встречи с Косаговским осуждает в «Новом Времени» «преждевременную утрату квалифицированных кадров в армии, в частности “нашего пионера в Персии”» [3, с. 43].

(50). Надо сказать, что крестьяне отставного генерала неоднократно «отбивали» его от нападок новых властей [3, с. 44; 22; 2]).

(51). Это был сын самого генерала — Александр Васильевич Кузьмин [3, с. 44].

(52). Надо сказать, что на следующий день, 1/14 сентября 1918 г., М.О. Меньшиков уже был в тюрьме (его арестовали в 7.30 утра), откуда написал письмо жене, а 8/21 сентября его расстреляли как главу монархического заговора [16, с. 250]. По воспоминаниям жены М.О. Меньшикова, М.В. Меньшиковой, портрет ее мужа был вывешен в Штабе большевиков с подписью: «Меньшиков, расстрелянный 7 сентября, как контрреволюционер, вместе с Косаговским и Савиным» [16, с. 248]. Меньшикова расстреляли несмотря на то, что он, по словам своей жены, «ни в каких заговорах или попытках восстановить старое не участвовал, учил своих детей. Никого он не трогал, никого не проклинал, подчинялся всем декретам, приспособлялся к новой жизни» [16, с. 241].

(53). Подробнее см.: Мазурина. Помимо коллекции оружия наш генерал обладал коллекцией чучел, а также довольно богатой библиотекой [22; 23].

(54). Почти все материалы Списка относятся к ед. хр. 44 описи 1 фонда 30 АВ ИВР РАН, поэтому ссылки даются только на номера листов.

(55). Кроме этой медали В.А. Косаговский имел серебряную медаль в память царствования императора Александра III, а также светло-бронзовую медаль в память войны 1877—1878 гг. [20, оп. 1, ед. хр. 41, л. 1].

(56). По этому случаю в архиве нашего генерала сохранилась вырезка из журнала «Разведчик» о том, что *амир* Бухарский числился по Терскому казачьему войску генерал-лейтенантом, а 1 января 1900 г. в Царском Селе был произведен в генералы от кавалерии с оставлением по терскому казачьему войску [Разведчик, № 482, с. 46 [1, оп. 1, ед. хр. 44, л. 111 об.].

(57). *Фирман* с переводом см.: 1, оп. 1, ед. хр. 44, л. 56—57.

(58). В том же самом «наградном» деле имеется черновик письма Косаговского, адресованного чиновнику МИД для пограничных сношений в Асхабаде Василию Оскаровичу фон Клемму (дата 8 сентября 1897 г., Тегеран), в котором он благодарит Клемму за *фирманы* бухарского *амира*. Он пишет, что не знает, как сложатся его отношения с персидским правительством, но уверяет, что случая не упустит (л. 39). Далее он просит Клемму написать, есть ли у него орден Льва и Солнца и если да, то какой степени. Просит уточнить и поправить фамилии и тех, за кого просит Клемм (список 7 чел.) (л. 39 об). Косаговский сообщает, что Клемм не прислал патенты на две медали: *вакиль-баши* (вахмистру) Гусейн-хану (Хусайн-хану. — *Б.Н.*) на золотую медаль и *вакилю* (уряднику) Мамед-Кули-хану (Мухаммад-Кули-хану. — *Б.Н.*) — на большую серебряную медаль [1, оп. 1, ед. хр. 44, л. 40].

Это письмо было ответом на письмо Василия Оскаровича фон Клемма от 15 августа 1897 г., в котором тот сообщал, что посылает *фирманы* на бухарские звезды, пожалованные Косаговскому и «его спутникам», и просит, чтобы полковник выхлопотал его «бухарским коллегам» персидские ордена (л. 42): «В сущности они правы: Политическое Агентство наше в Бухаре постоянно возится с персиянами и всячески им содействует; кроме того — Эмир наградил орденами уже нескольких персиян, а Шах еще ни разу не раскошеливался». Клемм просит пустить в ход большие связи Косаговского в Тегеране и исходатайствовать: секретарю и драгоману Политического Агентства Миллеру — 3-ей степени (имеется в виду орден Льва и Солнца. — *Б.Н.*) [л. 42б], заведующему городом Новая Бухара Пузынскому — 4-й степени (л. 42 об—43), заведующему канцелярией Эмира Бухарского для сношений с Политическим Агентством Миру Хайдару Хаджи Мирбадалиеву — 4-й степени (л. 43), врачу — 4-й степени. Для подполковника Кузнецова и коллежского советника Заман-бека Шейхалибекова Клемм просит орден 2-й степени. Он сообщает, что сам политический агент в Бухаре Игнатьев уже имеет «звезду персидскую 2-й степени и большей награды ему, по чину Статского Советника, кажется, не полагается» [1, оп. 1, ед. хр. 44, л. 43—43 об.].

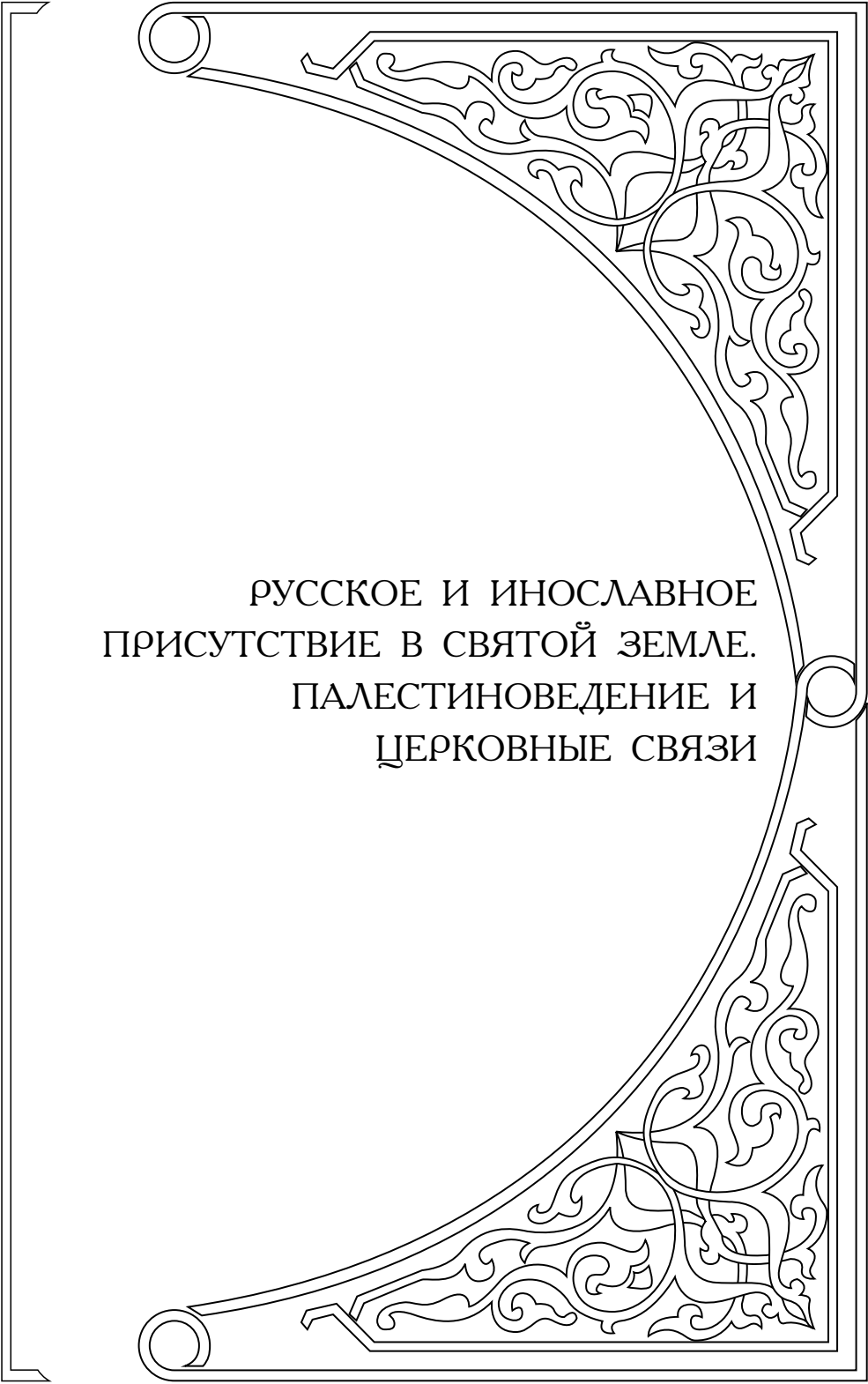
ИСТОЧНИКИ

1. АВ ИВР РАН Ф. 30.
2. *Айрапетов О.Р.* Русско-польская война 1831 г. и ее последствия // <http://zapadrus.su/bibli/istfbid/269--1831-q-1801-1914q-.html>. (Дата обращения: 03.12.2013).
3. *Алехин Ю.В.* Генерал Косаговский // Встреча 2003. № 2. С. 41—44.
4. *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Ч. I. Общий очерк. Ч. II. Маршруты. Тифлис, 1890. 456 с.

5. *Бакиханов А.-К.-А.* Гюлистан-и Ирам / ред., коммент., примеч. и указ. З.М. Буниятова. Баку, 1991. 304 с.
6. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года : библиографический словарь. М., 2005. 295 с.
7. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. 616 с.
8. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. 360 с.
9. [*Броневский С.М.*] Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне / подгот. текста к изданию, предисл., примеч., словарь малоизвестных слов, указ. И.К. Павловой. СПб., 1996. 240 с.
10. *Длужневская Г.В.* Утраченные храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2003. 272 с.
11. К истории образования Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджанской ССР. 1918—1925: документы и материалы. Баку, 1989. 334 с.
12. *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1999. 782 с.
13. [*В.А.*] *Косаговский.* Прибрежное пространство между таможеню Астара, городом Энзели и горами. (Персидская провинция Гилян) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLIX. С. 42—59.
14. *Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф.* География Закавказья: Очерки по физической географии и этнографии ЗСФСР. Б.м., 1929. 340 с.
15. *Мазурина В.Н.* Восточная коллекция генерала В.А. Косаговского. История и судьба // Россия и Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сборник научных статей. Ч. I. СПб., 2009, с. 337—347.
16. *Меньшиков М.О.* Материалы к биографии // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. IV. М., 1993. 272 с.
17. *Мирза-Адигезаль-бек.* Карабаг-наме. Баку, 1950. 160 с.
18. *Мирза Джамал Джеваншир Карабагский.* История Карабага. Баку, 1959. 138, 62 с.
19. *Озаровский И.* Записка об обороне Закавказья против Персии. Тифлис, 1890. 187 с.
20. РГВИА Ф. 76.
21. Российский государственный военно-исторический архив: путеводитель. Т. 2. М., 2006. 576 с.
22. *Яковлева Н.* Генерал Косаговский. Легенды и были // Валдай. 1998. 10 сент. С. 4.
23. *Яковлева Н.* Невольник чести // Новгородские ведомости. 1998. 9 окт. С. 6.

См. рис.: №№ 34—35.

РУССКОЕ И ИНОСЛАВНОЕ
ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ.
ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ И
ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ

УДК 94 (569.4) : 910 (061.2)+910-620
ББК 26.89г(6Еги)

А.Г. Грушевой

ЕГИПЕТ В 1910 ГОДУ ГЛАЗАМИ А.А. ДМИТРИЕВСКОГО (по фондам петербургских архивов)

АННОТАЦИЯ

Статья включает публикацию писем секретаря Православного Палестинского общества А.А. Дмитриевского (с комментарием) вице-президенту общества А.А. Ширинскому-Шихматову об инспекционной поездке в Египет, Палестину и Сирию с описанием подворья Синайского монастыря и условий, в которых жили российские паломники.

Ключевые слова: А.А. Дмитриевский; Императорское Православное Палестинское общество; А.А. Ширинский-Шихматов; Египет; Палестина; российские паломники.

В первые месяцы 1910 года Алексей Афанасьевич Дмитриевский — Секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) — посетил с инспекционной поездкой Египет, Палестину и Сирию, где в то время находились институты Общества и где работали его представители (1).

Решение о необходимости проведения такой ревизии было принято на заседании Совета Общества 22 мая 1909 года. В декабре того же года вице-президент Палестинского общества А.А. Ширинский-Шихматов (2) вручил Секретарю Общества А.А. Дмитриевскому подробную инструкцию о необходимости тщательной ревизии подворий Общества в Иерусалиме, Хайфе и Назарете, всех учебных учреждений Общества и всех сторон быта российских паломников в Святой Земле. В работе ревизии также участвовали В.И. Бельнский, старший бухгалтер Общества и П.И. Ряжский, председатель Строительной Комиссии Общества и Инспектор Галилейских учебных заведений (3).

Непосредственной причиной комплексной проверки всех сторон деятельности Императорского Православного Палестинского общества весной 1910 года А.А. Дмитриевский на страницах отчета по ревизии его подворий [3, л. 1] называет лишь перерасход денежных средств ИППО Н.Г. Михайловым, управлявшим подворьями Общества. В то же время в черновиках к одному из писем А.А. Дмитриевского речь идет о многочисленных недостатках в управлении подворьями, о плохом состоянии их отчетности, неоправданные тратах и лишь отчасти о финансовых злоупотреблениях управляющего. [3, д. 31. л. 49–50].

Была, однако, и другая причина ревизии. В 1910 году из-за финансовых затруднений Общества после первой русской революции была совершенно не ясна судьба школ ИППО, на содержание которых Обществу своих денег не хватало (4). Поэтому какое-то время даже стоял вопрос о закрытии

школ. По этой причине одновременно с А.А. Дмитриевским для решения всего комплекса вопросов в ревизии образовательных учреждений Общества принимал участие сотрудник российского посольства в Константинополе Николай Вячеславович Кохманский (5). Его отчет сохранился и из первых же слов документа видно, что Кохманский отправился на Ближний Восток по поручению посла (6).

Для А.А. Дмитриевского командировка на Ближний Восток началась с посещения Египта, куда также, как и в Палестину, приезжали паломники из России, двигаясь либо на Синай, в Монастырь Святой Екатерины, либо с целью посещения тех мест, где находились в Египте Иосиф и Мария. Привлекали А.А. Дмитриевского и личные воспоминания о поездке в Египет в 1888 году.

Рассказ о пребывании А.А. Дмитриевского в Египте сохранился в его письмах, адресованных вице-президенту Палестинского общества А.А. Ширинскому-Шихматову. Эти письма и множество черновых вариантов к ним хранятся в архиве Дмитриевского [3, д. 31]. Очевидно, автор, перерабатывая текст официальных писем, дополняя его, собирался, очевидно, издать их в виде отдельного рассказа или трансформировать в путевые очерки о своем пребывании на Ближнем Востоке в начале 1910 года [3, д. 31, л. 65 об.].

Текст и писем, и черновых вариантов к ним представляет собой машинопись с многочисленными исправлениями на полях рукою Дмитриевского, сделанными чаще всего чернилами. Он вписывал нужное ему слово выше уровня строки, зачеркивая слова, которые его не устраивали. Все исправления отражены в примечаниях. В комментариях приведена характеристика тех людей, о которых пишет А.А. Дмитриевский. Комментарии даются только к первому упоминанию того или иного персонажа. Примечания, принадлежащие лично А.А. Дмитриевскому, специально оговорены.

Рассказ о пребывании в Египте сохранился в трех вариантах, которые в основном совпадают, но значительно различаются по деталям.

Прежде всего, это два письма А.А. Дмитриевского А.А. Ширинскому-Шихматову, отправленные из Константинополя 30 дек. 1909 г. и из Каира 9 января 1910 г. [3, д. 31, л. 1–9]. Текст достаточно краткий и является по сути отчетом А.А. Дмитриевского о своих встречах и мыслях, а также об увиденном в Египте.

Первая черновая версия текста этих писем с авторскими дополнениями [3, д. 31, л. 50–56 об.] — вариант рассказа о пребывании в Египте, наиболее длинный из трех. В нем обращают на себя внимание подробное описание встречи А.А. Дмитриевского с Елисаветой Федоровной, а также рассказ о посещении Каирского музея. Вторая черновая версия текста этих писем с авторскими дополнениями [3, д. 31, л. 65–69] — наиболее краткая из всех трех. Здесь основное внимание А.А. Дмитриевский уделяет своим встречам в Константинополе в посольстве и с православными иерархами в Константинополе и Египте.

Основной общий сюжет, повторяющийся во всех трех версиях рассказа, — подробное описание подворья Синайского монастыря и ужасающих условий, в которых приходилось жить российским паломникам. Необходимость принятия срочных мер по улучшению быта российских паломников была одной из важнейших задач ревизии деятельности всех структур Палестинского общества в Египте, в Палестине и Сирии, предпринятой в первые

месяцы 1910 года. В тексте писем Дмитриевского сохранены особенности пунктуации оригинала, но были приняты преимущественно современные нормы правописания.

**Чистовой вариант рассказа — Первое и второе письмо
А.А. Ширинскому-Шихматову. Письмо от 30 декабря 1909 г.**
РНБ ОР Ф. 253. Д. 31. Л. 1—л. 6 [З, ф. 253, д. 31, л. 1—л. 6]

Л. 1

Константинополь, 30 декабря 1909 г.

Ваше Сиятельство
Глубокоуважаемый
Князь Алексей Александрович

Из Царь-Града с берегов изумрудного Босфора прошу принять мой сердечный привет с Новым Годом и искренние пожелания пользоваться в наступающем новолетии вожделенным здоровьем и видеть успех во всех своих делах и добрых начинаниях, наипаче же тех, кои клонятся к процветанию нашего Палестинского Общества. Да пошлёт Господь Бог Обществу и всем труждающимся в нем всего наилучшего в новом году.

Путь до Константинополя совершил благополучно, хотя и при резких переменах в погоде. Из Петербурга выехал при температуре весьма мягкой, имея под ногами землю, покрытую довольно обильным снегом. Москва подарила меня двумя чудными солнечными днями, какие на долю бедных петербуржцев выпадают редко, да и то лишь в феврале и марте. Снегу мало и санный путь в городе весьма плохой. В Киеве встретил погоду обычную петербургскую — сырую с туманом, и так был обманут ею, что здесь решил покинуть барашковое пальто и шапку и заменить их пальто на вате и шляпою. За это был ужасно наказан вероломною красавицею бога Одессою, где встретил 17 градусный мороз с жестоким штор-

Л. 1 об. (2 Дм.) (7)

мом на море и снежною метелью. Во время путешествия по городу за своё легкомыслие я жестоко поплатился и отморозил себе руку, защищавшую уши. С трудом добрался до пароходной пристани и с ужасом вступил на палубу парохода «Ольга» долженствовавшего свергнуть меня в бушующую водную стихию. Супруга моя с ужасом и замиранием сердца перешедшая по мосткам, соединявшим нашего левиафана с твердой почвою, до отхода парохода уже лежала полумертвая и начала подвергаться страданиям морской болезни. Я бодрился и, благодарение Богу, сохранил бодрость в числе немногих пассажиров до самого Константинополя. Впрочем, следует и то сказать, что с берега водная стихия представлялась более ужасною, чем когда мы отдали себя в ее распоряжение. По моему мнению, сильной качке мы подверглись лишь с 1 часу ночи до 5 ч. утра, а все остальное время на море была так назыв. «мертвая зыбь».

Отвалив из Одессы в 11 час. утра, мы около 11 ч. утра следующего дня были уже в Каваке, в Константинопольском проливе, любуясь очаровательным видом европейских и азиатских высот, покрытых довольно значительным снежным покровом. В Каваке мы подверглись трехчасовой обсервации, а наши паломники в количестве 90 человек были свезены в лодках на берег. Их в каран-

тине выкупали под тёплым душем и их белье подвергли чистке и дезинфекции. По возвращении на пароход,

Л. 2 (3 Дм.)

на мои вопросы о том, хороша ли баня турецкая, паломники меня сердечно благодарили за удовольствие. Воображая наивно, что эта баня устроена по нашему распоряжению от Общества. Двое из паломников спрашивали даже о том, где их выкупают вторично. И с грустью выслушали мое заявление, что до Иерусалима другой бани для них уже нигде не будет.

Во время пути я спускался в трюм к паломникам и нашёл, что помещение их даже на этом пароходе якобы предназначенном для перевозки эмигрантов на Дальний Восток, оставляет желать многого. Ввиду того, что многие из паломников и особенно женщин паломниц страдали морской болезнью, в трюме воздух был крайне тяжелый и много валялось сору и грязи на полу. Ожидание карантинного надзора в Каваке вынуждало пароходную прислугу заботиться об уборке трюмного помещения, но воздух там был удушливый, кислый...

Пароход стал на бочку в виду Золотого рога лишь в 4 ч. пополудни. С парохода мы съехали в 4 ½ ч. вечера и ночевали в Консульстве.

Утром, 29 декабря, во вторник, в 10 ч. Я отправился с визитом к послу и был принят им немедленно. Посол (8) меня отрекомендовал первому секретарю, первому драгоману и прочим чинам Посольства и познакомил с Н.В. Кохманским, будущим моим спутником по Сирии. Посол предполагал, что мы отправляемся прямо в Сирию

Л. 2 об. (4 Дм.)

и предложил мне остаться в Константинополе до субботы, 2 января, чтобы ехать в Бейрут на пароходе кругового рейса вместе с г. Кохманским, который должен был подготовиться к этому дню. Но когда узнал, что наша ревизия начнется с Иерусалима, и что я предполагаю быть в Бейруте около 8 февраля, то обрадовался этому плану, заявив, что Кохманский ему сейчас необходим в Константинополе (Ожидается приезд 4 января Епископа Кронштадтского Владимира в Константинополь, и Патриархия, в свое время протестовавшая по поводу назначения сего епископа правителем русских церквей в Константинополе, крайне беспокойно относится к предстоящему приезду еп. Владимира и бурно обсуждает его в своем синоде. Поговаривают не иначе допустить его к богослужению как затребовав предварительно грамоту от Св. Синода из Петербурга (9)) — Ввиду неотложности дел церковного характера, которые без компетенции г. Кохманского не могут быть разрешены. Таким образом, решено было продолжать путь дальше до Александрии, а из Иерусалима телеграммой или письмом известить Чарыкова о дне моего приезда в Бейрут, к каковому времени будет там и г. Кохманский.

Так как приема ожидало много других лиц, а мои поручения не были исчерпаны, то в 5 час. вечера мне назначен был вторичный прием, который беспрепятственно продолжался

Л. 3 (5 Дм.)

до семи час. вечера. На вторичном приёме я осмелился спросить Николая Валериевича о программе будущей реорганизации наших школ и об инст-

рукции для нашей поездки по Сирии. На это получил ответ, что в этом случае он всецело доверяется инструкции Палестинского Общества, и г. Кохманский будет в полном моем распоряжении, а относительно реорганизации речь будет впереди, по моем возвращении в Константинополь, когда я поживу подольше в Константинополе и дам обстоятельный доклад: 1) О современном положении наших Сирийских школ; 2) О новом типе школ в Сирии, согласно с желаниями населения, потребностями страны и церкви и достоинством и интересами России и 3) О предполагаемых мерах по ликвидации школ, не возбуждающих местного населения и не наносящих ущерба престижу России. Говоря и о новом типе школ для Сирии, Чарыков вполне одобрил намеченный Вами тип средней Сирийской школы — богословско-профессиональный. Так как цель русской политики поддерживать Православие совпадает и с главной задачей Общества, то по мысли Чарыкова, мы прежде всего должны позаботиться об образовании высшего и низшего сирийского духовенства, как проводников и столпов православия в этой стране. Профессиональное образование — лишь дополнение к основному богословскому образованию для лиц, не желающих, или неспособ-

Л. 3 об.(6 Дм.)

ных к духовному званию, и для приманки в стены этой школы большого числа учащихся сирийских уроженцев. Таких средних школ может быть не больше двух. В отдалённых местах от культурных центров, быть может достаточно и наших начальных школ, а посему и, по мнению Чарыкова, посещение наших захолустных школ весьма желательно и даже предпочтительно пред школами на железной дороге и в богатых деревнях.

По мысли Чарыкова, необходимо стараться о передаче школ в ведение общин с обещанием нуждающимся общинам пособия от русского Правительства из тех 35 т.р., которые отпущены были в пособие Антиохийскому Патриарху по воле Государя. Чарыков мне при этом сообщил, что эта субсидия будет отныне находиться в руках Посла и Дамасского Консула Князя Шаховского, которые распределят её сообразно действительным потребностям общин и школ, а не по карманам Патриарха и митрополита в. Князь Шаховской таким образом делается царьком во всей Сирии, низведя положение Гагарина (положение которого пока ещё не очень прочно) на нуль. Сирийское генеральное консульство делается ниже консульства Дамасского, на которое посол взирает с большею надеждою и не без вождлений...

Пребывание Циммермана в Константинополе не прошло бесплодно. И По-

Л. 4 (7 Дм.)

сол и Кохманский советуют мне ехать в Алеппо с целью открыть там нашу школу. Зная мнение на этот счет Совета нашего, я отклонял эту поездку всячески, но Кохманский, будущий консул в Алеппо и *persona grata* у Посла, считает эту поездку делом решенным. Желая по сему вопросу знать Ваше мнение и в категорической форме. Послу на его настойчивое желание посетить Алеппо я ответил: «Полагаю, совет, в принципе отклонивший мысль об открытии школы в Алеппо, не будет противоречить Вашим желаниям и видам нашего Правительства и нашей политике на Востоке. Одна беда — поездка эта трудная и едва ли для нас полезная».

Мысль о школах в Мерсине и Деарбекире (10) признается здесь фантастичною.

Второй вопрос — мирликийский посол считает безнадежным, но берется за него с условием, если со стороны Общества к нему будет обращен вопрос. Посему ему более улыбается вторая идея — о создании русского храма и подворья в Бари близ гроба Св. Николая на имеющийся в распоряжении АВГУСТЕЙШЕГО Председателя капитал. Посему посол просит, чтобы Вы обратились к нему с письмом от имени Общества по вопросу о Мирликийском участке и изложили бы мысль в духе письма М.П. Степанова к графу Гейдену (11). Посол просил переслать ему, если возможно, и копию письма к графу

Л. 4 об. (8 Дм.)

Гейдену. Я со своей стороны при этом присовокупляю просьбу: при снятии копии, проверить с моим подлинником, так как при переписке, проникли в это письмо грубые ошибки и по местам бессмыслица. Я нарочито в деле о мирликийском участке храню и свой черновик, который хорошо известен В.Д. Юшманову.

30 декабря я был приглашён с женою на завтрак к послу и познакомился с Назимом-Пашею (12), бывшим военным министром, ныне губернатором в Багдаде.

В тот же день сделал визит вселенскому патриарху, но принят не был. По разговорам с лицами патриархии я убедился, что патриарх, получив мою карточку, намеренно уклонился от свидания со мною. Вывожу свое заключение из следующего. Когда внизу справлялся: дома ли патриарх?, мне любезно сказали: дома, а когда я поднялся и дал свою визитную карточку, то заявили, что патриарх вернулся из своего загородного дома и отдыхает. Я было выразил намерение посетить патриарха позднее (визит мой был в 3 ч. пополудни, когда на Востоке никто не отдыхает), но мне заявили, что сегодня он чувствует себя плохо и не сможет меня принять, но с удовольствием примет завтра. Я заявил, что завтра в 10 ч. утра я выезжаю в Александрию и быть у Его Святейшества не могу. Испросив благословения и мо-

Л. 5 (9 Дм.)

литв и Его Святейшества заочно, я покинул патриархию и отправился в святогробский метох, здесь я нашел известного Вам по Москве Арсения, арх. Неапольского, Никодима арх. Лидского, приехавшего из Иерусалима для лечения, и двух синодалов митрополитов Константинопольского синода: Иоакима Ксанфского и Герасима Иоакинского. Принят был радушно и разговор велся самый оживленный. Арсений арх. вспоминал свое знакомство с Вами, а митрополиты решали вместе со мною вопрос, сильно занимающий патриарха — имеет (13) ли право епископ Кроншатдский въезжать в Константинополь, как архиерей периодевт (14) без грамоты Св. Синода к патриарху и без благословения последнего. Этот приезд и подчинение архимандритов Константинопольского и Афинского Кроншатдскому епископу греки считают попранием церковных канонов и грозят не допустить его к совершению богослужений в русских церквях, помимо посольской. Последнюю они считают экстерриториальною... Но думаю, что шум этот разрешится благополучно, так как еп. Владимир — гость посла, а с Чарыковым, после его многочисленных услуг патриархии, им ссориться не выгодно.

Кроме сего сделал визиты о. архимандриту Ионе, во все русские подворья в Константинополе и в Археологический Институт (15). Из бе-

седы с г. Успенским (16) в Институте выяснилось, что мой спутник Кохманский — в делах церковных греческой Церкви малосведующий

Л. 5 об. (10 Дм.)

и в миссии, какая на него возлагается послом, якобы не надежный. Признаюсь, по первому впечатлению и на меня Кохманский не произвёл особенно благоприятного впечатления, и когда я узнал, что это тот Кохманский, который путался с келлиотами в Солуни и достаточно себя скомпрометировал в этом деле. Вы можете судить это по делу, имеющемуся в нашей Канцелярии, о возведении афонских келлиотов в пожизненные действительные члены Общества, отвергнутому Советом, то я прямо пришел в недоумение... (17) Мне же посол дал понять, что это лицо, пользующееся его доверием и якобы сведующее в делах церковных. Посмотрим, что покажет будущее, но тяготение к Алеппо и необъятные полномочия князю Шаховскому мало мне сулят хорошего.

Общее моё впечатление от Константинополя благоприятное, но плана ясного и строгого относительно интересующего нас вопроса не вижу.

Завтра плыву в Александрию и в Богоявление буду в Каире. Числа 15–20 января брошу якорь в Св. граде, в ожидании В.И. Бельнского (18). Прошу передать мой привет и лучшие пожелания с новым годом Д.В. Истомину (19) и всем моим сослуживцам.

С глубочайшею преданностью иметь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою

А. Дмитриевский

Письмо от 9 января 1910 г. Из Каира

РНБ ОР Ф. 253. Д. 31. Л. 6–9

Л. 6 (11)

Каир 1910 г. 9 января

Ваше Сиятельство
Глубокопочтимый Князь
Алексей Александрович

Путь наш до Александрии от Константинополя был вполне благополучен. И в Смирне, и в Афинах преследовал нас сильный дождь, но море, за исключением последней ночи, дарило нас полным спокойствием. Зато, едва наш пароход подошел к Александрии, как поднялся страшный шторм на море, сопровождавшийся тропическим ливнем. Наш капитан приглашал нас благодарить Бога за благополучное путешествие, так как при указанном шторме и отсутствии на пароходе достаточного багажа, пароходу могла грозить и большая опасность на море.

В Каире я осматривал достопримечательности и грелся на солнце, любясь очаровательною весною и сочной зеленью. В полдень в тени термометр показывал 18 градусов тепла.

Не забываю я здесь и своей прямой задачи. Вчера посетил местность Дагер, где находится подворье Синайского монастыря. Так как здесь в прошлом году свыше 100 поклонников наших, возвращавшихся с Синая, имели в течение

нескольких дней приют, то я внимательно осмотрел здание подворья и помещение для поклонников. В виду отсутствия синайского архиепископа Порфирия, проводящего праздники в монастыре Св. Екатерины на Синае, и старшей братии, разъехавшейся в разные стороны, и благодаря любезности о. эконома, откровенно с нами беседовавшего, мне удалось сделать осмотр подворья тщательный, но впечатление, полученное от этого осмотра, прямо удручающее.

Положение подворья Синайского монастыря превосходное. В 10 минутах ходу от вокзала и получаса ходу, или самое большее в трёх четвертях часа ходу до Матаризэ, где имеется древо Богоматери, под которым, по преданию, Она отдыхала с Богомладенцем Иисусом Христом и праведным Иосифом, по прибытии из Вифлеема в Египет, и колодезь, из которого Она черпала воду для питья и для омовения пелен Богомладенца. Здание подворья снаружи великолепное и обнесено чудным садом. Прямо против входа приемное зало, а за ним древнеримский перистиль с целым рядом колонн, поддерживающих плоскую кровлю дома — место вечерних прогулок обитателей — с настоящим атриумом, лишенным, однако же, водоема и всякой растительности, как например, в casa nova Помпеи. Из галереи вход в жилые помещения иноков — синаитов и в

весьма обширный храм подворья, остающийся неосвященным, за отсутствием на это благословения Александрийского патриарха Фотия, всячески мешающего пребыванию здесь синайского архиепископа Порфирия. С галереи по каменной лестнице, близ самой церкви, спуск во двор или атриум и оттуда по другой, более длинной лестнице, спуск в нижний этаж здания, окна которого находятся в уровень с землёю. Здесь в этом-то полутемном и сыром подземелье до самого потолка, куда луч света пробивается с трудом, устроено несколько комнат для поклонников, заполненных в настоящее время картофелем, луком и разными другими предметами обычного домашнего житейского обихода, которые мы большею частию храним в погребках и темных чуланах. Нужно думать, что первоначальное назначение этих подземельных комнат и было служить кладовыми, но потом, когда наши паломники по старой памяти о Джувании, стали искать себе пристанище у синаитов, то синаиты, не желая лишиться доходов от поклонников, решили дать им это место для временного пребывания, причем даже не позаботились обставить хотя более или менее сносно. На сырой земляной пол этих комнат они положили на накатах ряд досок, покрыли их циновками, и решили, что такое логовище /инога названия для этого помещения нельзя придумать, для русского палом-

ника будет вполне достаточно. Но как ни снисходительны и не мало требовательны в своих хождениях по Св. Местам наши паломники, на сей раз, однако, и они, по словам откровенного отца эконома, запротестовали и отказались идти в свиное логовище. Многие из них предпочли остаться на холодной, незащищенной от дождя, террасе, и дрогли под своими кожухами от дождя. Самое возмутительное — это устройство отхожего места в середине этих подземельных комнат. Благодаря русской

неряшливости, запах — от упомянутого соседства — в подземелье удушливый и вонючий даже и теперь, несмотря на то, что в одной из этих комнат мы застали лишь 3 синайских бедуина и больше никого. Можно вообразить себе, какая атмосфера была в два предыдущие года, когда сразу здесь помещалось свыше ста человек наших паломников. По моему, вопиющая необходимость — позаботиться о сносном помещении здесь для наших паломников, которые в собственном смысле слова не имеют здесь где главы подклонить. Простодушный и откровенный о. эконоом передавал нам, что в случае прибытия на подворье русских духовных лиц или знатных сановных лиц, он им отдает свою комнату для ночлега, устроив себе постель в приемном зале, или же приспособляет для них помещение привратников — кавасов. Вот в каком злополучии находятся наши паломники в Каире, и едва ли синаиты могут дать им что-нибудь

Л. 8 (15 Дм.)

лучшее в ближайшем будущем. Правда, о. эконоом говорит, что он убеждает архиепископа устроить для поклонников специально здание и указал нам место для него или же — надстроить третий этаж, под (20) существующим зданием, но его добрым намерениям едва ли суждено осуществиться в ближайшем будущем, так как лишних денег для сего у синаитов никогда не было, и нет их в настоящее время.

Чрезвычайно поэтому я обрадовался, когда узнал, что заботу о наших паломниках принимает на себя Александрийский патриарх Фотий (21), хорошо знакомый по Иерусалиму и Синаю со вкусами и потребностями наших простецов паломников, и для патриархии, которая никогда не могла похвалиться обилием денежных средств. Патриарх Фотий намерен устроить для паломников особую комнату в патриархии, Каире, где создается теперь великолепный храм во имя Св. Георгия, создать даже специальное подворье, и оборудовать его — применяясь ко вкусам паломников и вообще руководить нашими паломниками в Каире по программе, им придуманной. Такое же подворье он сооружает для них и в Порт-Саиде.

В Матариз, где имеется очень

Л. 8 об. (16 Дм.)

милый католический храм с роскошным садом, патриарх строит православную церковь, в которой может каждый воскресный день совершать богослужения Мефийский митрополит Патриарх Александрийский Фотий, хорошо мне известный по синайскому моему путешествию в 1888 г., когда он проживал на Синае в качестве изгнанника из Иерусалима, принял меня весьма сердечно и угощал меня весьма обильною трапезою. Не знаю, насколько это верно, но Патриарх Фотий мне дал обещание войти в постоянное братское общение с членами нашего Св. Синода и ответить на целый ряд писем к нему митрополита Антония.

Из разговоров с патриархом узнал, что Иерусалимские бунтовщики и в их числе их пресловутый арх. Евфимий, игумен Святогробский, возвратятся в Иерусалим к Пасхе. Посмотрим, насколько это справедливо, и что от сего отродится.

О патриархе Антиохийском Григории патриарх Фотий отзывался восторженно, считая его великим деятелем церкви Сирийской. *Tempora mutabuntur, mutantur et mores* (22).

В понедельник через Порт-Саид на пароходе Австрийского Ллойда еду в Яффу и 12 числа января вечером предполагаю быть в Иерусалиме. Поклон Дмитрию Владимировичу.

С глубоким почтением и преданно-

Л. 9 (Дм. 17)

стию Вашего Сиятельства слуга покорный Алексей Дмитриевский.

Простите за плохое писание. Не нашел хорошего пера во всей гостинице.

Окончив письмо, не могу два слова не сказать о здешнем полномочном министре А.А. Смирнове. Занятый собою и существующий здесь для знатных соотечественников, он ровно ничего не делает для наших соотечественников-паломников. Когда я ему передавал свои впечатления о подворье синаитов в Дагере и о том, что паломничество в Каире растет из года в год, он мне ответил, приятно улыбувшись:

«Да, я их однажды видел здесь на улице». От таких защитников и представителей России в Каире тепло нашему бедному паломнику не будет. А по душе — это добрый и весьма симпатичный человек.

Первая черновая версия рассказа о тех же самых событиях

РНБ ОР Ф. 253. Д. 31. Л. 50—56 об.

Глава II (23)

В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

15 декабря, имея спутником свою жену, пожелавшую ехать со мною в Палестину и Сирию, я выехал из Петербурга, направляясь в Москву, чтобы там получить благословение и указания Августейшего председателя Общества великой княгини Елисаветы Федоровны и несменного помощника его, всеми силами своей доброй и высокой души любившей Общество и горячо относившейся ко всему, что так или иначе касалось его жизни и деятельности генерал-от кавалерии М.П. Степанова.

Ее высочество я нашёл на Ордынке в скромном двухэтажном домике Марфо-Мариинской Общины, созданной ее усилиями и горячей любовью послужить на благо страждущему и горем обдергающему человечеству (24). Че-

Л. 50 об.

рез низенькую калитку и по звонку к швейцару в довольно тесный коридорчик с двумя невысокими лестницами я поднялся на второй этаж довольно уютного необширного приемного зала с самою простою обстановкою, состоящею из длинного стола, поставленного от входной двери вдоль зала, и по стенам расположенных венских стульев. В переднем углу пред большою иконою в киоте теплилась лампада. Появившаяся из боковой залы, одетая в белое монашеское одеяние сестра известила меня, что Её Высочество занята сейчас и просит обождать несколько минут в ее рабочем кабинете. Меня по лестнице провели в нижний этаж особняка в уютную небольших размеров комнату, обставленную изящною красного дерева мягкою мебелью. На окнах стояли цветы, а на рабочем письменном столе стояла ваза с ландышами, любимым цветком Ее Величества. Но и обстановка первой парадной приемной и второй — рабочего кабинета — так мало напоминали ту роскошную обстановку, среди которой я имел счастье первый раз представляться Её Высочеству в 1906 году, когда она проживала с детьми вели-

кого князя Павла Александровича и покойной великой княгини Александры Георгиевны в Кремлевском Николаевском дворце (25). Этот контраст в жизни и обстановке Её Высочества мне бросался в глаза теперь и занимал мою мысль в эту минуту, когда я сидел в рабочем кабинете Её Высочества потому, что начало (26) душевного настроения и перелома в жизни Её Высочества я мог довольно ясно подметить (27) и в первое мое представление Ей. В январе 1906 г., после завтрака во дворце, к которому я удостоился быть приглашенным, за кофе, поданном в большой гостиной Её Высочество изволила долго и много беседовать со мною о Киевском женском монастыре, устроенном иждивенцем покойной великой княгини Александры Петровны, в инокинях Анастасии (28). Так как на меня выпадала нередко (29) высокая честь беседовать по делам Покровской общины и ее устройства с великою княгинею Александрою Петровною и быть исполнителем ее поручений на Афон к старцам Пантелеймоновского русского монастыря, то Её Высочество живо и много интересовалась не только состоянием Покровского женского монастыря, его церковно-служебными порядками, но и личностью незабвенной ктиторши его. Беседуя в то время в Николаевском дворце, мне конечно, и не приходило в голову, что я имею перед собою уже созревшую в мыслях другую царственную подвижницу и молитвенницу за русский народ и русскую землю и заботливую попечительницу о сиротах и всех обременённых жизненным тяжелым крестом, и что

Л. 51

в недалеком будущем я встречу с Её Высочеством при другой обстановке и в иных условиях Её жизни.

Мои размышления по поводу казанного контраста были прерваны приглашением вверх к Её Высочеству. Я остановился в ожидании Её Высочества пред длинным столом. Вскоре передо мною едва слышными шагами через боковую дверь в зале появилась Её Высочество, одетая в серое тяжелое монашеское платье, с четками в руках и с белым апостольником на голове. Лицо Её мне показалось несколько бледным и осунувшимся, но и теперь еще не исчезли на нем следы очаровательной неземной красот, какою щедро одарила Её Высочество природа в годы цветущей юности. Я поцеловал поданную мне руку и у нас началась беседа по поводу предстоящего моего путешествия в Св. Землю. Сделав несколько беглых указаний и советов на этот счет и поручи мне передать Его Блаженству Иерусалимскому патриарху Даминау усерднейшую просьбу Её о святых молитвах у Живоносного Гроба Господня, а лично мне, при возвращении в Россию, доставить Ей бутылку с освященною Иорданскою водою, Её высочество скоро простилась со мною, сердечно пожелав счастливого пути и благополучного возвращения на родину.

На другой день за завтраком у радушного хлебосольного товарища Председателя М.П. Степанова (30) живо и всесторонне обсуждался план моего предстоящего путешествия в Палестину, причём с особым ударением предлагалось обратить своё внимание на доктора русской иерусалимской больницы В.Я. Северина и бухгалтера конторы Общества в Иерусалиме К.Н. Петропуло, о которых из Палестины имелись неблагоприятные и даже в до некоторой степени компрометирующие их отзывы.

Канун великого праздника и первый его день я провёл в молитвах памятного мне навсегда изящного храма в доме Киевского религиозно-просветительно-

го Общества, при сооружении которого мне пришлось немало потрудиться и словом, и делом, и иметь высокую честь в течение почти пяти лет состоять первым ее церковным старостою. Сослуживцы и сотрудники мои совместно с прихожанами — постоянными богомольцами — встретили меня с радостью и своим ласковым вниманием усугубили мое высокое праздничное отрадное настроение. «Сытная кутя» и первый день праздника проведен в кругу родных жены, занимающих ту самую квартиру, в которой я прожил 10 лет /Бульварно-Кудрявская улица д. 21/, а на второй день праздника курьерским поездом я выехал через Одессу в Константинополь (31).

Л. 51 об.

31 декабря (32) я покинул Константинополь и Новый 1910 год в 12 часов ночи встречал в компании капитана парохода и некоторых пассажиров за бокалом шампанского в открытом море, по выходе из Дарданелл, на пути к Смирне. Наша скромная встреча грядущего новолетия была самая простая и, выпив здравицу, наш милый капитан отправился на вахту, а мы улеглись в постели. Утром, когда пробудились, пароход уже стоял в гавани у набережной очаровательного по местоположению амфитеатром богатого торгового города Смирны, имея своим соседом убранную праздничными флагами императорскую яхту «Штандарт». Мы сошли на берег и прошли по благоустроенной набережной города, накупив для дороги самых свежих смирнинских дынь». За дурною погодою мы на берегу долго не останавливались и вернулись к завтраку на пароход.

Утром следующего дня мы были в Пирее, бросив якорь близ русского парохода «Николай II» на котором находилась плавающая выставка русских товаров. Пароход этот чинился и прибирался к приёму короля и королевы греческих, которые намеревались в этот день посетить эту выставку. По предварительному уговору с другими пассажирами, мы решили осмотреть некоторые достопримечательности Афин. По железной дороге из Фалеро мы добрались через 20 минут в город, а здесь, наняв экипажи, проехали улицы Гермеса, площадь Омонии, Спитаглии, главную улицу, осмотрели снаружи здание национальной библиотеки, Университета, Академии Наук, дворец короля, русский храм св. Никодима. За...оп, (33) стадион, колонны храма Зевса, древние театры и поднялись в Акрополь. Страшный ветер и проливной дождь помешали нам осмотреть подробнее развалины пропилей, Парфенона, Эрехтиона и Никеа Птероса (34), а также Тизеона и темницы Сократа, и мы были вынуждены возвратиться на станцию железной дороги, чтобы ехать в Пирей на пароход, снимающийся с якоря в 2 часа дня.

Л. 52

На (35) пароходе из Константинополя до Александрии ехал с нами молодой дипломат — наш резидент при абиссинском негусе г. Орлов, с которым я очень хорошо познакомился и много интересного узнал из жизни политических и религиозных христиан-абиссинцев и об их отношении с некоторыми пассажирами парохода, напр. с инженером С.И. Рудницким, оказавшим мне весьма солидные услуги при осмотре наших подворий и определении (36) их современного состояния в техническом отношении; доктором парохода и его молодой, красивой но несколько легмысленной супругой. Все эти лица пожелали сопутествовать нам в Каир для осмотра

его достопримечательностей, а инженер Рудницкий (37), под влиянием моих с ним разговоров, выразил готовность сопутствовать мне даже в Иерусалим. С парохода мы с женою и с г. Орловым съехали на берег и временно остановились в одной из гостиниц, предполагая остаться в Александрии до утра, но когда нам сказали, что вечером отправляется курьерский поезд в Каир, и мы там будем в 10 вечера уже мчались в поезде к намеченной цели. Вагоны были переполнены комивояжерами и проводниками, на самых разнообразных языках рекомендовавшими (38) нам и прочим пассажирам в самых изысканно преувеличенных выражениях свои отели и предлагавшими свои услуги в качестве гидов с заманчивыми перспективами чуть ли (39) не за гроши видеть все семь чудес света и пользоваться самым великолепным (40) комфортом. Так как наш выбор отеля был решен ещё на пароходе, благодаря рекомендации лиц, бывавших в Каире, то от предложений навязчивых услуг мы отказались. Нам оставалось любоваться мелькавшими перед окнами нашего курьерского поезда деревушками, утопавшими в роскошной зелени садов, и полями, покрытыми свежей зеленью полевых злаков, и слушать восторженные похвалы в честь Гелуанского климата /лечебный для чахоточных курорт/, беспримерной дешевизны на этом людном курорте, при самой изысканно-комфортабельной обстановке и чудесам, какие творят местные эскулапы над своими приезжими из Европы, Азии и Америки пациентами. Нередко на наших же глазах в вагоне завязывалась страстная полемика между гидами, когда расходившийся не в меру панегирист Гелуана и его всякого рода благ в своем увлечении неосторожно, и сам того не замечая, переступал границы допустимого этикетом этого сорта людей и касался слабостей или недостатков чужих патронов (41) и их заведений, и тем задевал других гидов, сидящих в нашем вагоне на

Л. 52 об.

других скамьях. Схватки между соперниками принимали бурный характер и публика вынуждалась волею-неволею вступать в роль примирителей для улаживания инцидентов. В 10 час. вечера, в сумерки, мы были в Каире и каретах намеченного нами отеля мчались по ярко освещенным электричеством улицам города к избранному пункту. Отель, рекомендованный нам, оказался весьма приличным, в центре города, и сравнительно недорогим: за 25 франков в сутки мы имели весьма приличный номер с двумя кроватями и чистым хорошим постельным бельём, утренний кофе с маслом и сыром, в 12 часу завтрак из 2-х блюд с фруктами и в 5 час. обед из 5 блюд с фруктами /при выездах из города на экскурсии завтрак и обед выдается на руки/.

Следующий день, по въезде в Каир, был крещенским сочельником, поэтому я пожелал помолиться вечером в патриаршем храме. Так как я в Каире был уже не в первый раз и долго в 1888 году работал в патриаршей библиотеке, то разыскать патриархию и базилику во имя Св. Николая не представляло для меня никакого труда. Однако, к моему огорчению, храм патриархии оказался закрытым, и я узнал от привратника, что до завтрашнего дня службы в нём никакой не будет. Вечером бесцельно бродил в богатом растительностью, наполняющею (42) воздух (43) ароматом начинающейся (44) здесь весны (45), городском саду, который показался мне пустынным и безлюдным по сравнению с 1888 годом. На его прудах уже не было слышно криков стаи белоснежных лебедей и куда-то исчез-

ли маленькие, окрашенные в зеленую краску, ялики, качавшиеся на их волнах. Вдыхая аромат весны, я бродил по саду, полный воспоминаний сравнительно уже далекого прошлого, когда я, с верою в лучшее будущее и с неутомимой жаждой новыхведений и открытий в излюбленной мною специальности, но со скудными финансами доцента в кармане, в первый раз очутился в этом чудном всемирном городе и в этом роскошном саду...

Рано утром я поднялся с постели, чтобы выслушать божественную литургию, которую, при пении хора, освещении всех паникадил /вернее люстр/ и при переполненном богомольцами храме, совершал патриарх александрийский Фотий. По окончании литургии в купели с водою, поставленной на дворе близ храма (46) был совершен чин богоявленского водоосвящения, после которого патриарх окропил народ святою водою при посредстве букета живых роз. Розы на груди и в петлицах мужчин, букеты роз в руках дам и детей — всё это окроплялось богоявленскою водою и благоговейно уносилось из хра-

Л. 53

ма по утрам. Из храма я отправился в городской сад, где в 10 час. утра на солнышке, при 18 градусах тепла мы с женою на террасе кофейной пили кофе и до завтрака писали письма на родину, причём жена была в летнем платье, а я в одном пиджаке.

После завтрака мы всей русской кампанией совершили поездку на трамвае к пирамиде Хеопса и знаменитому сфинксу. Здесь проводники нам предложили для прогулки вокруг пирамид осликов и верблюдов, а фотограф-промышленник «на память о посещении пирамид» сняться. Мы не устояли перед искушением и через два дня очень недурная фотография нашей кавалькады была в наших руках. Но пирамида Хеопса не произвела на меня сильного впечатления ныне, как то было в 1888 году. И трамвай, и английская гостиница со службами почти у самого подножия пирамиды, и торгашество оборванцев феллахов, залезавших к нам в карманы с предложением разных услуг и фальшивых «антик» делали этот когда-то пустынный мировой уголок, имевший свою особую прелесть пустыни, из которой открывался вид на Сахару, настоящим базаром и улицею (47) Каира, превратившуюся (48) в рядовую, захолустную, с наглыми оборванцами, не дающими проходу иностранцам. И пирамида, и сфинкс на этой картине житейской суеты кажутся лишь фоном или аксессуарами, как бы случайно поставленными художником декоратором. Как бы из земли вырос перед нами фотограф-любитель и предложил нам свои услуги. Мы снялись всей группой на осликах с проводниками и на фоне нашей группы красуются и сфинкс, и пирамида Хеопса, и группа верблюдов, и босоногие феллахи в белых грязных рубашках.

От предложения слазить на пирамиду Хеопса и войти во внутреннее ее помещение при помощи феллахов, втаскивающих любителей непременно быть там, где нет никакой нужды быть, за руки и подсаживающих сзади я отказался и отговорил многих из своих спутников, так как это бесплодное и бесцельное путешествие совершал в 1888 году и был и в том, и в другом случае сильно разочарован. Вознаградило меня за это тяжелое восхождение лишь одно ничтожное обстоятельство, замеченное мною на вершине пирамиды: вырезанная на граните надпись «Наполеон», показывающая, что и великие гении мира сего не чужды слабостей, свойственных обычным смертным людям — видеть все,

что от глаз наших сокрыто и непременно оставить по себе ни для кого ненужный след. Но доктор парохода из нашей компании быстро покинул нас и начал довольно живо карабкаться по гранитным глыбам в один аршина высоты, на

Л. 53 об.

пирамиду. За ним бегом пустились догонять его мальчишки-феллахи, предлагая ему свои услуги — помочь в начатом восхождении. Доктор решительно отбивался от непрошенных спутников, являя для нас, наблюдателей снизу, пример быстрого и лёгкого восхождения на пирамиду. Но сыны пустыни — феллахи не покидали свою жертву, опытно зная хорошо, что рано или поздно их услуги будут необходимы для смельчака, и всё равно они выклянчат у него желаемый «бакшиш». Действительно, через полчаса мы уже видели доктора спускающимся с пирамиды и феллахи его поддерживали за обе руки. «Бакшиш» был заработан и уплачен, но кроме тяжёлого утомления ничего не вынес доктор из этого восхождения. Даже виды на Сахару и окрестности Каира не вознаграждают тех трудностей, с какими совершается это восхождение.

От проникновения внутрь пирамиды Хеопса доктор и остальные спутники отказались, так как внутренние помещения пусты и лишены интереса. При ярком свете зажжённого алюминия над головами носятся целые стаи летучих мышей — нынешние постоянные обитатели жилищ мёртвых фараонов — готовые вцепиться вам в волосы...

На другой день после завтрака вся наша кампания в экипажах отправилась в загородную прогулку в местечко Матариз, привлекающее к себе внимание христианских поклонников не только красотой местности, но и теми преданиями и священными воспоминаниями, которые связаны с этой местностью из истории земной жизни Господа Нашего Иисуса Христа. По преданию, под развесистым сикомором, растущим здесь и доселе приносящим плоды, укрывалось святое семейство, когда по велению ангела Господня во сне, праведный Иосиф с Богородицею и младенцем Иисусом бежал от злого замысла Ирода в Египет. В колодце, питающим и ныне сад данной местности и находящемся в той же ограде, якобы мыла Богородица пелены младенца Иисуса. Наши православные паломники любят это поэтическое местечко и охотно посещают его с целью испить вкусной воды данного колодца и собрать плодов сикоморы, которые якобы помогают от бесплодия.

Вблизи данной местности имеется очень изящная католическая церковка с гротом подле нею, утопающим в роскошном цветнике. При храме сад. Патриарх александрийский Фотий созидает здесь православный храм (49), в котором митрополит ме....ский (50) будет совершать по воскресеньям и в праздники богослужения.

Так как времени до обеда было еще достаточно, то решено было из Матариз отправиться в старый Каир, чтобы осмотреть там подзем-

Л. 54

ные старинные храмы. Осмотр начался с величественного храма во имя великомученика Георгия, вновь воздвигаемого стараниями александрийского патриарха Фотия на месте прежнего (51) довольно убогого храма. Здесь имеется чудотворный образ св. великомученика, привлекающий к себе православных богомольцев, особенно ищущих исцелений от душевных немощей. Для душевно-больных имеется под этим храмом каменный подвал, в котором в 1888 году мы застали несколько больных, прикованных к стене на цепях и лежащих

на соломе. Нам говорили, что многие недужные этого рода здесь получали исцеление. В том же подзёмелье сохранился до наших дней водомер древнего времени, которым измерялось в Египте поднятие воды в реке Ниле, когда он разливался. Из этого монастыря мы посетили несколько коптских убогих храмов и в одном из них спустились в подземелье с древнехристианским алтарем, в котором мраморный престол и жертвенник прислонены к самой стене крипты. Эту убогую темную церковку предание называет местом жилища, в котором ютилось святое семейство во время своего пребывания в Египте.

На следующий день, 8 января, до завтрака, я, имея в виду главную цель настоящей поездки, посетил местность Дагер, где имеется подворье Синайского монастыря.

После (52) завтрака все отправились в экипажах за город для осмотра Вулакского музея древностей. Прекрасное здание музея, который в 1888 году помещался на одном из рукавов Нила, именуемом Булаком, от коего и получил своё имя, ныне имеет собственное здание в роскошном загородном саду. Сюда проделана прекрасная для экипажей дорога, обсаженная по сторонам пальмами. Говорят, что эту дорогу египетский султан нарочито устроил к приезду в Каир французской императрицы Евгении. Обнаженные мумии фараонов различных династий, их жен и даже детей /последние плохой сохранности/, все предметы религиозного, военного, общественного и домашнего быта, собранные здесь в таком обилии и разнообразии, какого не дают самые богатые европейские музеи /до некоторой степени в параллель ему можно поставить лишь музей неаполитанский, в котором, благодаря тем же самым (53) раскопкам, так же богато и разнообразно в памятниках представлена жизнь древнего римлянина/, — производят весьма внушительное впечатление. Глаз посетителя не может оторваться от превосходных по выполнению масок, снятых с мумий так называемого александрийского периода, перед которыми маски мумий эпохи фараонов кажутся детскими

Л. 54 об.

игрушками и аляповатую грубою работою плохого маляра. Развешенные во множестве на стенах и покоящиеся ещё на саркофагах, очевидно, для образца, эти портретные маски доставляют зрителю высокое эстетическое наслаждение, а учёному археологу ценный материал для изучения быта повседневного древнего и ближайшего во времени (54) к нашей эре Египта. Вазы, наполненные засохшими фруктами и плодами полей, варенье в банках, жареные гуси, утки, свиные головы и т.п., детские игрушки всевозможных окрасок и художественного исполнения, наконец, изумительные по изяществу и тонкости работы и богатству украшений из драгоценных камней, изделия золотые и серебряные и т.п., расставленные в строго систематическом порядке по шкафам и изящным витринам, производят глубокое впечатление и доставляют высокое эстетическое наслаждение. Мертвый ныне Египет здесь встает перед нами во весь свой исполинский рост и заставляет невольно задуматься каждого над его изумительную даже и (55) для нашего времени всякого рода машин и изобретений техникою, мало чем уступающею, а иногда даже превосходящую технику наших дней. Своими восторгами и восхищением мы делились в роскошном саду музея, выражая искреннее сожаление, что это эстетически-научное наслаждение нам нельзя повторить: одни вечером покидали Каир, а другие потому, что не располагая избытком времени, имели другие

серьезные цели практического характера и желали оставшееся у них в запасе время употребить на осмотр других достопримечательностей мирового города Каира.

Утром 9 января я сделал визит александрийскому патриарху Фотию, с которым бок-о-бок прожил в 1888 году на Синае целых 4 месяца, деля с ним ежедневно хлеб-соль о совершая под его руководством экскурсии по окрестностям этого знаменитого монастыря (56). В то время, когда сей патриарх находился здесь в изгнании, чтобы, с приобретённую (57) громадную силу воли и закалив себя терпением (58), и обогатив себя на досуге и практическим опытом, и теоретическими научными сведениями, благодаря усердной и постоянной работе над своим самообразованием путём чтения и изучения языков арабского французского и русского, мы за это время сошлись с ним до интимной дружбы, которая потом и в России поддерживалась некоторое время перепискою. Во вторичный свой

Л. 55

приезд в Иерусалим в 1898 году я застал арх. Фотия уже в сане филадельфийского архиепископа и всемогущего секретаря патриаршего синода. Встреча с ним в это время была сердечная, но довольно короткая, так как при множестве лежащих на нем обязанностей, он сидел постоянно (59) запертым в библиотеке с пером в руках. Но и в это время он успел оказать мне высокую дружескую любезность, убедив патриарха Дамиана возвести меня в защитники Гроба Господня с пожалованием мне Честного Животворящего Древа Господня золотого креста 3-ей степени. Уже тогда в 1898 году ему предназначалась кафедра назаретского митрополита, которую он вскоре и занял и с которой он, по воле александрийской паствы единодушно был призван на престол евангелиста Марка.

Патриарх Фотий встретил меня с распростертыми объятиями, и одушевленная дружеская беседа наша могла бы тянуться до бесконечности, если бы ее не нарушали напоминания о визитах к нему разных лиц по делам церкви. Патриарх пригласил меня с женою на следующий день к себе на обед и сердечно простился со мною.

После завтрака жена с инженером С.И. Рудницким отправились в богатый и флорой, и фауной зоологический сад, а я остался в гостинице для приведения в порядок своих личных дел и корреспонденции.

После обеда я отправился с визитом к нашему полномочному министру и посланнику при египетском хедиве А.А. Смирнову, с которым у меня завязалось знакомство в Константинополе еще в 1886 году, когда он состоял при тамошнем посольстве в качестве третьего секретаря. Особенно тесное сближение произошло у меня с ним во время совместного двухнедельного пребывания на Афоне и путешествия по св. Горе (60) имея спутником своим и студента Московского университета зоолога А.Н. Харузина, впоследствии кишиневского губернатора и бывшего товарища министра внутренних дел. Я нашёл А.А. Смирнова, несмотря на сравнительно значительный промежуток времени с 1886 года, таким же сантиментальным, разочарованным, кислым, каким его знал и в дни юности, когда он упивался успехом своего романа «Брат», напечатанного у Каткова М.Н. в «Русском Вестнике» и когда он только ещё носился с идеею повести из византийской истории «Склирена», появившейся в печати у Маркса в журнале «Нива».

По душе добрый, по характеру весьма симпатичный, но болезненно-чувствительный, крайне нерешительный и увлекавшийся идеею братства и равен-

Л. 55 об.

ства, а посему державший себя с человеком, служившим при нем, как со своим близким семьянином, и с сыном его носился (61), в качестве крестного отца, как с родным, — идеею здравого русского смысла и мощного народного духа богатырей цикла былин эпохи св. князя Владимира, он восторгался и умилялся проектами и планами печальной памяти о. арх. Паисия, заведующего подворьем Афоно-Пантелеймоновского монастыря ар. Константинопольского (62) и начальника трагикомической абессинской миссии во главе с вольным казакм Н.И. Ашиновым (63) и его беспардонным сподвижниками. Нахально циничные деяния сего последнего якобы в Абессинии у негуса Менелика и его талантливового полководца Разсалулы и безудержно лживые рассказы его о политических и коммерческих авантюрах в салоне О.Д. Нелидовой (64), супруги нашего посла в Константинополе, желавшей всегда играть видную роль в нашей политике на Востоке, среди скучающего и бездельничающего многочисленного штата служащих и прислуживающих при посольстве, принимались А.А. Смирновым за чистую монету и ими он упивался. И сам Н.И. Ашинов, и его наемники Марийка и Аварка — абессинцы и какой-то дикий феллах, выдаваемый А.А. Смирновым за родственников абессинского негуса /к глубокому сожалению на эту удочку потом попались и наши государственные мужи, умудренные опытом жизни и убежденные седиными/ и за владетельных князей или шейхов Абессинии, в глазах А.А. Смирнова были герои, и он искренно ими увлекался, часто посещая подворья Пантелеймоновского Афонского монастыря, где Ашинов устроил для себя и своих спутников штаб-квартиру со всею пернатою живностью и мнимыми, накупленными в Каире и Александрии предметами военного быта Абессинии, предназначенными в подарки Государю и Его семье, чтобы (65) от имени негуса подолгу беседовать с ними...

Я нашел А.А. Смирнова дома (66). Он мило меня встретил, мило беседовал со мною о самых обыденных предметах, хвастался отсутствием серьезных политических наших интересов и дел здесь и с некоторую озабоченностью и даже тревогой говорил о встрече нашей плавучей выставки на пароходе «Николай II», плывущем в Александрию. Меня интересовали два вопроса: отношение нашего посланника к александрийскому патриарху Фотию и к нашим русским паломникам, в значительно довольном числе посещающим с Синая и Каир с целью обозрения их достопримечательностей в религиозном отношении. Оказалось, что А.А. Смирнов вполне усвоил себе взгляд наших высших духовных и гражданских сфер на патриарха Фотия как якобы «врага России», взгляд, по нашему глубокому убеждению, оши-

Л. 56

бочный, навязанный нашими политическими агентами в Иерусалиме и сантиментальными симпатиями к личности покойного иерусалимского патриарха Никодима в Петербургских высших сферах, а посему и сношения его с патриархом Фотием только официально-деловые, холодные и натянутые... Что касается наших русских паломников в Каире, то сей дипломат, жаловавшийся перед тем на отсутствие всяких наших интересов здесь, отозвался полным незнакомцем с этим Алексей Александрович, видел наших мужичков бродящими по улицам Каира». Ни о подворье Синаитов в Дагере, ни об их житье-бытье здесь во время

посещения ими Каира он ровно ничего не слышал и не знает. Он мне назвал лишь имена двух-трех наших высоких сановников и аристократов, которым она оказывал весьма существенные услуги, когда они обратились к нему за помощью.... Грустью повеяло на меня от этого откровенного признания русского дипломата-народника, по душе доброго человека.

На прощание А. А-ч похвастался мне своею квартирою, убранною в восточном вкусе на подобие будуара самой избалованной великосветской дамы. И тут мне вспомнилась его небольшая квартирка в Буюк-дере не менее роскошную, как и каирская. Припомнилась мне даже сама богатая и весьма разнообразная его коллекция сионских монашеских четок, под влиянием сионских впечатлений сильно занимавших этого русского дипломата.... Вышел я от А.А. Смирнова в грустном настроении.

Утром следующего дня, часов в 11 дня, я и супруга отправились в патриархию на обед. Патриарх Фотий встретил нас обоих весьма радушно и угостил нас на славу роскошным обедом, после которого предложил с террасы его дома любоваться видом города Каира и посмотреть персидскую мечеть, примыкающую к патриархии, где по случаю праздника «Чуксей-буксей», совершалось моление персов с мечами, которыми фанатики до крови ударяют себя в лоб и в грудь. Разговор наш с патриархом вертелся прежде всего на воспоминаниях о прошлом и в частности на синайском совместном сидении, а потом перешел на темы более современные и в настоящее время сильно меня занимавшие. Я передал блаженнейшему Фотию свои грустные впечатления, вынесенные мною из осмотра Синайского подворья в Дагере, и о том крайне неприглядном помещении для наших паломников в Каире, какое я нашел там. Патриарх с свойственною ему весьма живому и впечатлительному темпера-

Л. 56 об.

раменту сердечною отзывчивостию, заявил (67), что о наших паломниках сюда он занят мыслью давно и надеется взять это дело в свои мощные руки. И можно верить, что блаженнейший Фотий, который хорошо знаком со вкусами и потребностями наших паломников, с присущими ему энергиею и силою воли, сравнительно легко и в скором времени проведет в жизнь зародившуюся у него в голове счастливую идею. Созданный им и прилично обставленный паломнический приют в старом Каире, будет в равной мере полезен и для наших паломников, трудников Божьих, после утомительного Синайского путешествия нуждающихся в приличном помещении для отдыха, и для самой патриархии, никогда не располагавшей избытком денежных средств в. Патриарх мечтает и о создании для наших паломников настоящего подворья и в Порт-Саиде, но пока, конечно, на пути к осуществлению этих благих намерений энергичного владыки, пробудившего жизнь его (68) о александрийской церкви от спячки, в какой она находилась при его глубоком старце предместнике патриархе Софронии. Стоит на пути (69) недостаток материальных средств... Патриарху желательно поставить лучше и руководство нашими паломниками в Каире, для которых он, между прочим, и задумал храм в Матариреэ.

О патриархе антиохийском Григории, к которому я ехал для ревизии школ, патриарх Фотий отозвался с похвалою, называя его великим и разумным деятелем на благо сирийской церкви. Этот отзыв мне не показался правдоподобным в устах патриарха Фотия, или, по крайней мере, знаменательным после того, как еще недавно все восточные патриархи не желали иметь общения с избран-

ником народа этого патриархата (70). Рядом с этим патриарх Фотий не без удовлетворения сообщил мне новость, что в недалеком будущем пресловутый святогробский скевофилак Евфимий с товарищами, главные виновники в низложении патриарха иерусалимского Дамиана во время арабского движения, по изгнании из Иерусалима, нашедшие для себя радушно-гостеприимный приют под крылом александрийского патриарха, бывшего члена того же (71) святогробского братства, возвращаются в Иерусалим, чтобы занять им принадлежащие там почетные места. За этими воспоминаниями и разговорами незаметно прошло четыре часа времени (72), и мы откланялись поблагодарив хозяина за радушие и изысканно-любезное гостеприимство. Владыка сожалел о нашем скором отъезде из Каира и дал нам понять, что он не теряет надежды видеться с нами еще раз.

Вечером супруга с инженером С.И. Рудницким отправилась посмотреть

Л. 57

знаменитые караван-сарай, представляющие для туриста настоящие музеи индустрии востока всех веков и народов, а я в трамвае поехал в цитадель города, чтобы посетить одну из лучших мечетей города, видеть место темницы прекрасного Иосифа и ров, в который был заключен сей целомудренный праведник злою женой Петефрия /место это посещается нашими паломниками/ и полюбоваться оттуда открывающейся очаровательною панорамую грандиозного города Каира.

Предпоследний день нашего пребывания в Каире мы провели в грандиозном по своим размерам и богатой (73) внутренней отделке, вновь создаваемом национальном музее, который почему-то содержанием своим, весьма богатым и разнообразным, не произвел на нас такого впечатления, как Булакский музей. Можно думать, что здесь сказалось и утомление от массы новых впечатлений, которыми мы питались целые предшествующие дни этой недели, но быть может и зависело от подавляющей грандиозности неоконченного еще (74) отделкою здания и некоторою сравнительно с размерами пустотою и неупорядоченностью, выразившуюся хотя бы в том, что в одной из комнат этого музея мы наткнулись случайно на целый ворох бальзамированных крокодилов, ныне ободранных и кучами, в беспорядке лежавших в шкафах. В будущем, несомненно, это здание будет лучшим украшением этого дивного мирового города, превосходящего красотой и разнообразием зданий, причудливостью и украшений и своеобразной (75) жизнью улиц все известные нам города Европы.

Последний день, — воскресенье, после литургии, мы грелись на солнце и вдыхали аромат зеленеющей богатой растительности городского сада, а в 3 часа пополудни принимали в гостиной нашего отеля ответный визит патриарха Фотия, захавшего ко мне, чтобы проститься, с (76) национального торжества в одном из местных учебных заведений. Патриарху сопутствовали мемфисский митрополит и свита, бывшие также на этом торжестве. Мы предложили высоким гостям чай по-русски, и мило и сердечно около часу провели в дружеской беседе. Многие пансионеры отеля из православных греков, узнав о неожиданном посещении отеля патриархом, будучи лично знакомыми (77, 76) его, наполнили гостиную, чтобы принять благословение всеми уважаемого патриарха, и сделались невольными участниками нашей беседы, которая к общему удовольствию, велась на греческом языке...

Утром в понедельник 11 января, мы покинул Каир и в вагон-салоне курьерским поездом направились в Порт-Саид, чтобы вечером на пароходе австрийского Ллойда плыть в Яффу.

Вторая черновая версия рассказа о тех же самых событиях
РНБ ОР Ф. 253. Д. 31. Л. 65—69

Л. 65 (78)

Путь (79) до Константинополя совершил благополучно, хотя и при резких переменах в погоде. Из Петербурга выехал при температуре весьма мягкой, имея под ногами землю, покрытую довольно обильным снегом. Москва подарила меня двумя чудными солнечными днями, какие на долю бедных петербуржцев выпадают редко, да и то лишь в феврале и марте. Снегу мало и санный путь в городе весьма плохой. В Киеве встретил погоду обычную петербургскую — сырую с туманом, и так был обманут ею, что здесь решил покинуть барашковое пальто и шапку и заменить их пальто на вате и шляпою. За это был наказан вероломною красавицею юга — Одессою, где встретил 17 градусный мороз с жестоким штормом на море и снежною метелью. Во время путешествия по городу за свое легкомыслие я жестоко поплатился и отморозил себе руку, защищавшую уши. С трудом добрался до пароходной пристани и с ужасом вступил на палубу парохода «Ольга», долженствовавшего ввергнуть меня в бушующую водную стихию. Супруга моя, с ужасом и замиранием сердца перешедшая по мосткам, соединявшим нашего левиафана с твердою почвою, до отхода парохода уже лежала полумертвая и начала подвергаться страданиям морской болезни. Я бодрился и, благодарение Богу, сохранял бодрость в числе немногих пассажиров до самого Константинополя. Впрочем, следует и то сказать, что с берега водная стихия представляется более ужасною, чем когда мы отдали себя в ее распоряжение. По моему мнению, сильной качке мы подвергались с 1 часу ночи до 5 час. утра, а в остальное время была на море так называемая «мертвая зыбь».

Отвалив из Одессы в 11 час. утра, мы около 11 час. утра следующего дня были уже в Каваке, в Константинопольском проливе, любясь очаровательным видом европейских и азиатских высот, покрытых довольно значительным снежным покровом, при котором изумрудные воды чудного Босфора представляли взору наблюдателя особую восхитительную прелесть. В Каваке мы подверглись трехчасовой обсервации, а наши паломники в количестве 90 человек были свезены в лодках на берег. Их в карантине выкупали под теплым душем, а их белье подвергли чистке и дезинфекции. По возвращении на пароход, на мои вопросы о том, хороша ли баня турецкая, паломники меня сердечно благодарили за удовольствие, воображая наивно, что эта баня устроена по нашему распоряжению, от Общества. Двое из паломников спрашивали даже о том, где их выкупают вторично, и с грустью заслушали мое заявление, что до Иерусалима другой бани для них уже нигде не будет.

Л. 65 об.

Во время пути я спускался в трюм для паломников и нашел, что помещение их даже на этом пароходе, якобы предназначенном для перевозки эмигрантов на Дальний Восток, оставляет желать весьма многого. Ввиду того, что многие из паломников и особенно женщин-паломниц страдали морской болезнью,

в трюме воздух был крайне тяжелый и много валялось сору и грязи на полу. Ожидание карантинного надзора в Каваке вынуждало пароходную прислугу заботиться об уборке трюмного помещения, но воздух там все же удушливый, кислый...

Пароход сел на бочку в виду Золотого рога лишь в 4 час. пополудни. С парохода мы съехали в 4 часа вечера и ночевали в консульстве в семье родных жены у помощника посольской церкви В.Н. Кулакова (80).

Утром 29 декабря, во вторник, в 10 час. я отправился с визитом к послу и был принят им немедленно. Посол меня отрекомендовал первому секретарю, первому драгоману и прочим чинам посольства и познакомил с Н.В. Кохманским, будущим моим спутником по Сирии. Посол предполагал, что мы отправляемся прямо в Сирию и предложил мне остаться в Константинополе до субботы, 2 января, чтобы ехать в Бейрут на пароходе кругового рейса вместе с г. Кохманским, который должен был приготовиться к этому дню. Но когда он (81) узнал, что наша ревизия начнется с Иерусалима, и что я предполагаю быть в Бейруте около 8 февраля, то обрадовался этому плану, заявив, что Кохманский ему сейчас необходим в Константинополе /ожидается приезд 4 января епископа Кронштадтского Владимира в Константинополь, и патриархия, в свое время протестовавшая по поводу назначения сего епископа начальником русских церквей в Константинополе, к приезду епископа Владимира (82) и бурно обсуждает его в своем синоде. Поговаривают не иначе допустить его к богослужению, как затребовав предварительную мирскую грамоту от Св. Синода из Петербурга/. Ввиду неотложности дел церковного характера, которые без компетенции г. Кохманского якобы не могут быть разрешены. Таким образом решено было продолжать путь дальше до Александрии и Иерусалима, а из Иерусалима телеграммою

Л. 66

или письмом известить посла Чарыкова о дне моего приезда в Бейрут, к каковому времени будет там и г. Кохманский.

Так как у посла приема ожидало много других лиц, а мои поручения не были исчерпаны, то в 5 час. вечера мне назначен был вторичный прием, который беспрепятственно продолжался до 7 час. вечера. На вторичном приеме я осмелился спросить Николая Валериевича о программе будущей реорганизации наших школ и об инструкции для нашей поездки по Сирии. На это получил ответ, что в этом случае он всецело доверится инструкции Палестинского общества, и г. Кохманский будет в полном моем распоряжении, а относительно реорганизации речь будет впереди, по моем возвращении в Константинополь, когда я проживу подольше в Константинополе и дам обстоятельный доклад: 1) О современном положении наших Сирийских школ; 2) О новом типе школ в Сирии, согласно с желанием населения, потребностями страны и церкви и достоинством и интересами России и 3) О предполагаемых мерах по ликвидации школ, не возбуждающих местного населения и не наносящих ущерба престижу России. Говоря о новом типе школ для Сирии, Чарыков вполне одобрил намеченный Обществом тип средней сирийской школы — богословско-профессиональной. Так как цель русской политики — поддерживать православие — совпадает и с главною задачею Общества, то, по мысли Чарыкова, мы прежде всего

должны позаботиться об образовании высшего и низшего сирийского духовенства, как проводников православия в этой стране. Профессиональное образование лишь дополнение к основному богословскому образованию для лиц, не желающих или неспособных к духовному званию, и для приimanки в стены этой школы большего числа учащихся сирийских уроженцев. Таких средних школ может быть не более двух. В отдаленных местах от культурных центров быть может достаточно и наших начальных школ, а посему и, по мнению Чарыкова, посещение наших захолустных школ весьма желательно и даже предпочтительно перед школами на железной дороге и в богатых деревнях.

По мысли Чарыкова необходимо стараться о передаче школ в ведение общин с обещанием нуждающимся общинам пособия от русского правительства из тех 30 тысяч рублей, которые отпущены были в пособие Антиохийскому патриарху по воле Государя. Чарыков мне при этом сообщил, что эта субсидия будет отныне находиться в руках посла и Дамасского консула князя Шаховского, которые и будут распределять ее сообразно действительным потребностям общин и школ, а не по карма-

Л. 66 об.

нам патриарха и митрополитов. Князь Шаховской таким образом делается царьком во всей Сирии, низведя положение Бейрутского генерального консула А.А. Гагарина /положение которого пока еще не прочно/ на нуль. Сирийское генеральное консульство ставится послом Чарыковым ниже консульства Дамасского, на которое он взирает с большой надеждою и не без тайных серьезных (83) вожделений...

Пребывание русского консула в Алеппо г. Циммермана в Константинополе не прошло бесплодно. И посол, и Кохманский настойчиво советуют мне ехать в Алеппо с целью открыть там нашу школу. Зная мнение на этот счет Совета нашего, я отклонял эту просьбу всячески, но Кохманский, бывший консул в Алеппо и *persona grata* (84) у посла, считает эту поездку делом решенным. В категорической форме послу на его настойчивое желание посетить Алеппо я ответил: «Полагаю, что Совет, в принципе отклонивший мысль об открытии школы в Алеппо, не будет противоречить Вашим желанием и видам нашего Правительства и нашей политике на Востоке, если, конечно, позволяет ему его материальные средства... Одна беда: поездка эта трудная и едва ли для нас теперь полезная».

Мысль о наших школах в Мерсине и Диарбекире (85) признается здесь также фантастичною.

Второй вопрос мирликийский посол считает безнадежным, но берется за него под условием, если со стороны Общества к нему будет обращено ходатайство. Ему более улыбается вторая идея Общества — создать русский храм и подворье для паломников Бари близ гроба Св. Николая на имеющийся в распоряжении Августейшего Председателя капитал. Посему посол просит, чтобы Общество обратилось к нему с письмом по вопросу о мирликийском участке и изложило бы мысль в духе письма М.П. Степанова к графу Гейдену (86). Посол просил переслать ему, если возможно, и копию письма к графу Гейдену.

30 декабря я был приглашен с женою на завтрак к послу и познакомился с Назимом-Пашою, бывшим военным министром, ныне губернатором

в Багдаде. Завтрак прошел весьма оживленно. Назим-Паша по политическим убеждениям старо-турок, был весьма любезен и говорлив, много уделяя внимания своему новому административному назначению, которое мало сулило ему радостей и еще менее предвещало ему печальный трагический конец жизни.

Л. 67

В тот же день сделал визит вселенскому патриарху Иоакиму III, с которым близко познакомился на Афоне во время изгнания сего патриарха и неоднократно делил с ним хлеб и соль на храмовых праздниках в Лавре преп. Афанасия Афонского и в русском Пантелеймоновском монастыре и подолгу беседовал с ним о церковных делах, но принят не был. По разговорам с лицами патриархии я убедился, что патриарх, получив мою визитную карточку, намеренно уклонился от свидания со мною. Вывожу свое заключение из следующего. Когда внизу патриархии я справлялся, дома ли патриарх, мне любезно сказали: «дома», а когда я поднялся и дал свою визитную карточку через келейника, то заявили, что патриарх только что вернулся из своего загородного дома и отдыхает. Я было выразил намерение посетить патриарха позднее /визит мой был в 3 часа пополудни, когда на Востоке никто не отдыхает/, но мне уже заранее заявили, что сегодня он чувствует себя плохо и не может меня принять, но с удовольствием примет завтра. Я объявил, что завтра в 10 час. утра я выезжаю в Александрию и быть у Его Святейшества не могу. Испросив благословения и молитв у Его Святейшества заочно, я покинул патриархию и отправился в святогробский метох. Здесь я нашел известного у нас по Москве Арсения, арх. Неапольского, Никодима арх. Лидского, приехавшего из Иерусалима для лечения, и двух синодалов — митрополитов Константинопольского синода: Иоакима Ксанфского и Герасима Иоакинского. Здесь я принят был радушно и разговор велся самый оживленный. Арх. Арсений вспоминал свои знакомства в Москве, а митрополиты решали со мною вопрос, сильно занимающий патриарха и синод: имеет ли право епископ Кронштадтский выезжать в Константинополь, как архиерей периодевт, без грамоты Св. Синода к патриарху и без благословения сего последнего. Этот приезд и подчинение архимандритов Константинопольского и Афинского Кронштадтскому епископу греки считают попранием церковных канонов и грозят не допустить его к совершению богослужений в русских церквах, помимо посольской. Последнюю они считают экстерриториальной... Но думаю, что шум этот разрешится благополучно, так как епископ Владимир гость посла, а с Чарыковым (87), после его многочисленных услуг патриархии, им ссориться невыгодно.

Кроме сего сделал визиты настоятелю посольской церкви о. архимандриту Ионе, во все русские афонские подворья в Константинополе и в русский Археологический институт. Из беседы с Ф.И. Успенским в Ин-

Л. 67 об.

ституте выяснилось, что мой спутник Кохманский в делах православной греческой церкви малосведущий человек и в миссии, какая на него возлагается послом, якобы ненадежный. Признаюсь, по первому впечатлению и на меня г. Кохманский не произвел особенно благоприятного впечатления, а когда я узнал, что это тот Кохманский, который путался с русскими келлиотами

в Солуни и достаточно себя скомпрометировал в этом деле /можно судить это по делу, имеющемуся в Канцелярии Общества с аттестацией г. Кохманского, о возведении афонских келлиотов в пожизненные действительные члены Общества, в свое время отвергнутому Советом/, то я пришел даже в недоумение... Мне же посол дал ясно понять, что это лицо, пользующееся его полным доверием и якобы сведущее в делах церковных.

Посмотрим, что покажет будущее, но тяготение к Алеппо и необъяснимые полномочия князю Шаховскому, всячески поддерживаемому (88) Кохманским, мало мне сулят хорошего...

Общее мое впечатление от Константинополя благоприятное, но плана ясного и строго обдуманного относительно интересующего Общества вопроса не вижу.

Путь (89) наш до Александрии от самого Константинополя был вполне благополучен. И в Смирне, и в Афинах преследовал нас сильный дождь, но море, за исключением последней ночи, дарило нас полным спокойствием. Зато, едва наш пароход подошел к пристани в Александрии, как поднялся страшный шторм на море, сопровождавшийся тропическим ливнем. Наш капитан приглашал нас благодарить Бога за благополучное путешествие, так как при указанном шторме и отсутствии на пароходе достаточно багажа пароходу грозит и большая опасность в море

В (90) Каире я осматривал достопримечательности и грелся на солнце, любясь очаровательною весною и сочною зеленью. В полдень в тени термометр показывал 18 градусов тепла.

Не забываю я здесь и нашей прямой задачи. Вчера посетил местность Дагер, где находится подворье Синайского монастыря. Так как (91) здесь в прошлом году свыше 100 поклонников наших, возвращавшихся с Синае, имели в течение нескольких дней приют, то я внимательно осмотрел здание подворья и помещение для поклонников. Ввиду отсутствия синайского архиепископа Порфирия, проводящего праздники в монастыре св. Екатерины на Синае и старшей братии, разъехавшейся в разные стороны, и благодаря любезности о. эконома, откровенно с нами беседовавшего, мне удалось сделать осмотр подворья тщательный, но впечатление, полученное от этого осмотра, прямо удручающее.

Л. 68

Положение подворья Синайского монастыря превосходное: в 10 минутах от вокзала и получаса хода или самое большее в трех четвертях хода до Матаризэ, где имеется древо Богоматери, под которым, по преданию, Она отдыхала с Младенцем Иисусом Христом и праведным Иосифом по прибытии из Вифлеема в Египет, и колодец, из которого она черпала воду для питья и для омовения пелен Богомладенца. Здание подворья снаружи великолепное и обнесено чудным садом. Прямо против входа приемное зало, а за ним древнеримский перистиль с целым рядом колонн, поддерживающих плоскую кровлю дома — место вечерних прогулок обитателей, с настоящим атриумом, лишенным однако водоема и всякой растительности, как например в casa nova Помпеи. Из галереи вход в жилые помещения иноков-синаитов и в весьма обширный храм подворья, остающийся неосвященным за отсутствием на это благословения патриарха Фотия, всячески мешавшего пребыванию здесь синайского архиепископа Порфирия (92). С галереи по каменной лест-

нице, близ самой церкви, спуск в нижний этаж здания, окна которого находятся в уровень с землей. Здесь в этом-то полутемном и сыром подземелье. До самого потолка, куда луч света пробивается с трудом, устроено несколько комнат для поклонников, заполненных в настоящее время картофелем, луком и разными другими предметами обыкновенного домашнего житейского обихода, которые мы большею частью храним в погребках и темных чуланах. Нужно думать, что первоначальное назначение этих подземельных комнат и было (93) служить кладовыми, но потом, когда наши паломники, по старой памяти о Джувании, стали искать себе пристанища у синаитов и в Дагере, новом их подворье, то синаиты, не желая лишиться доходов от поклонников, решились отдать им это место для временного их пребывания, причем даже не позаботились обставить его хотя бы более или менее сносно. На сырой земляной пол этих комнат они положили на накатах ряд досок, покрыли их циновками и решили, что такое логовище /инога названия для этого помещения нельзя придумать/ для русского паломника будет достаточно вполне. Но

Л. 68 об.

как ни снисходительны и ни мало требовательны в своих хождениях по св. местам наши паломники, на сей раз, однако, и они, по словам откровенного о. эконома, запротестовали и отказались идти в свиное логовище. Многие из них предпочли остаться на холодной, незащищенной от дождя, террасе, и дрогли под своими кожухами от дождя. Самое возмутительное — это устройство отхожего места в середине этих подземных комнат. Благодаря русской неряшливости — от упомянутого соседства запах в подземелье удушливый и вонючий, даже и теперь, несмотря на то, что в одной из этих комнат мы застали лишь 3 синайских бедуина и больше никого. Можно вообразить, какая атмосфера была в два предыдущие года, когда сразу здесь помещалось свыше ста человек наших паломников, которые, в собственном смысле слова, не имеют здесь где главы подклони-ти. Простодушный и откровенный о. эконом передавал нам, что, в случае прибытия на подворье русских духовных лиц или знатных сановных лиц, он им отдает свою комнату для ночлега, устраивая себе постель в приемном зале, или же приспособляет для них помещение привратников-кавасов. Вот в каком злополучии находятся наши паломники в Каире, и едва ли синаиты могут дать им что-нибудь лучшее в ближайшем будущем. Правда, о. эконом говорит, что он убеждает архиепископа устроить для поклонников специальное здание и указал мне даже место для него, или же надстроить над существующим зданием третий этаж, но его добрым намерениям едва ли суждено осуществиться в ближайшем будущем, так лишних денег для сего у синаитов никогда не было, и нет их и в настоящее время.

Чрезвычайно поэтому я обрадовался, когда (94) узнал, что заботу о наших паломниках принимает на себя Александрийский патриарх Фотий, хорошо знакомый по Иерусалиму и Синаю со вкусами и потребностями наших простецов паломников. При его энергии и силе воли можно заранее предсказать, что дело получит реальное осуществление в ближайшем будущем и будет (95) полезно в равной мере и для паломников, и для патриархии, которая никогда не могла похвалиться обилием денежных средств. Патриарх Фотий намерен устроить для паломников

особую комнату или в патриархии, или в старом Каире, где создается теперь великолепный храм во имя св. Георгия, создать даже специальное подворье и оборудовать его, применяясь к вкусам паломников, и вооб-

Л. 69 (96)

ще руководить нашими паломниками в Каире по программе, им придуманной. Такое же подворье он сооружает для них и в Порт-Саиде.

В Матаризе, где имеется очень милый католический храм с роскошным садом, патриарх строит православную церковь, в которой может каждый воскресный день совершать богослужения Мемфисский митрополит.

Патриарх Александрийский Фотий, хорошо мне известный по синайскому моему путешествию в 1888 году, когда он проживал на Синае в качестве изгнанника из Иерусалима, принял меня весьма сердечно и угощал меня весьма обильною трапезою. Не знаю, насколько это верно, но патриарх Фотий мне дал обещание войти в постоянное братское общение с членами нашего Св. Синода и ответить на целый ряд писем к нему митрополита Антония.

Из разговоров с патриархом узнал, что Иерусалимские бунтовщики и в их числе пресловутый арх. Евфимий, игумен Святогробский, возвратятся в Иерусалим к Пасхе. Посмотрим, насколько это справедливо и что с сего отродится.

О патриархе антиохийском Григории патриарх Фотий отзывается восторженно, считая его великим деятелем церкви Сирийской (97).

В понедельник через Порт-Саид на пароходе австрийского Ллойда еду в Яффу, и 12 числа Января предполагаю быть в Иерусалиме. Затем не могу не сказать два слова о здешнем полномочном министре А.А. Смирнове. Занятый собою и существующий здесь для знатных соотечественников он ничего не делает для наших соотечественников-паломников. Когда я ему передавал свои впечатления о подворье синаитов в Дагере и о том, что паломничество в Каире растет из года в год, он ответил, приятно улыбувшись: «Да, я их однажды видел здесь на улице». От таких защитников и представителей России в Каире тепло нашему бедному паломнику не будет. А по душе — это добрый и весьма симпатичный человек.

(1). Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856—1929) — известный византист и историк Церкви, профессор по кафедре Церковной истории и литургики в Киевской духовной Академии, член-корреспондент АН по отделению русского языка и словесности (1903), в 1907—1918 гг. — секретарь Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). После революции несколько лет (1919—1922) работал в Астрахани, был проректором Астраханского университета. В последние годы жил и работал в Петрограде, где читал лекции на Богословских курсах (1923—1928). В 1923 г. А.А. Дмитриевский был избран действительным членом Академии Наук.

(2). Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (1862—1930) — государственный и общественный деятель, гофмейстер Двора, действительный статский советник, обер-прокурор Святейшего Синода (в 1906 г.), член Государственного Совета, сенатор, активный участник монархического движения. В 1910—1918 гг. был вице-председателем ИППО. В годы Первой мировой войны был в числе политиков, стремившихся побудить Николая II к активной борьбе с грядущей революцией. После событий 1917 г. входил в состав подпольных монархических организаций. Осенью 1918 г. эмигрировал. До самой смерти был председателем Российского Палестинского общества в эмиграции. В 1921 г. на съезде правых монархических организаций в Германии его избрали одним из трех членов Высшего монархического совета. В 1928 г. был председателем президиума проходившего в Париже монархического съезда.

(3). Рязский Павел Иванович — выпускник Московской духовной Академии, один из руководящих административных работников ИППО в начале XX в. Был одновременно главой Палестинской инспекции учебных заведений ИППО и управляющим русскими подворьями в Иерусалиме (в т.ч. все годы Первой мировой войны). В марте 1915 г. подал докладную записку о восстановлении деятельности палестинских и сирийских учреждений Общества по окончании войны с Турцией. (См.: Приложение к Журналу № 252 от марта 1915 г. журнала заседаний совета Общества [2, оп. 3д. д. 1 л. 123а–123ф.]). В одном из черновиков писем А.А. Дмитриевского в ИППО [3, д. 31. л. 49–50] содержится подробный рассказ о предыстории и причинах ревизии 1910 г.

(4). О финансовых затруднениях Палестинского общества в описываемый период см. датированную также 1910 годом «Объяснительную записку к смете по содержанию сирийских школ Императорского Православного Палестинского Общества»: [1, оп. 1. д. 101, л. 199–199 об.]

(5). Николай Вячеславович Кохманский (1876–1955) — востоковед по образованию, окончил в 1898 г. Лазаревский институт живых восточных языков, где, судя по записи в официальном списке окончивших курс в специальных классах института, изучал персидский язык, писал диссертацию по окончании учебы на материале поэзии Са'ади. О знании Н.В. Кохманским турецкого и арабского языков свидетельствует его профессиональная деятельность на территории Османской империи. До 1917 г. был на дипломатической службе в Османской империи (в посольстве в Константинополе или на должности консула в разных городах империи). Основной сферой деятельности Н.В. Кохманского было урегулирование каких бы то ни было проблем во взаимоотношениях официального Петербурга с греческой православной церковью, с Афоном и православными церквями на Балканах и на Ближнем Востоке.

(6). Отчет Н.В. Кохманского о поездке на Ближний Восток для инспекции школ Общества сохранился и находится в настоящий момент в Архиве Востоковедов ИВР РАН [2, оп. 1. д. 178.].

(7). В круглых скобках с буквами Дм. указывается нумерация листов машинописи самим А.А. Дмитриевским

(8). Имеется в виду Николай Валерьевич Чарыков (1855–1930) — дипломат, действительный статский советник, сенатор, товарищ министра иностранных дел, историк и писатель. В 1909–1912 гг. Н.В. Чарыков — посол в Константинополе.

(9). Епископ Кронштадтский Владимир (Путята Всеволод Владимирович, р. 1869, год смерти точно неизвестен — между 1936 и 1941 г.). А.А. Дмитриевский практически ничего не говорит о причинах нежелания видеть в Константинополе епископа Кронштадтского, между тем, они вполне обоснованы. Он всю жизнь был склонен к авантюризму и на всех этапах своей жизни не отличался моральными устоями и какими бы то ни было принципами. До тридцати лет его карьера была полностью светской и успешной. Он получил юридическое образование, служил в лейб-гвардии в Преображенском полку и был принят при дворе и лично знаком с Николаем II. После того, как стал известен его роман с представительницей царской семьи, ему было предложено Великим князем Владимиром Александровичем либо уехать за границу, либо застрелиться. Однако В.В. Путята выбрал другое и в 1899 г. поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил за два года вместо четырех и в 1902 г. стал настоятелем церкви при Русском посольстве в Риме. За четыре года, к 1906 г. он завершил диссертацию «Государственное положение Церкви и религии в Италии» и получил за нее степень магистра богословия. Принятие сана его не изменило. Обилие его любовных походов вынудило Папу римского лично объяснять в письме к послу России, что пребывание отца Владимира в Ватикане нежелательно. Он был переведен в Париж на ту же должность — настоятеля церкви при посольстве, однако из-за чрезмерной любвеобильности и привычки жить не по средствам он был отозван в Петербург, где в апреле 1907 г. был хиротонисан в епископа Кронштадтского. В 1909 г. наступил пик его карьеры в столице — он стал вторым викарием Санкт-Петербургской епархии, заведовал русскими заграничными церквями в Европе за исключением находившихся в Афинах и Константинополе. В 1911 г. о. Владимир был отправлен из Петербурга на служение епископом Омским и Павлодарским. В 1913 г. был назначен епископом Полоцким. В июле 1914 г. был возведен в сан архиепископа и отправлен на кафедру Донскую и Новочеркасскую, однако его отношения с атаманом войска Донского были испорчены из-за очередного увлечения владыки Владимира великосветской красавицей. Атаманом войска Донского была написана жалоба на владыку в Синод с требованием убрать его

с кафедры как соблазнителя княгини Долгорукой и как отца ее незаконнорожденной дочери. В 1915 г. владыка был перемещен на кафедру в Пензу, где история повторилась. После того, как стала известна связь архиепископа с шестнадцатилетней представительницей семейства Толстых, на него поступила очередная жалоба в Синод, в результате чего в марте 1917 г. владыку отстранили от Пензенской кафедры. Не подчинившись Синоду, владыка стал самочинно управлять епархией, а на требования патриарха Тихона прибыть в Петроград не реагировал. В 1918 г. Поместный собор лишил его сана и постановил удалить из Пензы с правом пребывания в течение трех лет во Флоришевской пустыни. Владыка Владимир не подчинился и далее всю свою жизнь сотрудничал с Советской властью и боролся с РПЦ, но не по идейным соображениям, а ради сохранения положения в обществе. Он организовал в Пензе «Свободную народную церковь», получившую поддержку Советской власти. Собор РПЦ отлучил владыку от Церкви. В.В. Путята сотрудничал далее с обновленцами и стал членом их Священного Синода, был участником Первого обновленческого собора и подписывал акт о низложении Патриарха Тихона. После ссоры с обновленцами объявил себя архиепископом Уральским и был таковым в течение двух лет. Осенью 1928 г. он принес келейное покаяние Местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Сергию. Позже В.В. Путята служил псаломщиком в деревенской церкви. Он подавал ходатайства о восстановлении в сане епископа в Священный Синод, но каждый раз Синод отказывал. В 1934 г. Владимир Путята начал служить в григорианских храмах Томска и даже был григорианским митрополитом Томским и всея Сибири. В конце концов Священный Синод объявил монаха Путяту отпавшим от Церкви и лишенным христианского погребения в случае нераскаянности. В.В. Путята больше не предпринимал попыток восстановиться в прежнем сане и переехал в Омск, где жил бедно и даже стоял как нищий на паперти. Во второй половине тридцатых годов он погиб в заключении.

(10). Мерсин, Диарбекир — города на юго-востоке современной Турции.

(11). Граф Петр Александрович Гейден (29 октября 1840 — 15 июня 1907) — тайный советник (1890), видный российский судебный общественный и политический деятель, член I Государственной думы.

(12). Назим-паша — видный турецкий военачальник.

(13). Здесь между строчками впечатано — Синод.

(14). Архиерей-периодевт — в восточно-христианских церквях должностные лица, обязанные обзирать церкви данной епархии и заботиться о нравственной состоянии паствы.

(15). Русский Археологический Институт в Константинополе, первое русское научное учреждение за рубежом по изучению истории и археологии Христианского Востока. Открыт в 1895 г., деятельность его была прервана в 1914 г. Окончательно упразднен в 1920 году. Директор Института — Ф.И. Успенский.

(16). Успенский Федор Иванович (1845–1928) — византист, академик Петербургской АН (с 1900 г.), Российской АН (с 1914 г.), АН СССР (с 1925 г.). Возглавлял Русский Археологический Институт в Константинополе (РАИК), в 1921–1928 гг. был председателем Палестинского общества.

(17). Имеется в виду конфликт между греческими и русскими монахами на Афоне, потребовавший вмешательства представителей государственной власти обеих стран. Монахи-келлиоты из России, количество которых в эти годы на Афоне заметно возрастает, привезли с собой иные, отличные от греческих, представления о монашеской жизни, что неизбежно вызвало трения между монахами различных монастырей на Афоне.

(18). Главный бухгалтер Императорского Православного Палестинского Общества.

(19). Истомин Дмитрий Владимирович (1871–1927) — чиновник особых поручений при Московском губернаторе, действительный статский советник, чиновник особых поручений при Министерстве Внутренних дел, член совета Главного управления по делам печати.

(20). Так в исходной машинописи. Вероятнее всего, это ошибка, так как надстроить третий этаж ПОД существующим зданием не представляется возможным. Видимо, следует читать «над». (А.Г.Г.)

(21). Фотий (В миру Гергиос Пероглу) — патриарх Александрийский и всей Африки. Годы жизни: 1853–1925, годы патриаршества: 1900–1925.

(22). Патриарх Антиохийский и всего Востока Григорий IV (в миру Гантос Георгий Хаддад). Годы жизни: 1859–1928, годы патриаршества: 1906–1928.

(23). Неясно, каковым должно было быть по мысли А.А. Дмитриевского содержание первой главы. Можно предполагать, что в первой главе планируемого очерка должны были быть рассмотрены

рены причины, приведшие к необходимости ревизии всех институтов Общества на Ближнем Востоке.

(24). Елизавета Федоровна (Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадская, нем. *Elisabeth Alexandra Luise Alice von Hessen-Darmstadt und bei Rhein*), официально в России — Елисавета Феѳодоровна (01.11.1864, Дармштадт — 18 июля 1918, Пермская губерния) — принцесса Гессен-Дармштадтская; в супружестве (за русским великим князем Сергеем Александровичем) великая княгиня царствующего дома Романовых, Почетный член и Председатель ИППО в 1905—1917 гг., основательница Марфо-Мариинской обители в Москве, почетный член Императорской Казанской духовной академии (звание Высочайше утверждено 06.06.1913). Причислена к лику святых в 1992 г.

(25). Великая княгиня Александра Георгиевна (1870—1891) — принцесса Греческая и Датская, после замужества — российская Великая княгиня. Третий ребенок и первая дочь короля Греции Георга I. По отцу приходилась двоюродной сестрой Николаю II, а по матери — правнучкой Николаю I. 4 июня 1889 г. в Петербурге Александра вышла замуж за Великого Князя Александра (1860—1919). Умерла в результате несчастного случая. 18.09.1891 г. Александра была погребена в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. В 1939 г. по разрешению советского правительства была перезахоронена в Греции.

(26). Далее в машинописи следует вычеркнутое слово «того».

(27). В машинописи «усмотреть». Слово зачеркнуто. «Подметить» написано от руки под строкой.

(28). Великая Княгиня Александра Петровна (в иночестве Анастасия, 1838, С.-Петербург—1900, Киев) — дочь принца Петра Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской, правнучка императора Павла I, с 25.01.1856 — супруга великого князя Николая Николаевича, сына императора Николая I. Александра Петровна активно занималась благотворительной деятельностью: в Петербурге основала Покровскую общину сестер милосердия, больницу, амбулаторию, отделение для девочек-сирот, училище фельдшерниц (впоследствии женская гимназия). Была активной представительницей Совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, которым управлял ее отец, принц Ольденбургский. Благодаря усилиям великой княгини был составлен капитал, на доходы от которого содержались 23 приюта на 5 тысяч сирот. Во время русско-турецкой войны организовала санитарный отряд на собственные средства. Основательница Покровского монастыря в Киеве (1889).

Семейная жизнь супругов не сложилась: брак был заключен без любви, оба супруга изменяли друг другу. После десяти лет совместной жизни Николай Николаевич изгнал Александру Петровну, публично обвинив ее в неверности со своим духовником — настоятелем домово́й церкви Николаевского дворца протоиереем Василием Лебедевым. Александра Петровна была вынуждена уехать из столицы и в 1881 г. поселилась в Киеве вместе с протоиереем Лебедевым. Расходы по ее содержанию император принял на себя. Формально брак не был расторгнут.

После кончины супруга (13.04.1891) тайно приняла монашеский постриг с именем Анастасия в основанной ею в 1889 г. в Киеве Покровской общине (впоследствии обращенной в женский монастырь). К моменту принятия монашества долги великой княгини превышали 300 тысяч. Несмотря на строгий Студийский устав, действовавший в обители, число желающих поступить туда в первый же год составило 400 человек, в то время как монастырь мог принять лишь 150 монахинь. В основанном ею Покровском монастыре были осуществлены многочисленные благотворительные акции в области медицины: при монастыре была открыта современная больница для неимущих с единственным в Киеве рентгеновским кабинетом, устроена бесплатная аптека, училище и приют для девочек-сирот, приюты для неизлечимо больных женщин и для слепых. Анастасия жила в простой келье, отдавала все средства на содержание основанных ею учреждений. Исполняла обязанности ассистентки хирурга на операциях, осуществляла надзор за больничным распорядком, питанием и духовной жизнью больных, несла дежурство у постелей оперированных. В 1897 г., когда городу угрожала эпидемия тифа, организовала несколько специализированных больниц. Покровский монастырь выполнял миссионерскую и просветительскую миссии: здесь работали книжная и иконная лавки, большим тиражом выпускались листки религиозно-нравственного содержания.

(29). В этом слове буквы «не» написаны карандашом от руки.

(30). Степанов Михаил Петрович (1853—1917) — генерал от кавалерии, первый секретарь ИППО (1882—1889).

(31). Здесь налицо явное противоречие с первыми же строками первого письма А.А. Ширинскому-Шихматову, процитированного выше. А.А. Дмитриевский плыл из Одессы в Константинополь на корабле. Возможно АА. Дмитриевский не совсем точно выразился и хотел сказать, что он, двигаясь в Константинополь, ехал поездом до Одессы. Можно также предположить, что А.А. Дмитриевский забыл некоторые детали своего путешествия. Он взялся за редактирование этого текста как минимум через восемь лет после описываемых событий.

(32). Несколько левее цифры 31 рукой А.А. Дмитриевского написано NB вставка № 2.

(33). А.А. Дмитриевский исправляет орфографию этого топонима, зачеркнув часть букв и надписав их от руки чернилами выше уровня строки. Прочитать исправление Дмитриевского не представляется возможным.

(34). Это слово написано чернилами выше уровня строки. На строке же написано «На трона».

(35). Несколько левее предлога «на» и чуть выше уровня строки рукой А.А. Дмитриевского написано NB вставка № 3.

(36). В авторской машинописи здесь «определении», что представляется явной ошибкой.

(37). Фамилия «Рудицкий» вписана в текст от руки чернилами.

(38). Окончание «ми» написано чернилами выше уровня строки. На строке — зачеркнутое, но хорошо читаемое окончание «хъ».

(39). «Ли» написано чернилами выше уровня строки.

(40). «Великолепным» написано чернилами выше уровня строки. На строке зачеркнуто, но прекрасно читается слово «изысканным».

(41). Слово «чужих» написано чернилами выше уровня строки, а в слове «патронов» чернилами исправлена середина. В машинописи набрано — «патридов». Поверх букв «ид» чернилами написаны «он».

(42). Вторая половина этого слова написана выше уровня строки. На строке четко читается совсем другое слово — «напоминающею».

(43). Слово «воздух» написано чернилами от руки, выше основного уровня строки.

(44). Окончание слова написано чернилами выше основного уровня строки. На строке четко читается — «начинающуюся».

(45). Окончание слова написано чернилами выше уровня строки. В строке у этого слова другой падеж — «весну».

(46). Далее в тексте пробел, в который вписано от руки чернилами слово, которое лишь отчасти поддается расшифровке. Его первые буквы — «нар...»

(47). Окончание слова написано чернилами выше уровня строки. Непосредственно в тексте — «лицу».

(48). В машинописи в этом слове буква «у» зачеркнута и над ней чернилами написано «е». Все же чтение «превратившеюся» представляется неверным.

(49). Перед словом «храм» на полях написано чернилами слово, середину которого разобрать затруднительно. Бесспорны первые буквы — «мем...» и окончание «ский».

(50). Это слово набрано в авторской машинописи с точками по середине. Над точками от руки написаны чернилами три буквы — м. ф. и.

(51). Слово «прежнего» написано чернилами выше основного уровня строк.

(52). На полях, несколько левее слова «после» рукой А.А. Дмитриевского написано NB вставка № 5.

(53). Слова «тем же самым» написаны чернилами выше уровня строки. Непосредственно в машинописи здесь другое слово — «нескольким».

(54). Слова «во времени» написаны карандашом выше уровня строки.

(55). Союз «и» написан карандашом выше уровня строки.

(56). (Примечание А.А. Дмитриевского): Подробнее см. мою брошюру «Новоизбранный патриарх александрийский Фотий /Пероглу/.

(57). Слово «приобретенную» написано карандашом выше уровня строки.

(58). В соответствии с карандашными пометками А.А. Дмитриевского, здесь переставлены слова. В машинописи — «закалив себя терпением и громадную силою воли».

(59). Слово «постоянно» написано чернилами выше уровня строки.

(60). (Примечание А.А. Дмитриевского): Это путешествие наше по Афону описано А.А. Смирновым в «Русском Вестнике под заглавием: «Две недели по св. Горе».

(61). Окончание слова написано от руки выше уровня строк в машинописи несколько иная форма — «носившимся».

- (62). Слова «ар. Константинопольского» написаны чернилами выше уровня строки.
- (63). Ашинов Николай Иванович (1856–1902) — казак и искатель приключений в Африке. Пытался содействовать сближению России и Эфиопии.
- (64). Ольга Дмитриевна Нелидова, ур. Хилкова (1839–1918) — супруга Александра Ивановича Нелидова (1835–1910), российского посла в Константинополе в 1883–1897 гг. Репутация О.Д. Нелидовой безупречной не была.
- (65). Слово «чтобы» написано чернилами выше уровня строки.
- (66). Слово «дома» написано чернилами выше уровня строки. На строке же зачеркнуто — «мало изменившимся сравнительно с прежним временем.». Имеется в виду характеристика А.А. Смирнова.
- (67). Слово «заявил» написано чернилами рукой А.А. Дмитриевского выше уровня строки.
- (68). Местоимение «его» написано чернилами выше уровня строки.
- (69). Слова «на пути» написаны чернилами выше уровня строки.
- (70). Слова «этого патриархата» зачеркнуты в машинописи чернилами множеством косых черточек.
- (71). Скевофилакс (греч. сосудохрани́тель) — чин патриаршей константинопольской церкви в средние века. Заведовал церковной утварью и распоряжался ее употреблением при богослужении. В его обязанности также входило наблюдение за порядком богослужения. При Патриаршем дворе занимал третье место в составе первой пятерницы (пентады). Великий Скевофилакс стоял во главе совета, состоявшего из двенадцати скевофилаксов.
- Слова «того же» написаны чернилами выше уровня строки.
- (72). Слово «времени» написано чернилами выше уровня строки.
- (73). Слово «богатой» написано чернилами выше уровня строки.
- (74). Слово «еще» написано от руки выше уровня строки.
- (75). Слова «причудливостью» и «своеобразной» написаны чернилами выше уровня строки.
- (76). В машинописи далее стоит слово «одного». Оно зачеркнуто.
- (77). Окончание слова написано чернилами выше уровня строки. Непосредственно в тексте другое слово «знакомые».
- (78). В авторской машинописи перед л. 65 следует несколько листов пустой бумаги, не имеющих и архивной нумерации листов. Внизу, там, где обычно стоит эта нумерация, в данном случае стоят нули.
- (79). На полях, левее этого слова, рукой Дмитриевского написано NV вставка № 1.
- (80). (Примечание А.А. Дмитриевского, текст примечания написан чернилами) Скончался в Италии 1918 году в бытность священником свято-Никольского Барийского русского храма при странноприимном учреждении.
- (81). Местоимение «он» написано чернилами выше основного уровня строки.
- (82). (примечание А.А. Дмитриевского. Текст примечания набран на пишущей машинке). Приезд этот не состоялся, дабы не возбуждать страстей среди иерархов Константинопольской церкви, необдуманно посмотревшей на подчинение русских церквей в Константинополе и Афинах, без согласия вселенского патриарха, власти русского заграничного епископа.
- (83). Слово «серьезных» написано чернилами выше уровня строки. Непосредственно в тексте другое слово — «больших».
- (84). Слова *persona grata* написаны карандашом.
- (85). (Примечание А.А. Дмитриевского). Ходатайство об этой школе было возбуждено перед Советом Общества диарбекирским митрополитом.
- (86). А.А. Дмитриевский собирался написать в данном случае какую-то сноску. В тексте есть номер сноски, внизу листа для нее оставлено место, но самой сноски нет.
- (87). (Примечание А.А. Дмитриевского) Жена Н.В. Чарыкова — дочь драгомана русского посольства в Константинополе — Иванова, природного грека.
- (88). Окончание причастия написано чернилами выше основного уровня строки. Непосредственно в строке совсем другое окончание — «поддерживаемого».
- (89). Весь этот абзац перечеркнут крестом карандашом. Левее слова «путь» на полях написано чернилами — вставка № 2. Несколько ниже на полях чернилами же написано — «это не печатать». Данное свидетельство важно указанием на то, что Дмитриевский планировал этот текст издавать.
- (90). Левее предлога «в» на полях написано чернилами — «вставка № 3». Этот абзац также перечеркнут карандашом.

(91). Все слова от «не зазываю» и кончая словами «так как» в авторской машинописи зачеркнуты карандашом.

(92). (Примечание А.А. Дмитриевского) Достоинно замечания, что борьба синайских архиепископов с александрийским патриархом Софронием, предместником патриарха Фотия, была довольно оживленная и настойчивая, в которой не безразличное положение занимал и нынешний глава александрийской церкви п. Фотий в ту пору, в 1888 г. проживавший на Синае в качестве изгнанника из Иерусалима. Яблоком раздора служила и продолжала служить Амбетьевская гимназия, основанная русским подданным и оставленная по завещанию, на подчинение епитропии во главе с архиепископом синайским. См. статью об этой гимназии в «Гражданине» 1888 г. и в «Церковно-приходской школе».

(93). Далее в машинописи следует слово «предназначено». Оно зачеркнуто карандашом.

(94). Далее выше уровня строки карандашом добавлено слово «потом».

(95). С этого слова и далее, до конца листа, текст перечеркнут крест накрест карандашом.

(96). Большая часть л. 69 (до последнего абзаца) перечеркнута крест накрест карандашом.

(97). Далее в машинописи следует одно слово на латинском, написанное карандашом — Тетрога. Не вполне ясно, к чему оно относится.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив РАН, СПб филиал. Ф. 110.
2. Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 120.
3. ОР РНБ Ф. 253.

См.: рис. №№ 39–43.

УДК 94(73)+94(569.4)+27-9
ББК 63.3(7Coe)5
86.372(53)

И.Ю. Смирнова

К ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ПРИСУТСТВИЯ НА ХРИСТИАНСКОМ ВОСТОКЕ

(по фондам Российского Государственного исторического архива)

АННОТАЦИЯ

Представлены документы из Российского Государственного исторического архива о деятельности американских миссионеров в Греции и на Ближнем Востоке в 1830–40-е гг. и об англо-православных контактах. Ответом МИД на прозелитическую активность западных держав было учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Ключевые слова: Ближний Восток, Святая Земля; Русская Православная Церковь; Американская Епископальная Церковь, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме; прозелитизм.

Предлагаемая подборка документов, датируемых началом 1840-х гг., относится к истории американского религиозного присутствия на Ближнем Востоке и установлению первых контактов американского духовенства с дипломатическими представителями России в Константинополе с целью налаживания англикано-православных связей.

Первый документ представляет собой текст послания северо-американских епископов Протестантской Американской Епископальной Церкви к Святейшему Патриарху Константинопольскому [6, оп. 87, ед. хр. 67, л. 5–8], переведенный на русский язык Д.Д. Денисовой с текста на французском языке, переведенного с греческого оригинала. Документ датирован нами 1840 г., когда из США прибыл Горацио Саутгейт (Horace Southgate), доставивший в Константинополь епископальное послание, список с которого был предложен вниманию российского посланника в Константинополе В.П. Титову. Саутгейт прибыл в столицу Турецкой империи в качестве сотрудника Дж.Дж. Робертсона (Jean Jacques Robertson), которого церковное начальство командировало в Константинополь из Афин, где он трудился в качестве миссионера Протестантской Американской Епископальной Церкви под руководством известного американского миссионера пастора Дж.Г. Хилла.

Второй документ — донесение российского посланника в Константинополе В.П. Титова вице-канцлеру графу К. В. Нессельроде; Пера, 22 декабря 1841/3 января 1842 г. [4, оп. 87, ед. хр. 66, л. 1–8] — является отчетом В.П. Титова о состоявшейся в первой декаде декабря 1841 г. встрече с Робертсоном в Константинополе с целью «содействовать дружественному общению» между Греко-Восточной Православной и Американской Епископальной Церковью.

Третий документ представляет собой письмо Дж.Дж. Робертсона к российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову от 25 марта 1842 г. в переводе с английского И.Ю. Смирновой [4, оп. 87, ед. хр. 66, л. 9–14 об.]. По просьбе Титова Робертсон подробно остановился на служении американских миссионеров в Греции и тех целях, которые ставила перед собой Епископальная Церковь Соединенных Штатов по отношению к Православной Восточной Церкви в Греции и Турции. Робертсон категорически опровергал подозрения в прозелитическом характере их служения в Греции, уверяя, что «Церковь Соединенных Штатов поручила своим агентам не вмешиваться в права Восточной Церкви или юрисдикцию ее духовенства, не пытаться целенаправленно делать прозелитов по нашему собственному обряду» [4, оп. 87, ед. хр. 66, л. 10 об.].

Несмотря на декларацию принципов, «запрещающих разыскивать новообращенных среди христианских общин», практика американских миссионеров свидетельствовала об обратном. Деятельность американских миссионеров заключалась в «просвещении» православного населения, в возвращении его к «чистоте и простоте первенствующих времен» и к «библейским образцам», но так, как их понимали в Американской Церкви, гораздо более совершенной, по мнению составителя инструкции, чем Восточная Православная.

Так, в инструкции, выданной представителям Американской Церкви при их отправлении на Христианский Восток и оказавшейся по стечению обстоятельств у протоиерея посольской церкви в Лондоне Евгения Попова, в частности, говорилось: «Если в чем-либо Греческая Церковь покажется вам отступившей или отступающей от чистоты и простоты первенствующих времен и от библейских образцов, употребляйте в сем случае наивозможную осторожность и всячески уклоняйтесь от прямых обличений. Напротив, в духе Спасителя, в духе кротости и смирения старайтесь восставлять тех, среди которых вы подвизаетесь, внушая им более верные, более справедливые понятия о чистоте единственно правильного, на библейском основании, христианского учения, христианских обрядов и христианской трактовки <...>» [3, оп. 33, 3 стол, 2 отд. ед. хр. 247а, л. 35–35 об.].

Подобная практика, за которой угадываются приемы униатов-католиков в Сирии и Палестине, осуществлялась англиканскими миссионерами повсеместно, поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением американского историка Эмхардта об «абсолютно бескорыстном» характере американской миссии [2, с. 5–7].

В то время, когда Англия и Соединенные Штаты Америки уже имели на Ближнем Востоке свои епископства и целую сеть различных образовательных и благотворительных учреждений под руководством опытных и ревностных миссионеров [1, с. 29–30], Россия, не стремившаяся к расширению дипломатического или церковного присутствия в отличие от европейских держав, была вынуждена принять ответные меры. Важным, хоть и крайне осторожным, шагом российской дипломатии стало командирование в 1843 г. на Восток архимандрита Порфирия (Успенского), что привело впоследствии к созданию первого церковного учреждения в Святой Земле — Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

ДОКУМЕНТЫ

1. *Послание северо-американских епископов Американской Епископальной Церкви к Святейшему Патриарху Константинопольскому. Б.д. [1841]. Пер. с фр.*

Глубокоуважаемому пресвятому отцу во Христе
Патриарху Восточной Церкви в Константинополе

Епископальная Церковь Соединенных Штатов Америки, которая по непрерывной линии, через Церковь Англии, происходит от святых апостолов, всегда с глубокой духовной печалью смотрела на разделение и рассредоточение по всему миру Кафолической Христовой Церкви. Это печальное положение дел приводит не только к росту недоверия, но и к святотатству, давая извращенным людям особый повод для нападения на нее, а также способствует ереси и расколу в национальных ответвлениях Кафолической Церкви, помимо того создаются большие препятствия для распространения евангельских истин среди тех, кто еще находится в потемках идолопоклонничества или проповедует другие, лживые культы или кто напрасно ждет пришествия Мессии, явление Которого уже давно осветило этот мир.

Высокомерные притязания главы Римской Католической Церкви на мировое владычество и на непогрешимость заставляют сомневаться в возможности установить с ним в ближайшее время дружеские отношения.

Церковь Соединенных Штатов, взывая о помощи к Святой Троице, чтобы воссоединить верующих, с надеждой обращает взор к Патриарху Константинопольскому, духовному главе древней Апостольской Церкви. Мы всегда испытывали к этой Церкви чувства искренней благожелательности, мы всегда сочувствовали ей в бедах и гонениях, которые она выдержала, мы желали ей освобождения от всех несчастий и от агрессии. Мы выражали благодарность ее главе за то, что во времена страданий он сумел сохранить веру безупречной.

Стараясь установить отношения христианской дружбы с Восточной Церковью, Церковь Соединенных Штатов решила отправить двух посланников Жана-Жака Робертсона (Jean Jacques Robertson) и Горация Саусгейта (Horace Southgate) в Константинополь. Эти священнослужители получили указание рассмотреть существующую ситуацию в Церкви, подчиняющейся Патриарху Константинопольскому, и в других Восточных Церквях, узнать, какие у них отношения между собой и что они думают об апостольских Церквях в Европе и Америке, а также ответить на все вопросы, которые им могут задать о происхождении, сохранении канонов и современной ситуации в Церкви в Соединенных Штатах, а также привлечь настолько, насколько это возможно, любовь и благосклонность Восточной Церкви к своей младшей сестре в Западном полушарии.

Проведя некоторые предварительные исследования и достаточно изучив язык, они передадут это рекомендательное письмо (согласно которому они, по просьбе восточного духовенства, горячо рекомендованы в христианском отношении) уважаемому Патриарху Константинопольскому. Они также обяжутся вести переписку с иерархами Церкви Соединенных Штатов. Они более

широко изложат ему идеи и взгляды их Церкви, и изучат, возможно ли установить взаимное знакомство среди представителей Кафолической Христовой Церкви, на основе Священного Писания и первых церковных соборов, в том числе апостольского Символа веры и Никейского собора, с тем, чтобы впоследствии с большей энергией бороться с идолопоклонничеством, ложными религиями и иудаизмом.

Они ясно изложат, что их Церковь не имеет никакого отношения к лютеранам или кальвинистам и что она не принимает никакую сторону в их планах и мероприятиях по распространению их лжеучений. Они предложат Патриарху такую помощь, которую может предложить Церковь Соединенных Штатов, чтобы способствовать христианскому просвещению и провозглашать религиозную правду, постоянно избегая споров о тех моментах, о которых эти две Церкви на данный момент все еще придерживаются разных взглядов и оставляя на другой момент более тесное взаимопонимание, с Божьего благословения, в результате дружественной переписки между духовными руководителями или же будущего церковного собора.

Оставляя за нашими представителями возможность более широко открыть эти темы, мы вновь с христианской сердечностью и с самым благожелательным расположением к восточному духовенству повторяем наши искренние пожелания процветания от священников и епископов Церкви Соединенных Штатов, мы братья во Христе Вашего Святейшества:

Епископ Восточного Орлеана, примас Церкви Соединенных Штатов,
Епископ Нью-Йорка,
Епископ Нью-Джерси,
Епископ Коннектикута,
Епископ Миссури, Индиана,
Епископ Мэриленда,
Епископ Пенсильвании.

РГИА. ф. 797, оп. 87, ед. хр. 67, л. 9–16.

2. Донесение российского посланника в Константинополе В.П. Титова вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде. Пера, 22 декабря 1841 / 3 января 1842 г. Пер. с фр.

Господин граф!

Отчитываясь в телеграмме № 169 от 10 декабря о моей встрече с американским миссионером Робертсоном, я оставил за собой возможность вернуться к ней более подробно. Интерес к этой теме заставляет меня вернуться к ней с риском повторить некоторые детали, которые Вашему Превосходительству уже известны, о взглядах западного епископального духовенства на отношения, которые оно хочет установить с Востоком.

Я постараюсь передать — настолько точно, насколько мне позволит моя память — исповедание веры, которое изложил мне доктор Робертсон:

«Греко-Русская, Римско-Католическая и Англиканская Епископальная Церкви, на наш взгляд, всего лишь три ветви, происшедшие от одного ствола, который является настоящей Церковью Христа и апостолов. Все три являются Кафолическими Апостольскими Церквями, основанными на авторитете Священного Писания и первых Соборов. Работать для их

воссоединения было бы в духе Евангелия, но мы знаем, что в наши дни это невозможно по причине некоторых частных разногласий в догмах, которые исповедует каждое из этих трех подразделений христианского сообщества. Мы далеки от того, чтобы считать Греческую Церковь единственно правильной, но принимаем, что, во многих отношениях, она наиболее близка к истокам и изначальным формам христианства. Поэтому можно было бы только радоваться, видя, что она принимает в свое лоно и другие христианские общины на Востоке.

Мы считаем похвальным трудом обращение в святое христианство евреев и язычников. Но наши принципы запрещают нам отыскивать новообращенных среди христианских общин. В Греции, так же, как и в Турции, мои товарищи и я могли бы обратить многих, но мы этого избежали. Среди многочисленной молодежи, которая приходила в наши школы, ни один не принял наши догмы и не отказался от веры своих отцов.

Наша цель заключается в том, чтобы способствовать более глубокому знакомству между собой членов трех этих католических ветвей христианства, а также содействовать взаимным чувствам беспристрастности, добрых намерений и привязанности. Мы не надеемся найти их в Римской Церкви, так что она сохранит свои доктрины непреложного и исключительного спасения.

С другой стороны, нам бы не хотелось, чтобы нас путали с другими протестантскими объединениями, у которых есть миссионеры в Анатолии и других местах. Они не признают ни Соборов, ни религиозных традиций, ни епископат; мы же всего лишь вышли из-под власти Папы Римского.

Мы гордимся тем, что встретили в греческом духовенстве и в Русской Церкви чувства, схожие с нашими желаниями. С такой надеждой епископы Соединенных Штатов недавно обратились через д-ра Саусгейта с письмом, которое мы передали Патриарху Константинопольскому. Может быть, Ваше превосходительство захочет ответить на него в знак дружбы. Мы будем очень этому рады. В ожидании ответа, мы стараемся не умножать наши контакты с религиозными или светскими местными жителями, чтобы не вызывать сомнений среди новообращенных. Что же касается меня, то я рассчитываю весной снова отправиться в Америку.

Епископальное духовенство Соединенных Штатов подумало, что отсутствие политического интереса к нему в Европе дает ему власть, подобную той, которую имеют англиканские пасторы в Великобритании. В связи с этим искренность их пожеланий может быть еще более понятна и принята без недоверия. Нам бы не понравилось, если бы нас принимали за косвенных представителей британского духовенства, с которым у нас нет ни малейшей общности в действиях, хотя мы и проповедуем один и тот же обряд.

Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы воспользовались возможностью изложить императорскому правительству настоящие взгляды, которыми руководствуется здесь наша деятельность. Может быть, позже нам совместно с некоторыми представителями высшего российского духовенства будет позволено начать то взаимное общение, которое поможет нам прояснить наш взгляд на доктрины, являющиеся особенностью Русской Церкви, и на те основные труды, которые излагают ее учение. Средства информации такого рода могут иметь место только в том случае, если будут одобрены правительством.

В Турции, где духовная власть среди православных греков принадлежит Патриархату, мы прибегли к нему. И если бы нам понадобилось просить разрешение на какие-либо действия, наши принципы не позволили бы нам выходить за пределы его законного влияния».

Таким было словесное изложение доктора Робертсона. Сделав в ему несколько общих замечаний, вкратце изложенных в моей телеграмме от 10/22 декабря <1841>, я ответил ему в заключение, что поскольку в мою компетенцию не входит отвечать на религиозные вопросы такого рода, я могу только сочувствовать его спонтанному рассказу, который он только что мне изложил. Однако если ему нужно, чтобы правительство России рассмотрело эти принципы, ничто ему не мешает изложить их в письменной форме, что, вероятно, могло бы стать интересной информацией для императорского министерства. Мой собеседник пообещал мне принести через несколько дней записку на эту тему. После чего я его больше не видел.

Вышеизложенный рассказ американского доктора заставляет всерьез задуматься о моральном и религиозном будущем Востока. И прежде всего, понимая полную искренность в убеждениях этого лица, никто не может гарантировать, что его единомышленники и последователи также глубоко убеждены, как и он. Более того, даже принимая, что эти последние, как и он, воздерживаются в поиске новообращенных, однако их доктрины и их методы повлекут за собой в будущем опасные последствия для таких мало просвещенных народов, как наши единоверцы в Турции, заключающиеся в том, чтобы приучить к духу личностного испытания, противоречащему религиозной материи, таким образом, ослабляя древние верования, вместо того, чтобы укреплять их через глубокое знание.

Таким образом, для этих народов было бы надежнее, если бы от них было отдалено влияние западных служителей культа. Однако в настоящем положении дел нельзя льстить себе мыслью, что этого возможно добиться. Коренное греческое духовенство, к сожалению, не обладает ни влиянием, ни энергией, необходимой, чтобы его достичь. Открытая и постоянная поддержка с нашей стороны скорее компрометирует дело этого духовенства, давая возможность его противникам клеветать против наших намерений и возбуждая политическую зависть в отношении духовенства.

За неимением достаточно простых и эффективных способов действия, необходимо ждать уроков будущего. Католики и протестанты, поставленные отныне лицом к лицу, не смогут избежать взаимного соперничества, которое в большей или меньшей степени нейтрализует прогресс обеих сторон. Также можно ожидать, что соседство, пример и моральное влияние России будут достаточны, чтобы ободрить, даже без видимого усилия с нашей стороны, рвение и настойчивость среди наших греческих единоверцев.

Помимо досадного ослабления внутренней дисциплины, позиции православного духовенства на Востоке ослабляет недостаток знаний. В этом отношении, возможно, мы могли бы стимулировать его, понемногу создавая наиболее благоприятные условия к благим пожертвованиям, которые святые места время от времени получают из России. Кроме того, это обстоятельство удобно для того, чтобы благотворно повлиять на расположение Восточных Патриархов.

Через некоторое время императорский посланник расширил инструкции Вашего Превосходительства к г-ну Бутеневу, датирующиеся 2 января 1840

года, чтобы ускорить регулирование имущества, предназначенного для святых мест в обоих княжествах. Это щекотливое дело, ранее приостановленное в связи с политическими событиями в Сирии, ввязало нас в серию переговоров с Портой и особенно с Патриархами. Решения их далеки от удовлетворительных.

Отсрочка, которую они получили после введения органического регулирования, предполагается, относится только к погашению старых долгов. — **Сегодня они ставят на передний план необходимость улучшения в Константинополе, так же, как и в Иерусалиме, и в других местах, состояния образования и духовного обучения среди греков**, и они ссылаются на полную нехватку доходов, за исключением тех, что получают от Княжеств, чтобы покрыть расходы на эту **необходимую предосторожность против вторжения инославных**.

Это желание, косвенно дошедшее до сведения господарей, уже вызывает их беспокойство, и князь Стурдза только что написал мне, чтобы чрезвычайно порекомендовать права Молдавии и уставные принципы.

Мне льстит возможность до настоящего момента предоставлять Вашему Превосходительству отчет об обмене разъяснениями по этому вопросу, чтобы мудрость императорского Кабинета могла взвесить различные интересы, но также выделить те, которые необходимо защищать.

С глубочайшим уважением, господин граф
Ваше Превосходительство,
Ваш смиреннейший и покорнейший слуга
Титов

РГИА. ф. 797. оп. 87. д. 66. л. 1–8.

3. Письмо Дж. Дж. Робертсона к российскому посланнику в Константинополе В. П. Титову. Константинополь, 25 марта 1842 г. Пер. с англ.

I. В соответствии с Вашим пожеланием, передаю общий обзор замечаний, которые я сделал для Вас в нашей последней беседе и которые касаются темы разговора, курса и предметов, составляющих цель протестантской Епископальной Церкви Соединенных Штатов в ее отношениях с Православной Восточной Церкви в Греции и Турции.

II. По окончании революции в Греции наши агенты, которым было вверено распределение одежды и провианта для больных и бедных — «сирот и вдов», сообщили о настойчивых заявлениях к Соединенным Штатам, большая часть которых касалась прискорбного отсутствия средств к образованию. Епископальная Церковь, остро чувствуя обязанность «делать добро для всех и особенно для тех, кто из семьи верующих», которые являются также членами подобного ей тела, озаботилась всеми доступными средствами исполнить добрую волю Восточной Церкви и решили послать своего агента, чтобы исследовать состояние образования и удостовериться, выражается ли там какое-либо желание получать помощь из-за границы.

III. Это назначение выпало мне. К епископам Церкви в Греции было адресовано послание наших епископов, в котором они признавали их главами одной из ветвей христианской Кафолической Церкви, сочувствовали им в их последних испытаниях и страданиях, выражали свою солидарность

при освобождении их от гнета угнетения, желали им успеха во всяком добром деле и рекомендовали меня в качестве их комиссара любезности и доброте греческих иерархов и духовенства.

IV. В этот период Церковь в Греции еще не была устроена, но в течение моего пребывания я посещал многих епископов и со всеми установил дружеские отношения. Я повсеместно наблюдал явные признаки практически полного отсутствия применения интеллектуальной и нравственной культуры, и большая часть настоятельных прошений, обращенных ко мне от представителей всех классов, как со стороны духовенства, так и со стороны мирян, призывали меня снова возвратиться в Грецию, чтобы основать школы и организовать снабжение их подходящими книгами.

V. Возвратившись в США, я изложил эти факты перед Церковью в Соединенных Штатах, и тотчас было решено послать меня обратно в сопровождении преподобного Хилла (он до сих пор находится в Афинах), чтобы начать труды, которые до настоящего дня сопровождаются столь хорошими результатами.

VI. Церковь Соединенных Штатов поручила своим агентам не вмешиваться в права Восточной Церкви или юрисдикцию ее духовенства, не пытаться целенаправленно и тотчас делать прозелитов по нашему собственному обряду, но связать себя с развитием интеллектуальных способностей, улучшения нравственных качеств и воспитанием благочестивого духа в юношестве, добровольно предоставленном их родителями или попечителями.

VII. Несомненно, это были средства, хорошо приспособленные к тому, чтобы завоевать добрые чувства греческого духовенства и убедить их в том, что в наших планах нет ничего иезуитского. В течение значительного времени мы действительно приобрели всеобщее доверие. Мы были в тесном общении с епископом Афинским, и он не только посещал наши школы, но присутствовал на публичных экзаменах.

VIII. Спустя сезон за границей стали распространяться подозрения, что наши намерения не были чистосердечными. Книги и трактаты, к которым мы не имели отношения, поскольку не имели и не имеем никаких церковных связей с лицами, направленными другими организациями с образовательными и иными целями, противоречившими принципам Восточной Церкви, привели к разделению и в той или иной мере приписывались нам.

IX. Смешение понятий, из-за недостатка достоверной информации, объединило в моем лице представителей различных ассоциаций, и это называлось то Библейским обществом, то Американским обществом, то Евангелическим обществом и т.д., и т.д.

X. Какую бы оплошность или неподобающий поступок не совершил кто-либо, тотчас обвинялось все в целом. В ход пускались частные клеветы и в газетах помещались публичные обвинения.

Тем временем мы продолжали наш мирный курс, не предпринимали никакой защиты, полагаясь на свидетельство своей совести, высокое достоинство нашей цели, добрые чувства народа, поощрение со стороны наиболее просвещенной части общества, поддержку правительства и превыше всего — на благословение Божие.

XI. В наших школах умножилось число учащихся, усовершенствовался процесс преподавания, наметился прогресс учеников, и много книг, часто просто литературного или научного содержания, было получено от наших издательств

и давно роздано, при этом мы всегда избегали тех пунктов, в которых мы отличаемся от Восточной Церкви.

XII. Среди них были крупные издания двух грамматик, специально подготовленные для нас известными учеными в Греции; арифметика — часть сочинений Платона и Ксенофона, и различные элементарные труды для изучения древних языков.

Когда издательства возросли в числе в разных частях страны, мы уже не считали целесообразным содержать столь дорогие заведения.

К настоящему моменту наша деятельность, несмотря ни на что, ведется около одиннадцати лет, и мы призываем тех, кто еще питает к нам ревность, показать хотя бы одного, кто из-за наших убеждений и усилий оставил Восточную Церковь.

XIII. От 200 до 800 учеников (последнее, — я полагаю, — есть настоящее число учеников в Афинах) находится постоянно на нашем попечении, и мы спрашиваем, где надо искать прозелита? Мог ли подобный институт управляться представителями Рима в течение того же времени и могло бы это быть безвредным?

XIV. Церковь, от которой мы посланы, «не утомлена в доброделии». Она все еще стремится видеть разделенные части тела Христова воссоединенными в связях святой любви. Она особенно расположена, по провидению Божию, сделать шаг вперед к согласию с благой волей Восточной Церкви, т.к. всем просвещенным людям известно, что она не имеет и не может иметь каких-либо политических целей в своем служении.

XV. Она не претендует на превосходство над другою верою. Но она надеется служением любви смягчить предубеждения и предрассудки, устранить ложные впечатления и, развивая общение с иерархами Востока, приготовить путь, для созыва будущего Собора, в котором условия соглашения могли бы быть изложены теми, кто имеет авторитет.

XVI. Убежденная в благородстве цели, она предприняла мое перемещение в Константинополь и послала ко мне в качестве сотрудника преп. Горацио. Мы оба были откомандированы к Патриарху Восточной Церкви с посланием от наших епископов, рекомендующих нас к благосклонности и христианской любезности Его Блаженства и Константинопольского Синода.

XVII. Произрастет ли что-либо из этого христианского предложения, может показать одно время. Мы не ищем выгоды, но ожидаем в молитве и терпении явления воли Божией. Было бы наиболее счастливым обстоятельством, если бы епископы Русской Церкви также проявили интерес к великому делу возвращения к единству разделенных частей католического тела.

При моем возвращении в Соединенные Штаты я постараюсь убедить некоторых из нашего духовенства открыть переписку с ведущими богословами в России, что, как я убежден, найдет одобрение Императора.

XVIII. Английские путешественники в России представили мне столь благоприятные отзывы о его желании улучшения благочестия, доброй нравственности и образования, что я не могу сомневаться в том, что его благоволение также направлено на устранение величайших разделений и разногласий, существующих в Христовом теле.

XIX. Я не возражал бы, если бы Вы представили это сообщение вниманию Его Величества или, предпочтительнее, те факты, которые в нем изложены.

Моя подготовка к скорейшему возвращению в мое отечество едва ли позволит мне исправить и еще меньше копировать то, что я написал.

Испрашивая в связи с этим Вашего добрейшего снисхождения, остаюсь и проч.

РГИА. ф. 797. оп. 87. д. 66. л. 9–14 об.

ИСТОЧНИКИ

1. *Барталь И.* Иерусалим в конце османской эпохи: между обновлением и застоём // Иерусалим в веках. Ч. 9. Иерусалим, 1998. — 198 с.
2. *Emhardt W.Ch.* Historical Contact of the Eastern Orthodox and Anglican Churches. New York, 1920. — 22 p.
3. Письмо протоиерея посольской церкви в Лондоне Евгения Попова к обер-прокурору Св. Синода А.П. Ахматову. Лондон, 18 января 1864 г. // РГИА. ф. 797. оп. 33, 3 стол, 2 отд. ед. хр. 247а.
4. Донесение российского посланника в Константинополе В.П. Титова вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде. Пера, 22 декабря 1841/ 3 января 1842 г. // РГИА. ф. 797. оп. 87. ед. хр. 66. л. 1–8.
5. Записка доктора Робертсона к российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову. Константинополь, 13/25 марта 1842 г. // РГИА. ф. 797. оп. 87. ед. хр. 66. Л. 10 об.
6. Послание северо-американских епископов Протестантской Американской Епископальной Церкви к Патриарху Константинопольскому // РГИА. ф. 797. оп. 87. ед. хр. 67. л. 5–8.

АРАБСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И
АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РОССИИ

УДК 821.411.21 : 94(47)
ББК 63.3(2)46
63.211

Г.З. Пумпян

**МОСКОВСКАЯ РУСЬ XVII в.
ГЛАЗАМИ АРАБОВ ПО МАТЕРИАЛАМ
«ПУТЕШЕСТВИЯ ПАТРИАРХА МАКАРИЯ АНТИОХИЙСКОГО»**
(Рукопись 1700 г. Институт восточных рукописей РАН, СПб.)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается описание России в памятнике христианско-арабской литературы XVII в. «Путешествие патриарха Макария Антиохийского» (рукопись ИВР РАН, список 1700 г.): персоналии (царь Алексей Михайлович, патриарх Никон и их взаимоотношения), некоторые стороны общественной, церковной и частной жизни России.

Ключевые слова: XVII в.; Московская Русь; источники о России, патриарх Макарий Антиохийский, архидьякон Павел Алеппский, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, историческая география, русская православная церковь.

Среди записок о русском государстве допетровской эпохи важное место занимает памятник христианско-арабской литературы «Путешествие патриарха Макария Антиохийского» (1) (رحلة بطريك ماكار يوس), написанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским (2). Макарий принадлежал к виднейшим иерархам восточной православной церкви (как известно, в православии Антиохийская патриархия является по значимости 3-й после Константинопольской и Александрийской, за ней следует Иерусалимская, а далее — Московская). В середине XVII в. патриарх Макарий совершил путешествие в Московскую Русь с целью сбора милостыни, чтобы выплатить долги епархии. Архидьякон Павел Алеппский сопровождал своего отца в этой поездке. На своем пути они пересекли Малую Азию, Молдавию, земли казаков и в течение двух лет (в 1654–1656 гг.) находились на территории Московской Руси, после чего возвратились домой через Украину и Валахию. Во время пребывания в России Макарий и Павел несколько месяцев жили в Москве (они вошли в Москву в январе 1655 г.), посетили Новгород (через Тверь, Торжок, Вышний Волочок), Коломну. Архидьякон Павел вел записи в продолжении всей поездки, в которой фиксировал свои впечатления о том, что видел. Путешественники были современниками таких важных событий, как война с поляками и осада Смоленска, церковная реформа, немало общались с царем и патриархом Никоном, а на пути в Москву — также и с Богданом Хмельницким. Все это неоднократно отмечалось в литературе [4; 16, т. 22, с. 6 и др.]. Вместе с тем, с общекультурной точки зрения памятник, на наш взгляд, исследовался мало. О возможных причинах этого еще писал один из первых переводчиков и комментаторов Г.А. Муркос. Памятник настолько насыщен рассказами о религиозной жизни, что все остальное просто тонет в массе этих описаний. Поэтому он использовался (или рекомендовался

для использования) при исследованиях богослужения, архитектуры церквей, иконописи и других сторон церковной жизни. В свою очередь о Дм. Благово, начавший было переводить это сочинение с английского перевода, остановился в начале пути, высказав мнение, что «этот памятник может представить интерес только для лиц монашествующих и любителей церковных служб и церковного благолепия» [14, с. 405]. На самом деле это далеко не так. В памятнике можно отметить немало интересных исторических фактов и бытовых зарисовок. При внимательном же прочтении в нем можно найти довольно интересные детали об известных деятелях эпохи (в первую очередь это относится к царю Алексею Михайловичу и патриарху Никону), об общественном и частном быте России, ее народах, постройках, природе, торговле, вопросах внешней политики, армии и войсках, отношении к иностранцам. Отметим некоторые предварительные наблюдения, относящиеся к разным сторонам русской жизни и касающиеся исторических личностей. Интересно обратить внимание также и на то, что особенно поражало и удивляло в России путешественников (3).

При анализе текста нами использовалась рукопись 1700 г., хранящаяся в ИВР РАН в Санкт-Петербурге [12]. Это полный список, содержащий одну из кратких редакций. Рукопись 1700 г. хранилась в Дамаске и была поднесена российскому императору Антиохийским Патриархом Григорием по случаю 300-летия дома Романовых. Она находилась в императорской библиотеке Зимнего дворца, с 1919 г. хранится в рукописном отделе Азиатского Музея (в настоящее время — ИВР РАН). Описание рукописи имеется в каталоге, составленном А.И. Михайловой [9, 62–65], о ней также говорится в статье А.А. Долининой [2]; ей посвящены работы И.Ю. Крачковского [4; 5]. Приведенные примеры, таким образом, сопровождаются ссылками именно на эту рукопись с соответствующими пометами (4). В ходе работы было необходимо обращение к переводу путешествия, выполненному Г.А. Муркосом по рукописи Архива МИД, которая является копией со списка 1700 г. [13, 14]. Имеются переводы *Путешествия* на западноевропейские языки (5).

Прежде всего, в описаниях архидьякона Павла вызывает интерес то, что относится к личности Алексея Михайловича (1629–1676), взошедшего на престол в 1645 г., сына царя Михаила Федоровича. В период путешествия Макария он был достаточно молодым человеком — ему было тогда 25–27 лет. В.О. Ключевский в «Исторических портретах» пишет об Алексее Михайловиче в весьма комплиментарных выражениях. Он отмечает у него «в высшей степени привлекательное сочетание добрых свойств верного старине древнерусского человека с склонностью к полезным и приятным новшествам». Царь вырос в поколении, которое «нужда заставляла заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад, в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины». Он был очень набожен и до мельчайших подробностей изучил чин церковного богослужения, но в то же время был начитан и в «мирском писании», и «навычен философским наукам». Как правитель он смягчал власть кротостью, привлекал окружающих к управлению, смягчал придворный этикет и т.д. [3].

Каким же предстает Алексей Михайлович в описании путешественников? Многократно отмечаются благочестие и набожность, смиренность царя, его участие в длительных церковных службах с непокрытой головой.

Царь Алексей Михайлович известен в истории как «тишайший», однако на самом деле это вовсе не указывает на его личные качества. Наименование «тишайший», на латыни «serenissimus» («обладатель тишины», «устроитель порядка и государственного благополучия»), входило в неофициальную титулярную формулу монарха, у которого был порядок в государстве [11]. В то же время в описаниях Павла Алеппского он предстает и как весьма твердый и даже жесткий правитель [12, 2146]:

— Нам также сообщили о нем [то есть о царе], что государственные сановники в царствование его отца [Михаила Федоровича] не боялись его, так как он был человеком простодушным, мягким, слабого сложения, никогда не любившим кровопролития и войны или чего-либо другого [подобного], так что его звали монахом —

و اخبرونا عنه ايضاً ان اكابر الدولة كانوا فى زمن والده لا يهابونه. لانه كان رجلاً سادجاً لطيفاً ضعيف المزاج دائماً غير محباً للدماء. ولا للحروب. ولا غير ذلك. حتى انهم كانوا يسموه الراهب.

Но что касается этого царя [т.е. Алексея Михайловича], то он обуздал и укротил их [вельмож] до крайности (انلهم للغايه), многих из них казнил (و قتل اكثرهم) и далее приводится пример — убил собственной рукой в Приказе [в оригинале — в диване] одного из вельмож, когда узнал, что его подкупили, чтобы он просил у царя об отсрочке на год для ратников [12, 2146]:

اخبرونا عنه الان انه قتل احدهم بيده فى هذه المده فى وسط الديوان. و ذلك انه ارسله الى احد الولايات ليأتى بعسكرهم للسفر. فدخلوا عليه اولايك و توسلوا اليه و برطلوه بمالٍ ليدفع عنهم الان السفر. و يمهلم الى السنه الاتيه فجا ذلك الى الملك متوسلاً اليه قايلًا علل يدفع بها عنهم.

Он мог и весьма жестоко подшутить над вельможами: когда вышел с ними на богомолье в загородный монастырь, то сам на лошади пересек вброд Москву-реку и заставил их также вброд на лошадях перейти реку. Он смеялся, глядя, как они «тучные и толстые» перебирались через Москву-реку и в ответ на их упреки, что он хотел погубить их, сказал: Моя цель — уменьшить ваши толстые животы, которые вы отрастили себе при моем отце в покое и безопасности» [12, 215a]:

و نزل بفرسه فى وسط النهر. و هو عميق جداً. و خاضه و خرج الى الحافة الاخرى و هو مبلول الثياب كثيراً. ثم انه نادا اكابره كل من لا يجوز وراى اضاع حياته قصد ان يضحك عليهم. لان اكثرهم سمان غلاظ. فلما تحققوا اولايك هذه المصيبة. و لم يجدوا منها فرجا و لا هربه. نزلوا غصبا عنهم و اطلقوا عنان خيلهم. و اذ كان اكثرهم سمان غرقوا الى اعناقهم و هم رافعين رؤوسهم للعلو مع روس خيلهم. هذا و الملك ينظر اليهم و يقهقه عليهم. الى ان جازوا النهر فى اسو حاله. غرقا بثيابهم المشاه و الخياله. و اقبلوا يعاتبونه كانه قاصد هلاكهم حقيقه فاجابهم ان قصدى بهذا ان اضعف كروشكم السمان الذى ربيتهم على زمان ابى بالراحه و الاطمان

Затем в мокрой одежде заставил их отстоять обедню и только во дворце дал им по 3 чарки водки, сказав: «Мы сегодня получили (насладились) огромную оплату и большую награду, так как отстояли обедню утопленниками» [12, 215a]:

ثم انه ركب و هو معهم الى الان دخلوا الكنيسة الدير و حضروا بها القداس من اوله لاخره. وهو معهم مبلولون الثياب و الما (الماء) ينقط منهم. و لم يترك احدًا يخرج الى ان كمل القداس. و خرجوا جميعا الى صرايته و هم طالبون اطلاق سبيلهم ليغيثوا ثيابهم فلم يتركهم الى ان اسفاهم ثلثة اقداح عرق جمله قايلًا. اننا قد حضينا اليوم باجر عظيم و ثواب جسيم. اذ حضرنا القداس و نحن غرقاء

Еще подобный пример: жестоко расправился с боярами, которые опоздали к заутрене. Записал их имена, велел привести их из дома со связанными руками, отвел на берег Москвы-реки и велел бросить всех в реку, схватив за руки и за ноги, в их парчовой одежде и со всем, что было на них, говоря: «вот вам награда за то, что вы предпочли спать со своими женами до позднего утра

этого благословенного дня и не пришли отстоять заутреню вместе с царем» [12, 215a–215b]:

واخبرونا عنه انه حضر كعادته في احد الحدود صلاة سحر وعادة الاكابر انهم يحضرون من بيوتهم للصلاه وعده فاتفق انهم لم يعلموا بصلاته في ذلك اليوم و تنحوا في المجى فكتب للحال اسما من لم يحضر منهم . وارسل لحضرم من بيوتهم مكتوفين اليدين . و اخذهم الى عند حافة نهر المصكوف . الجارى بقرب السراى . و اطرح جميعهم فيه من يديهم و ارجلهم بتيايهم وصرصراتهم وكل ما لهم قايلًا . هنا جزاكم الذى فضلتم النوم مع نساكم الى ضحوة هذا النهار المبارك . وما اتيتم تحضروا فيه الباكرية مع الملك

Далее Павел пишет, что об этом существует много подобных рассказов, некоторые из которых он записал, «чтобы доставить удовольствие тем, кто их читает и много о них размышляет» [12, 215b].

Рассказывает он и об эпизоде в церкви, когда царь поправил тщеца во время службы. Этот факт, явно из «Путешествия Макария», упоминает и В.О. Ключевский, ссылаясь на записки иностранцев, но не называя источник [3]. Он, однако, не говорит, что царь при этом использует, как бы мы сейчас сказали, «ненормативную лексику» (اشطو كافارى موجيك بلادنس), которую Павел приводит арабскими буквами (у Ключевского сказано, что он умел виртуозно ругаться) [12, 313b]:

ثم انهم ختموا الصلاه و ابتدا القارى بقرآة اولى من حياه [؟] القديس قايلًا بعد الفاتحه : بلاغوصوفى اوچه . كحسب عادة قولهم [؟] لريسهم بارك يا اب و كان الملك قد جلس على كرسى و معلمنا على غيرهه . فقام على حيله بغته منتهزًا للقارى و قايلًا له اشطو كافارى موجيك بلادنس لان هذه عادة شتيتهم الكبرى فى هذه البلاد من البطرك الى الملك و بقية الاكابر موجيق بلادنس اعنى فلاح عديم العقل و معنى شطو كوارى . اعنى مادا تقول و لماذا تقول بلاغوصوفى اوچه و طوت بسد باطريارخ سكاجو بلاغوصوفى فلاديكو . اعنى لماذا تقول بارك يا اب و ها هاهنا حاضر بطريرك و لكن قل و هى سكاجو بارك ياسيد و هى فلاديكو

Здесь царь указывает тщецу на то, что патриарху надо говорить не «Благослови, отче!», как принято обращаться к настоятелю, а «Благослови, Владыко!», потому что здесь присутствует патриарх.

В.О. Ключевский отмечает, что очень человечны его письма с тонким и точным пониманием людей и житейских мелочей, уважением к человеческому достоинству [3]. Это могут подтвердить и письма Алексея Михайловича, встречающиеся в тексте памятника. Можно отметить человечность и демократичность царя в общении с путешественниками. Так, в его письме к патриарху Макарию в очень уважительных и почтительных тонах высказывается просьба вернуться в Москву с обратного пути на родину в силу важных церковных дел, происходивших в то время в России [12, 330b–331a]:

و لاجل ذلك يحتاج الامر الى ان ترجع الينا ايها اب المطوب . و تتفضل لننظر وجهك المقدس الرئيس الكهنوت بكل فرح . و لنجتمع بك و نبتهج وقتًا يسير . و انا الملك العظيم ارجا كثير من سياسة رياسة كهنوتك ان لا تخالف امرنا و مرسومنا فلاجل هذا اطلب و اتضرع و اسجد امام اقدام رياسة كهنوتك بان لا تخيب رجاي و توسلى الينا تتفضل الى عندنا المدينة المصكوف بغير تعويق . و بقلة ثقل و حمل

— <.....> И посему дело требует, чтобы ты возвратился к нам, блаженный отец, и чтобы удостоил нас ко всякой радости видеть святое лицо твоего преосвященства [руководителя священства] и чтобы мы встретились с тобой и возрадовались в ближайшее время. И я, великий государь, премного надеюсь на политику твоего преосвященства [Муркос : на мудрость твоего архипастырского управления [14, с. 166. кн. XII. гл. XII], чтобы ты не шел против нашего повеления и нашего указа и ради этого прошу и умоляю и падаю ниц перед стопами твоего преосвященства, чтобы ты не отверг мою просьбу и удостоил нас [прибытием] к нам в город Москву без промедления, налегке и с нетяжелой поклажей.

И далее [12, 3306]:

و هكذا رسم ملكنا العظيم انك اذا حضرت الينا نطلق سبيلك سريع. و نشكر من قدسك المطوب و تعبك الذي تريد تقضية في الطريق من المشقه تريد تاخذ جزاه من الله. و نحن نتركك بامر قدسك و بارادتك و لا توضع [توضع] و لا تتفكر بسو في رجوعك هذا الينا اصلا ايها الاب المطوب. كتب مكتوب ملكنا هذا في المدينة المملوكة المصكوف سنة ٧١٦٤ في عشية رابع نيسان

– Таков указ нашего царского величества, что, когда ты придешь к нам, мы вскоре отпустим тебя своей дорогой и отблагодарим твою блаженную святость. А [за] твои тяготы, которые ты пожелаешь вынести на пути от затруднений, пожелаешь получить воздаяние от Бога. Мы отпустим тебя по приказу твоей святости и по твоему желанию и не бойся и совсем не думай ничего дурного относительно своего возвращения к нам, блаженный отец. Письмо написал наш государь в столице [досл.: городе царства] Москве в год 1764, вечером 4 апреля.

Обходительность и смиренность Алексея Михайловича проявились и в его обращении к патриарху Макарию, когда он встретил его по возвращении в Москву и просил прощения за то, что вернул его с дороги [12, 3316]:

و في الغد استدعا الملك لسيدنا البطريرك الى طرابزا عظيمه و لما دخل عليه استقبله ساجدا له و قايلا يا ابي و سيدي اطلب منك بان كما غفر المسيح ذنوب الخاطيه و قبل بكاهما ان تغفر لى و تقبل دموعى و نظرى و دعواى اياك. و لا تاخذنى بمشقة الطريق و عناء. و انا سوف اكافيك بكل ما توصل و تطلب جزاء عن تعبك

– На следующий день царь пригласил нашего владыку патриарха к торжественному обеду и, когда тот вошел к нему, встретил его, поклонившись ему и говоря: Отец мой и владыка! Прошу тебя, чтобы ты простил меня за то, что я вызвал тебя и принял мои слезы и моления, подобно тому, как Христос простил грешницу и принял ее слезы. Не попрекай меня за тяжесть пути и страдания. А вознагражу тебя всем, как ты надеешься и просишь как награду за твои усилия.

Приводит и такие примеры: царь много плакал и сильно опечалился, когда увидел обезлюдившую Москву после моровой язвы; он послал впереди себя посланцев осведомиться у жителей об их положении, соболезновал им в гибели близких и утешал их [12, 162a]:

الا ان الملك لما نظر الى المدينة في حال عبوره بها كيف قد زرع الطعون اركانها و بلبل اناسها. و افقر اكثر دورها و اسواقها. بكى كثيرا و حزن جزيلًا. و كان يرسل امامه رسلاً. تسال الناس عن احوالهم. يعزيهم في امواتهم و يطيب خواطرهم

Павел неоднократно говорит о военных походах, общении с послами, в которых принимает участие царь.

Немало места уделяется вопросам внутреннего устройства России, организации войска, даются исторические сведения о покорении Казани, Астрахани, Сибири, об управлении Сибирью, инородцах, их крещении, обязательных податях, в частности из Астрахани кречетами (охотничьи птицы вроде соколов). Этот фрагмент о кречетах отсутствует в Петербургской рукописи и вставлен Г. Муркосом по переводу Ф.С. Белфура Подобные вставки заключаются переводчиком в квадратные скобки и специально оговариваются.

Описывается торговля с зарубежными странами, в том числе и через единственный в то время русский порт Архангельск. Упоминается большая Успенская ярмарка в Архангельске на день Успения Пресвятой Богородицы, на которую едут московские купцы. Они продавали свои товары англичанам и покупали у них. Домой ехали по зимнему пути на санях, выезжая в Дмитриев день, т.е. 26 октября (8 ноября) и возвращаясь к Николе зимнему — 6(19) декабря. Перечисляется ввоз в Москву разных товаров: критское вино, а также вино

из Испании, Франции и из [их] стран разных сортов, которое стоит полреала за окку, затем оливковое масло и оливки, орехи, растительный сахар, <безделушки?>, стекло (хрусталь?), камисия [китайская корица?] и, кроме этого, ткани и франкские [то есть западноевропейские] товары [12, 1976]:

و هو لارخانكالموس و كان من القديم بيدهم. فافتتحه منهم تصار يوان. و يجلبون الى المصكوف كل البضايغ. من قوچيات الخمر الاقريطاش. و كما اسبانيا. و من فرانس. و من بلادهم و هو اشكال اشكال. تسوا الاقه نصف ريال. ثم الزيت و الزيتون. و الجوز. و سكر النبات و <الهش...؟> و البلور و الخيار شنبر و غير ذلك من القماش و البضايغ الافرنجه

Из России экспортировалось в основном зерно. Россия называется основной житницей Европы (англичане больше всего вывозили на своих кораблях пшеницу и рожь, т.к. пропитание всех этих франкских [то есть западноевропейских] стран шло из этой страны). А в России приобретали у них замечательную железную броню и оружие и прочее, в чем у них была потребность. Путешественникам также сообщили, что отдаленность островов Англии от Архангельска при благоприятном воздухе (ветре) — на расстоянии пятнадцати дней [12, 197a, 6]:

و اكثر ما ياخذون في مراكزهم الحنطة و الفريزا لان غدا لبلاد الافرنج جميعهم من مونه هذه البلاد. و الملك بيعطيهم الحنطة و الفريزا و ياخذ منهم دروعه حديد عجيبه المسماه جباخانه و اسلحه و غير ذلك. هذا منها. و اخبرونا ان بعد جزاير الانكليتارا عن الارخانكالموس اذا كن الهوى موافقا مسافة خمسة عشر يوما.

Также из России вывозят соболя с хвостами [досл.: соболя и его хвосты], белку, телятин, то есть кожу для обоев, на которых они делают в своей стране тиснение золотом [14, с. 320] (6) и их вывозят в нашу страну наряду с рыбьим зубом) [12, 1976]:

الافرنجه و ياخذون منها السمور و اذنايه و السنجاب. و ثلاثين واي جلود السرداقى. و يطبعون في بلادهم بالذهب. و يجلبونه لهم و لبلادنا. مع السن سمك.

Павел вообще много пишет о сибирских мехах — о соболе (благословенное животное, его носят цари, он полезен для зрения и укрепляет спину и сердце, греет зимой и холодит летом), кунице, которую он называет «особая белка белого цвета» — سنجاب الخاص الابيض [12, 191a, 2–4]:

و يوجد في بلاد سيبيريا فرو سنجاب الخاص الابيض الكثير الجزيل القيمة كثيرا و هو حيوان صغير كوالاد القطاط الصغار رايناه كثيرا في بيوت

— В Сибири водится очень много куницы [досл.: особой белой белки], большой ценности. Это маленький зверек, похожий на котят, мы часто его видели в [их] домах.

О черно-бурой лисице [12, 191a, 17–20]:

و يوجد في بلاد سيبيريا التعلب الاسود المشهور بكثرة ثمنه و قيمته الا ان خصه قليل قل ما يوجد. و اذ وجد [د] يوخذ لخرنة الملك و لا يخرج منها اصلا

— В Сибири водится черно-бурая лисица, известная своей дороговизной и ценностью, однако ее высший сорт редок. И когда он встречается, то его берут в царское хранилище и оттуда совсем не вывозят.

И далее [12, 191a, 17–20]:

لا يلبسه غير الملك و خاصه الاسود جدا. و هي يضى باللليل فالسرد العال جدا مع هذا التعلب الاسود لا يخرج لغير بلاد اصلا. و لا احدا يستجرى يتعامل به

— Его [т.е. этот мех] никто не носит, кроме царя, и высший его сорт — очень черный, он блестит в ночи. Самые ценные соболь и лисица никогда не вывозятся в другие страны, и никто не смеет торговать ими. (И несколько ниже: На полную шубу надо 30 шкурки лисицы).

Тем не менее, господарь Валахии обратился к патриарху с просьбой помочь ему приобрести из царского хранилища соболя из Сибири — самого ценного

по красоте, черноте и цене. Патриарх послал челобитную царю и получил на это разрешение, а Павлу была предоставлена таким образом возможность пойти в меховое хранилище и любоваться мехами [12, 328а, б]:

و كان قسطنطين بيك الفلاخ قد ارسل لسيدنا البطرك مكتوب يتضرع اليه كثيرا ان يخرج له من خزانة الملك صرق سمور ثمين في غاية ما يكون من الحسن و السواد و الثمن و صرق مثل هذا لا يخرج من الخزانة الملك اصلا فكتب سيدنا البطرك للملك چولوفيطا يخبره بالقضية . فامر ان يعطوه صرق سمور من الخزانه بثمنه الاصلى من سيبيريا. و هكذا بحثوا و وجدوا اثنين فاستخرجنا احدهم احسن من رفيقه و دفعنا لهم ثمنه الاصلى المكتوب عليه من سيبيرى اربعمائة و تمانى دينار. و اخذناه. و لاجل ذلك كنت انا اطلع الى خزانة السمور و اتفرج

Самая лучшая и дорогая часть соболя — спинка. Две спинки, сложенные вместе, называются пара (в Петербургской рукописи этот фрагмент также отсутствует, и Г.А. Муркос дает его в квадратных скобках по английскому тексту Ф. Белфура). Обычной мерой для торговли соболями является «сорок», что Павел передает арабскими буквами как *صرق* или *سرق*, во мн. ч. *سرفات*. Это сорок спинок, составляющих 20 пар, а каждые два сорока с половиной составляют полный мех. В качестве подарков Макарий и Павел получали неоднократно помногу сороков соболей и от царя, и от патриарха. Все цари мира посылают московскому царю свои сокровища, чтобы получить только этот мех. Соболя не водятся нигде в мире, кроме Сибири, его перевозка оттуда занимает 3 года. Особый раздел посвящен упаковке мехов — на каждую лапку ставили царскую красную печать из воска (сургуча). Это придумали греческие купцы, чтобы мех не подменили [12, 328а]:

و ختم ارجل جميعه بشمع الملك الاحمر اعنى تختم كل رجل سمور بختم. و نكتب على الاطراف قفاه من <...> لدخل حتى لا يسرقوه و لا يقطعون من عرضه. و الختم ليلا يغيرونه. <...>. هكذا استنبطوا هذه الحيلة بازركان الروم لان اكثر هولاء الاستادين شياطين

Говорится об обычае преподносить в качестве почетного дара первые овощи («начатки овощей»). Так, царица от имени царевича Алексея прислала Макарию в начале июня первые редиски, а царю Алексею Михайловичу каждый старался первым преподнести огурцы [12, 265б]:

و فى هذا اليوم ارسلت الملكة لسيدنا البطرك عوضا من الملك فى صحن فجل صغار جديد اعنى بدو الفاكهة الجديد حسب عادتهم. و هكذا قدمه الارخن الذى جابه بيديه قايل ان الفاسيلوبولو الملك اللكسيوس ابن الملك اللكسيوس يسجد لقدسك العلى الطوبا. و يقدم لك هذ الفجل بدو الفاكهة الجديد. و سجد للارض عنه

Павел весьма живописно рисует правила пребывания путешественников в стране, которые дают представление об определенной закрытости и регламентированности русского общества. Так, при въезде в Москву их поместили в Кирилловском подворье в Кремле (обычное место остановки патриархов, влево от Спасских ворот). Однако по существовавшим тогда в московском государстве правилам архиерей или архимандрит сам не выходит из дома и к нему никто не приходит, пока он не представится царю и не будет допущен к руке, «так что мы не могли выходить из дома» — замечает Павел. Макарий не мог видеть въезд царя (по возвращении из смоленского похода), так как не послал испросить разрешения у министра. Поэтому путешественники смотрели тайно из окон одной из келий монастыря, где жили. Это был период весьма боязливой и сложного отношения к иноверцам, что в целом можно было объяснить сложным политическим положением России, исторически сложившимися непростыми отношениями с мусульманским и католическим миром. Недаром автор восклицает: Верно ли мнение в нашей стране, что христиане не умеют управлять государством? Да, мы и византийцы не умеем, и это нам не удастся. Как сказал один из осведомленных у нас людей: вот ничтожность управления византийцев и ослепление их глаз и сердец, а вот умение управлять здесь, при

котором ни один чужой не утаится между ними и никакие шпионы не могут проникнуть в их страну! [л. 265а,б]:

فاين قولنا فى بلادنا ان النصرارى ما بيععرفوا يدبر و الملك . نعم نحن و الروم لا نعرف ندبر و لا بيصلح لنا. كما قال بعض العارفون عندنا اين قلة تدبير الروم و عما اعينهم و قلوبهم. و اين تدبيرهم هاهنا الذى غريب لا يقدر يحتفى بينهم و جملة كافييه جاسوس لا يقدر ببدخل لبلادهم

Г.А. Муркос при этом приводит в квадратных скобках (видимо по переводу Белфура) пример того, как греки упустили свои земли туркам [14, с. 422; 13, вып. 4, кн. X, гл. V, с. 20–21].

Россия постепенно училась выстраивать отношения с другими народами и конфессиями и не следует закрывать глаза на то, что это был достаточно длительный и сложный путь в очень непростых условиях.

Время от времени автор подчеркивает, что его особенно поражало в Москве. Он так и восклицает: «посмотри, какую удивительную вещь мы видели», «что нас удивило, так это...» или «послушай, какие удивительные и дикие вещи мы видели в этот день» и т.д. [12, 3296]:

و اسمع بما شاهدناه من العجب الغريب فى هذا اليوم

В области духовной и общественной жизни поражали, прежде всего, набожность и благочестие москвитов, строгое соблюдение правил: «мы вступили на путь самообуздания, совершенства и благонравия, почтительного страха и молчания <...> что касается шуток и смеха, мы стали им совершенно чужды <...>» [14, с. 268]. Правда, это лишь первые впечатления (именно они и отражены в известной книге о смеховой культуре Руси [11, с. 122]. Позже он говорит и о ликовании, и застольях на Пасху, и о шутовском обращении с ним Алексея Михайловича. И.Ю. Крачковский допускал, что восхищение благочестием москвитов преувеличено путешественниками, которые старались угодить дарителям [5, с. 705], но, скорее всего, удивление Павла было вполне искренним, т.к. он постоянно сетует на то, что им подобное благочестие вынести было крайне тяжело — с ужасом вспоминает многочасовые стояния на молитве на холоде и на железном полу, восклицает «от этого поседели бы и младенцы» и т.д. Церковными историками отмечалось, что в Московской Руси в обычном церковном быту был принят очень строгий устав самых суровых монастырей.

Павел обращает внимание на тщательный учет и порядок, например, обстоятельную неторопливую опись всех даров царю, царице, его сестрам, детям, осуществляемую по два раза разными чиновниками и такую же обстоятельную передачу каждого дара с произнесением наименования предмета и т.д., их постоянное хранение в казне и возможность отчитаться и через 50 лет (когда в Москве появляется представитель страны дарителя, то все можно проверить по описям и все хранится в казне) [12, 1636]:

و بعد ان جاء الملك ارسل الوزير البينا باريفوجيكس. اى ترجمان الملك يتخير سيدنا البطرك عن صفة الهدية التى جابها للملك و اوريناه و كتبها واحده

— После того, как приехал царь, министр прислал нам переводчика (*барифудчикс* (7)), т.е. царского толмача, чтобы тот осведомился у нашего владыки патриарха о том, какие подарки он привез для царя. И мы показали ему, и он записал их по одному.

Затем несколькими страницами далее, после описания тщательной записи всего во время поднесения даров [12, 166а]:

و اكثر تحريرهم و حرصهم حتى لا يضيع شى و لكن يحفظ هذا الدفتر للاجيال الاتيه ليتذكروه قايلين ان فى زمن الملك اللكسيوس جا بطرك انطاكية و قدم له ما هو كذا و كذا بتمامه

— Их огромная тщательность [досл.: редактирование] и рвение ради того, чтобы ничего не пропало. Эта тетрадь [с записями] хранится для следующих поколений, чтобы они об этом помнили, говоря: во времена царя Алексея приехал патриарх Антиохийский и преподнес ему то-то и то-то и так до конца.

Отмечаются некоторые другие особенности русской жизни, в частности борьба с пьянством во время поста [12, 217а, 5–6]:

ثم اصبحنا اثنين النقي و خرجنا تفرجنا علي محتسب الدايير و معه الفلق و العصي لقتل الذي خمارته مفتوحة و الذي يبفطر

— Затем в чистый понедельник мы встали утром и вышли посмотреть на смотрителя, который ходил с фляжкой (8) и палкой для битья тех, у кого открыты винные лавки и кто прерывает пост.

Очень строгое наблюдение осуществлялось за трезвостью духовных лиц. Особое внимание к этому проявлял патриарх Никон [12, 184б, 11–12]:

و متى ما يسمع عن احد خطاء حتى عن السكر ينفي ذلك الانسان للحال لان الينكچاريته داييره دايما في المدينة متى ما وجدوا احدًا من الكهنة و الرهبان سكران ... يسجنونه بكل هوان

— И когда бы он [т.е. патриарх Никон] ни услышал о каком-либо проступке, даже об опьянении, он сразу же заточает этого человека, так как его стрельцы (в оригинале — янычары) постоянно рыщут по городу и, как только находят кого-нибудь из священников и монахов пьяным, бьют и сажают его в тюрьму со всяческим унижением. (Лавки на это время закрывают).

Однако торговцам, архиерейским служителям и родственникам ежедневно назначаются две рюмки. В гостях под конец обеда был обычай — обязательно выпить чарку до дна за здоровье хозяина дома и хозяйки [12, 330а]:

و في اخر المايده شربنا اقداح لسره و سرها و كنا نضع القدح على فمنا لان عاداتهم ان من لم يضع القدح هو عندهم عدو مبين لانه ما شرب تمام عمر صاحب المنزل

В описаниях иностранцев о Москве бывают упоминания о пьянстве, в частности об этом пишет капитан Жак Маржерет (9), однако и он говорит о хмельном, что оно «разрешается только для известных годовичных праздников» [7, с. 15]. Здесь следует учесть тот факт, что русское общество в период, описываемый Павлом, придерживалось старой веры, то есть того, что в пореформенный период стали называть старообрядчеством. Как известно, правила поведения среди староверов были очень строги, на что указывал и такой знаток старообрядчества, как П.И. Мельников-Печерский (10). Описания общества староверов подтверждают присущую им трезвость. В свою очередь особенности уклада и привычек жителей Московской Руси, описанные Павлом Алеппским, позволяют до некоторой степени увидеть, на какой почве впоследствии выросла этика старообрядцев с характерными для нее трезвостью, деловитостью, аккуратностью и строгостью в быту, серьезностью веры.

Очень подробно описываются русские города, где им удалось побывать, особенно Москва и ее окрестности, Кремль, Москва-река и таяние льда на ней весной, большой рынок и лавки, товары, сторожевые собаки. Москва сравнивается с Константинополем: в Москве при каждом доме обязательно есть садик и просторный двор, поэтому говорят, что Москва более обширна и открыта, в ней много свободных пространств и ее улицы широки, а в Константинополе дома стоят тесно и нет открытых дворов, поэтому, если случается пожар, то в Москве его быстро тушат, а в Константинополе не могут погасить быстро [12, с. 256б]:

و اما بيوتها فكل دار لا بد عن جنيته و دار واسعه و لهذا السبب يقولون انها اكبر من القسطنطينيه و اشرح. لان تلك كل بيوتها معلقة. و لا يوجد بها صحن دار. و لكنها مشتبهه في بعضها بعض. و لهذا السبب اذا صار بها حريق لا ينطفئ سريعاً. و اما هذه المدينة اذا صار بها حريق ينطفئ سريعاً لان فضاها كثير و زقاقاتها واسعه جداً

Описываются организация пожарного дела в Москве, меры предосторожности: печи в летнюю жару разрешают топить только по четвергам (для выпечки хлеба), сторожа наблюдают около кремлевской стены и оповещают о пожаре при помощи колокола, ратники мгновенно собираются по сигналу колокола и участвуют в тушении пожара. Если пожар очень сильный, то все жители города также принимают участие в тушении пожара, а если кто-либо пренебрег этим и не пришел, то будет сурово наказан субаши (полицейским) и серьезно оштрафован [12, с. 260а,б]:

و موكل في خدمة السراى و احوالها صوباشى كبير يحرسها دائماً ليلاً و نهاراً من الحريق. و فى المدينة واحد اخر غيره داير وبها ليلاً و نهاراً خوفاً من الحريق. و فى هذه ايام الصيف كانوا يختمون كل قباطير و افران المدينة لا يفتحونهم من يوم الخميس للخميس لكى يخبزوا خبزهم. <...>. و اوليك الحراس ينظرون دائماً صيفاً و شتاء بالدور نهاراً و ليلاً. فمتى ما وجدوا ناراً حتى و لو كانا خارج سور التراب يقرعون ذلك الناقوس عظيماً على حافة الواحد. فيخرج صوته بشع جداً. و فمتى ما سمعوا صوته كل العسكر المقيمون فى تلك الناحيه يعرفون الحريق فى اين فيسرعون بالبلطات و الفوس و يخربون حوله و يطفونه. و اذا كان عظيماً يخرجون حتى و الرعيه. و اى من تهامل و لم يخرج فعليه عقاب عظيم من الصوباشى و جريمه كبيره

Подробно рассказывается о Новгороде, который особенно восхитил путешественников. Многократно упоминается Смоленск, о котором автор говорит «великий город Смоленск, известный во всем мире, второй Багдад» [12, 302a]:

مدينة سمولانصكا العظيمه المشهوره فى الدنيا بغداد الثانيه <...>

Говорится о положении крестьян (их положение сравнивается с рабами), упоминаются правила перехода вымороченного имущества царю, обязанности вельмож выделять средства на содержание бедных, благодаря чему на улицах мало нищих и просящих милостыню.

Павел говорит об особенностях климата (долгий день летом: еще в 6 часов вечером светло, «мы специально выходили на улицу и могли читать греческий текст, а ведь греческое письмо самое мелкое»), неоднократно пишет о бездорожье в России (весной, осенью и летом вся эта страна непроходима из-за обилия дождей, топей и грязи). Вот еще пример бедственного состояния дорог [12, 297a]:

و تحققنا منه ان الملك لا زال مقيماً فى سمولانصكا لاجل الطين و الوحل و كثرة الامطار التى صارت فى هذه ايام الخريف لعسر الطرقات. و اشد من ذلك صار فى موسكو. حتى ان لا العربات و لا الخيل عادت تسلك. و خصوصاً ما كنا نستطيع نخرج من البيوت للاسواق من كثرة الطين و الوحل للقمامات

— Мы достоверно узнали от патриарха, что царь все еще находится в Смоленске по причине грязи, слякоти и обилия дождей, которые шли в эти осенние дни, и из-за непроходимости дорог. И еще хуже этого стало в Москве, так что не могли проехать ни повозки, ни лошади. И, главное, мы не могли выходить из домов на рынки из-за обилия глины и грязи глубиной в рост человека.

Он удивляется природным богатствам России [12, 284a]:

و عجبنا من حكمة البارى سبحانه الذى صب على هذه البلاد ثلاث اشيا بغزاره. و هى الاحراش و الحطب لاحتياجهم اليها فى البرد و كثرة الامياه و الانهار و البحرات و غزارة الاسماك و الغلات

— Мы удивлялись мудрости Всемогущего Создателя, который послал этой стране [досл.: пролил на эту страну] в изобилии три вещи: лес, дрова для нужды в них во время холодов, множество вод — реки и озера, изобилующие рыбой, и зерновой хлеб.

В то же время он отмечает, что из-за богатства имеется расточительность, не торгуются на рынках, торговля московитов — жесткая и сытая (в переводе

Г. Муркоса, — «торговля сытых людей» [14, с. 411], т.к. их не облагают податью и тяжелым налогом [12, 256]:

الان يبيع المصكوفيون جبار و بيع شبع. لان ما مطلوب منهم خرج و لاخراج مظالم. و كلامهم كالفرنج قليلاً
Несмотря на то, что путешественники принадлежали к среде арабов-христиан, постоянное проживание в мусульманском окружении сказывалось и на восприятии реалий русского общества. Так, автора крайне поразил обычай христосоваться на Пасху, когда священников целовали в уста не только мальчишки и взрослые, но и женщины («мы горели от стыда»). Далее, на Пасху в доме у воеводы автору пришлось самому испытать непривычный для него обычай — христосоваться с хозяйкой дома [12, 330a]:

ثم انه اقامها في الوسط و طلب اليها ان ندخل نقبلها في فمها قبلة الفصح القديسه التي هي على اعتقادهم بغير شك يقول خريسطوس انستي و دخلوا التراجمين امامي و قبلوها في فمها و قائلين خريسطوس انستي و سكعوا لها و عادوا للورى فاما انا فاني صرت كالصنم واقف و دببت في لحمي من الحيائ

И далее в связи с этим он замечает, «что он словно был лишен зрения и разума, что никогда ничего подобного не видел» [12, 330a]:

و انا كاني لا انظر و لا اعرف لاني كنت بعد قط ما نظرت ذلك

Кстати, этот обычай не всегда был на Руси. Удивлял их и обычай в Москве отмечать дни рождения детей — от царя до простолюдина (у мусульман было принято отмечать день рождения только при рождении ребенка и, по некоторым данным, при достижении возраста Пророка — 63 года).

Даются подробные описания еды, в т.ч. на царских и патриарших приемах, во время постов (главным образом, икра, рыбные блюда, наподобие начиненных барашков (كانها خرفان محشيه), описывается их приготовление, особенно в монастырях — из рыбы выбирают все кости, бьют как тесто, начиняют луком и шафраном в изобилии в деревянных формах, жарят в постном масле на очень глубоких, как колодцы, противнях и нарезают на кусочки подобно белым ломтикам курдюка [12, 174a]:

و ذلك لان من كثرة الاسماك التي في هذه البلاد. يصنعوا منه اشكال و الوان. كما كنا قد سمعنا من زمن. <...> لانهم ينزعون حسكه جميعه و يدقونه في الاجران حتى يصير كالعجين. ثم يحشونه ببصل و زعفران كثير. و يوضعونه في قوالب حشبه الخرفان و الوز و يقلونه بالزيت في مقالي عميقه جدًا كالبيير حتى يخرق به القلى الى داخل و ياتون بهم و يقطعونهم كقطع اللية البيضاء

В большом употреблении черный хлеб, которому отдают предпочтение [12, 218a]:

فاما سبب هديتهم لهذا الخبز الاسود. فهو لانه عندهم مفتخر جدًا. يتبركون باكله

Они также любят очень холодные напитки — мед, квас, вишневым (العسل) (قفاصو المطبوخ من الفريزا او من الشعيره).

Царь получал дары от монастырей в виде благословения, прежде всего, — огромный ржаной хлеб и бочонок с квасом (из воды с рожью) и бочки кислой капусты. Ржаной хлеб у них в большом почете, его предпочитают белому. То же подносят и членам царской семьи — царице, царевичу, царевнам и сестрам царя. Упоминаются такие особенности старомосковской жизни, как юродивые, угощение нищих и увечных за царским и патриаршим столом.

Отмечаются езда на собаках у северных народов, непривычное отношение для арабов к собакам (держат собак и хвастаются ими, строят для них деревянные домики).

Сам автор предстает человеком весьма любознательным и живым, очень непосредственным и наблюдательным. Он легко вступал в контакт и старался черпать информацию, откуда это было возможно (у греческих купцов, у двух пленных турок, принявших крещение и служивших в качестве «субаши» (некто

вроде полицейского) в старинном русском городе). Обычным языком общения для путешественников был греческий (Павлу приходилось говорить и по-турецки, но тайно, т.к. говорить по-турецки запрещалось). «Русскими» автор называет казаков, жителей Украины и Белоруссии, а по отношению к самим жителям Московской Руси он употребляет название «московиты» (الموصكوفيون). В то же время Павел приводит титул Алексея Михайловича — царь Великой, Малой и Белой Руси или царь Великой и Малой Руси. В частности, его использовал один из московских вельмож, обращаясь от имени царя к патриарху с просьбой посетить и благословить его (именно так переводит это словосочетание Г. Муркос, уроженец Сирии) [12, 167б]:

ان الملك السعيد الكبير فى الملوك و الاوظوكر اطور اى الضابط بداته [بذاته] كافة بلاد روسيا الكبرى و الصغرى
<...> اللكسيو ميخائيلوفيتجو

— Благополучный царь, величайший среди царей, автократор, или самодержец, всех стран Великой и Малой России <...> [14, с. 16, кн. VII, гл. V].

Во время путешествия Павел сумел в какой-то степени освоить и русский язык (и даже читал на нем по просьбе царя богослужебные книги).

В записках арабских путешественников получила широкое отражение церковная жизнь в Московской Руси XVII в. При этом церковная тематика не ограничивается лишь описанием служб и церквей, но содержит довольно многообразные сведения, помогающие более ярко представить жизнь и характер отношений в Московском государстве. В этом смысле описания Павла уникальны в своем роде, т.к. он единственный из иностранцев мог посещать православные храмы. В сочинении Павла Алеппского можно выделить следующие направления в описании церковной жизни Московской Руси: 1. Место церкви в общественной и частной жизни москвитов, в т.ч. в жизни царя и его семьи; 2. Духовенство, прежде всего, личность патриарха Никона и его взаимоотношения с царем; 3. Сведения о соборе 1656 г. с целью исправления богослужебных книг; 4. Внешние связи церкви, посещения иноземных духовных лиц и правила их пребывания в Москве; 5. Отношения с инославными народами; крещение других народов; 6. Вопросы догматики и богослужения (описания служб, церквей, монастырей, церковной утвари, облачения и т.д.).

Хорошо известно, какую громадную роль играла церковь в жизни Московской Руси XVII в., особенно если добавить к этому глубокий и живой интерес к церковным вопросам самого царя Алексея Михайловича. Будучи человеком вполне светскиобразованным по тому времени, он в то же время имел особое пристрастие к выполнению церковных обрядов и правил, хорошо знал богослужение. Записки Павла очень ярко подтверждают все это. Павла поразило количество церквей и колоколов в Москве. От патриаршего архидьякона он узнал, что церквей в Москве более четырех тысяч, а престолов, на которых совершается ежедневно литургия, более десяти тысяч, так как в каждой церкви по три или более алтарей. Даже самая малая и бедная церковь имеет над дверьми по десять больших и малых колоколов, которые звонят в воскресенье, праздничные дни и в канун больших праздников — сначала поочередно, потом вместе. От их гула дрожала земля, поэтому путешественники не спали по ночам. Рассказывается об отливке нового колокола. Попутно отмечается наличие домовых церквей.

В церковных службах, в малых и больших праздниках принимали участие практически все жители Москвы — это были всенародные акции. Путеше-

ственников поражали выносливость в вере, стойкость и крепость в телах московитов, которые стояли часами на службах на сильном холоде и на железном полу, совершая до тысячи поклонов.

Сами же путешественники умирали от усталости, подражая москвитам против воли [12, 217 а]:

و نحن موتى من التعب و الوقوف و البرد الشديد الذى كان فى هذا اليوم. و سلينا هذا كله بما شاهدناه من ثبات هولاء القوم على قصب ارجلهم فوق البلاط الحديد من باكر الى عشيته

Службы для них были столь тяжелы, что однажды, прохворав после них несколько дней от боли в ногах и спине, Павел восклицает: на чужбине для иностранцев не бывает праздников, будь он хоть Александр Македонский. Замечания такого рода весьма часты в тексте памятника.

Такое же сильное религиозное чувство проявляет и сам Алексей Михайлович. Так, во время крестного хода царь шествует в церковь с непокрытой головой, держа правую руку за пазухой по причине холода, стоит по 7 часов на службе. Подобный эпизод встречается не единожды, например [12,3006, 5 сн.]:

و ما كنا متحيرين الا من هذا الملك الذى اتا من مسافه هذا مقدارها ماشى مكشوف الراس. و مع هذا واقف يستتظر حتى احضروا له مفتاح صندوق ثوب و قبله و لكل الايقونات بكل شكر

— Особенно мы удивлялись этому царю, который прошел такое расстояние пешком и с непокрытой головой. При этом он стоял, ожидая, когда ему принесут ключ от ковчега с ризой Господней и целовал ее, а также все иконы с превеликой благодарностью.

Выше были отмечены такие штрихи к личности Алексея Михайловича, как прекрасное знание богослужения и даже умение поправить чтеца во время службы, строгость, доходящая до жесткости по отношению к боярам, не проявившим должного религиозного рвения (см. примеры выше). Во время служения патриархов во дворцовой церкви на мясопустную неделю царь сам кадил. У каждого московского царя было казнохранилище, чтобы все видели, какие святыни были приобретены в его царствование. Из даров особенно ценились древние греческие иконы, святыни.

Религия глубоко проникала во все сферы жизни. Церковные правила соблюдались в повседневной жизни, в военных и светских ритуалах. Так, у войск, отправляющихся в военный поход, на военных знаменах имелись изображения религиозного характера: Успения Богородицы, Нерукотворного образа (в честь хитона) Господа, образы святых — Георгия, Дмитрия, других мучеников, Святого Михаила архангела, херувима с пламенным копьем, были большие и малые кресты наряду с изображениями государственной и военной атрибутики: печати царя, военные кони — земные и морские. Автор восклицает, что «чудесные огромные знамена приводят в изумление зрителя своей красотой, исполнением на них изображений и позолотой». Войска при виде иконы над дверьми церкви или монастыря или креста снимают свои шапки, оборачиваются к ней и молятся, несмотря на сильный холод. Двигались почти до вечера, все колокола гремели вокруг.

Религиозный характер носила встреча царя из смоленского похода — он прибыл с утра в монастырь во имя Святого Андрея Стратилата. При входе его загремели все колокола. Царя вышел встречать патриарх в облачении и митре, поддерживаемый и окруженный дьяконами. Перед ним священники в облачениях несли хоругви, кресты, иконы; позади шли архиепископы рязанский и четьре архимандрита в облачении и митрах. Тут были все городские священники.

Один из дьяконов нес после царя крест на блюде. Все двигались и встретили его у Земляного вала.

Радостными описываются пасхальные дни. Отмечается такой обычай: в четверг по пятидесятнице все московиты отправляются за город с царем, царицей и патриархом для раздачи милостыни и совершения служб и поминок с полной радостью и весельем. В это время все торговцы города и рынков переносят свою торговлю за город. Ранее говорилось, что Павла удивлял обычай христосоваться на Пасху с женщинами («мы горели от стыда»). Как упоминалось выше, в остальные церковные праздники запечатывали все питейные дома, а в первую неделю поста вообще не было никакой торговли. Горе тому, кого встречали пьяным или с сосудом в руках! Его обнажали в этот сильный холод, скручивали руки за спиной, палач шел позади, провозглашая совершенное им преступление, и стегал его по плечам и спине длинной плетью из сырых бычьих жил. Особенно строгий надзор бывал над жителями в течение первой недели поста, по средам и пятницам, на Страстной неделе и в первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то их стегают без всякого милосердия и жалости. Постятся царь и вельможи.

Подчеркивается почтение к духовным лицам. Так, царь из уважения к патриархам от начала и до конца обедни стоит с непокрытой головой на сильном холоде [12, 174a]:

و لكنه كان مكشوف الرأس لاجل احترام البطاركة من اول المايده الى آخره فى هذا البرد الشديد

На приеме в царском дворце сам царь подает кубки с вином и кушанья, в первую очередь патриархам и боярам.

Еще один эпизод, характеризующий религиозное смирение царя Алексея Михайловича и обративший на себя внимание автора: «Посмотри, мой брат, на такие обстоятельства, которые мы видели. Замечательнее всего, что, когда он [т.е. царь] подошел к нашему монастырю, то обернулся к Вознесенскому женскому монастырю, в котором находились гробницы всех княгинь. [Там] стояли игуменья и остальные монахини. Царь на снегу положил три больших земных поклона в сторону икон, которые были над монастырскими воротами [Вознесенского монастыря], <...> они ему поднесли икону Вознесения и большой каравай черного хлеба, который несли двое, и он его поцеловал и пошел с патриархом в великую церковь, где присутствовал на вечерне, после чего поднялся в свой дворец» [12, 161б–162а]:

فانظر الى هذه الاحوال شهدناها يا اخى. و الاعظم من هذا انه لما جا الى [قرب؟] ديرنا. التفت نحو دير الراهبات و هو على اسم الصعود الالهى به قبور جميع الباكات. و كانت الريسه و بقية الراهبات واقفات فسجد ثلاث مطنيات كبار للارض على الثلج نحو الايقونات التى على بابه <...> و قدم له ايقونة الصعود و رغيف خبز اسود (11) كبير يحمله اثنان. فقبله. و ذهب مع البطرك الى الكنيسة العظمى و خضر الاسبارينون. ثم سعد الى قصر

Отмечается строгое соблюдение церковных правил при дворе — на приеме у царя не было мяса, а только рыба, словно по монастырскому уставу, из уважения к патриархам. Это была неделя перед мясопустом (день Св. Алексея), причем все это сопровождалось застольной молитвой, дьякон читал по монастырскому уставу Житие Св. Алексея с начала до конца, певчие пели многолетие. Приемы у бояр сопровождалась также молебнами. Вельможи ежедневно отправлялись к царю только после службы. Автор говорит об уставе приходских церквей. Все государственные сановники [на этой неделе?] не выходили из домов и молились. Ежедневно ходили в церковь, делали поклоны. Путешественники также делают это из подражания местным жителям, но для них это тяжело.

Очень почитается первое воскресенье Великого поста, совершаются чин и моление за царя, проходит служение патриархов. Жители в лучших одеждах идут в церковь. Соблюдается обычай всегда молиться, как увидят церковь. Описывается пост и постная еда, а также кушанья во время трапез у царя и в монастыре. Еда в пост похожа на вареные бобы и горох, нет чечевицы (только в домах у франков по цене дороже перца), есть соленая капуста, соленые огурцы, бобы. Кроме рыбы нет ничего дешевого (автор здесь восклицает: что есть бедному?). В пост рыбу едят только ратники и бедные. Разговляются сладким компотом, царь и царица посылают его своим вельможам. Автор сравнивает это с постом в Сирии. В то же время, как известно, в России славилась монастырская кухня, что не осталось не замеченным и путешественниками. Еда в монастырях описывается подробно. Это русские кушанья, обильно приправленные царскими пряностями, прекрасная рыба, сваренная в сладких соусах: с медом, сахаром, миндальным молоком; кушанья из начиненных яиц, печеные и жареные, с пряностями и сладкими соусами. Многие кулинарные рецепты почерпнуты у богатых поляков, славящихся искусством своих поваров.

В записках Павла много места отводится патриарху Никону (в миру — Никита Минаев, 1605—1681, церковный и политический деятель, с 1652 г. — патриарх, провел реформу церкви, приведшую к расколу). Целью церковных преобразований было приведение русской церкви в полное единообразие с греческой, что в немалой степени объяснялось и политическими задачами русского государства (12). Добиваясь независимости церковной власти от светской, Никон вступил в конфликт с царем, на Соборе в 1666 г. был лишен сана и сослан в Ферапонтов, а с 1676 г. — в Кирилловский монастырь, где умер. Влияние при московском дворе этого крупного исторического деятеля связано не только с незаурядностью его личности, но и вообще с тем положением, которое тогда имели в Московском государстве люди его ранга (до уничтожения патриаршего престола Петром Великим). У Павла многократно подчеркиваются высокий статус Никона, его определенная независимость и самостоятельность в стране, управляемой лишь двумя — царем и патриархом, управление страной в отсутствие царя, умение спорить и даже быть резким с царем. На просьбу Макария отпустить его на родину царь, взяв за руку нашего учителя, подвел его к патриарху Никону, говоря: «вот мой наместник, я поручаю ему, чего пожелаешь, проси его». Перед отъездом с войском в Смоленск царь оставил вместо себя полномочного наместника, несколько министров, на каждого было возложено одно дело. Наблюдателем надо всем оставил патриарха. Ни одно дело — важное или незначительное — не делается иначе, как с его совета и по докладу ему каждое утро. По словам Павла, значение патриарха здесь равно царскому. Патриарха окружает множество бояр, из которых большую часть он делает правителями областей, например воевода Путивля и другие. Из них же назначаются уполномоченные казначеи и келари. Павел отмечает, что предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх, благодаря своему пронзительному уму и знаниям, искусен во всех областях — духовных, государственных и мирских, т.к. был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами. Павел также пишет о его образе жизни, остроте ума, о любви Никона к грекам и их обряду. В своих записках Павел говорит о возникших разногласиях и ссоре Алексея Михайловича с Никонном: мы встретили на дороге несколько греческих купцов, возвращающихся

из Москвы, и спросили их, по какому случаю нас вернули назад. Они сообщили, что вечером в великую пятницу царь поссорился с патриархом в церкви, но по какой причине, никто в точности не знал; было только известно вообще, что ссора была вызвана высокомерием патриарха и его грубым обращением, ибо он сделался чрезвычайно надменен. Этот эпизод отсутствует в рукописи ИВР РАН в Петербурге и в московской рукописи МИД, но его перевод включен Г. Муркусом в свою книгу по другому источнику (перевод Ф. Белфура) [15] и дан в квадратных скобках [14, 530]. Приводится, кстати, и пример несогласия царя с Никоном по совершению обряда (в ход опять идет ненормативная лексика). Основные стороны реформаторства, которые вводил Никон и против которых протестовали приверженцы старой веры, сводились к следующему: «книжная справа» — то есть редактирование текстов Священного Писания; замена двуперстного крестного знамения трехперстным; отмена «метаний», или малых земных поклонов; крестные ходы в обратном направлении — против солнца, а не посолонь; трехкратное произнесение «аллилуйя» во время богослужения вместо двукратного. Как известно, Макарий участвовал в Московском поместном соборе в 1655 и в 1656 гг. и поддержал Никона в его церковной реформе. Павел Алеппский дает довольно подробное описание этих важных событий в церковной жизни Московской Руси, в которых участвовали четыре восточных иерарха, включая Макария Антиохийского и Гавриила (Сербского). Это описание содержит и сведения о весьма значительной роли патриарха Макария в осуществлении церковных реформ патриарха Никона. Во время второй поездки в Москву в 1666 г. он присутствовал на Соборе, осудившем Никона. В литературе существует подробный анализ этих событий и говорится о роли в них Макария. Действия Никона в церковной историографии получали разную оценку — от (в основном) полной поддержки до весьма критического отношения к ним. Однако эти вопросы требуют особого рассмотрения, что выходит за пределы настоящей статьи.

Есть также описания или упоминания других народов, например казанских и сибирских татар, черемисов, калмыков, башкир, мордвы, монголов, ногаев, черкесов, проповедь среди них русских священников, крещение их, иногда «от всего сердца» *قلوبهم (من كل)*, но часто — за вознаграждение [12, 1636]:

و هو لاى الامم المذكورين عمالين بيكرزوا عليهم روسا كهنة الموصكوفيين و كهنتهم. و هم يتقاطرون الى المعمودية للايمان من كل قلوبهم. كما شهدنا معمودية كثير منهم فى النهر امامنا. اكثرهم رغبة فى تياب و هبات الملك من الاموال و العلوفه

Русская православная церковь имела контакты с зарубежными православными престолами. У Макария и Павла были предшественники, посещавшие Москву, в частности при правлении Федора Иоанновича, — Иерусалимский патриарх Иоаким Доу', в свите которого был митрополит 'Иса, также оставивший свои записки о путешествии в Московию в виде поэмы (13) [4, с. 261, 264, 265]. Раз в несколько лет приезжали другие высокие церковные чины Востока, имевшие так называемые разрешительные грамоты — хрисовулы. На основе их они получали милостыню от монастырей, к которым были прикреплены. Эти грамоты давали право на беспошлинный провоз товара через Путивль, первый город на границе русского государства с Юга. Этим правом пользовались для провоза ценных мехов на продажу. Некоторые окружали себя многочисленными, видимо, «квазиродственниками» (по определению Муркоса) или,

как говорит Павел, «племянниками» с целью увеличить милостыню на всех сопровождающих лиц.

Отмечается весьма настороженное отношение к представителям других конфессий, что в общем можно объяснить предшествующим непростым ходом исторических событий. Некоторые примеры этого приводились нами выше. В описании Павла есть и другие сюжеты подобного рода. Так, в старину не допускали к служению в церквах архиерея или патриарха из греков, так как они осквернялись от турок. Особенно боялись турецкого языка. Видимо, именно турецкий язык ассоциировался с чужой или враждебной стороной. Но в то же время патриарх Никон приглашал Павла и Макария петь по-гречески и по-арабски (!), то есть язык Корана никаких враждебных ассоциаций у москвитов не вызывал. Это довольно интересное наблюдение как раз свидетельствует о том, что подобные настороженные отношения рождались скорее всего именно на политической почве, а вовсе не из-за какой-либо изначально присущей им ксенофобии или враждебности к иным конфессиям. Позже, отмечает Павел, привыкли к иностранцам.

Как отмечалось, в памятнике имеются многочисленные описания церкви, монастырей, икон, служб, много разного рода деталей, связанных с церковной догматикой. Особенно интересны описания церковных праздников и церемоний, не дошедших до наших дней. Так, Павел описывает «шествие на осляти» с участием царя в Вербное Воскресенье в подражание въезду Иисуса Христа на осле в Иерусалим (вход Господен в Иерусалим). Однако на самом деле в Москве шествие было на лошади, на которой боком сидел патриарх. Этот обычай исчез уже к XVIII веку, со времени Петра. Его описание и отображение в гравюрах дано также и в других известных записках о Москве той эпохи — Адама Олеария [10, с. 151] и альбоме Мейерберга [1, с. 115; 8, рис. 73]. Говорится об использовании веточек вербы на Вербное воскресенье вместо пальмы («особое дерево»), пальмовая ветвь имеется только у царя. Любопытно описание крестного хода с участием царицы, что было введено по настоянию Никона и прежде не допускалось. Также новое в службе — присутствие царицы на служении патриархов в Соборе. Именно этот патриарх убедил царицу сходить в собор и устроил для нее особый трон. В прежнее время царицы не имели обыкновения приходить в собор днем, а только ночью. Когда царица сошла из своего дворца, стрельцы разогнали народ с двух сторон. Описывается порядок следования царицы — впереди идут попарно жены бояр. Каждая две одеты одинаково, в черный или фиолетовый бархат, на голове — поверх шапки — небольшое покрывало, на нем лопасти из соболя или дорогой чернубурой лисицы, прикрепленные к голове и спускающиеся назад [12, 302б–303а]:

نعاولد. و سحر احد الاجداد استدعا البطرک لمعلمنا و قدسوا جميعاً في الصبور بحضور الملك و الملكة. لان كان لها من حين خروج الملك من العام الماضي في العنصره ما نزلت الى الكنيسة و هذا البطرک الذي امر الملكة والنزول. و عمل لها كرسي مختص بها. و لان في القديم لما كان للملكات عادة ان ينزلوا للكنيسة نهائاً و لكن ليلاً. و لما نزلت من قصرها كانوا البنكچاريه يطرد و الحلايق من الجهتي. [الجهتين؟]. و دخلت نسا الاكابر كلهم امامها اجوازاً اجوازاً بطقس عجيب مثل الشطار او السلاقيه امام الملك. و كل اثنان لابستان شكل و اكثرهم مخامل سود و البنفسجي. و على روسهم فوق القلبيق غطا ابيض صغير و مرخي فوجه صفة مقلبان من سمور و من تغلب اسود ثمين. و مخروق في روسهم. و مدلاً لورى

Описывается рукоположение духовных лиц высокого сана, в котором также принимает участие и царь. Для него ставят особый трон. Рукополагаемые несли значительные расходы — они делали дары царю, царице, царевичу, за их

счет приобретались также ткани из парчи, фиолетового и черного бархата и зеленого сукна, которыми устилали трон и дорожки для царя, государственных чиновников и архиереев. Но во всем соблюдалась экономия, поэтому после церемоний все ткани использовались: парча и красное сукно — для царя, бархат — для патриарха, зеленое сукно — для протопопа и служителей собора и т.д.

Рамки статьи не позволяют более подробно остановиться на описании разных сюжетов памятника. Но даже такой предварительный фрагментарный обзор вполне наглядно показывает, что памятник весьма насыщен сведениями этнографического, историко-культурного и экономического характера, а также обильными материалами по истории церкви и рисует весьма красочно жизнь Московской Руси в преддверии петровских реформ.

(1). Makāriyūs ibn az-Za‘īm al-Ḥalabī al-Anṭakī بطريرك ماكارىوس ابن زعيم الحلبي الانطاكي (избран патриархом в 1647 г.)

(2). Būlos ibn Za ‘īm al-Ḥalab الحلبي بولس ابن الزعيم (р. ок. 1627) [7, с. 261].

(3). На эту тему нами были напечатаны две небольшие статьи (но без арабских примеров) в сб. «Россия и арабский мир». (2001. Вып. 9. С. 32–40; 2007. Вып. 10. С. 65–71). В настоящем издании материалы этих статей расширены и дополнены фрагментами на арабском языке из рукописи ИВР РАН.

(4). Поскольку памятник написан с большим влиянием сиро-палестинского диалекта (в т.ч. и в графике), в примерах переданы диалектные особенности, свойственные среде арабов-христиан Сирии средних веков.

(5). Первым в Европе сделал перевод *Путешествия Макария* на английский язык Ф.С. Белфур (F.C. Belfour) на основе Лондонской рукописи, изданный в 2-х частях 1833 и 1836 гг. [15]. В 1930-х — конце 1940-х гг. румынский ученый Василие Раду (известный в арабистических кругах как Basil Radu) опубликовал в нескольких выпусках части Парижской рукописи с переводом, но автор не успел дойти до описания Москвы [16].

(6). В первом издании Муркос переводит это: печатают на них золотом [13].

(7). Павел арабскими буквами передает русское слово «переводчик», причем с греческим окончанием.

(8). Фаляка (осм.) — снаряд для наказания палками по пяткам.

(9). Жак Маржерет (1550-е гг. — после 1618 г.) — по происхождению француз, капитан отряда иностранных наемников; служил у Лжедмитрия I, командовал отрядом иностранной стражи в Кремле; служил у Лжедмитрия II и впоследствии — у польского короля Сигизмунда III. В 1611 г. уехал навсегда из России.

(10). Как известно, диалогия П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» основана на реальных наблюдениях автора в старообрядческих поселениях в Нижнем Поволжье.

(11). Ср. с *метания* у старообрядцев (*малый земной поклон*) от греческого η μετανοια (*покаяние, раскаяние*).

(12). Нужно отметить, что инициатором реформы был царь Алексей Михайлович.

(13). Иоаким Доу’ — Иерусалимский патриарх (1582–1592); ‘Иса — митрополит, возможно, сирийский поэт XVI в. ‘Иса ал-Хазар [7, с. 436].

ИСТОЧНИКИ

1. [Аделунг Ф.]. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам составлены Ф. Аделунгом, просмотрены и дополнены А.М. Ловягиным. С.-Петербург: изд. А.С. Суворина, 1903. 210 с.

2. *Долинина А.А.* История формирования коллекции христианско-арабских рукописей Института востоковедения Российской академии наук // *Россия и арабский мир: научные и культурные связи.* Вып. 5. СПб., 1999. С. 63–68.

3. *Ключевский В.О.* Царь Алексей Михайлович — Ф.М. Ртищев // Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / сост., вступ. ст. и примеч. В.А. Александрова. М.: Правда, 1990. С. 107—120.

4. *Крачковский И.Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Избр. соч. В 6-ти т. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1955. С. 269—272.

5. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избр. соч. В 6 т. Т. 4. М.; Л.: Наука, 1957. 920 с.

6. *Лихачев Д.С.* Смех в Древней Руси / *Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко.* Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 295 с.; 2 л. ил.

7. *Маржерет Жак.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 по сентябрь 1606 г. // Россия XVII в.: воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 10—76.

8. [*Мейерберг Августин*]. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные съ подлинника въ натуральную величину съ приложениемъ карты пути cesарскаго посольства 1661—62 гт. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1903. 124 с.

9. *Михайлова А.И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии Академии наук СССР. Вып. 3. История. М., 1965. 200 с.

10. *Олеарий, Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. 174 с.

11. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских эпох /АН СССР, Ин-т русской литературы, Пушкинский Дом; ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1984. 208 с. (Гл. Первая. Бунташный век).

12 «Путешествие патриарха Макария Антиохийского» — рукопись ИВР РАН (Санкт-Петербург) 1700 г., шифр В 1230. Л. 1—369. رحلة بطريرك ماكارىوس الانطاكي [Rihlat batriyark mākāriyūs al-anṭakī].

13. Путешествие патриарха Макария Антиохийского в половине XVII в. описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским: по рукописи Московского главного архива МИД / пер. с араб. Г.А. Муркоса: в 5 вып. М.: Изд. Импер. О-ва истории и древностей российских при Московском университете, 1896—1900.

14. То же. Изд. 3. М.: О-во сохранения литературного наследия, 2016. 728 с.: ил.

15. The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / translated by F.C. Belfour: 2 vol. London: The Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1833—1836. Vol. 1, 1833. 421 p.; Vol. 2, 1836. 486 p.

16. [Radu Basil]. Voyage du patriarche Macaire d'Antioche: Text arabe et traduction française / par Basil Radu // Patrologia Orientalis / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris: Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3—199; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203—604; 1949. XXVI, fasc. 5. P. 367—481.

См.: рис. №№ 44, 46.

УДК 821.411.21: 910
ББК 26.89г(2)46
80.9(53)

Ю.И. Петрова

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПАТРИАРХА МАКАРИЯ»: КИЕВСКИЙ СПИСОК РУКОПИСИ ПАВЛА АЛЕППСКОГО

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена хранящейся в Киеве сокращенной рукописной редакции известного исторического источника «Путешествие патриарха Макария Антиохийского». Рассмотрены история киевской рукописи, ее структурные особенности и перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: исторические источники, патриарх Макарий III Ибн аз-За'им, Павел Алеппский, Агафангел Крымский, Георгий Муркос, Тауфик Кезма, Омельян Прицак, текстология.

«Путешествие патриарха Макария Антиохийского» — известнейший исторический источник, представляющий собой дневник архидиакона Павла Алеппского — сына Антиохийского патриарха Макария III († 1672 г.). Во второй половине XVII в. делегация патриарха Макария совершила два путешествия в православные страны (Молдавию, Валахию, Украину и Россию): первое (1652–1659 гг.) — с целью сбора пожертвований для Антиохийской Церкви, обремененной долгами во время османского владычества (именно это путешествие описано в дневнике); второе, через 10 лет, — по приглашению царя Алексея Михайловича для участия в суде над патриархом Никоном (вероятно, Павел также вел по нему записи, но текст считается утерянным).

Павел Алеппский проявил себя как внимательный и наблюдательный исследователь, его можно назвать свидетелем эпохи, поскольку он с необычайной яркостью и многими деталями зафиксировал разные стороны жизни народов, среди которых находился патриарх Макарий со своей свитой в период важных исторических событий. Книга Павла Алеппского по праву может считаться вершиной арабо-христианской литературы османской эпохи [7, 519].

Данный памятник арабской географической и арабо-христианской литературы настолько хорошо известен в российской науке, что было бы излишним приводить общие сведения о нем и об истории его изучения. Ограничимся упоминанием трех исследованных на сегодняшний день важнейших списков рукописи:

— *Лондонский список* (Британский музей) — переписан в 1765 г. С него в 1829–1836 гг. был выполнен известный английский перевод Ф. Бельфура — первый перевод «Путешествия», благодаря которому мир узнал о рукописи Павла Алеппского [16];

— *Парижский список* (Национальная библиотека Франции) — самая старая (конец XVII в.) и полная (622 страницы) его редакция. Ее исследованием зани-

мался румынский арабист Василе Раду, который опубликовал часть арабского текста с французским переводом в Париже в 1930–1950-х гг. [17];

— *Дамасский список* 1699 г. (с 1913 г. хранится в Санкт-Петербурге). С него в России было сделано несколько копий, одна из которых легла в основу известного русского перевода проф. Георгия Муркоса (5 выпусков объемом более 1000 страниц, 1896–1900 гг.; переиздан в 2005 г.) [10].

В начале XX в. стало известно о существовании еще одной, сокращенной, редакции рукописи «Путешествия». Информация о ней ограничилась единственной публикацией 1912 г. с кратким описанием половины рукописи А. Олесницкого и предисловием акад. А.Е. Крымского [6]. После этого рукопись словно выпала из поля зрения исследователей на целое столетие. Так ли это? Обратимся к ее истории и приведем данные, известные на сегодняшний день.

Киевский список «Путешествия Макария», представляющий собой сокращенную редакцию дневника Павла Алеппского, на сегодня мало известен исследователям. Эта рукопись стала доступной украинским ученым благодаря А.Е. Крымскому, который приобрел ее во время своей научной командировки в Сирию и Ливан в 1896–1898 гг.: «...мне удалось и открыть и заполучить обгорелую неполную рукопись, должно быть середины XVIII века. Она случайно сбереглась в Сейданайском монастыре под Дамаском. Из всех ныне известных списков, этот список оказывается самым старым. Привезенная мною рукопись не имеет ни начала, ни конца: они утеряны, и остался фрагмент в 138 страниц, из середины манускрипта. Формат — т.н. писчая четвертушка. Почерк — церковно-христианский, т.н. “канвиси”, вполне четкий. По изложению это есть сокращение обычной редакции: это так сказать эпитома» [6, 10].

Таким образом, происхождение документа выяснить невозможно — он не имеет названия, отсутствуют первая и последняя страницы, имена переписчика и заказчика рукописи неизвестны.

Стоит отметить, что на момент открытия А.Е. Крымским сокращенной редакции этого памятника еще не было известно о существовании парижского — самого раннего — списка рукописи, а дамасский список попал в Санкт-Петербург лишь в 1913 г. по случаю празднования 300-летия дома Романовых [4, 31–37; 11, 316–324]. Поэтому на начало XX в. находка А.Е. Крымского представлялась уникальной, особенно, если учесть, что в то время лондонский список считался утерянным.

Кому и зачем понадобилась сокращенная редакция манускрипта? По мнению А.Е. Крымского, «существование подобной краткой редакции указывает, что некогда путешествие патриарха Макария по Московии очень интересовало его земляков-потомков: ведь, раз они сочли нужным привести громоздкое описание в удобочитаемый и скорочитаемый вид, значит путешествие было для них книгою популярною» [6, 10].

Для А.Е. Крымского ценность данной рукописи, несмотря на ее небольшой объем, заключалась прежде всего в том, что с ее помощью можно проверить и уточнить перевод Г. Муркоса и даже понять лучше некоторые места, которые, по мнению академика, были переведены не слишком удачно (восемь примеров указаны в том же предисловии). Ученый также упомянул о наличии в сокращенном списке фрагментов, которые дополняют расширенные редакции текста [6, 12].

Первым после А.Е. Крымского, который ввел рукопись в научный оборот, к ее изучению приступил его ученик А. Олесницкий. Он выполнил описание первой половины рукописи (о пребывании путешественников в Молдавии, Валахии и казацкой Украине), предоставив исследование второй половины другим [6, 22]. За основу сверки был взят перевод Г. Муркоса, который являлся сборным и охватывал известные на тот момент российские редакции текста и английский перевод Бельфура.

В 1918 г., в связи с основанием Украинской Академии наук, начался киевский период деятельности акад. А.Е. Крымского, который занял пост ее постоянного секретаря [9, 27]. Вместе с ним в Киев переехала его личная библиотека (около 20 тыс. томов), в том числе и список рукописи Павла Алеппского. Фонды этой библиотеки составили базу Кабинета арабо-иранской филологии и тюркологии в составе Историко-филологического отделения УАН [15, 372]. Печать Кабинета проставлена на первой и последней страницах рукописи, а также на с. 96.

Ближайшим сотрудником и помощником А.Е. Крымского в Кабинете арабо-иранской филологии стал Тауфик Гаврилович Кезма (1882–1958) — православный сириец родом из Дамаска, выпускник Киевской духовной академии. Т. Кезма был младшим братом известного деятеля Императорского Православного Палестинского Общества Искандера Кезмы, выпускника Санкт-Петербургской духовной семинарии, директора учительской мужской семинарии в Назарете (открытой по инициативе ИППО 3 сентября 1886 г. как пансион для подготовки сельских учителей) [1, 327]. После смерти отца Искандер привез младшего брата в Назарет и позаботился о его образовании. В 1896 г. Т. Кезма продолжил учебу в Киеве и получил степень кандидата богословия. В 1907 г. он принял российское подданство и начал педагогическую работу. С 1913 г. Т. Кезма преподавал арабский и турецкий языки в киевских вузах, с начала 1920-х гг. систематически трудился для Историко-филологического отделения и много переводил. А.Е. Крымский писал, что Т.Г. Кезма выполняет работу, которую, кроме него самого, во всей Украине может выполнить он один, как единственный знаток арабского языка в полном объеме, арабской письменности и культуры [3, 57–58].

Очевидно, по поручению А.Е. Крымского Тауфик Гаврилович начал перевод сокращенного списка рукописи Павла Алеппского на русский язык. Сверив ее с расширенной редакцией (на материале перевода Г. Муркоса), он пришел к такому выводу: «Во многих местах рукопись эта вполне тождественна с “Путешествием” (перевод Г. Муркоса. Москва, 1898 г.); в некоторых немногим разнится от нее, в третьих — она самостоятельна. Вообще говоря, это ничто иное, как сокращенный экземпляр “Путешествия”» (1). Таким образом, Т. Кезма стал первым, кто серьезно изучал и переводил киевский список «Путешествия Макария». Но опубликовать свой перевод Т. Кезма не успел, более того — на долгие десятилетия текст затерялся в архивах.

Упоминания о переводе Т. Кезмы неоднократно встречались в научных публикациях. Все они основывались на словах академика И.Ю. Крачковского, который указал в своей классической статье на наличие «полного перевода, подготовленного Т. Кезмой», хранившегося в Украинской Академии наук [5, 269]. Работа Т. Кезмы встретила похвальный отзыв патриарха советской арабистики, о чем мы узнаем из его дарственной надписи на оттиске той же статьи, присланной Т. Кезме: «Дорогому Тауфику Гавриловичу, много потрудившемуся над книгой своего земляка» (2).

Однако, изучив рукопись перевода Т. Кезмы [2], которая обнаружилась совсем недавно (об этом см. ниже), мы выяснили, что она охватывает лишь часть киевского списка «Путешествия» (сс. 236–76, т.е. 56 страниц арабского текста). Наши поиски в киевских архивах других фрагментов перевода Т. Кезмы не увенчались успехом.

На титульном листе рукописи Т. Кезмы указан 1921 год и дата окончания перевода — 26 февраля 1924 г. Судя по всему, его тетради были переданы А.Е. Крымскому и хранились вместе с арабской рукописью в личном архиве академика, а не в Академии наук Украины, поскольку в недалеком будущем обе рукописи перешли в распоряжение другого человека — молодого востоковеда Омельяна Прицака — и оказались во Львове.

В 1930-х гг. начались массовые репрессии против украинских ученых (3). Были ликвидированы все востоковедческие учреждения, в том числе детище А.Е. Крымского — Историко-филологическое отделение УАН, а сам он оказался в положении «опального» академика. Но в период 1939–1941 гг., после присоединения Западной Украины, Агафангел Ефимович получил возможность приезжать во Львов в качестве корифея украинской науки. В январе 1940 г. состоялось его знакомство с 20-летним студентом исторического факультета Львовского университета О. Прицаком. Во Львове академик устроил ему во время прогулки своеобразный экзамен — цитировал по памяти арабскую, персидскую и турецкую поэзию и заставлял переводить ее на украинский. Эти беседы он оценил как экзамен на «отлично» по востоковедным дисциплинам и предложил О. Прицаку аспирантуру в УАН [9, 33–35].

Насчет передачи рукописей из архива А. Крымского О. Прицаку мы располагаем следующими данными, основанными на свидетельстве проф. Н. Полонской-Василенко — одной из немногих близких друзей А. Крымского. В своих воспоминаниях она указала, что в начале июля 1941 г. (т.е. уже после ареста академика) ей были переданы три свертка с рукописями из личной библиотеки А. Крымского, а также его письмо с просьбой о сохранении их в надежном месте, поскольку в Киеве тогда началась паника и срочная эвакуация ценностей. В том же году в Киев в поисках А. Крымского приехал О. Прицак, на которого академик возлагал большие научные надежды, и Н. Полонская-Василенко передала один из свертков ему, а два остались в библиотеке Академии наук [8, 143].

Вскоре к переводу рукописи на украинский язык приступил О. Прицак, о чем свидетельствует надпись на титульном листе первой из двух его тетрадей: «Львів, квітень—травень 1942 р.» (4). Данная рукопись представляет собой черновик подстрочного перевода части текста (только первые 35 страниц арабского манускрипта). На каждом развороте тетрадей размещены параллельно арабский и украинский тексты. Большая часть перевода охватывает фрагмент текста о пребывании патриарха Макария в Яссах.

Причина, по которой перевод остался незавершенным, нам неизвестна. Хотя достаточно вспомнить указанную на тетради дату. Вероятно, молодой востоковед планировал подготовить перевод к публикации и рукопись подстрочника была первым этапом этой работы (на такую мысль наталкивают структура тетрадей и примечания). Несомненно, дневник Павла Алеппского привлек внимание О. Прицака как важное произведение арабской географической литературы, в контексте его заинтересованности восточными источниками, проливающими свет на историю Украины. О. Прицак обращался и

к переводу Т. Кезмы для идентификации отдельных мест (кое-где в сносках встречаются ссылки на Т. Кезму, а также примечания рукой О. Прицака в тетрадах Т. Кезмы).

В послевоенные годы О. Прицак продолжил учебу в Берлинском и Геттингенском университетах, позже переехал в США, где стал профессором Гарвардского университета. Там же оказался и киевский список «Путешествия» с переводом Т. Кезмы. В течение 70 лет рукопись пролежала без использования, более того, ее местонахождение оставалось загадкой.

Исследованием дневника Павла Алеппского и его переводом занимались еще два видных украинских востоковеда — известный арабист А.П. Ковалевский (5) (профессор Харьковского ГУ) и Я.Е. Полотнюк (Львовский национальный университет им. И. Франко). Последний выбрал в качестве темы диссертационного исследования «Путешествие Макария», поставив целью исследовать текст по лондонской и петербургской рукописям, и издал ряд основательных статей и тематических фрагментов перевода на украинский язык в разных периодических и научных изданиях [13, 8–9]. Но сокращенный список рукописи оказался для них недоступным.

После смерти О. Прицака (2006 г.) — основателя и первого директора Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины — его библиотека, согласно завещанию, была перевезена из США в Киев. 14 ноября 2007 г. в Национальном университете «Киево-Могилянская академия» (НаУКМА) был открыт Мемориальный Кабинет-библиотека О. Прицака (около 20 тыс. единиц на более чем 60 языках), отдельную ценность которой составляет личный архив ученого. В составе последнего оказался и вернувшийся в Киев сокращенный список «Путешествия патриарха Макария» с переводами Т. Кезмы и О. Прицака.

Местонахождение пропавшей «путешествующей рукописи» выяснил проф. В.С. Рыбалкин после того, как встал вопрос о привлечении ее к международному проекту по изданию полного критического текста дневника Павла Алеппского на языке оригинала с соответствующим научным аппаратом [12]. В проекте участвуют Румынская Академия (Институт исследований Юго-Восточной Европы), Институт восточных рукописей РАН и Институт востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины. Проект предполагает сверку текстов расширенных редакций рукописи и подготовку критического издания на базе парижского списка. Таким образом, важный исторический документ возвращается в научный оборот.

В данной статье нам представляется возможность впервые привести полное описание структуры киевского списка «Путешествия патриарха Макария» и внести коррективы в ранее опубликованные данные.

Как известно, единственной публикацией об этой рукописи является вышеупомянутое описание А. Олесницкого с предисловием А. Крымского, где указывается количество страниц арабского текста — 138. Действительно, пагинация проставлена переписчиком с первой по последнюю страницы из сохранившихся. Но тогда не было учтено, что между с. 23 и с. 24 существуют еще две страницы без нумерации. Рукой Т. Кезмы на них проставлены карандашом номера 23б и 23в. Таким образом, реальное количество страниц рукописи — 140. Количество строк на странице составляет, как правило, 21 (изредка — 19–20 строк).

Рукопись выполнена несколькими переписчиками (смена почерка особенно заметна на сс. 42, 43, 49, 104, 105, 111, 113, 114, 127). Нетрудно заметить, что

до 40-х сс. почерк неровный, на 40-х сс. он несколько раз меняется, а со с. 50 к работе приступает переписчик с более каллиграфическим почерком (возможно, по желанию заказчика рукописи).

На момент написания данной статьи (осень 2013 г.) мы вынуждены были опираться только на перевод Г. Муркоса для сличения структуры киевского списка с другими, поэтому эта публикация отражает предварительные результаты работы. Не повторяя полностью описание А. Олесницкого для первой половины рукописи, обратимся к ее характерным структурным особенностям. Нам представляется интересным проследить по мере возможности логику составителей редакции и выявить, какие аспекты путешествия патриарха Макария были для них (или для заказчика рукописи) наиболее важными, а какие были опущены. Если дневник Павла Алеппского, по словам А. Крымского, был популярной книгой в среде православных арабов и поэтому понадобился ее сокращенный вариант, то тем более структура рукописи представляет для нас интерес.

Имеющееся в расширенных рукописях описание путешествия из Алеппо до Константинополя и пребывания в нем отсутствует в киевском списке. Сохранившийся текст начинается обрывком фразы:

أبرشيته كلها ومنها توجه إلى مدينة القسطنطينية ودخلها ضحوه يوم الأربعاء من تشرين الأول ثم قلع بنا المركب ورسونا بقرب الفنار (6)

[14, 1: 1(6)] ... *всю свою епархию, и оттуда отправился в город Константинополь, в который прибыл на рассвете в среду [20] октября. Затем наш корабль отплыл, и мы причалили возле Фанара...* (7).

Приведенная цитата относится к главам 4 и 17 книги I перевода Г. Муркоса, между которыми размещается описание пребывания в Константинополе и других турецких владениях. По каким причинам могло быть опущено описание Константинополя и деятельности в нем патриарха Макария? С одной стороны, описанные здесь события наверняка были известны адресату (ведь речь идет о внутриправославных связях в Османской империи), и гораздо больший интерес для него и его современников представляло чтение о северных единоверных странах, особенно о Московской Руси — оплоте православия, тем более что связи восточных иерархов с послепетровской Россией (на момент составления сокращенной редакции) значительно ослабли [7, 411]. С другой стороны, более вероятно, что сокращенная редакция могла основываться на рукописи, в которой отсутствует описание переезда по Анатолии и пребывания в Константинополе (как в московской рукописи, списанной с дамасской 1699 г.).

Упомянув об опасном плавании по Черному морю (1: 11–2: 15) и проезде через болгарское селение (2: 15–3: 4), переписчик переходит к описанию Молдавии (3: 4–5). Логика текста сохранена — фрагменты каждой главы книги II «Молдавия» присутствуют в киевском списке, упоминаются почти все населенные пункты Молдавии, через которые проехали путешественники (Галац, Бырлад, Васлуй, Скинтей, Яссы). Довольно пространное описание пребывания в Яссах приводится, начиная с 5: 19 до 29: 20.

Что же из описания Павлом Алеппским Молдавии привлекло внимание более поздних переписчиков? Глава 1 книги II («Галац») с описанием города и церемонии въезда в него сокращена до нескольких слов, в то время как глава 2 («Жилища и одежда») приведена практически полностью (3: 8–4: 12). Затем вкратце даются административные сведения (4: 13–16), упоминаются воевода Стефан Великий (4: 17–5: 3) и общая архитектура церквей (5: 4–8). Далее сле-

дует описание въезда патриарха в столицу (5: 9–6: 13) и некоторых церковных традиций (6: 13–7: 13). Описание церкви св. Саввы в Яссах опущено. Затем идет речь о двух приемах патриарха господарем Василием Лупу (7: 13–9: 7). Глава 8 по Г. Муркосу («Монастырь Голия») полностью опущена. Далее (9: 7–11: 12) вновь говорится о встрече патриарха с господарем (отдельно упоминается переезд на санях), обмене подарками, довольно подробно описывается пир при дворе, восхваляются качества господаря и упоминается его милостыня патриарху (11: 12–12: 17), что соответствует (с некоторыми сокращениями) главе 9 книги II.

Описание монастырей в Яссах (гл. 10) опущено полностью. Упоминаются законы суда над ворами (12: 18–13: 12), великопостные обычаи молдаван и валахов (13: 12–15: 4). Довольно подробно описывается служба в монастыре Галата в первое воскресенье Великого поста (15: 4–19: 12), упоминаются пруд «хелештеу» и подаренные фрукты (19: 13–20: 7). Описание богослужения и пира в гл. 12 сокращено до нескольких строк (20: 7–15), равно как и описание погребальных обрядов в гл. 13 (20: 15–21). Упоминаются железные часы (21: 1–6).

На 21: 6–23: 5 идет речь о восстании великого логофета (гл. 14), а на 23: 5–24: 8 говорится о вступлении в войну казаков под предводительством Тимофея Хмельницкого (гл. 15), возвращении Василия (гл. 16), его войне с валахами (гл. 17).

Далее (24: 9–25: 6) упоминаются св. Иоанн Новый, обычай плести венки, железные часы; приводится описание молдавских огурцов и фруктов (гл. 19). Затем (25: 7–26: 19) говорится о продолжении войны с восставшим логофетом, о поражении Василия (гл. 20–21), возвращении Тимофея, его боевых успехах и гибели (26: 20–28: 16), захвате новым господарем крепости Сучавы, положении бывшего господаря Василия, ужасах войны, просьбах патриарха об отъезде (28: 16–29: 20). Приводятся и другие сведения о Молдавии (гл. 25) до 30: 21.

В части рукописи, касающейся Молдавии, А. Олесницким приведен фрагмент, отсутствующий в расширенных редакциях (28: 20–29: 16) [6, 12]. Но все же нельзя назвать весь этот фрагмент уникальным, т.к. параллель к нему (в частности, про плачевное положение побежденного господаря Василия) имеется в конце главы 20 кн. II. Сравним:

واما فاسيلي بيك فانه فقد جميع خلائه ومعارفه واقاربه وخزايينه وصهره ذلك الشجاع حتي وحرمته
واولاده فتفكر في نفسه وقال اين تدبيرك يا بيك اين افرازك اين امالك اين خاصت دولتك قد خرجت
كالبوب عريان كمن بطن امك ولكن لمصداق القايل اذا نزل القضا عي الصبر واذا صوتت القضية
كل مسله بطاله [3, 29: 1–9]

«А господарь Василий, потеряв всех своих друзей, знакомых и родных, богатства и храброго зятя, даже жену и детей, размыслил про себя и сказал: “Где твое умение управлять, господарь? Где твои особенности? Где твои богатства? Где вельможы твоего государства? Ты, как Иов, (как бы теперь) вышел из утробы твоей матери. Поистине прав тот, кто сказал: Когда приходит беда, недоступно бывает терпение, а когда смерть дает громко о себе знать — все прочие дела суть пустяки”» [2, 53–54].

«...он был испытан подобно Иову, Евстафию и им подобным. Он потерял тогда всех своих родственников, друзей, даже жену и детей и все свои богатства, как об этом скажем далее. Потом он лишился также своего зятя, сына Хмеля, того смелого наездника. Где теперь твоя рассудительность, о Василий? где твоя

способность различения? где обилие твоих богатств? Ты всеми теперь покинут. Правду говорил тот, кто сказал: “когда сходит определение (свыше), слепнут очи”» [10, 83].

В целом описание Молдавии занимает около 30 страниц текста (сс. 3–30, включая сс. 23 б и 23 в). Наиболее полно представлены в данной редакции народные обычаи, официальный церемониал, военные действия, свидетелем которых был автор. Вскользь упоминаются отдельные монастыри, церковные службы, иногда вкратце приводятся исторические данные, характеристика природы и продуктов. Опускаются детальные описания монастырей, церквей, городов и конкретных богослужений (довольно подробно описано только одно из них).

Со с. 31 начинается *описание Валахии*. Передано (с сокращениями) основное содержание главы 1 книги III: въезд патриарха в Тырговиште, совместное служение литургии с митрополитом Валашским и архиепископом Сербским, трапеза, обычай закалывать свиней в канун Рождества (31: 1–21), охота господаря для праздничного стола, обычай держать в доме медведя, рождественские поздравления ради сбора милостыни (31: 21–33: 4), многочисленность солдат, сохранение порядка в стране несмотря на обилие кабаков (33: 5–18).

Описание дворца и церкви опущено, описание Рождественской литургии сведено к нескольким словам (33: 18–20). Трапезе у господаря уделено больше внимания (34: 1–20), описан обычай назначений и увольнений в праздник Обрезания Господня (35: 5–19). С некоторыми сокращениями приведено описание Великого водоосвящения в праздник Богоявления (традиции которого, несомненно, вызывали интерес читателя из южных стран) и сопутствовавшего ему у валахов веселья (35: 19–38: 14).

Коротко сказано о некоторых нравах валахов и Тырговиште (38: 14–39: 3), но опущено упоминание митрополичьего дома (глава 4), описание свадеб и проч. (гл. 5). Главы 6–7 (описание погребальных обрядов, великопостных традиций и пасхального празднования) полностью отсутствуют.

Второй дополнительный фрагмент, на который указал А. Олесницкий [6, 12], также явно имеет под собой основу в расширенной версии (он содержится раньше — в описании Молдавии). Сравним:

اعلم ان من بلاد البضغان الي الفلاخ ثم الي بلاد النصارا اذا ارادوا ان يقتلوا احداً مجرم فياخذه الشوباصي وجماعته احد الكنايس فيخرج احد الكهنه يتسلمه ويقبل اعترافه جيداً ثم يناوله الاسرار الهية ويخرجه ويسلمه للشوباصي وحينئذ يعمل استغفار لكلمة وجده ثم ياخذوه ويقتلوه كيف يشاوه هكذا نظرنا وشاهدنا وهذه عاداتهم [14, 39: 3–11]

«Знай, что от Молдавии до Валахии, и до христианских стран, если пожелают убить какого-нибудь преступника, то его берет “шубасы” (8) (полицейский-офицер) со своими людьми в какую-нибудь церковь. Там к нему выходит священник, берет его, хорошенько исповедует его, причащает Божественных Таин, затем выводит его и вручает шубасию, отпустив ему все его грехи. После этого они его берут и убивают, как им захочется. Так мы видели и смотрели. Это их обычай» [2, 70].

«Ибо во всех странах христианских, когда хотят казнить преступника, ар-маш, т.е. субаши, со своими людьми приводит его сначала к какой-либо церкви, откуда выходит священник, исповедует его и причащает св. Таин, затем берут его и казнят где желают, как мы сами видели. Таков их обычай» [10, 85].

Кратко упомянуты Великий пост и Пасха (39: 12–21). Далее с сокращениями, согласно гл. 8, следует рассказ о кончине господаря Матвея, избрании

Константина Шербана новым господарем и его соперничестве с сердаром (39: 21–41: 17). Довольно подробно приведен чин поставления нового господаря и принесение ему присяги (41: 17–43: 10). Вкратце упомянут чин отпевания скончавшегося господаря (43: 10–44: 1). Описание крестного хода по четвергам (гл. 11) сведено к нескольким словам (44: 4–7). С сокращениями упоминается о посольстве в Константинополь (44: 7–16) и подробно — о рудниках (44: 16–45: 3).

Сообщается о наказании сердара (45: 5–11) и, наконец, о выезде из Валахии в сторону страны казаков (45: 11–46: 6). О монастыре св. Николая, подробно описанном в расширенной версии, в киевской редакции не упоминается.

Итак, описанию Валахии в киевском списке отведено 15 страниц текста (31: 1–46: 6). Нетрудно заметить, что основное внимание составителя редакции сосредоточено на описании обычаев валахов и особенно — присущих им пышных празднований и пирований. Как и в случае с Молдавией, опущены детали богослужений и описания храмов. Довольно подробно изложены события государственной важности, свидетелем которых стал автор.

На 46: 6 начинается **описание Украины:**

وليلة احد الرابع بعد العنصره دخلنا الي بلد بلد (sic!) اسمها راشيكوبو من حكم القزق

«Накануне четвертого воскресенья по Пятидесятнице мы вступили в город по имени Рашков, из владений казаков» [2, 83].

Кратко описываются торжественная встреча патриарха, набожность жителей и поминовение в церквах царя Алексея Михайловича (46: 6–47: 6), что соответствует главам 1–2 книги IV. Далее следуют исторический экскурс и рассказ о войне с ляхами (47: 6–49: 7), характеристика Б. Хмельницкого и его деяния (49: 7–51: 5), что соответствует (со значительными сокращениями) главам 3–4, 6.

Из глав 5, 7, 8 в киевской рукописи находим лишь отдельные короткие фрагменты: о проезде через страну и почестях при встрече патриарха (51: 5–10), восхищении страной казаков и ее жителями (52: 17–53: 12), железных часах (53: 13–14), плодовых деревьях и домашней птице (53: 17–21), породах свиней (54: 1–6), отваре ячменя (54: 6–9), колпаках священников (54: 10–16), зеленых свечах (54: 16–18), многочисленности детей (54: 18–55: 8), наличии зеркала в алтаре (55: 8–14).

Проезд через населенные пункты вплоть до Богуслава (главы 5–8) не упоминается. На 51: 11–52: 17 содержится описание встречи с Б. Хмельницким в Богуславе. Переписчик передал основное впечатление автора о смирении гетмана и привел полный перечень подарков от патриарха. Посещение казацкого лагеря и прощание с гетманом (гл. 10) не упоминается. Полностью опущено упоминание маршрута до Киева (гл. 11–12).

О выезде в Киев говорится на 55: 14. Но, к сожалению, описание Киева, его монастырей и церквей, пребывание в Киево-Печерской Лавре, богослужение в Софийском соборе, с такой тщательностью приведенные Павлом Алеппским, полностью проигнорированы в сокращенной редакции (а это главы 13–20). Находим только краткие фрагменты из гл. 20: о прекрасных садах (55: 15–16), красоте местных женщин (55: 18–21, 56: 14–18) и наказании прелюбодеев (55: 21–56: 2), вновь о войне Хмельницкого с поляками (56: 2–14), о сильном ливне (56: 18–20). Затем упоминаются отъезд из Киева, кельи монахов в горах и совместная купальня для мужчин и женщин, селение Ольшана, сиротские

дома (56: 20–57: 9). Дальнейший путь вплоть до Путивля (Прилуки, Густынский монастырь и др.) не упоминается.

Таким образом, фрагмент рукописи, посвященный Украине, занимает всего 11 страниц (46: 6–57: 9). Необходимо внести поправку в описание А. Олесницкого, согласно которому рассказ о пребывании путешественников в «стране казаков» заканчивается на 53: 14 [6, 22]. В указанном месте говорится лишь о приближении к Путивлю, а затем рассказ вновь возвращается к Украине (такое нарушение логики повествования неоднократно встречается в киевском списке):

ثم في نهار الخميس عشرين شهر تمور يوم عيد مار الياس النبي تمام السنناتن من خرجنا من مدينة حلب انتهىنا من بلاد القزق واقبلنا علي مدينة بوتيليا سنار بلاد المصكوف اي حدود البلاد اعلم ان هذه بلاد القزق اشجار فواكه ملونه كمثل دمشق وازيد بساتين لا تعد وجناين حسنه لا توصف [14, 53: 14–19]

«Затем в четверг 20 июля, в день св. пророка Илии, ровно через два года после нашего выезда из города Алеппо, мы выехали из страны казаков и приблизились к городу Путивлю, пределам Московии, т.е. к границе страны. Знай, что в этой стране казаков есть всевозможные плодовые деревья — как в Дамаске и даже больше, бесчисленные сады и неопикуемой красоты парки» (11) 10.

В описании Украины, представленном в киевском списке, имеются огромные пропуски — прежде всего, это отсутствие упоминания всех монастырей и церквей, а также передвижений по стране и населенных пунктов. Внимание переписчиков привлекли только такие аспекты, как некоторые нравы и обычаи жителей земли казаков, природные условия, внешность людей и особенно характеристика славного «Хмеля» и его война с ляхами. Очевидно, составитель редакции рассматривал «землю казаков» как транзитную территорию на пути патриарха к главной цели его путешествия — Москве, и поэтому ограничился минимумом информации. Ведь в этой короткой, по сравнению с другими, части маршрута не было пышных дворцовых церемоний, а описание монастырей и богослужений мало интересовало переписчика.

Возможно, переписчик опустил упоминание Киево-Печерской Лавры и Софийского собора (а вместе с ним и возможность познакомить читателя с этими важнейшими в православном мире святынями), желая поскорее дойти до описания главной части путешествия. Напомним, что почерк несколько раз менялся на первых 40 страницах, а со с. 50 к работе приступил другой переписчик, который, как можно заметить, был гораздо менее внимателен к событиям церковной жизни, чем его предшественники по переписке рассказа о Молдавии и Валахии. Упоминание Киева (с. 55) относится именно к его перу.

Рассмотрим остальную часть рукописи, касающуюся **описания Московской Руси**. Она начинается со с. 57, строки 9:

ولما وصلنا الي مدينة بوتيليا اول سينار المصكوف خرج لاستقبالنا الوبوضه نيقيطا بالوف عساكر والسناجق والبارق

«Когда мы достигли города Путивля — начала пределов Московии, нам навстречу вышел воевода Никита с тысячами войска, хоругвями и знаменами».

Представим структуру этой части рукописи в виде таблицы с указанием наличия соответствий упомянутых фрагментов в главах книги Г. Муркоса. Следует отметить, что многие из имеющихся в киевской редакции сюжетов приведены со значительными сокращениями.

Страница: строка	Киевский список	Г. Муркос
57: 9–58: 5	Встреча патриарха в Путивле	Кн. V, гл. 4
58: 5–21	Правила въезда в страну, въезд «во имя царя»	Кн. V, гл. 10
59: 1–7	Проезд от Путивля до Москвы	Кн. V, гл. 11
59: 7–59: 20	Земледельческие орудия	Кн. V, гл. 13
59: 20–60: 5	Черный хлеб; бобовые	Кн. V, гл. 16
60: 5–6	Расстояние от Антиохии до Москвы	Кн. V, гл. 16
60: 7–9	Въезд в Калугу	Кн. V, гл. 16
60: 9–13	Переводчик и сообщения о моровой язве	Кн. V, гл. 16
60: 13–15	Прибытие в Коломну	Кн. V, гл. 18
<i>Полностью опущены главы 5–9, 12, 14, 15, 17 книги V</i>		
60: 15–61: 1	Поход на Смоленск и начало моровой язвы	Кн. VI, гл. 6, 8
61: 3–62: 6	Пережитая в Коломне эпидемия	Кн. VI, гл. 6
62: 6–15	Въезд в Москву	Кн. VI, гл. 14; кн. VII, гл. 1
<i>Полностью опущены главы 1, 3–5, 7, 9–13 книги VI</i>		
62: 15–63: 4	Возвращение патриарха Никона и царицы, размещение в Москве	Кн. VII, гл. 1–2
63: 4–64: 10	Возвращение царя в Москву	Кн. VII, гл. 2
64:10–65:17	Перепись подарков Макария царю	Кн. VII, гл. 4
65: 18–67: 4	Перепись подарков царице, сыну, сестрам и дочерям царя	Кн. VII, гл. 4
67: 4–71: 6	Аудиенция у царя	Кн. VII, гл. 5
71: 7–72: 9	Прием у патриарха Никона	Кн. VII, гл. 5
72: 9–73: 12	Трапеза	Кн. VII, гл. 6
73: 12–74: 3	Перепись подарков для патриарха Никона	Кн. VII, гл. 7
74: 5–13	Подарки царя патриарху Макарию	Кн. VII, гл. 8
74: 14–75: 6	Церковные доходы	Кн. VI, гл. 2
75: 6–17	Сбор войска в поход на Смоленск	Кн. VII, гл. 3
75: 17–76: 8	Народности под властью царя	Кн. VII, гл. 3
76: 9–18	Вдовы; отчество; наказание за пьянство	Кн. VII, гл. 7

Страница: строка	Киевский список	Г. Муркос
76: 18–77: 3	«Князья» (бояре) и их статус	Кн. VII, гл. 7
77: 3–12	Владение крепостными	Кн. VII, гл. 7
77: 13–78: 5	Облачения, внешность и смирение священников	Кн. VI, гл. 5
78: 5–18	Церковные традиции москвитов	Кн. VI, гл. 4
78: 18–79: 6	Ссылка на стихи митрополита 'Исы	Кн. VIII, гл. 9–10
79: 7–80: 2	Служение в соборе в Неделю мясопустную	Кн. VII, гл. 9
80: 2–83: 21	Трапеза у Никона; племя лопарей	Кн. VII, гл. 12
<i>Полностью опущены главы 10–11 книги VII</i>		
84: 1–6	Внутренняя Сибирь	Кн. VIII, гл. 1
84: 6–88: 13	История Ивана Грозного, завоевание им Сибири, Казани, Астрахани, Каспия	Кн. VIII, гл. 1
88: 14–89: 21	Сибирские меха и охота на соболей	Кн. VIII, гл. 2
90: 1–95: 2	Сибирский воевода; рассказ о внутренней Сибири	Кн. VIII, гл. 3
95: 3–100: 4	Рассказ о стране Хота и Хотай; отношения с татарами, митрополит Петр	Кн. VIII, гл. 4
100: 4–102: 13	Обращение с послами и иноверцами; армянский купец	Кн. VIII, гл. 5
102: 13–18	Английские острова	Кн. VIII, гл. 5
102: 18–103: 2	Переводчики царя	Кн. VIII, гл. 5
103: 2–105: 14	О башкирах и грузинах; Теймураз-хан	Кн. VIII, гл. 6
105: 14–106: 13	Хитон Господень	Кн. VIII, гл. 5; Кн. IX, гл. 15
106: 14–109: 4	Грузинская царица Елена и ее сын	Кн. VIII, гл. 6
109: 4–21	Крещение татар	Кн. VIII, гл. 7
110: 1–112: 7	Касимовский царевич	Кн. VIII, гл. 7
112: 7–17	Крещение польского вельможи	Кн. VIII, гл. 7
112: 18–113: 10	Отношение русских к чужестранцам	Кн. VIII, гл. 7
113: 10–114: 11	Окончание трапезы у Никона	Кн. VIII, гл. 7
114: 12–115: 14	Колокола и описание храмов; стихи митрополита 'Исы	Кн. VIII, гл. 11

Страница: строка	Киевский список	Г. Муркос
115: 15–116: 5	Содержание священников; протопопы	Кн. VIII, гл. 10
116: 5–13	Набожность царя	Кн. VIII, гл. 8
116: 13–117: 14	Шутка царя при пересечении реки; наказание нерадивых к богослужению	Кн. VIII, гл. 8
<i>Полностью опущена глава 12 книги VIII</i>		
117: 15–118: 15	Строгость Великого поста	Кн. IX, гл. 1
118: 15–120: 5	Монастырский ржаной хлеб и квас	Кн. IX, гл. 1
120: 5–124: 12	Богослужение в Неделю Торжества Православия; обличение греков; многолетие царю	Кн. IX, гл. 3
124: 12–20	Вопрос царя о молдавском господаре Василии, который не снимает колпак в церкви	Кн. VIII, гл. 8
124: 21–125: 7	Гробница царевича в Архангельском соборе	Кн. VIII, гл. 10
125: 7–9	Известия об отъезде царя	Кн. IX, гл. 4
125: 9–126: 6	Служба во второе воскресение Великого поста; подаренный саккос; просьба Макария об отъезде	Кн. IX, гл. 5
126: 6–19	Проводы царя	Кн. IX, гл. 5
126: 19–21	Численность войска	Кн. IX, гл. 6
127: 1–8	Владения турков (<i>разрыв текста</i>)	Кн. IX, гл. 6
<i>Полностью опущены главы 2, 7–14, 16 книги IX</i>		
127: 9–128: 21	Исчисление часов	Кн. X, гл. 4
129: 1–130: 6	Положение солнца и длительность дня	Кн. X, гл. 6
<i>Полностью опущены главы 1–3, 5, 7–13 книги X</i>		
130: 6–20	Завершение Великого поста; выезд в монастыри и Новгород	Кн. XI, гл. 1, 4, 9
130: 20–131: 6	Завоевание Вильны	Кн. XI, гл. 3, 10
131: 6–18	Возвращение царя	Кн. XI, гл. 12
131: 18–132: 1	Перечисление московских патриархов	Кн. XI, гл. 14
132: 1–16	Перемена клобука	Кн. XI, гл. 15

Страница: строка	Киевский список	Г. Муркос
<i>Полностью опущены главы 2, 3, 5–8, 11, 13, 16–19 книги XI</i>		
132: 16–20	Ожидание отъезда в обратный путь	Кн. XII, гл. 9
132: 21–133: 12	Посещение Саввина монастыря	Кн. XII, гл. 1, 2, 3
133: 12–134: 18; 135: 1–3	Подготовка к отъезду; царская милостыня	Кн. XII, гл. 9, 10
134: 18–135: 1	Прощание с Никоном	Кн. XII, гл. 11
135: 3–136: 4	Хрисовулы; сорок соболей для господаря Константина	Кн. XII, гл. 9
136: 4–11	Выезд в обратный путь	Кн. XII, гл. 11
136: 11–137: 4	Болхов; Павел в гостях у воеводы	Кн. XII, гл. 11
137: 5–138: 21	Письмо от царя о возвращении в Москву	Кн. XII, гл. 12
<i>Полностью опущены главы 4–8 книги XII</i>		

Из вышеупомянутых фрагментов, касающихся пребывания путешественника в Московской Руси, можно выделить следующие сюжеты, наиболее заинтересовавшие переписчика: список подарков; северное племя людоедов; история Ивана Грозного и рассказы о внутренней Сибири, войне с татарами и митрополите Петре; отношение к иностранцам; история Теймураз-хана, царицы Елены и касимовского царевича; обличение пороков греков; исчисление часов; письмо царя о возвращении. Данные фрагменты приведены практически без сокращений либо урезаны незначительно. С другой стороны, полностью опущены богослужения в монастырях (в т.ч. Троице-Сергиевой Лавре), упоминания многих известных храмов (Софийского собора в Новгороде) и монастырей. Некоторые пространные фрагменты расширенных редакций поданы в виде резюме с перефразами переписчика. Вообще же в тексте о Московской Руси пропущено гораздо больше фрагментов, чем в первой части рукописи. Наиболее полно представлены сюжеты, входящие в состав книг VII и VIII Г. Муркоса. Всего описание Московии занимает около 82 страниц.

Как можно заметить из правой части таблицы, хронология повествования в части, касающейся Московской Руси, местами нарушается: переписчик мог возвращаться к ранее описанным деталям, либо забегать вперед и снова возвращаться к основному сюжету. Повествование о Молдавии и Валахии выстроено более логично, в соответствии с расширенными редакциями.

Итак, киевский список «Путешествия» охватывает события, описанные в пределах гл. 4 книги I — гл. 12 книги XII Г. Муркоса. Текст обрывается на концовке письма царя патриарху Макарию с просьбой о возвращении в Москву:

[14, 138: 20–21] ٧١٦٤ سنة رابع نيسان في عشية رابع نيسان في عشيّة رابع نيسان سنة ٧١٦٤
«*Это письмо писано в стольном граде Москве вечером 4 апреля 7164 года.*»

Кроме недостающих начала и конца рукописи, в ней имеется еще один дефект: между сс. 126–127 отсутствует фрагмент текста (не хватает, очевидно, одной страницы, т.к. текст на обеих страницах соответствует гл. 6 книги IX).

Приведем некоторые фрагменты из киевского списка, которые, по результатам наших сопоставлений, отличаются от перевода Г. Муркоса либо дополняют его. В этих фрагментах можно выделить несколько типов вмешательства переписчиков в исходный текст (10):

1) Вставка дополнительных слов:

عند ذلك تحنن سيدنا يسوع المسيح علي شعبه واولاد كنيسته التي بدل دمه عنها ونظر الي ذلهم ورتي الي صراخهم واطهر عبده الامين اخميل ابن الايمان الحقيقي [14, 49: 7–9]

«Тогда Господь наш Иисус Христос сжалился над Своим народом и чадами Своей Церкви, за которую Он пролил Свою кровь, призрел на их уничижение, внял их мольбам и явил верного раба Своего Хмеля, сына истинной веры».

«Бог... воздвиг верного раба Своего Хмеля для отмщения им...» [10, 130].

وكانت له شجاعة زايده ذو تاقب سعيد مسعد للغاية في كافة اموره وكان متواضع دين خايف الله للغاية [3, 50: 3–4]

«Он [Хмельницкий] обладал чрезвычайной храбростью и был весьма удачлив во всех делах. Был он также смиренный, религиозный и крайне богобоязненный».

«С самого начала своей деятельности гетман обнаруживал храбрость и ум...» [10, 127].

فجاوا اجداد اجداده في بحر اوكرانياوس من نحو سبعماية سنة في سنة ٩٥ مسيحيه الي هذه البلاد وتحكموا بها [14, 84: 15–17]

«Предки его [Ивана Грозного] предков прибыли в эту страну по морю-океану около 700 лет назад, в 95 году от Рождества Христова, и завладели ею».

«Деды его дедов, около семисот лет тому назад, пришли по океану в эту страну и завладели ею» [10, 306].

ما هذا الصبر ما هذا التواضع ما هذا الاحتمال حقاً نسبنا التعب من عظم ما نظرنا من صبرهم واحتمالهم وتواضعهم في الكنايس لا كمثل اكبار بلادنا الله يطف بهم الله جازاهم بحق وهوالا الله رفعهم بعدل وحق [14, 124: 6–10]

«Какое терпение, какое смирение, какая выдержка! Поистине, мы забыли об усталости из-за великого терпения, выносливости и смирения, какие мы наблюдали у них в церквах — не так, как у вельмож нашей страны (Бог да будет к ним милостив!). Он воздал тем по справедливости, а этих Он вознес по праву».

2) Перефразирование со смысловыми изменениями:

هذا ما عمله البطريرك نيكن لمعلمنا في هذا اليوم لانه متواضع كمثل معلمنا [14, 114: 10–11]

«Вот какую честь оказал нашему учителю патриарх Никон в этот день, ибо он смиренный, как и наш учитель».

«Большую приязнь и великую любовь оказал патриарх Никон в этот день по своему радушию и смирению, ибо все они смиренны...» [10, 329].

وفي الحال احضرهم واراد كسرهم فقال له الملك لا يا ابي لكن اطمرهم [14, 123: 18–19]

«Он [Никон] велел тотчас принести их [иконы неканонического письма] и хотел разбить, но царь сказал ему: “Нет, отче, зарой их в землю”».

«Никон брал эти образа ... и бросал их на железные плиты пола, так что они разбивались, и приказал их сжечь. Царь ... стал просить патриарха, говоря: “нет, отче, не сожигай их, но пусть их зароят в землю”» [10, 357].

3) Обобщение информации на основе деталей в расширенной версии:

واخبرنا البطريرك بان الان تجتمع عند الملك نحو ثمانية مابت الف عسكري ربنا يحفظه وينصره علي من يعاديه [14, 126: 19–21]

«Патриарх сообщил нам, что ныне к царю соберется около 800 тысяч ратников (12). Господь да хранит его и дарует ему победу над противниками!».

«Наш владыка патриарх спросил московского патриарха о численности войска, которое отправилось теперь с царем. Тот сказал: “триста тысяч собственного войска...”» [10, 364].

وما تبقا منها جابه يسير الي بلاده وانباغ كل خمسة يسيره بقرش ريال [14, 131: 3–4]

«... оставшихся в живых он привел пленниками в свою страну, и каждые пять пленников продавались за один пиастр-реал».

«Мы видали, как их маленьких детей продавали по четыре, пяти, шести, семи, восьми за один пиастр-реал (полтинник)...» [10, 471].

4) Фактологические искажения, выяснение причин которых представляет отдельную задачу для исследователя:

ولكن هذا البطرك بما انه محب لطقوس الروم والي ملبوسهم كان تكلم مع معلمنا انه يحكي مع الملك لكي يامرهم ان يلبس قبع اسود ولاطيه سودا كما بطاركة المسكونه وهكذا صار بعد ان وصل الملك للمدينه واستراح مدة ايام [14, 132: 5–9]

«Но нынешний патриарх — любитель греческих обрядов и облачений — просил нашего учителя поговорить с царем, чтобы тот повелел ему надеть черный клобук и черную камиллавку (13) какие носят Вселенские патриархи. Так и произошло, после того как царь вернулся в город и отдохнул несколько дней...».

«Зная любовь к себе царя и пользуясь присутствием нашего учителя, одного из вселенских патриархов, он переговорил сначала с ним и тайне передал ему в алтаре упомянутый клобук, как обыкновенно, с камиллавкой, прося его походатайствовать пред царем, чтобы тот возложил их на него...» [10, 483].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что характерными особенностями киевского списка «Путешествия» являются опущение длинных описаний богослужений и архитектуры, заинтересованность переписчика нравами и обычаями, резюмирование больших фрагментов текста. С другой стороны, несмотря на то, что сокращенная редакция «Путешествия» в целом опирается на расширенные, в ней можно найти фрагменты, отличающиеся по структуре и даже по содержанию от текстов последних. Привлечение киевского списка рукописи к подготовке полного критического издания дневника Павла Алеппского в рамках вышеупомянутого международного проекта поможет ответить на вопрос, с какой из расширенных редакций был переписан данный список, а также прояснить некоторые «темные места» в рукописи.

Кроме того, поскольку составление краткой редакции относится к более позднему времени по сравнению с другими списками, она представляется весьма ценной для диахронического исследования среднеарабского языка в целом, и в частности — его позднего христианского варианта (при сопоставлении материала всех списков рукописи (14)). Поэтому, несомненно, при подготовке полного критического текста «Путешествия» киевский список окажется весьма полезным для выявления соотношения всех редакций между собой (на необходимость такого исследования указывали еще А.Е. Крымский [6, 12] и И.Ю. Крачковский [5, 269]).

(1). Надпись на титульном листе тетради Т.Г. Кезмы [1].

(2). Дарственная надпись Т.Г. Кезме на оттиске «Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке». ЦНБ Украины им. В.И. Вернадского. Фонд Т.Г. Кезмы 173, № 126.

(3). В конце 20 — начале 30-х гг. происходила коренная ломка АН СССР, которая сопровождалась усилением жесткого политического контроля за Академией. Эти события затронули и академии наук в союзных республиках. Так, вместо Национальной академии наук Украины (осн. в 1918 г.) была создана Академия наук Украинской ССР (1936—1991), а Российская академия наук еще в 1925 г. утратила свою самостоятельность и была реорганизована в АН СССР. Изменения рубежа 1920—1930-х гг. сопровождалась массовыми репрессиями среди ученых АН, в большей степени специалистов в области гуманитарных наук. Подробнее об этом см. в серии изданий «Академическое дело» Библиотеки РАН, с которой начался разгром старой АН. — Сост.

(4). НБ НАУКМА, особовий архів проф. О. Прицака, ф. 10, оп. 1, справа 643.

(5). Из его трудов: Описание путешествия Павла Алеппского как источник по истории Украины в эпоху ее воссоединения с Россией // Збірник наукових робіт, присвячений 300-річчю возз'єднання України з Росією. Харків, 1954; Подорож Макарія, патріарха Антіохійського. Перша зустріч з Богданом Хмельницьким. Про рівень освіти на Україні в XVII ст./ *Пер. А.П. Ковалівського* // Антологія літератур Сходу. Харків, 1961.

(6). Здесь и далее орфография согласно киевской рукописи.

(7). Здесь и далее: первая цифра — номер страницы киевского списка, вторая — номер строки.

(8). Перевод наш.

(9). Искаженное от «субаши» (начальник городской полиции в Османской империи).

(10). Здесь и далее фрагменты киевского списка — в нашем переводе.

(11). Через подчеркивание выделены фрагменты, отсутствующие в расширенном варианте текста.

(12). Переписчик сложил общее количество царских войск, которые упоминаются в данном контексте.

(13). В оригинале речь идет о белом клобуке.

(14). Единственным комплексным исследованием языковых особенностей дневника Павла Алеппского на сегодняшний день остается диссертация Г.З. Пумпян «Диалектизмы в путешествии патриарха Макария Антиохийского» (1982).

ИСТОЧНИКИ

1. *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882—1907) / под общей и научной редакцией Н.Н. Лисового. М.: ИППО; СПб: Изд-во Олега Абышко, 2008. 448 с.

2. *Кезма Т.Г.* Перевод киевского списка «Путешествие патриарха Макария». Національний університет «Киево-Могилянська академія» (НАУКМА), особовий архів проф. О. Прицака. ф. 10, оп. 1, справа 1782. 100 с.

3. *Кочубей Ю.М.* Араб і арабіст Тауфік Кезма (1882—1958) // Східний світ. 2012. № 4. С. 56—61.

4. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 168 с.

5. *Крачковский И.Ю.* Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII в. // Избр. соч. Т. 4. Арабская географическая литература. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 259—272.

6. О неисследованном, старейшем списке путешествия Антиохийского патриарха Макария 1654 года (*описание А.А. Олесницкого, предварительное замечание от А.Е. Крымского*) // Материалы для выяснения церковной и литературной деятельности Антиохийского патриарха Макария XVII века и описателя его путешествий на Русь — архидиакона Павла Алеппского. Из «Древностей Восточных» (Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества). М., 1912. Т. 4. С. 9—22.

7. *Панченко К.А.* Ближневосточное православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516—1831 / отв. ред. проф. С.А. Кириллина. М.: Индрик, 2012. 656 с.

8. *Полонська-Василенко Н.* Наукова спадщина академіка А.Ю. Кримського // Український історик. Нью-Йорк — Мюнхен, 1973. 3—4 (39—40). С. 142—145.

9. *Прицак, Омелян.* Про Агатангела Кримського у 120-і роковини народження // Агатангел Кримський. Нариси життя і творчості. Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006. С. 10—38.

10. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. М. : О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.

11. *Пятницкий Ю.А.* Антиохийский патриарх Григорий IV и Россия, 1909–1914 гг. // Исследования по Аравии и исламу: сборник статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского / сост. и отв. ред. А.В. Седов. М., 2014. С. 282–337.

12. *Рибалкін В.С.* Мандрівний манускрипт // XVI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції. Київ: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2012. С. 60–62.

13. *Рибалкін В.С., Гамада Р.Р.* Пам'яті Вчителя й Друга // Східний світ. 2013. № 1. С. 5–13.

14. *Ріхлят Макаріус.* Рукопись. Національний університет «Києво-Могилянська академія» (НаУКМА), особовий архів проф. О. Прицака. ф. 10, оп. 1, справа 1781. 140 с.

15. *Циганкова, Елла.* Сходознавча колекція Агатангела Кримського у фондах Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського // Агатангел Кримський. Нариси життя і творчості. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2006. С. 372–382.

16. The Travels of Macarius, Patriarch of Antioch: Written by his Attendant Archdeacon, Paul of Aleppo, in Arabic / translated by F.C. Belfour. London : The Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland. Vol. 1, 1833. 421 p.; Vol. 2, 1836. 486 p.

17. Voyage du Patriarche Macaire d'Antioche : Texte arabe et traduction française / par Basile Radu // Patrologia Orientalis / R. Graffin, F. Nau (eds). Paris : Firmin-Didot et Cie, Imprimeurs-Editeurs. 1930. XXII, fasc. 1. P. 3–199 ; 1933. XXIV, fasc. 4. P. 203–604 ; 1949. XXVI, fasc. 5.P. 367–481.

См.: рис. №№ 44, 47.

УДК 821.411.21 : 94(73)
ББК 26.89г(2)
63.3(2)521.2

М.В. Еремина

РОССИЯ 40-х-50-х гг. XIX в.
В СОЧИНЕНИИ ЕГИПЕТСКОГО ШЕЙХА АТ-ТАНТАВИ
«ПОДАРОК СМЫШЛЕННЫМ С СООБЩЕНИЯМИ
ПРО СТРАНУ РОССИЙСКУЮ»
(Описание России, 1850, рукопись РНБ)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается содержательная сторона сочинения ат-Тантави «Описание России» как исторического памятника. Выявлены характерные черты восприятия России 1840–1850-х годов представителем арабо-мусульманской культуры.

Ключевые слова: шейх Мухаммад ‘Айяд ат-Тантави, жанр «рихла»; имагология; Россия XIX века; образ России у арабов; православная культура; обрядовая атрибутика; этнографический обзор; Русский мир.

Сочинение «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» («Описание России»; 1850 г.) было написано египетским шейхом Мухаммадом ‘Айядом ат-Тантави, профессором Факультета восточных языков Петербургского университета и содержит описание николаевской России 40–50-х гг. XIX в. Его арабское название — تحفة الانكباء باخبار بلاد روسيا [Tuḥfat al-azkiyā’ bi aḥbār bilād rūsīyā]. Шейх ат-Тантави (1810–1861 гг.) был питомцем каирского университета ал-Азхар, где он преподавал около 10 лет. За уникальные и глубокие познания шейха в области арабской литературы и языка его высоко оценили многие европейские путешественники и ученые (1), жившие в ту пору в Каире. Благодаря своим русским ученикам ат-Тантави был приглашен в Россию в качестве преподавателя арабского языка и совершил поездку из Каира в Санкт-Петербург в 1840 г. Он так и остался в России, поначалу преподавал в Учебном отделении восточных языков Азиатского департамента Министерства иностранных дел, затем был приглашен в университет на кафедру арабского языка, получил звание ординарного профессора и был пожалован в статские советники. Преподавательская деятельность шейха в России успешно проходила в течение первых 15 лет, но, тяжело заболев, ат-Тантави скончался в 1861 г. на 52 году жизни. Могила его находится на Волковском кладбище.

Сочинение шейха ат-Тантави, с одной стороны — классический пример арабо-мусульманской книги путешествий в жанре *рихла* [араб.: رحلة — путешествие], получивший широкое распространение в арабской литературе с IX–X вв. Особые черты произведений этого жанра: стремление к объективности, непосредственность описаний в сочетании с осно-

вательностью размышлений по поводу увиденного, обилие отступлений в мусульманской традиционной манере, вкрапление рифмованной прозы или стихов классических мусульманских авторов, почти полное отсутствие размышлений о политике. И.Ю. Крачковский подчеркивал, что широкий материал, который мы находим в арабской географической литературе, может быть полезен почти любым специалистам от историков и географов до экономистов, социологов и представителей технических специальностей [13, с. 15]. Рассматриваемый нами жанр *рихла*, по словам Крачковского, — «полный рассказ о всем виденном и достойном внимания, часто поднимающийся до высокого уровня литературной обработки» [13, с. 303]. Средневековые авторы порой грешили плагиатом или выдумками в этом жанре, но авторы нового времени, и, в частности, ат-Тахтави и ат-Тантави отказались от фантастических и сказочных элементов в своих произведениях. Это литература, в которой арабы могли ярко «проявить свое искусство рассказчиков» [13, с. 24]. Кроме того, шейх жил уже в эпоху реформаторских преобразований Мухаммада ‘Али (правил Египтом в 1805–1849 гг.), который сделал многое для политического и культурного подъема Египта и его европеизации. В страну стали приезжать иностранные специалисты, многие молодые египтяне были посланы в Европу для обучения и приобретения опыта. И хотя в научном плане было сделано мало попыток систематизировать и оформить этот опыт в оригинальных литературных трудах, именно эту эпоху принято называть начальным этапом просветительства [48, р. 8–12.; 10, с. 53–59].

Рукописи сочинения шейха ат-Тантави хранятся в разных хранилищах мира. Два списка рукописей имеются в фондах Российской национальной библиотеки [39; 40], есть экземпляр рукописи в библиотеке Стамбульского университета, на основе которого в 1992 г. в Бейруте и Аммане было осуществлено единственное издание труда ат-Тантави [41]. Для настоящей работы были использованы, в первую очередь, две рукописи, хранящиеся в РНБ: список и автограф черновой редакции «Описания России» — ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 47 и Рук. № 49 [39; 40]. В сокращенном варианте труд принято называть «Описание России». Автограф черновой редакции (№ 47), названный «ленинградской» рукописью, имеет большое количество поправок к отдельным словам или более поздних вставок и дополнений. При сравнении автографа со списком (№ 49), получившим название «стамбульской» рукописи, очевидно, что почти все поправки и дополнения внесены в основной текст. Фрагменты перевода, использованные в тексте, выполнены нами по опубликованному в 1992 г. в Бейруте и Аммане тексту сочинения, сверенному с рукописью № 49, хранящейся в ОР РНБ (2).

Сочинение шейха ат-Тантави привлекало внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, однако его изучение ограничивалось преимущественно вопросами биографии шейха и его научного наследия, общей характеристикой рукописи и ее филологическим изучением. В то же время отсутствует научное издание этого сочинения, нет и его полного перевода на русский язык. До сих пор нет полного и последовательного изучения содержательной стороны этого памятника. Между тем он является интересным источником по истории и этнографии Российской империи николаевской эпохи.

Сочинение «Описание России», по признанию многих специалистов, можно считать главным трудом ат-Тантави [11, с. 229–300; 33; 15, с. 171–185; 13, с. 70–76]. Как следует из авторского предисловия, оно было написано по просьбе друзей и ученых для удовлетворения их бескорыстного интереса ко всему необычному, диковинному и для расширения границ знания о чужих странах и народах [41, с. 4]. Своим произведением ат-Тантави хотел способствовать «улучшению жизни и общественному прогрессу своих народов» [32, с. 122]. Он постарался затронуть все аспекты (от культурно-бытовых до исторических) и вникнуть в суть незнакомой ему российской действительности. Несмотря на такую познавательную функцию сочинения, ее автор стремился сделать произведение внешне привлекательным для изысканного арабского читателя. Одна из его основных задач — создание красивого и приятного для чтения произведения, которое можно было преподнести османскому султану ‘Абдул-Маджиду I. Сочинение не лишено определенного изящества. «В соответствии с давними традициями арабской литературы, ат-Тантави делал большое количество собственных стихотворных вставок и из классических арабских авторов, применял приемы ритмизованной прозы» [32, с. 29; 33, с. 87–88]. Шейх старался привлечь читателя шутливыми комментариями и сравнениями с реалиями родной арабской культуры.

Подробнее о филологических аспектах произведения «Описание России» можно прочитать в работах М.М.А. Реда, а также В.Н. Кирпиченко и В.В. Сафронова [32, с. 87–88; 11, с. 70–76]. Произведение ат-Тантави демонстрирует доброжелательный взгляд ученого, который стремится к объективности и совершенно не заражен духом критицизма и чувством превосходства своей культуры. Это тонкий, обходительный, деликатный и в некоторой степени поверхностный взгляд представителя восточной культуры, который не затрагивает глубоких философских вопросов, а лишь описывает все увиденное и поразившее его в чужой стране.

«Описание России» состоит из введения и трех глав. По словам И.Ю. Крачковского, оно «представляет выдающийся интерес с разных точек зрения, хотя и крайне неравномерно по составу и характеру изложения». Предисловие — четверть рукописи — «наиболее ценно и в литературном и в биографическом отношении» [14, с. 166]. В нем ат-Тантави описывает свое путешествие из Каира до Санкт-Петербурга и с особым интересом рассказывает об остановке в Стамбуле и Одессе. В первой и второй главе ат-Тантави излагает историю происхождения русских, историю основания и строительства Санкт-Петербурга и историю России при Петре Великом. Эти главы важны не столько для русской науки, ибо все сообщаемые в них сведения уже известны по первоисточникам, сколько для арабского читателя, поскольку в арабской литературе это является единственным произведением в своем роде. Последняя, третья глава, имеет просветительский характер и наиболее ценна как исторический памятник.

Ат-Тантави покидал Египет в напряженный момент, когда решалась судьба итогов второй сирийской кампании (1839–1840) и всего турецко-египетского конфликта из-за наследственных притязаний Мухаммада ‘Али. Но в его сочинении нет ни намека на сложившуюся ситуацию и натянутые отношения Египта не только со своим сюзереном Османской Турцией, но и с четырьмя сильнейшими державами того времени, в число которых входила и Россия.

Сочинение «Описание России» ат-Тантави начинается с рассказа о нелегком путешествии по Нилу от Каира до Александрии во время бури. Когда ночью лодка достигла гавани Александрии, городские ворота к этому времени были уже закрыты [41, с. 7.]. Утром ат-Тантави все же попал в город и отправился напрямик к российскому Генеральному консулу в Египте графу А.И. Медему, у которого прожил неделю. По словам шейха, Медем по поручению министра иностранных дел России графа К.И. Нессельроде искал в Египте преподавателя арабского языка для Учебного отделения иностранных языков при МИДе в Санкт-Петербурге и способствовал ходатайству о приглашении ат-Тантави в Россию. С графом Медемом шейха познакомил его ученик и товарищ, французский ориенталист Френель, а граф, в свою очередь, представил ат-Тантави египетскому паше Мухаммаду 'Али и испросил у последнего позволения на отъезд ат-Тантави в Россию [41, с. 8–9]. Ат-Тантави описал аудиенцию у правителя Египта: «Он [Мухаммад 'Али — *М.Е.*] дал свое согласие и потребовал, чтобы я явился к нему. Я предстал перед ним, он приказал мне сесть, и я повиновался его милостивому приказанию. Затем он поощрил меня изучать русский язык, пообещав мне свое благоволение, если я выучу этот язык. Он испытывал необычайную тягу к западным языкам в своей стране, и поэтому в школах можно найти даровитых учеников, в особенности в изучении французского языка. И он пожаловал мне указ со своей печатью в качестве подтверждения своего обещания» [41, с. 9].

Нам известно из самого текста, что из Каира ат-Тантави уехал 26 марта 1840 г. в порт Стамбул, а из Стамбула он вместе с переводчиком Мухиным отплыл 23 апреля 1840 г. на российском пароходе в Одессу, южные ворота империи, которая была первым российским городом на пути учёного шейха (в тексте рукописи ошибочно указано «февраля» — *М.Е.*). Название парохода он не приводит: «На закате в четверг мы прибыли в порт города Одессы, наша поездка длилась 54 часа. А когда мы возвращались [из России], то наша поездка длилась 39 часов. Однако моряки рассказывали, что иногда они доходили и за 31 час» [41, с. 25]. По дороге из Каира в Петербург в 1840 г. он, помимо Стамбула, заезжал в Одессу, Киев, Могилев, Витебск и некоторые более мелкие города Российской Империи. Второе путешествие ат-Тантави совершал в 1844 г., а в 1843 г. было установлено постоянное пароходное сообщение между Одессой и Константинополем [36, т. 3. с. 419]. В «Описании России» ат-Тантави несколько раз упоминает о том, что ездил на родину после переезда в Россию, что закрепило многие его впечатления. Однако он не уточняет ни год, ни сколько именно раз он ездил [41, с. 14]. Факт его поездки на родину из России подтверждается информацией, найденной И.Ю. Крачковским у Валлина, и пометками на полях рукописей, сделанных ат-Тантави и отмеченных И.Ю. Крачковским [14, с. 257; 263] и недавно — М.Ю. Илюшиной при исследовании рукописи Мухаммада ал-Хусайни [53, р. 422]. В Одессе он пробыл около месяца и покинул ее 22 мая 1840 года. Одесса была местом пересечения границы исламского мира и местом встречи с чужой и далекой культурой. Насколько эта встреча стала для него культурным потрясением? С одной стороны, в жизни Египта и Турции были заметны элементы европеизации, с другой, юг России хранил память не только об античных временах, но и о недавнем турецком владычестве. «С окончанием в 1791

году войны с Оттоманскою Портою последовал 27-го января 1795 г. Высочайший указ об учреждении Вознесенской губ. и обращении татарского селения Гаджибея в приписной к Тираспольскому округу город Одессу» [28, с. XI]. Статус приграничного города-порта и соседство Константинополя делали Одессу открытой для различных влияний. Вместе с тем Одесса в первые десятилетия своей истории являла собой пример экспансии западной культуры, о чем свидетельствовали особенности основания города и правления некоторых первых губернаторов (основатель И.М. де Рибас, генерал-губернаторы Новороссийского края и градоначальники Одессы дук А.Э. де Ришелье, А.Ф. Ланжерон, М.С. Воронцов), избранного стиля застройки и образования. Вся эта пестрота одесской жизни была отмечена наблюдательным взглядом ат-Тантави.

Первое, с чем столкнулся ат-Тантави на российском берегу, — жесткие меры карантина. Всю команду отвели в помещение, где велели снять всю одежду, осмотрели и выдали новую одежду. После этого их направили в здание, предназначенное для проживания в период карантина и находившееся в горах. В 1800 г. был учрежден Устав пограничных и портовых карантинных Российской империи, который предписывал наличие в каждом подобном заведении карантинной конторы и так называемого «карантинного дома», состоящего из трех кварталов [44]. Ат-Тантави упоминает об эпидемии чумы 1837 г., объясняя причину строгости карантинных мер. В 1837 г. чума унесла по подсчетам Э. Андреевского, жизни 108 человек [1, с. 84]. Некоторые предыдущие эпидемии в Одессе были более свирепыми [35, с. 197–217].

Специфика Одессы для ат-Тантави, как и для русских историков, связана с российско-европейской сутью молодого города, с одной стороны, успехами в его строительстве и обустройстве, с другой — грязью и пылью, трудностями водоснабжения. Как и многие, ат-Тантави отмечает стремительную динамику роста Одессы. По его словам, зданиям было не более пятидесяти лет, а число построек сильно увеличилось за последние тридцать лет и продолжало увеличиваться [3, с. 28]. Он пишет: «Когда я вернулся в Одессу, то обнаружил, что в ней стало больше изящных построек» [41, с. 37]. Об этом же писал в 1820-е годы шотландский миссионер Э. Гендерсон: «Немного более тридцати лет прошло с тех пор, как она была ничтожной татарской деревушкой Гаджибей с фортом, а теперь в городе насчитывается свыше 2000 каменных домов, помимо множества деревянных» [5, с. 176]. Ат-Тантави отмечает красоту Приморского бульвара, устройство которого началось в 1823 г., Потемкинской лестницы, памятника Дюку Ришелье, городского, или казенного, сада с искусственными минеральными источниками, обустройство которых приказал в 1829 г. начать граф М.С. Воронцов [37, с. 195–196, с. 151–152], и загородного Ботанического сада [41, с. 28–33]. Особые размышления вызывает у мусульманского ученого памятник Ришелье. Он сетует на то, что в исламе не принято возводить памятники великим предкам. Ислам налагает запрет на изображение живых существ: «Согласно Корану и Преданиям, «создателя образов», т.е. того, кто воспроизводит живые существа, — людей или животных — ожидают муки ада. Воспроизводя или имитируя вещи, художник, артист своими творениями «составляет конкуренцию» Аллаху — единственному «Творцу» и подлинному «Создателю образов» [42, с. 177], хотя искусство создания изображений позволяет

увековечивать важные события, передавать красоту людей и предметов, «заглаживать болезненные раны» и «лечить страдающие души» [41, с. 30]. Шейх не призывает к нарушению запретов ислама, но пишет о том, что можно изображать душу и человека таким образом, чтобы было видно, что это только памятник, а не нечто живое. Примечательно то, что прогулки по Одессе и ее восприятие привели ат-Тантави к жизнерадостному выводу: «В целом стоит сказать, что гуляние по Одессе радует сердце и душу и заставляет чужеземца забыть о разлуке с семьей и детьми» [41, с. 33]. Тоскующему по родине и родному языку ат-Тантави особую радость доставила встреча с иностранцами, бывавшими в Египте и говорившими с ним на арабском. В сочинении ат-Тантави особый интерес представляет фрагмент о встрече с иностранной девушкой, которая воспитывалась в Египте и пожелала шейху здоровья, как принято у египетских женщин [41, с. 34]. Эта встреча вызвала буквально бурю чувств у ат-Тантави. Возможно, эта девушка была одна из путешественниц или иностранок, осевших в этом многоязыком и мультикультурном городе. По наблюдению Э. Гендерсона, в Одессе есть школа, «основанная суперинтендантом Беттигером, где собраны дети еврейского, греческого, армянского, русского, славянского, молдавского, немецкого, французского и италийского происхождения <...> нам указали на двух девочек, которые прибыли из Большого Каира» [5, с. 178]. Ат-Тантави покинул Одессу 22 мая 1840 г.

Сравнительно большой объем во Введении занимает описание поездки от Одессы до Киева, включающее подробности о таможенной системе и пошлинах, бумагах для проезда, смене лошадей, станциях между прогонами и топографии местности. Ат-Тантави обращает внимание на безопасность на дорогах, где можно спокойно ехать в одиночку даже пожилой женщине, а вещи, выпавшие из повозок, подбирают и отправляют в Петербург. «Мне понравилось путешествовать с такой легкостью. Хотел бы я, чтобы все паломники, отправляющиеся в *хадж*, путешествовали [в Мекку — М.Е.] таким же образом <...>. Климат был умеренным, а путь был приятным, — ведь дорога проходила через поля и леса, которые не кончались» [41, с. 40]. Мусульманин заведомо сравнивает любое путешествие с *хаджем*, святым паломничеством, которое обязан выполнить каждый правоверный. При этом *хадж* в те времена был опасным путешествием. До кампании Мухаммада ‘Али в 1811–1819 гг. на Аравийском полуострове всех устрашали *ваххабиты*. Во время его завоевания, а затем во время английской экспансии в Южной Аравии и Персидском заливе, при отсутствии интереса к реформированию в регионе общественно-политического строя, политической неразберихе и полном попустительстве, участились межплеменные войны и набеги бедуинских племен на паломников и торговые караваны [2, с. 113–117; 19, с. 74–81].

Ат-Тантави вместе с Мухиным покинули Одессу в среду 22 мая, а в субботу прибыли в Киев и остановились в гостинице «Лондон». «Этот город был вначале столицей русского Княжества, здесь много памятников старины, и он священен для русских. В этом городе [находится] очень много мощей священников, почитаемых как святых, которые [русские] посещают в церквах. Поэтому сюда очень часто направляются паломники, как и в Иерусалим. Здесь много старых церквей, одна из них по форме напоминает собор Айя-София. Я поднялся на [колокольню] Андреевского

собора и оглядел сверху город. Он был очень зеленым, со множеством деревьев и садов. Город был окружен рекой Днепр. Это одна из крупнейших рек в России, которая тянется до города Могилева, и вокруг нее [протянулось] множество лесов, кажущихся черными издали <...> Город расположен на укрепленной горе. Там находились пушки, некоторые из которых привезены с русско-турецких войн» [41, с. 42]. Характерно, что ат-Тантави проводит параллель между тремя христианскими святынями — Иерусалимом, Константинополем (Собор Св. Софии) и Киевом. Киев описывали многие русские и зарубежные путешественники того времени, напр.: Н.Я. Озерецковский, А.Н. Муравьев [27, с. 133–136; 22, с. 2–4]. Этот город в восприятии россиян и иностранцев славен, прежде всего, церквами. Не мог не отметить великолепие Киева выходец из Венесуэлы Франсиско де Миранда, путешествовавший по Российской империи в конце XVIII века: «Возвышенность, на которой расположен новый город, крепость на северном берегу Днепра, позолоченные церковные купола (коих в каждой церкви обычно бывает по пять), колокольни и т.д. выглядят чудесно, и прекрасно гармонируют с окружающими зданиями» [21, с. 84]. Замечательно дана характеристика трех главных городов Российской империи XIX в. в книге Овсянникова: «...Киев есть памятник русского православия, Москва — памятник русской народной самобытности, а Петербург — русского самодержавия» [25, с. 251]. 27 мая в понедельник ат-Тантави с Мухиным покинули Киев через северные ворота, а 30 мая в четверг прибыли в Могилев, где задержались на 23 дня, поскольку у Мухина здесь проживали родственники [41, с. 49]. Шейх описывает Могилев как очень красивый и зеленый город со множеством садов. В первый день в местной школе ат-Тантави показали магнит, который его сильно впечатлил. За Могилевом он обратил внимание на тяжелую работу изготовителей кирпичей и отметил, что глина в России не такая мягкая, как в Египте [41, с. 46–47]. Но больше всего шейха поразило обилие фруктов, выращиваемых в северной стране: «Я увидел как выращивают фрукты, такие, как персики, в домиках, которые обогреваются огнем [теплицы — *М.Е.*]. Эти фрукты можно выращивать только на солнце, и поэтому в этой стране так мало фруктов, несмотря на обилие деревьев. Этим она отличается от Египта, где очень много плодов» [41, с. 48].

В субботу 23 июня ат-Тантави вместе с Мухиным покинули Могилев. Ночью, проезжая маленькую деревушку с близким для египтянина названием Александрия (ныне остановочный пункт Александрия, Белоруссия), путешественники стали свидетелями сильного пожара. Ат-Тантави не смог удержаться от сравнения деревушки с египетской Александрией и вспомнил Александра Македонского [41, с. 50]:

«Когда показалась волшебная Александрия,
То увидел там пламя огней неугасаемых.
И неужели, в страхе перед Йаджуджем и Маджуджем, пришел туда
Зу-л-Карнайн, чтобы построить там преграду?».

(Йаджудж и Маджудж — в мусульманской эсхатологии два диких народа, нашествие которых должно предшествовать Страшному суду. Идентифицируются с библейскими племенами Гог и Магог, обитающими в крайних пределах земли [51, р. 231–234]. Зу-л-Карнайн, т.е. Двурогий (ذو القرنين) —

прозвище человека, упоминаемого в Коране, которому Аллах дал власть наказывать злых людей и защищать хороших. Он прошел все земли с запада на восток. На востоке по просьбе народов он выстроил стену, которая защитила людей от Йаджуджа и Маджуджа. Многие идентифицируют Зу-л-Карнайна с Александром Великим (Македонским) [24, с. 98]).

Следующей остановкой ат-Тантави стал город Витебск, где он пробыл два дня, и к пятнице (29 июня 1840 г.) он был уже на подъезде к Петербургу. Столица встретила жителя южных стран своей обычной погодой: «Холода усилились, подули сильные ветра, небо затянулось облаками» [41, с. 50]. Шейх еще немного рассказал о своих поездках в Царское Село и Павловск и на этом завершил часть, написанную в форме путевых записок.

Как уже было сказано выше, первая и вторая главы «Описания России» не представляют для нас особого интереса, поскольку являются по большей части компилятивным пересказом русской истории от древних времен до эпохи Николая I. Ат-Тантави внимательно и с большим интересом останавливается на рассказе о Петре Великом, об основании Санкт-Петербурга и его застройке вплоть до царствования Николая I. При рассмотрении данных отрывков возникает проблема вероятных источников египетского шейха. Мы можем только предполагать, какими источниками пользовался ат-Тантави для написания этой главы, но, скорее всего, это были современные ему книги по истории России (он сам упоминает учебник Н.Г. Устрялова, который переводил на арабский язык), по истории Санкт-Петербурга и, вероятно, путеводители или справочники по городу, которые были изданы до 1850 г. (года выхода в свет «Описания России») [Подробнее см.: 10, с. 94–100].

Третья глава называется «Об обычаях русских, их нравах, праздниках, религиях, счастье и достижениях в науках, об искусствах и т.п.» и состоит из десяти частей (3). Она оригинальна как отражение взглядов араба, сумевшего глубоко войти в жизнь страны, ее живую историю, культуру и быт. В этой главе есть замечания, касающиеся социально-общественного устройства России, говорится о сословиях, религии, одежде и праздниках русских, быте простого народа и жизни светского общества во времена Николая I. Особое внимание уделяется описанию положения женщин в русском обществе.

Третью главу ат-Тантави начинает с любопытного рассказа о русских и внешних проявлениях национальной идентичности, составленного им из собственных наблюдений и исторических преданий: «Известно, что традиция русских и [их] характер выражаются в великодушии, гордости и общительности людей, особенно с тех пор, как они стали развиваться в области культуры и наук <...> Русские люди отличаются красотой, светлой кожей, способностью к ремеслам, приветливым служением, повиновением господину <...> А в прошлом они были известны своей трусостью, пока на время не поработили их татары, однако позже все стало по-другому, и татары стали для них подчиненными и подданными» [41, с. 151]. Обращает на себя внимание тот факт, что ат-Тантави связывает развитие лучших качеств русского народа (великодушие, гордость, общительность) с просвещением нации в петровскую эпоху. Следует отметить большое восхищение шейха этим русским царем и имплицитное сравнение его с египетским пашой Мухаммадом 'Али. Пассаж о некогда трусости русских можно объяснить

собственными соображениями ат-Тантави и его взглядом на нашу историю (в частности, историю татаро-монгольского ига), хотя не исключено, что у него был определенный источник.

При описании русских сословий ат-Тантави совершает ряд ошибок, вероятно, ориентируясь в своем описании исключительно на собственные знания и наблюдения, накладывая знания о социальной стратификации египетского общества на российские реалии. К господствующим сословиям в России шейх относит два вида дворянства (личное и потомственное), к средним — купцов, мещан, крестьян и военных, а последним низшим сословием у него считаются рабы (крепостные) (4). Конечно, это условное разделение не соответствует официальной сословной иерархии России: «Согласно реформам XVIII в. в стране было установлено четыре сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели (крестьяне)» [12, с. 89]. Египетский шейх совсем игнорирует духовенство и разделяет слои общества по произвольному принципу. Характерно замечание ат-Тантави о том, что в России военные являлись отдельным сословием. Здесь он вольно или невольно сравнивает нашу систему с египетской, в которой до правления Мухаммада 'Али класс *мамлюков* (военная каста) выделялся в отдельный господствующий класс. Когда ат-Тантави пишет о седьмом сословии, он и вовсе путает пятое сословие своего разделения, т.е. крепостных крестьян, с египетским низшим слоем общества — рабами. Возможно, ученый настолько убежден в том, что русские крепостные занимают такое же положение, что и рабы в Египте, что сознательно их приравнивает друг к другу. Возможно также, что он делает это невольно. А под пятым сословием он имеет в виду лишь вольноотпущенных и вольных хлебопашцев, появившихся после указа 1803 г. Эти крепостные могли откупиться и приобрести небольшой участок земли.

Ат-Тантави проявлял преимущественный интерес к повседневным проявлениям православной культуры, которые мог сам наблюдать в Петербурге. Однако он обращается и к истории русской церкви, а также высказывает свое мнение по поводу отличия православной ветви христианства от римско-католической. Шейх подошел к описанию русского православного обряда с веротерпимостью истинного мусульманина и с объективностью ученого. Относительно первого качества можно привести любопытное заключение А.Б. Клот-бея: «Арабы вообще более веротерпимы, чем другие мусульманские народы, а Египтяне или по природной мягкости своего характера, или по отношениям, в каких они были с Европейцами во время экспедиции Наполеона, еще превосходят их в этом» [15, ч. 1, 190]. Религиозный вопрос ат-Тантави принимает близко к сердцу. Это выражается в прямых, хотя нечастых и ненавязчивых, сравнениях с мусульманской религиозной культурой. Его больше волнует отсутствие благочестия, нежели иноверие. Приведем соответствующий фрагмент «Описания России»: «Ранее русские были идолопоклонниками до тех пор, пока не приняли христианство во времена [князя] Владимира по византийскому учению. Однако митрополит не является единственным главой, как в Риме папа, а высшая духовная власть принадлежит царю, как султану у мусульман. А под ним [в его подчинении находятся — *М.Е.*] три архиепископа, несколько епископов, совет духовных лиц [Синод — *М.Е.*]. Византийское учение, которое исповедуют русские, не сильно расходится с латинским религиозным учением. Эта разница может существовать между двумя направлениями одной веры» [41, с. 161].

Наибольший интерес ат-Тантави вызывают богослужебный порядок и повседневные проявления православной культуры. Он пытается описать то, что сразу бросается в глаза наблюдательному приверженцу иной религии. Описание неизбежно фрагментарно и, возможно, отражает те пласты родной культуры автора, которые связаны с его жизненным миром, с привычным и глубоко укоренившимся циклом жизненного поведения. Однако ат-Тантави касается и таких серьезных моментов православной культуры, как таинства, при этом не погружаясь в их глубинный смысл. Вот как он описывает богослужение и убранство храма: «Проповеди у русских [ведутся] на славянском языке, так же, как проповедование у мусульман на арабском языке. И они сопровождаются процессиями, великим благолепием, зажженными свечами и сосудами, чаще всего позолоченными и инкрустированными драгоценными камнями. Также они сопровождаются изображениями и образами, необходимыми у русских в церкви и дома» [41, с. 162]. Следует заметить, что православные храмы и богослужения в старину выглядели более строго. Роскошь стала своеобразным знаком эпохи. Это могло поразить воображение египтянина, ибо в мечетях на его родине отсутствовала пышность внутреннего убранства. По свидетельству французского автора, там не было ни украшений, ни стульев, ни лавок [12, ч. 1, с. 180].

Ат-Тантави также описывает свадебные обычаи, которые он мог наблюдать в городской петербургской среде. Примечательны любознательность египетского шейха, с которой он исследовал вопрос брака в России, и научно достоверная информация, которую он предоставил российскому и ближневосточному читателю. Брачный обычай ат-Тантави описывает очень подробно от момента помолвки до случаев развода [Подробнее см.: 10, с. 114–117]. Автора «Описания России» также волнует национально-культурный облик жизненного цикла в России. Он описывает крещение человека, повествует об именинах, дне рождения, свадьбе и похоронах [10, с. 117–120]. Внешняя атрибутика и символика религиозной культуры и фаз жизненного цикла, их поведенческие пласты создают особую атмосферу новизны для иноземца, отражают больше всего тот момент знакомства с иной культурой, который можно назвать культурным шоком. Долгие наблюдения автора способствовали тому, что он стал воспринимать и описывать все, что сразу затронуло его внимание: обрядовую и символическую атрибутику культурной системы, фрагменты полноценного жизненного цикла в русской повседневной культуре.

В «Описании России» ат-Тантави проявил себя разносторонним автором, но одна из основных его заслуг заключается в детальном этнографическом и культурологическом обзоре русского общества. Его сведения, по большей части, касаются городской и столичной жизни дворян, но порой проскальзывает ценный материал о жизни таких сословий, как мещане, купцы или крестьяне. Шейх описал одежду, праздники, дом, быт и повседневную культуру русских; поведал о развлечениях высшего общества: театре, музыке, танцах, маскарадах, карточных играх и скачках; рассказал о науке, искусстве и русском языке [10, с. 121–152].

Первый праздник, описываемый ат-Тантави, Новый Год, не входил в число Дванадесятих церковных праздников, а его дата менялась на протяжении нескольких веков. Шейх делает попытку подробно объяснить

реформы русского календаря, с чем вполне успешно справляется, хотя и допускает некоторые ошибки. Эти ошибки могут быть связаны с тем, что существует некоторая путаница с календарями и историческими датами. У современных исследователей до сих пор можно найти противоречивые сведения.

Следующий праздник, Масленица, описанный ат-Тантави, был одним из самых любимых простым народом, т.к. во время Масленицы устраивались народные гуляния и увеселения: «В этот праздник напротив Зимнего Дворца воздвигают разные развлечения, качели и строят дома для игр и представлений [балаганы — *М.Е.*]. В некоторых других местах показывают животных и привезенных диких зверей, таких, как лев, тигр и волк. А в других местах катаются на лошадях и т.д. Там устраивают высокое место в виде горы для катания простых людей, места для всеобщих саней. Этот праздник празднуется за неделю до Великого поста. Они не едят мясо, но разный хлеб и рыбу. Люди едят друг у друга в гостях на протяжении всей недели тонкие лепешки, которые они называют блинами. И в театрах каждый день показывают на прощание спектакли по два раза, в полдень и вечером, так как во время поста театр работает только для детей» [41, с. 170].

Третьим праздником ат-Тантави называет Пасху: «Она завершает пост. И они [русские — *М.Е.*] бодрствуют всю ночь, не ложатся спать, а ждут полуночи для того, чтобы отправиться в церковь на всеобщую молитву. Эта молитва длинная и продолжается примерно два часа. И какая толпа мужчин и женщин на этой молитве! И в течение этой молитвы бывает много воров и других мошенников, которые похищают все, что находят, например часы или деньги. Затем после окончания молитвы они [русские] едят и берут хлеб [кулич — *М.Е.*] с собой в церковь для того, чтобы его благословил священник. Затем они его съедают с творогом [пасха — *М.Е.*] <...> На Пасху дарят много раскрашенных яиц и тому подобное» [41, с. 170–171]. Пасха у православных христиан считается самым главным праздником. Она связана с самым знаменательным событием в жизни Христа — его воскресением. Недаром богослужение, которое начинается еще в субботу вечером и переходит в богослужение Святого воскресенья, продолжается довольно долго. Но такое, с точки зрения христианина, значительное и пышное богослужение кажется ат-Тантави долгим. И действительно, ежедневные мусульманские молитвы длятся не так долго, всего несколько минут, хотя богослужение в мечети на праздники может затянуться на более длительный срок, чем «два часа». Шейх сообщает о большом стечении людей в церкви и частых случаях воровства. Надо отметить, что почти то же самое описывает Лэйн в рассказе о ежегодных празднованиях дня рождения пророка в Египте [20, с. 358–359].

Ат-Тантави в тексте не транслитерирует русский вариант имени Иисуса Христа и использует два коранических варианта его имени как почитаемого мусульманского пророка, последнего перед Мухаммадом: «ал-Масих», что означает Христос (помазанник) и Мессия (без иудео-христианского смысла) и «‘Иса» — Иисус [51, с. 81]. В Пасху, продолжает ат-Тантави, благословляются и освящаются в храме особые приношения верующих. Обычно эти приношения состоят из пасхи и куличей, «чтобы вкушение от них напоминало о причащении истинной Пасхи Христовой и соеди-

няло всех верных во Иисусе Христе» [3, с. 159]. Также вместе с куличом и пасхой освещают яйца, которые по традиции окрашивают в красный цвет: «Старая христианская традиция — обмениваться в церкви при христосовании крашеными яйцами в знак любви и братского единства верующих» [34, с. 652]. Глубокий христианский смысл причащения и христосования также обойден вниманием ат-Тантави. В этом отрывке примечателен факт его ошибки, когда он пишет о религиозной подоплеке праздника: «Утверждают, что его [Христа — *М.Е.*] убили в субботу, а в воскресенье он воскрес, поэтому они назвали первый день недели воскресеньем. И его не убивали и не распинали, но у них [христиан] все спуталось, и в реальности его не убивали, а наоборот, Господь оказал ему милость» [41, с. 171]. Новый Завет сообщает о том, что Христос был распят в пятницу, а воскрес на третий день, т.е. в воскресенье. При этом шейх использует именно слово «убили», а не «распяли», называет Христа ‘Исой и вставляет явно религиозно-полемическую фразу по поводу расхождений Корана и Библии, тем самым лишний раз показывая уверенность в истинности слов пророка Мухаммада, который утверждал, что ‘Иса не был распят врагами, но взят на небеса живым [Коран. Сура 4: 156]. Ат-Тантави также вскользь упоминает о Рождестве и дает полный перечень русских праздников, которые отмечали в середине XIX в.

Из отрывка о Масленице мы узнаем, что ат-Тантави интересовался театрами. В следующей части шейх подробно останавливается на теме театра и музыки. Насколько он был подготовлен к восприятию этой сферы? Лэйн посвятил несколько глав развлечениям египтян того времени: играм, музыке, уличным танцовщицам и танцовщикам, заклинателям змей, фокусникам и гадалкам, а также публичному исполнению так называемых народных романов специальными рассказчиками в кофейнях. Но, судя по его труду, египтяне не имели удовольствия ходить в театр. Ат-Тантави дает небольшую историческую справку о русском театре, которая фактически точна и может служить даже энциклопедической статьей. Шейх написал об истории появления первого театра в Петербурге по распоряжению сестры Петра Великого царевны Натальи (1673–1716), даны некоторые сведения о здании театра, репертуаре, актерах [41, с. 173]. Ат-Тантави увлеченно описал, как при Екатерине II появились первые оркестры и музыкальные клубы, в состав которых вначале входило 300, а позже 500 человек. Как правильно отметил ат-Тантави, на рубеже веков и в первой половине XIX столетия в Петербурге было построено и учреждено множество театров, которые украшают город и поныне: Александринский, Михайловский, Мариинский, летний Каменноостровский театры. Он посещал театры Петербурга и другие культурные мероприятия, которые дарила богатая культурная жизнь столицы. Экскурс ат-Тантави в историю российского театра отличается вниманием к деталям, датам, разнообразию форм, что было, вероятнее всего, почерпнуто им у И.И. Пушкирева [30, с. 630–649]. После театров и музыкальных концертов жители Петербурга, по словам ат-Тантави, рассматривали танцы или бал как самое увлекательное занятие: «Пора танцев [балов — *М.Е.*] наступает осенью и заканчивается к великому посту. Танцы в то время проводились у императора, министров, вельмож, высоких военных чинов и государственных сановников, богатых купцов и др.» [41, с. 177]. Он описывает расточительство и чрезмерную

роскошь балов при Екатерине II. Далее он отмечает: «Но теперь преобладает простота и отсутствие чрезмерности в одежде женщин на европейский манер. [В наши дни больше] почитания и внимания уделяется гостям и воспитанию детей. Гость или посетитель, находясь в обществе, не обязан танцевать или играть в карты, но все [происходит] по его желанию» [41, с. 178]. Ат-Тантави выделяет и подробно описывает лишь три бальных танца: вальс, французскую кадрили и мазурку [41, с. 178–180]. В продолжение темы танцев ат-Тантави пару слов говорит о маскарадах и отмечает, что само слово произошло от арабского слова *масхарат* (مسخرة), которое и означает маска или маскарад. Показательно внешне нейтральное замечание шейха об отличиях *никаба* от масок [41, с. 181]. Самым традиционным времяпрепровождением русских ат-Тантави называет карточные игры. Он говорит об истории происхождения карт и о том, как люди играют на деньги, описывая, с одной стороны, интерес к карточным играм и азарт, наблюдаемый у русских, а с другой — порицая неумную жадность игры, выигрыша и денег. Сам он позволил себе участвовать в пасьянсе, а однажды ему на картах погадала одна девушка [41, с. 182]. Тему развлечений русских ат-Тантави завершил рассказом о верховой езде.

Съестные блюда описаны у ат-Тантави в общих чертах, но в целом точно. Начинает он при этом с упоминания шей, т.е. русской экзотики. Ат-Тантави рассказывает о традиции пить после еды кофе с молоком и чай: «Некоторые из них пьют кофе и на завтрак, другие предпочитают на завтрак чай или какао. По вечерам они пьют молоко или лимонад. Чай крайне необходим в этой стране, особенно во время поездок. Он дает силы и освежает тело. Когда только начинаешь пить чай, он мешает спать, однако после привыкания к нему никакого вреда нет» [41, с. 190–191]. В Египте традиционно предпочитают пить кофе из маленьких стаканчиков, а чай оказался в новинку для шейха, поэтому он останавливается на рассказе о его удивительных свойствах.

Ат-Тантави также пишет на тему транспорта и средств передвижения по городу. По его словам, русские «передвигаются на роскошных повозках с двумя или четырьмя сиденьями, закрытых. Иногда они передвигаются в повозках с открытым верхом. Это могут быть кареты, используемые преимущественно весной и летом, одноместные дрожки или двухместные линейки» [41, с. 192]. Богатые люди часто берут экипажи в аренду, что подтверждают исследователи [26, с. 264]. Ат-Тантави перечисляет разнообразные виды транспорта, не всегда описывая их внешний вид и уточняя, как именно они используются: большие повозки для путешествий, повозки для транспортировки груза, поезда, лошади и сани. Французский писатель и путешественник Теофиль Готье, пробыв в России всего несколько месяцев в 1858–59 и 1861 гг., посвятил описанию русского городского транспорта большой отрывок, в котором подробно описал дрожки, кареты, телеги, сани и омнибусы [6, с. 49–54; 68–71]. Последний вид передвижения шейх обрисовывает точнее. Сани, по его словам, представляют «из себя повозки без колес, которые просто скользят по снегу и передвигаются весьма быстро» [41, с. 192]. На фоне скудного описания движения по дорогам Санкт-Петербурга у ат-Тантави поэтический рассказ Теофиля Готье кажется нам эмоциональной и красочной картиной: «К вихрю изящных карет примешиваются самые простецкие телеги <...> Повозки едут скопом

и посреди города образуют караваны, вызывающие в воображении сцены быта и нравов жителей пустыни <...>» [6, с. 54]. В отличие от европейца и романтика Готье, которому не хотелось скучно описывать и так знакомую европейцам дорожную картину, египетский автор преследовал в своем описании просветительскую цель: по части транспорта и дорог египтяне сильно отставали в развитии и передвигались в то время на верблюдах, лошадях, осликах, лодках и телегах [12, ч. 2, с. 350–358]. В целом можно заключить, что автор «Описания России» не был особо увлечен вопросами быта, хотя с задачей описательного характера удачно справился и представил в общих чертах эти стороны жизни в Российской империи эпохи Николая I.

В части, посвященной описанию одежды, ат-Тантави с большой точностью передал туалет, головные уборы и прически русских, обратив внимание на внешний облик не только представителей высшего света, но и простых людей: «Известно, что их старинная одежда, сохранившаяся у простого народа до настоящего времени, состоит из европейской рубашки, по преимуществу, из ситца, потому что простой народ любит цветную одежду. Затем штаны из ситца [коленкора — *M.E.*] или сукна, затем длинная и обтягивающая *джубба*, а у некоторых длинная *джубба* с широкими рукавами, подобно тем, которые носят египетские ученые или духовные лица» [41, с. 155]. Вместо бытующего в арабском языке слова «кафтан» (персидского по происхождению) ат-Тантави использует название египетской верхней одежды — *джуббы* (جبة), т.е. верхней одежды с широким рукавом. У русских «поверх рубахи надевалась долгополая распашная одежда, которая в зависимости от покроя одежды в разных местностях называлась <...> кафтаном, армяком, <...> зипуном» [17, с. 248]. Шейх в целом правильно находит соответствие, ибо в Египте *джубба* надевалась поверх кафтана и выполняла приблизительно ту же функцию, что русский кафтан. По утверждению Э.У. Лэйна, у египтян также есть «длинное, достигающее до щиколоток одеяние из той же полосатой ткани (кафтан или чаще куфтан), с длинными рукавами, спускающимися на несколько дюймов ниже кончиков пальцев, разрезанными до запястья или несколько выше» [20, с. 73; См. также: 12, ч. I, с. 228]. Тему женского платья египетский автор сравнивает с большим морем, по которому можно плавать до бесконечности, поскольку женская мода постоянно меняется. Египтянин описывает основные детали одежды дворян, которая в отличие от одежды простонародья изменялась по европейскому образцу. Пристальное внимание ат-Тантави уделяет головным уборам, воротникам и особенно платкам, которые повязывают на шею в холодное время года.

Одну из самых близких для себя по духу и по призванию тем науки, литературы и образования ат-Тантави представил не столь широко и глобально, как мы могли бы ожидать. Вопросы образования он немного затронул в теме сословий, рассказав об ученых степенях, их взаимосвязи с рангами, о формах титулования и поощрительной системе за научную деятельность [41, с. 153–154]. В отдельной части под названием «Об их достижениях в науке и искусстве» шейх сравнивает русских с европейцами, с которыми, по его словам, первые конкурируют и преуспевают в сферах науки и промышленности. Он перечисляет научные центры России: Академию наук, Академию живописи, медицинскую Академию,

а также выделяет Большую императорскую школу, т.е. университет. Перечисляет основные предметы, включая восточные языки, которые преподают в университете [41, с. 185]. Шейх пишет, что «в России шесть больших школ — одна в Петербурге, вторая в Москве, третья в Харькове, четвертая в Казани, пятая в Киеве, а шестая в Дербенте», хотя не упомянул университет в Вильно. Говорит и о другой разновидности школ, которые называются «институтами», «лицеями» и «гимназиями» [41, с. 186]. Рассказывает о том, как бывал на экзаменах в обычных школах (приходские и уездные училища) и насколько его поразили грамотные ответы учеников, в особенности девочек. Совсем неожиданными для него стали государственные школы для глухонемых, где преподавали разные предметы, включая танцы и языки: «Меня поразило зрелище, которое я увидел, посетив вечер танцев у одного глухонемого человека, где многие танцующие мужчины и женщины также были глухонемыми. Исполнитель на кануне (قانون) был слепым. Они начали удивляться, как же он играл, не имея зрения. А он стал удивляться, как они танцуют под музыку, не слыша ее» [41, с. 186]. В Институте слепых и Училище глухонемых занимались по специальной методике. Они занимали особое место в системе столичного просвещения. Ат-Тантави немного рассказывает об интернатах для сирот и сокрушается, что в Египте таких домов нет, в отличие от домов для престарелых и умалишенных [41, с. 186–187]. Ат-Тантави сам был университетским преподавателем и за несколько лет службы, должно быть, изучил всю образовательную систему изнутри, прошел разные бюрократические уровни.

Литературно образованный египетский шейх с пристрастием рассказывает о писательской деятельности и высоких доходах литераторов. Ат-Тантави не упоминает ни одного российского писателя или поэта, что удивительно, учитывая то, что он прибыл в Россию в «золотой век литературы», был до мозга костей пропитан любовью к ней, а в отрывке о русском языке даже привел свой перевод на арабский язык стихотворения русского поэта, чье имя он тоже не назвал. Шейх коротко рассказывает о литературных журналах и газетах 1840-х гг. и перечисляет основные из них: «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Современник», «Литературная газета», «Библиотека для чтения» [41, с. 187]. Ат-Тантави, скорее всего, не мог встречаться с известными литераторами того времени, поскольку некоторых уже не было в живых (напр., Пушкин, Лермонтов), кто-то был за границей (напр., Жуковский, Гоголь, Тургенев), а другие еще не были известны (напр., Гончаров).

По поводу русского языка египетский автор составил небольшой обзор, в котором пояснил для арабского читателя основные аспекты русской грамматики и ее отличия от арабской [41, с. 192–193]. Как специалист ат-Тантави утверждал, что с русского языка легко переводить на восточные языки, поскольку в русском есть множество схожих понятий и значений: «Что у них схоже с арабским, так это то, как они сообщают о чьей-либо смерти: «приказал долго жить», что, в общем, похоже по значению на наше слово «живи!» [41, с. 193]. Ат-Тантави обрисовал лишь самую общую картину в сфере образования и русской литературы. Он не касался проблемных аспектов в области науки и образования и не сказал о плееде

русских выдающихся литераторов первой половины XIX в. Возможно, шейх не хотел перегружать свое классическое арабское произведение в жанре рихла (رحلة) информацией и размышлениями подобного рода. В его задачи входил общий обзор в отстраненном и объективном тоне с элементами приукрашивания и литературными вставками.

Женская тема в сочинении ат-Тантави стоит особняком, поэтому мы считаем необходимым обратиться к ней специально. В этом вопросе наиболее проблемно сталкиваются восточная и западная культуры, религиозное и светское мировоззрение. Интересно обратиться к опыту путешественников, которые побывали на Востоке. Рафалович в 1846–1847 гг., исследуя Нижний Египет, не мог не обратить внимания на местных девушек и женщин, которые поразили его «своим чистым древнеегипетским типом» [31, с. 17]. Он указывал на то, что «египтянки, особенно низших сословий, весьма рано стареют и дурнеют, преимущественно вследствие изнурительных работ при скудной пище, слишком раннего вступления в брак и частых родов» [31, с. 49]. А.С. Норов, путешествовавший по Египту в 1834–1836 гг., сделал акцент на том, что в Египте женщины пользовались большей свободой, чем в других местах Востока, а «самые знатные дамы, но только жены, а не невольницы, часто прогуливаются по улицам и даже за городом на ослах и лошадках, предводимых домашним саисом [возчик — *М.Е.*]» [23, ч. I, с. 126]. Ат-Тантави впоследствии привез себе жену из Египта и не забывал образ женщин из родных краев.

Ат-Тантави прибыл в Россию как раз в те годы, когда сюда стали активно проникать идеи эмансипации, воплощенные наиболее притягательно в личности и романах Жорж Санд. По мнению С.С. Шашкова, процесс получил два направления: с одной стороны, «русская мысль начала самостоятельно работать над женским вопросом и поставила его в связи с другими общественными вопросами» [43, с. 278], а «умственное движение 40-х годов, выдвинувшее Станкевича, Герцена, Белинского, Грановского, должно было неизбежно коснуться и женщины» [43, с. 279]; с другой — «наше грубое невежество и азиатская барственность общественного быта, основанного на крепостничестве, были причиной того, что чистая идея свободы чувства при первых опытах ее акклиматизации на русской почве дала нехорошие плоды <...> Мужчины начали безобразничать по моде; от них не отставали и барыни <...> Щегольство вольностью нрава и либеральными фразами сделалось своего рода эпидемией» [43, с. 271–272]. Восприятие шейхом русских женщин граничило с обожанием, он почти не замечал развращенности и «распушенности нравов, бывшей естественной реакцией на рабство и лицемерие патриархального быта» [43, с. 214]. Возникает ощущение, что на протяжении всего пути в Петербург ат-Тантави пребывал в состоянии легкой влюбленности. Во введении мы встречаем множество рассказов о русских девушках, которые поражали египтянина своей красотой.

Его современник и соотечественник ат-Тахтави (الطحتاوي), посетивший Париж, в отличие от нашего автора, сказал иронически о местных женщинах: «Говорят: “Париж — рай для женщин, чистилище для мужчин и ад для лошадей”». Потому что женщины здесь благоденствуют благодаря их деньгам или красоте, а мужчины — рабы женщин, либо богатых, либо красивых» [38, с. 52]. Как видим, не все соотечественники ат-Тантави были настроены столь благодушно и терпимо по отношению к чужой культуре, как он сам.

Ат-Тантави волновали и вопросы женского образования. Он посетил несколько учебных заведений в разных городах и особое внимание уделял именно обучению девочек: «А за городом [Одессой — *М.Е.*] также находится большая школа, в которой учатся девушки. И изучают они там языки, такие, как французский, русский, немецкий, а также шитье, вышивание и другие подобные предметы <...> И поскольку европейские женщины и их дочери появляются в обществе, то им необходимо обучаться [манерам — *М.Е.*]. Общение с дамами и девушками облагораживает нравы мужчин и смягчает их» [41, с. 32–33]. Прибыв из страны, где в образовании для женщин не видели необходимости, египтянин поражался глубоким знаниям русских девочек: «Я не раз присутствовал на испытаниях для мальчиков и девочек. Меня поразили их грамотные ответы на вопросы экзаменатора. Девочки показали мне настоящими знатоками науки, и этими знаниями они обычно и живут, особенно если их родственники бедные. Получившая образование девушка учит детей знати за ежегодную плату, полагающуюся за такую работу. Иногда [этим] она помогает своим [бедным] родственникам» [41, с. 186]. Здесь есть только намек на трагедию бедных гувернанток, которых С.С. Шашков относил к «женскому пролетариату» [43, с. 290], но и само женское образование, столь поразившее ат-Тантави, таило в себе массу противоречий. Тот же С.С. Шашков писал: «Об умственном развитии барышень почти вовсе не заботились, а хлопотали только о развитии их вкуса и “изящного сердца” <...>». Девушек держали взаперти, как арестантов в остроге, и отнимали у них всякую возможность для знакомства с действительной жизнью» [43, с. 225]. По словам Ю.М. Лотмана, «уровень обучения зачастую оказывался весьма невысоким. Систематически учили лишь языку и танцам» [18, с. 86]. Для ат-Тантави даже такой уровень обучения девочек казался высоким, поскольку в Египте того времени девочки либо вообще были лишены возможности учиться, либо их обучали только религиозным основам. В Петербурге же к концу XVIII в. насчитывалось несколько десятков женских учебных заведений, около десяти в Москве и ряд в провинции. Основную массу составляли учебные заведения для девушек дворянского происхождения, но «существовало Училище для малолетних девушек недворянского происхождения, которых готовили для роли будущих учительниц и воспитательниц» [18, с. 78]. Именно о последних рассказывает ат-Тантави в приведенном фрагменте.

Шейх, приехавший из мусульманского Египта, поражался свободе женщин в общении с мужчинами, в поведении на улицах и дома, и это несмотря на то, что, по словам А.С. Норова, женщины в Египте могли вести себя более свободно, чем в других местах Востока [23, ч. I, с. 126]. Тем не менее на родине шейха женщины не могли гулять по улицам без сопровождения, танцевать или петь в обществе других мужчин, а дома или в мечети для них всегда выделялось особое помещение. Египетский автор вновь касается женского вопроса России, поясняя, что жена здесь может принять гостей мужа в его отсутствие, за столом ей отводится главное место, а в церкви и на балу ей обязаны уступать место [41, с. 27–33].

Как видим, автор «Описания России» не отличается узостью мышления и религиозным фанатизмом в восприятии чужой культуры. Это проявляется и в его отношении к европейским и российским женщинам:

«И иногда в эти места [рестораны Одессы — М.Е.] приходят прекрасные женщины и играют на *кануне* (Канун или Канон — струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный в странах Ближнего и Среднего Востока. Канун похож на цитру — струнный щипковый музыкальный инструмент, распространенный в то время в Европе и России) [45, с. 211]. Их прекрасный вид отвлек меня от красоты их голоса <...> И как отличается вид этих женщин с открытыми лицами от вида тех пожилых мужчин, которые играют на *кануне* в Египте!» [41, с. 36]. Вероятно, что ат-Тантави и имеет в виду цитру, но для удобства восприятия арабскими читателями называет его арабским словом *канун* [41, с. 36].

Наряду с другими вопросами, автора «Описания России» волнует национальная специфика и в смысле самоидентификации, и в смысле того, как его воспринимают другие, и просто с точки зрения разных обычаев. Вот один из образчиков сравнения во время его пребывания в Одессе: «...А когда я прогуливался по городу, люди изумлялись моему виду и обращали свои взгляды на меня, особенно женщины. Это объясняется тем, что на мне была полностью арабская одежда. Особенно внимательно [меня разглядывали], когда я передвигался в коляске, которых в Одессе так много, как в Египте ослов или в Стамбуле лошадей» [41, с. 33]. Отметим столь колоритное сравнение колясок, ослов и лошадей в трех странах. Ведь именно средства передвижения можно рассматривать в качестве одного из ярких показателей развития цивилизации.

На протяжении всего сочинения «Описание России» ат-Тантави строго придерживался стиля своего сочинения и позволил себе редкие комментарии морального характера о неподобающем, с точки зрения ислама, поведении или, наоборот, восклицания восхищения и удивления от диковинок русского мира. Не последнюю роль в характере «Описания России» сыграла религиозная терпимость и лояльность ат-Тантави по отношению к православному христианству. Египетский шейх проявил несомненную благожелательность в отношении совершенно иной культуры. Он старался в мельчайших деталях изложить все то, что увидел или узнал в России и про Россию. Шейх собирал исторический, географический, этнографический и культурологический материал, хотя последняя научная дисциплина в то время еще не была разработана. При этом он не делал обобщающих выводов, не доискивался истоков обычаев и традиций и не пытался понять и объяснить суть вещей, культурных символов и действий. Его произведение лишено духа критики и анализа. В отличие от некоторых западных путешественников, он не заостряет внимание на культурном и историческом контрасте Запада и Востока, хотя и приводит данные о европейском влиянии.

Ат-Тантави, описывая свое путешествие через Турцию и украинскую часть Российской империи, историю Древней Руси и города Санкт-Петербург, культуру и быт России, иногда обращается к аналогам в своей культуре. Он видит много схожих вещей и порой пишет о них открыто (например, когда сравнивает колокольню с минаретом или русского императора с султаном). Но чаще всего мы видим параллели, не высказанные шейхом вслух, но подразумеваемые. Ведь ат-Тантави писал эту работу для всех мусульман и, в частности, для своих соотечественников, и понимал, что они без лишних слов поймут все акценты, расставленные им, и удивят-

ся тому, чему удивлялся шейх. В этих моментах и раскрывается во многом особый взгляд человека восточной культуры. Сочинение арабского автора во многом отличается от трудов западных путешественников, поскольку, несмотря на прослеживаемые схожие черты, оно написано в стиле арабской литературы. Но именно этим оно и ценно. «Описание России» ат-Тантави должно было расширить понимание образа России в мире того периода и остудить чрезмерную западную критику. И пусть данный труд по стечению обстоятельств не был оценен вовремя, но он должен быть рассмотрен в ряду произведений других путешественников, писавших о России первой половины XIX в. Труд ат-Тантави можно рассматривать как вполне достоверный источник для изучения России и отчасти Турции середины XIX в.

С XVIII в. началось рациональное осмысление и научное исследование Востока. На Западе и в России интересовались живо как древней историей, так и современным положением Египта. В результате к середине XIX в. появилась масса ценнейшей научной и публицистической литературы об этой древней стране. А вот обратная связь двух миров и культур осуществлялась весьма ограниченно. Египетских авторов того периода можно пересчитать по пальцам. В основном пользовались переводной литературой. В других странах Османской империи дело обстояло не лучше. Нам известно лишь несколько сочинений того периода, авторы которых постарались познакомить арабский мир с миром Запада и России. Труды ат-Тахтави «Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже» [38] и ат-Тантави «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» [39–41] встали во главу этого небольшого списка (5). Известен труд о России на арабском языке дагестанского автора ‘Абд ар-Рахмана из Газикумуха (ал-Газикумуки) более позднего времени (основная редакция рукописи была завершена в 1864–1865 гг.) [4]. Из других известных арабских сочинений первой половины XIX века, посвященных описанию Запада, можно назвать труд Ахмада Фариса аш-Шидйака (1804–1887 гг.) «Путешествие с целью познания Мальты и раскрытия тайны европейских научных знаний» [47, Bd. 1, S. 254–255; 47, Bd. 2, S. 505–506; [14]; [10], 43]. Сочинение ат-Тантави можно было бы назвать «эпохальным» для новоарабской литературы наряду с описанием Парижа ат-Тахтави, если бы сочинение ат-Тантави вовремя дошло до своего читателя. Несмотря на некоторые незначительные оплошности и ошибки, которые можно найти в «Описании России», это сочинение может встать в один ряд с сочинениями известных европейских путешественников о России первой половины XIX в. К тому же «Описание России» ат-Тантави — единственное в своем роде арабо-мусульманское произведение о России того периода.

В рамках одной статьи невозможно провести комплексный экскурс по всем интересным отрывкам и темам из сочинения «Описание России». Ценность данного труда и заключается в его многогранности, разнообразии тем и охвате культурно-исторического, этнографического и географического материала. Трагедия, связанная с тем, что сочинение не было опубликовано и переведено в актуальное для себя время и не дошло вовремя ни до арабского, ни до русского читателя, не может быть полностью преодолена. Однако историческая и филологическая науки нуждаются

в подобных источниках, без которых невозможно изучение и понимание внутренних и внешних процессов культурного диалога, осмысления чужой культуры, национальной самоидентификации. Важны также исторические детали, из которых выстраивается общая картина эпохи. Западных источников о России середины XIX в. существует большое множество, а взгляд на эту эпоху русской истории представителя восточной, арабо-мусульманской цивилизации в науке почти неизвестен. Сочинение ат-Тантави «Описание России» призвано способствовать пониманию образа России в целом, а также восстановить недостающее звено межцивилизационных отношений.

(1). Например, среди его учеников и знакомых были французский ориенталист Фульгенс Френель и известный английский арабист Эдвард Уильям Лэйн.

(2). В задачи данной работы не входят текстологический анализ и сличение всех вариантов рукописей сочинения «Описание России». Тем не менее, при переводе мы прибегали к сличению «стамбульской» рукописи № 49, хранящейся в РНБ (Ат-Тантави. Рук. № 49), и беirutской публикации (Ат-Тантави. Рихлату аш-шайх ат-Тантави...). Основные расхождения связаны с незнанием переписчиком и редактором русских имен и географических названий. Так, вместо названия города Витебск в печатном варианте написано Виниск (Ат-Тантави. С. 50), а название Гостиного Двора искажено до Гостолый Двор (Ат-Тантави. С. 113).

(3). Полное содержание третьей главы выглядит следующим образом:

Глава 3. Об обычаях русских, их нравах, праздниках, религиях, счастье и достижениях в науках, об искусствах и т.п.

Часть 1. Характер русских (151). — Личное и потомственное дворянство. — Купцы. — Мещане. — Крестьяне. — Военные. — Крепостные. — Образование дворян. — Продвижение по военной службе. — Табель о рангах. — Обращения. — Ордена. — Император вручил ат-Тантави орден и ленту. — Поощрение студентов к обучению. — Обращение «господин».

Часть 2. Одежда русских (155). Старинная одежда. — Одежда как у европейцев. — Одежда военных, чиновников. — Головные уборы и платок на шею. — Женский корсет. — Журнал мод. — Сарафан. — Одежда женщин из простого народа. — Святки. — Маскарад. — Маски. — Бороды. — Усы. — Волосы дворянок и крестьянок. — Зонты от солнца и дождя. — Торговые лавки. — Парикмахеры. — Парики. — Искусственные зубы.

Часть 3. Религия русских (161). Русские идолопоклонники переходят в христианство. — Византийский канон. — Вера в тройственную природу. — Проповеди у русских. — Образа (иконы). — Красный угол. — Церкви и колокольни как мечети и минареты. — Покаяние в грехах в Пост.

Часть 4. Брак (163). Свахи. — Молодые узнают о характере друг друга. — Позволение родителей. — Помолвка. — Посаженный отец и мать. — Дружка. — Красавицы на свадьбе. — Второй день — визиты молодоженов. — Если один из молодоженов не русский, то процедура проводится два раза. — Свадьба лютеранки и католика. — Не разрешено жениться более трех раз. — Приданое. — Жена берет фамилию мужа. — Вечер танцев. — Обманщики в любви. — Любовники. — У протестантов расставание легкое. — Брак у татар.

Часть 5. Крещение, день рождения, именины, похороны (166). Новорожденному дают имя, благословляют и крестят. — Крестные мать и отец. — Именины. — День рождения. — Человек умирает — Отпевание. — Соборование. — 3 дня заупокойный молебен. — Черный цвет. — Погребение. — Помин души. — Могильные плиты. — Кладбище татар. — Траур.

Часть 6. Праздники (168). Новый Год. — Визитные карточки. — Время от сотворения мира. — 1 марта Новый Год. — 1 сентября Новый Год на греческий манер. — Утренняя молитва в Новый Год. — Петр I ввел праздновать Новый Год с 1 января 1700 г. по Христианской Европе. — Разница в 12 дней. — Масленица. — Развлечения. — Балаганы. — Блины. — Пасха. — Всенощная молитва. — Кулич. — Пасха. — Раскрашенные яйца. — Пасхальное приветствие. — Традиция поцелуя. — Рождество. — Маленькое деревцо. — Список других праздников.

Часть 7. Общие сведения (173).

1. Театр. Сестра Петра Наталья открыла первый театр. — Российская литература в основе постановок. — Первая опера. — Новая сила театра при Екатерине II. — Певец Дмитрев-

ский. — Театральная школа. — Театр графа Юсупова. — Итальянская опера. — Английский театр. — Александринский, Каменный и Михайловский театры.

2. Музыкальные концерты (175). Оркестры. — Музыкальные общества. — Концерты — Филармония. — Концерты знаменитых музыкантов. — Труппа Рубини. — Традиция обучения женщин музыке и пению. — Слова господина Френеля.

3. Танцы (177). Способ развлечения. — Стали обычаем в эпоху Петра I. — Общение мужчин и женщин. — В эпоху Екатерины II танцы стали обязательным элементом в жизни дворян. — Расточительство. — Гости на мероприятиях. — Вальс. — Французская кадрили. — Подробное описание шести тактов французской кадрили. — Мазурка. — Выбор партнера.

4. Маскарад (180). Краткая история маскарада. — Роскошная одежда и маски. — Знакомство с дамами и важными лицами. — Лотереи.

5. Карточные игры (181). Традиционное времяпрепровождение. — Общее описание игры. — Всеобщее увлечение картами. — Преферанс. — Вист. — Мельник. — Дурак. — Пасьянс. — Гадание девочки и письмо. — Происхождение карт. — Французский король Карл VI. — Карточная игра «Бейкер». — Вероятные прототипы карт. — Ланселот. — Валет. — Туз Эйс.

6. Верховая езда (185). Театр для верховой езды. — Скачки. — Ставки.

Часть 8. Наука и искусство (185). Академия наук и другие академии. — Большая императорская школа «Университет». — Система обучения в университете. — Шесть больших школ России. — Детские школы. — Предметы в школах. — Государственные школы для глухонемых детей. — Дом для детей-сирот. — Поступление на службу после получения образования. — Высокие доходы литераторов. — Газеты и журналы. — Ежемесячные журналы для детей. — Западные журналы. — Изучение языков. — Распространение французского языка. — Восточные языки.

Часть 9. О жилищах русских, их жизни и быте (188). Дома из камня. — Нижний этаж занимают лавки. — Прихожая. — Гостиная. — Столовая. — Спальни. — Меблировка. — Печь. — В Египте люди страдают от холода. — Жара в Петербурге. — Окна. — Украшение стен. — Шторы. — Украшение комнат цветами. — Ковры. — Деревянная отделка домов. — Аренда домов. — Супы (190). — Водка. — Закуски. — Мясное блюдо. — Вино. — Смена приборов. — Шампанское. — Кофе. — Молоко. — Лимонад. — Чай. — Курение. — Поэтическое отступление. — Угощение гостей. — Хозяйка дома. — Женщинам за столом отводится главное место. — Повозки. — Кареты. — Железные дороги. — Езда верхом. — Сани.

Часть 10. О языке русских (192). Русский язык богат. — Падежи. — Глаголы. — Показатель женского рода. — Перевод на восточные языки и обратно упрощается из-за схожести значений. — Сходство с арабским языком. — Много заимствованных слов. — Порядок слов. — Дателный падеж. — Русская поэзия. — Чутье переводчика.

Благодарность и молитва Аллаху. — Колофон (194).

(4). В тексте ат-Тантави упорно называет крепостных рабами. Смешение разных понятий, т.е. крепостного права (особой системы юридических норм) и рабства, имеющего другую историческую и юридическую природу, характерно для иностранных авторов. У некоторых западных наблюдателей, как, например, у маркиза де Кюстина, это смешение объясняется публицистическим заданием, жанровыми законами памфлета. В труде ат-Тантави, скорее всего, мы имеем дело с наложением знаний о мусульманском мире и о чужой стране или с проблемами взаимоперевода.

(5). Здесь важно отметить, что специалисты часто сравнивают «Описание России» ат-Тантави с произведением ат-Тахтави «Описание Парижа», написанным также в классическом жанре *рихля*, хотя в более выразительном и критическом тоне [32, с. 106–122; 15, с. 176, 180; 11, с. 70–76]. Сочинение ат-Тахтави было издано в 1834 году еще до отъезда ат-Тантави в Россию, а поскольку оба египтянина были знакомы по ал-Азхару и дружили, то, вполне вероятно, что ат-Тантави хорошо был знаком с трудом ат-Тахтави. М.М.А. Реда находит много общего в обоих произведениях и говорит о том, что они обогатили жанр *рихля*, сделали его более реалистичным и разносторонним. Оба автора сумели не только сохранить традиционные и типичные приемы жанра, но и привнести современные нотки и веяния эпохи, что привело к созданию высокохудожественных произведений [32, с. 122]. А.Е. Крымский называл «Описание Парижа» ат-Тахтави «эпохальным произведением» для новоарабской литературы XIX века [15, с. 170]. Он же писал о том, что сочинение ат-Тантави «Описание России» могло бы оставить такой же «глубокий и благотворный след» в арабском обществе и литературе, как произведение ат-Тахтави, если бы было издано в свое время [15, с. 176]. Подробнее об ат-Тахтави см.: [48, р. 18–25].

ИСТОЧНИКИ

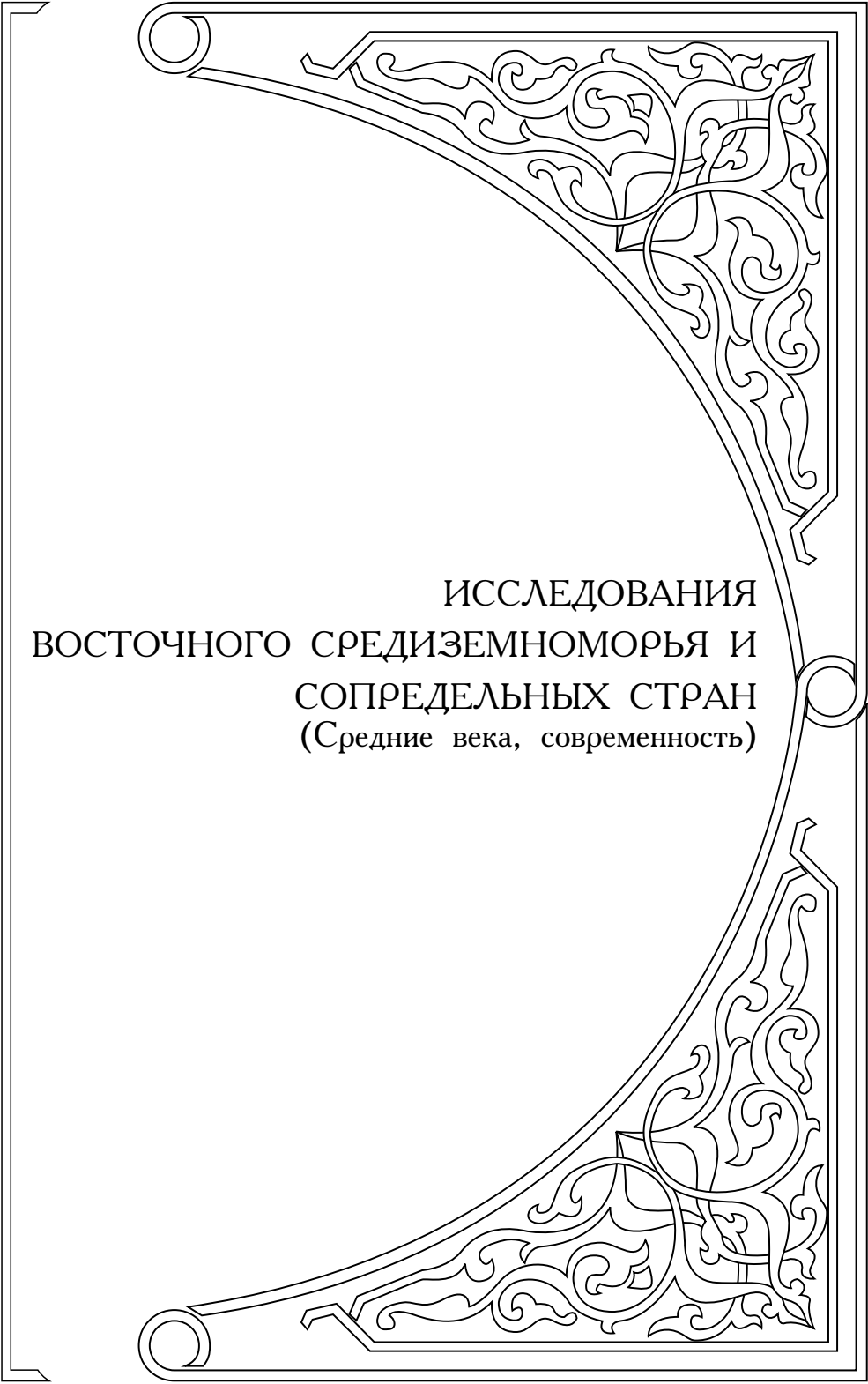
1. *Андреевский Э.* О чуме, постигшей Одессу в 1837 году. Исторический взгляд на ход заразы и медицинские над нею наблюдения. Одесса: Гор. тип., 1838. 137 с.
2. *Ацамба Ф.М.* Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII — первая четверть XIX в.) / Ф.М. Ацамба, С.А. Кириллина. М.: Изд-во МГУ, 1996. 155 с.
3. *Будур Н.В.* Православный словарь. М.: Олма-пресс, 2002. 220 с.
4. *Ал-Газизумуки Абдурахман.* Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля: Калуга, 1281 г. х. = [ḥulāṣat at-tafṣīl ‘an aḥwāl li imām Shamuol] / Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газизумуки ад-Дагестани; пер. с араб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. М.: Вост. лит., 2002. 318 с.
5. *Гендерсон Эбенизер.* Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи с картами и рисунками. London: J. Nisbet, 1826. СПб.: Рос. библейск. об-во, 2006. 349 с.
6. *Готье, Теофиль.* Путешествие в Россию / пер. с фр. и коммент. Н.В. Шапошниковой; предисл. А.Д. Михайлова. М.: Мысль, 1988. 396 с.
7. *Грюнебаум Г.Э. фон.* Основные черты арабо-мусульманской культуры: статьи разных лет. М.: Наука, 1981. 227 с.
8. *Даницг Б.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль. 1965. 270 с.
9. *Егоров Б.Ф.* Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 89–103.
10. *Еремина М.В.* Египетский шейх ат-Тантави и Россия николаевской эпохи (1840–1850 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2014. 224 с.
11. *Кирпиченко В.Н.* История египетской литературы XIX–XX веков / В.Н. Кирпиченко, В.В. Сафронов. В 2 т. Т. 1. Литература XIX — первой половины XX в. М.: Вост. лит., 2002. 408 с.
12. *Клот-бей А.Б.* Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии: в 2 ч. / пер. с франц. Андрея Краевского. СПб.: В. Поляков, 1842–1843.
Ч. 1. 1842. 277 с.
Ч. 2. 1843. 439 с.
13. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М.: Вост. лит., 2004. 919 с. — Перепеч. с изд. 1957 г.
14. *Крачковский И.Ю.* Шейх Тантави профессор Санкт-Петербургского университета (1810–1861) // Избр. соч. В 6 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 229–300.
15. *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы, XIX — начало XX века. М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. 794 с.
16. *Кюстин, Астольф де.* Россия в 1839 году. СПб.: Книга, 2008. 701 с.
17. *Лаврентьева Л.С.* Культура русского народа. Обычай. Обряды. Занятия. Фольклор / Л.С. Лаврова, Ю.И. Смирнов. СПб.: Паритет, 2005. 464 с.
18. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — нач. XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. 399 с.
19. *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М.: Наука, 1965. 371 с.
20. *Лэйн Э.У.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX века. М.: Наука, 1982. 438 с.
21. *Миранда, Франсиско де.* Путешествие по Российской Империи. М.: МАИК «Наука — Интерпериодика», 2001. 362 с.
22. *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. Ч. II. СПб.: Тип. 3 Отд-ния собств. е.и.в. канцелярии, 1846. 384 с.
23. *Норов А.* Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 г., Авраама Норова, служащее дополнением к путешествию по Святой Земле: в 2 ч. СПб.: Тип. 3 Отд-ния собств. е.и.в. канцелярии, 1840.
Ч. 1. 378 с.
Ч. 2. 388 с.
24. *Ньюби Г.* Краткая энциклопедия ислама. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2007. 372 с.
25. [Овсянников А.Н.]. Географические очерки и картины А.Н. Овсянникова. Т. II. Малороссия. СПб.: Тип. (бывшая) А.М. Котомина, 1880. 289 с.
26. *Овсянников Ю.М.* Картины русского быта. Стили. Нравы. Этикет. М.: АСТ-ПРЕСС, ГАЛАРТ, 2001. 351 с.

27. *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по России, 1782–1783: дневник. СПб.: Лики России, 1996. 166 с.
28. *Орлов А.* Исторический облик Одессы с 1794 по 1803 год: сост. по документам, хранящимся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Одесса, 1885. 88 с.
29. *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель: исторические очерки. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1990. 278 с.
30. *Пушкарев И.И.* Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000. 686 с.
31. *Рафалович А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб.: Тип. Я. Трея, 1850. 433 с.
32. *Редя М.М.А.* «Описание России» Шейха Тантави как памятник арабской литературы XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.06. Л., 1984. 167 с.
33. *Редя М.М.А.* Стихотворения шейха Тантави в его рукописном сочинении «Описание России» // Всеоюз. конф. по проблемам арабской культуры: памяти акад. Игнатия Юлиановича Крачковского: тез. докл. и сообщ. М.: Наука, 1983. С. 87–88.
34. Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря: иллюстрированная энциклопедия / О.Г. Баранова, Т.А. Зимица, Е.Л. Мадлевская, А.Б. Островский, Н.Н. Соснина, В.Г. Холодная, И.И. Шангина; ред. И.И. Шангина. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 672 с. (История в зеркале быта).
35. *Скальковский А.* Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793–1823. Одесса: Гор. тип., 1837. 296 с.
36. *Смольянинов К.* История города Одессы // Зап. имп. Одесского О-ва истории и древностей. Одесса, 1852. Т. 3. С. 338–443.
37. [*Смольянинов К.*] История Одессы: с планом города Гаджибея / сост. К. Смольяниновым. Одесса: Гор. тип., 1853. 284 с.
38. *Ат-Тантави Р.Р.* Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / изд. подгот. В.Н. Кирпиченко. М.: Наука, 2009. 269 с.
39. *Ат-Тантави.* Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую. ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 47. 112 л.
الشيخ محمد عياد المصري الطنطاوي. تحفة الانكباء باخبار بلاد روسيا
[ash-Sheih Muhammad 'Ayyād al-Miṣrī at-Ṭanṭāwī. Tuḥfat al-azkiyā bi aḥbār bilād rūsiyā].
40. *Ат-Тантави.* Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую. ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. ОР РНБ. Ф. Собр. Крачковского. Рук. № 49. 68 л.
الشيخ محمد عياد المصري الطنطاوي. تحفة الانكباء باخبار بلاد روسيا
[ash-Sheih Muhammad 'Ayyād al-Miṣrī at-Ṭanṭāwī. Tuḥfat al-azkiyā bi aḥbār bilād rūsiyā].
41. *Ат-Тантави.* Путешествие шейха ат-Тантави в страну Российскую 1840–1850 гг. («Подарок смышленным с сообщениями про страну Российскую») / предисл. и ред. Мухаммад 'Иса Салихийя. Амман: Дār ал-Башйр; Бейрут: Ар-Рисāла, 1992. 264 с.
رحلة الشيخ الطنطاوي الى روسيا 1850–1840 المسماة بتحفة الانكباء باخبار بلاد روسيا / تقديم و تحرير محمد عيسى صالحية. عمان: دار البشير للنصر؛ بيروت: مؤسسة الرسالة، 1992. ص 264
- [Rihlat ash-Sheih at-Ṭanṭāwī 'ilā ar-rūsiyā 1840–1850 al-musammāt bi «Tuḥfat al-azkiyā bi aḥbār bilād ar-rūsiyā» / taqḍīm wa taḥrīr Muḥammad 'Isā Ṣāliḥiyya. 'Ammān: Dār al-bashīr li-n-naṣr; Bairūt: Mu'assasat ar-risāla, 1992.]
42. *Тораваль И.* Мусульманская цивилизация: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 296.
43. *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб.: Кн. маг. «Новое время», 1879. 352 с.
44. *Шпигельман Я.* Одесский портовый Карантин. Порты Украины. 2010. № 10 (102). URL: <http://portsukraine.com/node/1990> (дата обращения: 09.04.2011).
45. Энциклопедический музыкальный словарь / Б.С., Штейнпресс, И.М. Ямпольский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Совет. энцикл., 1966. 632 с.
46. *Allen Roger M.A.* Essays in Arabic Literary Biography, 1850–1950 / ed. by *Roger M.A. Allen, Joseph Edmund Lowry, Devin J. Stewart.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2010. 395 p.; *Modern Arabic Literature* / ed. by M.M. Badawi. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. 571 p.
URL: http://books.google.ru/books/about/Modern_Arabic_Literature.html?id=Pk5TA0sfERIC&redir_esc=y (дата обращения: 20.01.2014).
47. *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur / von Dr. C. Brockelmann, a.o. Professor in Breslau. 2 Bd. Leipzig: C.F. Amelangs Verlag; Berlin: Verlag von Emil Felber, 1901–1902.
Bd. 1. Leipzig: C.F. Amelangs Verlag, 1901. 265 p.
Bd. 2. Berlin: Verlag von Emil Felber, 1902. 714 p.

48. *Brugman J.* An introduction to the History of Modern Arabic Literature in Egypt. Leiden : E.J. Brill, 1984. 439 p.
URL: http://books.google.ru/books/about/An_Introduction_to_the_History_of_Modern.html?id=lvavqjJ0uwoC&redir_esc=y (дата обращения: 19.01.2014).
49. *Eldem E.* The Ottoman City between East and West. Aleppo, Izmir and Istanbul / E. Eldem, D. Goffman, B. Masters. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2001. 244 p.
50. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. III: H–Iram. Leiden : E.J. Brill; London : Luzac&Co, 1986. 1270 p.
51. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. IV : Iran-Kha. Leiden : E.J. Brill, 1978. 1188 p.
52. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. XI : W–Z. Leiden : E.J. Brill, 2002. 575 p.
53. *Iliushina Milana.* A journey to St. Petersburg: on the fate of the manuscript *Kitāb Riḥlat al-Shitā' wa-l-Ṣaif* by Muḥammad al-Ḥusainī // *Studia Orientalia*. Vol. 114. Travelling through time: Essays in honour of Kaj Öhrnberg. Helsinki, 2013. P. 421–427.
54. *Madden Richard Robert.* Travels in Turkey, Egypt, Nubia, and Palestine, in 1824, 1825, 1826, and 1827. In 2 vol. / by R.R. Madden. London : Colburn, 1829. 401 p.

См.: рис. № № 45, 48.

ИССЛЕДОВАНИЯ
ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН
(Средние века, современность)

УДК 821.411.21 : 94(460)
ББК 83.3(0,Андалусия=Араб)-5

Л.А. Петрова

АНДАЛУССКИЙ «ЗАДЖАЛЬ» И ГЕНЕЗИС ПРОВАНСАЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ ТРУБАДУРОВ

АННОТАЦИЯ

Обосновывается «арабская» гипотеза происхождения провансальской и шире — европейской поэзии. При сопоставлении заджалей кордовского поэта XI–XII вв. Ибн Кузмана с канцонами трубадуров Прованса выявляются многие совпадения (наличие строфических форм, использование разговорного языка, характер любовной лирики).

Ключевые слова: Арабская Испания; Андалусия; Прованс; Ибн Кузман; трубадур; строфическая поэзия; тавших; заджалей; мувашшах; канцона.

*«Толчок к новой литературе был дан арабами.
Действительно арабской были форма
и сущность провансальской поэзии».*

Филиппо де Барди (1)

Прованс — одна из самых культурных областей средневековой Европы, долго сохранявшая эллинские и римские традиции, испытывала еще и сильное влияние арабов через Испанию. Именно здесь, в Провансе, на первый взгляд неожиданно, зародилась и расцвела в XII веке поэзия, которой не знала в то время средневековая Европа. Достигнув художественной обработки в творчестве своих поэтов-трубадуров, она стала старейшей из романских литератур. «Поэзия, — по словам А.С. Пушкина, — проснулась под небом полуденной Франции». Бродячие певцы-трубадуры были приняты затем при различных дворах Испании, Италии, Сицилии и Англии, куда они несли свои стихи, воспевая новые идеалы любви и рыцарской доблести.

Их творчество вызывало многочисленные подражания во всех областях, где они появлялись, а местные поэты первоначально даже слагали свои стихи на языке Южной Франции. Данте в своей «Комедии» вывел трубадура Арно Даниэля, вложив в его уста несколько строф по-провансальски («Чистилище», п. XXVI). В эпоху Возрождения и гуманизма стихи трубадуров читали и изучали итальянские поэты, которые обязаны им не менее, чем произведениям древних классиков. Новые идеи и настроения, специфика жанровых форм и строфики — все это определяло особую роль провансальской лирики, вызвавшей к жизни поэтическое творчество средневековой Европы и Средиземноморья.

Что касается Арабской Испании — Андалусии, как называли ее арабы, то за свою более чем семивековую историю (711–1492 гг.) она была для Европы окном на Восток и культурным мостом, по которому передавались туда достижения средневековой науки и литературы. Так, в книге де Барди, датированной 1846 годом, специальная глава посвящена периоду арабской

культуры в Испании. По мнению автора, «Испания... первой смогла ощутить превосходство новой цивилизации» [7, с. 245–246]. Это касается и философии, и литературы, и музыки. Де Барди называет Европу «должницей Аравии», ибо благодаря ей «Европа получила возможность быть провозглашенной царицей мира в науке и литературе» [8, с. 248.]. Далее следует утверждение об общности арабской и провансальской поэзии. Правда, оно не подтверждается доказательствами, но крайне важно для нас уже тем, что означает постановку проблемы более чем за полвека до знаменитой «арабской» гипотезы Х. Риберы-и-Тарраго о влиянии испано-арабской строфической поэзии на генезис лирики трубадуров Прованса.

Говоря об арабской форме и сущности провансальской поэзии, де Барди продолжает: «Испания, над которой с начала IX века возобладали франки (имеются в виду походы Карла Великого, начавшего Реконквисту — Л.П.), должна была передать им сокровища той учености, которую усердно культивировали арабы, а за ними и испанцы» [8, с. 240]. Отметим три положения, которые не перестали быть актуальными и для современных исследователей. Первое — Испания способствовала передаче арабской литературы в Южную Францию, второе и третье — по словам Барди, «форма» и «сущность» поэзии. Иначе говоря, он предполагает не только формальное совпадение арабских строфических форм с песнями трубадуров, но и более близкое родство между двумя различными поэтическими системами.

В двухтомном сочинении А.-Ф. фон Шака «Поэзия и искусство арабов в Испании и Сицилии» (1865 г.) также читаем о влиянии арабской поэзии на провансальскую: «Многие из идей и правил, которые составляли его (рыцарства — Л.П.) сущность, издавна господствовали среди арабов». И далее: «Уже в IX веке встречаем мы стихи андалусских поэтов, полные нежных чувств, являющие собой почти благоговейное воспевание, которое христианские рыцари посвящали даме своего сердца» [19, S. 61]. Это еще одно подтверждение того, что роднит арабскую поэзию с европейской лирикой.

Важнейшую проблему, связанную с испано-арабской поэзией, наметил также Р. Дози [9. V. 2, p. 229], указав на идейно-тематическое сходство андалусских стихов с песнями трубадуров. Кроме того, особое внимание он уделяет вопросам взаимодействия андалусской, галисийской и южно-французской средневековой лирики.

Исследователь испанской средневековой литературы Р. Менендес Пидаль считает, например, что самая ранняя лирическая народная поэзия Пиренейского полуострова была галисийской. Она датируется не ранее, чем XIII веком. Что касается поэзии на кастильском диалекте, ставшем затем основным языком Испании, то, по словам ученого, «этот род поэзии... представляется настолько искусственным, что первое время культивировался даже не на кастильском языке, а на галисийском диалекте; к тому же он рождается под влиянием и покровительством провансальского языка, а когда, наконец, получает выражение на кастильском, то ищет поддержку... у литераторов итальянского Возрождения» [6, с. 413].

Кастильская лирика почти полностью утрачена. Арабскую строфическую поэзию в Испании приходится признать источником для изучения архаической песенности Пиренейского полуострова хотя бы уже потому, что только испано-арабский мувашшах и заджалъ (2) вобрала в себя и сохранили отголоски романских народных песен.

Совершенно естественно предположить, что арабская поэзия не могла развиваться изолированно от местного песенного материала Пиренейского полуострова. Она явилась детищем двух поэтических традиций — арабской поэтики и романской народной лирики, которая трансформировалась в арабском поэтическом творчестве. Но не следует и преуменьшать значение арабской классической традиции и не учитывать того, что самые ранние произведения, дошедшие до нас, датированы VI веком, а уже в VIII веке арабская поэтическая практика выработала свои 16 стихотворных размеров и создала свою монументальную жанровую форму — касыду. Ко времени распространения арабской поэзии в Испании она имела уже свою поэтику и пережила свой «героический» и «золотой» век, по определению Р. Гибба, а также обогатилась творчеством народов, оказавшихся под арабским влиянием.

Что касается ее первоначального распространения в Испании, то она еще долго являлась в своем исконном традиционном виде и мало чем отличалась от поэзии Багдада или Дамаска. Ее усвоила и аристократическая часть романского населения, близкая ко дворам эмиров, и подражала ей в своих стихах, которые тоже писались по-арабски.

Но можно ли всерьез говорить о «романских заимствованиях» в арабской поэзии, когда сама эта песенная культура сложилась гораздо позднее в том виде, в каком она могла бы оказать влияние своими идеями, образами, своей поэтикой? Строчичность — вот тот единственный, разумеется, немаловажный элемент, который был обретен арабами в Испании.

В свою очередь, лирическая песенная культура Пиренеев не обогатилась созданными здесь строчическими формами. Она не восприняла их, находясь еще в самом начале своего становления, а заимствовала через третьи руки — от трубадуров Прованса, которые сами, как это следует из гипотезы Риберы, получили ее из арабской Испании. Употребление в арабских строчических стихах романских строк, которые иногда просто брались за образец, еще не делает испанскую литературу древнейшей из романских, а мувашшахи и заджали, близкие по своей строчике к канцонам трубадуров, остаются все-таки жанровыми формами арабской литературы. История их создания и вся терминология зафиксированы в средневековых арабских источниках.

В книге Мартина Хартмана «Арабская строчическая поэзия. 1. Мувашшах» (1897 г.) прослеживается эволюция арабской строчки, возникшей в Испании: «В начале четвертого столетия (по хиджре — Л.П.) на дальнем Западе возникают новые виды, которые порывают с важнейшими основами поэтики: мувашшах, а вскоре после него — заджал... Может быть, прежде, чем появиться, они имели долгую жизнь в народе» [11, S. 30]. Анализируя структуру первых мувашшахов, автор приходит к выводу, что опоясанный арабский стих тавших восходит к тасмиту — внутренней рифме, разбивающий стих на равные части. «Тавших — дальнейшее преобразование тасмита» [12, с. 213].

Современный арабский автор М. аль-Мун'им также видит истоки строчической поэзии в народном тасмите. В своей книге «История андалусской литературы» [22], вышедшей в Бейруте в 1962 г., он приводит песню, которую пели девушки Медины, приветствуя пророка Мухаммада.

Возвращаясь к исследованиям М. Хартмана, подчеркнем, что им была выдвинута еще одна важная проблема, не разрешенная до сих пор. Что древнее — мувашшах или заджал? Ученый подвергает сомнению утверждение Ибн Халдуна о том, что заджал — лишь народный вариант мувашшаха,

появившийся гораздо позднее. Подчеркивая, что заджалъ целиком писался на диалекте, а в мувашшахе такая вольность допускалась лишь в заключительных стихах, М. Хартман приходит к следующему заключению: «Не являются ли эти стихи на диалекте (в мувашшахе — *Л.П.*) остаточным явлением (пережитком) времени, когда стихотворение с общей рифмой и короткими стихами различных размеров могли быть лишь на народном языке?» [12, с. 3].

Что касается происхождения поэзии трубадуров, то ею занимались многие романисты. До начала XX в. существовало две гипотезы. Первая возводила ее к античной традиции — так называемая «античная», вторая — «средневеково-христианская» — к латинским церковным гимнам.

Античная поэзия, как известно, не знала рифмы, в то время как практика трубадуров выработала новые поэтические формы с четкими комбинациями рифм, которые описаны в поэтическом трактате Молинье. Он собрал правила стихосложения и наставления о различных видах провансальской поэзии. В поэтике Прованса трудно усмотреть античную преемственность.

Правда, народная песенность Прованса хранила в себе некоторые архаические черты латинских песен, но их следов не осталось в творчестве трубадуров. Они присущи скорее ремеслу жонглеров — перешедших в средневековье римских шутников и потешников, уделом которых было забавлять народ различными фокусами и комическими сценками. Нередко жонглеры выступали вместе с трубадурами, аккомпанируя им на музыкальных инструментах, но они никогда не становились профессиональными поэтами, продолжая оставаться певцами-ремесленниками. В провансальской лирике встречаются еще настроения, восходящие к майским песням, исполнявшимся на «флоралиях» — весенних празднествах в честь богини Флоры.

Но всеми этими совпадениями невозможно объяснить сложное и многообразное искусство трубадуров. Думается, что античная гипотеза не дает исчерпывающего ответа на вопрос об истоках поэзии Прованса.

Средневеково-христианская гипотеза, предполагающая прототипом поэзии Прованса латинские церковные гимны только на основании того, что в них, как и в стихах трубадуров, использовались трехстишия-моноримы, оказалась тоже довольно уязвимой. Это убедительно доказал испанский ученый Р. Менендес Пидаль, полемизируя с Р. Лапа и А. Жанруа.

Совершенно по-иному подошел к этой проблеме испанский арабист Х. Рибера-и-Тарраго, выдвинувший в 1912 г. так называемую «арабскую» гипотезу происхождения провансальской, а, следовательно, и всей европейской поэзии средневековья. Ученый обратился к строфической поэзии андалусских арабов, выделив в первую очередь форму заджаля, писавшегося только на разговорном языке и включающем элементы романской лексики. Наибольшей завершенности заджалъ достиг в творчестве кордовского поэта Ибн Кузмана (1080—1160 гг.), единственный полный диван которого дошел до наших дней, правда, в более поздней рукописи. Научная жизнь уника продолжается более столетия. Первое его описание, сделанное В.Р. Розеном, было помещено в каталоге арабских рукописей Азиатского музея в 1881 г. (за № 136).

Поэтический материал дивана позволяет судить о той бесспорной близости между заджалями и канцонами трубадуров, которую отметил Рибера. Это — и темы, и образы, и ритмическое оформление и, наконец, сама манера исполнения, предполагавшая музыкальное сопровождение или пение солиста с хором. Основываясь на некоторых намеках, встречающихся в заджалях Ибн

Кузмана, Рибера объясняет, что слушатели повторяли запев после каждой строфы, присоединяясь к солисту, рифма стиха-репризы — та же, что и в запеве. Судя по замечаниям Ибн Кузмана, пение сопровождалось игрой на лютне, флейте, барабане, бубне или шелканьем кастаньет, а иногда — танцем.

Диван «имама заджалистов», как называли Ибн Кузмана современники, помог Рибере обосновать свои выводы о происхождении средневековой лирики. Именно в нем увидел он «таинственный ключ, объясняющий механизм поэтических форм разных лирических систем культурного мира в средние века» [18, S. 5].

Гипотезу Риберы поддержали В. Мюллерт в Германии, А.Р. Никль в Соединенных Штатах, а также М. Асин Паласиос, Е. Гарсиа Гомес и Р. Менендес Пидаль в Испании. И.Ю. Крачковский подробно останавливается на исследованиях Риберы в своей работе «Полвека испанской арабистики». Он пишет: «Важно отметить, что эта лирика существовала уже в начале X в., то есть за двести лет до появления древнейшего провансальского трубадура» [4, с. 316]. И.Ю. Крачковский, как и Рибера, считал арабскую поэзию в Испании моделью для провансальской.

Прежде чем перейти к сопоставлению андалусского заджала с канцонами трубадуров, приведем любопытное, на наш взгляд, утверждение двух ученых об Ибн Кузмани, сделанное ими еще до гипотезы Риберы.

В книге Клемана Хюара, вышедшей в Париже в 1902 г., находим упоминание об Ибн Кузмани как поэте, сочинявшим свои импровизации в народной манере и сделавшим это литературной модой. Интересно, что К. Хюар, не занимавшийся специально арабской строфической поэзией и далекий от проблем общности ее с лирикой Прованса, по чистой случайности называет кордовского поэта «странствующим трубадуром» [13, с. 126], очевидно, имея в виду бродячего певца вообще.

Через пять лет, в 1907 г., английский арабист Р.А. Николсон также применяет к Ибн Кузмани термин «трубадур» [16, с. 417], не вкладывая в это понятие специального смысла, который был подсказан позднее гипотезой Риберы.

В одной из своих работ об Ибн Кузмани Гарсиа Гомес называет его метрику «загадкой» (enigma). Это определение, на наш взгляд, не менее приложимо и к жизни «имама поэтов». Насколько живописно, щедро и достоверно запечатлел Ибн Кузман нравы, вкусы и песни современной ему Андалусии, настолько же мало оставил сведений о своей жизни. Ни один исторический источник не приводит даже точной даты его рождения. Отдельные автобиографические сведения об Ибн Кузмани можно почерпнуть из поэтического материала его заджалей, в которых, думается, наиболее полно и ярко сумела выразить себя эта талантливая натура.

Так, на основании некоторых пьес сложилось даже представление о внешности поэта — голубоглазого и русобородого кордовца, может быть, и не чисто арабского происхождения (20, XIV; 84, I, III и др.) (3). Такому представлению способствовало и имя поэта — Ибн Кузман, ассоциирующееся с романским и даже славянским. Поэтический материал позволяет предполагать и музыкальную одаренность поэта, нередко показывающего нам своего основного героя за пением или игрой на музыкальных инструментах (87, II; 141, IV и др.).

Правда, музыкальное сопровождение было не всегда необходимым при исполнении заджала. В этом вопросе нет единого мнения, и если одни исследователи полагали, что заджалю обязательно распевался хором с солистом и был

предназначен для городской толпы (Рибера, Брокельман, отчасти И.Ю. Крачковский), то другие резко выступали против этого (Никль, Гарсия Гомес, ал-Ахавани). Мы придерживаемся мнения, которое подтверждается не столько самим диваном, сколько введением к нему, написанным рифмованной прозой на классическом арабском языке: Ибн Кузман не народный певец, а высокообразованный филолог, теоретик и поэт, сознательно продолжавший развивать лучшие традиции классической поэзии. По-видимому, он был хорошо знаком с трудами Абу Таммама, ал-Мутанабби и ал-Фараздака (и в заджалах, и во введении упоминаются их имена). Кроме того, он прекрасно владел не только кордовским диалектом, на котором слагал свои заджали, но и блестяще писал рифмованной прозой на безупречном классическом арабском.

Мы не отрицаем, что определенная часть заджалей была создана поэтом специально для исполнения в музыкальном сопровождении и рассчитана на самую различную аудиторию — от неграмотных обитателей ремесленно-торговых кварталов до литературных гурманов придворно-аристократических кругов. Может быть, во время своих вынужденных скитаний Ибн Кузман выступал в роли исполнителя своих заджалей под аккомпанемент небольшого оркестра или в сопровождении хора, стихийно возникавшего из самих слушателей (примерно такая обстановка передана в десятом заджале). Но так или иначе этот аспект творчества поэта, сумевшего стать классиком новой строфической формы, нельзя считать определяющим.

Абу Бакр Мухаммад Ибн Абд ал-Малик Ибн Кузман родился около 1080 г. в Кордове. Независимо от того, какого происхождения он был — арабского или неарабского, его блестящему классическому образованию мог бы позавидовать не один андалусский араб. Чрезвычайно талантлив, что не нуждается в доказательствах, артистичен, как почти любая одаренная натура, он был подлинным сыном своего времени. Это подтверждается его судьбой, где перемежались роскошь и нищета, признание и вынужденные скитания, сочинение панегириков в честь высоких покровителей и исполнение собственных заджалей в самой неприятельской обстановке. Мы не можем судить о его религиозных убеждениях: если исходить из его стихов, то они слишком противоречивы. Глубокое знание Корана и арабских преданий уживается у поэта с кощунственным отношением к исламу вплоть до заявления о своем обращении в христианство; с другой стороны — пародирование христианских сюжетов и перетолковывание заповедей. Даже его покаяние в конце жизни с последующей службой имамом мечети мало что объясняет.

Дата смерти Ибн Кузмана установлена точно: 29 рамадана 555 г. (2 октября 1160 г.).

Поэтическое наследие Ибн Кузмана, дошедшее до нас, — его диван, состоящий из 149 заджалей. Нет свидетельств, что он писал и в традиционных арабских размерах на литературном языке, хотя это можно легко предположить. Он стремился следовать лучшим традициям своих предшественников, среди которых нигде не называет поэтов, писавших мувашшахи или заджали. Мы рассматриваем творчество Ибн Кузмана как продолжение и развитие не только испано-арабских традиций, но и общеарабских, классических.

Ибн Кузман, принадлежащий к XII веку, завершил блестящую историю андалусской поэзии: его заджали распевали в самом Багдаде и через сто лет после его смерти. «Когда я достиг совершенной свободы в искусстве заджала, — пишет поэт в предисловии к дивану — когда моя природа подчинилась

его своеобразию, корифеи его стали моей свитой и моими последователями. Я достиг в нем такого искусства, в котором не мог сравниться со мной ни один мастер заджаля... Я освободил его (заджалъ) от технических условностей, сделал его и близким, и далеким, и городским, и бедуинским, трудным и легким, темным и ясным» [21]. Действительно, можно считать, что Ибн Кузман установил каноны новой строфической формы. Новаторство поэта в том, что он усовершенствовал народную песенную форму, обогатив ее чертами классической письменной поэзии, но вместе с тем он ревностно охранял ее важнейшую особенность — простонародный разговорный язык. По-видимому, Ибн Кузмани-теоретику пришлось вести борьбу за признание заджаля в арабских литературных кругах с их приверженностью к классической традиции. Кроме того, он всем своим творчеством утверждал и доказывал богатые выразительные возможности разговорного языка — единственно целесообразного для строфических форм.

Необходимо подчеркнуть, что поэзия провансальских трубадуров также создавалась не на литературном (старопровансальском) языке, а на одном из южнофранцузских диалектов: гасконском, овернском, провансальском и др. В настоящее время употребляется термин «окситанский язык» и «окситанская литература»; «Окситания» — для обозначения Южной Франции. «Заслуга трубадуров, — писал крупнейший французский филолог Поль Мейер, — в том, что они ввели в мир романской культуры понятие о поэзии возвышенной с точки зрения идеи, изысканной с точки зрения формы... и вместе с тем изысканнейшей не по-латыни, а на народном языке» [15, р. 266]. А Гастон Парис одну из основных заслуг трубадуров видит в том, что их творчество содействовало сохранению памятников народной поэзии.

Использование разговорного языка в андалусских заджалях и в канцонах трубадуров — вот одна из сходных черт обеих литератур.

Первым из датированных трубадуров был Гильом IX, граф Пуату и герцог Аквитании. Нет никаких документальных свидетельств, что у него были предшественники. Его первые стихи мало чем отличались от «шансон де жест» (*chansons de geste*), памятников французского героического эпоса XI—XIII вв. Но потом у него появляются новые рифмы и ритмы, новые строфы. Трудно предположить, что автор не испытывал чьего-либо влияния на свое творчество.

В творчестве Гильома намечен переход от ассонансного латинского стиха, не силлабического и не рифмованного, к романскому стиху, уже силлабическому и рифмованному. «Невозможно допустить, — считает известный французский исследователь Пьер Декс, — что в этом отношении Гильом был первооткрывателем... И вот оказывается, что в соседней стране уже по крайней мере два столетия существовала рифмованная поэзия на народном языке с не менее развитыми ритмическими формами, нежели те, которые мы находим в песнях Гильома». И далее: «Словом, трудно допустить, что просто по воле случая в арабской Испании и на юге Франции в один и тот же исторический период возникла столь сложная поэтическая форма как заджалъ» [2, с. 341]. В работе Декса приводится начало XI песни Гильома, написанной в форме арабского заджаля:

Pos de chantar m'es pres talents,
Farai un vers, don sui dolenz:
Mais non serai obendienz
En Peitau ni en Lemozi.

Хочу теперь я песнь сложить,
В стихи свою тоску вложить;
Любви не стану я служить—
Знай, Пуату и Лимузен!

Старейший из испанских арабистов, поддержавший гипотезу Риберы, Рамон Менендес Пидаль не считает трубадура Гильома первым французским поэтом, полагая, что у него были предшественники, но, подтверждая огромное влияние на западный мир арабской культуры, отмечает следующее: «Никого не должно удивлять, что одна из арабских лирических стихотворных форм распространилась в латинском мире: напротив, скорее следовало бы удивляться, если бы этого не произошло» [6, с. 483].

Гильом Аквитанский, современник Ибн Кузмана, был участником первого крестового похода 1101–1102 гг. Вероятно, он мог услышать в Сирии андалусские песни и начал подражать им в своих стихах, используя форму заджала. Как известно, первому крестовому походу предшествовал крестовый поход в Испанию, во время которого войско крестоносцев, из нормандцев и французов, временно овладело в 1064 г. городом Барбастро на границе Арагона. Кроме того, между королевскими дворами Испании и Франции существовали исключительно тесные отношения.

Для сопоставления арабского заджала с канцонами трубадуров необходимо сравнить в первую очередь строфику обеих форм.

Заджаль (زجل — мелодия, напев) — это трехстишие-монорим с запевом-припевом, к которому примыкает четвертый стих, имеющий ту же форму, что и запев-припев; в каждом четвертом стихе всех последующих строф эта рифма повторяется. Согласно арабской терминологии, запев называется «мазхаб» (مذهب) или «гусн» (غصن); каждое трехстишие (куплет) — «даур» (دور); все припевы, кроме последнего — «куфль» (قفل), а последний — «харджа» (خرجة) или «марказ» (مركز). Он считается главным в смысловой и ритмической ткани заджала. Поэт, который «низал» заджаль, обычно начинал с него, а потом уже вводил размер и ритм.

Приведем схему заджала и первые две строфы заджала Ибн Кузмана № 10.

A - - - - - A - - - - -	مذهب (غصن)	ذاب نَعَشَقُكَ، نُجَيْمُهُ من يحبك ويموت فيك
B - - - - - B - - - - - B - - - - -	دور	ان قُتِلْتُ عاد يَكُونُ بِيكَ لو قدر قلبي يَخْلِيكَ لم يَدَبَّرَ ذا النُعَيْمُهُ
A - - - - - A - - - - -	قفل	يا مُطَرَّنَ شَلِيْبِاطُ تَنْ حَزِيْنُ تَنْ بِنَاطُ تَرَأَ الْيَوْمَ وَشَطَاطُ لَمْ تَنْدُقْ فِيهِ غَيْرَ لُقَيْمُهُ
C - - - - - C - - - - - C - - - - -	دور	
A - - - - - A - - - - - и т.д.	قفل	
A - - - - - A - - - - -	خرجة	

Перевод заджала (здесь и далее переводы заджалей наши):

Теперь я влюблен в тебя, звездочка!
Каждый, кто влюблен в тебя и умирает из-за тебя,
Хотя ты и убиваешь — возвращается к тебе.
Если бы мое сердце смогло отказаться от тебя,
Я не сочинил бы этой песенки!
О, мой певец Сальвато!
Ты грустен, ты печален.
Ты видишь, что этот день потрачен попусту:
Ты вкусил от него лишь кусочек.

Для сравнения — песня Альфонса Альвареса из «Песенника Баэны» № 51 с переводом:

Vivo ledo con razón, amigos, toda sazón.	Запев-припев	Радость светлая со мной, Други, летом и зимой
Vivo ledo e sin pesar, pues amor me fizo amar a la que podré llamar	Куплет	Как прекрасна жизнь моя — Наконец влюбился я! И скажу вам не тая:
más bella de cuantas son.	Стих-реприза	Всех она милей собой.
Vivo ledo con razón, amigos, toda sazón.	Припев-запев	Радость светлая со мной, Други, летом и зимой...

Пример, приведенный нами, идеально соответствует по форме заджалю Ибн Кузмана, хотя автор песни не был провансальским трубадуром. Каталонские поэты в XII–XIII вв. писали свои стихи по-провансальски, что свидетельствует о широком распространении и большой популярности заджала во всех романских странах. Строфика заджала представляет собой целую систему со своими особенностями и вариантами, так же как и лирика Прованса, в которой, например, не всегда используется запев-припев. Последнее явилось поводом для сомнений некоторых исследователей относительно арабского влияния на генезис лирики Прованса.

Так, по словам К. Аппеля «провансальская поэзия существовала и до того, как Ибн Кузман сочинил свою первую песню» [6, с. 479]. Но ведь Ибн Кузман уже стал бродячим поэтом, известным по всей Андалусии, к 1094 г., когда Гильом, первый из трубадуров Прованса, только начал сочинять свои стихи.

Испано-арабское влияние на генезис провансальской поэзии не ограничивается формальными строфическими признаками. По словам Р. Менендеса Пидалья, «благодаря андалусскому влиянию трубадуры стали по-новому воспринимать любовь как неутолимое желание, как сладостную муку... Итак, провансальская песня могла бы родиться лишь при дворах Южной Франции; однако она не могла бы появиться на свет без сыгравшего важную роль влияния арабско-андалусской лирики» [6, с. 503–504].

Это положение находит возражение у некоторых исследователей, особенно романистов, считающих, что арабская и европейская поэзия находятся на разных полюсах, т.к. в арабской отсутствует концепция куртуазной любви.

Определение специфического характера куртуазной любви находим в статье Гастона Париса о куртуазном романе, опубликованной в 1883 г. [11, р. 518–519]. Приведем некоторые положения, изложенные в ней.

1. «Куртуазная любовь — любовь незаконная, тайная. Нельзя представить такого рода отношения между мужем и женой; постоянная боязнь возлюб-

ленного потерять возлюбленную, оказаться недостойным ее... несовместима со спокойным официально признанным обладанием.

2. Поэтому возлюбленный пребывает перед любимой женщиной в положении низшего, в состоянии необоримой робости..., несмотря на то, что во всех других случаях он ведет себя как храбрейший из воинов...

3. Для того, чтобы быть достойным любви..., он совершает всевозможные подвиги.

4. Любовь — это искусство, наука, добродетель, имеющая свои правила, как рыцарство или «куртуазия»... — правила, которые нельзя нарушать под страхом бесчестья».

А. Штимминг, автор очерка по провансальской литературе, считает, что идеальное платоническое служение даме развилось под влиянием культа Девы Марии, «восторженное поклонение которой было перенесено на весь ее пол» [20, р. 15]. По поводу «платонизма» куртуазной литературы существуют различные мнения как в отечественной, так и в европейской науке, тем более, что в стихах трубадуров можно найти примеры как платонического, так и совершенно противоположного отношения к даме. Приведем примеры, подтверждающие это:

1. «Если любовь когда-либо заставит меня
Желать того, чего Вы не должны делать,
Умоляю Вас — ни на йоту не снисходить к моим просьбам...».
(Сордель)

2. «Я страстно жажду обладать прекрасной,
Когда гляжу на тело благородное, что так желанно мне,
На волосы, которые сияют ярче злата чистейшего,
На белый лоб, на выгнутые длинные ресницы
И на глаза, на нос, на рот смеющийся
Ах! Перед всеми едва я не беру ее...»
(Элиас Керель)

Говоря об отображении любви в арабской поэзии, следует начинать не с андалусского периода, а с так называемой «узритской» любовной лирики, сложившейся в конце VII — начале VIII вв. в Хиджазе. Ее название происходит от бедуинского племени «узра» (عزرة), поэты которого воспевали платоническую целомудренную любовь, когда несчастные влюбленные, разлученные злой судьбой, культивировали свои страдания.

Узритские поэты воспевали свою единственную возлюбленную, которой они верно служили («полюбив, мы умираем»). Ранний арабский сюжет о любви Маджнуна и Лейлы был воплощен позднее в произведениях Низами Гянджеви (XII в.), Алишера Навои (XV в.) и других поэтов Востока.

Остановимся на концепции узритской любви. Это роковая, почти мистическая любовь, возникающая по воле Аллаха к идеальной женщине. Она приносит поэту одни страдания, от которых не избавляет его даже смерть. Это безысходная тоска, фатальная обреченность. Узритская интерпретация любви связана с аскетическими идеями монотеизма. Постоянство в любви не воспевали ни джахилийские поэты, ни «омаритские» (название — от имени всеми признанного певца любви ‘Омара ибн Аби Раби‘а, воспевавшего реальную чувственную любовь и наслаждения).

Узриты как бы перенесли в интимную сферу универсальную модель ислама: Один Бог вместо множества языческих, одна мусульманская община вместо враждующих племен, одна возлюбленная — интимный и поэтический идеал. Отрицание чувственной любви стимулировалось верой мусульманина в вознаграждение, которое последует в будущей жизни. Фатализм узритской любви побуждал к аскетизму. Как мусульмане стремились очистить Бога от всего материального, так и узритские влюбленные старались освободиться от рабства сексуальных инстинктов. Они одухотворяли свою любовь, придавая ей идеальный целомудренный характер.

Признавая право на облагороженную чувственную страсть, узриты в первую очередь ценили целомудрие.

Символом узритского направления в любовной поэзии был Кайс ибн ал-Мулаввах (قيس بن الملوّح), легендарный Маджнун (مجنون), прозванный так за свою одержимость в любви к Лейле, с которой он был разлучен. Он просил Аллаха не «исцелять» его и, порвав с людьми, долгие годы скитался по пустыне, где его и нашли мертвым недалеко от становища Лейлы.

«У меня — безумца разум, у меня — душа больного,
Одиночество скитальца и бесправие чужого.
О, захочешь ли ты, время, светом утра с ночью споря,
Привести меня к любимой, отвести меня от горя?»

(перевод С. Липкина)

Мотивы любовной тоски и страданий находим и в стихах трубадуров.

«Дай Бог мне увидеть, что она
Терпит такие же муки».

(Ростан де Мергюа)

«Копье любви меня терзает,
Которым в сердце поражен я.
И смерть близка мне и желанна».

(Каде не)

«Ведь обо мне не думает она,
Я же смертную муку терплю
И едва нахожу в себе силу жить».

(Пьер Роже)

Что касается андалусского периода арабской литературы, то в аристократических кругах там складывается идеал мусульманского рыцаря. Это доблестный воин, мало заботящийся о вере и благочестии, утонченный ценитель поэзии и наслаждений. Самым талантливым поэтом куртуазного направления был Ибн Зейдун (ابن زيدون) (1003–1071 гг). Его отец был известным литератором и правоведом, а учителями — кордовские ученые. Самым ярким событием в жизни поэта была его любовь к ал-Валляде, дочери омейядского халифа ал-Мустакфи. Талантливая поэтесса, она открыла в своем дворце в Кордове нечто вроде литературного салона, где проводились диспуты и поэтические состязания, в которых принимал участие и Ибн Зейдун. Он воспевал ал-Валляду в рафинированных, изысканных стихах, напоминавших по стилю и образам европейскую куртуазную поэзию.

Поэтическое творчество Ибн Зейдуна считается вершиной придворной куртуазной поэзии.

«Своего обета не нарушу:
Сердце я вложил в него и душу!..
Если жизнь потребуешь мою,
То скажу: «Возьми, я отдаю!
Для меня судьба была раба,
А теперь — в тебе моя судьба!»

Яркая образность, легкий лиризм, олицетворение природы — вот отличительные черты его поэзии, а изысканность и оригинальность сочетались у него со стилизацией под народную песню. Ибн Зейдун увлекался тахмисом, разделенным на строфы: aaad — bbdd — cccd и т.д. Изредка в стихи вкраплена лексика из кордовского диалекта.

«Всю ночь мы любили и пили вино,
Покуда заря не ступила в окно.
И звезды, покорны лучам зоревым,
Не начали таять, как утренний дым.
Всю ночь напролет были счастливы мы,
Презрев все тревоги под пологом тьмы...
Но радость недолго дарил небосклон —
Ведь ночи любви быстротечны, как сон».

(Оба перевода Ю. Хазанова)

Отметим, что его творчество не только по содержанию, но отчасти и по форме приближалось к андалусской строфической поэзии, утвердившейся несколько позднее.

Заметный след в поэзии этого периода оставил последний эмир Севильи, современник знаменитого Сида — ал-Му‘тамид (المعتمد) (1040–1095 гг.). После падения Севильи он закончил свою жизнь в изгнании в г. Агмате. Его раннюю лирическую поэзию можно отнести к куртуазной, правда, его «прекрасной дамой» была собственная жена, бывшая рабыня, оказавшаяся талантливой поэтессой.

«Тебя в разлуке я вижу ясно глазами сердца.
Будь вечным счастье твое, как слезы моей тоски!
Я не стерпел бы сетей любовных от прочих женщин,
Но мне отрадны, мне драгоценны твои силки.
Скорблю о милой, как о далеком волшебном рае,
Любовью дышит любое слово любой строки.
К тебе пришел бы, к тебе прильнул бы, как на рассвете
Роса приходит к прекрасной розе на лепестки».

(Перевод М. Петровых)

Аль-Му‘тамид не использовал строфических форм, но по содержанию его любовные стихи, на наш взгляд, — чистейший образец куртуазной поэзии.

Прежде чем перейти к рассмотрению любовной лирики в заджалях Ибн Кузмана, дадим характеристику заджалю в том виде, в каком он предстает перед нами в его творчестве. Это развитая испано-арабская строфическая форма, подводящая итог эволюции принципа тасмита и народной поэзии, основанной на нем. Это арабское литературное произведение на диалекте, возникшее

на народной арабской поэтической основе, использовавшее традиции классической поэзии.

«Теперь уже невозможно повторять, что арабо-андалусской поэзии глубоко чужда куртуазная любовь» — читаем в статье Менендеса Пидалья «Арабская поэзия и поэзия европейская». Автор считает, что благодаря андалусскому влиянию трубадуры стали по-новому воспринимать любовь: «Тема любви без взаимности вообще не встречается в латинской литературе... Наслаждение любовью без взаимности — настолько изысканное чувство, что мысль о нем никогда не приходила в голову римлянам. У арабских же, а в особенности арабо-андалусских лириков и затем у поэтов Прованса это чувство прославляется во множестве произведений» [6, с. 499]. В заджале Ибн Кузмана (№ 13) читаем: «Как сладка любовь и как горька она!.. Если хочешь — презирай, хочешь — люби; будь мне судьей, доставляй мне радость и страдание».

А вот что пишет трубадур Бернард де Вентадорн: «Хорошо, что она победила меня и сделала со мной все, что ей угодно» (№ 30); «Пусть она продаст или подарит меня, если ей это захочется» (№ 26); «Любящий будет любить и после смерти, в могиле, свою даму, которая даже не желает выслушать его» (№ 40). Радость от страдания, наслаждение им впервые появляется в арабской и провансальской поэзии. Правда, все это встречалось и в арабской поэзии на Востоке, хотя не так часто, как в Андалусии.

При сопоставлении любовной лирики трубадуров с испано-арабской поэзией многие исследователи ссылаются на книгу философа и поэта Ибн Хазма (994–1063 гг.) «Ожерелье голубки» (“طوق الحمامة”) [3], в которой отражена восточная теория платонической любви. Теоретические положения автор иллюстрирует многочисленными примерами из жизни мусульман Андалусии, где, по мнению Е.Э. Бертельса, «пренебрежительное отношение к женщине, которую в халифате воспринимали как полурабыню, живой товар, резко изменилось». Автор считает любовь тонким, возвышенным чувством, которое «не порицается религией и не возбраняется божественным законом, ибо сердца в руках Аллаха». Ибн Хазм подчеркивает, что в основе любви лежит духовное соединение. Объединение влюбленных автор считает «возвышенной ступенью» и «счастливым предзнаменованием», а также «вечной радостью и великой милостью Аллаха» [1, с. 4].

Книга об идеальной любви завершается главой «О преимуществе целомудрия». Вот ее начало: «Лучшее, что может сделать человек в любви своей, — это быть целомудренным и оставить совершение греха и мерзости, не отказываясь получить воздаяние благом от Творца своего в обители вечного пребывания».

Большинство исследователей рассматривают любовь, воспеваемую трубадурами, платонической, хотя, как уже говорилось, есть и совершенно противоположные суждения. Обзор точек зрения на этот счет подробно освещен в работе Р.А. Фридман «Любовная лирика трубадуров и ее истолкование» [7, с. 87–417].

Далее совпадение некоторых свойств провансальской лирики и испано-арабской строфической поэзии мы проанализируем на материале заджалей Ибн Кузмана, которые, по словам Гарсии Гомеса, «представляют одну из вершин мировой литературы, а, может быть даже и уникальное явление» [10, р. 54].

В его заджалях мы, пожалуй, не найдем мотивов платонической любви, а там, где они формально присутствуют, по мнению некоторых романистов, выглядят скорее пародией, с чем мы не можем полностью согласиться. Дело в том, что любовная лирика Ибн Кузмана представляется нам принципиально новым явлением, в общих чертах напоминающем скорее фэбльо (fablio) авантюрно-любовного характера. Из 149 заджалей, дошедших до нас в уникальной рукописи, лишь 27 — чисто эротических или вакхических, а 87, начинающихся с любовной тематики, заканчиваются панегириком.

Тонкий художественный вкус и большое поэтическое мастерство Ибн Кузмана проявилось в создании им женских портретов. В выразительном описании внешности мы узнаем сочетание черт классического канона с поэтической манерой кордовского поэта.

141 (III)

وترى فميم بحال خاتم
نظمت دررها بلا ناظم
فتنت للمصلّي وللصائم
لم يجي بحكمة تبييني
انّ قلت عنها بحال خاتم
وهي املح

*Ты видишь ротик, как перстень,
И жемчуг нанизан без ювелира.
Она — соблазн для молящегося и постящегося.
Мое описание не приносит благоразумия:
Сердце мое без нее, словно оправа без драгоценного камня.
Только она — еще прекраснее!*

(Досл.: «Действительно, я сравнил ее / сказал о ней / с / драгоценным / перстнем /, но она ещё прекраснее!»)

Здесь только в первых двух стихах — реальная деталь портрета, подробного описания нет. Мы воспринимаем, вернее, создаем его в своем воображении по тому впечатлению, которое женщина производит на ослепленного любовью поэта.

Столь же лаконичны и портреты героинь других заджалей. Они воссоздаются фантазией читателя на основе какой-либо одной характерной черты, приведенной поэтом. Так, в заджале 20 описание внешности состоит из следующих штрихов: «В обществе двух бровей и опущенного (ресницами) глаза — словно ты видишь рай» (XII, 3, 4); «Ты уходишь, а я жду тебя, о белизна!» (XIII, 1); В заджале 87: «Насурьмленные глаза и сходящиеся брови. Хороша! Всей красотой хороша, хороша!» (X, 2, 3); там же: «На щеках розы, как от смущения... А локоны: ты видишь лучи сияющие — шесть восходящих между плащом и заколкой» (XI, 1, 3, 4).

Хотя есть и традиционные приемы изображения (10), выдержанные полностью в духе старых арабских газелей. Они выглядят трафаретными:

من التفاح نهيدات
ومن الدرماك خديدات
ومن الجوهر ضريسات
ومن السكر فميمه

Из яблок твои грудки,
Из муки — твои щеки,
Из жемчуга — зубки,
Из сахара — ротик.

Уменьшительные формы имен, на которых в арабском оригинале строится рифма каждой четвертой строфы, создают совершенно особое звучание, подчеркивающее легкость и прозрачность этой любовной песенки. Десятый заджаль, пожалуй, — единственное стихотворение, которое сближает лирику Ибн Кузмана с арабской газелью, а также по нескольким аспектам позволяет сравнить его с канцонами трубадуров (далее мы к этому еще вернемся).

Что касается «прекрасной дамы» в поэзии трубадуров, то она, как пишет А. Жанруа, «неизменно наделена всеми нравственными достоинствами и совершенной красотой, постоянно равнодушная к их страданиям и мольбам, является попросту абстракцией, застывшей в несколько комической неподвижности» [14, р. 375]. Трубадуры старательно избегают конкретного изображения индивидуальных черт своей возлюбленной. Причиной этому могло быть особое почтение к знатной даме, которой верно служил влюбленный в нее поэт. А по мнению итальянского исследователя Р. Реньера [17, р. 19], «тип совершенной женской красоты, который постоянно прославляют поэты, никогда не является рисунком с натуры».

Итак, дамы, воспеваемые сотнями поэтов — всегда полнотелы, белорозовы, белокуры и улыбающиеся:

«Ваши прекрасные белокурые волосы,
Ваш лоб, белизной превосходящий лилеи,
Ваши смеющиеся блестящие глаза...
Лицо необычайно свежего цвета,
Маленький рот, красивые зубы,
Блестящие более, чем тонко отделанное серебро,
Подбородок, шея и грудь
Белые, как снег или как цвет белого шиповника...»

(Арно де Марюель)

Вместе с тем в песнях трубадуров есть описания, которые никак нельзя назвать безликими. Так, дама Арно Даниеля напоминает нежную веточку с нераспустившимися цветами:

«И ветвь цветущая
В нераспустившихся цветочках,
Которые дрожат под клювами птенцов,
Не может быть свежей ее».

(Арно Даниель)

Весьма неожиданно и оригинально звучит сравнение красивых глаз дамы с глазами сокола. Этот маленький шедевр напоминает нам отчасти развернутое сравнение из классической арабской поэзии.

«Как сокола глаза, что после линьки оперился,
Уста смеющиеся, знающие толк в речах,
И тело, что почувствовать приятней,
Чем тонкий холст, надетый наголо».

(Веске де База)

Обратимся теперь к теме, которая неотделима от провансальской поэзии так же, как и от всей средневековой любовной лирики. Это — альбада (albada) — расставание влюбленных на заре, любовная борьба перед разлукой (alba — утренняя заря). Она восходит к народной андалусской песне и появилась в заджалях Ибн Кузмана на полвека раньше, чем в стихах первых трубадуров.

Так, в заджале 82(X) она написана по-испански (арабской графикой):

“Alba, alba, es de luz en una die”.
«Заря, заря, светает — день настал».

В заджале 141 альбада уже на кордовском диалекте. Многие исследователи считают ее пародией, хотя мы ее так не воспринимаем. Ей предшествует эротическое описание ночи любви. Но сначала приведем саму альбаду:

141 (IV–V)

أصبح الصباح وه الظالم لما أصبح؟	Забрезжило утро, она (возлюбленная) мрачна. Зачем только оно засияло!
قمت الى غفارتى ولم نمهل	Я поднялся взять плащ и не медлил.
قالت "ان تمور اش تريد تعمل؟	Она говорит мне: «Куда уходишь?
زول الغفاره بعد وانزل!»	Что хочешь делать? Оставь плащ, останься еще!»

А теперь — предшествующие строфы (выборочно):

141 (I, IV)

بتنا في رضى قبل او عنق اي تمور؟ اوش تريد؟ تلقق؟ وفر الغرامه لمن يعشق	Мы провели ночь в удовольствиях — в поцелуях и объятиях. Что ж ты волнуешься и чего желаешь, беспокоясь? Будь щедра в страсти с тем, кто любит!..
الكلام يدور والشراب يُشرب وانا نغني وهي تطرب وطلبت منها الذي يطلب هي تقول نعم وتمنييني	Слова летают (говорятся), а вино пьется. Я пью, а она играет на лютне. Я добиваюсь от нее того, чего и она добивается (от меня). Вот она говорит: «Да!» и возбуждает во мне желание...

В соответствии с концепцией любви, изложенной в «Ожерелье голубки», андалусские поэты воспевали покорность любовника. В начале XI в. Ибн Зейдун писал: «Даже если ты возложишь на мое сердце бремя, непосильное для других сердец, я снесу его; знай, высокомерная, я все стерплю; знай, гордая, я снесу любые унижения; прикажи — и я повинуюсь».

В свою очередь Гильом Аквитанский использует слово *obediens* («покорный») как синоним любящего. У многих трубадуров встречается выражение «служить любви», или «повиноваться любви». Отметим, что аналогичные сравнения появились гораздо раньше в арабской поэзии. Так, поэт ал-Аббас Ибн ал-Ахнаф (ум. ок. 806 г.), писавший при дворе Харуна ар-Рашида, сравнивает любовь с военной службой. А у Ибн Хазма любящий — слуга своей любимой, которую он называет «мой господин» (سيدي) или «мой хозяин» (مولاي). Притом обращение употребляется в мужском, а не в женском роде.

По мнению Менендеса Пидалья, служение любви у первых трубадуров вряд ли имеет европейское происхождение. Употребление обращения к любимой в мужском вместо женского рода символизирует рабскую покорность любящего по отношению к деспотичной и неблагодарной возлюбленной.

В провансальской поэзии сколько угодно примеров на этот счет, а теоретические положения «куртуазии» подробно изложены в уже указанной работе Р.А. Фридман.

Приведем пример из заджала Ибн Кузмана:

10 (VIII)

أنت من الفانذ أحلا وانا مملوك وأنت مولا مولي، ومن يقل لا فرم في عنق لطيمه	Ты слаще альфеникса (миндального теста). Я — раб, а ты господин. Мой повелитель! А кто скажет: «Нет!» Я свалю его ударом по шее!
--	---

Отметим, что местоимение «ты» также употреблено в мужском роде — أنت вместо أنتِ.

Это своего рода канон, утвердившийся в поэзии трубадуров и миннезингеров не без влияния арабской поэзии Андалусии: «Вообще в арабской поэзии было принято использовать существительные в мужском роде для обозначения любимой женщины, и этот обычай нельзя не сопоставить с обращением *midons* (букв. «мой господин»), которое употребляется трубадурами вместо *madonna* («моя госпожа») [5, с. 498]. В книге Ибн Хазма «Ожерелье голубки» любящий — всегда слуга своей любимой, которую он называет «мой господин» (سيدي). По-испански любимую женщину можно назвать *mi dueño* (букв. «мой хозяин»), что свойственно не только любовному, но и общему разговорному языку. Употребление подобных терминов в канцонах провансальских трубадуров связано с тем, что служение Даме уподоблялось феодальной службе вассала.

При сопоставлении андалусского заджалья (на материале Дивана Ибн Кузмана) с канцонами трубадуров Прованса трудно не заметить их большого сходства между собой.

1. Совпадение основных принципов построения строфических форм андалусского заджалья и канцон провансальских трубадуров.

2. Язык поэзии и в том, и в другом случае не литературный, а местный разговорный.

3. Характер любовной лирики андалусских поэтов и провансальских трубадуров также имеет сходные черты. Назовем некоторые из них:

а) культ прекрасной Дамы в творчестве провансальских трубадуров и узритская интерпретация любви как радости-страдания («полюбив, мы умираем»);

б) беспрекословное подчинение возлюбленной и служение своей избраннице, приравниваемое провансальцами к феодальной службе, известное ещё во времена Харуна ар-Рашида (творчество поэта ал-Аббаса ибн ал-Ахнафа);

в) обращение к возлюбленной в мужском роде вместо женского: «мой господин», «мой хозяин» своеобразный канон как в провансальской, так и в андалусской поэзии. Так, в любовном трактате известного андалусского философа и поэта Ибн Хазма «Ожерелье голубки» читаем: «Любящий — слуга своей возлюбленной, которую он называет: “Мой господин”, “Мой повелитель”»;

г) тема расставания влюбленных на заре (альбада), хорошо знакомая по провансальским канцонам на полвека раньше, уже употреблялась и в андалусской строфической поэзии (в заджальях Ибн Кузмана).

Очевидно, что влияние испано-арабской стороны преобладает. В этой связи остановимся на происхождении самого термина «трубадур».

До гипотезы, предложенной Риберой, Андалусия, казалось, не имела к Провансу никакого отношения, в силу чего романисты совершенно не принимали в расчет ни испано-арабской поэтики, ни тем более арабской терминологии, когда речь шла о трубадурах и их искусстве.

Слово «трубадур» обычно возводят к двум латинским смысловым основам: «*tropare*» — «слагать тропы» (духовные стихи) и «*turbare*» — «волновать», «тревожить». Иногда соотносят со старогерманской основой «*treffen*» — «попадать в цель, задевать». Последнее, на наш взгляд, наименее убедительно, хотя бы уже потому, что в Германии искусство миннезингеров — певцов

любви — возникло гораздо позднее провансальского (XIV—XV вв.), а влияние готской лексики на Пиренеях сохранилось разве что в топонимике. Кому бы пришло в голову обозначать провансальских поэтов немецким термином? Да и само слово с большой натяжкой может ассоциироваться с немецкой основой. Его смысл также мало подходит к содержанию куртуазной поэзии («попадать в цель», «задевать»). Так можно было бы обозначить скорее сатирическую поэзию.

Из двух латинских глаголов первый, как нам кажется, не выражает специфику лирики трубадуров, обозначая «слагать духовные стихи» (или стихи вообще). Второй глагол — «волновать; тревожить» — точнее передает суть новой поэзии.

Обратимся теперь к испано-арабскому глаголу *طرب*, который имеет определенные преимущества перед латинскими, особенно если учитывать более раннее возникновение арабского заджалья по сравнению с канцонами трубадуров. Арабская смысловая основа *طرب* лексически ближе к слову «трубадур», она имеет несколько значений: «быть взволнованным радостью или горем», «петь» и связанные с этим понятия *طرب* — «возбуждение», «радость», «музыка», *مطرب* — «музыкант». Второй латинский глагол («*turbare*») близок к арабскому по своему значению — «волновать», хотя в арабской основе более полно отражена специфика качественно нового искусства — лирики трубадуров — «быть взволнованным радостью или горем».

Сошлемся на высказывание Г.З. Грюнебаума о настроении и общей тональности провансальской лирики: «Особое настроение, опирающееся на радость и веселье, которое процветает, объединенное удивительным образом с печалью, возникающее из-за безграничной духовной любви».

Об этом удивительном сплаве радости и горя, породившем любовные песни трубадуров, трудно сказать лучше, чем А.Блок в своей драме «Роза и крест», переносящей нас в Прованс XIII века:

«Сердцу закон непреложный —
Радость — Странанье одно!»
Как может странанье радостью быть?
«Радость, о, Радость — Странанье,
Боль неизведанных ран...»

«Петь, воспевать, музыка» — эти арабские значения призваны как раз отобразить специфику творчества провансальских поэтов. Напомним, что расшифрованные средневековые мелодии, как это доказал Рибера, по своей архитектонике совпадают с заджальями Ибн Кузмана.

Вопрос о происхождении слова «трубадур» требует для своего решения специальных историко-литературных и лингвистических обоснований, но, во всяком случае, арабская основа «тариба» имеет определенные преимущества перед латинскими. После всего высказанного о близости испано-арабской поэзии к лирике Прованса при гораздо более раннем возникновении первой выводить термин «трубадур» из арабского «тариба» не кажется нам совершенно беспочвенным и идет в русле арабской гипотезы Риберы, которая находит все большее и большее подтверждение.

По нашему предположению, которое, разумеется, еще нельзя считать доказанным, слово «трубадур» могло явиться *контаминацией*, возникшей из арабской основы и романского суффикса.

Латинское «*tropos*», в свою очередь, могло быть перенесено на обозначение народной песни «*tropa*» под влиянием и по созвучию с «*тариба*» и как более понятное романскому населению Средиземноморья, ассоциироваться с латинским значением (4).

Тот факт, что до сих пор термин «*трубадур*» связывают с двумя различными латинскими основами, лишний раз доказывает, что непонятая за пределами Испании арабская основа возводилась позднее к двум различным смысловым значениям.

Сопоставление испано-арабской строфической поэзии с лирикой трубаду-ров Прованса еще раз убеждает нас во влиянии андалусского заджала на генезис провансальской, а через нее и всей европейской поэзии.

(1). См.: [8, p. 245–246].

(2). В научной литературе существуют разные варианты написания этого слова. В случае цитирования было принято то написание, которое имеется в цитируемом издании.

(3). В настоящей статье номера приводимых заджалей обозначены арабскими цифрами, а остальные строфы — римскими. Например /20, XIV/ — это 20-й заджал, 14-я строфа.

(4). В письме автору статьи от арабиста Г.Э. фон Грюнебаума (G.E. von Grunebaum, University of California, Near Eastern Center, Los Angeles) от 13 марта 1972 г. приводятся следующие соображения по этому поводу: Dear Miss Petrova <...> I have decided to put you on the track by calling your attention to the following passage: Ibn Hazm, *The Dove's Neck-Ring*, translated by A.R. Nyckl (Paeis, 1931), "Introduction", p. LXXXIV.

Let me add that the etymology recurs quite frequently in recent literature on the troubadour problem, but that I personally am less taken by it than I may have been in earlier years. Nevertheless it is a possibility to consider, especially if one thinks in terms of convergences, i.e., that both *trobar* and *tarab* may have phonetically supported one the other <...>.

ИСТОЧНИКИ

1. *Бертельс Е.Э.* Предисловие к книге Ибн Хазма «Ожерелье голубки» / пер. с араб. М.А. Салье; под ред. И.Ю. Крачковского. М.: Вост. лит., 1957. С. 3–6.

2. *Декс П.* Семь веков романа. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 482 с.

3. *Ибн Хазм Абу Мухаммад Али.* Ожерелье голубки / пер. М.А. Салье; под ред. И.Ю. Крачковский. М.: Вост. лит., 1957. 240 с.

4. *Крачковский И.Ю.* Полвека испанской арабистики // Избр. соч. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 300–328.

5. *Менендес Пидаль Р.* Арабская поэзия и поэзия европейская // Избранные произведения: испанская литература средних веков и эпохи Возрождения / пер. с исп. Н.Д. Арутюновой [и др.]; сост. К.В. Цуринов, Ф.В. Кельин. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. С. 455–509.

6. *Менендес Пидаль Р.* Древнейшая испанская лирическая поэзия // Избранные произведения: испанская литература средних веков и эпохи Возрождения / пер. с исп. Н.Д. Арутюновой [и др.]; сост. К.В. Цуринов, Ф.В. Кельин. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. С. 413–465.

7. *Фридман Р.А.* Любовная лирика трубаду-ров и ее истолкование // Учен. Зап. Рязанского педин-та. М., 1965. Т. 34. С. 87–417.

8. *Bardi F., de.* Storia della letteratura araba sotto il Califfato. Firenze: F. le Monnier, 1846. Cap. XIV. 349 p.

9. *Dozy R.* Histoire des musulmans d'Espagne jusqu'a la conquête de l'Andalousie par les Almoravides (711–1110). T. premier. Leyde: E.J. Brill, 1861. V. 2. 392 p.

10. *Garcio Gomez E.* Jarcha en Ibn Quzman // Al-Andaluz. 1963. Vol. 28, № 1. P. 1–60.

11. *Gaston Paris.* Etudes sur les romans de la table // Romania. 1883. 12/1. P. 518–519.

12. *Hartmann M.* Das arabische Strophengedicht. I. Das Muwassach. Weimar: Emil Felber, 1897. 258 p.

13. *Huart K.* Litterature Arabe. Paris, 1902. 470 p.

14. *Jeanroy Alfred*. Les chansons // Histoire de la langue et de la littérature françaises des origines à 1900. Tome 1: Moyen Age. Paris: Librairie Armand Colin, 1910. P. 345–404.
15. *Meyer Paul*. De l'influence de la poésie des troubadours sur la poésie des peuples romans // Romania. 1876. T. 5. P. 257–268.
16. *Nicolson R.A.* A Literary History of the Arabs. London, 1907. 542 p.
17. *Renier R.* Il tipo estetico della donna nel medioevo. Ancona, 1885. 192 p.
18. *Ribera J.* El Cancionero de Abencuzmán. Madrid, 1912. 1. 94 p.
19. *Schack A.F., von.* Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien. Berlin, 1865. 348 p.
20. *Stimming A.* Provenzalische Litteratur // Grundriss der Romanischen Philologie. Strassburg : Karl J. Trübner, 1897. P. 1–69.
21. ديوان الشيخ الوزير الأجل أعجوبة الزمان أبي بكر بن عبد الملك بن قزمان (Рукопись дивана Ибн Кузмана, предисл. автора). Ин-т вост. рукописей РАН.
22. 1962. م. المنعم. تاريخ الادب الاندلسي: اصر التوائف والمرابطين. بيروت. (Мун'им М. История андалусской литературы. Бейрут, 1962). — На араб. яз.

УДК 821.411.21 : 94(569.4)
ББК 82.3(5Изр-6Пал)

М.И. Йосефи

СОХРАНЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМ В ОТРЫВЕ ОТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ — ОПЫТ БЕДУИНОВ НЕГЕВА

АННОТАЦИЯ

Рассматривается, каким образом сохранила свою социальную роль поэтическая игра, практикуемая бедуинами на свадебных вечерах. В ходе игры мужчины, импровизируя по очереди, совершают последовательность символически значимых вербальных действий, совершая своеобразный поэтический ритуал.

Ключевые слова: племенная поэзия, бедуины, пустыня Негев, Палестина, Израиль.

Еще в XIX веке османская администрация, управлявшая Палестиной, пыталась заставить бедуинов, кочевавших через Негев и в его пределах, перейти к оседлости. Контролируя пустыню лишь формально, турки желали распространить на нее реальную политическую власть и понимали, что сделают это не раньше, чем покончат с кочевым бытом. К началу XX века они добились того, что большинство бедуинов Негева превратились в полукочевников и занимались подсобным земледелием. Племена были привязаны к относительно ограниченным территориям и контролировать их стало проще. Турки сделали ставку и на градостроительство: в 1900 г. в пустыне, чуть западнее раскопанных следов города Библейской эпохи Вирсавия (в русской традиции), была основана современная Беэр-Шева. Город появился на границе между территориями племенных союзов азазме ('ažāzmih), тарабин (tarābīn) и тияха (tiyāhah). Османская администрация связывала с городом немалые надежды на переход бедуинов к оседлости, но насладиться плодами своей политики не успела: в 1916 году турки были выбиты из Негева британскими солдатами (в Палестине сражались главным образом австралийцы и новозеландцы). Британская администрация в 1948 г. уступила место израильским властям.

Перед Арабо-Израильской войной 1948 г., начавшейся на следующий день после того, как еврейское государство провозгласило независимость (14 мая), в Негеве проживали примерно 70 тыс. бедуинов. Большинство из них в дни войны покинули обжитые территории, опасаясь за свою жизнь и не желая быть призванными в одну из арабских армий, как того требовал Высший арабский комитет. В Негеве осталось менее 13 тыс. полукочевников. В 1951 г. практически все они были собраны в резервации, организованной в районе между нынешними городами Рахат, Беэр-Шева, Димона и Арад. В 1954 г. им было предоставлено израильское гражданство. В 1966 г. режим резервации был отменен. С этого времени переход бедуинов к оседлости заметно ускорился. Бывшим полукочевникам не оставалось ничего другого: земли, на которых

некогда обитали их предки, а в недалеком прошлом — они сами, постепенно обрастали израильскими населенными пунктами, промышленными зонами, военными базами, аэродромами и полигонами. Получить земли за пределами резервации в частную собственность бедуины не могли, поскольку не занимали их по состоянию на апрель 1952 г., как того требовал закон о приобретении земли от 1953 г.

Как и османская администрация, израильские власти сделали ставку на градостроительство: в 70–90-е гг. к северу и к востоку от Беэр-Шевы (в пределах бывшей резервации) специально для бедуинов были выстроены семь новых поселений. Со временем более 20 крупных поселков возникли в этом же районе стихийно. Бывшие полукочевники перехватили у государства инициативу, и процесс перехода к оседлости вышел из-под контроля.

Сегодня численность бедуинов Негева превышает 200 тыс. (в 1995 г. она едва превышала 90 тыс.). Примерно 60% из них проживают в официально признанных населенных пунктах (1). Остальные в подавляющем большинстве рассеяны в северной части Негева, обитая в непризнанных поселениях и временных жилищах. Кроме того, сохраняется небольшая группа бедуинов, продолжающих вести традиционный полукочевой образ жизни. Найти ее представителей можно на самом юге Израиля — в районе Эйлата.

В среде осевших бедуинов относительно высок процент людей с образованием. В 2005 году бедуины составляли 2,5% работников, занятых на промышленных объектах в Негеве [4, с. 26]. В бедуинской среде доля получивших школьный аттестат зрелости составляла 26,6%, что не так мало по израильским меркам (показатель по стране в целом — 44,9%) (2). Растет число молодых бедуинов, получающих академические степени в университете Беэр-Шевы и колледжах израильского юга (3). Среди тех, кто занимается физическим трудом, большинство предпочитает традиционному хозяйству работу в городах и на промышленных объектах (4).

Произошел отрыв бедуинов от традиционной культуры в сферах первичного производства и жизнеобеспечения. Соционормативная (или институциональная, обращенная к коллективу) и гуманитарная сферы (идеологические комплексы, обращенные к личности) в целом сохранились. Как и в древности, общество организовано по племенному принципу. Отношения между племенами и внутри каждого из них регулируются нормами традиционного бедуинского права. Исчезают элементы, лишившиеся практической функциональности, но по-прежнему живы сохранившие эту функциональность. Последнее хорошо видно на примере поэзии.

В бедуинском обществе в его классическом виде поэзия принадлежит одновременно и к институциональной, и к гуманитарной сферам: она функциональна почти во всех жизненных ситуациях и служит орудием убеждения. С помощью поэтических текстов сохраняют и передают информацию, защищают честь племени, прославляют вождей, объявляют войну и договариваются о мире. Система жанров и поэтических форм соответствует системе хозяйственных, социальных и обрядовых практик.

Там, где бедуины сохраняют традиционный уклад, поэтические формы по-прежнему необходимы в ситуациях, в которых использовались веками. Исчезновение какой-либо практики влечет за собой исчезновение жанра или формы, с этой практикой связанными. Так, в Негеве еще в конце прошлого века исчезла сложносоставная, древняя поэтическая форма касыды (*qaṣīdah*),

используемая профессиональными поэтами, когда перед ними стоит серьезная цель (*qasd*). Вне традиционного уклада, в условиях отрыва Негева от остального бедуинского мира, частью которого он когда-то был, поэзия перестала быть социальным орудием. В результате в сегодняшнем Израиле нет бедуинских поэтов в классическом понимании этого термина, то есть тех, кто сочиняют касыды постоянно, известны своим талантом внутри племени и за его пределами и выполняют ряд социально-культурных функций, доверенных им за способность к стихосложению. Вне кочевой или хотя бы полукочевой жизни отпала необходимость в выполнении этих функций.

Для создания касыд использовалась не только классическая форма, но и высокая лексика, богатая система сравнений и образов. Все это постепенно забылось. Уже в 80-е годы прошлого века в Негеве касыды ценились лишь пожилыми людьми, а молодые люди не понимали их содержания. Для активного восприятия поэм (не говоря уже об их сочинении) им не доставало культурного потенциала [2, с. 26]. При этом и тогда и в настоящие дни как молодежь, так и старики понимают и ценят короткие поэтические импровизации — *бида* (*bida*).

Бида — игра, в которую играют в дни свадебных торжеств родственники жениха и гости. Ее смысл — сочинение рифмованных строк. Участники игры делают это по очереди через относительно короткие промежутки времени. Язык импровизаций прост и приближен к разговорному. Источник образов и тем — повседневная жизнь.

Если определять поэтическую форму по способу создания произведения, а жанр — по его цели, то *бида*, безусловно, — поэтическая форма. С точки зрения жанра, импровизированные строки могут представлять собой осмеяние (*hijā'*), восхваление (*madh*) или самовосхваление (*fahr*).

Совокупность импровизированных строк можно рассматривать как цельное произведение, рождающееся и существующее исключительно в процессе исполнения. Начало этого произведения пропадает и забывается прежде, чем звучит его финал. Зачастую произведение подчинено композиции: прославляются пророк Мухаммад, затем гости, родственники жениха и невесты. Далее следуют вольные темы: критика, остроты, сатира.

Исполнение *бида* сопровождается традиционным танцем *дхийя* (*dhiyyah*). Танцующие стоят плотной шеренгой — плечом к плечу, синхронно раскачиваются, слегка приседают, распрямляются и ритмично хлопают. Последнее объясняет название танца. Глагол *dahḥa* («танцевать танец *дхийя*») означает, прежде всего, «хлопать в ладоши».

Веками смысл игры был в том, чтобы каждый танцующий, когда до него доходит очередь, сочинил строку, рифмующуюся с предыдущими. Сегодня танцующие (как правило, одна шеренга, в редкой разновидности — две, лицом к лицу) в импровизации не участвуют. Импровизаторы стоят отдельно. Если их несколько, они чаще всего дополняют друг друга. В конце XX в. еще бытовал вариант игры, предполагавший поэтическую дуэль между двумя импровизаторами, высмеивающими друг друга.

Танцующие по традиции должны повторять за импровизаторами рождающиеся строки, но в сегодняшнем Негеве они зачастую не делают и этого. Когда-то хлопки танцоров были важны, поскольку лишь так поддерживался ритм. Сейчас необходимость в этом отпала — игра проходит под специальную музыкальную фонограмму. Хлопки же остаются неотъемлемой частью

танца. В прошлом все действие происходило исключительно при свете костра. В последние годы, как правило, для проведения свадеб нанимаются команды, отвечающие как за музыку и усиливающую аппаратуру, так и за освещение.

Судя по тому, сколь близкие параллели бедуинской *биды* обнаруживаются в культуре оседлых племен Йемена (там игру чаще всего называют *bālah*), арабская традиция игры со стихосложением на свадьбах — очень древняя. В Йемене танцующие образуют круг, внутри которого по часовой стрелке движется импровизатор. Любой участник из числа танцующих может заменить его в центре круга и продолжить импровизацию. Пригласить для участия в игре могут и кого-нибудь из гостей. Стивен Кейтон отмечал, что тому, кто не способен сочинить пару рифмованных строк, лучше не являться на свадьбу вовсе — это обидит жениха меньше, чем отказ принять участие в игре [3, 81]. На юге Йемена и в центральной части страны игру чаще всего именуют *суфуф* (*sufuf*) — «ряды», потому что танцующие организованы двумя шеренгами, обращенными лицом к лицу [5, 94–122]. Как и *биды* на Синае и в Негеве, йеменские разновидности игры отличаются простотой языка, насущностью тем и доступностью образов. Прослеживается похожая композиция: прославление пророка Мухаммада, гостей, родственников жениха и невесты. Завершается импровизация также прославлением Пророка, что делает композицию коллективного произведения похожей на композицию *касыды* — произведения сугубо индивидуального.

Особенность *биды* — участие в игре персонажа, обозначаемого словом *хаши* (*hāšī*). Основное значение термина — верблюдица 2–3 лет. В контексте игры *биды* и танца *дхийя* речь идет о танцовщице с закрытым лицом. Ее роль — двигаться перед шеренгой мужчин, занятых в танце *дхийя*. Молодая женщина когда-то танцевала с мечом в руке. Меч, впрочем, могла заменять палка. В настоящее время в роли *хаши*, как правило, выступает одетый девушкой юноша (традицию в ее оригинальном виде не одобряют набравшие вес в 90-е годы исламисты). Упав на колени или проведя черту мечом, *хаши* может обозначить границу, за которую нельзя заступать шеренге танцующих. Протянув на конце меча кольцо, *хаши* может поощрить одного из участников танца. По-видимому, это было актуально, когда сами танцующие импровизировали по очереди стихотворные строки.

Игра *биды* важна не только как свадебное развлечение. Поэтическая импровизация предоставляет возможность высказаться на насущную тему или заявить о своих чувствах. В бедуинской культуре не приветствуется проявление эмоций в быту, но сочинение стихов традиционно считается приемлемым способом сделать это в особом социальном контексте. Участвуя в *биде*, молодые люди могут сообщить девушкам о своих симпатиях, обещая их добиваться. Вот пример подобного заявления. Даже если учитывать шуточный характер игры, вряд ли сочинитель предполагал, что его слова будут услышаны родственниками девушки:

yā bnayya gūli la-būki // min rāsī ašrud bkī // law kānū ihwānki miyya //
wa idā lhignī būki li-ṭ-ṭuḥḥī // wa-a'ṭihī aš-šabrīyya

*О, девушка, скажи своему отцу, // клянусь головой, я тебя умыкну, //
будь у тебя хоть сотня братьев, // а если твой отец вздумает
преследовать меня, стреляя, // я угощу его ножом.*

Эти строки свидетельствуют о распространенном в традиционной бедуинской культуре обычае похищать невесту против воли ее родственников. Долг

родственников девушки — оберегать ее от нежелательного жениха. Если же ему удалось похитить избранницу, им остается лишь договариваться с ним. В Негеве обычай умыкания не практикуется, и браки заключаются, как правило, не только с согласия обоих семейств, но и с согласия жениха и невесты.

Родственники невесты стремятся предотвратить неудачный брак. Кочевники по сей день, мягко говоря, не поощряют браков с оседлыми арабами — феллахами. Вот выраженная в форме *бида* жалоба отца-бедуина, чья дочь неудачно вышла замуж:

*'indī gu'ūd aḥmar šurūd // šarad min maṣr li-l-iskandariyya
yā bnayya manti ḥaḍīda // wa-biṭnuh kabū wa-iḍnuh 'aḡīḍa*

*У меня был рыжий верблюжонок, стремившийся убежать.//
Он сбежал из Каира в Александрию.// О, дочь моя, ты несчастна, //
ведь у него огромный живот и широкие уши.*

За образом порывавшегося сбежать верблюжонок кроется дочь сочинителя, к которой он обращается во второй строке. Побег из Каира в Александрию означает, что девушка, по мнению отца, сбежала слишком далеко. Она оставила бедуинов, выйдя замуж за феллаха. Именно потому, с его точки зрения, она несчастна. Египетские топонимы — намек на то, что зятем стал египтянин. Намек на феллаха содержится всего в двух штрихах его портрета: у него огромный живот и широкие уши. В бедуинской культуре достаточно отметить две эти детали, чтобы слушателям стало ясно, о ком идет речь. Самих себя бедуины считают людьми, умеренными в еде. Как им кажется, в этом они отличаются от соседей-земледельцев, у которых пищи всегда гораздо больше. Иначе говоря, бедуины уверены, что оседлые арабы — обжоры. Именно поэтому несчастный тесть приписывает зятю большой живот. Широкие оттопыренные уши оседлых арабов — стереотип, сложившийся в сознании бедуинов, по-видимому, на основе личных наблюдений и противопоставления своей внешности антропологическому типу чужаков.

Феллаху неслучайно приписаны именно отталкивающие черты. Веками бедуины относились к арабам-земледельцам с презрением. Феллах, с точки зрения бедуина, не годится в мужья его дочери, потому что не помнит своей родословной (бедуины помнят ее на много поколений и гордятся ею). Кроме того, согласно представлениям бедуинов, земледельцы отличаются от них тем, что их матери всю жизнь помыкают сыновьями. Если так, пришедшая в семью девушка будет беззащитна перед свекровью. Вот почему несчастна бедуинка, вышедшая замуж за феллаха.

Два процитированных выше примера содержат частые для *биды* темы и традиционные жанровые элементы. Первый пример — не только заявление в адрес девушки, но и самовосхваление (жанр *fahr*). Второй — не просто слова сочувствия, обращенные к дочери, но также осмеяние и поношение (жанр *hijā*).

Влияние Израиля на жизнь бедуинов — одна из важнейших социальных тем. Рассмотрим следующий пример:

*abū 'abā' wāḡif at-taḥanā // bi-šawwiḥ li-l-marrūkiyya
'ašīḡī šammāl šamālī // laṭannih ḥayṭān ḥašmālī*

*Абу-Аба стоит на остановке // и сигналист марокканке.
Мой милый отправился на север, // и его ударило током
электрических проводов.*

Абу-Аба (буквально — «обладатель абаи») — человек, одетый в абаю, то есть традиционную бедуинскую накидку, которую продолжают носить лишь пожилые люди. Иными словами Абу-Аба — пожилой человек. Он стоит на остановке и «голосует», подняв руку, в попытках остановить попутную машину. Если остановившимся водителем окажется женщина, он не откажется сесть к ней, потому что должен добраться до места назначения. И все же в этой ситуации он будет чувствовать себя неудобно. С точки зрения традиционной бедуинской культуры, ситуация, в которой женщина перемещается без сопровождения мужчины, сама управляет автомобилем и даже подбирает в дороге других мужчин — довольно нелепая. Курьез может усугубиться тем, что пожилого восточного мужчину подберет именно восточная женщина, чьи родители должны помнить семейный уклад, весьма близкий к бедуинскому. «Марокканцами» в Израиле называют евреев-репатриантов из Магриба и их потомков.

Во второй строке возникает другой типичный образ — молодой бедуин, отправляющийся на заработки в израильский город. Весь юг Израиля занимают пустыни, а потому «север» — это мир вне пустынь, или пространство за пределами бедуинского мира, в котором бывшие полукочевники сталкиваются с опасными плодами цивилизации.

Показательно, что для обозначения остановки выбрано ивритское слово *taḥanā*, а для электричества — ивритское же слово *ḥašmāl*, весьма удачно рифмующееся с арабским словом *šamāl* («север»). До середины XX века слова «электричество» и «остановка» были неведомы бедуинам Негева из-за отсутствия вещей, обозначаемых этими словами. И то и другое было привнесено в пустыню израильянами. По сей день в разговорной речи бедуины употребляют именно эти ивритские слова, несмотря на то, что арабские слова *kahrab* (электричество) и *maḥaṭṭa* (остановка) уже давно известны им из арабоязычных СМИ. Использование слов из иврита в данном случае подчеркивает чуждость объектов, среди которых оказывается бедуин, его родному миру. С другой стороны, взаимопроникновение языков свидетельствует о взаимопроникновении миров.

Игра *бида* сохранилась потому, что обряды жизненного цикла оказались весьма устойчивым элементом традиционной культуры. Все связанное с обрядами хозяйственного цикла было обречено на исчезновение с разрушением традиционного уклада, но игра *бида* будет функциональна до тех пор, пока сохраняется традиционная бедуинская свадьба. Ритуальная традиционность свадеб не подрывается ни арендованными гостевыми шатрами (металлические конструкции и брезент вместо шерстяной ткани на деревянных конструкциях), ни нанятыми группами осветителей, звукорежиссеров и музыкантов (в том числе — исполнителей стихов на мотив *бида*).

Секрет живучести *бида* — в насущности содержания стихов и в доступности их поэтического языка. В отличие от поэтического языка *касид*, он понятен бедуинам от мала до велика, несмотря на отрыв племен от традиционного уклада. Кроме того, важно постоянство целей, ради которых используется поэтическая форма. *Бида* сохраняет функциональность и как развлечение, и как элемент социальной культуры. Наконец, важна открытость самой практики для всех желающих в ней участвовать. *Бида* не требует специальных навыков (достаточно природной склонности к стихосложению) или особого статуса. Шеренгу танцующих *дхийя* всегда замыкают дети и подростки. Среди импровизаторов

бида также зачастую можно обнаружить подростков. Их участие в соблюдении традиции особенно важно для ее сохранения.

Импровизации на свадебных торжествах интересны для исследователя тем, что, опираясь на повседневную речь и образы, они точно реагируют на развитие языка и на перемены в восприятии бедуинами окружающей действительности.

(1). Город Рахат, поселки Тель-Шева, Сегев-Шалом, Арара ба-Негев, Хура, Лакийя и Ксейфа, а также несколько деревень на территории районного совета Абу-Басма к северо-западу от Беэр-Шевы.

(2). Данные ежегодного отчета центра «Адва», изучающего вопросы равноправия граждан и социальной справедливости в Израиле.

(3). В период с 1986 по 1990 год степень бакалавра в университете им. Бен-Гуриона в Негеве получил 31 студент из бедуинского сектора, в том числе 1 девушка. В период с 2001 по 2006 год степень бакалавра получили 162 студента и 112 студенток-представителей бедуинского сектора. В те же годы 86 студентов и 25 студенток получили степень магистра [1]. Во всех пяти колледжах израильского юга в 2002–2003 учебном году обучались 895 студентов-бедуинов [6, с. 104]. В 2005–2006 учебном году в одном лишь колледже «Кей» обучались 811 представителей бедуинского сектора [7, с. 160].

(4). На рубеже XX–XXI веков бедуины составляли 2,5% работников, занятых на промышленных объектах в Негеве [4, с. 26].

ИСТОЧНИКИ

1. *Abu-Saad, Ismael*. How far have we come? A history of Bedouin Arab graduation from Ben-Gurion University of the Negev / The Center for Bedouin Studies and Development, Ben-Gurion University, 2007. 5 p.

2. *Bailey, Yitzhak*. Qesem ha-nāqōt. Raanana, 1993. 130 p.

3. *Caton, Steven*. Peaks of Yemen I Summon. London, 1990. 355 p.

4. *Lithwick, Harvey*. An Urban Development Strategy for the Negev's Bedouin Community / The Center for Bedouin Studies and Development, Ben-Gurion University. Beer-Sheba, 2000. 141 p.

5. *Miller, Flagg*. Public words and body politics: reflections on the strategies of women poets in rural Yemen // *Journal of Women's History*. 2002. № 14. P. 94–122.

6. *Statistic Yearbook of the Negev Bedouin 2004* / Negev Center for Regional Development, Ben-Gurion University of the Negev. Beer-Sheba, 2004. 190 p.

7. *Statistic Yearbook of the Negev Bedouin 2010* / Negev Center for Regional Development, Ben-Gurion University of the Negev. Beer-Sheba, 2010. 205 p.

См.: рис. № № 49–51.

УДК 94(569.4) : 376
ББК 74.3(5ИЗр-6Пал)

Джамиль Абу Аджадж

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ ДЕВОЧЕК В БЕДУИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НЕГЕВА

АННОТАЦИЯ

Рассматривается организация образования для бедуинов Негева в процессе перехода от традиционного общества к постиндустриальному на примере отношения к детям со специальными потребностями. Отмечены изменения на законодательном уровне условий жизни и быта, появление образовательных учреждений в бедуинских поселках.

Ключевые слова: бедуины, Негев, традиционная культура, школы, дети со специальными потребностями, женское образование, законодательство, оседлость, бедуинские поселки, здравоохранение.

Модернизация традиционных социумов при интеграции в постиндустриальное общество весьма многообразна. Частный случай этого актуального процесса — переход кочевников к оседлости — сегодня можно наблюдать на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Центральной Азии. Бедуины пустыни Негев в Израиле — яркий пример этого частного случая.

Пример интересен, в первую очередь, уникальными для израильской ситуации чертами. В своей стране полукочевники Негева (в отличие, например, от кочевников Саудовской Аравии и других стран, где бедуинские общества подвергаются модернизации) представляют собой этно-конфессиональное меньшинство. Переход к оседлости был для них в значительной степени вынужденным. Вместе с тем израильский пример удобен для изучения: процесс протекает в узких временных и географических рамках. Благодаря тому, что государство изначально принимает в нем активное участие, он хорошо задокументирован.

Переход бедуинов Негева к оседлости начался еще в XIX веке, но о модернизации имеет смысл говорить лишь применительно к 50–60 годам XX в. Характер модернизации неоднозначен. Полукочевники были вынуждены отказаться от привычного уклада, в результате чего исчезли условия для дальнейшего существования традиционной культуры и стало забываться гуманитарное наследие. С другой стороны, положительное влияние на развитие бедуинского общества в Негеве оказало внедрение израильских систем здравоохранения и образования.

В 1967 г., когда был основан первый бедуинский поселок (Тель-Шева), Министерство просвещения Израиля распорядилось создать в бедуинском секторе Негева полноценную систему образования [6, с. 372]. Традиционное воспитание предстояло совместить с многоуровневой системой образования, обязательного для всех граждан Израиля. И все же, когда у бедуинов Негева

появилась возможность дать среднее образование детям, это не вызвало у них энтузиазма, особенно в том, что касается девочек.

Неукоснительное соблюдение традиций — гарантия стабильности в простой жизни бедуинского общества. Школы, противоречащие кочевому укладу, а значит и всему бедуинскому образу жизни, были восприняты как явление отрицательное. Бедуины, не понимавшие, что их традиционный уклад обречен, не видели необходимости в том, чтобы их дети получали городское образование. С их точки зрения, оно могло лишь испортить подростков, отвлекая их от приобретения по-настоящему необходимых навыков (езды верхом и обращения с верблюдами) и знаний (пустыни и умения в ней выживать). Не стоит думать, что бедуины не уважали знания. Они желали видеть в своем обществе образованных людей, но их число должно было быть ограниченным. В Османскую эпоху каждая состоятельная семья посылала учиться одного из сыновей (старшего либо наиболее способного). Финансировать учебу всех детей не могла себе позволить ни одна из них, к тому же в условиях жизни в пустыне в образовании действительно не было практической необходимости, тем более для девочек.

Традиционное воспитание мальчика в бедуинском обществе происходит в четыре этапа. На протяжении первого этапа (до 5 лет) он находится под влиянием матери, братьев и сестер. Все это время ребенок обитает на женской половине шатра. На втором этапе (6–8 лет) мальчика постепенно отлучают от женской половины. Его сажают в круг мужчин, в том числе — дальних родственников и гостей, чтобы он привыкал к новой роли и на подсознательном уровне усваивал обычай и этикет. На третьем этапе (9–12 лет) продолжается интенсивное отцовское воспитание. К 12 годам мальчик уже должен уверенно чувствовать себя в группе мужчин. Он должен научиться действовать от имени отца и использовать его авторитет, уметь самостоятельно пасти верблюдов, а также участвовать в кофейной церемонии, что дает право присутствовать при мужском разговоре. На четвертом этапе (с 13 лет) к мальчику относятся как к полноправному мужчине. В случае необходимости он должен уметь пользоваться оружием, чтобы защищать семью или свершить месть. Тот, кто не следует законам кровной мести, мужчиной не считается, как и тот, кто мстит женщинам и детям [4, с. 51–52].

Поэтапное воспитание девочек, подобное описанному выше воспитанию мальчиков, в бедуинском обществе не прослеживается. Традиционно в кочевом обществе девочки воспринимались, прежде всего, как рабочая сила. Последнее во многом объясняется социальным положением женщины. По традиции, мужчины участвуют в решении общественных вопросов, отвечают за землю и пастбища, а женщины ведают всеми делами в домашнем хозяйстве, включая воду в шатре и мелкий скот. Бедуины верят, что такое распределение обязанностей соответствует наклонностям мужчин и женщин: считается, что мужчина по своей природе щедр и беззаботен, а женщина — бережлива и трудолюбива. Задача хозяйки шатра — поддерживать огонь и хранить имущество семьи. Девочек готовят к этой роли с ранних лет. Учитывая многодетность бедуинских семей и трудности кочевого быта, легко понять, почему до перехода к оседлости семьи всегда испытывали потребность в рабочих руках, и девочки по мере сил уже с 5 лет становились помощницами в доме. По достижении зрелости девушку выдавали замуж, и уже в доме мужа она должна была вести хозяйство. Такое видение женской

судьбы объясняет, почему родители не видели никакой необходимости в том, чтобы давать образование девочкам.

В 1960—1980-е гг. в Негеве было всего несколько школ для бедуинов. Большинство племен не могли похвастаться наличием образовательного учреждения на своей территории. Это крайне важный факт для понимания того, почему система образования далеко не сразу повлияла на судьбу женщины в обществе. Бедуины отрицательно относятся к выходу девочек за пределы дома, не говоря уже о выходе за пределы территории племени. Кроме того, в традиционном обществе отрицательно относятся и к смешанному обучению девочек и мальчиков, особенно когда это касается девочек-подростков. Эти два обстоятельства долгое время (до начала 1990-х годов) были для большинства семей причиной не отдавать девочек в школу [4, с. 4]. В 1960-е гг. бедуинские девочки в Негеве вообще не учились в школах [7, с. 76]. В 1978 г. в восьмом классе школы «Аль-Азазме» училась всего одна девочка, а в школе «Ал-Асасем» — всего три [3, с. 84].

По словам инспектора в сфере арабского образования Ахмеда Ал-Файоми, в 1965/1966 учебном году в начальных школах всего Негева учились лишь 7 бедуинских девочек [2, с. 67]. Школу «Ал-Асасем», к примеру, посещали всего 2 девочки и около 70 мальчиков. Такое положение было неприемлемым, и инспектор решил убедить родителей отправлять девочек в школы. Он часто появлялся в бедуинских поселениях, подходил к мальчикам и девочкам, пасшим овец недалеко от зданий школ вместо того, чтобы учиться, заходил в палатки и объяснял родителям необходимость того, чтобы дать детям образование. Ему удалось уговорить немало родителей отправить своих детей в школы. В ходе личных бесед он рассказывал, что в городе Яффо и в арабских деревнях на севере Израиля процент девочек в школах очень высок, что в Тель-Авиве женщины водят автобусы, что не так далеко от них женщины работают врачами, учителями и даже судьями, но все это благодаря тому, что они учились в школах. Инспектор объяснял и то, что обучение девочек не противоречит нормам ислама, поскольку Коран предписывает родителям обучать всех детей вне зависимости от пола.

Ал-Файоми удалось в течение одного полугодия увеличить число девочек в школе «Ал-Асасем» с 2 до 50, а число мальчиков — с 70 до 200, и с каждым учебным годом число классов росло. Пример Ал-Файоми показателен. Увеличением числа детей в школах бедуины во многом обязаны миссионерам, подобным ему. Что до конфликта между прогрессом и традициями, возникшим в 1960—1970-е гг. в бедуинском обществе, он не разрешен полностью и сегодня.

Переселение бедуинов в каменные дома с водопроводом и бытовой техникой способствовало приходу девочек в школы. В домашних хозяйствах попросту отпала необходимость в былом объеме женской рабочей силы. Уже в конце 1970 — начале 1980-х гг. в начальных классах всех бедуинских школ было довольно много девочек. Но тогда же возникла другая проблема. Многие родители забирали девочек после 3-го, а то и после 2-го класса. Лишь малая часть заканчивала 6-й класс [1, с. 67]. Снова потребовались немалые усилия, чтобы убедить родителей позволить девочкам закончить хотя бы 8-й класс. Миссионерской работой добровольно занимались учителя из числа бедуинов и палестинских арабов. Обходя палатки и каменные дома, они объясняли

родителям преимущества образования для девочек и упрасивали их вернуть дочерей в школы. Это была трудная миссия, но убедить часть родителей удалось. В 1979/1980 учебном году восьмой класс в каждой школе закончили примерно 5–6 девочек. В 1980/1981 учебном году число девочек, закончивших восьмой класс, выросло до 10–12 в каждой школе [5, с. 90].

По словам Атвы ал-Гарма, бывшего директора школы в бедуинском поселке Арара, к концу 1980-х гг. обучение девочек уже не было проблемой. В школах была полная посещаемость. К этому времени большинство родителей осознали необходимость того, чтобы дать дочерям образование.

Важным фактором, способствовавшим росту числа девочек в школах, стало появление образовательных учреждений во всех бедуинских поселках, на территории каждого племени. Девочек уже не нужно было вывозить к иноплеменникам, что в значительной степени успокоило протестовавших родителей. Кроме того, бедуины теперь уже не должны были отпускать дочерей с водителем-мужчиной в далекую поездку на школьном автобусе. Школа была близко, и родители не беспокоились.

Многие девочки, поступившие в первый класс в 1980-е гг., закончив среднюю школу, продолжали учиться в университетах и колледжах. К концу 1990-х гг. многие из них завершили академическое образование и стали школьными учительницами или заняли другие должности. Сегодня бедуинский сектор израильского общества полностью обеспечен учительницами из местной среды [8, с. 34]. В последние годы немало бедуинских девушек поехали учиться за границу, в основном в Европу и Иорданию [7, с. 10].

С начала 2000-х гг. число бедуинских девушек в педагогических колледжах на юге Израиля и на педагогическом отделении Беэр-Шевского университета превысило число юношей. Согласно отчетам, подаваемым средними школами, число учениц превышает число учащихся юношей, и их успехи в учебе выше. Процент получивших аттестат зрелости среди девушек выше, чем среди юношей. В результате того, что девочки получили доступ к начальному и среднему образованию, в бедуинском обществе Израиля произошел настоящий переворот. В сфере образования, а вслед за этим и в общественной деятельности женщины сделались полноправными партнерами мужчин. Они стали занимать места в местных органах власти. В некоторых школах работают директора-женщины, которым с большим трудом, в результате нелегкой борьбы удалось получить руководящую должность, до сих пор считающуюся у бедуинов мужской. Место директора школы, в понимании бедуинов, — очень почетное, статусное и наделяющее общественной властью.

В период с 1986 по 1990 год лишь 31 студент из бедуинской среды (включая 1 девушку) получил первую академическую степень в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве. В период с 2001 по 2006 год степень бакалавра получили 162 молодых человека и 112 девушек; степень магистра — 86 студентов и 25 студенток [10]. В период с 1999 по 2011 год чисто студенток-бедуинок в университете увеличилось со 104 почти до 300 [11, с. 163].

Отдельного внимания заслуживает изменившееся отношение к образованию для девочек со специальными потребностями.

В бедуинском обществе люди со специальными потребностями традиционно были позором для семьи. В обществе с вековыми традициями, где жизнь подчинена жестким правилам и распорядку, отрицательно вос-

принималось любое отклонение от нормы. Детей с физическими ограничениями и дефектами психики обычно скрывали в доме, и они становились объектами презрения и унижений. Уровень смертности среди них был гораздо выше, чем среди обычных детей. Не было речи не только о том, чтобы ввести специальное образование и воспитание, — отсутствовал даже элементарный медицинский уход, в котором эти дети нуждались [9, с. 22]. Когда дело касалось девочек, описанное отношение проявлялось еще сильнее. Помимо издевательств и унижений, были случаи, когда девочек-инвалидов просто морили голодом, что приводило к смертельному исходу. Для родителей это было предпочтительнее, поскольку от девочки с отклонениями нельзя было ожидать помощи в домашнем хозяйстве, а в будущем ее невозможно было выдать замуж.

Отношение к детям со специальными потребностями начало постепенно меняться по мере перехода бедуинского общества к оседлому образу жизни, когда бедуинское население стало неотъемлемой частью израильского общества и приобщилось к современным системам здравоохранения и образования.

И здесь поначалу дело касалось лишь мальчиков. Автор статьи, будучи одним из первых в бедуинском секторе педагогов в сфере специального образования, знает по собственному опыту, каких трудов стоило уговорить родителей отправить девочку со специальными потребностями в особую школу. Для родителей это означало выставить ее напоказ. Если в бедуинском поселке, где все знакомы друг с другом, видели отличную от остальных девочку — все понимали, чья именно это дочь.

В 1988 году в Израиле был принят Закон о специальном образовании, регулирующий обучение детей со специальными потребностями и уход за ними. Закон обязывает родителей отдавать особых детей в специальные учебные заведения. Это облегчило задачу работников системы специального образования, которым прежде было крайне тяжело убедить родителей отдавать девочек с отклонениями и инвалидностью в спецшколы.

По сведениям автора, занимающегося подготовкой учителей для системы специальной педагогики, на сегодняшний день в бедуинском секторе Негева практически все девочки со специальными потребностями посещают учебные заведения, выбранные в соответствии с состоянием их здоровья и развития.

ИСТОЧНИКИ

На араб. яз.:

1. أبو عجاج موسى محمد، مدير مدرسة متقاعد، اكسيفة، اسرائيل، مقابلة شخصية مسجلة، 2008.
2. الفيومي احمد، معلم متقاعد، مدرسة الاعمم، عشيرة الاعمم، اسرائيل، مقابلة شخصية مسجلة، 2008.
3. لقرم عطوة، مدير مدرسة متقاعد، عرعره النقب، اسرائيل، مقابلة شخصية مسجلة، 2008.

На яз. иврит:

4. Abu-Ajaj S., Ben-David Y. Ha-Khinukh ha-masorti etzel ha-bedwim ba-Negev / Universitat Ben-Gurion ba-Negev. Beer-Sheva, 1988.
5. Abu-Sharaf M. Tmurot be-yakhas ha-qehila ha-bedwit la-khinukh ha-moderni. Midreshet Sde-Boqer, 2002.
6. Ben-David Y. Ha-bedwim be-Israel, heybetim khevratim ve-qarqaiim. Yerushalaim, 2004.

7. *Lanzman M.* Ha-Psiholog ha-rishon ba-migzar ha-bedwi ba-Negev, Martze be-mikhlelet «Key». Beer-Sheva, 2009. C. 76.

8. *Mar'i S., Reiter Sh., Rosenberg Y.* Gishot horim aravim la-yeladim baaley nakhut hitpatkhutit. Hashvaa Beyn-Datit: Muslemim, Notzrim, Druzim. Khinukh meyukhad ve-shiqum. 1986.

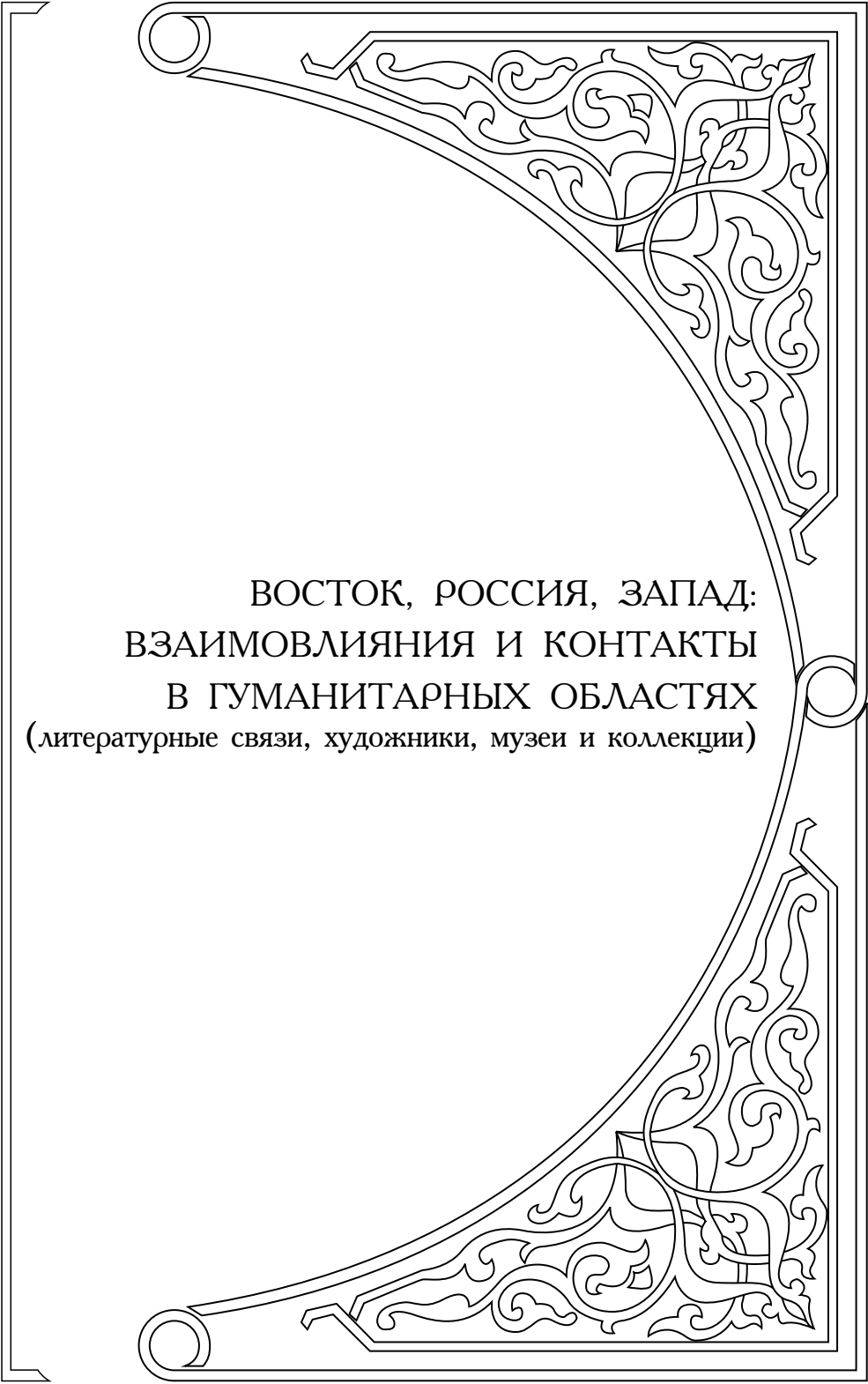
9. *Melitz A.* Tmura ba-khinukh ha-bedwi ba-Negev / Misrad ha-khinukh ve-ha-tarbut, Mkhoz ha-darom. Beer-Sheva, 1995.

Ha angl. yez.:

10. *Abu-Saad I.* How far have we come? A history of Bedouin Arab graduation from Ben-Gurion University of the Negev / The Center for Bedouin Studies and Development, Ben-Gurion University. Beer-Sheva, 2007.

11. Statistic Yearbook of the Negev Bedouin 2010. Negev Center for Regional Development, Ben-Gurion University of the Negev, Beer-Sheba, 2010.

ВОСТОК, РОССИЯ, ЗАПАД:
ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И КОНТАКТЫ
В ГУМАНИТАРНЫХ ОБЛАСТЯХ
(литературные связи, художники, музеи и коллекции)

УДК 75.03+910(569.4-90)
ББК 85.143(2)
26.89г(53,Палестина)

А.Н. Хохлов

**ПАЛЕСТИНА 80-х гг. XIX — НАЧАЛА XX вв.
ГЛАЗАМИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ
В.В. ВЕРЕЩАГИНА И И.Е. РЕПИНА**

(по архивным и опубликованным материалам рубежа XIX—XX вв.)

АННОТАЦИЯ

В последней четверти XIX в. Палестину посещали русские паломники из разных слоев общества, включая творческую интеллигенцию. Побывали там и художники В.В. Верещагин и И.Е. Репин. Впечатления о Святой Земле нашли отражение в их художественном творчестве, в записках и публикациях рубежа XIX—XX вв.

Ключевые слова: В.В. Верещагин, И.Е. Репин, Палестина, Стена плача, Русское место, русские паломники, арабы, евреи, турки.

В начале 80-х гг. XIX в. в истории путешествий россиян в Святую Землю наступил новый этап, характеризовавшийся массовым участием в них паломников — представителей различных слоев русского общества, в том числе и крестьян. Отчасти активизации поездок содействовал визит в Палестину братьев Александра III — Сергея и Павла в мае 1881 г., а также создание через год в России Православного Палестинского общества, которое с 1889 г. стало официально именоваться Императорским.

Посещение Святой Земли представителями творческой интеллигенции, особенно художниками (В.В. Верещагиным, И.Е. Репиным и др.) (1), а также восстановительные работы по приведению в порядок исторических памятников Палестины сделали этот уголок земли, овеянный легендами о благородных деяниях Христа, особенно дорогим для многих миллионов христиан и в первую очередь для православных. Совершив поездку в Святую Землю, паломники-россияне по возвращении домой своими рассказами об увиденном и услышанном способствовали не только росту интереса в России к далекой Палестине, обетованной земле всех христиан, но и активному поддержанию животворной традиции, уходящей своими корнями в далекое прошлое.

Для понимания сущности этой традиции особенно ценны и интересны материалы личного архива Василия Васильевича Верещагина (1842—1904), непревзойденного мастера батальной живописи, оставившего немало живописных полотен и литературных трудов, посвященных своим творческим поездкам по России [4; 5; 6] и зарубежным странам. Талантливому художнику довелось немало путешествовать по Кавказу и Средней Азии, совершить рискованные поездки в различные области цинского Китая [17; 18], побывал он в Индии, Японии и других странах азиатского континента. После посещения Индии, где Верещагин пробыл два года, он в связи с началом русско-турецкой войны в 1877 г. отпра-

вился на Дунай, где во время плавания на миноносце под командой лейтенанта Скрыдлова получил ранение. Будучи свидетелем жестоких боев за Плевну, Верещагин во время кавалерийского рейда русских войск на Адрианополь выполнял обязанности начальника штаба. Объездив в период военной кампании почти всю Болгарию, художник привез в Париж, где он обосновался еще в 1876 г., огромное количество эскизов. Работая над созданием картин военного цикла, Верещагин в 1879 и 1880 гг. выставлял свои полотна об Индии и Болгарии в главнейших городах Европы, а в 1883 г. — в Москве и Петербурге.

В конце 1883 г. Верещагин вместе с женой Елизаветой Кондратьевной (до замужества Элизабет Мария Фишер) совершил путешествие в Палестину, о чем свидетельствуют документы его личного архива, находящегося в Третьяковской галерее. Среди черновых материалов В.В. Верещагина до нас дошла недатированная рукопись (объемом более 20 листов) о посещении им Иерусалима с текстом, написанным женским почерком простым карандашом [3, ед. хр. 1617, л. 1—22]. При ее детальном изучении выяснилось, что автором текста была жена художника, сопровождавшая его в поездке в Святую землю.

Для некоторого представления о том, что увидел в Иерусалиме В. В. Верещагин, приведем несколько наиболее интересных пассажей из упомянутой выше рукописи. «Это был Иерусалим, или вернее начало его предместья. Самый же город [был] не виден до тех пор, пока [мы] буквально не уперлись в него. Въезд в Иерусалим, по правде сказать, не очень внушительный. Направо и налево — плохие, однообразные здания, выстроенные разными благодетелями-евреями для своих бедных единоверцев, стекающихся сюда, как известно, во множестве из разных стран для того, чтобы сложить свои кости в Иосафатовой долине. По сторонам [главной] улицы видны то там, то сям флаги разных консульств: австрийский, французский и др. Налево открылись большие обнесенные высоким забором постройки русского консульства с приютами для богомольцев. Немного подальше находилась и гостиница, в которой мы рассчитывали остановиться.

Балкон нашей комнаты [в гостинице «Файль»] выходил прямо на шоссе, ведущее к Яффским воротам города. Наша сторона у дороги [улицы] почти вся застроена, а противоположная — нет, так что перед нами расстилалась большая ...долина с кладбищем, замыкаемая гребнем горы с мелкими домишками и несколькими монументальными зданиями разных благотворительных учреждений.

Справа от пути, по которому мы проехали, сплошная линия домов с лавками, налево и далее — часть городской стены с крепостью. Вдоль стены дорога идет к Вифлеему и оттуда на Хеврон. Воздух [в городе] — прекрасный, погода — пасмурная и холодная.

В тот же день со взятым в гостинице провозатым мы пошли в город через Яффские ворота. Впечатление от [древних] стен не очень восхитительное, особенно для нас, видевших в Индии, например, [такие] грандиозные развалины, как Тоглук-Абад и другие объекты. Провозатый уверял, что в этом месте, т.е. между воротами [ведущими] в теперешнюю цитадель, низ стены надобно отнести еще ко времени будитов [?], среднюю же часть — ко времени Давида и верхнюю — к мусульманскому периоду. Камни [действительно] очень хороши и, как мне кажется, по их обработке и кладке, тут уцелело особенно много римской работы Иродова времени. Разумеется, вся эта древность [ныне] не выдержит хорошего залпа осадной батареи. Теперешние стены построены султаном Сулейманом в 1542 г. и выстроены главным образом [за счет] средне-

вековых стен. Самый интересный и наиболее сохранившийся древний камень принадлежит не наружной городской стене, а Храму, т.е. стене, которую был обнесен храм Иудейский [«Стена плача»]. В.В. [Верещагин] очень заинтересовался, увидев это прославленное место, на котором евреи в течение веков оплакивали свою горькую судьбу.

Через крайне грязные закоулки мы добрались сюда и, несмотря на некоторую подготовку, были все-таки поражены тем, какую седую стариною веет от этих исполинских камней, выветрившихся, поросших [травой] и отчасти обломанных богомольцами и туристами. Нет сомнения, что это — постройки [времен] Давида и Соломона, по крайней мере, первые 5–6 рядов. Затем несколько рядов времен Ирода, а остальная часть — уже кладка из мелких... плит. ...По причине плохой погоды евреев было мало... стояло только несколько человек, прислонившихся к стене — с лицами, уткнутыми в отверстия между камнями, и тихо нараспев ... бормотающих молитвы.

Отсюда мы направились к храму Гроба Господнего. Туда пришлось спускаться по лестнице на небольшой двор, по одной стороне которого стоит так знакомый по множеству рисунков вход в храм. Этот спуск убедительно указывает на то, как низко в сравнении с теперешним городом стоял прежний Иерусалим. Это, кстати, можно наблюдать во многих других местах города. Вход в храм — чисто романского стиля, явно напоминающего эпоху крестоносцев. Только какой-то маленький несчастный купол, выкрашенный ярко синею краскою, нарушает гармонию линий. Очевидно, какое-то усердие не по разуму втерло его сюда.

При входе налево на софе сидят около мангала с горячими углями и с кальяном в руках несколько турок, лениво [и] презрительно оглядывающих богомольцев, в огромном количестве входящих и выходящих из храма. Здесь все торопятся, часто толкаются и перебраниваются точно на базаре. Тут [же] сейчас первые святыни: камень, на котором обмывалось тело Христа. Он лежит внизу под полом и над ним кусок красного мрамора со множеством лампад сверху. Немного далее — круглый камень, окруженный решеткою, указывающий место, где стояла богоматерь во время омовения тела Спасителя... Отсюда через церковь мучений и скорби, т.е. место, где Христа истязали, надели [на его голову] терновый венец и проч., мы по лестнице в 18 ступеней поднялись на площадку самого распятия, где под алтарем находятся самые отверстия трех крестов. Подлинность этих отверстий может быть подвержена сомнению, так как на Голгофе распинали [людей] не один раз, а постоянно. Значит, после Христа тут было распято множество преступников. ...Упомянутые отверстия богато отделаны серебром и золотом; везде [сияют] лампы и драгоценные камни. Деревянные фигуры богоматери и ангелов в натуральную величину, стоящие тут, усыпаны драгоценностями. Все это так мало вяжется с памятью скромной, но богатой земными благами личности Спасителя...

Мы думаем, что первые христиане все-таки удержали в памяти то, что им было передано преданием, так что, когда в IV веке началась история собственно святых мест, она началась уже с твердого основания, с фактов, а не с догадок. Пусть римляне засыпали гробницу Христа землею и поставили над нею Юпитера, — она только лучше сохранилась. Пусть построили над нею храм Венеры и на Голгофе воздвигли мраморное изображение богини, христиане только свободнее могли поклоняться дорогим [их сердцу] местам... Известно, что первые постройки и наиболее грандиозные из них были воздвигнуты императором Константином, т.е. [его] матерью Еленою, и с этого времени начинается не-

прерывная хроника событий, совершавшихся над святыми местами... Говорят ... что базилика Константина была [так] великолепна, что некоторые из последовавших за разрушениями перестроек были [всего лишь] недурны, но надобно сказать, дошедшее до нас — крайне безвкусно, некрасиво и невзрачно. Если прибавить к этому, что вся эта масса храмов теперь служит местом для рекламы и соперничества [представителей] разных христианских толков, причем сплошь и рядом местом споров и брани, то будет понятно неутешительное впечатление, выносимое [порой] богомольцами и туристами.

Близ самой Голгофы находится принадлежащее русским место, где, как я говорила, [глава Русской духовной миссии] архимандрит Антоний [Капустин. — А.Х.] открыл [остатки] ... прежней городской стены со следами ворот, вероятно, тех самых, через которые Христос был выведен на казнь. Вообще это место одно из самых интересных, но ... результаты раскопок не вполне приведены в порядок. Камни всех уцелевших стен — громадные и превосходной обработки ... Отсюда через помещение абиссинцев мы еще раз прошли в храм. Над гробницею осмотрели его купол, перестроенный в 1869 г. на средства России, Франции и Турции. Купол — железный, по всей верхней галерее увенчан богатыми лампадами, пожертвованными русской императрицею. Надобно знать, что из-за права вешать лампаду происходят целые побоища. Стоит только одному христианину повесить лампу там, где ее прежде не было, тотчас все другие поднимают бунт. Мало того, если монах той или иной секты (православный, католик, армянин или [лицо] другой нации) (2) вздумает подмести пыль в неположенный час, возникают споры, брань, [даже] бывают увечья. Хорош же пример кротости и смирения для арабов, впрочем, уже ко всему [подобному] присмотревшихся. Невдалеке отсюда — приют Св. Иоанна, основанный еще до крестовых походов. Крестonosцы расширили его и учредили впоследствии знаменитое братство Св. Иоанна, из которого вышли рыцари Родоса и Мальты...» [9, ед. хр. 1617, л. 1–22].

Для более полного представления обстановки, в которой занимался творческой работой В. Верещагин в Святой Земле, можно обратиться к тексту его собственной публикации в февральском номере журнала «Художник» 1891 г.: «Эскиз мой (г. Хеврона с могилой Авраама, находящейся ныне внутри мечети), — писал Верещагин, — набросан с крыши соседнего дома. Работа эта была сопряжена с большими затруднениями, т.к. жители в своем фанатизме считают всякие снимки профанациею святого места и тщательно оберегают заповедные святыни от нашествия художников. В них даже пробовали бросать камни. Лишь изредка и то немногим путешественникам из христиан (например, принцу Валлийскому в 1862 г.) позволяется входить во внутренности мечети; в самую же пещеру еще не входил ни один христианин» [6, с. 101].

Интересны наблюдения В.В. Верещагина о местном населении Палестины, об арабах и живущих здесь россиянах. Об арабах художник писал более подробно: «Арабы ... отличаются внешней красотой и гостеприимством... Тип арабской женщины поистине можно назвать красивейшим; сплошь и рядом на улице и в общественных местах можно встретить женщин поразительной красоты, но, как и все восточные женщины, они очень скоро стареют. Беднейшие из них [арабов] проводят жизнь в тяжелой работе, тогда как богатые считают всякий труд за унижение и проводят свои дни в совершенной праздности» [6, с. 106].

Из россиян, живущих в Святой Земле, особое внимание художника привлек русский крестьянин из Каменец-Подольска, ставший здесь отшельником. «Мой эскиз, — отмечал Верещагин, — доставил ему большое удовольствие...

он осведомился у меня, увидит ли царь его портрет и не получит ли он по этому поводу [знак] монаршего благоволения» [6, с. 105].

Из материалов В.В. Верещагина о Палестине, воссоздающих жизнь и быт россиян-паломников, особого внимания заслуживает его рукопись под названием «По поводу отчета Палестинского Общества» (в архиве она представлена в двух вариантах), где поднимается ряд злободневных вопросов, связанных с организацией посещения святых мест россиянами. Суждения художника по этому поводу можно представить по его небольшой вставке, внесенной в текст второго варианта статьи: «Я рисовал, помню, на Сорокодневной горе, когда монах-настоятель, бросившийся рассматривать в бинокль пыль на дороге, объявил, что “гонят русских” и стал готовить водку, закуску, ставить самовар. Действительно, через час времени поднялись [к нам] сначала кавас (3) нашего консульства в Иерусалиме, усатый ... араб, а за ним и наши запыленные, запотелые, измученные богомольцы. “Где здесь записываются?” — спрашивают они впопыхах и направляются по указанию в пещеру, из которой сейчас же отправляются назад, так как им дан всего час времени — и на всход на гору и на поклонение. Но любопытнее всего то, что ... он [кавас] объявил монаху-настоятелю, что если тот не согласится дать ему половину денег [вырученных] у богомольцев, то ни один из них не переступит порога пещеры. Конечно, почтенный отец Алексей должен был покориться и из 15 рублей, полученных за записи “на вечное поминовение”, должен был уделить кавасу 7 руб., да еще дать цветной платок в придачу (впрочем, эти “записи” потом валяются по всем углам пещеры). Я написал об этом случае открытого и нахального грабежа консулу, [после чего] было сделано расследование. Все оказалось справедливым, так как о. Алексей не счел возможным скрыть правды. Каваса хотели прогнать, но потом простили ввиду его раскаяния. Надобно сказать, что кавас консульства получает еще и с богомольцев. Когда идет партия богомольцев большая, то с ними отправляется уже один из драгоманов (4), потому что получка с монастырей тогда пахнет сотнями рублей» [3, ед. хр. 1618, л. 12].

О картинах Верещагина палестинского периода следует говорить специально, а потому ограничимся здесь лишь аннотацией самого художника к одной из них. Она называется: «Еврей. Раввин из западных провинций России». За названием следует авторское пояснение: «Евреи, преимущественно преклонных лет, во множестве стекаются в Св. город, чтобы провести в нем остаток дней и быть погребенными в Иосафатовой долине, откуда мертвые, по их поверью, будут первыми призваны к воскресенью. Вообще еврейское народонаселение сильно увеличилось в Иерусалиме, особенно по причине множества благотворительных учреждений, содержимых Монтефиоре, Ротшильдом и другими богачами. В последнее время турецкое правительство, испугавшись этого нашествия, издало строгий приказ, чтобы отныне евреям не дозволялось оставаться на богомолье в Святой земле более 30 дней; селиться же окончательно вовсе запретило. Турки, видимо, боятся, что “обетованная земля” снова перейдет в руки иудеев, что, впрочем, наверное, случится в более или менее близком будущем» [9, ед. хр. 1910, л. 5]. Как видим, прогноз художника вполне оправдался всего через половину с небольшим столетия.

Палестинская серия картин, особенно «Стена Соломона», пользовалась неизменным успехом на международных выставках. Известный композитор Франц Лист, посетив выставку, пришел в восторг: «Верещагин — больше чем талант; это — гений; он всегда поражает нас неожиданностью... В числе напи-

санных им видов Палестины самая замечательная картина изображает стену Соломонова храма, у которой евреи оплакивают падение Иерусалима. Здесь каждый камень списан с натуры, а группа евреев так реальна, что им должен позавидовать сам Мункачи, лучший специалист по изображению еврейских типов» [10, с. 302]. Что касается евангельской серии картин, то большинство критиков сходились на том, что там, где Верещагин изображал природу Палестины с ее еврейскими типами, все убедительно. Но там, где художник пытался подняться до больших философских обобщений, он порой терпел фиаско.

Несомненный интерес для уяснения тогдашнего образа Палестины с точки зрения истории, этнографии, ее экономического уклада и политической жизни (с учетом роли религиозного фактора) дают не только рисунки и наброски картин, включенные в составленный В.В. Верещагиным после 1884 г. каталог с авторскими комментариями в виде аннотаций. По возвращении из Палестины и Сирии в Париж, где художник продолжал работать над привезенными оттуда этюдами, он в течение 1885–1888 гг. сумел выставить свои палестинские картины, насыщенные сюжетами из Нового завета, в Вене, Берлине, Лейпциге и Нью-Йорке. Обладая замечательным талантом блестящего колориста, Верещагин выступал решительным приверженцем реализма в искусстве и чаще всего брал сюжеты из действительности, а если же трактовал их тенденциозно, как указывал один из авторов некролога о В.В. Верещагине, то лишь для заявления протеста против ужасов войны. «Его выставки [картин с сюжетами] из Нового завета в России, Европе и Америке всегда возбуждали много толков, а статьи о нем на разных европейских языках, в том числе, на русском без преувеличения можно сказать, составляют целую [специальную] литературу» [13, с. 1].

Для характеристики высказываний российской печати по поводу оценки творчества этого художника достаточно обратиться хотя бы к двум публикациям. Одна представляет собой отклик читателя по поводу статьи о В.В. Верещагине «Где же правда?» в ежемесячном иллюстрированном журнале «Наборщик и печатный мир» [8], следовавшем своему девизу: «Жизнь без труда — воровство, труд без искусства — варварство». Кроме того, столичная газета «Новое время» в конце декабря 1915 г. ссылается на статью известного художника Н. Кравченко «Наивная критика творчества В.В. Верещагина» в последней книжке «Исторического вестника» [11, с. 13; 12, с. 6].

О художественной ценности живописных полотен В.В. Верещагина не раз писалось в современной ему российской прессе, а также после его трагической гибели в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Немало говорилось в газетах о точном и достоверном изображении художником того, что он видел в действительности. Не случайным по этому поводу представляется высказывание художника М.Ф. Домрачева (в связи с предстоящим отъездом харбинского театра на гастроли в Юго-Восточную Азию (на Филиппины) в январе 1930 г.): «Я полюбил и заинтересовался Китаем за те шесть лет, что живу здесь. И только теперь я взялся бы сам писать Китай. *В России китайские сюжеты, судя по музеям и галереям, достоверны только у одного Верещагина.* Хотя у него и не было [достаточно] полного знания быта и характера той или иной нации, он точно отражал то, что видели его глаза... Я начал [рисовать в Маньчжурии] с Ажигэ, где есть интересный храм» (здесь и далее курсив мой. — А.Х.) [19, с. 5].

Среди художников, посетивших Святую Землю в 90-х гг. XIX в., нельзя не упомянуть знаменитого Илью Ефимовича Репина, о поездке которого туда отчасти позволяет судить сообщение, появившееся в «Вологодских губернских

ведомостях» 24 октября 1899 г. [7, с. 5]: «Художник Репин написал новую большую картину “Искушение Христа”... Пейзаж, говорят, написан удивительно. Для его написания художник специально ездил, как известно, в Палестину. Многим из видевших его картину нравятся и лицо, и фигура Христа, но сам художник, по словам “Нового времени”, остался недоволен своей работой».

При всем критическом настрое И.Е. Репина к своим творениям это не мешало ему глубоко верить в огромную созидательную силу искусства, освященного идеями мирного труда и просвещения. Вот что он говорил почитателям его таланта по случаю своего 70-летия: «Как я дорожу созиданием, мне даже в годину чудовищной [первой мировой] войны до слез жалко всего разрушенного... *В созиданиях искусства лежит самое прочное основание мира и процветания.* Ничто [так] не согревает жизнь, как изящный труд... Искусство — великий рыцарь и могучий противник всяких разрушений: оно дает смысл, жизнь и [особое] значение [духовным] богатствам народов... Я готов спокойно расстаться с милой жизнью при мысли, что и после меня разумное человечество всегда, как во веки веков, останется верным культурным завоеванием земных благ, и что оно не оставит стремлений к миру, правде и красоте» [2, оп. 1, хр. 454, л. 1–2].

Любопытные сведения о духовной жизни Иерусалима, дополняющие приведенные выше из архива В.В. Верещагина, находим и в книге С.В. Муяки, побывавшего в этом городе на обратном пути из поездки в страны Дальнего Востока в феврале 1897 г. Вот что он писал:

«Около 10-ти час. [мы] были в русской церкви, сооруженной в русском подворье. Большой прекрасный храм, напоминающий собою церковь Благовещения в Петербурге. После службы мы посетили старца Вениамина... Этот старец — живой памятник старины: он был одним из помощников великого Антонина (Капустина). 50 лет безвыездно проведя в Палестине, [он] начал работать... на пользу русского дела задолго до образования Палестинского Общества». «Этот русский уголок, — пишет далее автор, — представляет приятный и отрадный оазис... Единовременное скопление богомольцев достигает иногда нескольких тысяч человек... Невольное благоговение охватывает душу при сознании, что находишься в той стране, которую подробно изучаешь в самый ранний период своего детства, [и] к которой приучают относиться с величайшим почтением как Земле, где родился, жил и страдал Спаситель... К этому чувству благоговения христианина, которое носишь с самого детства, примешивается при осмотре святынь горечь сознания [того], что... у этих памятников, которые как немые свидетели призывают человечество к миру и взаимной любви, вечно идет борьба религий, и даже на великий соблазн окружающим сплошь и рядом эти святыни обгаиваются кровью при вооруженном столкновении служителей божьих» [15, с. 178 и 181].

Перейдя к проблеме современного состояния древнего города, овеянного библейскими легендами, автор далее высказывает важное суждение: «Всматриваясь в повседневную жизнь Иерусалима, чувствуешь, что главный импульс этого оживления исходит из России, что наибольший приток денег [идет] из той же России, львиная доля которых остается в греческих монастырях, где подчас довольно бесцеремонно во имя спасения души облегчают карманы набожных и простоватых россиян» [15, с. 191].

Признавая тот факт, что русские православные паломники, подвергавшиеся порой мелкому грабежу, были самыми многочисленными из всех, посещавших Иерусалим и Палестину, газета «С.-Петербургские ведомости» в июле 1897 г.

в дополнение к вышесказанному указывала на существование языкового барьера для россиян, установленного греческим духовенством в сфере выполнения богослужебных треб:

«Русская православная церковь не имеет у Гроба Господня своего алтаря. Поэтому и своей службы, т.е. службы на понятном для русских паломников славянском наречии, она иметь не может. Греческая патриархия не разрешает русскому духовенству совершать службу у греческого алтаря. Она допускает только иногда сослужение приезжего русского иерарха с греческим» [16].

(1). Многие известные россияне — художники, бывавшие в Палестине в указанный выше период, не оставили, подобно В.В. Верещагину, своих воспоминаний, хотя не исключено, что их черновые заметки и пробные эскизы могли дойти до наших дней, осев в коллекциях частных лиц, в том числе проживавших за пределами России.

(2). Так у автора. Следовало бы, конечно, написать «конфессии», а не «секты» или «нации».

(3). Кавас — младшая должность лица, находящегося на службе при европейских миссиях в странах Востока. Подчас он выполнял функции переводчика-проводника, иногда он служил переводчиком и телохранителем важного лица, чаще всего из местных жителей.

(4). Драгоман — штатный переводчик дипломатического представительства, младшая дипломатическая должность в странах Востока.

ИСТОЧНИКИ

1. АВПРИ.Ф. РИППО.
2. Архив Академии художеств (СПб.). Ф. 25.
3. *Верещагин В.В.* От Оренбурга до Ташкента, 1867–1868 // Всемирный путешественник. 1874. № 5. С. 1–118.
4. [*Верещагин В.В.*] Очерки, наброски, воспоминания В.В. Верещагина: с рисунками. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1883. 155 с.: ил.
5. *Верещагин В.В.* На Северной Двине. По деревянным церквям с фототипиями. 3-е приложение к каталогу картин В.В. Верещагина. Изд. 2-е. М.: Тип. Тов-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1896. 121 с.
6. *Верещагин В.В.* Палестинские очерки: (с его же рисунками) // Художник. 1891. Февр. (№ 2). С. 101–106.
7. Вологодские губернские ведомости. 1899. 24 октября. (№ 227).
8. Где же правда? // Наборщик и печатный мир / Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1915. № 187.
9. Государственная Третьяковская галерея, Отдел рукописей (далее: ГТГ). Ф. 17. ГТГ.
10. *Дудаков С.* Еврейская тема в творчестве В. В. Верещагина: к 150-летию со дня рождения // Ковчег — The ask. Альманах еврейской культуры. Вып. 3. М.: Тарбут, ЕКА, ТОО «Россия — Великобритания»; Иерусалим, 1992. С. 293–306.
11. Новое время. 1915. 1/14 авг. (№ 14149).
12. Там же. 1915. 24 дек. / 1916. 11 янв. (№ 14248).
13. Одесские новости. 1904. 4 апр. (№ 6270).
14. Отчет Православного Палестинского Общества за 1885–1886 гг. СПб., 1886.
15. С.М. По Дальнему Востоку: путевые заметки / ил. Н.Н. Каразина. СПб.: тип. Гоппе, 1899. 206 с.
16. Священный долг Греции // С.-Петербург. ведомости. 1897. 12/24 июля.
17. *Хохлов А.Н.* На развалинах Чугучака (первая поездка В. В. Верещагина в Илийский край в 1869 г.) // Вост. коллекция. М., 2006. № 6. С. 10–26.
18. *Хохлов А.Н.* Вторая и третья поездки В. В. Верещагина в Илийский край в 1869 г.: (неизвестные страницы путешествий русского художника в Центральной Азии) // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах. М., 2009. № 1. С. 244–264.
19. Шанхайская заря. 1930. 16 янв. (№ 1275).

УДК 069.538
ББК 85.153(3) лб : 63.3(53, Святые Места)

О.Н. Егорова

БИБЛЕЙСКИЕ МЕСТА В ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

(фонд живописи и графики городов мира)

АННОТАЦИЯ

Изложена кратко история основания фонда живописи и графики городов мира в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (ФГГМ) и формирования его коллекций. Выборочно представлены аннотированные описания наиболее характерных художественных иллюстрированных изданий из ФГГМ о видах мест и памятников, упомянутых в Ветхом и Новом заветах Священного писания.

Ключевые слова: музей, урбанистика, Петербург, Священное писание, Библейские места, Оттоманская Порта, Греция, альбом, коллекции, топографические виды, рисунки, гравюры.

Коллекция печатной графики Государственного музея истории Санкт-Петербурга, объединяющая гравюры, литографии и карты, является одной из крупнейших в городе и насчитывает более 40 тысяч единиц. Главными источниками, которые дали начало этому собранию, были две коллекции, возникших в Петрограде начала XX века. Речь идет о музее Старого Петербурга, основанном в 1907 г. [1], и музее Города, основанном в 1918 г. [2]. При этом, если целью первого было собирание материалов по истории и культуре Петербурга, то музей Города, задуманный как музей урбанистики и городской культуры в целом, не ограничивал свою тематику каким-либо одним городом. Одной из задач музея был сбор материалов, представляющих различный мировой опыт в области архитектуры и градостроительства. После национализации многих частных собраний в первое десятилетие существования музея в 1918–1928 гг. в стенах Аничкова дворца возникла обширная коллекция, включившая библиотеку и произведения искусства Аничкова и Сергиевского дворцов, особняка графини Н.Ф. Карловой и многих других. В 1928–1929 гг. в связи с реорганизацией и масштабными кадровыми чистками в стенах музея, большая часть предметов была продана через «Антиквариат» (1) либо распределена в другие музеи и библиотеки страны. В 1938 г. Музей города, переименованный в Музей истории и развития Ленинграда, переехал в особняк Румянцева на Английской набережной. В 1954 г. Государственному музею истории Ленинграда (ГМИЛ — так музей стал называться с 1953 г.) был пере-

дан ряд объектов Петропавловской крепости, все собрания были постепенно перевезены на ее территорию и распределены по фондам.

Все материалы по истории развития городов мира из собрания Музея города были сосредоточены в Фонде градостроительства. В 1979 г. он был разделен на три фонда — фотографий; карт, планов и чертежей; живописи и графики. В фонд живописи и графики городов мира (ФГГМ), вошли несколько сотен увражей и произведений печатной графики, в настоящий момент насчитывающих около 27 тысяч музейных предметов.

Несмотря на относительно давнее происхождение фонд мало известен исследователям. Это обусловлено тем, что произведения из этого фонда начали проходить стадии серьезного музейного учета лишь в 1980-х годах, с середины 1990-х — участвовать в выставках, а первые каталоги предметов фонда начали выходить в конце 2000-х годов.

В соответствии с темой сборника в настоящей публикации мы предлагаем вниманию краткий аннотированный перечень художественных иллюстрированных изданий из ФГГМ, которые содержат в себе виды мест и памятников, упомянутых в Ветхом и Новом заветах Священного писания. В первую очередь речь идет о территории Святой земли (Израиль, южный Ливан, западная Иордания, часть Сирии, Иудея, западный берег реки Иордан, Сектор Газа), городов и отдельных мест Египта, Ливана, Турции, Ирака и Палестинской автономной области. Материал скомпонован по хронологическому принципу; все топографические названия указаны в той форме, в которой они приведены на изображениях, без указания современных топонимов.

(1). «Антиквариат» — главная контора Госторга РСФСР по скупке и реализации антикварных вещей (название в 1929–1930 гг).

ИСТОЧНИКИ

1. Музей Старого Петербурга, 1907–1919 : документы из собрания ГМИ СПб // Тр. ГМИ СПб. Вып. 17. СПб., 2008. С. 5–13.
2. *Попова Г.А.* Музей Города в Аничковом дворце. СПб. : Алмаз, 1998. 159 с.

Аннотированный перечень художественных иллюстрированных изданий ФГГМ о Библейских местах

1. Peter Schenk (1645–1715). Hecatompolis, sive totius orbis terrarum oppida nobiliora centum; exquisite collecta atque eleganter depicta. Amsterdam, cum privilegio ordinum Hollandæ et West Frisizæ, 1702.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-4578-г — 4667-г.

Альбом из 100 офортов с общими видами крупнейших городов мира, с двуязычными подписями. Как и многие другие топографические виды, изданные П. Шенком, гравюры этого издания являются варьированными копиями с работ других голландских мастеров 1660–1690-х годов. В альбом включены виды Иерусалима, Смирны, Александрии, Каира.

2. Marie-Gabriel-Auguste-Florent Choiseul-Gouffier (1752–1817). *Voyage pittoresque de la Grèce*. Paris, chez Tilliard, De Bure père et fils, Tilliard frères, 1782–1809.

ГМИ СПб. Инв. №№ VIII-A-5679г–5805г, VIII-A-6848-г–6872-г, VIII-A-20212 г.

Одно из первых иллюстрированных описаний Греции, написанных в тот период, когда страна находилась под властью Османской Порты. Автор сочинения, граф М.Г.О.Ф. Шуазель-Гуффье, путешествовал по островам и материковой части Греции и Малой Азии в 1776–1779 гг. и затем был послом в Константинополе в 1784–1791 гг. На гравюрах представлены античные руины, необычные природные феномены, обычаи и типы местного населения, археологические реконструкции древних памятников. Большая часть изображений — виды местности, среди которых следует отметить виды Патмоса (вид церкви Апокалипсиса), Родоса, Милета, Эфеса и Смирны.

3. Dominique Vivant Denon (1747–1825). *Voyage dans la Basse et la Haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte*. Paris, de l'Imprimerie de P. Didot l'aoné, An X [1802].

ГМИ СПб. Инв. №№ VIII-A-5420-г–5597-г, VIII-A-15701-г.

Книга написана по материалам путевых заметок и рисунков, выполненных Д. Виваном Деноном в период с июля 1788 г. по август 1799 г. во время египетской военной кампании Наполеона. Содержит колоссальный объем художественного, исторического и этнографического материала, собранного бароном Деноном и его командой. В книгу включены, среди прочего, офорты с видами Александрии, Гермополиса, Фив, множеством типов и портретов, в том числе торговцев и паломников из Мекки, коптов, иерусалимских евреев, греческих монахов.

4. Louis Nicolas Philippe August de Forbin (1779–1841). *Voyage dans le Levant par M. le C.te de Forbin*. Paris, Imprimerie Royale, 1819.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-52-л–131-л.

Рассказ директора Лувра, художника и литератора графа де Форбена о своем путешествии по Греции, Турции, Египту, Сирии и Палестине в 1817–1818 гг. Акцент в книге сделан на иллюстрации, которые выполнены в технике литографии, и акватинты по рисункам автора или рисункам с его набросков. Одним из первых европейских художников романтического направления Форбен достаточно подробно зафиксировал виды Палестины, в том числе территории современного Израиля. Это в первую очередь виды Иерусалима (Дамасские и Ефремские ворота, Силоамская купель, церковь Семи Скорбящих, храм Гроба Господня, иудейский квартал), Вифлеема (храм Рождества Христова) и многих других городов и мест, связанных с Библией и древней историей этой земли — Акки, Цезареи, Яффы, Иерихона, Аримафии, Газы, реки Иордан, Мертвого моря, развалин Аскалона. Сочинение Форбена сыграло важную роль в развитии ориентального направления во французской культуре того времени.

5. Giovanni Battista Belzoni (1778–1823). *Atlas des voyages, recherches et découvertes de G. Belzoni en Egypte et en Nubie*. Traduits de l'anglais par G.B. Depping. Paris, à la librairie Française et étrangère de Galignani, 1821.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-10943-г–10984-г.

Атлас с иллюстрациями к французскому изданию книги знаменитого исследователя древнего Египта Дж.Б. Бельзони. Литографии выполнены знаменитым лондонским печатником и литографом Ч.Дж. Халльманделом (1789–1850) и затем раскрашены акварелью. На них изображены основные объекты, с которыми теперь связано имя Бельзони — вторая пирамида в Гизе, храмы в Абу-Симбеле, Карнаке, Элефантине и Беренике. Большая часть литографий воспроизводит росписи и скульптуры царских гробниц в Фивах.

6. Meyer's Universum oder Abbildung und Beschreibung des Sehenswerthesten und Merkwürdigsten der Natur und Kunst auf der ganzen Erde. Hildburghausen und New York, Druck und Verlag vom Bibliographischen Institut, 1833–1844.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-7823-г–8411-г.

Одна из многочисленных публикаций издательства «Библиографический институт», основанного немецким публицистом и книгоиздателем Иосифом Мейером (1796–1852)

в 1826 г. в Готе (с 1828 г. в Хильдбургхаузене). Благодаря таким нововведениям, как подписка на книги и издания выпусками, издательство приобрело широкую известность. В нем были изданы сборники немецких, греческих и римских классиков, сборники книг по историческим и естественным наукам, атласы, словари, путеводители, и, в том числе, два многотомных издания «Meyer's Universum» (46 томов, 1833–1863) и «Meyer's Konversations-Lexikon für die gebildeten Stände» (43 тома, 1839–1855). «Универсум Мейера» представляет собой энциклопедию всевозможных достопримечательностей с комментариями, написанными в возвышенном романтическом ключе, и иллюстрированную гравюрами на стали. Гравюры на стали выполнялись в художественной мастерской, где работала целая группа авторов, среди которых были, например, И.Г.Ф. Поппель (1807–1882) или Б. Метцерот (работал в 1830–1840-х). В основе гравюр лежали рисунки с натуры, а также работы других мастеров. Темы «достопримечательностей и чудес природы и искусства всей земли» достаточно равномерно распределялись между несколькими томами. Виды Святой земли в коллекции ГМИ СПб включены в тома со II по V (1835–1838 гг.) — всего 34 вида. Очень подробно представлен Иерусалим (вид города с горы Кармель, Гроб Господень, церковь Гроба Господня, гробница Царей, мечеть Омара) и его окрестности (река Иордан, мавзолей Авессалома, Самария, Хеbron и гробница Абрахама, гора Фавор, гора Сион). Также имеются виды Израиля (Иерихон, Вифлеем), Палестины (Аримафия), Сирии (Пальмира, Сидон, руины Тира, Дамаск), Турции (гора Арарат, Константинополь, Антиохия, Сарды, Смирна), Египта (пирамиды в Гизе, горы Синай, Фивы) и Иордании (руины Джераша и Селаха).

7. Всемирная панорама или Галерея привлекательнейших видов, ландшафтов, памятников и развалин, снятых с натуры и гравированных на стали искуснейшими художниками. Рига, Иван Де ла Кроа, 1835–1837.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-5656-г–5670-г.

Одна из популярных публикаций отставного гусара, чиновника и литератора И.И. Делакроа (1781–1852). При ближайшем рассмотрении можно обнаружить сходство «Всемирной Панорамы» с «Универсумом Мейера»: тексты к видам являются переводами с немецкого, использованы те же гравюры, на которых сохранены номера «Универсума». В нескольких тетрадах за 1837 год имеются виды горы Кармель, Иерусалима, горы Фавор и Дамаска.

8. [Аббат Гранд и Адриен-Сезар Эгрон (1773 — после 1847).] Палестина и места, освященные учением и страданиями апостолов. Пер. с фр. Н. Бобылева. М., Тип. Н. Степанова, 1838.

ГМИ СПб. Инв. №№ VIII-A-837-г, VIII-A-838-г, VIII-A-841-г–843-г, VIII-A-5230-г–5272-г.

Подборка из 48 гравюр на стали для русского перевода книги «La Terre-Sainte et les lieux illustrés par les apôtres: vues pittoresques d'après Turner, Harding et autres célèbres artistes». Paris, Audot, 1837. Иллюстрации выполнялись парижскими граверами Э. Руаргом (1755–1865), Ш.Н. Рансонеттом (1793–1877), П.Э. Обером (1789–1847) по рисункам таких английских авторов, как, например, О.У. Колкотт (1779–1844), Ч. Барри (1795–1860), Дж.М.У. Тернер (1795–1865), Д. Робертс (1796–1864), Дж.Д. Хардинг (1798–1863) и т.д. Подписи на русском языке были добавлены в московской литографской мастерской Ф. Петера. Иллюстративный ряд содержит изображения Иерусалима и его окрестностей, Вифлеема, Иерихона, Антиохии, Лаодикии, Эфеса, Смирны, Патмоса, Родоса, Коринфа, Вавилона, Ниневи, Мемфиса и Фив. Среди сюжетов, которые встречаются реже, следует отметить виды Каны Галилейской, Ливанских гор и ливанских кедров, Синайских гор и пустыни.

9. Robert Walsh (1772–1852). Constantinople and the scenery of the Seven Churches of Asia Minor illustrated in a series of drawings from nature by Thomas Allom. With an historical account of Constantinople, and descriptions of the plates by the Rev. Robert Walsh, LL.D. Paris; London, Fisher, Son, & Co., [1838–1839].

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A- 19235-г — 19282-г.

Первый том двухтомника, основу которого составляют гравюры на стали, выполненные по рисункам Томаса Аллома, одного из самых известных английских художников-ориенталистов своего времени. Иллюстрации условно делятся на три основные темы — виды Константинополя, окрестностей города и «семи церквей Малой Азии» — это семь церквей раннего

христианства, упомянутых в Апокалипсисе: храмы в Эфесе, Пергаме, Фиатире, Сардисе, Филадельфии, Лаокидии, Смирне.

10. Noël Marie Paymal Lerebours (1807–1873). *Excursions daguerriennes. Vues et monuments les plus remarquables du globe*. Paris, chez Rittner et Goupil, Lerebours, H. Bossange 1840–1842.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-5133-г — 5229-г.

Издание, выпущенное парижским оптиком и энтузиастом дагерротипии Н.М.П. Леребуром, считается одной из первых попыток тиражирования дагерротипа. В результате процесса, изобретенного Леребуром в соавторстве с химиком И. Физо (1819–1896), получились невероятно реалистичные гравюры, которые, если бы не элементы стаффажа, вносимые граверами «для интереса», можно легко принять за фотографию. Издание выходило с 1840 года выпусками по 15 гравюр. В экземпляре ФГГМ содержится 97 видовых гравюр, выполненных в технике акватинты на стали. Кроме европейских ведут*, представленных в этом издании, в нем также помещены виды Иерусалима, сирийского храма Солнца в Баальбеке, мусульманского кладбища в Дамаске, Назарета и Акки.

11. Eugene Napoleon Flandrin (1809–1876), Xavier Pascal Coste (1787–1879). *Voyage en Perse de MM. Eugene Flandrin, peintre, et Pascal Coste, architecte attachés l'ambassade de France en Perse, pendant les années 1840 et 1841, entrepris par ordre de M. le minister des affaires étrangères d'après les instructions dressées par l'institut*. Paris, Gide et J. Baudry 1843–1854.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-1636-л — 1766-л; VIII-A-8423-г — 8665-г, VIII-A-15704-г.

В 1840–1841 годах пейзажист Э.Н. Фландрен и археолог П. Коста совершили путешествие на территорию современного Ирана. В результате они выпустили несколько иллюстрированных изданий о Персии, в том числе и колоссальный труд «Путешествие по Персии», который включает более трехсот изображений и состоит из 6 томов (вместе с текстовым). Четыре тома содержат гравюры, представляющие древние монументы Персеполя, Вавилона, Нимруда. Один том посвящен «современной» Персии и памятникам XIII — XVI веков, их изображения выполнены в технике литографии с тоном. Среди наиболее примечательных — виды Маку и главного армянского монастыря на месте мученической кончины апостола Фаддея в Маку и виды Хамадана с кенотафной гробницей Эсфири и Мардохея.

12. Григорий Григорьевич Чернецов (1801–1865), Никанор Григорьевич Чернецов (1795–1879). *Рисунки с Востока*. Санкт-Петербург, Лит. М. Тюлева, 1844–1845.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-1541-л — 1565-л.

В 1842–1843 гг. академики Императорской академии художеств братья Григорий Григорьевич и Никанор Григорьевич Чернецовы предприняли вояж в Палестину «для срисовывания там с натуры примечательных предметов». Перевод на камень сделанных набросков художники осуществляли сами уже в России. Издание выходило в свет тетрадами по 6 видов в каждой, при этом в каждый выпуск помешались виды Иерусалима. Всего альбом содержит 25 литографий с тоном, которые представляют Иерусалим и его ближние и дальние окрестности: Вифлеем, Газу, Иорданскую долину, Назарет, Аримафию, Яффу.

13. Charles Dousseault (работал в 1834–1870). *Les quatorze stations de la Voie Douleoureuse, dessinées d'après nature à Jerusalem et dédiées à S.S. le pape Pie IX*. Paris, Mme Dompierre, 1851.

ГМИ СПб., Инв. № VIII-A-5326-л — 5340-л.

14 остановок Скорбного пути. Это места на пути следования Христа по улицам Иерусалима, где он останавливался. Серия литографий фиксирует их такими, какими они выглядели в середине XIX века и в этом смысле довольно интересна с исторической точки зрения. Остановки посвящены сценам, из которых главные: три падения Христа, встреча с Богородицею, Симоном Кириенянином и со Св. Вероникой. За ними следуют эпизоды срывания одежды

* Ведута (итал. veduta — вид [местности]) — топографически точный городской вид.

с Христа, пригвождения к кресту, распятия, миропомазания и положения во гроб. Последние пять остановок находятся в часовнях, приделах и Кувуклии храма Воскресения и Гроба Господня. Большую часть композиций по собственным рисункам выполнил Ш. Дуссо, также часть литографий исполнили Э. Сисери (1813–1890), Ш.К. Башелье (работал в 1834–1887) и Ф. Бенуа (1813 — после 1879). Серия также включает план части Иерусалима с показом маршрута Страстного пути, начинающегося возле церкви Бичевания и идущего к Голгофе и храму Гроба Господня.

14. Austen Henry Layard (1817–1893). *Monuments of Nineveh. Second series.* London, John Murray, 1853.

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-1566-л — 1635-л.

Издание иллюстрировано литографиями с тоном и гравюрами на меди, выполненными по рисункам, сделанным в течение второй экспедиции в Ассирию в 1849–1851 гг. под руководством О.Г. Лейарда, основоположника ассиро-вавилонской археологии. Содержит виды и находки из Нимруда, Ниневии (дворец Ашшурбанапала), Башики. Во вступлении к изданию Лейард указал на то, что кроме него самого оригинальные рисунки с барельефов были выполнены английским художником Фр.Ч. Купером (работал в 1844–1866) и английским скульптором и гравером Дж. Бэллом (1811–1895). Оба были посланы в Ассирию Британским музеем. Также в экспедиции участвовал рисовальщик Э. Прентис (1797–1854). Основную часть репродукций издания в технике литографии выполнил немецкий художник-декоратор В.Г.Л. Грунер (1801–1882), ставший в 1856 г. директором Дрезденского королевского кабинета гравюр.

15. *Nelson's view-books for tourists. Ierusalem.* London, Edinbourg, [1850–1880-e].

ГМИ СПб., Инв. № VIII-A-10985-г — 10995-г.

Подборка из 11 изображений к иллюстрированному путеводителю. Показаны виды Иерусалима, в том числе: виды мечети Омара, купели Вифезда, храма Воскресения Господня, Стены Плача, Крестного пути, Яффских ворот и Гефсиманского сада. Из близлежащих окрестностей представлены виды Масличной горы, Иосафатовой долины, Силоамской купели, горы Сион и гробницы Авессалома. Интересна техника, в которой выполнены эти миниатюрные иллюстрации: это так называемые «Nelson Prints», «оттиски Нельсона», для которых сначала выполнялась перовая литография, которую печатали темно-фиолетовыми чернилами, а потом на этом листе с помощью отдельных деревянных блоков делали отпечатки в цвете.

16. Rev. William King Tweedie (1803–1864). *Lakes and rivers of the Scripture.* London, T. Nelson and sons, [1857].

ГМИ СПб. Инв. № VIII-A-8412-г — 8422-г.

В книге американского священника-пресвитерианца объединены тексты Писания и отображения мест, где разворачивались события Священной истории. Дополняют тексты 11 иллюстраций, которые, как и предыдущие, были отпечатаны в издательстве Т. Нельсона в сложной технике хромолитоксилографии. В музейную подборку включены виды реки Иордан, Мертвого моря, Галилейского моря и озера Мером, а также виды Вавилона, Ниневии, рек Тигра и Евфрата, Дамаска и окрестностей.

УДК 016 (084.11)
ББК 63.3(53, Святые Места)я1

Т.Н. Лебединская

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И СВЯТЫЕ МЕСТА В ЖУРНАЛЕ «ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ»: СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ (1869–1898)

АННОТАЦИЯ

Представлены краткий обзор еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» и библиографический список иллюстраций в нем по Восточному Средиземноморью и Святым Местам, сопровождающихся, как правило, пояснительными текстами. В течение 20 лет (1869–1889) в журнале было напечатано свыше 50 иллюстраций (гравюр) по этому региону. Многие из них посвящены паломничеству в Святую Землю.

Ключевые слова: «Всемирная иллюстрация», международные связи, взаимопроникновение культур, Восточное Средиземноморье, Святые Места, паломники.

Взаимовлияние и взаимопроникновение национальных культур — сложный процесс, уходящий своими истоками в далекие времена и охватывающий огромные массы народов, значительные территории, а также имеющий сложившиеся масштабы и объем. Нами был проанализирован ряд периодических изданий России XIX в., которые систематически отражали особенности истории культуры, искусства, экономики стран Ближнего Востока и знакомили с ними читателя (1). На протяжении всего века в русских журналах и альманахах появляются сведения о путешествиях в Иерусалим, Палестину, Марокко, Судан, Тунис и т.д. Особый интерес в этом отношении представляет «Всемирная иллюстрация». Альманах выходил еженедельно (т.е. 52 номера в год) в форме большого двойного листа на самой лучшей бумаге, и каждый номер заключал в себе шестнадцать страниц, из которых половину занимали роскошные рисунки из прошлой и современной жизни, выполненные лучшими художниками и граверами. Тираж издания составлял 10 000 экземпляров, и один номер стоил 5 рублей. Журнал отличается разнообразием тематики по Востоку. Он включал описания большого количества восточных городов, жителей, их оружие, обычаи, церемонии, флору, фауну, виды гор и ущелий и многое другое. Таких задач не ставило перед собой ни одно периодическое издание, именно поэтому мы отдаем ему пальму первенства. Редактор и сотрудники «Всемирной иллюстрации», по-видимому, поддерживали геополитические планы России, в которые входило распространение российского влияния в ближневосточных странах. Журнал целиком отвечал этим требованиям, ибо он стремился расширить кругозор читателя, давал ему сведения и представления о других народах, знакомил совершенно с другой культурой, побуждал интерес к мусульманскому

миру — далекому и непривычному. Рамки статьи не позволяют детально охарактеризовать все материалы по этой теме, помещенные в издание.

За двадцать лет (1869—1889 гг.) во «Всемирной иллюстрации» опубликовано более четырехсот рисунков и текстов к ним о разных странах, местностях и городах арабского мира, большая часть которых находилась тогда в составе Османской империи. Так, Египту посвящено 198 гравюр, Марокко — 47, Тунису — 24, Йемену — 3, Сирии (в ее современных границах) — 2. Также более 50 иллюстраций посвящено Святым Местам Палестины (Иерусалим, Назарет, Вифлеем). Как видим, половина публикаций относится к стране сфинксов. Красочно и ярко изображена эта страна со всеми ее особенностями — бытом, нравами, типами, художественными и историческими памятниками, религиозными праздниками. В качестве примера приведем материалы об одном из таких праздников (Байрам), который на Востоке считается основным (2). Как указывает очевидец, он «соответствует Пасхе у христиан» [2, 379]. На тот период времени он отмечался мусульманами 27 февраля (11 марта) 1870 г. Текст гласит, что «торжество это ознаменовывается пушечными выстрелами и визитами» [2, 379]. В обзоре легко и живо описывается этот праздник. Рассказчик пишет, что «народ проводит время в развлечениях» [2, 379]. Приводится много любопытных деталей, относящихся к культуре и нравам Египта, подчеркивается специфика религиозного обычая в этой стране: «Во все времена продолжения малого байрама Хедив принимает в Каирской цитадели поздравления от всех официальных лиц» [2, 379]. Сообщаются и другие особенности торжества, в частности они дополняются сведениями о почитании египтянами усопших родственников: с самого утра все дороги, которые ведут на обширное кладбище, заполнены толпами арабов с пальмовыми ветвями в руках; бедуины идут пешком, богатые едут на мулах, нагруженных разными припасами, или же на телегах, запряженных лошадьми или буйволами» [2, 379]. Обычай в честь почитания мертвых не носит печального характера — кладбище, обыкновенно безмолвное, в эти дни оживает. Придя к могилам, родственники и друзья оставляют там подарки и молят Аллаха, чтобы тот способствовал покойникам насладиться всеми «удовольствиями рая» [2, 379]. Затем здесь поминают усопших — «едят хлеб, пьют молоко...» [2, 379]. Умершие также имеют свою порцию, ее опускают в могилу через проделанное особое отверстие в надгробном камне. Захоронения шейхов отличаются от остальных «большими красными памятниками и молитву обязательно совершает улем» [2, 379]. Покидая долину Мамелюков [мамлюков], мусульмане оставляют на могилах цветы и пальмовые ветви.

Необходимо заметить, что на страницах «Всемирной иллюстрации» приводятся подробности посещения мусульманами Мекки во время праздника курбан-байрам. Описываются главные сборные пункты, караванные пути и порты. Самые важные из них — Дамаск в Сирии и Джебел-Хамар и Наджед (Неджд) на Аравийском полуострове, Йемен предназначен для жителей юго-западных провинций Аравии и, наконец, Джидда — порт на Красном море, здесь собираются мусульмане из разных государств. Сюда прибывают паломники с западного берега Аравии и прибрежных мест Персидского залива, из Бомбея, Ост-индских портов, Афганистана, Индокитая, с Малазийского архипелага, с восточного берега Африки, из Занзибара, Цейлона, Массавahi, Суанина, из Данакалья, Сомали, Нубии, Дарфура, Кордофана, из окрестностей озера Чад, реки Нигера Тумбута, где живет племя Пелк, исповедующее ислам. В обзоре упоминается и сухопутный египетский путь. Он проходит через Акабет

(Акабу), идет вдоль берега Красного моря через Майлав, Жамбо (Янбу'), Рабех и затем в Мекку, не заходя в Дждеду [Джидду]. Мусульмане преодолевают его за тридцать семь дней. Семь дней отводится на отдых. Он значительно короче вышеуказанных переходов, которые требуют сорок дней.

Йеменский караван составляют пилигримы из Гадремаута [Хадрамаута] и Омана. Надждинский и Джебель-Хамарский — преимущественно персияне. Странники, идущие через Наджед [Нежд], сосредотачиваются сначала в Басоре и Мохаммери, затем через Персидский залив попадают в Аджар и, пройдя Аравийский полуостров, паломники достигают город Райд [ар-Рийад] (столица Неджда). Число паломников определить трудно. Однако в 1865 г. «оно доходило до девяноста тысяч человек» [1, с. 271].

«Всемирная иллюстрация» всегда откликнулась на самые значимые события года. Наше внимание привлек богатый и уникальный материал, посвященный истории Суэца. Реализация Суэцкого проекта вызвала чрезвычайный интерес у русской общественности. Россия приняла непосредственное участие в международных торжествах. Подробно и познавательно рассказывается об этом грандиозном событии. Записки, воспоминания современников восстанавливают историческое прошлое. «Двадцать лет назад — пишет один из очевидцев — Суэц был бедной деревушкой, теперь стал цветущим городом. Превосходный климат, яркая синева небесного свода, неумолкаемое движение и пестрота костюмов — все это придает чрезвычайно привлекательный вид...порту» [4, с. 655]. Хилые и убогие домишки постепенно исчезли, и на месте старого города возник новый, отличающийся изяществом и прочностью построек. Жители, живущие вблизи важного торгового пути, играют видную роль как во внутренней, так и во внешней торговле. Через Суэц осуществляются экономические связи с Европейскими странами, Индией, Австралией и т.д.; существует множество пристаней. Между тем в этих воспоминаниях можно найти и довольно любопытные сведения о том, что Суэц часто испытывает засуху и ему для полного благополучия не хватает пресной воды, ее везут из Каира по железной дороге, она продается на литры и стоит дорого, как у европейцев вино. В таких условиях «невозможно и думать о поливе садов, да их и не существует в этой стране» [4, с. 659]. Однако в конце очерка сообщается о новом проекте канала с пресной водой, который станет в будущем «источником жизни и здоровья. Он придаст местности новое очарование и, по всей вероятности, Суэцкие сады ни в чем не уступят садам Александрии и Каира» [4, с. 659].

Восторженное впечатление вызывают гравюры, несмотря на их давность, посвященные открытию Суэцкого канала. Так, в одной из публикаций отмечалось, что «27 апреля в 4 часа из Одесской гавани отплыли два парохода Русского общества пароходства и торговли: “Генерал Коцебу” и “Владимир”. На каждом из них было по 60 пассажиров, почти все русские, которые собрались на международный праздник. Здесь были представители Правления Русского Черноморского общества — адмирал К.М. Чихачев и К.И. Сушов, депутаты от разных ведомств — адмирал Гарковенко, генерал-лейтенант барон Тизенгаузен, генералы М. Тилло, О.И. Глушинский, корреспонденты разных газет, известные моряки — адмирал Максарани и Дюгамель (3), представители русского искусства — маринист Айвазовский (4), литератор Шабельский (5). 3 ноября пароход вошел в Порт-Саид, где уже собралось более семидесяти судов» [3, с. 99]. Военные и частные пароходы образовали международную флотилию, «подобно которой еще не было» [3, с. 100].

Весьма необычна информация о ходе праздника. Наблюдатель замечает, что «3 ноября 1870 г. (год указан, видимо, ошибочно, должен быть 1869 г. — *Т.Л.*) в гавань последовательно вошли суда, на них находились высочайшие особы — наследник русского престола, австрийский император и французская императрица Евгения. Каждый раз гром салютов приветствовал гостей, развевались официальные штандарты, играли государственные гимны» [3, с. 99]. На самом берегу Средиземного моря, недалеко от входа в канал, возвышалась почетная трибуна, напротив нее находились небольшие павильоны, «или часовни для молебствия по обрядам мусульманского и христианского вероисповедания». [3, с. 101]. На улицах и площадях города собралось около сорока тысяч человек. Шум, говор, танцы, гул бесчисленных дудок и барабанов, пестрые одежды, угощения — всё это сливалось в волшебную сказку 1001 ночи. Вечером состоялся прием у Хедива на пять тысяч человек. Депутаты из России поднесли Лессепсу (6) адрес, написанный на пергаменте и выполненный по рисункам Шарлеманя. Художник искусно сочетал русский стиль с египетским. На узорчатом национальном полотнище был начертан текст на двух языках. Вверху изображен флаг Российской Империи, внизу изящно сгруппированы атрибуты мореплавания и торговли. Адрес произвел сильное впечатление на окружающих, и копии его продавали в арабских лавках. В целом, эта небольшая заметка свидетельствует о проявленном интересе России к Суэцу, который стал важной торгово-транспортной артерией на Ближнем Востоке. Кроме того, опубликованный очерк помогает нам представить величие и значимость международного торжества в жизни мировой общественности.

Немалое количество материалов посвящено территории Восточного Средиземноморья. Главное внимание среди них уделяется Святым местам, христианству на Ближнем Востоке, паломничеству к Святым местам, учреждениям российского и иностранных палестинских обществ.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что «Всемирная иллюстрация» познакомила своего читателя с разнообразными публикациями, которые не утратили своего значения. Например, вызывают несомненный интерес и требуют изучения такие статьи, как «23000 миль на яхте “Тамара” (Путешествие великих князей Александра и Сергея Михайловичей)»; «Церемония закладки сирийской железной дороги в Дамаске»; «Русское паломничество к Иордану»; «Молитва пророка Мусы»; ноты на мелодию «О пророк, зачем ты оставил нас» и т.д. Но даже и такой фрагментарный обзор некоторых материалов дает нам представление о восточной направленности издания и показывает, что журнал способствовал популяризации культуры Востока среди населения России.

Пресса помогает нам увидеть то, что имеет ценность, а что — нет, что остается, а что бесследно исчезает. За много веков Восток видел взлеты и падения, бедность и богатство, многое ушло безвозвратно. Журнал «Всемирная иллюстрация» помогает нам восстановить прошлое, без которого, как известно, нет будущего.

(1). «Почта духов», «Пчела», «Книжный вестник», «Библиотека для чтения», «Вокруг света», «Всемирный путешественник» и др.

(2). Курбан-байрам — праздник жертвоприношения, отмечается 10-го зуль-хиджа (12-го месяца мусульманского лунного календаря), через 2 месяца и 10 дней после рамадана. Название распространено среди тюркских народов, арабское название *Īd 'al-'Aḏḩā*.

(3). Михаил Осипович Дюгамель (1812–1896) — адмирал, кругосветный путешественник в 1837–1839 гг.

(4). Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) — художник-маринист, академик Петербургской, а также Римской, Парижской, Амстердамской, Штутгартской и Флорентийской академий художеств.

(5). Возможно, Михаил Александрович Шабельский (1848–1923) — военный врач и шахматный литератор.

(6). Лессепс, Фердинанд Мари, де, виконт (1805–1894, Ferdinand Marie vicomte de Lesseps) — французский дипломат, руководитель строительства Суэцкого канала.

ИСТОЧНИКИ

1. Всемирная иллюстрация. 1869. № 101.
2. Там же. 1870. № 73.
3. Там же. 1870. № 99.
4. Всемирный путешественник. 1869. № 73.

Восточное Средиземноморье и Святые Места по журналу «Всемирная иллюстрация», 1869–1898: библиографический список

1869

1. Место Благовещения Пресвятой Богородицы. Вид Гробницы Пресвятой Богородицы в Гефсимании. Ковчег в котором хранится пояс Пресвятой Богородицы [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1869. — Т. 1 — № 14. — С. 221. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 221 (см. также рец. на кн: Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы... Там же. С. 219).

2. Назарет. Вифлеем Иерусалим. [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1869. — Т. 1 — № 14. — С. 220, 221. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 220.

3. Отшибихин, поклонник. Мамврийский дуб: (письмо к редактору «Всемирной иллюстрации») // Всемир. ил. — 1869. — Т. 2. — № 42. — С. 243.

4. Палестина. Мамврийский дуб близ Вифлеема [Изоматериал] /с фотографии, доставленной нашим корреспондентом, рис. на дереве К. Борж, гравировал [Ю.] Конден // Всемир. ил. — 1869. — Т. 2. — № 42. — С. [241] (Обложка, лицевая сторона). — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 243.

5. Рец. // Всемир. ил. — 1869. — Т. 1 — № 14. — С. 219. — Рец. на кн.: Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы, с изложением учения церкви, преобразований и пророчеств, относящихся к ней, и чудес ее, на основании Св. Писания, свидетельств Отцов и церковных преданий, с 14 рисунками и 28 полнотипажами. — СПб. 1869. — 204, 101 с.

1870

6. Русский госпиталь в Иерусалиме: (из писем в редакцию) [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1870. — Т. 3. — № 53. — С. 12. — Содерж. : 1. Иерусалим. Вид Иерусалима около Яффских ворот, вид с востока; 2. Иерусалим. Прусский госпиталь / гравировал Ю. Конден; 3. Иерусалим. Новый русский госпиталь / гравировал Ю. Конден; 4. Иерусалим. Вид на Иерусалим у Яффских ворот II, вид на запад / с рис. нашего кор. исп. на дереве К. Борж, гравировал Л.А. Серяков.

7. Древний Иерусалим. Подвалы царя Соломона. [Изоматериал] / грав. О. Мей с рис. // Всемир. ил. — 1872. — Т. 7. — № 175. — С. 305. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 303.

8. Святая Земля — гора Эмонская и долина Иосафата [Изоматериал] / рис. Г.А. Горнци, гравировал К. Вейерман // Всемир. ил. — 1873. — Т. 9. — № 222. — С. 217. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 219.

9. Христианки у гроба Богородицы в Иерусалиме [Изоматериал] / картина Леконта-дю-Нуи // Всемир. ил. — 1881. — Т. 25. — № 639. — С. 289.

10. Вид домов богача и Лазаря [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 827 — С. 396. — Рис. из кн.: Г. Эберс. Палестина в слове и картинах. (Штутгарт: Verlag-Anstalt, бывшее Эд. Гальбергера). — См. также: о кн. Георга Эберса и Германа Гуте [Текст]: с. 396.

11. Внутренность храма на скалах [Изоматериал] // Всемир. ил. — Т. 32. — 1884. — № 828. — С. 421. — Рис. из кн.: Г. Эберс. Палестина в слове и картинах. (Штутгарт: Verlag-Anstalt, бывшее Эд. Гальбергера).

12. Молотьба лошаадьми. Водопровод и виадук у Рас-эль-Акки [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 828. — С. 420. — Рис. из кн.: Г. Эберс. Палестина в слове и картинах. (Штутгарт: Verlag-Anstalt, бывшее Эд. Гальбергера).

13. [Рец.]: Палестина в слове и картинах = [Palaestina in Wort und Bild nebst Sinaihalsinsel und dem Lande Gosen] / соч. Георга Эберс и Германа Гуте. — 2 Bände. Stuttgart : Verlag-Anstalt, бывшее Эд. Гальбергера // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 827. — С. 397.

14. Развалины старого здания близ бейрутской гавани [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 827. — С. 397. — Рис. из кн.: Эберс Г. Палестина в слове и картинах. (Штутгарт: Verlag-Anstalt, бывшее Эд. Гальбергера). — См. также: о кн. Георга Эберса и Германа Гуте [Текст]: с. 396.

15. Столпы храма солнца [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 827. — С. 405. — Извлеч. из кн.: Эберс Г. Palastina Wort und Bild nebst der Sinai halbinsel und dem rauch Gosen / Г. Эберс, Г. Гуте.

16. Святая Земля. Общий вид города Иерусалима между Масличной горой и Скопусом [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 31. — № 794. — С. 281. — На картине: 1. Силоам; 2. Дорога Вифлеем; 3. Мечеть Акса; 4. Еврейская синагога; 5. Мечеть Омара, Золотые ворота; 6. Башня Давида; 7. Гробница Абсалона; 8. Гефсимания; 9. Гробница Божия Матери. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 278–279.

17. Святая Земля, город Иерусалим [Текст] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 31. — № 794. — С. 278–279.

18. Тайный советник А.И. Нелидов, русский посол в Константинополе [Изоматериал] / по фотографии А. Бетингера // Всемир. ил. — 1884. — Т. 32. — № 827. — С. 397.

19. Иисус Христос перед Пилатом : картина Михаила Мункачи [Текст] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 31. — № 794. — С. 279.

20. Иисус Христос перед Пилатом: картина Михаила Мункачи [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1884. — Т. 31. — № 794. — С. 284. — См. текст: там же, с. 279.

1887

21. Палестина. Вид на Иерусалим с Елеонской горы [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1887. — Т. 37. — № 949. — С. 252–253. — Пояснительный эскиз к рис., помещенному на с. 252–253: с. 263.

22. Святая Земля. Колокольня на Елеонской горе в Иерусалиме [Изоматериал] / автотипия Ангерера и Гешля // Всемир. ил. — 1887. — Т. 38. — № 978. — С. 289. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 306.

1888

23. *Марков Е.* Иерихон. Из очерков Палестины [Текст] / Всемир. ил. — 1888. — Т. 39. — № 1021. — С. 114–118.

24. *Марков Е.* Иерихон. Из очерков Палестины [Текст] // Всемир. ил. — 1888. — Т. 39. — № 1022. — С. 135. — Продолжение.

1889

25. *А.С.* Великая суббота во святом граде [Текст] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1055. — С. 250. — См. ил.: с. 249.

26. Великая суббота в храме Св. Гроба. Нисхождение священного огня [Изоматериал] / с фоторграфии рис. В. Навозов // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1055. — С. 249 (обложка, лицевая сторона). — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 250.

27. Дочь фараона находит Моисея [Изоматериал] / фрески Э. Ганнецоти // Всемир. ил. — 1889. — Т. 42. — № 1084. — С. 288. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 287–288.

28. Святая Земля. Иерусалим и его окрестности [Изоматериал] / с фотографии рис. А. Шильдер // Всемир. ил. — Т. 41. — 1889. — № 1054. — С. 240. — Содерж.: 1. Пещера Успения Богородицы; 2. Домашние ворота; 3. Дом русского консула; 4. Гробницы царей; 5. Рамла; 6. Исофита долина; 7. Баб-эль-Буади; 8. Русские постройки; 9. Золотые ворота; 10. Сион.

29. Из записной книжки паломника [Текст] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1054. — С. 233–235. — Подписано: Старый паломник.

30. Из записной книжки паломника (окончание) [Текст] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1055. — С. 251–254.

31. Иордан и Иорданская долина [Текст] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 42. — № 1092. — С. 451–452.

32. Молитва пророка Мусы: (из Саади) / пер. В. Величко // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1057. — С. 291.

33. Положение во гроб / картина К. Пфаншмидта [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 42. — № 1054. — С. 233. — (Иностранные художники).

34. Святая Земля. Иерусалим и его окрестности [Изоматериал] / с фотографии рис. А. Шильдер // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1055. — С. 260–261. — Содерж.: 1. Древние стены Соломонова храма; 2. Мертвое море; 3. Мам-

врийский дуб; 4. Иордан. Мечеть эль-Ака; 5. Вид храма Воскресения; 6. Алтарь над вертепом (спуск в вертеп и т.д.).

35. Святая Земля. Иорданская долина в День Прощения Господня [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1889. — Т. 41. — № 1092. — С. 452. — См. также текст: с. 451–452.

1890

36. Иерусалимский храм во времена Иисуса Христа [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1890. — Т. 43. — № 1106. — С. 241. — См. текст: с. 241.

37. Иерусалимский храм во времена Иисуса Христа [Текст] // Всемир. ил. — 1890. — Т. 43. — № 1106. — С. 239. — Ил.: 239.

1892

38. 83 000 миль на яхте «Тамара» (Путешествие великих князей Александра и Сергея Михайловичей) [Текст] // Всемир. ил. — 1892. — Т. 48. — № 1242. — С. 368–369, 372.

39. Страны и народы — Иллюстрации из роскошного издания 83 000 миль на яхте «Тамара». Путешествие великих князей Александра и Сергея Михайловичей [Изоматериал]: Улица в Каире; Домик в Алжире / рис. акад. Самокиша; автотипия Эд. Гоппе. — С. 368–369 // Всемир. ил. — 1892. — № 1242. — С. 368–369.

1893

40. «Палестина», сочинение А.А. Суворина: [рецензия] [Текст]; Вход в пещеру «Моление о чаше», Голгофа [Изоматериал] / рис. А.Д. Кившенко и В.И. Навозова из роскошного издания «Палестина» А. Суворина; Монастырь Саввы освященного / рис. А.Д. Кившенко из роскошного издания «Палестина» А. Суворина // Всемир. ил. — 1893. — Т. 49. — № 1264. — С. 284–285.

41. Сирия. Церемония закладки сирийской железной дороги в Дамаске [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1893. — Т. 49. — № 1252. — С. 76. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 306.

1894

42. Светлое Христово Воскресенье. Русские паломники, в сопровождении кавасов идущие к Пасхальной заутрене у Гроба Господня в Иерусалиме [Изоматериал] / с натуры рис. для «Всемир. ил.» В.И. Навозов; автотипия Эд. Гоппе // Всемир. ил. — 1894. — Т. 51. — № 1316. — С. 256.

43. Канун Святой Пасхи в Иерусалиме: из заметок художника / В.И. Навозова // Всемир. ил. — 1894. — Т. 51. — № 1316. — С. 258.

44. Светлое Христово Воскресенье. Наши паломники в Иерусалиме. Освящение куличей, яиц и прочее у Русского собора [Изоматериал] / с натуры рис. для «Всемир. ил.» В.И. Навозов; автотипия Эд. Гоппе // Всемир. ил. — 1894. — Т. 51. — № 1316. — С. 257. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 258.

1895

45. Герасим I, Патриарх Иерусалимский и всяя Палестины [Изоматериал] : по поводу тридцатилетия служения в облеченном сане / с фотографии грави-

ровал Б.А. Пуц // Всемир. ил. — 1895. — Т. 53. — № 1373. — С. 373. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 375.

46. День Святой Троицы. Служение у Дуба Мамврийского в Иерусалиме [Изоматериал] / ориг. рис. для «Всемир. ил.» В.И. Навозова // Всемир. ил. — 1895. — Т. 53. — № 1373. — С. 392. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 394–395.

1897

47. Герасим I, Патриарх Иерусалимский и вся Палестины † 9 февраля сего года [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1897. — Т. 57. — № 1466. — С. 222. — Текст о нем: там же.

1898

48. Лобзание Иуды: мозаичная картина гг. [Н.Ю.] Силивановича и [М.И.] Щетинина с картины К.П. Брюллова [Текст] // Всемир. ил. — 1898. — Т. 59. — № 1522. — С. 325.

49. Пасха в Иерусалиме / заметка Навозова [Текст] // Всемир. ил. — 1898. — Т. 59. — № 1523. — С. 349.

50. Присоединение сиро-халдеев, несториан, к православному [Изоматериал] / картина Макса Либберга // Всемир. ил. — 1898. — № 1524. — С. 367. — Содерж.: 1. Группа сиро-халдеев, с епископом Ионой во главе, после присоединения; 2. Сиро-халдейский епископ Мар-Юн до присоединения к православию. — Включ. описание изоматериала [текст]: с. 369.

51. Пророк Иеремиа обличает первосвященников и народ в Иерусалиме [Изоматериал] / картина Макса Либберга // Всемир. ил. — 1898. — № 1298. — С. 416–417.

52. Русское паломничество к Иордану [Текст]. Русское паломничество в Святую Землю. У вод реки Иордан [Изоматериал] // Всемир. ил. — 1898. — Т. 59. — № 1510. — С. 38. — Содерж.: 1. Переход через поток Хорив; 2. Богомольцы, черпающие воду в Иордани; 3. Богомольцы, купающиеся в Иордане в своих рубашках, приготовленных для погребения в них.

53. Святое Христово Воскресенье. Улица в Иерусалиме на повороте ко Гробу Господню, в дни Пасхи [Изоматериал] / рис. В.И. Навозова // Всемир. ил. — 1898. — Т. 59. — № 1523. — С. 343.

См.: рис. № № 41–43; 57, 66.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 82-13(-11) ≈ 135
ББК 84(0, Андалусия=Араб)-5

ИЗ ИСПАНО-АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Ибн КУЗМАН (1080–1160). ЗАДЖАЛЬ № 10

Перевод: А.А. Долинина

АННОТАЦИЯ

Представлен перевод образца устной поэзии андалусских арабов в форме заджалля (на кордовском диалекте арабского языка), из дивана бродячего поэта и музыканта из Кордовы Ибн Кузмана (1080–1160 гг.). Как правило, исполнялся в сопровождении музыкальных инструментов и хора.

Ключевые слова: Ал-Андалус, Ибн Кузман, арабская поэзия, заджалль, А.А. Долинина, переводы.

ابن قزمان
زجل ١٠
زَاب نَعَشَقْكَ , نُجَيْمَةٌ .

١
مَنْ بِحَبِّكَ وَ يَمُوتُ فَيْتُكْ؟
اِنْ فُتِلْتُ عَارَ يَكُونُ بَيْنَكَ
لَوْ قَدَّرَ قَلْبِي بِخَالِكَ
لَمْ يَدْبُرْ زَا النُّغَيْمَةَ

٢
يَا مُطْرَنَنْ شَيْلِبَاطُ
تَنْ حَزِينُ تَنْ بِنَاطُ
تَرَا الْيَوْمَ وَ شَطَاطُ؟
أَمْ نَدُقُ فِيهِ غَيْرَ أَلْفَيْمَةَ

٣
قُلْتُ هَمْ اللهُ الْاَكْبَرُ
اَلْسَ نَطِيقُ مِنْهُ عَلَيَّ اَكْتَرُ
اِزْ تَرِيدُ مَسْجِدَ الْاَخْضَرُ؟
تَمْدُ عَارَ بَيْرِ النُّشَيْمَةَ؟

0

В звездочку влюблен я, право!

1

Кто от страсти умирает —
Все тебя не покидает,
Как избавиться — не знает..
Где ему размыслить здраво!

2

— Ах, Сальвато, друг любезный,
Ты в печали, сердцу тесно,
День проходит бесполезно,
Пища кажется отравой

3

Я в ответ: Аллах помилуй!
Все стерпеть не хватит силы.
Даже путь в мечеть закрыла
Мне души моей растрავа!

٤

يَا زَيْنَ الْمَحَاقِلِ (انْتَ)
وَمَلِيخِ نِعْمَ وَعَاقِلِ
أَيُّ حَجَبَاتٍ عَنْ مَنَاقِلِ
أَلَوْ جَعَلَكَ اللهُ جُدَيْمَةَ

٥

كُلَّ عَائِقٍ فِيكَ هُوَ مَوْلُوعٌ
سِحْرُ بَابِلَ هُوَ فِيكَ مَجْمُوعٌ
كُلَّ نَادِرٍ مِنْكَ مَسْمُوعٌ
مَتَى مَا قَلْتَ كَلِمَةً

٦

فَمِنْ أَلْفَاحِ نَهْدَاتٍ
وَمِنْ الدَّرْمِكِ خُدَيْدَاتٍ
وَمِنْ الْجَوْهَرِ ضَرْبَاتٍ
وَمِنْ السُّكَّرِ فَمَيْمَةَ

٧

لَوْ مَنَعْتَ النَّاسَ مِنَ الصَّوْمِ
«وَتَقُولُ» الْكُفْرَاءَ يَا قَوْمَ
مَا بَقِيَ بِالْجَامِعِ الْيَوْمِ
إِلَّا الْمَرْبُوطُ بِخَزِيمَةَ

٨

أَنْتَ مِنَ الْفَائِذِ أَخْلَا
وَ أَنَا مَمْلُوكٌ وَ أَنْتَ مَوْلَا
مَوْلَى ، وَ مَنْ يَقُولُ لِأَ
بُرْمَ فِي عُنُقِ لَطِيمَةَ

٩

إِلَى كَمْ زَا الصَّدِّ عَنِّي؟
وَ إِلَى كَمْ زَا التَّجَنِّي؟
جَعَلَ اللهُ مِنْكَ وَصِيَّ
قَدْ ارَانَ خَالِي حَزِيمَةَ

4

Кто разрушит чары эти?
Каждый попадает в сети
Меж любых камней заметен
яхонт в золотой оправе.

5

Гордость мира ты людского!
Если вымолвишь хоть слово,
Сразу все внимать готовы
Речи нежной и лукавой.

6

Как два яблочка — две грудки,
Словно белый жемчуг зубки,
Щечки из муки, а губки —
Чистый сахар без приправы!

7

Если скажешь людям прямо:
«Откажитесь от ислама!» —
Даже грозному имаму
Не найти на них управы!

8

И кому с тобой сравниться?!
Я — твой раб, а ты — царица.
Кто посмеет усомниться —
Пусть выходит на расправу.

9

О Аллах, доколь мученье?
Долго ль мне сносить презренья?
Дай ты нам уединенье
Для прелестнейшей забавы.

УДК 82-13(-11) ≈ 135
ББК 84(5Сир)-5

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

НИЗАР КАББАНИ

С Т И Х И

Перевод: Л.А. Петрова

АННОТАЦИЯ

Представлен перевод стихотворений современного сирийского поэта Низара Каббани (1923–1998), выполненный Л.А. Петровой.

Ключевые слова: Низар Каббани, современная арабская поэзия, Сирия, Л.А. Петрова, переводы

Низар Тауфик Каббани (1923–1998) — сирийский поэт и дипломат, один из основоположников свободного стиха в арабской поэзии и наиболее известных современных арабских поэтов.

Источник:

نزار قبّاني. ١٠٠ رسالة حب. — الطبعة الثانية، 1971، منشورات نزار قبّاني، بيروت.
Низар Каббани. 100 писем любви. 2-е изд. Бейрут: Маншурат Низар Каббани, 1971.

I I

لم أكن يوماً ملكاً ولم أنحدر من سلالات الملوك غير أنّ الإحساسَ بأنك لي.. يعطيني الشعورَ بأنني أبسط سلطنتي على القارات الخمس وأسيطر على نزوات المطر، وعربات الرياح وأمتلك آلاف الفدايين فوق الشمس.. وأحكم شعوباً.. لم يحكمها أحدٌ قبلي.. والعب بكواكب المجموعة الشمسية.. كما يلعب طفلٌ بأصداف البحر... لم أكن يوماً ملكاً ولا أريدُ أن أكونه غير أن مجردَ إحساسي بأنك تتأمين في جوف يدي.. كلؤلؤة كبيرة.. في جوف يدي.. يجعلني أنتوهم.. بأنني فيصر من قياصرة روسيا أو أنتي.. كسرى أنو شروان..	Я не король, не наследный принц и не отпрыск великой династии, но когда ты рядом со мной — я владею пятью континентами! Мне подвластны — капризы дождей и причуды ветров, у меня — тысяча федданов на солнце! Я правлю миром — как никто до меня... Я играю звездами космоса, словно ребенок морскими ракушками... Я не король и не рвусь на престол. Но когда ты засыпаешь в моих объятиях — огромная белая жемчужина в створках моих ладоней — я ощущаю себя одним из монархов России или Хосроем Ануширваном!
---	--

II II

إني أحبُّك..
ولا ألعبُ معك لعبة الحبِّ
ولا أتخاصمُ معك كالأطفال على أسماكِ البحرِ
سمكة حمراء لك..
وسمكة زرقاء لي..
خذني كلَّ السمك الأحمر والأزرقُ
وظلَّتي حبيبتِي..
خذني البحرَ، والمراكبَ، والمسافرينِ
وظلَّتي حبيبتِي..
إني أضعُ جميعَ ممتلكاتي أمامك..
ولا أفكرُ في حسابِ الربحِ والخسارة..
ربَّما..
لم يكنْ عندي أرصدة في البنوكِ
ولا أبارِ بتزولِ أتغرِغرِ بها..
وتستحُّ فيها عشيقاتي..
ربَّما.. لم تكنْ عندي ثروة أغاخان..
ولا جزيرةٌ في عرضِ البحرِ كأوناسيسِ
فأنا لستُ سوى شاعر..
كلُّ ثروتِي.. موجودة في دفاتري
وفي عينيكَ الجميلتَيْنِ..

Поверь, я люблю —
а не просто играю в любовь!
Я не спорю с тобой,
как ребенок из-за морских рыбок:
голубая — тебе,
а красная — мне...
возьми себе всех — голубых и красных.
Только останься!
Дарю тебе море и плывущие корабли.
Только не уходи!
Я отдам тебе все без остатка —
мне самому ничего не надо.
Правда,
Нет у меня сбережений в банке
Или скважин, бурлящих нефтью.
Я не содержу роскошных любовниц
и не владею сокровищами Агахана.
У меня нет острова в океане, как у Онассиса...
Я всего лишь поэт!
Все мое достояние — в моих тетрадах
И в твоих прекрасных глазах...

III III

لن أكونَ آخرَ رجلٍ في حياتكِ.
ولكنني آخرُ قصيدةِ
مكتوبةِ بماءِ الذهبِ
تعلَّقُ على جدارِ نهديكِ
وأخرُ نبيِّ
أقعُ الناسَ بوجودِ جنَّةِ ثانيةِ
وراءَ أهدابِ عينيكَ.

Я не стал для тебя
последней любовью...
Но знай — я касыда твоя последняя,
золотой вязью начертанная у тебя на груди!...
Я — последний пророк,
Возвестивший миру о втором рае,
Охраняемом твоими ресницами...

IV IV

يندفعُ حَبِّي نحوكَ..
كحصانٍ أبيض..
يرفضُ سرجَه وفارسَه.
لو كنتِ يا سيِّدتي
تعرفينَ أشواقَ الخيولِ
لملأتِ فمي..
لوزاً.. وكرزاً..
وفستقاً أخضر..

Моя любовь
мчится к тебе белым стремительным скакуном,
сбросившим всадника и седло...
Если бы ты, моя госпожа,
прониклась страстью его —
ты бы кормила меня с ладони
вишней, фисташками
и миндалем!..

V V

لا أنا أستطيعُ أن أفعلَ شيئاً
ولا أنتِ تستطيعينَ أن تفعلِي شيئاً
ماذا يستطيعُ أن يفعلَ الجرحُ
بالسكينِ المسافرةِ فيه؟

Я не могу ничего сделать
и ты — не можешь...
Мы — края одной раны,
Которую рассекает нож!..

VI

أعرفُ..
 ونحنُ على رصيف المحطة
 أنكِ تنتظرين رجلاً آخر..
 وأعرفُ، وأنا أحمل حقائبك
 أنكِ ستسافرين مع رجلٍ آخر..
 وأعرفُ.. أنني لم أكنُ..
 سوى مروحةٍ صينية خفقت عنك حرارة
 الصيفُ
 ورميتها بعد الصيفِ..
 أعرفُ أيضاً..
 أن رسائل الحب التي كتبتها لكِ..
 لم تكن سوى مرايا..
 رأيتُ فيها غروركِ..

* * *

ومع هذا..
 ساحمٌلُ حقائبكِ..
 وحقائبَ حبيبكِ..
 لأنني.. أستحي أن أصفح امرأةً
 تحمل في حقيبها يدها البيضاء..
 أحلى أيام حياتي..

VII

لستُ معلماً..
 لأعلمك كيف تحبين..
 فالأسماك، لا تحتاج إلى معلّم
 لتتعلمَ كيف تسبح..
 والعصافير، لا تحتاج إلى معلّم
 لتتعلمَ كيف تطير..
 إسبحي وحدكِ..
 وطيري وحدكِ..
 إن الحب ليس له دفاتر..
 وأعظمُ عشاق التاريخ..
 كانوا لا يعرفون القراءة..

VI

Вокзал...
 И мы еще вместе, но знаю —
 Ты ждешь другого.
 Молча несу твои вещи, но знаю —
 Уедешь с ним!...
 Что я для тебя? Игрушка,
 мальчик на побегушках,
 пестрый китайский веер в летний
 палящий зной...
 А мои письма?
 Они твою гордыню питали —
 Только твоё тщеславие
 Смотрелось в их зеркала!...

* * *

Но я несу твои вещи
 и вещи того — другого...
 Я не посмею ударить женщину,
 Уносящую в белой сумочке
 нежных ладоней
 Лучшие дни моей жизни...

VII

Я не учитель —
 не берусь обучать любви...
 Птица взмывает ввысь,
 Рыба ныряет в пучину —
 Кто их учил?
 Лети — как летится!
 Плыви — как плывется!
 Еще не создан учебник любви...
 А те,
 Чья любовь воспета в легендах —
 Не знали алфавита...

ИЗ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ КЛАССИКИ НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

УДК 82-13(47) ≈ 411.21
ББК 84(2Рос=Рус)1-57

ИЗ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (1814–1841)

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ. ДЕМОН Перевод и комментарий: *Назим М. Хамуд*

АННОТАЦИЯ

Представлен перевод Н.М. Хамуда образцов русской классики на арабский язык, имеющих отношение к христианской тематике — «Ветка Палестины», отрывок из поэмы «Демон» М.Ю. Лермонтова. Приведены комментарии переводчика об особенностях перевода некоторых христианских терминов.

Ключевые слова: Лермонтов М.Ю., русская поэзия, XIX век, христианские термины, Назим М. Хамуд, переводы на арабский.

От переводчика

Точная дата создания стихотворения «Ветка Палестины» неизвестна. Предыстория его такова. Православный духовный писатель и государственный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) в 1829–1830 гг. совершил путешествие на Восток и посетил Святую Землю. (Муравьев побывал в Египете (в частности, в Александрии и Каире), Иерусалиме, на Кипре, в Смирне, Константинополе). Из этой поездки им была привезена пальмовая ветвь и другие реликвии. По материалам поездки им были написаны две книги — «Описание предметов древностей и святыни, собранных путешественником по святым местам» (Киев, 1872) и «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» (СПб., 1832). По свидетельству А.Н. Муравьева, М.Ю. Лермонтов сочинил стихотворение у него в квартире в феврале 1837 года, куда приезжал перед арестом в связи расследованием по делу о стихотворении «На смерть поэта». Лермонтов долго ждал Муравьева и в образной увидел пальмовые ветви, привезенные им из Святой Земли. В воспоминаниях друга М.Ю. Лермонтова, Акима Павловича Шан-Гирея, говорится, что Муравьев подарил Лермонтову пальмовую ветку, которой поэт очень дорожил и хранил в «ящике под стеклом» (1). Вскоре им было написано стихотворение «Ветка Палестины», впервые напечатанное в журнале «Отечественные записки» в 1839 г.

Можно указать на сложности с переводом названия стихотворения. До сих пор в имеющихся арабских переводах название «Ветка Палестины» переводили дословно: غصن فلسطين [guṣn falasṭīn], что буквально соответствовало названию стихотворения на русском языке (guṣn — ветка дерева вообще). Однако в церковном чине празднования Пасхи и богослужения в церкви имеется в виду именно пальмовая ветвь, она является одним из почитаемых элементов и по значимости приближается к иконе, кресту и киоту. Пальмовая ветвь по-арабски: سعفة [sa‘fa]. Именно это слово и было использовано нами при переводе названия стихотворения на арабский язык.

Также возникали вопросы с переводом специальной церковной терминологии на арабский язык. В распространенных двуязычных русско-арабских и арабско-русских словарях слова «киот» (или «кивот») нами не было обнаружено, в словаре П.К. Жузе (2) был предложен вариант تابوت [tābūt]. Это слово в арабском языке многозначно. Так, в современном авторитетном арабско-русском словаре Х.К. Баранова оно переводится на русский язык как: 1. сундук, ящик; коробка; 2. *библ.* ковчег; 3. гроб, саркофаг. То есть, при использовании этого варианта текст, вполне вероятно, не был бы правильно понят читателем, особенно в мусульманской среде. Поэтому нами было принято другое решение. В арабском переводе стихотворения М.Ю. Лермонтова нами была использована передача слова «киот» в транслитерации арабскими буквами الكيفوت и сделана сноска, в которой, во-первых, пояснялось значение термина (особый украшенный шкафчик, часто створчатый, или застекленная полка для икон), и, во-вторых, было сказано об истории его употребления во времена раннего христианства (нечто вроде тайника, запертого в стене храма и монастыря для хранения редких рукописных листов Пятикнижия, Евангелия и мощей священников, патриархов, священников высокого ранга и всего, что было связано с их духовным наследством).

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

(3) سعفة فلسطين

قولي لي، يا سعفة فلسطين
أين نشأت وأين ازدهرت؟
في أي الروابي، وفي أي وادٍ؟
أنت الزينة كنت؟

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

أُقرب مياه الأردن الطاهرة؟
هل ذلك شعاع الشرق
وهل هزتك، بغضبٍ، في الليل
ريح جبال لبنان؟

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

هل تلا أبناء سوليم اليوساء
الصلاة بخفوت
حينما سقوا حوصك
أم أنشدوا لحناً قديماً؟

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?

وتلك النخلة أمارالت حية؟
وبسغب رأسها العريض
تجذب في قيظ الصيف
المارين بالصحراء.

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

، أم ذبلت، كما أنت
، من الفراق الكئيب
ونصيب من الغبار يرقد بهم
على الأوراق الذابلة الصفراء؟

، أخبريني: أو كان المؤمن بالله
، الذي حملك إلى هذا البلد
يحزن مراراً عليك؟
وهل تحفظين أثرَ دموعه الساخنة؟

أ لأنه خير فرسان جند الله
كان ذا صباح طاهر
كم أنت جديرٌ، أبدأً، بالفردوسِ
.. أمام الناس وأمام الله؟

يا سعة القدس
محروسةً، أنت، بعناية غيبية
شامخةً أمام الأيقونة الذهبية
يا حارسة الأقداس الوفية
شعاع القنديل، غسق شفاف
، الكيفوت(٤) والصليب، رمز القدسية
مُفعمٌ بالحياة والرضا
كلُّ ما هو حولك، وما هو عليك

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья...

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горячих слез?

Иль божьей рати лучший воин
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?

Заботой тайною хранима
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой.

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

<1837>

م. ليرمونتوف (1814–1841)
ترجمة و تعليق / ناظم مجيد حمود

ДЕМОН

ПОЭМА

مقطع من ملحمة الجنّ

Часть II, X (отрывок)

أقسم بيوم الخليفة الأول
أقسم بيومها الأخير
أقسم بعار الجريمة
وبسيادة الحق الخالد.
أقسم بألم الانهيار المرير،
وبانتصار الحلم القصير؛
أقسم باللقاء معك
وبالفراق المرعب من جديد.
أقسم بالأرواح الكثيرة،
بمصير الأشقاء التابعين لي،
بسيوف الملائكة الرزينة،
باعدائي البيقطين؛
أقسم بالفردوس وبالجهنم،
بأقداس الأرض وبك،
أقسم بنظرتك الأخيرة،

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянусь небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,

وَدَمَعْتِكَ الْأُولَى،
بشعر نَفْسِكَ الْوَدِيعِ،
بموجاتِ شعركِ المتجددِ الحَرِيرِيِّ،
أَفْسُمُ بِالنَّعِيمِ وَالْعِنَاءِ،
أَفْسُمُ بِحَبِي؛
إِنِّي تَنَازَلْتُ عَنِ النَّارِ الْقَدِيمِ،
إِنِّي تَخَلَيْتُ عَنِ الْأَفْكَارِ الشَّامِخَةِ؛
وَمِنَ الْآنَ لَنْ يَفْلِقَ سَمَ التَّمَلُّقِ الْمَاكِرِ
عَقْلَ أَحَدٍ بِشَيْءٍ؛
أُرِيدُ أَنْ أَتَصَالِحَ مَعَ السَّمَاءِ،
أُرِيدُ أَنْ أَحِبَّ، أَنْ أَصَلِّيَ،
أُرِيدُ أَنْ أُوْمِنَ بِالْخَيْرِ.
وَدَمُوعَ النَّدَمِ تَمْسَحُ
سَيِّمَاءَ نَوْرِ الْفَرْدُوسِ
فَجَبِينِي جَدِيرَ بَكَ -
وَالدُّنْيَا فِي الْخُفَاءِ أَطْمَنَّتَانِ
فَلتَزْدَهْرْ بِدُونِي!.

Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем.
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться.
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведение спокойном
Пусть доцветает без меня!

1829—1839

(впервые в России поэма полностью напечатана в 1860 г.)

للمرة الأولى نُشِرت القصيدة كاملة في روسيا عام 1860

(1). См. электронный ресурс: <http://pishi-stihi.ru> Обращение 25.04.2016.

(2). Жузе Пантелеймон Крестович (1870—1942, Бандали ибн Салиба аль Джаузи) — выходец из Сирии, жил и работал в России, востоковед и религиовед, историк христианского Востока и ислама.

(3). حسب إطلاعنا، تبين أن جميع المترجمين والباحثين الذين جاءوا على ذكر هذه القصيدة ترجموا عنوانها (غصن فلسطين). حرفياً، هذه الترجمة تناسب عنوان القصيدة باللغة الروسية (فيتكا باليستيني) لو كان المقصود في النص هو غصن شجرة أخرى غير النخلة. ففي طقوس ومراسيم عيد الفصح النصراني الأرثوذكسي وصلاة العبد في الكنيسة والأديرة تشكل السَّعْفَةُ إحدى العناصر المكرمة، وتجاوز الصليب والإيقونة الذهبية (الكيفوت). هذا العرف الديني ما زال سائداً إلى اليوم. (ناظم مجيد حمود).

(4). لم نجد لمفهوم (الكيفوت) ما يقابله عربياً في المراجع اللغوية والكنسية المتاحة، ولبت مَنْ يزودني به من القراء الكرام. إذ وردت له ترجمة في قاموس بندلي الجوزي (تايوت)، وفي معجم اكسفورد انجليزي عربي للاستعمالات اللغوية المتداولة وبعض القواميس (صندوق الأيقونة/icon - case). لذا اضطررنا أن نبقى (الكيفوت) في النص المترجم كما هو في الأصل. ووضعنا له تعريفاً وصفيًا؛ موضع الأيقونة الأقدس، حافظة نفيسة ذات برواز مُطعم، عادةً، بالمعادن والأحجار الكريمة. ويعد (الكيفوت) أحد لوازم طقوس الصلاة في الكنيسة الأرثوذكسية.

وقبل ذلك، في عصر المسيحية المبكرة، كان بمثابة فجوة مغلقة في جدار المعبد والدير لحفظ الصحف النادرة من التوراة والإنجيل، ورُفَات الحاخامين والبطاركة والقساوسة الكبار وما هو على صلة بآرائهم الديني

УДК 016.92 : 378.4
ББК 80.61.3г(2)6/7
80.61.1г(2)6/7

А.А. Долинина

ПОТЕРИ НАУКИ

АННОТАЦИЯ

Включает три кратких очерка памяти арабистов и семитолога, сотрудников кафедры арабской филологии Восточного факультета СПбГУ: К.О. Юнусов (1931–2009), Г.М. Глускина (1922–2014) и О.Б. Фролова (1926–2015).

Ключевые слова: К.О. Юнусов (1931–2009), Г.М. Глускина (1922–2014), О.Б. Фролова (1926–2015), Восточный факультет СПбГУ, арабистика, семитология, рукописи.

К.О. Юнусов

(19.03.1931–06.05.2009)

6 мая 2009 г. Кафедра арабской филологии СПбГУ лишилась одного из самых ярких своих преподавателей, выпускника 1955 г. Кемаль Османовича Юнусова (1931–2009). Кемаль Османович был натурой артистической по природе своей: он хорошо рисовал, профессионально фотографировал, пел, играл на гитаре, отличался тонким эстетическим вкусом. И основная тема его научной работы в течение всей жизни тоже была связана с искусством: «Арабская драматургия и театр», тема привлекательная, но мало разработанная. Кемаль Османович внес в изучение ее много нового, скрупулезно собирая все публикации касательно театра на Арабском Востоке. Помимо солидной монографии о драматургии классика ново-арабской литературы Тауфика аль-Хакима (защищена в качестве кандидатской диссертации), он написал целый ряд статей о других арабских драматургах и о театральных постановках в различных арабских странах; теперь все это, как опубликованное ранее, так и никогда не публиковавшееся, вошло в книгу «Арабская вязь», собранную и изданную посмертно его дочерью В.К. Юнусовой. Книга содержит совершенно неординарный материал о развитии арабского театра.

К.О. Юнусов проработал на Кафедре арабской филологии 50 лет. Он читал курс новейшей арабской литературы и вел языковые занятия; и то, и другое протекало удивительно живо и отнюдь не стандартно. Будучи прекрасным переводчиком арабской художественной литературы, он старался привить переводческие навыки своим студентам, наглядно показывая им разницу между точным переводом деловых бумаг и переводом художественной литературы. Все, кто принимали участие в организуемых

им на Кафедре вечерах переводов или хотя бы присутствовали на них, никогда не забудут праздничной творческой атмосферы, царившей на этих вечерах, которым, увы, нет настоящего продолжения.

Г.М. Глускина

(06.07.1922–03.11.2014)

3-го ноября 2014 г. в Израиле, вдали от родной Арабской кафедры, на 93-м году жизни скончалась Гита Менделевна Глускина (1922–2014), выпускница и долготелый сотрудник Восточного факультета СПбГУ. Ей и ее учителю профессору И.Н. Винникову принадлежит заслуга восстановления с середины 1950-х гг., в формате Кафедры арабской филологии, научных исследований и подготовки студентов по семитологии, изничтоженной в конце 40-х—начале 50-х годов в ходе так называемой «антикосмополитической кампании».

Ко всему, за что бралась Гита Менделевна, она относилась с полной отдачей, будь это занятия со студентами, руководство их курсовыми и дипломными работами, или выполнение собственных научных трудов. Ее отличал широкий диапазон интересов: трудно сказать, была она литературоведом или лингвистом и какому семитскому языку отдавала предпочтение — древнееврейскому или сирийскому. Среди ее работ разнообразной тематики особенно выделяются две — кандидатская диссертация, посвященная петербургским рукописям макал Алхаризи (XII–XIII в.), позволяющая внести серьезные исправления в имеющиеся переводы и толкования этого памятника, и главный ее труд — издание, перевод и исследование средневекового математического трактата «Выпрямляющий кривое». Для этого издания она переписала весь еврейский текст печатными буквами, ибо по издательским требованиям машинопись не годилась. Математическое образование, полученное в свое время Гитой Менделевной, позволило ей проникнуть в содержание трактата, без чего адекватный перевод не был бы возможен. Тонкий филологический анализ натолкнул ее на предположение об авторстве книги, которое затем блистательно подтвердилось.

Тяжкие болезни и семейные обстоятельства заставили Г.М. Глускину в 80-х годах прекратить преподавание, но научные труды она не бросала, посвятив последние 30 лет своей жизни изучению еврейской поэзии в Андалусии. Ее статьи постоянно появлялись в Интернете, а в 2005 г. одну из них она даже прислала из Израиля в качестве доклада на Университетскую сессию, посвященную 150-летию Восточного факультета.

О.Б. Фролова

(29.06.1926–12.07.2015)

12 июля 2015 г. в возрасте 89 лет ушла из жизни Ольга Борисовна Фролова (1926–2015), известная арабистка, одна из последних учениц акад. И.Ю. Крачковского. Окончив школу в блокадном Ленинграде, она пришла на 1 курс Восточного факультета в победном 1945 году и оставалась верна Университету до конца своих дней: студентка, аспирантка, преподаватель, доцент, профессор, заведующий Кафедрой арабской филологии, почетный профессор Университета. Ольга Борисовна руководила кафедрой почти четверть века, и годы ее заведования были временем мира и согласованной работы на Кафедре. Она стремилась разумно сочетать филологические традиции своих учителей — традиции прежнего ФВЯ — с необходимостью решать задачи сегодняшнего дня,

что требовало больших затрат духовной энергии от всех преподавателей Кафедры, а от руководителя — вдвойне. Но Ольга Борисовна с этим стоически справлялась, достойно выходя из затруднительных положений, и умело налаживала связи с зарубежными и федеральными арабистическими центрами. С тем же достоинством она вела занятия со студентами Кафедры — деловито, спокойно, демократично, но всегда сохраняя необходимую дистанцию.

Ольгу Борисовну отличало разнообразие интересов в области арабистики, чему способствовало ее трехлетнее преподавание в Каирском университете «Айн Шемс». В Египте зародился ее стойкий интерес к египетской народной поэзии, фольклорной и авторской; этому была посвящена ее докторская диссертация, успешная защита которой прошла в 1975 г.

Велика заслуга О.Б. Фроловой в области описания рукописей Восточного факультета. Исследование их легло в основу курса по описанию арабских рукописей, много лет подряд читанного ею на Кафедре и сопровождаемому специальным семинаром, который прививал студентам полезные навыки описания. Полный каталог арабских рукописей Библиотеки Восточного факультета был выпущен ею в 1996 г. Здесь Ольге Борисовне часто приходилось идти по целине: львиная доля университетских рукописей содержит мало исследованные сочинения позднего Средневековья, так что в ряде случаев О.Б. Фролова оказывалась первооткрывателем, что укрепило ее известность в мировой арабистике.

См.: рис. № 2.

УДК 016.92 : 027.021
ББК 78.33г(2-2СПб)6/7
80.163г(2)7+63.3г(543.0)6

Г.З. Пумпян

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ

АННОТАЦИЯ

Включает два кратких очерка памяти сотрудников ОЛСАА БАН: тюрколог И.В. Гайда (Самсонова) (1977–2015) и иранист Ш.А. Койбагарова (1906–1994)

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук; тюркология; иранистика; И.В. Гайда (Самсонова) (1977–2015); Ш.А. Койбагарова (1906–1994), турецкий детектив; политические репрессии 1930-х гг.

И.В. Гайда (Самсонова)
(26.02.1977–15.10.2015)

Ирина Васильевна Гайда (Самсонова), востоковед-тюрколог, проработала в ОЛСАА БАН в общей сложности восемь лет. Она пришла на работу в ОЛСАА сразу после окончания отделения тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ в 1999 г. Какой запомнилась Ирина? Очень увлеченная своей специальностью, энергичная, деятельная, открытая, доброжелательная, очень целеустремленная и — необыкновенно красивая. Работа Ирины Васильевны в ОЛСАА была связана, прежде всего, с приведением в порядок некоторых разделов турецкого фонда, т.к. профессиональных тюркологов на постоянной работе в отделе подолгу не было, и поступавшие в немалом количестве монографии на турецком языке в разных научных сериях лишь регистрировались в картотеке продолжающихся (серийных) изданий. Ирина Васильевна очень оперативно и квалифицированно выполнила полные библиографические описания свыше двухсот монографий по всем правилам, предусмотренным для каталогизации восточной литературы, включая транскрипцию, перевод заглавия на русский язык и систематизацию. В то же время Ирина была сразу настроена на реализацию научных устремлений. Возможно, такое «почтительное» отношение к науке и желание попробовать свои силы на научном поприще были заложены в ней еще совсем в ранние годы благодаря постоянному общению с бабушкой и дедушкой, физиками-экспериментаторами в знаменитом городке физиков-ядерщиков Арзамас-16. Можно даже с полным основанием сказать, что Ирина в свое время подтолкнула отдел к проведению конференций «Россия и тюркский мир». Присмотревшись к работе отдела и весьма регулярным конференциям по теме «Россия и Восток», а они проводились по направлениям «Россия и Арабский мир», «Россия и Япония» и «Россия и Китай», Ирина выступила с предложением — может быть, мы могли бы провести конференцию, посвященную связям России и тюркских народов? На вопрос — а найдем ли мы достаточно желающих выступить? — Ирина уверенно ответила, что найти докладчиков вполне реально и назвала ряд российских и зарубежных

специалистов, с которыми можно было бы установить контакты. После почти года работы в ОЛСАА Ирина Васильевна поступила в аспирантуру Восточного факультета, однако связи с отделом не прерывала и приняла участие в Первой международной конференции «Россия и тюркский мир», проведенной совместно с кафедрой тюркской филологии СПбГУ. Ирина Васильевна хорошо владела турецким разговорным языком, во время летнего отпуска работала с нашими туристами в Турции, была квалифицированным историческим гидом. В начале 2004 г. Ирина вернулась в ОЛСАА, где проработала до середины 2010 г. Она также участвовала и во 2-й международной конференции «Россия и тюркский мир» в апреле 2005 г. и помогала в ее организации и в оформлении конференц-зала. Ирина также активно включилась в сбор материалов для серии каталогов, посвященных связям России и стран Востока, делала роспись художественно-литературных журналов XIX в. и «Журнала Министерства народного просвещения». Результатом этой работы были ее выступления на конференциях и публикации, в том числе и доклады о роли российских ведомственных изданий в изучении тюркских народов и Турции (Журнал Мин-ва нар. просвещения), об особенностях школьного образования среди мусульман в Средней Азии на рубеже XIX—XX вв. на Лавровских чтениях в 2007 г. (совместно с Г.З. Пумпян) и др. Впоследствии она перешла на преподавательскую работу (в обучающей фирме «Конесанс», в фирме «Репетитор»). Подарила БАН несколько ценных изданий, в т.ч. — прекрасно изданную большую и богато иллюстрированную книгу «Классическое искусство стран ислама» (авт. текста Б.В. Веймарн; М., 2002), первую в России обобщающую монографию по истории искусства стран и народов Ближнего и Среднего Востока в средние века. Последние годы И.В. Гайда успешно работала над диссертацией о жанре детектива в турецкой литературе под руководством А.В. Образцова. По этой теме у нее были также выступления на конференциях и публикации в научном журнале «Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение». По отзывам специалистов, ее коллег, она успела внести хоть и небольшой, но важный и ценный вклад в науку, в современную тюркологию, и теперь уже ни одна научная работа на эту или близкую ей тему не будет полноценной без ссылки на работы Ирины. Об этом говорила и писала ее однокурсница Алия Сократовна Сулейманова. Об Ирине Васильевне ее друзья вспоминают как о чудесном, очень добром, душевном, отзывчивом человеке. Светлая ей память.

Ш.А. Койбагарова
(25.09.1906—4.01.1994)

25 сентября 2016 г. было сто лет со дня рождения одного из первых сотрудников ОЛСАА БАН, Шафики Ахмедбековны Койбагаровой (ее фамилия пишется по-разному — Койбогарова, Кайбагарова). Шафика Ахмедбековна поступила на работу во вновь созданный отдел Зарубежного Востока в 1956 г. и, можно сказать, была у истоков его создания. Шафика Ахмедбековна по своей биографии, складу характера во многом была воплощением того, что в 1920—1930-е гг. принято было называть «новая женщина Востока». В то же время, суровая эпоха порой была к ней жестока, и ее не миновали трагедии того времени. Она родилась в казахско-татарской семье, в которой отец, А. Койбагаров, был первым казахом, получившим юридическое образование еще до 1917 г. (в Российской империи для казаха получение высшего образования было возможно лишь по востоковедению), работал адвокатом, в советское время состоял

на руководящих должностях в местных органах власти. По ее словам, был человеком широких взглядов. Большое влияние на нее оказывала бабушка по линии отца, которая хотя и жила традиционной жизнью казашки того времени, но при этом хорошо знала фольклор и была хорошей рассказчицей, тянулась к знаниям. Шафика Ахмедбековна училась в татарской и русской школах, в 1924 г. была командирована на учебу в Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте на восточный факультет, где проучилась год. Занималась общественно-социальной и политико-просветительской работой среди женщин разных национальностей Средней Азии — в 1925–1926 гг. работала в женотделах губкомов ВКП(б) и РКПб в Чимкенте, Актюбинске, Фрунзе. В 1928 г. участвовала как переводчик в антропологической экспедиции в Киргизии под руководством С.И. Руденко, во время которой совершала переходы верхом на лошади. Позже уехала учиться в Ленинград и в 1930 г. окончила Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе (ЛВИ) по специальности «история Востока» (Средняя Азия), изучала иранские языки. Увлекалась и таким новым и экстремальным по тому времени занятием, как парашютный спорт. В 1931–1934 гг. училась в аспирантуре Института востоковедения АН СССР (по истории Казахстана), по окончании которой в 1935–1936 гг. работала в Институте истории АН СССР в должности младшего научного сотрудника. Ее супругом был китаевед-экономист Эйзер Львович Груздев (Радин, Груздев-Радин), занимавший довольно значительные административные и партийные должности в ЛВИ (проректор, освобожденный секретарь парторганизации) и в Закавказском филиале Академии наук (член Президиума). Своего сына они назвали Ирк, что по-казахски значит «свобода» (дома его звали Ирик). В 1936 г. Э.Л. Груздев был арестован и отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), после расформирования лагеря в 1937 г. был расстрелян. После ареста мужа Шафике Ахмедбековне пришлось уйти из Института востоковедения и одно время (в 1936–1937 гг.) она работала секретарем Промкомбината в Ленинграде (по другим данным в 1936 г. вернулась в Киргизию, преподавала историю в Электротехническом институте во Фрунзе). Впоследствии она была репрессирована и в 1937–1942 гг. отбывала срок в исправительно-трудовых лагерях в Томской и Новосибирской областях как член семьи изменника родины (ЧСИР). С 1942 г. жила в ссылке в Семипалатинской области, где работала на разных предприятиях и в райфинотделе в небольших городках и станционных поселках, а позже в самом Семипалатинске (нормировщиком, бухгалтером, инженером по труду). В ее личном деле в Отделе кадров указаны 5 мест проживания. Статьи о Ш.А. Койбагаровой и ее супруге Э.Л. Груздеве включены в книгу Я. Василькова и М. Сорокиной «Люди и судьбы: библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период 1917–1991 гг.» (СПб., 2003). При этом она принадлежала к той категории репрессированных, у которых не пропала вера в идеалы своей молодости, идеалы социализма. В середине 50-х гг. Шафика Ахмедбековна вернулась в Ленинград и с июня 1957 г. по ноябрь 1981 г. работала в БАН, первоначально библиотекарем в Отделе обработки, а с февраля 1959 г. в Отделе зарубежного Востока, впоследствии Отдел литературы стран Азии и Африки, где она занимала разные должности (старший библиотекарь, старший редактор, младший научный сотрудник без ученой степени). После выхода на пенсию она работала в БАН по 2 месяца по срочному договору в 1981 и в 1982 гг. В перечень ее основных служебных обязанностей входил комплекс работ с литературой

иранской и тюркской групп языков, а помимо этого еще и каталогизация литературы по востоковедению на русском и западноевропейских языках и ведение алфавитного и систематического каталогов, ведение книги движения фондов отдела, обслуживание читателей. Она также принимала активное участие в библиографической работе ОЛСАА как составитель разделов по ираноязычным странам и Турции в 1-м выпуске каталога справочных изданий и 4-х каталогах периодических изданий стран Азии и Африки по естественным и общественным наукам (см.: Биобиблиографический словарь сотрудников БАН, 2015). Шафика Ахмедбековна отличалась исключительной добросовестностью и трудолюбием и была феноменально аккуратна во всем. У нее был очень красивый почерк, а ее карточки в арабской графике просто безупречны. Ш.А. Койбагарова имела всевозможные поощрения и среди них — такую довольно редкую награду, как Грамота Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза (1964). Шафика Ахмедбековна была очень позитивным человеком. Очень спокойная, уравновешенная, трезвомыслящая и в то же время живая и жизнерадостная, общительная, отзывчивая, легкая на подъем. Уже в немолодом возрасте (а она работала в БАН еще и в 77 лет) с удовольствием была готова присоединиться к разным инициативам молодых сотрудников — поход на концерт, в кино и пр. Поэтому общаться с ней было очень хорошо и приятно. О годах в лагере никогда не говорила, но иногда что-то прорывалось. Например, с ней, оказывается, были в то время сестры М.Н. Тухачевского, иногда во время прогулки в обеденный перерыв в окрестностях БАН показывала на противоположном берегу Невы окна своей в прошлом квартиры с видом на реку, видимо, по адресу на пр. Добролюбова. Иногда навещала в Доме ветеранов науки в Пушкине свою подругу молодости — востоковеда из Москвы Зинаиду Кастельскую, которая была племянницей Н. Бухарина. После возвращения из ссылки она поначалу поселилась в коммунальной квартире в «сталинском» доме на углу ул. Фрунзе и пр. Гагарина, где давали жилье многим репрессированным, вернувшимся в Ленинград. А после жила вместе с семьей сына, с тремя внуками в Кировском районе. Ее сын, Ирк Эйзерович Груздев, был успешным преподавателем вуза (заведовал кафедрой в Институте холодильной промышленности). К сожалению, ей пришлось вынести еще один удар судьбы — она потеряла сына и невестку и, будучи на пенсии, жила с внучкой Мариной, детским врачом, и ее семьей. Шафика Ахмедбековна оставила после себя добрую память среди всех, кто ее знал.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ ИВР РАН	—	Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
АВПРИ, ф. РИППО	—	Архив внешней политики Российской империи, фонд Российского Императорского Православного Палестинского Общества
АМ	—	Азиатский музей
БАН	—	Библиотека Академии наук
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ГМИ СПб	—	Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМИР	—	Государственный музей истории религии
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ с 27 марта 1992 г.)
ГТГ ОР	—	Государственная Третьяковская галерея, Отдел рукописей
ИАН	—	Императорская академия наук
ИВР РАН	—	Институт восточных рукописей Российской академии наук
ИППО	—	Императорское Православное Палестинское общество
КА	—	Красная армия
ЛАГ	—	Лига арабских государств
ЛВИ	—	Ленинградский восточный институт
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИЖВЯ	—	Ленинградский институт живых восточных языков
ЛИФЛИ	—	Ленинградский институт философии, литературы, истории (выделился из ФОН, в 1937 г. на базе ЛИФЛИ был создан Филологический факультет ЛГУ)
ЛО ИВАН	—	Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛО ИЯ	—	Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (в наст. время — Ин-т лингвистических исследований РАН)
МКО	—	Сектор международного книгообмена в Отделе комплектования библиотечных фондов БАН (в 50–70-е гг. — в Отделе иностранного комплектования БАН)
НАН Украины	—	Национальная академия наук Украины

НаУКМА	— Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
НРАКЦ СПб.	— Независимый русско-арабский культурный центр СПб.
ОГН	— Отдел гуманитарных наук АН СССР
ОЗВ	— Отдел зарубежного Востока (с 1962 г. — ОЛСАА)
ОЛСАА БАН	— Отдел литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской Академии наук
ОЛСАА РНБ	— Отдел литературы стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки
ОМДС	— Оренбургское магометанское духовное собрание
ОРД ИВР РАН	— Отдел рукописей и документов ИВР РАН
РАИК	— Русский Археологический Институт в Константинополе
РГАВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГПУ им. А.И. Герцена	— Российский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена
РККА	— Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РНБ	— Российская национальная библиотека (ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина до 27 марта 1992 г.)
РНБ ОР	— Российская национальная библиотека, Отдел рукописей
РО ИВАН	— Рукописный отдел Института востоковедения АН СССР (в наст. время — Отдел рукописей и документов ИВР РАН)
РОО «Институт Петербурга»	— региональная общественная организация «Институт Петербурга»
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ А РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
УАН	— Украинская академия наук
ФВЯ ПИУ	— Факультет восточных языков Петербургского импера- торского университета
ФГГМ, ФЖГГМ	— Фонд живописи и графики городов мира Государствен- ного музея истории Санкт-Петербурга
ФГБУН	— Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ФОН	— Факультет общественных наук Петроградского / Ленин- градского университета
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, работающая до настоящего времени

- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
- AAPD — Asia and Africa publications Department
- ИОМ РАН — Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences
- ИОПС — Imperial Orthodox Palestine Society
- РАН — Russian Academy of Sciences
- РАСЛ — Russian Academy of Sciences Library
- ИРАЦЦ СПб — the Independent Russian-Arab cultural center of Saint Petersburg

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Авантитул — логотип сборника в виде арабеска в форме вазы, представляющий собой надпись: وَمَا عَلَيْنَا إِلَّا الْبَلَاغُ الْمُبِينُ

И нам надлежит только сообщить ясно. Коран, сура йа син (36), аят 17.

В пер. И.Ю. Крачковского: И на нас только ясное сообщение. Коран. М., 1963). Источник: 1974, منشورات مكتبة النهضة بيروت، بغداد : الطبعة الثانية. الخط العربي. الصورة مصور زين الدين ناجي. (предоставлен Н.М. Хамудом).

Из истории

ближневосточной ветви петербургского востоковедения

Памяти профессора Виктора Ивановича Беляева (11.05.1902—07.05.1976)

1. Профессор Виктор Иванович Беляев. Ленинград, 1960-е гг.
 2. Кафедра арабской филологии Восточного факультета СПбГУ. Ленинград, 1974 г. Слева направо: асс. А.В. Поповкин, доц. А.А. Долинина, ст. преподаватель Л.З. Писаревский, проф. В.И. Беляев, доц. О.Б. Фролова, доц. Г.М. Глускина, доц. К.О. Юнусов.
 3. В.И. Беляев делает доклад в Арабском кабинете ИВАН (Азиатский музей), сидят: акад. И.Ю. Крачковский и Ю.А. Якубовский (чл.-кор. с 1943 г.). Ленинград, 1930-е гг.
 4. В.И. Беляев и Л.Н. Беляева (Саакова). Ленинград, конец 1920-х гг.
 5. В.И. Беляев. Ленинград, 1930-е гг.
 6. В.И. и Л.Н. Беляевы на даче у И.Ю. и В.А. Крачковских. Комарово, конец 1940-х гг. Архив востоковедов, ИВР РАН
 7. Участники XXV Международного конгресса востоковедов в Москве (9—16 августа 1960 г.) во время работы секции, слева направо: аспирант В.И. Беляева Исмадулла Абдуллаев (Ташкент), проф. В.И. Беляев (Ленинград), д.и.н. Е.А. Беляев (Москва)
 8. В.И. Беляев во время командировки в Бакинский университет. Баку, 15—25 апреля 1968 г. Архив востоковедов, ИВР РАН.
- См. также рис. №№ 12, 14, 15.

Из истории университетской арабистики и семитологии

9. Александр Касимович (мирза Александр) Казем-Бек (22.06.1802—27.11.1870), первый декан факультета восточных языков Петербургского императорского университета (ФВЯ ПИУ), литография из альбома Н. Ванифатьева, фонды Музея истории СПбГУ.
10. Мулла Хусаин Фаизханов, преподаватель ФВЯ ПИУ (портрет из фондов НИИ им. Х. Фаизханова).
11. Акад. Игнатий Юлианович Крачковский (4 (16).03.1883—24.01.1951).

12. Группа студентов-семитологов и преподавателей арабистов и семитологов ЛГУ в доме И.Ю. и В.А. Крачковских на углу наб. лейтенанта Шмидта и 7-й л. Слева направо в первом ряду: И.С. Гринберг, Н.П. Ерехович; во втором ряду: Мария Свицер, Л.А. Липин, К.В. Старкова, А.Я. Борисов (несколько поодаль, прислонившись к стене); в третьем ряду: К.М. Стрешинская, В.А. Крачковская, И.Ю. Крачковский, Н.В. Юшманов; в четвертом ряду: Евдокия Ткачева [?], А.П. Рифтин и В.И. Беляев. Ленинград, приблизительно 1937 г. Фотоархив Отдела Востока, Гос. Эрмитаж.

13. Университетская наб., похороны И.Ю. Крачковского. Ленинград, 26 января 1951 г. Архив востоковедов, ИВР РАН.

14. Волково кладбище, у венка И.Ю. Крачковскому: А.А. Быков (зав. Отделом нумизматики Гос. Эрмитажа) и В.И. Беляев (тогда зав. Отделом рукописей ИВАН). Ленинград, 26 января 1951 г. Архив востоковедов, ИВР РАН.

15. Волково кладбище, Литераторские мостки, преподаватели и студенты кафедры арабской филологии в связи с 90-летием со дня рождения И.Ю. Крачковского. Слева направо: В.И. Беляев, И.Н. Винников, А.В. Поповкин, В.А. Крачковская, справа — О.Б. Фролова и студенты. Ленинград, март 1973 г. Архив востоковедов, ИВР РАН.

16. Профессор Востфака ЛГУ Исаак Натанович Винников (26.11(09.12)1897–27.06.1973).

17. Члены Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) — семитолог д.и.н. К.Б. Старкова (01.02.1915–27.06.2000) и арабист д.ф.н. А.А. Долинина (12.03.1923–16.04.2017). Ленинград, видимо, конец 1970-х — начало 1980-е гг.

18. Доцент Востфака ЛГУ — СПбГУ Гретта Михайловна Демидова. Ленинград, 1962 г.

Библиотеки и музеи

19. Коран Османа, рукопись. Факсимиле (литография). Россия, Санкт-Петербург, 1905 г. Собрание Государственного музея истории религии (ГМИР).

20. «Мекка и Медина», шамаил (религиозный плакат). Казань. 1899. Хромолиитография. Собрание ГМИР.

21. Образец первопечатной книги на арабском языке начала XVII в. в БАН (Томас ван Эрпе. Грамматика арабского языка. Лейден, 1622). Тит. л.: *Thomae Erpenii Rudimenta linguae arabicae — accedunt ... Praxis grammatica ; & Confilium de studio arabico feliciter instituendo. Leidae : Ex Typographia Auctoris, Anno Dom, 1620. 184 p.* Фонд БАН.

22. Рог — принадлежность дервиша. Ближний Восток, XIX–XX вв. Материал: рог, металл, камни. Техника: резьба. Собрание ГМИР.

«ас-Са'их» (Путник) — литературно-общественный журнал арабов-эмигрантов в Северной Америке. Фонд акад. Крачковского, РНБ

23. Журнал «ас-Са'их». 1921. Т. 9. № 802. На обложке рис. Джебрана Халиля Джебрана «Великий путник».

24. Групповая фотография членов «Лиги пера», над фотографией эмблема Лиги (работа Джебрана Халиля Джебрана). Справа налево в 1-м ряду (вверху): Илийас Аталлах, Рашид Аййуб, Надра Хаддад, Вади' Бахут, Насиб Арида; во 2-м

ряду: Уильям Катисфлайс, Джебран Халиль Джебран, Михаил Нуайме; в 3-м ряду (внизу): Абд аль-Масих Хаддад, Илияс Абу Мади. Ниже статья: «Что такое “Лига пера”?». Журнал «ас-Са’их». 1921. Т. 9. № 802. С. 23.

25. Групповая фотография членов «Литературной лиги» Сирии в Дамаске. Справа налево сидят: Салим ал-Джунди, аш-Шаммас Абифанийус Заид, Халиль Мардам Бек, Мухаммад аш-Шарики; стоят: Абдаллах Надждар, Ахмад Шакир ал-Караме, Халим Дамус, Изз ад-Дин Илм ад-Дин. Журнал «ас-Са’их». 1922. Т. 10. № 899. С. 16.

26. Джебран Халиль Джебран в рабочем кабинете (автопортрет ?). Журнал «ас-Са’их». 1925. Т. 13. № 1191. С. 32.

27. Рисунки Джебрана Халиля Джебрана : Пророк Мухаммад, халиф Харун ар-Рашид. Там же. С. 31.

Международные и научные связи БАН в арабистике

28. Открытие Международной конференции «Восточное Средиземноморье с древнейших времен до наших дней». Конференц-зал БАН, Санкт-Петербург, июнь 2001 г. Слева направо: с приветственным словом выступает директор СПбФ ИВ РАН д.и.н. Е.И Кычанов, переводит директор НРАКЦ, науч. сотр. ОЛСАА Назим М. Хамуд, за столом президиума: директор БАН проф. В.П. Леонов, директор РНБ Зайцев, дуайен посольств арабских государств в РФ Чрезвычайный и Полномочный посол государства Кувейт Фаузи аль-Джасим.

29. Организаторы, участники и гости Международной конференции «Арабская книга». Читальный зал выставки новых поступлений БАН, Санкт-Петербург, октябрь 1995 г. Слева направо: Н.В. Колпакова (зам. директора БАН по научной работе), Т.Н. Лебединская (член Союза писателей Украины), Н.М. Хамуд (директор НРАКЦ, науч. сотр. ОЛСАА), Ханна Яфия Йусиф Джамиль (доц. Востфака СПбГУ), Г.З. Пумпян (зав. ОЛСАА в 1987–2007 гг.), гость конференции ал-Хури (?), Н.Н. Дьяков (проф., зав кафедрой истории стран Ближнего Востока СПбГУ), В.В. Марков (доц. философского факультета СПбГУ).

30. Посол Лиги арабских государств в РФ Муханна Дурра и Почетный декан Восточного факультета СПбГУ акад. М.Н. Боголюбов во время одной из конференций «Россия и Арабский мир» в БАН. Конец 1990-х гг.

31. Открытие выставки «Междуречье с древнейших времен до наших дней» (приуроченной к одноименной конференции). Читальный зал выставки новых поступлений БАН, Санкт-Петербург, июнь 1999 г. Слева — группа послов арабских государств в РФ: посол Лиги арабских государств (ЛАГ) в РФ Муханна Дурра, Чрезвычайный и Полномочный посол ОАЭ Тарик Ахмад аль-Хайдан, Чрезвычайный и Полномочный посол Султаната Оман Абдель Азиз аль-Ханаи, в центре слева направо: Г.З. Пумпян, В.П. Леонов, Н.М. Хамуд, справа — ученый секретарь СПб НЦ РАН проф. Ю.А. Петросян, сотрудники и читатели БАН.

32. Арабисты Санкт-Петербурга и Москвы, гости конференции «Россия и Арабский мир. Центры арабистики в Санкт-Петербурге» в конференц-зале БАН, июнь 1998 г. С края в 1-м ряду: проф. Э.Н. Мишкурин (Москва), гл. науч. сотр. ИВАН А.Г. Белова (Москва), во 2-м ряду: сотр. РНБ Хамис (СПб.), доц. Восточного факультета СПбГУ Яфия Йусиф Ханна (СПб.), в 3-м ряду: к. философ. н. Т.Н. Лебединская (СПб.), доц. (тогда) Восточного факульте-

та СПбГУ О.И. Редькин* (СПб.), ст. преподаватель Восточного факультета СПбГУ Т.М. Сипенкова (СПб.), сотр. ОЛСАА БАН С.Н. Васильев (СПб.), в 6-м ряду: доц. Восточного факультета СПбГУ И.Н. Соколова (СПб.).

Русские путешествия в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток в целом

33. Архимандрит Антонин, 1817–1894 (Андрей Иванович Капустин). Аquareль художника А.Д. Кившенко. Из кн. : *Суворин А.С.* Палестина. СПб., 1898. С. 35.

34. Генерального штаба генерал-лейтенант В.А. Косаговский (1857–1918). Тегеран, 1900. Автор фотографии: Антон Севрюгин (Antoine Sevruquin). Источник: <http://www.auction-imperia.ru/club/17.htm>; yandex.ru/images Обращение 17.11.2016.

35. Персидская Казачья Е.В.Ш. бригада. Тегеран. Автор фотографии: Антон Севрюгин (Antoine Sevruquin).

36. Крейсер «Память Азова». Начало 1890-х гг. Фонд РГАВМФ. Ф. р-2239. Оп. 1. Д. 501. Открытка.

37. Канонерская лодка «Донец». 1900–1905 гг. Фонд РГАВМФ. Ф. р-2239. Оп. 1. Д. 2809. Фото.

38. Канонерская лодка «Кубанец». 1902–1905 гг. Фонд РГАВМФ. Ф. р-2239. Оп. 1. Д. 2768. Открытка.

Русское присутствие и православные паломники в Палестине

39. Русская церковь Св. Марии Магдалины у подножия Елеонской горы в Иерусалиме. Из кн. : Путеводитель по Святой Земле : с 37 литографированными рисунками, новейшим планом Иерусалима и картой Палестины. Одесса, 1894.

40. Девочки Назаретской школы у колодца во дворе школы перед учением под присмотром учительницы умываются. Художник В.И. Навозов. Из кн. : *Суворин А.А.* Палестина. СПб., 1898. С. 298.

41. Иерусалим, новый русский госпиталь. Гравировал Ю. Конден. Из журн. : Всемир. ил. 1869 т. 1. № 14. С. 221.

42. Светлое Христово Воскресенье. Русские паломники, в сопровождения кавасов идущие к Пасхальной заутрене у Гроба Господня в Иерусалиме. Художник В.И. Навозов; автотипия Эд. Гоппе. Из журн. : Всемир. ил. 1894. Т. 51. № 1316. С. 256.

43. Светлое Христово Воскресенье. Наши паломники в Иерусалиме. Освящение куличей, яиц и прочее у Русского собора. Художник В.И. Навозов; автотипия Эд. Гоппе. Из журн. : Всемир. ил. 1894 т. 51. № 1361. С. 257.

Арабские путешествия и арабские источники о России

44. Портрет патриарха Макария Антиохийского. (Источник : Титулярник, XVII в., печатается с разрешения авт. ст. о портрете Макария В. Ченцовой).

45. Портрет египетского шейха ат-Тангави (1810–1861), выполненный художником А.Е. Мартыновым (в Академии художеств был заказан портрет

* В наст. время проф. зав. каф. арабской филологии Востфака СПбГУ.

шейха в связи с его награждением орденом святой Анны 3-й степени с мечами и бантами).

46. Финальная страница Петербургской рукописи «Путешествия патриарха Макария Антиохийского». ИВР РАН В1230. Л. 369.

47. Начало Киевского списка рукописи «Путешествия патриарха Макария Антиохийского».

48. Финальная страница списка рукописи шейха ат-Тантави «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» (Описание России, 1850. Рукопись РНБ).

Исследования Восточного Средиземноморья и сопредельных стран (средние века, современность)

Бедуины Негева (фото М. Йосефи)

49. *Шиг* — мужской шатер, выполняющий функцию зала торжеств и собраний. Украшен белыми флагами по случаю свадьбы (отсутствие флагов означало бы сбор по случаю похорон).

50. Импровизаторы куплетов *бида*, представляющие разные поколения.

51. *Хаши* (традиционно женский персонаж, ныне, как правило, исполняемый юношей) раззадоривает танцующих, танец *дхийя*.

Изображения Палестины и Святых мест в русских и зарубежных изданиях (фонды БАН)

52. Иерусалим. Храм Гроба Господня. Из кн. : Путеводитель по Святой Земле. Одесса, 1894.

53. Вифлеем. Вход в пещеру Рождества Христова. Художник В.И. Навозов. Из кн. : *Суворин А.А.* Палестина. СПб., 1898. С. 167.

54. Иерусалим. Гробница Давида. Из кн. : *Ebers G., Guthe H.* Paelastina in Bild und Wort : Nebst der Sinaihalbinsel und dem Lande Gosen. 2 Bd. / Herausgeg. von G. Ebers, H. Guthe. Stuttgart ; Leipzig, 1884 (Находится на горе Сион на нижнем этаже здания, построенного крестоносцами, под комнатой Тайной Вечери. Считается святым местом у евреев, христиан и мусульман. Вопрос о действительном местонахождении гробницы не решен окончательно).

55. Иерусалим. Арка «Ессе Номо». Художник А.Д. Кившенко. Из кн. : *Суворин А.А.* Палестина. СПб., 1898. С. 98 (Арка перекинута через улицу Via Dolorosa (Путь скорби) от римско-католической базилики в знак того, что на этом месте Понтий Пилат вывел к толпе осужденного Иисуса со словами: «Се человек!» (Ессе Номо)).

56. Гора Фавор (евр. Тавор, араб. Джебель ат-Тор), в Нижней Галилее в 9 км к юго-востоку от Назарета; считается местом Преображения Господня. На вершине горы — действующие православный и католический монастыри. Из кн. : *Ebers G., Guthe H.* Paelastina in Bild und Wort ...Т. 1. С. 296.

57. Иерусалим. Стена плача. Из кн. : *Ebers G., Guthe H.* Paelastina in Bild und Wort...Т. 1. С. 47.

58. Монастырь Св. Саввы Освященного (Мар Саба) — православный греческий мужской монастырь на территории Западного берега реки Иордан, в Иудейской пустыне, в долине Кедрон; основан в 484 г.; в нем в VIII в. прожил около 50 лет Св. Иоанн Дамаскин. Художник А.Д. Кившенко. Из кн. :

Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 210 (Имеется перепечатка в журн. «Всемир. ил.»).

59. Иерусалим. Священная скала внутри мечети ас-Сахра (Купол Скалы) на Храмовой горе. Художник А.Д. Кившенко. Из кн. : Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 43. (В книге неверно названа как мечеть Омара. На самом деле мечеть Омара находится в Иерусалиме перед главным входом в Храм Гроба Господня с северной стороны площади).

60. Мечеть Священной скалы. Из кн. : Палестина. Святая Земля в ее прошлом и настоящем, в изложении Вл.П. Лебедева... Пг., 1894. С. 221.

61. Иерихон. У цистерны во дворе приюта о. Антонина в Иерихоне. Художник В.И. Навозов. Из кн. : Суворин А.А. Палестина. СПб., 1898. С. 182.

62. Свитки самаритянской Библии. Из кн. : Ebers G. Pælastina in Bild und Wort...Т. 1. С. 263.

63. Иерусалим. Фасад мечети ал-Акса. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort...Т. 1. С. 69.

64. Колодец Марии в Назарете. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort... Т. 1. С. 301 (По мнению археологов, был главным источником воды для жителей Назарета, расположен над подземным источником, в месте, где произошло евангельское событие, известное как Благовещение.)

65. Дамаск и река Барада. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort...Т. 1. С. 406.

66. Бейрут. Развалины старого замка близ Бейрутской гавани. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort... Т. 2. С. 47 (Имеется перепечатка в журн. «Всемир. ил.»).

67. Пальмира. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort... Т. 1. С. 442.

68. Баальбек. Портал храма солнца. Из кн. : Ebers G., Guthe H. Pælastina in Bild und Wort... Т. 1. С. 475.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из истории ближневосточной ветви петербургского востоковедения From the history of the Middle East branch of Saint-Petersburg Oriental studies

Памяти проф. В.И. Беляева (11.05.1902–07.05.1976), заведующего кафедрой арабской филологии Восточного факультета ЛГУ в 1951–1974 гг.

To the memory of Professor V.I. Belyaev, 11.05.1902–07.05.1976, head of the Department of Arabic Philology, faculty of Oriental studies of Leningrad State University in 1951–1974

Долнина А.А. Виктор Иванович Беляев (1902–1976). Жизнь и творчество (по фондам Архива востоковедов ИВР РАН) / А.А. Долнина., В.М. Дзевановский

Dolinina A.A. Viktor Ivanovich Belyaev (1902–1976). Life and work (on the funds of the Archive of orientologists, IOM RAS) / A.A. Dolinina, V.M. Dziewanowski

Долнина Анна Аркадьевна (12.03.1923–16.04.2017, Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, профессор Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Dolinina Anna A. (12.03.1923–16.04.2017, Saint-Petersburg) — Doctor of Philology, Professor of the faculty of Oriental Studies, Saint-Petersburg state University
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

Дзевановский В.М. Виктор Иванович Беляев (1902–1976). Жизнь и творчество (по фондам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН) / В.М. Дзевановский, А.А. Долнина

Dziewanowski V.M. Viktor Ivanovich Belyaev (1902–1976). Life and work (on the funds of the Archive of orientologists, IOM RAS) / V.M. Dziewanowski, A.A. Dolinina

Дзевановский Виктор Михайлович (Санкт-Петербург) — независимый исследователь
e-mail: dzevanovsky@gmail.com

Dzevanovski Viktor M. (Saint-Petersburg) — independent researcher
e-mail: dzevanovsky@gmail.com

АБСТРАКТ

The article depicts the life and contribution to science of Professor V.I. Belyaev, a prominent Arabist and head of the Department of Arab Philology of the faculty of Oriental studies, Leningrad state University, 1951–1976. V.I. Belyaev was the best expert on the manuscripts of the Middle East kept in the USSR.

Keywords: V.I. Belyaev, Arabic studies, Department of Arabic Philology, Institute of the Oriental studies, Arab manuscripts, Arabic poetry, Arabic dialectology, Quran, historiography and source studies.

Некрасова М.А. Из моих воспоминаний о ленинградском доме Беляевых

Nekrasova M.A. From my recollections of Leningrad house of Belyaev

Некрасова Маргарита Алексеевна (Москва) — заслуженный деятель архитек-

Nekrasova Margarita A. (Moscow) — honored worker of architecture, honored

туры, заслуженный строитель Москвы, руководитель отдела обследований перепланировок и переустройств Комитета по архитектуре и градостроительству города Москвы с 80-х гг. по 2010 г.
e-mail: margarita.nekrasova@icloud.com

Builder of Moscow, head of Department for inspection of the redevelopment and reconstruction at the Committee for architecture and urban development from the 1980s to 2010
e-mail: margarita.nekrasova@icloud.com

ABSTRACT

The article contains the memories about the family of the Arabist Professor V.I. Belyaev, his work, the impressions of the stay in the family of Balyaev.

Keywords: V.I. Belyaev, Tashkent, Leningrad State University, Institute of Oriental studies, Alexander Nevsky Lavra, family, a communal apartment, the siege of Leningrad, memoirs, Russian and Soviet scholars.

Штрихи к портрету: ученики и коллеги о профессоре Викторе Ивановиче Беляеве (выпускники кафедр арабской филологии, гебраистики, истории стран Ближнего Востока ЛГУ, 1938–1972 гг.)

К.Б. Старкова (1915–2000), выпуск 1938 г.
С.Б. Певзнер (1924–2016), выпуск 1949 г.
О.Б. Фролова (1926–2015), выпуск 1950 г.
Я.Б. Грунтфест, выпуск 1951 г.
О.Г. Большаков, выпуск 1951 г.
Л.А. Петрова, выпуск 1966 г.
Г.З. Пумпян, выпуск 1971 г.
М.С. Ниязова, выпуск 1972 г.

Старкова Клавдия Борисовна (1915–2000, Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, преподаватель Ленинградского государственного университета (1942–1950); научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР в 1954(5?)–1979 гг.
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Певзнер Сергей Борисович (1924–2016, Москва) — кандидат исторических наук, научный сотрудник (в 1960–1988 гг.) Института востоковедения, Академия наук СССР
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Фролова Ольга Борисовна (1926–2015, Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, Почетный профессор Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Touches to the portrait: disciples and colleagues of Professor Victor Ivanovich Belyaev about their teacher (graduates of the departments of Arabic Philology, Hebraistic, the history of the Middle East in 1938–1972)

K.B. Starkova (1915–2000), graduated in 1938
S.B. Pevzner (1924–2016), graduated in 1949
O.B. Frolova (1926–2015), graduated in 1950
Y.B. Gruntfest, graduated in 1951
O.G. Bolshakov, graduated in 1951
L.A. Petrova, graduated in 1966
G.Z. Poupian, graduated in 1971
M.S. Niyazova, graduated in 1972

Starkova Klavdia B. (1915–2000, Saint-Petersburg) — Doctor of Philological Sciences, lecturer at Leningrad State University (1942–1950), researcher at the Leningrad Department of the Institute of Oriental studies, USSR Academy of Sciences in 1954(5?)–1979

e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

Pevzner Sergey B. (1924–2016, Moscow) — Candidate of Historical Sciences, researcher at the Institute of Oriental studies, USSR Academy of Sciences in 1960–1988

e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

Frolova Olga B. (1926–2015, Saint-Petersburg) — Doctor of Philological Sciences, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

Грунтфест Яков Беркович (Хайфа, Израиль) — доктор филологических наук, старший лектор Хайфского университета
5, проспект (сдерот) Аба Хуши,
Хайфа, Израиль
e-mail: yaakov.gruntfest@mail.ru

Gruntfest Yakov B. (Haifa, Israel) — Doctor of Philology, senior lecturer (senior lector) at Haifa University
5, Avenue (Sderot) ABA Husi,
Haifa, Israel
e-mail: yaakov.gruntfest@mail.ru

Большаков Олег Георгиевич (Санкт-Петербург) — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института восточных рукописей, Российская академия наук
191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
e-mail: imhotep.ab@gmail.com

Bolshakov Oleg G. (Saint-Petersburg) — Doctor of Historical Sciences, chief researcher at the Institute of Oriental manuscripts, Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya naberejnaya,
St. Petersburg, Russia, 191186
e-mail: imhotep.ab@gmail.com

Петрова Лидия Ариевна (Киев, Украина) — кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, Киевский национальный лингвистический университет (Київський національний лінгвістичний університет)
Украина, 03680, Киев-150,
ул. Большая Васильковская, д. 73
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

Petrova Lidiya A. (Kiev, Ukraine) — Candidate of Philological Sciences, associate Professor, Department of languages and civilizations of the Middle East, Kiev National Linguistic University
73, Bolshaya Vasilkovskaya
Kiev-150, 03680, Ukraine
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдел литературы стран Азии и Африки Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Poumpian Galina Z. (Saint-Petersburg) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Asia and Africa publications Department, Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St. Petersburg, Russia, 199034
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

Ниязова (Энсари) Майя Сапаровна (Ашхабад—Петергоф) — сотрудница Академии наук Туркменской ССР в 1972—1994 гг. и посольства Саудовской Аравии в Ашхабаде в 1998—2009 гг.
e-mail: ensa@mail.ru

Niyazova (Ansari) Maya S. (Ashgabat, Turkmenistan—Peterhof) — researcher at the Academy of Sciences of the Turkmen SSR in 1972—1994 and an employee at the Embassy of Saudi Arabia in Ashgabat in 1998—2009
e-mail: ensa@mail.ru

ABSTRACT

The notes include a collection of memories about Professor V. I. Belyaev, written by eight Orientalists, his students of different generations, employees of educational and scientific institutions of Moscow, St. Petersburg (Leningrad), Kiev, Ashgabat, Haifa.

Keywords: V.I. Belyaev, The faculty of Oriental studies, Arabic studies, Arab manuscripts, Arabic dialectology, Arabic poetry, historiography, sources.

Тагирджанова А.Н. Мирза Александр Казем-Бек и Хусайн Фаизханов —

Tagirjanova A.N. Mirza Alexander Kazem-Bek and Husayn Faizhanov —

научная деятельность и личные контакты: из истории факультета восточных языков и мусульманской общины Петербурга (по материалам Центрального государственного исторического архива СПб.)

Тагирджанова Альмира Наимовна (Санкт-Петербург) — краевед, член Региональной общественной организации (РОО) «Институт Петербурга» и научного центра «Петрополь» Дома национальных культур

Институт Петербурга

197136, Санкт-Петербург,
Чкаловский пр., д. 25а

Юрид. адрес: 191123, Санкт-Петербург,
Захарьевская ул., д. 14, пом. 43

Дом национальной культуры:

199106, Санкт-Петербург
Большой пр., д. 83

Юрид. адрес:

191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 15А
e-mail: almira_tagir@mail.ru

scientific activity and personal contacts. (From the history of the Faculty of Oriental languages and of the Muslim community of St. Petersburg) (on the materials of the Central State Historical Archive of St. Petersburg)

Tagirjanova Almira N. (St. Petersburg) — local historian, member of the regional public organization «Institute of St. Petersburg» and Research Center «Petropol» at the House of national cultures

Institute of Petersburg:

197136, Russia, St. Petersburg,
Chkalovsky Avenue, 25A

Legal address: 191123, Russia, St. Petersburg,
Zakharyevskaya str., 14, room 43

The house of national cultures:

St. Petersburg, Russia, 199106
Bolshoy prospect 83

Legal address:

Mokhovaya str., 15A, St. Petersburg, 191028
e-mail: almira_tagir@mail.ru

ABSTRACT

The article provides biographical information and characterizes scientific activity of representatives of the East in St. Petersburg University — the first Dean of the Faculty of Oriental languages Alexander Kasimovitch Kazem-Bek and faculty lecturer, Hussain Faizhanov. Their relations are described.

Keywords: Alexander Kasimovitch Kazem-Bek, Hussain Faizhanov, Kazan University, St. Petersburg Imperial University, the Faculty of Oriental languages, Department of foreign Affairs, the Russian archaeological society.

Баженова Н.М. Игнатий Юлианович Крачковский — председатель Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР (осень 1941 г. — весна 1942 г.) (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН)

Баженова Наталья Михайловна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, заведующий Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

Bajenova N.M. Ignatyi Yu. Krachkovsky — the Chairman of the Commission on Affairs of Leningrad institutions of the Academy of Sciences of the USSR (autumn 1941 — spring 1942) (on materials of St. Petersburg branch of the Archive of RAS)

Bazhenova Natalia M. (Saint-Petersburg) — Candidate of Philological Sciences, Head of the Research Department of Academy of Sciences Editions, Russian Academy of Sciences Library

1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St. Petersburg, Russia, 199034

e-mail: n_bagenova@inbox.ru

ABSTRACT

The problem of management of Leningrad scientific institutions in autumn of 1941–spring of 1942 in the besieged Leningrad is considered. The role of the Commission on Affairs of scientific institutions and great merit of the Acad. I. J. Krachkovsky in ensuring the survival and work of the institutions in the conditions of the blockade are emphasized.

Keywords: academician Ignatij Yulianovich Krachkovsky, Great Patriotic war, Leningrad blockade, science management, USSR Academy of Sciences, Commission of management on Leningrad Academic institutions.

Пумпян Г.З. Арабистика в Библиотеке РАН (к 65-летию Отдела литературы стран Азии и Африки БАН)

Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: birsim@yandex.ru

Poumpian G.Z. Arabic studies at the Russian Academy of Sciences Library (for the 65 th anniversary of the Asia and Africa publications Department)

Poumpian Galina Z. (St. Petersburg) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Asia and Africa publications Department, Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

The formation of book collections on Arabic and Islamic studies and Eastern Christianity in the academic library in the XVIII century, the support of these processes at the legislative level, the diverse work of the Asia and Africa publications Department in the area of Arabic studies as well as some interesting editions are characterized.

Keywords: Russian Academy of Sciences library, XVIII c., Arabic studies, Arabic book collections, bibliography, Russian—Arab relations, Russian—Arab cultural center of St. Petersburg.

Русинова Э.С. Об одном из первых переводных сочинений в России об арабах и Аравии в библиотеке Азиатского музея («Краткое повествование об аравлянах», 1787 г.)

Русинова Элеонора Сергеевна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела БАН при Институте восточных рукописей РАН

191186, Санкт-Петербург
Дворцовая наб., д. 18
e-mail: e.roussinova@gmail.com

Rousinova E.S. «A Brief Narrative of Arabians» from the collection of the Library of Institute of Oriental Manuscripts

Rousinova Eleonora S. (Saint-Petersbourg) — Candidate of Philological Sciences, researcher at the Department of Russian Academy of Sciences Library at the Institute of Oriental manuscripts, Russian academy of Sciences
18, Dvortsovaya naberejnaya
St. Petersburg, Russia, 191186
e-mail: e.roussinova@gmail.com

ABSTRACT

Rare compilation work of P.S. Baturin «A Brief narrative of Arabians» (Kaluga, 1787) stored in the old printed books of the library of the Institute of Oriental manuscripts is considered. It means the revival of cultural life in the Russian province and interest to the Muslim world in those epoch.

Keywords: The Institute of Oriental manuscripts, early printed books, eighteenth century, Enlightenment, oriental studies, Islam, the Arabs, Kaluga.

Боголюбова Г.П. ас-Са'их («Путник») — Литературно-общественный журнал арабов-эмигрантов в Северной Америке (по фонду мемориальной библиотеки академика И.Ю. Крачковского в РНБ)

Bogolyubova G.P. As-Sa'ih («Traveler») — A literary and social magazine of the Arab emigrants in North America (the Memorial Library Fund of the academician I.Yu. Krachkovsky, Russian National Library)

Боголюбова Галина Павловна (Санкт-Петербург) — главный библиотекарь Отдела литературы стран Азии и Африки (по февраль 2017 г.), Российская национальная библиотека
196070, Санкт-Петербург,
Московский пр., д. 165, кор. 2
e-mail: nataly_bogoly@mail.ru

Bogolyubova Galina P. (Saint-Petersbourg) — chief librarian at the Asia and Africa publications Department (till February 2017), Russian National Library
165, building 2, Moskovskiy Prospekt,
St. Petersburg, Russia, 196070
e-mail: nataly_bogoly@mail.ru

ABSTRACT

The journal of Arab writers-emigrants in North America, «As-Sa'ih», stored in the memorial library of academician I.J. Krachkovsky in the Russian National Library is reviewed. Its contents, the authors (mostly Christian Arabs from Syria and Lebanon), illustrations, artwork, its role in the development of new Arabic literature are examined.

Key words: new Arabic literature, Arab emigrants in North America, «Writers 'League».

Вартанов Ю.П. Арамеистика в Ленинграде—Петербурге во второй половине XX — начале XXI вв. / Ю.П. Вартанов, Г.З. Пумпян

Vartanov Y.P. The Aramaic studies in Leningrad—St. Petersburg in the second half of XX — beginning of XXI century / Y.P. Vartanov, G.Z. Poupmpian

Вартанов Юрий Павлович (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, заведующий Отделом литературы стран Азии и Африки (1997—февраль 2017), Российская национальная библиотека, доцент кафедры библеистики, Санкт-Петербургский государственный университет
199178, Санкт-Петербург,
В.О., 5 линия, д. 66
e-mail: yahid@rambler.ru

Vartanov Yury P. (Saint-Petersbourg) — Candidate of Philological Sciences, head of the Asia and Africa publications Department (1997—February 2017), National Library of Russia; lecturer of the Department of biblical studies, the faculty of Philology, St. Petersburg State University
66; 5 liniya, Vasilievsky Island,
St. Petersburg, Russia, 199178
e-mail: yahid@rambler.ru

Пумпян Г.З. Арамеистика в Ленинграде—Петербурге во второй половине XX — начале XXI вв. / Ю.П. Вартанов, Г.З. Пумпян

Poupmpian G.Z. The Aramaic studies in Leningrad—St. Petersburg in the second half of XX — beginning of XXI century / Y.P. Vartanov, G.Z. Poupmpian

Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Poupmpian Galina Z. (Saint-Petersbourg) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Asia and Africa publications Department Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island
St. Petersburg, Russia, 199034
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

A brief scientific overview of the development of the Aramaic studies in Leningrad-Petersburg in the second half of XX — beginning of XXI century is made. Researches in the Western Aramaic language and its monuments and Syriac studies as well as teaching and personalities are considered. The continuity in Aramaic studies in Leningrad—St. Petersburg was not interrupted and its contribution to the world science was very significant.

Keywords: Aramaic studies, Syriac studies, faculty of Oriental studies, Leningrad (Saint-Petersburg) State University, Leningrad branch of the Institute of Oriental studies, Aramaic epigraphy, Aramaic lexicography, The Targum, the Peshitta.

Стецкевич Т.А. Коллекция Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге по исламу

Stetskevich T.A. The Collection on Islam of State Museum of religion history in Saint-Petersburg

Стецкевич Татьяна Александровна (Санкт-Петербург) — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (до 2013 г.) Отдела «История религий Востока», Государственный музей истории религии
190000, Санкт-Петербург,
Почтамтская ул., д. 14/5
e-mail: tastets@yandex.ru

Stetskevich Tatiana A. (Saint-Petersbourg) — Candidate of Historical Sciences, leading researcher (till 2013) at the Department of «History of religions of the East», The state Museum of history of religion
14/5, Pochtampskaya str.,
St. Petersburg, Russia, 190000
e-mail: tastets@yandex.ru

ABSTRACT

The history of the formation of the Islamic collection of the State Museum of history of religion in St. Petersburg and the subjects of different sections on Islam in the Museum are described in detail.

Keywords: Islam in Russia, St. Petersburg Museum of the history of religion, the Qur'an, Central Asia, Dagestan, the Tatar shamail, Sufism, Shiite cult.

Русские путешествия в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток в целом Russian travels to the Eastern Mediterranean and the Middle East in General

Герд Л.А. Путешествие архимандрита Антонина (Капустина) в Египет в 1857 г.

Gerd L.A. The travel of archimandrite Antonin (Kapustin) in Egypt in 1857

Герд Лора Александровна (Санкт-Петербург) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
Петрозаводская ул. д. 7,
e-mail: loragerd@gmail.com

Gerd Lora A. (Saint-Petersbourg) — doctor of historical Sciences, chief researcher at the Saint-Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences
7, Petrozavodskaya str.,
St. Petersburg, Russia, 197110
e-mail: loragerd@gmail.com

ABSTRACT

The journey to Egypt of the priest of the Russian church in Athens archimandrite Antonin (Kapoustin) in 1857 with the officers of the Russian military ship is analyzed. The test is based on his inedited Journal presenting description of the antiquities, the life of the local population and Russian navy.

Keywords: Archimandrite Antonin (Kapoustin), Egypt, Near East, Ottoman Empire, Russian officers, Ancient East, Egypt Antiquities.

Басханов М.К. На картах Генерального штаба — Левант: история первой русской разведывательной миссии в Азиатскую Турцию и Сирию (по материалам Российского государственного военно-исторического архива)

Baskhanov M.K. On the maps of the General Staff — the Levant: A history of the first Russian intelligence mission of Asiatic Turkey and Syria (on materials of the Russian State Military Historical Archive)

Басханов Михаил Казбекович (Глазго, Великобритания) — доктор исторических наук, профессор, действительный член

Baskhanov Michael K. (Glasgow, UK) — doctor of historical Sciences, Professor, full member of the Royal Society for Asian

Королевского общества по изучению Востока
Великобритания,
Глазго
e-mail: baskhanov@btinternet.com

Affairs (The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)
Glasgow, The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland
e-mail: baskhanov@btinternet.com

ABSTRACT

The paper, based on archive documents, reveals the events associated with the first Russian reconnaissance of Asiatic Turkey, Syria and Palestine, undertaken by Lieutenant-Colonel of the General Staff Petr P. L'vov in 1834–1835.

Keywords: Turkey, Syria, Palestine, General Staff, intelligence, Petr P. L'vov (1802 — после 1840 г.), M.P. Vronchenko (1802–1855), I.F. Deinezi (1840–1841).

Малеви́нская М.Е. Средиземноморские плавания российских военных кораблей во второй половине XIX — начале XX веков (по фондам Российского государственного архива Военно-морского флота)

Malevinskaya M.E. Mediterranean swimming of Russian warships in the second half of XIX — early XX centuries (collections of the Russian State Archive of the Navy)

Малеви́нская Марина Евге́ньевна (Санкт-Петербург) — кандидат исторических наук, зам. директора, Федеральное казенное учреждение Российский государственный архив Военно-морского флота

Malevinskaya Marina E. (Saint-Petersburg) — Candidate of historical Sciences, Deputy Director of the Russian State Archive of the Navy

191186, Санкт-Петербург,
Миллионная ул., д. 36
e-mail: male-marina@yandex.ru

36, Millionnaya str.,
St. Petersburg, Russia, 191186
e-mail: male-marina@yandex.ru

ABSTRACT

The article focuses on the sail of Russian naval ships in the Mediterranean and its description in such sources as reports, official correspondence and personal diaries presenting different information about the countries of this area from the end of the XIX up to the beginning of the XX cc.

Keywords: The Mediterranean sea, the Russian navy, Russian state archive of the Navy, reports, the Mediterranean sea-ports, international relations, trade, economy.

Норик Б.В. В.А. Косаговский: штрихи биографии (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива)

Norik B.V. V.A. Kosagowski: the strokes to biography (materials of Archive of orientologists of the Institute of oriental manuscripts of RAS and Russian State Archive of military history)

Норик Борис Вячеславович (Москва) — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Институт востоковедения, Российская академия наук
107031, Москва,
ул. Рождественка, д. 12
e-mail: boris.norik@mail.ru

Norik Boris V. (Moscow) — Candidate of Historical Sciences, researcher at the Institute of Oriental studies, Russian academy of Sciences
12, Rozhdestvenka st.,
Moscow, Russia, 107031
e-mail: boris.norik@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the biography of General V. A. Kosagovsky, one of the most prominent commanders of the Persian Cossack brigade, established in Iran by Russian military at the request of the Persian Shah of the Qajar dynasty, Naser ed-Dinshah and acting in 1879–1921 under their command.

Keywords: V.A. Kosagowsky (1857–1918), Persian Cossack Brigade, Iran, Russian-Iranian relationships, military history of Persia.

**Русское и инославное присутствие в Святой Земле.
Палестиноведение и церковные связи
Russian and non-Orthodox presence in the Holy Land.
The Study of Palestine and Church relations**

Грушевой А.Г. Египет в 1910 году глазами А.А. Дмитриевского (по фондам петербургских архивов)

Groushevoy A.G. Egypt in 1910 as seen by A.A. Dmitrievsky (the funds of the St. Petersburg archives)

Грушевой Александр Гаврилович (Санкт-Петербург) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей, Российская академия наук
191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18
e-mail: agrush@yandex.ru

Groushevoy Alexander G. (Saint-Petersburg) — Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Oriental studies, Russian academy of Sciences
18, Dvortsovaya naberejnaya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 191186
agrush@yandex.ru

ABSTRACT

The article includes annotated publication of letters from the Secretary of the Orthodox Palestine society, A.A. Dmitrievsky, to Vice-President of the society A.A. Shirinskiy-Shikhmatov about the inspection trip to Egypt, Palestine and Syria with the description of the metochion of the Sinai monastery and conditions in which the Russian pilgrims lived.

Keywords: A.A. Dmitrievsky (1856–1929), A.A. Shirinsky-Shikhmatov (1862–1930), Imperial Orthodox Palestine Society, Egypt, Palestine, Russian pilgrims.

Смирнова И.Ю. К истории американского религиозного присутствия на Христианском Востоке (по фондам Российского Государственного исторического архива)

Smirnova I.Yu. From the History of the American Religious Presence in the Christian East (the funds of the Russian State historical archive)

Смирнова Ирина Юрьевна (Москва) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук
117036, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Smirnova Irina Yu. (Moscow) — Candidate of Historical Sciences, senior researcher of The Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, member of the Imperial Orthodox Palestine Society
19, Dmitriya Ulyanova str.,
Moscow, Russia, 117036
e-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ABSTRACT

The documents from the Russian State historical archive describe the methods of American missionaries in Greece and the Middle East in the 1830s–1840s and their attempts to establish contacts with the diplomatic missions of Russia and Anglican–Orthodox relations. As the response of the Russian foreign Ministry on proselytizing activities of Western powers was the establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem.

Keywords: Middle East, Holy Land, Russian Orthodox Church, the American Episcopal Church, The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, proselytism.

Арабские путешествия и арабские источники о России
Arab travels and Arabic sources about Russia

Пумпян Г.З. Московская Русь XVII в. глазами арабов по материалам «Путешествия патриарха Макария Антиохийского» (Рукопись 1700 г. Институт восточных рукописей РАН, СПб.)

Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Poumpian G.Z. Moscow Russia in the XVII c. through the eyes of the Arabs according to «Travels of the Patriarch Macarius of Antioch» (St. Petersburg manuscript, 1700)

Poumpian Galina Z. (Saint-Petersburg) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Asia and Africa publications Department, Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

The description of Russia of the XVII c. in the «Travel of the Patriarch Macarius of Antioch» is considered including characteristics of personalities (Tsar Alexei Mikhailovich, Patriarch Nikon and their relationship), some aspects of social, Church and private life. Ms., list of 1700, Institute of the Oriental manuscripts.

Keywords: XVII c., Moscow Russia, sources about Russia, the Patriarch Macarius of Antioch, archdeacon Paul of Aleppo, Tsar Alexei Mikhailovich, Patriarch Nikon, historical geography, the Russian Orthodox Church.

Петрова Ю.И. «Путешествия Макария»: Киевский список рукописи Павла Алеппского

Петрова Юлия Ивановна (Киев, Украина) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела классического Востока, Институт востоковедения им. А.Е. Крымского, Национальная академия наук Украины 01001, Украина, Киев-1, ул. Грушевского, д. 4
e-mail: j.arabic2011@gmail.com

Petrova Y.I. «The Travels of Macarius»: the Kiev Manuscript of Paul of Aleppo's Journal

Petrova Yuliya I. (Kiev, Ukraine) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Department of the classical East, Institute of Oriental studies named after A. Krymsky of the National Academy of Sciences of Ukraine
4, Groushevskiy str., Kiev-1, Ukraine, 01001
e-mail: j.arabic2011@gmail.com

ABSTRACT

The article is dedicated to the abridged manuscript version of the famous historical source «The Travels of Macarius», preserved in Kiev. It highlights the history of the Kiev manuscript, its structural peculiarities and the perspectives for the further research.

Keywords: historical sources, Patriarch Macarius III Ibn al-Za'im, Paul of Aleppo, Agathangel Krymsky, Georgy Mourkos, Tawfiq Kezma, Omeljan Pritsak, textual criticism.

Еремина М.В. Россия 40–50 гг. XIX в. в сочинении египетского шейха ат-Тантави «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» (Описание России, 1850, рукопись РНБ)

Eremina M.V. Russia in 40–50-s of XIX c. in the writings of Egyptian Sheikh at-Tantawi «A gift for clever with news about the Russian country» (Description of Russia, 1850. RNL, St. Petersburg)

Еремина Мария Владимировна (Алжир) — кандидат исторических наук, независимый исследователь
Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР), г. Алжир
Посольство РФ в АНДР
e-mail: mady1@yandex.ru

Eremina Maria V. (Algiers, Algeria) — Candidate of Historical Sciences, independent researcher
Ambassade de Russie en Algérie
7, Chemin du Prince d'Annam, El-Biar, Algér, Algérie
e-mail: mady1@yandex.ru

ABSTRACT

The author examines the content side of al-Tantawi's work «Description of Russia» as a historical monument. The specific features of perception of Russia's 1840–1850 by a representative of the Arab-Muslim culture are brought to light.

Keywords: Sheikh at-Tantawi, genre «Rihla», imagology, Russia of the XIX century, the image of Russia from the Arabs, the Orthodox culture, ritual paraphernalia, ethnographic review, the Russian world.

Исследования Восточного Средиземноморья и сопредельных стран (средние века, современность)

Studies of the Eastern Mediterranean and neighboring countries (from the Middle Ages to the Present)

Петрова Л.А. Андалусский заджал и генезис провансальской поэзии трубадуров

Petrova L.A. Andalusian «zajal» and the Genesis of the Proveçal poetry of the troubadours

Петрова Лидия Ариевна (Киев, Украина) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент каф. языков и цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, Киевский национальный лингвистический университет (Київський національний лінгвістичний університет)

Petrova Lidiya A. (Kiev, Ukraine) — Candidate of Philological Sciences, associate Professor, Department of languages and civilizations of the Middle East, Kiev National Linguistic University

Украина, 03680, Киев-150,
ул. Большая Васильковская, д. 73
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

73, Bolshaya Vasilkovskaya str.,
Kiev-150, 03680, Ukraine
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

ABSTRACT

«Arabic» hypothesis of the origin of Provençal and wider — European poetry — is justified. When comparing zajal of Cordovan poet of the XIth–XIIth centuries Ibn Kuzman with the canzone of the troubadours of Provence a coincidence is revealed (the presence of strophic forms, the use of colloquial language, the nature of love poetry).

Keywords: Arab Spain, Andalucia, Provence, Ibn Kuzman, Troubadour, strophic poetry, Tawshikh, zajal, muwashshah, canzona.

Йосефи М. Сохранение поэтических форм в отрыве от традиционной культуры — опыт бедуинов Негева

Yosefi M. Preserving poetic forms outside the traditional culture — the Negev Bedouin experience

Йосефи Максим (Геттинген, ФРГ) — PhD, постдокторант в университете Георга-Августа в Геттингене (Германия), семинар по арабистике/исламоведению

Yosefi Maxim (Goettingen) — PhD, Post-Doc Research Fellow, University of Goettingen (Germany) (Georg-August Universität Göttingen, Seminar für Arabistik/Islamwissenschaft)

ФРГ, Геттинген,
Хейнрих Дюкер Вег, 14
e-mail: ms.yosefi@gmail.com

Heinrich-Düker-Weg 14
Bundesrepublik Deutschland Göttingen
e-mail: ms.yosefi@gmail.com

ABSTRACT

The paper aims to contribute to the study of verbal rituals by analyzing the preservation and functioning of a poetic game played by Bedouin men on wedding eves. In the course of the game, an ordered succession of symbolically significant verbal acts is performed collectively by a number of tribesmen who stick to commonly accepted rules of a poetic ritual.

Keywords: tribal poetry, Bedouins, the Negev desert, Israel.

Абу-Аджадж Джамиль. Развитие образования для девочек в бедуинском обществе Негева

Абу Аджадж, Джамиль (Беэр-Шева, Израиль) — кандидат исторических наук, старший преподаватель педагогического колледжа «Кей» в Беэр-Шева

6 Azriel Nitzani St. P.O.B. 4301 Beer-Sheva
84536 Israel
jamil_abu@walla.com

Abu Ajaj, Jamil. The development of education for girls in Bedouin society of the Negev

Abu Ajaj, Jamil (Beersheba, Israel) — PhD in history, senior teacher of pedagogical College Kaye Academic College of Education

6 Azriel Nitzani St. P.O.B. 4301 Beer-Sheva
84536 Israel
jamil_abu@walla.com

ABSTRACT

The organization of education for Negev Bedouin in transition from traditional society to post-industrial is examined. It is noted that the attitude towards children with special needs started to change as the transition of the Bedouin society to a settled way of life, when the Bedouin population has become an integral part of Israeli society and was introduced to modern systems of health and education. The changes at the legislative level, the emergence of educational institutions in all the Bedouin towns, in the territory of each tribe, the changing conditions of everyday life are given.

Keywords: the Bedouins, the Negev, schools, children with special needs, legislation, the Bedouin settlements, education for girls, health.

Восток, Россия, Запад: взаимовлияния и контакты в гуманитарных областях (литературные связи, художники, музеи и коллекции) East, Russia, West: interaction and contacts in the Humanities (literary connections, museums and collections, artists)

Хохлов А.Н. Палестина 80-х гг. XIX — начала XX вв. глазами русских художников В.В. Верещагина и И.Е. Репина (по архивным и опубликованным материалам рубежа XIX–XX вв.)

Хохлов Александр Николаевич (1929–2015, Москва) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения, Академия наук СССР (в 1961–2015 гг.)

Khokhlov A.N. Palestine in the 80-s of XIX — early XX centuries through the eyes of Russian artists V.V. Vereshchagin and I.E. Repin (based on archival and published materials at the turn of XIX–XX centuries)

Khokhlov Alexander N. (1929–2015, Moscow) — Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences in 1961–2015

ABSTRACT

In the last quarter of the XIX c. Palestine was visited by Russian pilgrims from different sectors of society, including intellectuals. Painters Vasily Vereshchagin and Ilya Repin also have been there.

Impressions of the Holy Land are reflected in their artistic creation, in the writings and publications of XIX–XX centuries.

Keywords: V.V. Vereshchagin, I.E. Repin, Palestine, the Wailing Wall, the Russian Place, Russian pilgrims, Arabs, Jews, Turks.

Егорова О.Н. Библейские места в иллюстрированных изданиях XVIII — первой половины XIX веков в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (фонд живописи и графики городов мира)

Егорова Ольга Николаевна (Санкт-Петербург) — младший научный сотрудник, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей истории Санкт-Петербурга (фонд живописи и графики городов мира)

197046, Санкт-Петербург,
Петропавловская крепость, д. 3
e-mail: ol_egor@mail.ru

Egorova O.N. Biblical sites in illustrated editions of the XVIII — first half of the XIX centuries at the State Museum of history of St. Petersburg (fond of painting and graphics of cities of the world)

Egorova Olga N. (Saint-Petersburg) — junior researcher, State Museum of history of St. Petersburg (fond of painting and graphics of cities of the world)

3, the Peter and Paul fortress,
St. Petersburg, Russia, 197046
e-mail: ol_egor@mail.ru

ABSTRACT

The history of the fond of painting and graphics of cities of the world at the State Museum of history of St. Petersburg and the formation of its collections are set out briefly. The most characteristic art illustrated editions of the fond about the types of sites and monuments mentioned in the Old and New Testaments of Scripture are presented selectively in the form of an annotated catalogue.

Keywords: State Museum of history of St. Petersburg, urban studies, Biblical places, album, collections, topographical views, drawings, prints.

Лебединская Т.Н. Восточное Средиземноморье и Святые места в журнале «Всемирная иллюстрация»: сведения о журнале и библиографический список иллюстраций (1869–1898)

Лебединская Татьяна Николаевна (Санкт-Петербург–Киев, Украина) — кандидат философских наук, член Союза писателей Украины
e-mail: molodojanin@yandex.ru

Lebedinskaya T.N. Eastern Mediterranean and Holy places in the magazine «World illustration»: information about the journal and the bibliography (1869–1898)

Lebedinskaya Tatyana N. (Saint-Petersburg–Kiev, Ukraine) — Ph. D., member of the Union of writers of Ukraine

e-mail: molodojanin@yandex.ru

ABSTRACT

A brief overview of the weekly magazine «World Illustration» and a bibliographic list of illustrations for the Eastern Mediterranean and Holy places in the magazine are presented. During 20 years (1869–1889) more than 50 illustrations (engravings) on this region were printed in it accompanied as a rule by explanatory texts. Many of them focus on pilgrimage to the Holy Land.

Keywords: «The World illustration», Eastern Mediterranean, Holy places, the pilgrims, the interpenetration of cultures, interaction, mutual understanding.

Из переводов арабской поэзии на русский язык

Translations of Arabic poetry into Russian

ИЗ ИСПАНО-АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

FROM SPANISH-ARABIC POETRY

Долнина А.А. (пер.). Ибн Кузман (1080–1160). Заджаль № 10

Dolinina A.A. (transl.). Zajal № 10 by Ibn Kuzman (1080–1160)

Долнина Анна Аркадьевна (12.03.1923–16.04.2017, Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, профессор Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Dolinina Anna A. (12.03.1923–16.04.2017, St. Petersburg) — doctor of Philology, Professor of the faculty of Oriental Studies, Saint-Petersburg state University

e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

Translation into Russian of zajal № 10 of Spanish-Arabic poet Ibn Kuzman (1080–1160) by Anna A. Dolinina. The parallel text in Arabic and Russian.

Keywords: Arabs in Spain, Arabic poetry, Ibn Kuzman (1080–1160), translations from Arabic, Anna Dolinina.

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

FROM CONTEMPORARY ARABIC POETRY

Петрова Л.А. (пер). Низар ал-Каббани (Сирия)

Petrova L.A. (transl.). Nizar al-Qabbani (Syria)

Петрова Лидия Ариевна (Киев, Украина) — кандидат филологических наук, доцент кафедры языков и цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, Киевский национальный лингвистический университет (Київський національний лінгвістичний університет)

Petrova Lidiya A. (Kiev, Ukraine) — Candidate of Philological Sciences, associate Professor, Department of languages and civilizations of the Middle East, Kiev National Linguistic University

Украина, 03680, Киев-150,
ул. Большая Васильковская, д. 73
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

73, Bolshaya Vasilkovskaya str.,
Kiev-150, 03680, Ukraine
e-mail: olga.poryadynska@gmail.com

ABSTRACT

Translations into Russian by Lidia A. Petrova of some poems of Nizar Tawfiq Qabbani (1923–1998) — Syrian poet and diplomat, one of the founders of the free verse in Arabic poetry and the most famous of contemporary Arab poets. The parallel text in Arabic and Russian.

Keywords: contemporary Syrian poetry, Nizar Tawfiq Qabbani (1923–1998), translations from Arabic, Lidia A. Petrova.

Из переводов русской классики на арабский язык

Translation of Russian classics into Arabic

Хамуд Н.М. (пер. и коммент). Из поэзии М.Ю. Лермонтова (1814–1841). Ветка Палестины. Поэма Демон (отрывок)

Hamoud N.M. (translation and commentary). From the poetry of M.Yu. Lermontov (1814–1841). The Branch Of Palestine. Poem the Demon (excerpt)

Хамуд Назим Межид (Санкт-Петербург) — кандидат исторических наук,

Hamoud Nazim Majid (Saint-Petersburg) — PhD in history, researcher at

научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук (в 1998–2016)
e-mail: hazimmaj@yahoo.com

the Asia and Africa publications Department, Russian Academy of Sciences Library (in 1998–2016)
e-mail: hazimmaj@yahoo.com

ABSTRACT

Translations into Arabic by Nazim M. Hamoud the works of M.Y. Lermontov relating to Christian themes — «Branch of Palestine», an excerpt from the poem «the Demon» — with considerations of the translator about the peculiarities of translation into Arabic of some Christian terms found in the poetic texts of M. Lermontov.

Keywords: M. Lermontov (1814–1841), translations into Arabic, «Branch of Palestine», «the Demon», Christian terms, Hamoud Nazim Majid.

PRO MEMORIA

Долнина А.А. Потери науки

Долнина Анна Аркадьевна (12.03.1923–16.04.2017, Санкт-Петербург) — доктор филологических наук, профессор Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

PRO MEMORIA

Dolinina A.A. The losses of science

Dolinina Anna A. (12.03.1923–16.04.2017, St. Petersburg) — doctor of Philology, Professor of the faculty of Oriental Studies Saint-Petersburg state University

e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

Obituary of the specialists in Arabic studies Assoc. Prof. K.O. Yunusov and Prof. O.B. Frolova and specialist in semitology Assoc. Prof. G.M. Glouskina, Saint-Petersburg State University, Faculty of Oriental studies.

Keywords: K.O. Yunusov (1931–2009), G.M. Glouskina (1922–2014), O.B. Frolova (1926–2015), Faculty of Oriental studies, orientologists, Arabic studies, semitology.

Пумпян Г.З. Памяти коллег и друзей

Пумпян Галина Захаровна (Санкт-Петербург) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: birsim@yandex.ru (сост.)

Poumpian G.Z. In memory of colleagues and friends

Poumpian Galina Z. (Saint-Petersburg) — Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Asia and Africa publications Department Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199034
e-mail: birsim@yandex.ru (compiler)

ABSTRACT

Obituary of specialist in turcology I.V. Gaida (Samsonova) and specialist in Iranian and Central Asia history Sh.A. Koibagarova, of the Asia and Africa publications Department, Russia Academy of Sciences Library.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, I.V. Gaida (Samsonova) (1977–2015), Sh.A. Koibagarova (1906–1994), Turkology, Iranian studies, Turkish detective, political repression of the thirties.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ИЗ ИСТОРИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

<i>Долинина А.А., Дзевановский В.М.</i> Виктор Иванович Беляев (1902–1976). Жизнь и творчество (по фондам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН)	15
<i>Некрасова М.А.</i> Из моих воспоминаний о ленинградском доме Беляевых	37
Штрихи к портрету: ученики и коллеги о профессоре Викторе Ивановиче Беляеве (выпускники кафедр арабской филологии, гебраистики, истории стран Ближнего Востока ЛГУ, 1938–1972 гг.)	41
К.Б. Старкова (1915–2000), выпуск 1938 г.	41
С.Б. Певзнер (1924–2016), выпуск 1949 г.	43
О.Б. Фролова (1926–2015), выпуск 1950 г.	44
Я.Б. Грунтфест, выпуск 1951 г.	46
О.Г. Большаков, выпуск 1951 г.	49
Л.А. Петрова, выпуск 1966 г.	52
Г.З. Пумпян, выпуск 1971 г.	54
М.С. Ниязова, выпуск 1972 г.	57
<i>Тагирджанова А.Н.</i> Мирза Александр Казем-Бек и Хусаин Фаизханов — научная деятельность и личные контакты: из истории факультета восточных языков и мусульманской общины Санкт-Петербурга (по материалам Центрального государственного исторического архива СПб.)	61
<i>Баженова Н.М.</i> Игнатий Юлианович Крачковский — председатель Комиссии по делам ленинградских учреждений АН СССР (осень 1941 г. — весна 1942 г.) (по материалам С.-Петерб. филиала Архива РАН)	71
<i>Пумпян Г.З.</i> Арабистика в библиотеке РАН (к 65-летию Отдела литературы стран Азии и Африки БАН)	78
<i>Русинова Э.С.</i> Об одном из первых переводных сочинений в России об арабах и Аравии в библиотеке Азиатского музея («Краткое повествование об аравлянах», 1787 г.)	104
<i>Боголюбова Г.П.</i> «ас-Са'их» (Путник) — литературно-общественный журнал арабов-эмигрантов в Северной Америке (по фонду мемориальной библиотеки академика И.Ю. Крачковского в РНБ)	109
<i>Вартанов Ю.П., Пумпян Г.З.</i> Арамеистика в Ленинграде–Петербурге во второй половине XX — начале XXI вв.	117

<i>Стецкевич Т.А.</i> Коллекция Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге по исламу	126
---	-----

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

В ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В ЦЕЛОМ

<i>Герд Л.А.</i> Путешествие архимандрита Антонина (Капустина) в Египет в 1857 г.	135
<i>Басханов М.К.</i> На картах Генерального штаба — Левант: история первой русской разведывательной миссии в Азиатскую Турцию и Сирию (по материалам Российского государственного военно-исторического архива)	148
<i>Малевинская М.Е.</i> Средиземноморские плавания российских военных кораблей во второй половине XIX — начале XX веков (по фондам Российского государственного архива Военно-морского флота)	171
<i>Норик Б.В.</i> В.А. Косаговский: штрихи биографии (по материалам Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН и Российского государственного военно-исторического архива)	184

РУССКОЕ И ИНОСЛАВНОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ. ПАЛЕСТИНОВЕДЕНИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ

<i>Грушевой А.Г.</i> Египет в 1910 году глазами А.А. Дмитриевского (по фондам петербургских архивов)	203
<i>Смирнова И.Ю.</i> К истории американского религиозного присутствия на Христианском Востоке	236

АРАБСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РОССИИ

<i>Пумпян Г.З.</i> Московская Русь XVII в. глазами арабов по материалам «Путешествия патриарха Макария Антиохийского» (Рукопись 1700 г., Институт восточных рукописей РАН, СПб.)	247
<i>Петрова Ю.И.</i> «Путешествие патриарха Макария»: Киевский список рукописи Павла Алеппского	266
<i>Еремина М.В.</i> Россия 40-х–50-х гг. XIX в. в сочинении египетского шейха ат-Тантави «Подарок смышленным с сообщениями про страну российскую» (Описание России, 1850, рукопись РНБ)	284

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН (средние века, современность)

<i>Петрова Л.А.</i> Андалусский «заджалъ» и генезис провансальской поэзии трубадуров	309
<i>Йосефи М.И.</i> Сохранение поэтических форм в отрыве от традиционной культуры — опыт бедуинов Негева	329
<i>Джамиль Абу Аджадж.</i> Развитие образования для девочек в бедуинском обществе Негева	336

ВОСТОК, РОССИЯ, ЗАПАД: ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И
КОНТАКТЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ОБЛАСТЯХ
(литературные связи, художники, музеи и коллекции)

<i>Хохлов А.Н.</i> Палестина 80-х гг. XIX — начала XX вв. глазами русских художников В.В. Верещагина и И.Е. Репина (по архивным и опубликованным материалам рубежа XIX–XX вв.)	343
<i>Егорова О.Н.</i> Библейские места в иллюстрированных изданиях XVIII — первой половины XIX веков в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (фонд живописи и графики городов мира)	351
<i>Лебединская Т.Н.</i> Восточное Средиземноморье и Святые места в журнале «Всемирная иллюстрация»: сведения о журнале и библиографический список иллюстраций (1869–1898)	357

ИЗ ПЕРЕВОДОВ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ИЗ ИСПАНО-АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Ибн Кузман (1080–1160). Заджаль № 10. Пер. <i>А.А. Долинина</i>	366
---	-----

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Низар Каббани. Стихи. Пер. <i>Л.А. Петрова</i>	368
--	-----

ИЗ ПЕРЕВОДОВ РУССКОЙ КЛАССИКИ НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК

ИЗ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (1814–1841)

Ветка Палестины. Демон (отрывок). <i>Назим М. Хамуд</i> (пер. и коммент.)	371
---	-----

PRO MEMORIA

<i>Долинина А.А.</i> Потери науки	375
<i>Пумпян Г.З.</i> Памяти коллег и друзей	378
Список сокращений	382
Список иллюстраций	385
Приложение	391
Содержание (на русском языке)	406
Содержание (на английском языке)	409

CONTENTS

Preface	5
---------------	---

FROM THE HISTORY OF THE MIDDLE EAST BRANCH OF SAINT-PETERSBURG ORIENTAL STUDIES

<i>Dolinina A.A., Dziewanowski V.M.</i> Viktor Ivanovich Belyaev (1902–1976). Life and work (on the funds of the Archive of orientologists, IOM RAS)	15
<i>Nekrasova M.A.</i> From my recollections of Leningrad house of Belyaev	37
Touches to the portrait: disciples and colleagues of Professor Victor Ivanovich Belyaev about their teacher (graduates of the departments of Arabic Philology, Hebraistic, the history of the Middle East in 1938–1972)	41
K.B. Starkova (1915–2000), graduated in 1938	41
S.B. Pevzner (1924–2016), graduated in 1949	43
O.B. Frolova (1926–2015), graduated in 1950	44
Y.B. Gruntfest, graduated in 1951	46
O.G. Bolshakov, graduated in 1951	49
L.A. Petrova, graduated in 1966	52
G.Z. Poupian, graduated in 1971	54
M.S. Niyazova, graduated in 1972	57
<i>Tagirjanova A.N.</i> Mirza Alexander Kazem-Bek and Husayn Faizhanov — scientific activity and personal contacts. (From the history of the Faculty of Oriental languages and of the Muslim community of St. Petersburg) (on the materials of the Central State Historical Archive of St. Petersburg)	61
<i>Bajenova N.M.</i> Ignatij Yu. Krachkovsky — the Chairman of the Commission on Affairs of Leningrad institutions of the Academy of Sciences of the USSR (autumn 1941 — spring 1942) (on materials of St. Petersburg branch of the Archive of RAS)	71
<i>Poupian G.Z.</i> Arabic studies at the Russian Academy of Sciences Library (for the 65 th anniversary of the Asia and Africa publications Department)	78
<i>Rousinova E.S.</i> «A Brief Narrative of Arabians» from the collection of the Library of Institute of Oriental Manuscripts	104
<i>Bogolyubova G.P.</i> As-Sa'ih («Traveler») — a literary and social magazine of the Arab emigrants in North America (the Memorial Library Fund of the academician I.Yu. Krachkovsky, Russian National Library)	109
<i>Vartanov Y.P., Poupian G.Z.</i> The Aramaic studies in Leningrad–St. Petersburg in the second half of XX — beginning of XXI century	117
<i>Stetskevich T.A.</i> The Collection on Islam of State Museum of religion history in Saint-Petersburg	126

RUSSIAN TRAVELS TO
THE EASTERN MEDITERRANEAN AND THE MIDDLE EAST IN GENERAL

<i>Gerd L.A.</i> The travel of archimandrite Antonin (Kapustin) in Egypt in 1857	135
<i>Baskhanov M.K.</i> On the maps of the General Staff — the Levant: A history of the first Russian intelligence mission of Asiatic Turkey and Syria (on materials of the Russian State Military Historical Archive)	148
<i>Malevinskaya M.E.</i> Mediterranean swimming of Russian warships in the second half of XIX — early XX centuries (collections of the Russian state archive of the Navy)	171
<i>Norik B.V.</i> V.A. Kosagowski: the strokes to biography (materials of Archive of orientologists of the Institute of oriental manuscripts of RAS and Russian state archive of military history)	184

RUSSIAN AND NON-ORTHODOX PRESENCE IN THE HOLY LAND.
THE STUDY OF PALESTINE AND CHURCH RELATIONS

<i>Groushevoy A.G.</i> Egypt in 1910 as seen by A.A. Dmitrievsky (the funds of the St. Petersburg archives)	203
<i>Smirnova I.Yu.</i> From the History of the American Religious Presence in the Christian East (the funds of the Russian State historical archive)	236

ARAB TRAVELS AND ARABIC SOURCES ABOUT RUSSIA

<i>Poumpian G.Z.</i> Moscow Russia in the XVII c. through the eyes of the Arabs according to «Travels of the Patriarch Macarius of Antioch» (St. Petersburg manuscript, 1700)	247
<i>Petrova Y.I.</i> «The Travels of Macarius»: the Kiev Manuscript of Paul of Aleppo's Journal	266
<i>Eremina M.V.</i> Russia in 40–50-s of XIX c. in the writings of Egyptian Sheikh at-Tantawi «A gift for clever with news about the Russian country» (Description of Russia, 1850. RNL, St. Petersburg)	284

STUDIES OF THE EASTERN MEDITERRANEAN
AND NEIGHBORING COUNTRIES
(from the Middle Ages to the Present)

<i>Petrova L.A.</i> Andalusian «zajal» and the Genesis of the Provençal poetry of the troubadours	309
<i>Yosefi M.</i> Preserving poetic forms outside the traditional culture — the Negev Bedouin experience	329
<i>Abu Ajaj, Jamil.</i> The development of education for girls in Bedouin society of the Negev	336

EAST, RUSSIA, WEST: INTERACTION AND CONTACTS IN THE HUMANITIES
(literary connections, museums and collections, artists)

<i>Khokhlov A.N.</i> Palestine in the 80-s of XIX — early XX centuries through the eyes of Russian artists V.V. Vereshchagin and I.E. Repin (based on archival and published materials at the turn of XIX–XX centuries)	343
---	-----

<i>Egorova O.N.</i> Biblical sites in illustrated editions of the XVIII—first half of the XIX centuries at the State Museum of history of St. Petersburg (fond of painting and graphics of cities of the world)	351
<i>Lebedinskaya T.N.</i> Eastern Mediterranean and Holy places in the magazine «World illustration»: information about the journal and the bibliography (1869—1898)	357

TRANSLATIONS OF ARABIC POETRY INTO RUSSIAN

FROM SPANISH-ARABIC POETRY

<i>Dolinina A.A.</i> (transl.). Zajal № 10 by Ibn Kuzman (1080—1160)	366
--	-----

FROM CONTEMPORARY ARABIC POETRY

<i>Petrova L.A.</i> (transl.). Nizar al-Qabbani (Syria)	368
---	-----

TRANSLATION OF RUSSIAN CLASSICS INTO ARABIC

FROM THE POETRY OF M.YU. LERMONTOV (1814—1841)

<i>Hamoud N.M.</i> (translation and commentary). From the poetry of M. Yu. Lermontov (1814—1841). The Branch Of Palestine. Poem the Demon (excerpt)	371
---	-----

PRO MEMORIA

<i>Dolinina A.A.</i> The losses of science	375
<i>Poumpian G.Z.</i> In memory of colleagues and friends	378

Abbreviations	382
List of illustrations	385
Application to the collection	391
Contents (in Russian)	406
Contents (in English)	409

Россия и Палестина:
научные и культурные связи

(по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов)

Художественное оформление и верстка *А.В. Ухваловой*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Печ. л. 25,75. Заказ № 65.
Издательский отдел Библиотеки Российской Академии наук
199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1.